

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

***ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ:
ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ***

Международная научно-практическая конференция
Екатеринбург. 27 ноября 2014 г.

В двух частях
Часть 2

Екатеринбург
2014

УДК: 66.3(2)
ББК: 67.401. Оя 431
Г 72

*Рекомендовано к изданию
оргокомитетом Международной конференции*

*Редакционная коллегия:
Шеметова Н.К.,
Эксперт научного отдела, к.э.н.
Маковкина С.А.,
Эксперт научного отдела
Суханова А.Ш.
Специалист научного отдела*

Содержание сборника отражает только мнение авторов статей и может не всегда совпадать с мнением финансирующих организаций.
Все материалы представлены в авторской редакции.

Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития.
Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. 27 ноября 2014 г. – Сб. статей. Екатеринбург: Уральский институт управления-филиал РАНХиГС, 2014. 348 с.

ISBN: 978-5-8056-0306-9

© Авторы статей, 2014
© Уральский институт управления – филиал
РАНХиГС, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Ibarra P.C., Nikitina A. Generation of renewable energy in Latin America	12
Alena Nikitina, Igarki Querejazu International views of modern Russia from both sides	14
Duncan, P.J.S. Scotland and the Question of Self-Determination in Europe	15
Nagy Róbert How to bring the 22nd Century into the education of present time?	18
Аверьянова Д.В. Социальные преимущества и диспропорции развития Челябинской области (на примере здравоохранения)	20
Агеев О.В. "Национализация" российской государственной бюрократии в контексте попыток преодоления кризиса системы ценностей российского социума	23
Алихаджиева А.С. Правовые вопросы формирования государственной экологической политики	25
Антошин А.А., Грязин К.Ю. Система подготовки водителей, как направление государственной транспортной политики и одно из условий социальной трансформации общества	27
Антошин В.А. Моральный выбор в условиях профессиональной деятельности государственного служащего	29
Астафьев Н.Ю., Васильева Е.И., Аудит кадрового потенциала органа местного самоуправления	31
Безпарточный М.Г. Формирование механизмов устойчивого функционирования торговых предприятий в условиях социокультурных трансформаций	34
Белоногов Ю.Г. Общественно-консультативный совет при территориальном органе Федеральной антимонопольной службы РФ: к вопросу о методике определения функциональной значимости	36
Бельтюков Д.Е. Концептуальный ответ Западу. Аспекты глобального управления и альтернативный проект глобализации	39
Беляева М.А. «Традиционная естественная семья» – новый тренд возрождения России	40
Березин А.В. АПК Украины: перспективы развития и формы государственной поддержки	43
Березина Л.М. Принципы эффективности организационно-экономических отношений предприятий АПК Украины	45
Борисенко А. В. Проблема управления государственными финансами в условиях становления гражданского общества	47

Борисова О.В. Анализ государственной политики по оценке результатов деятельности МВД России	49
Бочаров А.В. Конфликтный дискурс «Back in the USSR»: социально-философский анализ	52
Ваторопин А.С., Ваторопин С.А. Изменение позиции КПРФ в политическом поле современной России в свете украинского кризиса	54
Вершинина И.А. Трансформация идентичности мигрантов в мегаполисе: анализ социальных проблем на примере Москвы	56
Волкова Л.В. Легитимность использования силовых методов в представлениях российской молодежи	58
Воронкова В.Г., Билогур В.Е. «Общество риска» как следствие социальной трансформации украинского общества	61
Головацкий Е. В. Сопровождение политических нововведений и социологическое образование: возможности, ограничения	65
Гонцов К.В. Политическая культура как фактор социально-политической стабильности	67
Григорьева О.Б. Характеристика корпоративной системы управления проектами на крупном промышленном предприятии	70
Громова Н. С. Правовая культура vs вербальный экстремизм	72
Гулина Н.А., Рогулев А.И. Кто придет на государственную службу?	75
Дамбовская А.А. Корпоративная социальная политика: к вопросу диагностики ключевых направлений	76
Данилов Ю.Д. К проблеме политической идентификации в постсоветском обществе	79
Дараган В.В. К вопросу о правовой культуре и её влиянии на уровень коррупции в сфере государственных закупок в Украине	81
Денисов С.А. Гражданин и подданный	83
Должикова А.В. Развитие правового регулирования тестирования иностранных работников в России	85
Дунаева Ю.Г. Образование как инновационный инструмент внешней политики	87
Дьякова Е.Г. Традиционная культура управления в условиях информационной революции (опыт Китая)	90
Евдокимова А.В. Новый «старый» налог на имущество физических лиц	92

Елисеева Е.Н.	
Ориентация на потребителя как фактор повышения качества управления в системе высшего образования	95
Ершов Ю.Г.	
«Петро»зависимость чревата ломкой	96
Жигарь О.В.	
О необходимости совершенствования кадрового обеспечения в сфере государственного и муниципального управления	98
Жукова И.В., Козловская Л.Б., Останина Н.А., Руденко О.В., Конюкова М.В.	
Актуальные проблемы инклюзивного образования в России	100
Жукова И.В., Феденёва Д.В., Сандакова Т.А., Тарасова И.М.	
Создание системы инклюзивного образования в России	103
Жунусова С.К.	
Управление гендерной политикой на государственной службе: содержание, структура	105
Зерчанинова Т.Е., Зерчанинова В.В.	
Исследование элитарной культуры XX-XXI веков	107
Зяблицкая С.А., Шайбакова Л.Ф.	
Социокультурный аспект формирования и реализации жилищной политики города Екатеринбурга	110
Ибраева М.С.	
Социальное обеспечение государственных служащих как фактор развития человеческого капитала государственной службы	112
Иванова А.А.	
Государственная поддержка малого бизнеса	114
Игнатушко И.В.	
Парадоксы электоральных практик населения Украины (на материалах исследований)	117
Ильин А.В.	
«Брошенные» организации в налоговой системе России: вызовы и пути преодоления	119
Интымакова А. Т.	
Трансформация экологической политики Республики Казахстан в условиях глобализации	121
Ионкина И.В.	
Особенности реализации территориальной программы государственных гарантий по оказанию медицинской помощи при переходе на подушевое финансирование в амбулаторно – поликлинических учреждениях	123
Кайгородова Е.Г.	
Способствует ли современное законодательство противодействию наркомании?	125
Калугина Д.А.	
Развитие малого предпринимательства как фактор социокультурной трансформации общества	127
Камалетдинова Э.И., Мингазова З.Р.	
Управление организациями с государственным участием: анализ зарубежного опыта	129

Качанова Е. А., Маточкин Р.В.	
Понятие дотационности бюджета субъекта РФ. К вопросу об уровне дотационной поддержки Свердловской области	131
Киндратец Е.Н.	
Стереотипизация сознания и ее влияние на восприятие политической ситуации	133
Кириенко И.С.	
Отрицательные последствия применения налоговых «каникул» в отношении индивидуальных предпринимателей	135
Киселева Е.В.	
Интеграционные тесты для мигрантов в России и за рубежом: концептуальные проблемы	137
Кныш Н.А.	
Государственная поддержка малого предпринимательства в России: механизмы реализации	139
Ковалев В.В.	
Становление лоббизма как политического института в России	141
Ковригина В.А., Федорчук Е.Е.	
Учет профессиональных и поло-возрастных особенностей персонала при формировании системы стимулирования труда государственных служащих	143
Корсаков К.В.	
Противодействие рецидивной преступности в Российской Федерации	146
Костин В.А.	
Роль нормативов в системе институциональной регуляции	148
Кот В.В.	
Особенности современного этапа развития российской экономики: направления и институциональные ограничения	150
Крымкин В.В.	
Молодежь как социальная группа гражданского общества	153
Куренбина О.А.,	
Роль религии в формировании политической культуры	154
Кынкуров М.В., Победин А.А.	
Проблемы разработки стратегии социально-экономического развития муниципального образования (на примере Серовского городского округа)	156
Латыпов Р.Т., Горнов С.В.	
Совершенствование нормативного правового обеспечения деятельности службы вневедомственной охраны МВД России в условиях изменений антимонопольной политики в Российской Федерации	158
Латыпов Р.Т., Муратов В.В.	
Вопросы совершенствования деятельности противопожарной службы субъектов Российской Федерации	160
Логинов М.П., Муринович А.А.,	
Проект как инструмент реализации региональных экономических интересов	163
Логинова О.В.	
Преимущества и недостатки передачи бизнес-процессов на аутсорсинг	165
Лушникова Т.Ю.	
Собственность и реформа местного самоуправления: проблемы и пути решения	167

Малиненко Э.В.	
Гражданская культура и реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации (на примере Конституций и уставов субъектов Российской Федерации)	169
Мартьянов В.С.	
Концепция креативного города: пределы эффективности	170
Матвеева Е.С.	
Основные способы финансирования малого бизнеса на стадии создания	172
Мельник В.В.	
Антропологические, аксиологические и онтологические основания культуры как пространства для развития и самореализации личности	174
Меньшенина Е.А., Агишева А.В.	
Особенности профессиональной адаптации и социально–психологической поддержки сотрудников банковской сферы	177
Молчанов И.Н.	
Трансформация института государственно-частного партнерства: сфера образования	180
Молчанова Н.П.	
Финансовые проблемы и перспективы развития образования в российских регионах	183
Мосиявич О.В., Истомина Е.А.	
Единство и дифференциация правового регулирования социального обеспечения незащищенных слоев граждан	185
Москалевич Г.Н.	
Конкуренция в сфере инновационной деятельности в условиях трансформации и интеграции социокультурного пространства	188
Москаленко М.Р., Кропанева Е.М.	
Социально-экономические права как фактор развития современного общества	190
Мурсалимов А.А.	
Совершенствование форм подготовки управленческого резерва в органы власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югра	192
Нечаева С.В.	
Социально-культурная трансформация регионов России в Год культуры (на материалах Челябинской области)	195
Николаев Д.А.	
Деятельность земства Нижегородской губернии в контексте государственных общественно-политических преобразований во второй половине XIX–начале XX вв.	198
Новоселова Е.Н.	
Социальная трансформация понятия «взросление» в современном обществе	200
Ноздрин А.А.	
Теоретико-методологические и нормативно-правовые основы стандартов социальных услуг	202
Нурымбетова Г.Р.	
СМИ Казахстана и ценности независимости	204
Обрывалина О.А.	
Диджитализация городской коммуникации: новые технологии социального контроля	206
Ольховиков К. М.	
Виртуальная публичность актуальной культуры	208

Павлова Г.Г.	
Финансово-промышленные группы как новый этап реформирования экономики РФ: анализ, проблемы, перспективы	211
Панченко В.Ю., Михалева А.Е.	
Страхование как возможная стратегия обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь	213
Першин В.П.	
Проблемы внедрения ГЧП в системе финансирования транспортной инфраструктуры и основные направления их решения	215
Пестова Г.А.	
Технологии мягкого управления дотационными территориями	218
Петрова Л.Е., Кузьмин К.В.	
«Неадекватное» поведение врачей как индикатор кризиса системы ценностей российского общества: пример научного и публичного дискурсов	221
Петрянин А.В.	
Политический экстремизм как инструмент борьбы за власть	224
Полушкин А. В.	
Народовластие как главная черта правовой культуры при построении гражданского общества в России	226
Порошин С.А.	
Совершенствование контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Кадры решают все!	228
Прокушкина И.И., Дьяконова Е.А. , Трубина Т.В., Хаминова С.А., Гудимов Е.В.	
Социальная защита студентов как условие социализации личности	232
Пушкарев К.А.	
Мотивация команды проекта как инструмент повышения эффективности проекта	234
Радковская Е.В.	
Региональные стратегии развития в трансформирующейся экономике	236
Руденкин Д.В.	
Почему меняется отношение россиян к неравенству в доходах?	238
Руденкин В.Н.	
Причины невостребованности потенциала общественных организаций в современной России	241
Рундквист А. Н.	
Правовой нигилизм: виды, причины возникновения и способы преодоления	243
Сабурова Л.А.	
Социальные микротенденции и контроль в сфере здоровья	245
Савельев Д.Л.	
Культурные кластеры как организационная форма реализации культурной политики в регионе	247
Савченко С.В.	
Направления развития информационного общества в Украине	249
Салимов И.Ф.	
Анализ заболеваемости инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи, в ЛПУ города Екатеринбурга за 2013 год	252

Самохвалов Ю.П.	
Проблемы идентичности граждан, обучающихся в УВЦ в структуре гражданских вузов	256
Свищева В.А.	
Культура и проблемы ее финансирования	259
Семченко О.Р., Подзолков Ю.А.	
Гражданский контроль публичной власти	261
Сергеев С.Г.	
Особенности внеконституционной институционализации Следственного комитета РФ	263
Сидоренко С.В.	
Формирование институтов гражданского общества	266
Сидоренко Е.Н.,	
Институт «государственно-частного партнёрства» в период трансформации российской экономики	268
Скок Н.С.	
Социальное время как социокультурный контекст проблемы доверия	270
Смирнов М.Г.	
Влияние натурализации ценностей на трансформационные процессы в современном российском обществе	272
Снегирёв М.С. , Снегирёва М.В.	
Трудности перевода: транслитерация в загранпаспортах российских граждан	274
Соловьев А.К. , Карасев Д.А.	
Пенсионная реформа – стратегический вызов России 21 века	277
Соломатина Е.Н.	
Причины возникновения современных протестных движений	279
Сонина Е.О.	
Ценностные качества политики в современной России (опыт государственных преобразований)	281
Сосенков Ф.С.	
Идеи государственного единства на рубеже эпох Давида Строителя и царицы Тамары: политико-правовые воззрения Шота Руставели	283
Султанов Р.Р.	
Проблемы реализации проектов строительства платных автомобильных дорог	285
Терещук Е.А.	
Нарушение прав и свобод человека как фактор социального самочувствия южноуральцев	287
Топал И.С.	
Роль государства в формировании инновационной экономики	290
Трахтенберг А.Д.	
«Открытое правительство»: состоялся ли вызов традиционной культуре управления?	292
Третьяков М.Н., Качанова Е.А.	
К вопросу о методике оценке экономической эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений в условиях реформирования бюджетного сектора экономики	294

Третьякова Е.-Д.С.	
Сравнительный анализ систематизации нормативных правовых актов в органах юстиции Российской Федерации и Республики Казахстан	298
Трофимова О.М.	
Моделирование полюсов роста в экономике региона	300
Фадеечева М.А.	
Этнорегиональная идентичность в стратегии развития региона	303
Федоренко Н.Я.	
Теоретические аспекты регулирования занятости населения	305
Федоровских А.А.	
Власть и оппозиция в современной России: феномен «цветной революции» в контексте культуры (опыт аналитики некоторых аспектов)	308
Фельдман М.А.	
К вопросу о состоянии изученности характеристик современной рабочей силы в России	310
Филипповская Т.В.	
Ответственность, гражданственность, традиции и инновации в контексте актуальной идеологии	312
Филоненко Ю.В. , Кречетова М.В.	
Потребительская культура в контексте восприятия инновационных благ	314
Целищева Е.Ф., Антыгина К.В.	
Проблемы разработки показателей качества услуг учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры	317
Целищева Е.Ф., Малютин Л.С.	
Проблемы перехода на эффективный контракт с педагогами в муниципальных образовательных учреждениях культуры города Екатеринбурга	319
Целищева Е.Ф., Соколова Ю.А., Иванова К.С.	
Проблемы стимулирования молодых педагогов в учреждениях дополнительного образования детей	322
Чевтаева Н.Г., Егунов Э.В.	
Анализ ситуации на рынке труда в муниципальных образованиях Свердловской области	324
Челак И.П.	
Институциональный дуализм экономики: легальный и внезаконный секторы	328
Чернова Э.Р.	
Генезис становления и развития института территориального общественного самоуправления	330
Четошников С. Г.	
Моногорода Кузбасса: основные особенности и инструменты развития	332
Чойропов Ц.Ц.	
О противостоянии власти и народа как причине кризисного состояния российского общества	335
Чупина В.А., Пятакова Е.С.,	
Влияние СМИ на формирование имиджа политика	337

Шапкина Е. В.	
Партийное строительство в регионе и его значение для формирования гражданского общества	340
Шибанова Е.К.	
Гуманитарное образование в общей системе подготовки профессионала	342
Шишкин В.В.	
Государственный контроль за деятельностью религиозных организаций как мера предупреждения развития религиозного экстремизма в Российской Федерации	345

GENERATION OF RENEWABLE ENERGY IN LATIN AMERICA

This document describes three policy instruments that have been used to support the development of renewable energy in the world and Latin America could take to boost your resolute transformation towards a green economy are identified.

First is regulatory policy, which relies on instruments such as guaranteed prices, or allocation of market shares through quotas or government mandates. For example, we refer to feed-in tariffs, quota obligations on electricity (utility quota obligation) network measurements (net metering) marketable obligations and mandates or renewable energy certificates [2, p. 4]. Second is fiscal policy, which uses incentives and subsidies. Its goal is to reduce costs and improve the relative competitiveness of renewable energy technologies through capital grants, allowances and rebates, tax incentives and payments to renewable energy production. Third are the direct government funding, where the availability of funds for the development of renewable energy sources is essential to the continued growth of the same [1, p. 36]. There are two methods of public financing in which governments assist in the allocation of capital necessary to the renewable energy sector, in public investment at subsidized rates through loans, grants or public tenders to favor the use of renewable energy.

In Latin America, as elsewhere in the world, the number of countries that have implemented policies to encourage and stimulate the generation and production of renewable energy has increased steadily and the policy instruments used for this purpose are become more sophisticated over time and to the extent that major elements has analysis and technological advancement [3, p. 16-17]. In early 2011, according to the Renewable 2011 report published by REN21, 17 countries in Latin America used some type of policy to support renewable energy generation, for which have been implemented in all 61 building measures to this end. The policies most used were: tax incentives (30 measures), followed by regulatory policy (17 steps) and finally public funding (14 measures). Meanwhile, in the case of Barbados, Cuba, Grenada, Guyana, Haiti, Jamaica, Paraguay, Suriname and Venezuela is not the application of such policies is recorded.

In terms of policy instruments applied by countries, Argentina has the leadership to implement 7 of the 12 instruments analyzed, followed by Peru with 6 and El Salvador to 5. In general, the Latin American average is 4 instruments per country [4, p. 225].

As shown in the above summary table, there are still a number of regulatory instruments that have been little explored in ALC, namely, mandates and obligations for the use of renewable energy in heating and tradable renewable energy certificates, which shows that until now no country has implemented FTAs. Additionally, portfolio standards for renewable or share of renewable, the regulation requiring that a minimum percentage of sale or installed capacity is provided by renewable energy) and network measurements are currently underutilized in LAC since only two countries (Chile and Uruguay) use the first instrument and 2 other (Mexico and Guatemala) the second.

The proposals made by the Permanent Secretariat in this document to support the region aimed at promoting discussion and development of policies and programs that have a high impact and sustainability over time. The following areas of action are considered:

1. Inventory of basic elements needed for creating a green economy. Contrasting definitions and concepts of green economy and green growth from its normative and positive definitions and provide elements that can support a redistributive green economy in the region.

2. Develop the array of green energy at the regional level to develop policies that support the transition to a green economy redistributive. This will definitely be the staple as an input for each country in the region to convert to a green economy Having said die also will identify where it should target the efforts of public policy in regulatory terms, and in terms of investments to be made. Also those countries with the best green energy matrix may be developing their sectors to participate in the transition from other countries, which would open business opportunities and jobs.

3. Conduct a study on natural capital in LAC and its relation to the carbon energy sector in order to identify the potential of the region to move towards a green economy.

4. Define subject areas and projects where you can add the comparative advantages of each country and region to develop proposals that will lead to the adoption of mechanisms that lead us to adopt a green economy.

5. Conduct a study to propose mechanisms for monitoring of projects and programs that support the efficient use of energy as well as the establishment of indicators to assess their effectiveness for the transition to a green economy.

6. To promote actions among LAC countries for coordination between the responsible national institutions, enabling the exchange of information and experience on implementation-oriented economies in the region are sustainable in the long term programs.

7. To propose the development of sectoral programs for industries such as steel and transport in each country with the participation of ministries and agencies responsible for the energy sector and associations and chambers of the productive sector, so as to promote comprehensive policies that lead to adoption of green economies.

8. Identify innovative funding sources to develop new projects, as well as tax incentives and subsidies to promote the use of technologies that support a green economy.

9. Develop South-South and triangular cooperation based on an analysis of supply and demand existing experiences towards the adoption of a green economy and from renewable energy potential that already have the various countries of the region.

10. Dissemination of programs and projects focused on the green economy in the region, to promote successful experiences, identify challenges and refocus existing programs.

Conclusions

The proposals will be refined as we go implemented. The process has already started, but it takes a major boost from the state policies and targets already defined. Latin America and the Caribbean cannot afford to fall behind in this movement, much less leave behind large segments of the population, making it more urgent consideration to a green economy with a real social face.

Bibliography

1. Ebinger J. , Vergara W. Climate Impacts on Energy Systems. Key issues for energy sector adaptation. World Bank, Washington, DC: 2011.

2. ICA. Renewable Energy for Electricity Generation in Latin America: the Market, Technologies and Outlook. Chile. ICA Latinoamérica: 2010

3. Kammen D.M., Kapadia K., and Fripp M. Putting Renewables to Work: How Many Jobs Can the Clean Energy Industry Generate?. Report of the Renewable and Appropriate Energy Laboratory of the Energy and Resources Group, Goldman School of Public Policy, University of California, Berkeley: (originally) April 13, 2004, (corrected) January 31, 2009.

4. Meisen P., Krumper S. Renewable energy potential of Latin America. Global Energy Network Institute: 2012.

Nikitina A.
*Urals Institute of Administration - Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration*
Senior Lecturer
Igarki Querejazu
Faculty of Social Sciences and Communication, UPV / EHU
Vitoria Gasteiz, Spain

INTERNATIONAL VIEWS OF MODERN RUSSIA FROM BOTH SIDES

Nowadays politicians and international experts are analyzing Russia and its political, economic and social processes. In addition, appear new theories about its new strategy for international representation.

We would like to present Russian-Hispanic theory which provide the idea that modern Russia has two "political faces". On the one hand we say about "external" Russia and on the other hand it is the "inner" Russia.

The outside Russia is the Russia of facing the world as a strong and united country with the charismatic President. The President presents his image as a leader of country. He is a person who wants to give a prestige and muscular hero image as a strong Russian leader. A Russia regains strength, it shows through missile launches, renewing its military hardware, and while is both collaborator and creator of conflict. In general, this is the image which Russia has in most parts of the world (including Spain).

However, we can also treat the image of "inside" Russia (the dark part of every country). Russian being a huge country has its own domestic politics, economics, social values and culture. This is Russia with social and economic inequality, poverty, expensive food. This is the image of country where both the EU and Russia need each other for the sale and purchase of gas, oil and mineral resources. The Russian also appears in the international media, an image of a Russia mired in poverty a Russia with a bestial inequality and more informal means a violent country and alcohol problems.

We believe that the Russian government cares more about its image abroad to demonstrate their strength in the international arena. It is connect with building of highly strong and aggressive foreign image. In this situation the Europeans mostly see Russia from negative spot [1].

Outdoor image with the war of misinformation in the Media concludes negatives consequences for all countries. As an example, Spain suffers from the imports of food policy. In Spain, CCOO has reported the loss of over 1,000 jobs in horticulture in Lleida, Alicante, Murcia, Extremadura and Huesca directly linked to the Russian blockade of exports of fruit and vegetables.

The loss of Russian tourists (the higher spending power after the US), the fall in exports, lower real estate sales and rising gas and oil are the channels through which the Spanish population may suffer from economic warfare between the European Union and the Eurasian giant.

Increased tourism may suffer consequences in general and Catalonia in particular. In 2013 they arrived in Spain 1.6 million Russian tourists, 31.6% more than in 2012. The Russian tourist spends an average of 1,487 euros in Spain and in total this group was allowed 2,350 million in 2013 (28 9% more than last year). "From Alicante to France, the local tourist offices have found this year falls from 20% to 25% of Russian visitors," says Tornabell [2].

Recovery of Spanish real estate sector may also resent the loss of purchasing power of the Russian ruble. The real estate website Spanish Property Insight realizes falling real Russian demand [3].

So we can see that the representation of Russia in the international outdoor area has more negative than positive results. Is the importance of a country measured by the firepower? Is this the real concern of the citizens? For a few people is maybe 'yes'. But for us, it is measured by a country's investment in education, health and social welfare

Despite external pressure also has been increasing on Russia as guilty of all evils. It seems that Russia has many good examples to show positive aspects of your inner world. For example, the Russian national health system has great human and technical potential. Each region has its Russian hospitals to cure severe diseases technological innovations.

In addition we can say about the educational system in Russia as a good example of presentational country strategy. Russian teachers at schools are experienced teachers of Soviet period where culture and education were highly important. As a result, students who work with such teachers, have a capacity for analysis, comparison and high intellect-building skills. Russia could present to the world the potential of its work, its people, its values and its great labor experience.

In conclusion, we provide solution to choose the representational model of internal Russia. This model could ease tension between Europe and Russia. In addition, it could increase economic ranges for both sides.

Bibliography:

1. Representations of Russians in the media [e-resource]. URL: <http://hashtagrussianswag.blogspot.ru/> (date of access 30.10.2014)
2. The economic war with Russia tightens the weak European economy [e-resource]. URL: <http://www.elperiodico.com/es/noticias/economia/guerra-economica-con-rusia-aprieta-debil-economia-europea-3507356> (date of access 01.11.2014)
3. Tulayev P. Las raíces de las relaciones entre Rusia y España [e-resource]. URL: <http://hispanismo.cervantes.es/documentos/tulayev.pdf> (date of access 30.10.2014)

Duncan, P.J.S.

*School of Slavonic and East European Studies
University College London
Senior Lecturer in Russian Politics and Society
BCom(Russian Studies), MA, PhD*

SCOTLAND AND THE QUESTION OF SELF-DETERMINATION IN EUROPE

It was Alex Salmond, the First Minister of Scotland and leader of the Scottish National Party (SNP), who formulated the referendum question: 'Do you agree that Scotland should be an independent country?' All United Kingdom citizens resident in Scotland over the age of 16 (the normal minimum voting age is 18) were eligible to vote, and did so on 18 September 2014 with an impressively high turnout of 84.6%. The final vote, 55.3% 'No' and 44.7% 'Yes', is sufficiently decisive to bury the issue of independence for some time, but the promise of more devolution to Scotland and the demand for it in other parts of the United Kingdom means that the issue remains at the fore of British politics.

Support for Scottish independence, as opposed to greater devolution within the United Kingdom, has grown rapidly in recent years and has increased faster than support for the SNP. This sentiment is not essentially an ethnic nationalism, directed against the English, but rather a desire for self-government of the territory by the inhabitants irrespective of race and ethnicity. The growth of this aspiration is linked with the growing inequalities in British society; the belief that London, and especially the Conservative Party, cannot represent the people of Scotland; the impact of the international financial crisis from 2008; and the failure of the Labour Party to offer a credible alternative.

The growth of support for separatism in Scotland since the 1990s cannot be seen in isolation from the desires of other small nations and ethnic minorities in Europe to separate from the states containing them. With television and the Internet, Scottish nationalists are informed about and may be encouraged by movements for independence in Ukraine, Kosovo or Catalonia. One can speak of waves of nationalism spreading across Europe in the late 1980s and early 1990s with the rise of nationalism in the USSR and Yugoslavia leading to the disintegration of both states. This was followed by the split of Czechoslovakia and threats from Chechen separatism to the integrity of the Russian Federation. In 2008 the recognition by many Western countries of the independence of Kosovo was followed by Russia recognizing the independence of Abkhazia and South Ossetia; and in turn by the growth of separatist sentiment in Flanders (Belgium), the North of Italy and Catalonia and the Basque country in Spain. It is noteworthy that Spain refused to recognize the independence of Kosovo because of fears of creating a precedent for the Basques and Catalans. The case of the Crimea in March 2014 is rather different, because the referendum was organized at short notice after

a coup facilitated by the presence of Russian troops; there was an atmosphere of intimidation which allowed no opposition campaigning; and the decision was to join Russia rather than to form an independent state.

In 1707 the parliaments of England and Scotland agreed to unite the two countries in a United Kingdom with a single parliament. In the period leading up to the First World War, the Liberal Party in opposition and government advocated Home Rule for Scotland, Ireland and Wales. The bill for Scottish Home Rule passed its two first readings in 1913 but made no further progress because of the outbreak of the war. Within the emerging British Labour Party created by the trade unions and socialist societies, Scotsmen such as Keir Hardie and Ramsay MacDonald played a leading role.

Although founded in the 1930s, the SNP began to gain serious electoral support only in the 1970s, when it became commercially profitable to exploit the oil discovered in the North Sea around Scotland. Using the slogan 'It's Scotland's oil', the SNP promoted the idea that Scotland would be better off if it were independent and did not have to share the oil revenues with the rest of Britain. It is notable that in Europe, separatist waves were initiated by the wealthier parts of larger states: Slovenia and Croatia in Yugoslavia, the Baltic States in the USSR, Flanders, Catalonia and Northern Italy. The Labour Party, in government in Westminster from 1974 to 1979, had become converted to the idea of 'Home Rule' in the sense of the devolution of some areas of domestic policy to elected assemblies in Scotland and Wales. In 1979 the Labour government put its proposals to referenda in Scotland and Wales. In Wales the proposals were easily defeated; English-speakers in Wales feared domination by the Welsh-speaking minority in the principality. In Scotland, on the other hand, the majority of the voters supported the proposals. Opposition to devolution from some Labour Members of Parliament (mainly from the North of England who feared that their region would suffer if Scotland received devolution while their region did not), had however led to a clause in the referendum law saying that the referendum would be valid only if at least 40% of the whole electorate (as well as 50% of the participating voters) voted 'Yes' to the assembly. This threshold was not reached. As a result, the Scottish Assembly could not be introduced, and the SNP spread the view that the Labour Party had betrayed the plan for devolution.

After the referenda, the Conservative Party under Margaret Thatcher won the British general election. Thatcherism both under her rule and under John Major who succeeded her as prime minister in 1990 meant an attack on trade union and welfare rights, the closure of much of traditional British mining and manufacturing industry and a huge rise in unemployment. Economic inequality grew as profits and bonuses, especially of finance capital in the City of London, increased. The miners' strike of 1984-5 revealed and enhanced social and political divisions across Britain. The collapse of the Soviet Union in 1991 meant that the employers and government no longer had to compete with an alternative socialist model for the support of the working class; capitalism, neoliberalism and the market reigned supreme.

Geographically, Thatcherism divided Britain between a poor North and a wealthier South, with the impact on Scotland with its coal mining and shipbuilding industries being particularly strong. Many people in Scotland were radicalized. Notably, Mrs Thatcher abolished the system of local government finance whereby residents paid rates according to the value of their property, and replaced it with the 'poll tax' whereby every person in a district paid the same, quite substantial, amount, regardless of their economic position. The tax was tried out first in Scotland. After it was extended to England it led to a riot in London in 1990. In Scotland, however, it led to a mass resistance movement. A quarter of the population refused to pay, despite people being imprisoned for this, and mass demonstrations were held to protect those facing the threat of arrest or seizure of property. Mrs Thatcher's insistence on keeping the poll tax, despite such wide opposition, was a major reason why the Conservative Party decided to force her resignation in 1990 and replace her with Major.

In 1997 the Labour Party, under the label 'New Labour' won the British general election. Tony Blair and from 2007 Gordon Brown led Labour governments from 1997 to 2010. The political impact of Thatcherism on Scotland was such that the Conservative Party was practically destroyed there, and Labour won the great majority of Scottish seats. The Blair government held referenda in Scotland and Wales on new proposals for devolution, which were approved by voters in both countries, and in Scotland by a large majority. The British parliament then passed laws establishing a parliament in Scotland with extensive powers of self-government, and a rather less powerful assembly in Wales. In 1999 Labour won the first elections to the new Scottish parliament, and did so again in 2003. Support for the SNP was increasing, however; the policies of Blair and Brown in

London were in several respects continuations of Thatcherism, although without Mrs Thatcher's rhetoric against the European Union (EU). Blair and Brown were equally committed to further privatization, deregulation and globalization of the economy, in the interests of finance capital. The SNP began to implement some more socialistic policies, including free university tuition of residents of Scotland and free social care in homes for the elderly. In the 2007 Scottish parliamentary election, the SNP were the largest party and formed a minority government under First Minister Salmond.

The following year the international financial crisis hit Britain, undermining the hegemonic ideology of neoliberalism and globalization. Brown's government began to cut expenditure and unemployment rose. Disillusionment with Labour in Scotland and the rest of Britain grew. In 2010 Labour was defeated in the British elections and the coalition of the Conservative and Liberal Democratic parties was formed under David Cameron as prime minister. In 2011 Salmond won an outright majority in the Scottish elections with a promise to hold a referendum about independence.

It should be emphasised here that there is a consensus among all three traditional major parties in Britain – Conservative, Labour and Liberal Democrat – that if a majority of people living in Scotland, Wales or Northern Ireland ever expressed in a freely and fairly conducted referendum the desire to leave the United Kingdom, then they would be allowed to do so. It was inevitable, therefore, that Cameron would agree to the Scottish first minister's demand for a referendum; since the constitution remains a prerogative of Westminster, the timing of the referendum and the questions to be asked had to be negotiated between Cameron and Salmond.

At the time of the negotiations opinion polls showed that only a minority of voters in Scotland supported independence, and Salmond wanted to include both the question about independence cited at the beginning of this article and another asking whether people wanted more powers for the Scottish parliament within the United Kingdom. Cameron, not wishing to devolve more powers to Edinburgh, vetoed the second question, expecting that voters would reject independence and settle for the *status quo*. Cameron allowed Salmond to choose the timing of the referendum; and it was agreed in 2012 that it would be held in September 2014. This gave the SNP a full two years to use their base in the Scottish government to build up support for independence.

Against the 'Yes Scotland' campaign run by the SNP in support of independence, the Labour, Liberal Democratic and Conservative Parties in Scotland united in the 'Better together' campaign for a 'No' vote. Under the leadership of the former Labour Chancellor of the Exchequer Alistair Darling, it argued that the Scots were 'better together' with the rest of the United Kingdom. Most but not all of the Scottish press opposed independence. British and international business interests, dominant in the Scottish economy, also opposed change but did so generally quietly until the last stages of the campaign.

Economic and social issues were dominant in the campaign. The SNP's vision of an independent Scotland within the EU foundered when EU leaders made it clear that Scotland would not automatically be accepted as a member. The SNP policy that Scotland would use the euro had already been abandoned with the crisis in the eurozone; instead Salmond promised to keep the pound. Since this would leave financial power in London, he argued for a currency union between Scotland and what was left of the United Kingdom; but the leaders of the British parties unanimously refused to allow this.

As late as 7 August 2014 opinion polling showed the No vote on over 60% support (excluding don't knows) [1,p.1]. Two televised debates were held between Salmond and Darling that month. Darling was judged to win the first by showing Salmond's weakness on the currency. Salmond won the second, however, by attacking Darling from a left-wing stance, accusing him of getting into bed with the Tories instead of running an independent Labour campaign. Salmond promised to defend the National Health Service (NHS) – free social medical treatment. The desire to protect the NHS in Scotland from the Conservatives in London, who are perceived as threatening it with policies of privatization, was a major reason given by voters for supporting a Yes vote [2,p.8]. After this support for 'Yes' increased in successive opinion polls, and a poll published on 7 September for the first time showed a Yes majority at 51%.[3, p.1] It seems that this was the first time that the British political leaders realised what was at stake.

Gordon Brown, himself a Scot, went to Scotland and in an emotional speech promised, on behalf of all the British parties, that if Scotland voted against independence it would receive many more powers. At the same time major banks and other businesses threatened to withdraw their headquarters from Scotland if there were a Yes vote [4,p1]. Following this, polls moved in the other direction, with a small majority for the No side.

The turnout on 18 September was very high at 84.6%, ranging from 75% in Glasgow to 91% in East Dunbartonshire. Only four of the 32 districts of Scotland voted Yes, including Glasgow and Dundee [5, p.6]. These districts are the poorest parts of Scotland and are traditional centres of working-class Labour support. Their support for a Yes vote reflects the view of part of the Scottish Left which is disillusioned with the pro-business policies of the Labour Party and believes that the only hope for radical social change in Scotland is through independence [6, pp. 18-19].

In general, one can conclude that separatism in Scotland, unlike many other cases in Europe, is primarily social and economic in content, and ethnicity and culture plays a relatively weak role. Paradoxically, while support for the SNP originally grew on the basis of Scotland's expected oil wealth, by 2014 it was the poorer sections of society which were most strongly in support of independence.

Bibliography:

1. Patrick Wintour, 'Last stand to keep the union', *Guardian*, 8 September 2014, pp. 1-2.
2. Gerry Hassan, 'We are One Scotland: Anatomy of a Referendum', *Chartist*, no. 271, November-December 2014, pp. 8-9.
3. Toby Helm and Daniel Boffey, 'Shock new poll says Scots set to vote Yes to independence', *Observer*, 7 September 2014, pp. 1-2.
4. Jill Treanor, Patrick Collinson, Rupert Jones, 'Banks: we'll leave if vote is yes', *Guardian*, 11 September 2014, pp. 1-4.
5. Alberto Nardelli, 'Polls failed to predict such a decisive result', *Guardian*, 20 September 2014, p. 6.
6. Ben Jackson, 'The Break-up of Britain? The Left and Scottish Nationalism', *Renewal*, 22, 1-2, 2014, pp. 15-23.

Nagy R.

Nyugat Media and Web Association, Journalist
Szombathely, Hungary

HOW TO BRING THE 22ND CENTURY INTO THE EDUCATION OF PRESENT TIME?

From my point of view, the governments should do more efforts to build our future rather than crying about ruins of the past. We want our next generations to be smarter instead of being those "voter droids" that can not decide what is good to them. A clever society will survive easily, that is why the governments have to take actions to develop their education systems. I think that the following three things could help to improve those mistakes that have been done nowadays. The first thing is the "IQ level based segregation in schools", the second is the "Social media in the education service" and the third is the "Smart devices".

With these things we could take a step for the kind of utopia where everybody could be equal and free, where everybody has the same rights. Maybe it is just a dream, but future is all about dreams and ideas, plans to make and realize. Schools play an important role in making a great and prosper future. If we do not mess up religion and science, we will live better too. That is why I think we all have to say "no" to faith-based education. Schools are for learning and there are churches and mosques for praying.

IQ level based segregation in schools

I know, it does not sound well when you hear it for the first time, but it is an exciting topic. Nowadays we have some segregations in the systems of education. For example, there are some special schools for challenged children who learn things a little bit slower. It can be okay and good until we do not start to call these kids "retarded" and "stupid". They've got weaker skills but it is not their fault, and I do not think that it's anybody's fault at all. Every child has its own special needs during his education.

Many children share or own almost the same needs. We can call them “average children”. A lot of schools have been built specially for them and all we know what those schools are about so I do not want to talk about them anymore. But this special school-model has nothing to do with any genius children. They can do only one thing: to jump classes, because they don’t need a year to finish one class. This is the beginning of a big problem.

Governments should build some schools for genius children where they can learn and study everything from a primary school level up to the university. I can imagine it as a boarding school model where they can learn things faster, but they will be in a safe environment and the experts let them play without destroying their childhood. A “class jump” is the worst thing to do because they’ll have to integrate into older groups where they will always be outsiders. I don’t think that it is good for their mental health. We should see that genius children can do more for our society and they do need extra care and different opportunities to find their own way.

Social Media in the education service

Social media plays a great role in our daily lives, but unfortunately, we do not use all the opportunities that the internet sites offer to us. Social media sites (such as facebook, vk and youtube) can be a more than just “likes” and “shares” and we could use these sites to help the education systems all around the world. It might seem impossible or too difficult to do, but it is much easier than we think. The only question is: why do we not bring the 22nd century into the present?

The idea is simple. Every class needs its own social media profile and these profiles should be followed by the students, parents and teachers of that certain class, so everybody would be able to be in touch and share some useful information or the home assignment with each other. These profiles will help to organize school life, they will help parents to keep connected with the school, plus teachers will have a chance to give some extra help to their students. Let’s see how it might work in reality:

We are taking a local primary school 6B class with its 30 students, 60 parents and 10 teachers. They decide which social media platform they want to use. For instance, they are going to choose “facebook”. They will make a profile for their class with the name “Local Primary School 6B Class”. From this page they will invite as friend all the class parents, students and teachers to join them. This site will publish the relevant information about the life of the given class, everything that the students, parents and teachers need and do not want to miss to know:

Important dates (examination dates, trip dates, holidays etc.);

- financial things (canteen prize, the money needed for class trips, etc.);
- many useful internet links (a youtube video about a chemistry test for example);
- parents can send friend requests and discuss some things openly with each other, teachers and students can do the same thing too;
- such profiles make it easy to do file sharing (not illegal downloads) between the school, students and parents;
- helps and speed up the work of PTA;
- other emerging needs.

It should be noted that this profile page must be managed by the class teacher because of his/her leading role. Other teachers log in and use the class’ profile with their own profile pages. It is useful because one teacher teaches a few classes (not only one), and this way it will be easy to separate some different things from each other.

When the profile page is ready, teachers can start their own youtube channel to make or collect some educative videos. It is not a secret that a lot of students comprehend the information a little bit better if they can see it. This way the process of education could be more playful and interesting. Even the best students need some motivation, that’s why it could be so helpful to those children who learn things slower.

This is why we think that in the 21st century all the above mentioned companies must work together with the schools. Facebook and vk should make safe and a little bit separated profile pages for the classes and schools to improve their work to help people to find their future workers easily. This is a simple “everybody wins” situation. And well, we suppose that youtube should support the education channels as well as all other channels. If they only offer these channels to the teachers (via email for example) that could be a great step forward too.

Smart devices

At last we need to talk about smart devices (smartphones, iPads, tablets etc.) and their applications. The main problem in this subject is that they are expensive sometimes. It is important for the governments to make more contracts with the smart device manufacturer companies. It could help to give cheap and usable devices to schools and children. The design is not so important because these tools must be durable, useful but not just beautiful. Fortunately some of the most beneficial free apps are free educational apps.

With the help of the apps we can learn everything easily. Mathematics, physics, chemistry, languages: it doesn't matter! Everything is available and we can also find books in different app stores too. You can ask me: how can an app be better than a book? For instance, Duolingo gives an opportunity to practice your speech. The best thing of apps is that a process of learning gives us a game feeling and some extra motivation. Save your lives and finish the level.

It could be great if our primary and high schools would be able to own 3D printers. These devices could bring a brand new era of education. They could be an opportunity to teach architecture, art and engineering on the next level. If children find out how to use the device (3D printer) in their early life, they will be able to improve it later and those progresses will open new places for future markets.

Very soon smart glasses and smart watches will join this group too. There are lots of unused opportunities in the tech/IT world and somebody has to put them into practice. Education must be much more interactive, visible and colorful than before. These devices turn education to be more entertaining for our children and it does not matter which class they are in.

Conclusion

As we can see, knowledge and information are valuable properties. Governments can own these properties by their future generations, better known as their children. That is why we must lose all fears and do everything that we can to change education systems of the world. We don't have a right to withhold information or make our children ignorant only because of an expensive device.

Some companies have more responsibility because of their market position and these companies have to make contracts with governments to help to improve the process of education all over the world. Maybe it sounds corny, but only children have keys to the future!

Аверьянова Д.В.

*Челябинский филиал РАНХиГС,
младший научный сотрудник*

лаборатории прикладной политологии и социологии

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И ДИСПРОПОРЦИИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ)*

Развитие региона – задача актуальная во все времена и в последнее время для наиболее успешной её реализации пишутся долгосрочные и краткосрочные стратегии социально-экономического развития регионов, анализируются различные социально-экономические показатели и составляются прогнозы. Вместе с тем, в разговоре о региональном развитии наряду с социально-экономическим аспектом развитием региона стоит уделять внимание его социально-демографическому и этно-социальному развитию.

В числе лидеров регионального развития в последнее время оказываются регионы, на территории которых реализуются крупные инвестиционные проекты. Вместе с тем, ключевыми для определения уровня регионального развития были и остаются показатели качества жизни – интегрального показателя социального благосостояния регионального сообщества. К числу показателей качества жизни, как правило, относят качество образования, здравоохранения, окружающей среды, структуру рекреации, степень удовлетворения личных потребностей, структуру расселения и другие параметры.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 14-03-00486

Что касается Челябинской области, в настоящее время существует много прогнозов социально-экономического развития, построенных с использованием статистических данных, в которых говорится о перспективах её развития на основе показателей экономического развития, в том числе Стратегия развития Челябинской области до 2020 года. Стоит отметить и тот факт, что важным информационным источником, помимо данных официальной статистики, являются данные социологических опросов населения региона. Количественные социологические исследования позволяют установить статистические параметры, масштабы, характеризующие социокультурные процессы. В настоящей статье будут использованы данные социологического опроса населения Челябинской области, проведённого по методике Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН «Социокультурный портрет региона»* специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС. Опрос проводился по стандартизированной анкете с интервалом в 3 года – в 2011 и 2014 гг., а в ходе исследования были выявлены особенности отдельных сторон жизнедеятельности регионального сообщества, которые отражены в оценках жителей Челябинской области.

В ходе исследования внимание было уделено и субъективным оценкам показателей качества жизни населения. Для примера возьмём один из самых важных показателей качества жизни – состояние здоровья.

Обратившись к данным статистики, отметим, что, по данным официальной статистики, заболеваемость населения растёт. По данным, приведённым на конец 2012 года она составила 881,9 тыс. случаев. В сравнении с данными по региону, в целом по России эта цифра значительно меньше – 793,9 тыс. случаев [1].

Для изучения субъективной оценки состояния здоровья, обратимся к распределениям ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?»

Таблица 1. Оценка жителями Челябинской области состояния своего здоровья

	2011[2]	2014[3]
Нормальное здоровье, пока не жалуясь	39,9	41,1
Временами болею	33,8	28,4
Часто болею	6,9	7,9
Имею хроническое заболевание	15,7	17,6
Инвалид	2,5	3,5
Затрудняюсь ответить	0,7	1,1
Отказ от ответа	0,4	0,3

Чуть более 40% респондентов оценивают состояние собственного здоровья как нормальное. Как видно из данных, приведённых в таблице, за три года этот показатель пусть немного, но улучшился. Анализ социально-демографических характеристик данной группы респондентов указывает, что так чаще отвечают мужчины, жители области в возрасте от 18 до 50 лет, имеющие оконченное и неоконченное высшее образование. Положительная самооценка состояния здоровья в большей степени присуща мужчинам, более молодым жителям Челябинской области (здесь можно сослаться на объективные причины, представители молодёжи болеют реже в силу возраста) и респондентам с высшим и неоконченным высшим образованием.

Оценочную позицию «временами болею» выбирают 28,4% опрошенных, и это меньше, чем в 2011 году на 5,4%. А вот дальше мы отмечаем рост респондентов, выбравших позиции, указывающие на плохое состояние здоровья: «часто болею» – 7,9% (+1%), «имею хроническое заболевание» – 17,7% (+1,9%). Вариант ответа «инвалид» в 2014 году выбрали 3,5% опрошенных, что выше, чем в 2011 году на 1%.

Как видно, в целом негативная оценка состояния собственного здоровья характерна практически для 60% опрошенных. Стоит отметить и тот факт, что чаще других отмечают позиции «часто болею», «имею хроническое заболевание» и «инвалид» жителей средних городов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 14-03-00486

Далее рассмотрим, чем конкретно не устраивает жителей Челябинской области государственное медицинское обслуживание. Респондентам было предложено выбрать не более трёх позиций.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чем не удовлетворяет вас государственное медицинское обслуживание?»

	2011	2014
Трудно попасть на прием к врачу, большие очереди	71,0	60,3
Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие	37,5	20,7
Советы, рецепты врачей редко помогают	22,7	19,4
«Скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов	9,1	5,6
Очень трудно получить место в больнице	8,4	4,7
Врачи обычно стараются не выписывать больничный лист	4,8	3,5
Не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжело больному	3,5	2,8
В целом меня удовлетворяет медицинское обслуживание	19,7	18,0
Затрудняюсь ответить	71,0	11,8
Отказ от ответа	37,5	0,7

Первое место в рейтинге причин неудовлетворённости государственным медицинским обслуживанием – «трудно попасть на прием к врачу, большие очереди», так отвечают 60,3% опрошенных. Вместе с тем их число за три года сократилось практически на 10%, что не может не радовать. Причём, такая тенденция отмечается и по остальным позициям: «врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие» – на 16,8%, «советы, рецепты врачей редко помогают» – на 3,3%, «скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов – на 3,5%, «очень трудно получить место в больнице» – на 3,7%, «врачи обычно стараются не выписывать больничный лист» – на 1,3%, «не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжело больному» – на 1,7%. С другой стороны, тех, кого в целом удовлетворяет медицинское обслуживание тоже стало меньше – на 1,7%.

В заключении хочется отметить, что взаимосвязь уровня регионального развития и уровня здоровья населения является очевидной. Ведь чем больше трудоспособного населения в регионе и чем оно здоровее – тем больший валовой региональный продукт оно способно произвести. Как результат – высокий уровень благосостояния региона и больше социальных преимуществ для его развития.

Литература:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат.сб./Росстат. – М., 2013 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 30.10.2014)
2. Данные социологического опроса, проведенного в июле-августе 2011г., учеными Челябинского филиала РАНХиГС в рамках реализации в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 11-03-00655а
3. Данные социологического опроса, проведенного в августе 2014г., учеными Челябинского филиала РАНХиГС в рамках реализации в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Социокультурный портрет Челябинской области»), проект № 14-03-00486

«НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОПЫТОК ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Нулевые годы в России прошли под знаком становления и развития бюрократическо-олигархического авторитаризма, опирающегося на интересы крупных предпринимателей, силовиков и чиновничества.

Государственная бюрократия (в том числе ее "силовой" отряд) не только разрослась до невиданных прежде в нашей стране размеров, получая всё больше и больше ассигнований из средств бюджетов разных уровней, но и имела возможности для незаконного обогащения, которое в большинстве случаев оставалось, к сожалению, безнаказанным. Более того, высший слой государственной бюрократии активно перемещал свои личные материальные ресурсы и интересы (нередко и свои семьи) в страны Запада, открывая там счета в банках, покупая дорогостоящую недвижимость, направляя своих детей в зарубежные престижные университеты, получая за рубежом качественные медицинские услуги и проводя свои отпуска на лучших зарубежных курортах, не забывая при этом цинично учить «патриотизму» подрастающее поколение. В этой связи закономерен вопрос, прозвучавший из уст нашего президента 12 декабря 2012 года в процессе оглашения им Послания Федеральному Собранию: "Какое доверие может быть к чиновнику или политику, который говорит громкие слова о благе России, а свои средства, денежки, старается вывезти за границу?" [1].

Российские сановники давно привыкли ездить на немецких или японских автомобилях премиум-класса, одеваться в европейские костюмы **haute couture**, носить самые дорогие швейцарские часы, использовать топовые американские гаджеты, кататься на яхтах (самолетах, вертолетах) зарубежного производства и относиться с презрением к правам людей, стоящих по статусу ниже их. Подобная трепетная любовь к дорогим импортным вещам (или, как выразился однажды президент В. Путин, "дорогим финтиклюшкам") распространена сегодня и среди судей, высших офицеров правоохранительных органов, спецслужб и армии, топ-менеджмента государственных корпораций и руководителей бюджетных учреждений. К сожалению, и первые лица нашей страны пока не демонстрируют твердого желания на своем личном примере отказаться от "финтиклюшек".

Причины указанного поведения российской элиты многогранны, начиная от отсутствия соответствующей политической воли первых лиц государства, сырьевого характера российской экономики и заканчивая почти двадцатилетней примитивизацией и деидеологизацией российского политического и общественного пространства, в том числе потерей адекватных ценностных и моральных ориентиров, целенаправленным очернением либералами нашей истории (прежде всего советского периода), падением нравов, внедрением культа денег и права сильного, копирования (порой гротескного) обеспеченными россиянами западного образа жизни и их варварским стремлением выставлять напоказ свое материальное благополучие.

В таких условиях нарочитым и естественным желанием членов правящего класса всех уровней является банальное стремление обогащаться любыми средствами и смотреть на государство или государственную должность как полигон для «кормления», нередко пряча немалую часть «заработанного непосильным трудом», как правило, на территории стран Запада. Не случайно в нулевые годы появилось выражение «оффшорная аристократия», довольно метко характеризующее современную политико-административную элиту нашей страны.

Таким образом, управление постсоветской Россией осуществлялось бюрократией, отличающейся, по словам президента В. Путина, низкой эффективностью и высоким уровнем коррупции [1]. Надежды на национализацию российского чиновничества при таких обстоятельствах были довольно призрачны, однако 12 декабря 2012 года президент В. Путин неожиданно попросил депутатов "поддержать законодательные предложения об ограничении прав чиновников и политиков на зарубежные счета, ценные бумаги и акции" [1], то есть ввести запрет на владение иностранными активами (далее по тексту - запрет).

Попробуем ответить на вопрос, при каких обстоятельствах возникла указанная инициатива нашего президента.

С нашей точки зрения, в качестве таких знаковых событий следует указать:

– прошедшие в 2011-2012 гг. во многих городах России многотысячные оппозиционные митинги за честные выборы (руководство нашей страны намекало, что за организацией протестов стоят внешние силы); существенное снижение рейтингов В. Путина и "Единой России" в период с 2008 по 2012 гг.;

– признаки раскола политико-административной элиты после знаменитой рокировки Медведев-Путин на съезде "Единой России" 24 сентября 2011 года;

– принятие в США Закона Магнитского (Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act, декабрь 2012 года; обсуждение закона велось с апреля 2012 года), вводящий персональные санкции в отношении лиц, ответственных за нарушение прав человека и принципа верховенства права;

– начавшийся в 2011 году Сирийский кризис, в котором Россия в противовес США и другим странам Запада поддержала президента Башара Асада, а также так называемая "Арабская весна", последствия которой, очевидно, сильно напугали некоторых представителей российской политической элиты.

Таким образом, внешнеполитические причины выдвижения В. Путиным инициативы по введению указанного выше запрета связаны с необходимостью отсечь потенциальные возможности недружественных окружению или политике Путина иностранных субъектов оказывать давление на российских сановников, обремененных иностранными активами.

Поэтому, с позиций интересов национальной безопасности Российского государства, запрет на владение иностранными активами является вполне уместным и полезным решением.

С точки зрения указанных выше внутривнутриполитических событий, В. Путин, устанавливая запрет, очевидно преследовал цель ликвидировать упомянутый раскол элиты и консолидировать ее представителей вокруг своей фигуры. Дополнительно запрет повышал его имидж как государственника и патриота, борца с "национал-предателями и пятой колонной" в глазах простых граждан.

Очевидно также, что введение данного запрета можно рассматривать и как элемент ужесточения авторитарного режима, всё более и более ориентированного на эксплуатацию образа врага, как внутреннего, так и внешнего, поскольку экономические успехи правительства стремительно сокращаются.

7 мая 2013 года парламент удовлетворил указанную выше просьбу главы государства и принял соответствующий федеральный закон [2]. Соответствующие поправки, касающиеся национализации элиты, были внесены и в федеральный закон "О противодействии коррупции" [3, ст. 7.1].

Если дать краткую оценку принятых решений об установлении запрета и введенных в соответствии с ними механизмах, то считаем их верными, но не вполне эффективными. С одной стороны, запрет закрыл чиновникам прямые пути внаглую вывозить свои капиталы за рубеж и с идеологической точки зрения выполнил важную функцию по патриотической пропаганде вложения (возвращения) денег в отечественную экономику.

С другой стороны, установленный запрет довольно легко обойти, открывая счета и вклады на близких родственников, доверенных лиц или совершеннолетних детей, что и делают теперь многие чиновники. Используется и метод развода чиновника с супругой (супругом), чтобы формально выполнить нормы законодательства о противодействии коррупции. Кроме того, грамотные юристы, финансовые консультанты могут подсказать и более сложные схемы, которые при желании позволят игнорировать решения высшего политического руководства о национализации элиты. Отметим также, что под запрет не попали сделки по купле-продаже сановниками зарубежной недвижимости, которая, с нашей точки зрения, еще опаснее, чем их счета и вклады в зарубежных банках.

Таким образом, оцениваем введение запрета в большей мере как половинчатое, сиюминутное, пропагандистское и не вполне эффективное решение. Убеждены, что начинать нужно не с запрета на иностранные активы, а с создания отечественной высокотехнологичной экономики, адекватного финансирования человеческого капитала, проведения справедливой социальной и надлежущей кадровой политики, а также формирования государственной

подлинной патриотической идеологии (не эрзац-ура-патриотической, основанной на манипулировании общественным мнением, оболванивании доверчивых обывателей и шапкозакидательстве) и продуцирования (поддержки) элитой развивающих личность ценностей, овеянных нашей великой историей и достижениями нашего славного народа!

Литература:

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 // Российская газета. 13.12.2012. № 287.

2. О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ // Российская газета. 14.05.2013. № 100.

3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 30.12.2008. № 266

Алихаджиева А.С.

*Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС
к.ю.н., доцент кафедры конституционного
и международного права*

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Первоочередной задачей реализации государственной экологической политики является совершенствование правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности. На охрану окружающей среды в 2014 году в федеральном бюджете заложено всего 1454 рубля на 1 квадратный километр территории нашей страны или 0,25% расходной части бюджета, однако, говорить об экологическом развитии страны пока не представляется возможным. Одной из причин, порождающей сложности в улучшении экологической обстановки в Российской Федерации является антиэкологическое наследие, полученное в результате экономической деятельности. Правительством Российской Федерации принимаются конкретные меры по ликвидации экологического ущерба, а также осуществляется распределение ответственности по ликвидации последствий экологического ущерба.

Еще в середине прошлого века экология была исключительно внутренним делом каждой страны, но в настоящее время выполнение совместных плановых мероприятий по снижению объемов образования отходов, выбросов в атмосферный воздух, восстановлению качества ценных земель, включая посевные и орошаемые площади, рассматривается в числе приоритетных, носит общегосударственный планетарный характер.

В рейтинге стран мира по индексу экологической эффективности Российская Федерация занимает 106 место из 132 стран мира. Данный показатель отражает различные аспекты состояния окружающей среды и жизнеспособности экологических систем, сохранение биологического разнообразия, противодействие изменению климата, состояние здоровья населения, структуру экономической деятельности и степень ее нагрузки на окружающую среду, а также эффективность государственной экологической политики.

Взаимодействие общества и природы – это одна из болезненных тем современной России, государству в котором основная доходная часть бюджета формируется за счет добычи и переработки стратегических природных ресурсов. Экономический рост, основывающийся на традиционных принципах хищнического поглощения природных запасов вопреки экологическим нуждам, становится угрожающе опасным. Формирование неустойчивых тенденций развития России, по мнению С.Н. Бобылева «Во многом связано с недоучетом экологического фактора в макроэкономической политике, что приводит к дальнейшей деградации окружающей среды, истощению природных ресурсов»[1, с. 41].

Учитывая сложившуюся обстановку крайне важно активизировать государственную политику по решению экологических проблем, сконцентрировав внимание на региональных особенностях территорий.

К числу важнейших функций власти относится обеспечение экологической безопасности граждан и защита природы как национального ресурса, являющегося общественным достоянием. Основы государственной экологической политики определяют стратегическую цель, основные задачи и механизмы реализации долгосрочных действий государства и общества, направленных на обеспечение экологической безопасности и реализацию конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду [2, разд. VII].

В настоящее время большинство государств активизировали свои усилия по определению перспектив и планированию экологической политики, обеспечению своих суверенных прав на недра, леса, водные биологические ресурсы и другие природные компоненты, по разумному сочетанию национальной экологической политики с мировыми природоохранными мерами, чему посвящено немало исследований [3, 107].

Механизм устойчивого развития подразумевает социальное, экономическое развитие государства, но, к сожалению, обеспечение потребительских нужд, как правило, превалирует. Такая ситуация, безусловно, негативно отражается на экологической среде, дестабилизирует ее равновесие. Поэтому основной задачей современной России по-прежнему остается не декларативное решение многочисленных экологических проблем, не их теоретическое осмысление, а конкретные шаги по совершению мероприятий, стабилизирующих окружающую среду. Как отмечает Е.К. Гайкович «Проблема эффективности реализации экологической политики по значимости может быть сравнима с идеей устойчивого развития, развиваемой в настоящее время международным сообществом. В то же время она не должна ограничиться лишь общей декларацией важности подхода, она должна стать практическим инструментом для обеспечения надежной системы индикации любых моделей устойчивого развития, охраны природы, обеспечения разумного природопользования и здоровья человека» [4, с. 5].

Кроме того, имеется ряд проблем управления сферой охраны окружающей среды и природопользования на региональном уровне. Частые реорганизации в системе экологического управления на федеральном уровне препятствуют качественной природоохране и на региональном уровне. К тому же отсутствует четкое разграничение полномочий федеральной органов исполнительной власти в сфере охраны окружающей среды и региональных природоохранных структур. Эффективное разграничение предметов ведения и полномочий между разными уровнями публичной власти является наиболее важной и глубоко практической задачей на современном этапе развития российской государственности. К сожалению, система государственного экологического управления в настоящее время характеризуется незавершенностью процесса разграничения предметов ведения и полномочий в природоохранной сфере, как между федеральными органами исполнительной власти, так и между федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, что делает ее неэффективной и нерезультативной [5, с. 65].

Для достижения целей экологической политики необходимо решить задачи по устранению пробелов в природоохранном законодательстве и наладить эффективный «диалог» между субъектами законодательного процесса, властью и бизнес-сообществом. Следует согласиться с мнением В.И. Васильевой о том, что «Положения теории остаются до сих пор мало востребованными. Задавшись вопросом, почему так происходит, можно найти ответ, например, в том, что классические концепции не работают в силу их неадаптированности к приоритетам экологической политики. Приведение ситуации к общему знаменателю возможно двумя путями: либо концепции подстраивать под политику, либо политику выстраивать под законодательство» [6, с.8].

До настоящего времени не нашли достаточного правового определения вопросы об участии общественности в решении экологически значимых проблем. Полагаем, что причиной сложившейся ситуации выступает отсутствие правовой и экологической культуры, боязнь бюрократической системы, неверие в силу закона и справедливость судебного решения. Население России пассивно относится к экологическим бедам, считая, что основы формирования социального государства и механизмов защиты интересов социальных слоев гораздо важнее проблем озеленения населенных пунктов или отсутствия контроля в приросте автопарка, и др.

Таким образом, подводя итоги, следует сказать, что минувший 2013 год стал крупнейшим природоохранным проектом за последние десятилетия. Проблематика охраны окружающей среды касается каждого жителя России, поэтому повышение популярности экологически ответственного поведения, а равно идеи охраны природы следует расценивать как единственную жизненно важную ценность. Экологическая ситуация в Российской Федерации может быть стабилизирована и улучшена только путем коренного изменения ориентации социально-экономического развития страны, формирования новых ценностных и нравственных установок, пересмотра структуры потребностей, целей и способов деятельности человека. Проведение целого комплекса радикальных политических мер поможет найти разумный компромисс при разрешении накопившихся экологических проблем.

Литература:

1. Бобылев С.Н. Цели развития тысячелетия ООН и обеспечение экологической устойчивости России // Экологическое право 2006 № 1.
2. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2011 году: Государственный доклад Минприроды России // Государственное управление ресурсами. 2013. № 1-2.
3. Боголюбов С.А. Экологическая политика Союза Беларуси и России: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 7.
4. Гайкович Е.К. Экологическая политика Российской Федерации (структурно-функциональный анализ) // Автореф. дис. канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2003.
5. Соколова Н.С. Разграничение полномочий между федеральными органами исполнительной власти Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды: основные проблемы // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2013. № 1.
6. Васильева М.И. Концептуальные вопросы совершенствования экологической политики и законодательства об охране окружающей среды // Экологическое право. 2007. № 2.

Антошин В.А.

к.ф.н., профессор кафедры регионального и муниципального управления

Грязин К.Ю.,

магистрант,

Уральский институт управления - филиал РАНХиГС

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ, КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ И ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Вопрос социальной трансформации можно рассмотреть как один из аспектов проблемы развития общества, формирование в нем образов и смысла будущего. В этом связи социальная трансформация является необходимой «корректировкой» взаимоотношений между человеком и общественной средой, ее инфраструктурой.

Социальная трансформация является комплексной характеристикой социальной сферой жизни общества, требующей изучения и формирования механизмов управления. В то же время социальная трансформация обусловлена удовлетворением социальных потребностей граждан. От того, как решаются данные проблемы, зависит благополучие страны, общества, социальных групп, конкретных членов общества. Пренебрежение этими процессами обуславливает угрозу безопасности.

Как известно, безопасность - это главное условие устойчивого и эффективного функционирования государства. Под безопасностью понимается защищенность человека, общества и страны в целом от опасного воздействия важнейших отрицательных факторов, наносящих ущерб здоровью и самой жизни людей. В зависимости от факторов влияния и объектов воздействия выделяют такие виды безопасности как экономическая, политическая, социальная, информационная, военная и т.д.

В рамках социальной безопасности можно говорить о транспортной безопасности. Транспортная безопасность России - это комплекс мер, направленных на защиту важных интересов общества, личности и государства в транспортной сфере от внешних и внутренних угроз, поддержание защиты транспортного комплекса от таких угроз.

В России отрицательные последствия масштабной автомобилизации получили крайне опасный характер. И как следствие, элемент обеспечения безопасности дорожного движения твердо занял место в ряду важнейших социально-экономических задач страны.

Значительное влияние на уровень безопасности дорожного движения оказывает подготовка водителей транспортных средств. Их крайне низкая подготовка и дисциплина являются одними из наиболее важных факторов, оказывающих влияние на состояние аварийности в России.

Виновниками более 18 % аварий становятся водители со стажем управления транспортными средствами до двух лет, причем в течение первого года после получения права управлением транспортным средством ими совершается 38 % дорожно-транспортных происшествий [1].

Приведенные показатели указывают на недостатки в существующей системе предоставления гражданам права на управление транспортными средствами. В большей степени это относится и к деятельности по приему у граждан квалификационных экзаменов на право управления транспортным средством и выдаче водительских удостоверений, осуществляемой подразделениями Госавтоинспекции МВД России.

На Госавтоинспекцию возлагается обязанность принятия квалификационных экзаменов на получение права управления автотранспортными средствами, троллейбусами и трамваями, выдача водительских удостоверений, а также согласование программ подготовки водителей автотранспортных средств, что является составляющим элементом государственной политики в обеспечении безопасности дорожного движения.

Одним из основных факторов профилактики аварийности является выявление и пресечение административных правонарушений. Обеспечение безопасности дорожного движения следует рассматривать как комплекс мер воздействия на все компоненты широко известной триады, которая в средствах массовой информации и популярной литературе называется «человек - автомобиль – дорога».

В целях коренного изменения ситуации Правительством России выполняются неотложные меры воздействия на ситуацию на автодорогах. Однако, несмотря на реализацию мероприятий, предусмотренных Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [2], наблюдается только малое снижение количества дорожно-транспортных происшествий, а также количество погибших в них людей.

Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» подчеркивает значимость общественных отношений, связанных с получением права на управление транспортными средствами как одним из приоритетных направлений реализации государственной транспортной политики.

Ключевые аспекты, связанные с подготовкой водителей транспортных средств, выделяются концепцией в качестве основных, что подтверждает их значимость и многогранный характер в государственной транспортной политике, влияющих на безопасность дорожного движения.

В современной системе государственного управления обеспечением безопасности дорожного движения есть наличие противоречащих друг другу нормативных актов и пробелов в правовом регулировании. Зачастую нормативный акт, определяя обязанности и права участников правоотношений, не определяет орган, который обязан осуществлять контроль за их должным соблюдением. Несмотря на это, Государственными органами проводятся мероприятия, повышающие качество подготовки водителей транспортных средств. ГУ ОБДД МВД России принята новая методика проведения квалификационных экзаменов на получение права управления транспортными средствами.

В целях наиболее эффективного решения задачи профессиональной подготовки водителей транспортных средств необходимо согласованное взаимодействие всех субъектов, задействованных в общественных отношениях, связанных с приобретением права на управление транспортными средствами, что является возможным лишь при комплексном применении усилий государственных органов, негосударственных и общественных

организаций. Общие действия, направленные на реализацию единой государственной транспортной политики по повышению уровня подготовки водителей транспортных средств, повысят безопасность дорожного движения, понизят уровень аварийности и, как следствие, произойдет снижение числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях.

Литература:

1. Официальный сайт ГИБДД МВД России [электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения 18.10.2014)
2. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013 – 2020 годах: Постановление Правительства РФ 03.10.2013 № 864 // «Собрание законодательства РФ». 14.10.2013, № 41, ст. 5183

Антошин В.А.

*Уральский институт управления филиал – РАНХиГС
к.ф.н., профессор кафедры регионального и
муниципального управления*

МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО

Как известно, моральный выбор – это духовно-практическая ситуация самоопределения личности в отношении принципов, норм, действий. Моральный выбор связан с определенным усилением воли, направленным на достижение поставленной цели.

Однако именно в рамках профессиональной деятельности государственного служащего проблема морального выбора приобретает особое значение: от выбора специалиста зависит не только его собственное самочувствие, но и социальное самочувствие больших групп людей. Услуги государственных служащих необходимы любой стране, все цивилизованные общества возлагают на свои государства выполнение управленческих задач.

Моральный выбор можно рассматривать в широком и узком смысле слова.

В широком смысле речь идет о фундаментальном моральном выборе, т.е. о выборе самой системы ценностей, которые формируют моральные установки личности, определяют линию ее поведения. В связи с этим, особый смысл проблема фундаментального морального выбора приобретает на этапе выбора гражданином государственной службы как приоритета реализации своих жизненных интересов. Гражданин должен быть ознакомлен с особенностями государственной службы, требованиями к служебному поведению, этики государственной службы, статуса государственного служащего и т.д.

Нравственная деятельность государственного служащего складывается из конкретных поступков, именно они определяют линию поведения, линию профессиональной деятельности. Именно в данном случае речь и идет о моральном выборе в узком смысле.

С этической точки зрения поступок представляет собой довольно сложное явление. В отличие от действия он рассматривается в совокупности с предшествующей и последующей деятельностью, которая обусловлена моральным сознанием. Выделяются следующие слагаемые морального поступка: собственно действие (социально значимый акт); предшествующая ему деятельность морального сознания — побуждение, мотив, намерение, выбор, решение; Очень важен и еще один элемент морального поступка — самооценка человеком своего поступка и особенно отношение его к оценке со стороны окружающих.

Рассмотрим основные виды ситуаций морального выбора государственного служащего:

1. Выбор между поведением нравственным и безнравственным.

Чаще всего это ситуации, когда государственный служащий в обычной ситуации при наличии большей материальной заинтересованности, склонении к коррупционным действиям может выбрать зло. Вопрос в том, какое именно давление и какой силы соблазн человек способен преодолеть во имя своей морали. Причем, если у личности нравственные принципы достаточно устойчивы, то предел её прочности бывает очень высоким.

2. Выбор между личной заинтересованностью государственного служащего и законными интересами граждан, организаций, общества или государства. Эта ситуация, пожалуй, самая рассматриваемая в последнее время. Но следует иметь в виду, что сами намерения государственного служащего (борьба мотивов в том числе) не могут быть подвергнуты правовой оценке, но осуждаемы с позиций профессиональной этики. В этом-то и заключается суть предупреждения конфликта интересов, состоящая в том, что обнаружение умысла в личной заинтересованности служащего часто препятствует совершению должностного проступка или преступления.

3. Выбор между личными убеждениями и общественным мнением. Обычно совесть считается самой главной основой в решении моральных проблем. Однако совесть конкретного индивида может быть, «догоняющей», да и индивид может не обладать достаточным личностным развитием, поэтому корректирующую силу общественного мнения не следует сбрасывать со счетов при определении, насколько нравственным оказался тот или иной выбор личности.

Каждая проблема требует от государственного служащего объективного анализа, взвешенного учета всех обстоятельств. Прежде всего, **ориентиром при выборе действия выступают этические требования и обязательства** (требования общих принципов служебного поведения, «Кодекса этики и служебного поведения») государственных служащих по отношению к гражданам, коллегам, работодателям, профессии и обществу.

Одним из самых сложных вопросов при оценке поступка считается соответствие мотива и реального последствия морального выбора.

В теории вопроса морального выбора существовали две альтернативные позиции по этому вопросу.

Сторонники одной из них считали, что единственным критерием нравственной ценности поступка являются его реальные социальные результаты «Общественная польза - вот принцип всех человеческих добродетелей», - утверждал Гельвеций. К сожалению, в данном случае сами моральные принципы вытесняются и подчиняются утилитарным целям, что может привести к моральному забвению.

Как известно, была и другая позиция, (теория «доброй воли», «моральной доброты»). Достаточно четко эту мысль сформулировал И. Кант: «Суть дела не в поступках, которые мы видим, а во внутренних принципах их, которые мы не видим».

Гегель выступил против такого рода односторонних крайностей. Он доказывал, что мотив и результат поступка не являются независимыми друг от друга сущностями и мотив действующего лица обязательно превращается в результат, а результат в виде идеальной цели уже присутствует в воле морального субъекта, отвечающего за доброкачественность своих намерений и мотивов.

И мотив, и результат взаимосвязаны и взаимообусловлены, это элементы одного поступка. Когда мы учитываем и характер мотива, и значимость социального результата, то обеспечиваем объективную оценку поступка.

Говоря о проблеме морального выбора, следует учитывать чрезвычайно сложный характер нравственной жизни вообще. Как писал Н.А. Бердяев, нравственная жизнь трагична. «Для нравственного сознания всегда существует неизбывный трагический конфликт между личностью и государством, между личностью и личностью». Хотелось также подчеркнуть возможность конфликта между обществом и государством в наше очень непростое время.

В сфере государственного управления, на наш взгляд, при разрешении нравственного конфликта необходимо придерживаться таких принципов:

- безусловное знание и соблюдение закона;
- социальный результат должен быть максимально возможным и удовлетворять интересам большинства людей;
- защита прав, свободы граждан, уважение их достоинства;
- опора на профессиональные знания и опыт. Следует иметь в виду, что довольно часто люди пытаются рационально обосновать и оправдать свои аморальные действия. **С этой целью используются самые разные аргументы. Приведем некоторые типичные из них:**

- этот поступок не выходит за рамки юридических норм, поэтому не является аморальным (разрешено все то, что не запрещено);
- принятое решение отвечает интересам нашей структуры или полезно для ее отдельных работников;
- о совершенных действиях никто не узнает, так как информация о них не является доступной;
- эти действия поддерживаются начальством, поэтому в случае признания ситуации неблагоприятной оно поддержит и защитит и др.

Вряд ли такого характера «аргументы» позволят скрыть безнравственный характер поведения государственного служащего.

В последнее время все большее распространение получают различного рода тренинги, помогающие специалистам в области государственного управления, управленцам находить наиболее приемлемые решения в сложных ситуациях морального выбора.

Как поступать в ситуациях морального выбора?

Шаг 1. Понять и выяснить ситуацию, распознать ее противоречивость.

Шаг 2. Постараться добиться получения всех возможных фактов.

Шаг 3. Предположить все варианты возможного выбора вариантов.

Шаг 4. Постараться проверить все варианты решений, задавая такие вопросы: «А это законно?», «Это достаточно продумано?», «Есть ли польза от этого?».

Шаг 5. Принятие решения.

Шаг 6. Проверить решение несколько раз, задавая вопросы: «Как я себя буду чувствовать, если мои близкие узнают об этом решении?», «Если о моем решении сообщат в местной печати, то как я сам себя буду чувствовать?».

Шаг 7. Предпринять конкретное действие.

Обратите внимание на шаг № 6. Для государственного служащего в ситуации морального выбора, безусловно, не безразлично его нравственное самочувствие, обусловленное в том числе, моральной оценкой родных, близких, коллег. Очень хорошо выразил эту мысль Эрнест Хемингуэй. Один из его героев в романе «Смерть после полуночи» говорит: «Морально то, от чего ты потом себя хорошо чувствуешь, и не морально то, отчего ты потом чувствуешь себя плохо».

Очевидно, что именно нормы нравственности являются своего рода регулятором профессиональной деятельности государственных служащих.

Астафьев Н.Ю.

магистрант

Васильева Е.И.

*к.с.н., доцент кафедры регионального и
муниципального управления,*

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

АУДИТ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Формирование высокопрофессионального и компетентного кадрового корпуса муниципальной службы представляется принципиально важным условием успешной реализации реформ и решения задач, стоящих перед органами власти на современном этапе. Текущие сложные социально-экономические условия реализации органами местного самоуправления вопросов местного значения и переданных государственных полномочий определяют необходимость поиска рациональных систем управления кадровым потенциалом с целью максимизации полезного эффекта. Аудит кадрового потенциала является технологией, позволяющей диагностировать имеющийся профессиональный потенциал муниципальных служащих и выявить механизмы его развития для повышения эффективности функционирования органа местного самоуправления.

Целью аудита кадрового потенциала является выявление того, обладает ли организация человеческими ресурсами, необходимыми и достаточными для ее функционирования и развития; способен ли персонал работать эффективно и в соответствии с выбранной стратегией, а также выявление резервов трудовых ресурсов, более полного и эффективного их применения [1]. При этом под эффективностью понимается ситуация, когда отдача от использования ресурсов превышает их стоимость. Для этого необходимо оценить фактический состав работающих, а также особенности самого персонала, наличие у работников профессионально важных качеств и характеристик [2].

Авторским коллективом в 2014 году был проведен анализ кадрового потенциала Администрации Серовского городского округа. Администрация Серовского городского округа является исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления. Администрация Серовского городского округа включает в себя 3 управления, 2 комитета и 8 отделов. В штате Администрации Серовского городского округа состоит 111 муниципальных служащих. В дальнейшем мы проанализируем реестр служащих и оценим их по различным критериям.

Кадровый состав муниципальных служащих Серовского городского округа в большей степени составляют – женщины (72%). Мужчины (28 %) занимают в основном более высокие должности (заместители главы, начальники отделов).

Проанализировав возрастную структуру кадрового состава Администрации Серовского городского округа, пришли к следующим результатам основную категорию составляют служащие в возрасте от 31 до 40 лет, доля молодых специалистов составляет всего 10% от общего числа служащих.

Таблица 1. Возрастная структура муниципальных служащих

Возраст	Количество муниципальных служащих	Процентное соотношение (111 человек = 100%)
25-30 лет	10	10%
31-40 лет	38	34%
41-50 лет	31	28%
51-60 лет	27	24%
60 и более	4	4%

Приведенные в таблице 1 данные, показывают, молодые специалисты не заинтересованы в работе в небольших городах, значительная доля служащих находится в пенсионном или предпенсионном возрасте.

Таблица 2. Стаж работы муниципальных служащих

Стаж (лет)	Количество служащих
Менее года	1
1-3	10
3-5	12
5-10	24
11-15	26
Более 15	37

Что касается стажа, то, как видно с приведенной нами таблицы, большая часть служащих имеет стаж более 15 лет. Всего 1 служащий имеет стаж менее года.

Наиболее значимым критерием оценки кадрового потенциала является образовательный уровень муниципальных служащих. Муниципальные служащие овладевают необходимыми навыками, умениями управления главным образом в процессе практической деятельности. Как правило, они имеют специальные знания в той или иной отрасли, но недостаточную квалификацию в области управления. Это приводит к слабому использованию в муниципальном управлении новейших методов и технологий, преобладанию в деятельности муниципальных служащих решения текущих вопросов.

Таблица 3. Образование муниципальных служащих

№	Наименование образования	Количество человек
1	Начальное профессиональное	4
2	Среднее профессиональное	2
3	Высшее образование	105

На основе анализа Таблицы 3, можно сделать вывод, что большинство служащих имеют высшее образование. Начальное профессиональное образование имеют специалист 1 категории отдела бухгалтерского учета и казначейского исполнения бюджета Финансового управления, начальник отдела бюджетных обязательств и муниципальной казны, заведующий сектором информационного обеспечения градостроительной деятельности комитета по архитектуре и градостроительству имеет начальное профессиональное образование. Среднее профессиональное образование имеет начальник бюджетного отдела. Таким образом, в анализируемом органе местного самоуправления установлены очень низкие квалификационные критерии для занятия руководящих должностей. Причиной этого является кадровый голод в небольших муниципалитетах и низкая заработная плата.

Далее рассмотрим соответствие квалификации муниципального служащего занимаемой должности. Из 111 человек 100 человек занимают должность в администрации в соответствии с полученным образованием, 11 муниципальных служащих работают не по профилю полученного образования. Например, заместитель главы администрации имеет квалификацию инженера путей сообщения; заведующая организационным отделом – учителя начальных классов и т.д.

На основании проведенного анализа, можно предложить ряд рекомендаций по совершенствованию и развитию кадрового потенциала администрации Серовского городского округа.

Прежде всего, необходимо проводить мероприятия по привлечению молодых кадров в Администрацию Серовского городского округа (увеличение заработной платы, целевое направление на обучение и пр.).

Для достижения стимулирующей эффекта от социального пакета необходимы диверсификация социального пакета и предоставление права самостоятельного определения содержания социального пакета, в наибольшей мере отвечающего потребностям каждого отдельного муниципального служащего. При этом мы предлагаем разделить социальный пакет на две части: основная и дополнительная. Основная часть социального пакета должна предназначаться всем сотрудникам: это медицинское страхование, страхование жизни и т.п. В то время как дополнительная часть социального пакета должна быть сильно дифференцирована для того, чтобы (как уже упоминалось) удовлетворить потребности каждого сотрудника. Дополнительная часть может содержать такие гарантии как льготы на приобретение жилья, оплата спортивных занятий, бесплатные обеды, изучение иностранного языка и т.д.

Для решения проблемы снижения уровня профессионализма муниципальных служащих можно предложить регулярную оценку соответствия и сопоставление компетенций, необходимых на данной должности (которые должны быть закреплены в должностном регламенте) и компетенций, которыми обладает занимаемый эту должность сотрудник; после чего выявление потребности в обучении; разработка соответствующих образовательных программ, включающих возможность посещения различных тренингов, развитие лидерских качеств, формирование стратегического мышления, стажировки в коммерческие структуры, введение института наставничества, коучинга и т.д.

В самое ближайшее время необходимо направить на переподготовку лиц, квалификация которых не соответствует замещаемой должности, провести анкетный опрос служащих для изучения потребности в совершенствовании знаний, навыков и умений, а при организации повышения квалификации необходимо отдавать предпочтение дистанционным формам обучения. Применение дистанционного обучения позволяет индивидуализировать образовательный процесс, сделать его более гибким, доступным, мобильным и творческим.

Использование возможностей дистанционного образования на муниципальной службе особенно актуально, так как оно позволяет поддерживать необходимый уровень компетенций, не отрываясь от рабочего места, повышает уверенность в себе и удовлетворенность от использования инновационных технологий в своей работе, «идти в ногу со временем», и как результат, организовывать своей трудовой процесс наиболее интересным для самого служащего образом и получать высокие результаты труда и дальнейшее продвижение.

Литература:

1. Долинин А.Ю. Кадровый аудит: курс лекций. Рязань, 2011. 96 с.
2. Заборовская С.Г. Развитие кадрового потенциала муниципальной службы в современных условиях: региональный аспект: автореф. дис. ... канд.социол.наук. Уфа. 2009. 22 с.

Безпарточный М.Г.

к.э.н., доцент кафедры экономики предприятия

ВУЗ Укоопсоюза

«Полтавский университет экономики и торговли»

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УСТОЙЧИВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Современные геополитические трансформации и финансовый кризис оказывают все большее влияние на общественную и психологическую жизнь населения, формируя определенные социокультурные факторы.

Необходимо отметить, что социокультурные факторы формируются в рамках определенного общества и отражают особенности основных взглядов, ценностей и норм поведения людей, влияющих на принятие решений. К ним относятся: отношение людей к самим себе и к другим, к общественным институтам, природе, основным культурным ценностям [1].

Одним из экономических институтов являются торговые предприятия, деятельность которых направлена на удовлетворение потребностей потребителей в соответствующих товарах и услугах [2]. Функционирования торговых предприятий в условиях конкуренции и социокультурных трансформаций снижает их деловую активность и негативно отражается на экономических результатах их деятельности, а также уровне удовлетворения потребностей потребителей, что связано с ограничением товарного ассортимента и ростом розничных цен. В соответствии с этим, возникает необходимость формирования механизмов обеспечения устойчивого функционирования и развития торговых предприятий.

В условиях социокультурных трансформаций на потребителей также оказывают негативное влияние факторы внешней среды, которые проявляются в снижении их платежеспособного спроса, уровня жизни и социального статуса. При этом потребитель старается удовлетворить существующие потребности за счет оптимизации собственных расходов на приобретение соответствующих товаров и услуг. Торговые предприятия должны постоянно осуществлять мониторинг уровня затрат и потребностей потребителей, используя при этом комплекс маркетинга и принимать соответствующие управленческие решения по формированию лояльности потребителей, обеспечения стабильных объемов товарооборота и прибыльности [3].

Социокультурная среда влияет на стиль повседневной жизни и предпочтения потребителей. В большинстве случаев поведение потребителя при приобретении товаров и услуг определяют и факторы социокультурного влияния. В частности, существенное влияние оказывают референтные группы, которые представлены лицами, опосредованно влияющими на поведение потребителя (членские или первичные коллективы, семья и т.д.) [4]. Проведенные нами исследования потребностей потребителей позволили выявить факторы ситуационного влияния, которые определяют поведение покупателя, а именно:

изменения в макросреде, в частности экономическая ситуация в стране, уровень научно-технического прогресса, изменение формы собственности и т.п.;

изменения финансового состояния потребителя, изменения в цене определенного товара, возникновение потребности в другом товаре, изменения настроения покупателей;

атмосфера в торговом заведении, действия других потребителей, которые могут и стимулировать процесс приобретения товара, и противодействовать его осуществлению.

На наш взгляд, факторы, влияющие на покупательское поведение потребителя, можно условно разделить на две группы: контролируемые и неконтролируемые со стороны торговых предприятий. Психологические, личностные, социокультурные факторы и факторы ситуационного влияния не подлежат контролю со стороны торговых предприятий. Их необходимо перманентно исследовать и учитывать при разработке экономической стратегии обеспечения эффективного функционирования и развития торговых предприятий.

Формирование экономической стратегии обеспечения эффективного функционирования и развития торговых предприятий в условиях социокультурных трансформаций должно осуществляться за счет построения системы взаимоотношений с потребителями. В мировой практике широкое распространение получили концепции управления взаимоотношениями с потребителями на основе внедрения на предприятиях CRM-систем (Customers Relationships Management) [5]. Поэтому, учитывая современные экономические условия, которые, кроме вышеупомянутых проблем, сопровождаются усилением конкуренции на потребительском рынке, повышением требований потребителей к качеству предлагаемых товаров и уровню торгового сервиса, снижением эффективности традиционных маркетинговых средств и т.п., целесообразным является внедрение CRM-систем на торговых предприятиях.

Внедрение и активное использование такой системы будет способствовать повышению уровня удовлетворения потребностей потребителей, позволит торговым предприятиям получить новые возможности по развитию клиентской базы, совершенствованию товарного ассортимента и увеличению емкости соответствующих сегментов сбыта товаров, а также обеспечит устойчивое положение и долгосрочные конкурентные преимущества на потребительском рынке. Такое ориентирование на покупателя, когда торговое предприятие определяет важнейших потребителей и исследует комплекс их потребностей, способствует совершенствованию собственных ресурсных возможностей с целью максимального удовлетворения потребностей.

По нашему убеждению, для торговых предприятий целесообразно сформировать три составляющие CRM-системы:

1) маркетинга – система, которая автоматизирует маркетинговые операции, оптимизирует информационные процессы, позволяет эффективнее планировать маркетинг и анализировать результаты;

2) товарооборота – система автоматизации деятельности торгового процесса и реализации товаров, которая позволяет прогнозировать и анализировать продажи товаров, составлять отчетность, учитывать доходность, автоматически планировать объемы товарного обеспечения на прогнозируемый период;

3) обслуживание потребителей – система автоматизации службы поддержки и обслуживания покупателей, которая включает консультирование и информирование потребителей, мониторинг процессов приобретения товаров, средства контроля торгового обслуживания потребителей, базу знаний типичных проблем, связанных с использованием товаров, гарантийным и послегарантийным обслуживанием.

Для эффективного внедрения CRM-системы торговые предприятия должны осуществить следующие мероприятия:

установить стратегические цели, определяющие содержание программы внедрения системы управления взаимоотношениями с потребителями и определить, какие выгоды получит торговое предприятие от внедрения системы; целесообразным является формирование целей в краткосрочной и долгосрочной перспективе; торговым предприятиям необходимо разработать механизмы оценки и контроля результатов внедрения системы; следует установить определенные целевые значения по полученной информации от потребителей относительно покупательских предпочтений, приобретения товаров, осуществления повторной покупки и т.п.;

разработать комплексную программу лояльности и управления отношениями с потребителями; такая программа может включать конкурентные преимущества за счет ориентирования на определенный сегмент потребителей, их платежеспособный спрос, товарный ассортимент, систему ценообразования и т.д.

Таким образом, одним из эффективных средств обеспечения эффективного функционирования и развития торговых предприятий в условиях социокультурных трансформаций является внедрение CRM-системы, которая позволяет осуществлять перманентный мониторинг потребностей потребителей с учетом изменения их платежеспособного спроса, автоматизировать торговый процесс, сформировать конкурентные преимущества на основе управления взаимоотношениями с покупателями и получить положительный экономический результат.

Литература:

1. Малюта А. Социокультурные проблемы и перспективы инновационной экономики // *Экономист*. 2007. № 9. С.13-15.
2. Безпарточний М.Г. Роль торговельних підприємств у задоволенні потреб споживачів // *Вісник Східноєвропейського університету економіки і менеджменту: Науковий журнал. Серія: економіка і менеджмент. Випуск 1 (14).* – Черкаси: Східноєвропейський університет економіки і менеджменту, 2013. С. 155-166.
3. Безпарточний М.Г. Формирование устойчивого экономического развития торговых предприятий в посткризисный период. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов «Актуальные проблемы инновационного развития экономики». 9-10 апреля 2014 года: В 3 ч. Белгород: Издательство БУКЭП, 2014. Ч. 2. С. 277-286.
4. Лановенко А.А. Современная социокультурная ситуация: соотношение традиции и новации // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2011. № 3. С. 221-232.
5. Пилипчук В.П., Данніков О.В., Кирилова О.В. Маркетингове та інформаційне забезпечення формування та реалізації бізнес-рішень на основі впровадження CRM-технологій // *Вісник Хмельницького національного університету*. 2009. № 6, Т. 3. С. 80-84.

Белоногов Ю.Г.

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
к.полит. н., доцент кафедры ГМУИ*

ОБЩЕСТВЕННО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ОРГАНЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РФ: К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ

В 2000-е годы формирование института общественно-консультативных советов (далее ОКС) при федеральных органах исполнительной власти началось после Постановления Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 481 [1] и Указа Президента РФ от 4 августа 2006 года № 842 [2]. Приказ Федеральной антимонопольной службы России (ФАС РФ) от 28.02.2007г. №44 утвердил Положение об Общественно-консультативном совете при территориальном органе ФАС [3]. ОКС при территориальных органах ФАС создавались под следующими названиями: общественные советы, экспертные советы, общественные консультативные советы, рабочие и экспертные группы. Однако для них с самого начала были характерны следующие общие признаки: существование в качестве совещательных органов на постоянной основе, включение представителей заинтересованных групп и независимых экспертов, рекомендательный характер принимаемых решений.

В целом институт общественных советов при органах власти рассматривается некоторыми исследователями как способ привлечения профессиональных сообществ к обсуждению важных проблем, как форма диалога между властью и гражданским обществом с целью реализации прав граждан на участие в управлении делами государства и усиления роли общественного контроля [4, с. 92; 5, с.28].

При этом именно к общественно-консультативным советам в политологической литературе присутствует и весьма критичное отношение. Исследователи подчеркивают приоритетную значимость роли руководителей ведомств в фактическом определении миссии совещательных структур [6, с. 29]. В отдельных случаях приводится неутешительный вывод: институт ОКС при органах власти создается с целью выполнить указание вышестоящего руководства и используется как имитация реального диалога власти и общества [например, см.: 7; 8]. В современной политической науке сформировалось три подхода к определению функциональной значимости института общественно-консультативных советов при исполнительных органах государственной власти. Первый («лоббистский») трактует совещательные органы как институт продвижения частных групповых интересов, второй («административный») – как институт сбора необходимой для принятия управленческого решения информации, третий («делиберативный») – как институт – медиатор, предназначенный для достижения компромисса между заинтересованными группами. По мнению Г.А.Гарифуллиной, данные подходы не являются взаимоисключающими, они по-разному расставляют акценты во взаимодействии органов государственной власти, заинтересованных групп и иных институтов гражданского общества [9, с. 29, 32].

Необходимо также обратить внимание и на методику исследователей для соотнесения конкретного ОКС с его «практической миссией». Так, для определения функциональной значимости совещательных структур Г.А.Гарифуллина приоритетное внимание уделяет изучению персонального состава ОКС, доле в нем представителей крупного бизнеса, их отраслевой принадлежности [10]. А.Ю.Сунгуров выводы в своих работах делает, прежде всего, на основе методики экспертного интервью, отражающей видение собственно респондентами (членами совещательных структур) функций ОКС [например, см.: 11].

По нашему мнению, существенное влияние на функциональную значимость ОКС оказывает специфика деятельности конкретного органа государственной власти. Так, Федеральная антимонопольная служба (ФАС РФ) и ее территориальные органы осуществляют функции по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору за соблюдением законодательства в сфере конкуренции на товарных рынках, защиты конкуренции на рынке финансовых услуг, деятельности субъектов естественных монополий и рекламы. Фактически ФАС РФ выступает в качестве некоего «арбитра» в спорах по поводу применения антимонопольного законодательства, причем в роли объекта интересов выступают не только предприниматели и бизнес-структуры, но и органы ГМУ. Поэтому только один из трех указанных выше подходов вряд ли применим хотя бы в силу специфики деятельности этого «стража» антимонопольного законодательства.

Важное значение имеют и задействованные источники, информация с которых может существенно расширить представление о роли института ОКС в системе публичной власти. Так, на достаточно стандартизированном (по меркам ФАС РФ) официальном сайте Пермского УФАС [3] размещено краткое резюме не только о миссии, регламенте работы, но и составе общественно-консультативного совета и его руководящих органов. Это позволяет определить наличие определенных заинтересованных групп, динамику их представительства в составе совета. Статус НКО не должен вводить в заблуждение: члены ОКС от некоммерческих партнерств, ассоциаций, фондов отражают интересы определенного сегмента бизнес-сообщества. Регламент работы ОКС позволяет определить полномочия совещательного органа и УФАС с точки зрения противодействия влиянию заинтересованных групп в процессе обсуждения и подготовки управленческих решений.

Последнее обстоятельство представляется актуальным, поскольку имеющиеся в наличии протоколы заседаний ОКС нередко отражают противоречия в озвученных позициях выступавших членов по ряду вопросов. Помимо количественного и качественного изучения повестки достаточно редких заседаний ОКС (3-4 раза в год), интерес представляют окончательные решения УФАС по рассматриваемым вопросам и мотивировка данных решений, отраженная в СМИ (представители СМИ специально приглашаются на заседания ОКС, особенно при рассмотрении наиболее резонансных для пермского сообщества вопросов). Сравнительный анализ озвученных в ходе заседаний мнений членов ОКС, выработанных рекомендательных решений ОКС и окончательных решений руководства УФАС по определенному спектру вопросов позволяет отследить не только степень реализации УФАС решений ОКС, но и (что более важно) степень учета интересов определенных групп предпринимателей.

Безусловно, изучение нормативной документации работы ОКС в сочетании с протоколами заседаний и отслеживанием официальных решений УФАС по рассматриваемым вопросам дополнит используемые в научных исследованиях методики определения функциональной значимости совещательных структур в системе публичной власти.

Литература:

1. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 481 (с изменениями и дополнениями от: 28 марта 2008 г., 6 июня 2013 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам: Указ Президента РФ от 4 августа 2006 года № 842 (с изменениями и дополнениями от: 23 мая 2011 г., 23 мая 2013 г.). // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3. Управление Федеральной антимонопольной службы по Пермскому краю: Официальный сайт [электронный ресурс]. URL: <http://perm.fas.gov.ru/node/6896> (дата обращения: 14.10.2014).

4. Аносова В.В. Общественные советы: диалог между властью и обществом // Теория и практика общественного развития. 2013. - № 8. - С. 92-94.

5. Липчанская М.А. Деятельность общественных советов при федеральных органах исполнительной власти как форма участия граждан в управлении делами государства // Пробелы в российском законодательстве. - 2009.- №4.- С. 27-30.

6. Титов В.Н. Исполнительная власть и гражданское общество: становление и развитие новых механизмов диалога и контроля // Право и безопасность. - 2011. - №3-4. - С. 28-32.

7. Горный М.Б. Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // Телескоп. 2011. - №2 (86). - С. 14-24.

8. Сунгуров А.Ю. Общественные советы как институты мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края // Социум и власть. 2013. - №6. - С. 48-54.

9. Гарифуллина Г.А. Совещательные органы при исполнительной власти - институт диалога с бизнесом? // Бизнес. Общество. Власть. 2011. - №6. - С. 29-41.

10. Гарифуллина Г. Общественные советы при ведомствах: функции, задачи, структура // Проблемы теории и практики управления. 2012. - №2. - С. 120-126.

11. Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Ретрова Л.А., Распопов Н.П. Институты – медиаторы и их развитие в современной России. Часть 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Политические исследования. 2012.- №1.- С. 165-178.

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ОТВЕТ ЗАПАДУ.
АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

«Есть древняя поговорка: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайги своей не отдаст. К нам не лезьте и не корчите из себя вершителей судеб мира».

В.В. Пути, Валдай
24.10.2014

События последнего времени заставляют задуматься каждого жителя нашей страны: от простого рабочего до государственного деятеля. На наших глазах мир меняется, можно сказать переворачивается с ног на голову. То, что ещё вчера казалось невозможным и неприемлемым, сегодня мы видим в полной мере рядом с нами. От деградации «свободного» европейского социума до военных событий на Украине. Наши «западные коллеги» умело подбирают выражения во внешней политике, но забывают, что вечно всех «водить за нос» невозможно. Они всегда вели против СССР и позже России информационные войны, которые приносили им огромные плоды в сферах экономики, политики, управления. Но сейчас ситуация в мире такова, что система однополярного мира разрушается. Центр силы теперь не один, а несколько. Сейчас на виду страны БРИКС.

Китай, Индия и Россия – костяк Евразии, сильнейшие страны в сфере экономики, культурно и духовно богатые, имеющие чёткий вектор цели развития. Бразилия и ЮАР оказывают огромное влияние на своих континентах. Многополярный мир как система по утверждениям многих политиков, в том числе и нашего государя, должен строиться на принципах взаимоуважения, соблюдения норм международного права, взаимной выгоде стран, партнёрства, дипломатии. Двойным стандартам в мировой политике места больше не будет.

Чтобы говорить о политике как таковой, для начала нужно раскрыть понятия иерархичности власти и управления обществом. Видов власти всего пять. При этом три вида у всех на слуху: законодательная, исполнительная и судебная. А два других вида так или иначе умалчиваются. Речь идёт о власти идеологической и концептуальной. Стоит отметить, но как не парадоксально, в нашей конституции идеология запрещена. В статье 13 говорится следующее: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие». И далее: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». [1] Идеология – это система взглядов и идей, формирующая поведение конкретного социума, а также конкретного индивида и выражающая идеи, мировоззрения и интересы различных групп и сообществ. Причём идеологию формирует концепция. Концепция - латинское слово, означающее способ понимания, различения и трактовки каких-либо явлений, порождающий присущие только для данного способа, соображения и выводы. [2] Соответственно явления и факты в разных концепциях имеют различную интерпретацию. Концептуальная власть формирует тенденции развития и задёт вектор цели цивилизации. Сейчас начинают явно прослеживаться две глобальные концепции управления: Западный и Русский проект. Россия – многонациональная евразийская цивилизация, которая держится на таких столпах как русский язык, традиции предков, вера в справедливость, коллективизм народа нашей страны. В этом есть сила великой России. Но наша страна в силу ряда причин имеет врагов как внутри страны, так и за её пределами. Отдельная заслуга в сохранении безопасности нашей страны и доведении её до сегодняшнего уровня президенту В.В. Путину. За период правления президента начал формироваться новый управленческий корпус со здоровым вектором цели. И только сейчас мы на мировой арене стали проявлять силу. Не наглость, а силу, отстаивание своих интересов.

На мировой арене Западу же позволено всё. Их, так называемая, свобода довела до абсурда. Их вседозволенность во внешней политике перешла все границы. Они мечтают везде установить свой «Novus Ordo Seclorum» (Новый Мировой Порядок). Но реальность такова, что это более невозможно. Открытое информационное общество позволяет передавать информацию мгновенно во все уголки Земли. Ложь об Ираке, Сирии, Сербии и других пострадавших странах более не скрыть. Оранжевые революции и государственные перевороты руками радикалов - оружие, которое применяется в захвате власти в интересах США и заправил их концепции управления. Все эти схемы стали известны, информация об этом есть в свободном доступе. Информационную войну по ситуации на Украине однозначно выигрывает Россия. Люди постепенно начинают просыпаться и понимать, что происходит сейчас и происходило в прошлом. Изменилась логика социального поведения. Поэтому управлять обществом становится сложнее. Управление обществом осуществляется на основе множества приоритетов управления. Среди них военное оружие и оружие геноцида (алкоголь, табак и другие наркотики). Управление через экономику, а также центробанк и ссудный процент в частности. Управление через идеологии и различные социальные технологии, что было хорошо показано в принципе «разделяй и властвуй» на примере «красных» и «белых». Управление по хронологическому приоритету, который реализовывался в подмене понятий, фактов, искажении или умалчивании исторических событий. Есть самый главный приоритет – мировоззренческий. Он определяет культуру мышления, мировоззрение человека, его взгляды на мир, различение тех или иных процессов в обществе, их взаимосвязь.

Глобализация процесс объективный. Но может идти по разным проектам, по разным концепциям управления. Западный проект сносит всё на своём пути, перемешивая людей в безликую массу, уничтожая традиционные ценности, провозглашая «свободу» личности. При этом неважно хочет та или иная страна или цивилизация играть по вашим правилам. Русский вариант глобализации несёт в отличие от техногенного Запада иную гармоничную концепцию, где человек часть биосферы, человек творец, а не потребитель, где справедливость и совесть в приоритете, где традиции и культуры самостоятельны и не вытесняются другими, а все живут в ладу. Поэтому внешняя политика России должна быть направлена как на решение насущных экономических, продовольственных и многих других проблем, так и на совершенствование кадровой базы, имеющей здоровый вектор цели, людей, которые видят сильную Россию. Евразийский Союз – это начало нового мира, мира многополярного.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [Электронный ресурс]. URL <http://constitution.garant.ru/rf/chapter/1/> (дата обращения 12.10.2014 года)
2. Ефимов В.А. Концептуальная власть. - СПб.: Общественная инициатива, 2003 - 6 с.

Беляева М.А.

*Уральский государственный педагогический университет
профессор кафедры технологии социальной работы
доктор культурологии, доцент*

«ТРАДИЦИОННАЯ ЕСТЕСТВЕННАЯ СЕМЬЯ» – НОВЫЙ ТРЕНД ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Россия на очередном витке создания нового имиджа, а значит в поиске новых брендов и трендов. Находясь в постоянном стремлении «догнать и перегнать», мы не раз теряли свое лицо (яркий тому пример, состояние современной системы образования). Но оказалось, что есть сфера, где, согласно официальной линии, мы не собираемся уподобляться «загнивающему Западу». Речь идет о брачно-семейной сфере, кризисное состояние которой активно обсуждается в разных форматах (научных и около того) и разных масштабах.

К наиболее масштабным относится недавний международный форум «Многодетная семья и будущее человечества», который проходил в Государственном кремлевском дворце в Москве (10-11 сентября 2014 г.) и объединил около 1,5 тысяч общественных деятелей из 46 стран мира и всех регионов России [2].

Данное мероприятие имело явные и скрытые смыслы. К явным следует отнести пропаганду семейных ценностей, поддержку многодетности как идеала провозглашаемой в РФ пронаталистской демографической политики, демонстрацию партнерства на этой ниве органов государственной власти с международным сообществом, а также с внутрироссийскими субъектами – представителями науки, культуры, образования, СМИ, конфессиями. Среди завуалированных смыслов стоит назвать продвижение многодетности как политически выгодного бренда, доказывающего успешность проводимой политики и позиционирующего Россию в качестве сильной державы, имеющей крепкие корни и надежное будущее.

Форум продемонстрировал появление новой, по своей формулировке, идеи, претендующей на консолидирующую роль и тяготеющей к традиционализму. Суть идеи – поддержка и всяческая пропаганда «традиционной естественной семьи».

Поразмышляем над предложенной понятийной конструкцией.

Естественная и неестественная культура, естественная и неестественная семья, возможны ли такие сочетания? Понятие «естественный» одно из ключевых в дарвинизме («естественный отбор»), поэтому использование этого термина сторонниками традиционной семьи, оперирующих, как правило, церковной риторикой, даже неожиданно.

Что понимать под традицией, и к какой традиционной и вместе с тем «естественной семье» нам надо стремиться?

Учитывая специфику уважаемых организаторов выше обозначенного форума, «традиционную естественную семью», вероятно, следует ассоциировать с образом многопоколенной крестьянской семьи, характерной для доиндустриальной России. Уклад жизни такой семьи тесно связан с сельским хозяйством, ранним включением детей в социально полезный труд (с 7 лет), мужским главенством, подчиненностью индивидуальных интересов коллективным, что в том числе отражается и повседневных репродуктивных практиках, стилях родительского поведения.

Можем ли мы вернуться к такой модели семьи? Или формулировка «традиционная естественная семья» буквально не подразумевает крестьянского уклада жизни, а несет в себе абстрагированную систему ценностей и норм, присущих семье того времени. Например, почитание многодетности, уважение родителей, понимание материнства как главного предназначения женщины. Именно это и привлекательно, но может ли оно быть заимствовано и привито на почву постиндустриальной культуры? Полагаю, это невозможно. Картина мира, смысловые поля, в которых живет человек, неразрывно связаны с его повседневностью. Женщина, встающая в пять утра, чтобы подоить корову и заняться другими делами по хозяйству, будет жить другими переживаниями, нежели женщина, встающая в пять утра, чтобы, преодолев долгий путь из города-спутника в мегаполис, вовремя прийти на работу, где она теряет связь с семьей и своим «хозяйством». Временный, но постоянно происходящий разрыв индивида с семьей, оправданный как условие выживания и адекватной социализации, неминуемо изменяет положение ценности «семья» в ряду других индивидуально и общественно значимых ценностей.

В рассуждениях о ценностях (существуют ли общечеловеческие ценности?), я выступаю за правомерность такого гипотетического конструкта. Аксиологическая матрица носит всеобщий характер и включает вполне определенный набор ценностей: витальные (жизнь, здоровье, безопасность), эстетические (красота, гармония), нравственные (свобода, долг, ответственность) и т.д. Этот список конечен, но он не есть «таблица Менделеева», с четко закрепленным местом и характеристиками каждого элемента. Приоритет и смысловая трактовка ценностей меняется в историческом, территориальном, этническом, конфессиональном и прочих срезах. Поэтому, когда звучит призыв к «традиционной естественной семье», то это, либо призыв к невозвратному прошлому, которое постепенно мифологизируется и представляется все более позитивным; либо, чтобы не быть утопичной, эта формулировка скорее всего носит локальный общественно-политический смысл и призвана разделить существующие формы брачно-семейных отношений на легитимные и нелегитимные.

Из воззвания форума [2] понятно, что для его организаторов и участников неприемлемы однополюе брачные союзы, не просто легализованные, а защищаемые законом некоторых стран в своих притязаниях на реализацию полного функционального комплекса, присущего семье, включая репродуктивную и далее воспитательную миссию за счет применения вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства (позицию автора по этому поводу см. [1, с. 150-175]).

Но, если принять за единственно верную норму – многодетный брачный союз мужчины и женщины, тогда девиантными следует расценивать не только однополюе браки (которые немногочисленны), но и массовые «осколочные» формы семьи: неполные материнские, реже отцовские семьи, а также семьи, где выпадает родительское поколение, а их роль по воспитанию детей играет поколение прауродителей. Полные, но малодетные семьи, тоже не вписываются в формат «традиционной естественной семьи». А многодетные, но бигамные семьи (чем выше уровень доходов, тем выше вероятность наличия у мужчины двух семей, и соответственно общее число его детей может быть 3 и более), как быть с их оценкой? Для ряда этносов, в том числе проживающих в современной России, полигамный (а точнее бигамный) брачный союз рассматривается как традиционный и вполне естественный.

Итак, что все-таки главное в формулировке «традиционная естественная семья»: многодетность, моногамность, гетерогенность брачного союза? Вероятно, многодетность.

Может ли в современной модели российской семьи измениться такой структурный признак как количество детей? Теоретически изменения могут идти в любом направлении. Особенно, если поставить цель и начать к ней стремиться. Причем лучше обозначить в качестве более реалистичной цели – среднедетность (3-4 ребенка), которая покрывает потребность нашего общества в преодолении депопуляции. Но достижение многодетности/среднедетности требует новых мотивационных факторов, т.к. традиционные мотивы (заинтересованность в детях как бесплатной рабочей силе, гарантированном источнике помощи в старости) не работают. Стимулы иных мотивов репродуктивного поведения – вопрос уже для другой дискуссии. Отметим только, что современное родительство – рефлексивно, т.е. основано на более или менее сознательном выборе. Современный многодетный родитель базируется на других представлениях о свободе, долге и ответственности, смысле жизни, ее безопасности и успешности и не равен по своей сути «традиционному родителю», который рождение детей считал чем-то сакральным и неотделимым от брака.

Таким образом, в последнее время наблюдается продвижение понятия «традиционная естественная семья» как нового тренда в сфере брачно-семейных отношений, а вместе с ним и многодетности (а в реальности – среднедетности) как бренда территории применительно к России в целом, или к ее отдельным субъектам в качестве признака возрождения, процветания, усиления и т.д. Многодетность из обыденной структурно-функциональной характеристики семьи превращается в символику с явной политической окраской, а моногамный разнополюый брачный союз из программы «по умолчанию» переходит в разряд бескомпромиссной открытой манифестации, призванной отделить норму от патологии. Пострадают ли от этого толерантность и демократия? Где границы естественного и противоестественного в культурном устройстве семьи и брака? Вопрос открыт.

Традиционная культура снабжает нас старыми канонами, которые наполняются новыми смыслами, а значит стагнации, остановки в развитии, гомогенности культурного поля, вопреки мрачным прогнозам пока не случилось. Социокультурная трансформация российского общества продолжается, и радуется хотя бы то, что не под всякой «болонизацией» и «европеизацией» мы согласны подписаться.

Литература:

1. Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в российской повседневности: Уральский гос. пед. университет. – Екатеринбург, 2011. – 256 с.
2. Воззвание участников Московского международного форума «Многодетная семья и будущее человечества (10-11 сентября 2014 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://cnsr.ru/press-tsentr/novosti-fonda/vozzvanie/>

АПК УКРАИНЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

Развитие конкуренции требует определенных мер по укреплению позиций производителей на национальном потребительском рынке, оптимизации их хозяйственного механизма.

В каждой экономической системе хозяйственный механизм формируется в процессе взаимодействия ее составных элементов, прежде всего, производительных сил и отношений собственности, при соблюдении оптимального сочетания государственного регулирования и рыночных рычагов саморегулирования экономики.

Итак, хозяйственный механизм осуществляет регулирование деятельности всех субъектов и их экономических отношений, обеспечивает организацию производства, распределения и потребления необходимых ресурсов, создает условия мотивации персонала и формирования конкурентоспособности предприятий АПК, выступает важным средством дальнейшего развития национального продовольственного рынка [1, с. 218-221].

В становлении и развитии национального продовольственного рынка особое место занимает формирование конкурентоспособности предприятий АПК, которое основывается на ускоренном развитии и обеспечении эффективности агропромышленного производства. Обеспечение конкурентоспособного производства сельскохозяйственной продукции становится одним из главных факторов формирования демократического государства, ключевым стратегическим направлением государственной политики.

В обеспечении конкурентоспособности предприятий АПК важное значение приобретают формы государственной поддержки их хозяйственной деятельности.

Страны мира постоянно не только не сокращают, а даже расширяют такую поддержку. Попробуем выяснить, какие именно факторы обуславливают указанную поддержку.

Первый из них связан с тем, что сельское хозяйство как отрасль национальной экономики, является наиболее немонополизированной, измельченной в отношении имущества и пространственного расположения, сферой. Агропродовольственное производство постоянно испытывает ценовое давление со стороны других отраслей, с которыми производители сельскохозяйственной продукции поддерживают определенные связи на рынке. Локальный монополизм перерабатывающих предприятий и торговли формирует неблагоприятные условия сбыта сельскохозяйственной продукции, в результате чего наблюдается тенденция сокращения доходов его производителей в расчете на единицу реализованной продукции.

Второй фактор – нестабильность доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей вследствие погодно-климатических колебаний, имеющих дестабилизирующее влияние на внутренний продовольственный рынок, они вызывают непрогнозируемые изменения цен на отдельные продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. Объективно возникает необходимость регулирования рынков сельскохозяйственного сырья и продовольствия, в том числе с помощью государственных закупок и товарных интервенций.

Третий фактор – неотвратимая и постоянно растущая открытость внутреннего рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья, а также связанное с этим ценовое давление на национальных производителей в условиях глобализации экономики и интернационализации мировых рынков. Именно этот аспект предопределяет то, что задачи государственной поддержки плотно переплетаются с проблемами обеспечения национальной продовольственной безопасности страны.

Четвертый фактор – охрана и сохранение окружающей среды, развитие сельских населенных пунктов и обеспечение национальной продовольственной безопасности.

Формы государственного воздействия, которые имеют место в мировой хозяйственной практике, можно свести к трем укрупненным группам.

Первая группа – правовое сопровождение, оно обусловлено функцией государства относительно определения законодательных основ и границ вмешательства в процессы производства и распределения сельскохозяйственной продукции и сырья. Правовое сопровождение охватывает все сферы функционирования агропродовольственного рынка. К сожалению, в Украине механизм правового сопровождения агропродовольственного производства есть основания полагать несовершенным.

Вторая группа – бюджетно-финансовое влияние. На общем неблагоприятном фоне бюджетные средства выполняют функцию замены нехватки финансовых источников воспроизводства в аграрном секторе и не имеют активного целенаправленного воздействия на темпы и пропорции его развития, не инициируют инновационной деятельности субъектов хозяйствования, обуславливают низкую эффективность расходов на поддержку агропромышленного производства.

Третья группа – реализация государственных программ развития аграрного производства.

Политика правительства Украины по развитию агропродовольственного производства не охватывает проблемы благоустройства сельских территорий и повышения благосостояния работников сельскохозяйственной сферы. С целью сохранения независимости и обеспечения экономической (а в ее пределах – продовольственной) безопасности государства агропромышленный комплекс нуждается в преобразовании в стратегический приоритет государственной социально-экономической политики, что обеспечит постепенный рост и национальной экономики в целом.

Преобразование АПК в приоритет национального экономического роста позволит решить ряд проблем перспективного социально-экономического развития страны, а именно: насыщения внутреннего продовольственного рынка собственными товарными ресурсами путем максимального использования агроэкономического потенциала регионов (в первую очередь, сырьевой базы); оптимизации импорта сельскохозяйственного сырья и его последующей переработки на национальных предприятиях; обеспечения продовольственной независимости страны; модернизации отраслей агропромышленного комплекса; создания новых рабочих мест; повышения оплаты и улучшения условий труда; роста доходов территориальных бюджетов за счет интенсификации развития аграрной сферы и т.д. [2, с. 77-81].

Аграрный сектор экономики Украины имеет мощный потенциал экономического роста. Перспективы развития АПК должны обеспечивать условия для качественного роста субъектов рынка.

В настоящее время существует множество различных теорий и алгоритмов регулирования экономического роста, но логика хозяйствования в условиях развития конкуренции остается единой. Отличие теоретических рекомендаций для практического использования определяется конкретными условиями развития экономики в том или ином государстве или его регионах.

Обеспечение устойчивого развития сельскохозяйственного производства, преодоление негативных тенденций как в экономической, так и в социальной сфере, могут быть обеспечены лишь на основе создания адекватных условий функционирования субъектов рынка.

Подавляющее большинство исследователей, в том числе и в сфере агропромышленного производства, в настоящее время соглашаются с тем, что интегрирующим фактором роста следует считать научно-технический прогресс, который касается всех аспектов развития производственных сил.

Процессы глобализации и интеграции мировой экономики лишают национальные рынки естественных границ, сейчас они не являются преградой для иностранных субъектов хозяйствования. Такие процессы заметны и в Украине в сфере агропродовольственного рынка. Существенно превышая украинский агробизнес по экономической и экологической мощностям, они способны предложить украинскому потребителю новые виды продуктов и услуг, производство которых требует не только значительных инвестиций, но и фундаментальных научных исследований.

Литература:

1. Гончаров В.М., Солоха Д.В., Припотень В.Ю., Васьковська Я.В. Організація системи формування механізму інноваційного забезпечення економічної безпеки конкурентоздатного підприємства: монографія. Донецьк: СПД Купріянов В.С., 2010. 416 с.
2. Березін О.В., Березіна Л.М. Інноваційні аспекти у формуванні конкурентної стійкості підприємств АПК // Часопис економічних реформ. 2014. № 3. С. 77-81.

Березина Л.М.

*Полтавская государственная аграрная академия
профессор кафедры экономики предприятия
д.э.н., профессор*

ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК УКРАИНЫ

Формирование эффективных организационно-экономических отношений предприятий АПК Украины, где должны быть учтены интересы всех участников производства, возможно лишь при условии соблюдения соответствующих принципов.

Принцип рассматриваем (от лат. *principium* – начало, основа) как базовое правило, движущую силу, который следует учитывать при разработке методологических основ формирования и развития организационно-экономических отношений между предприятиями всех сфер АПК. Такие принципы являются результатом обобщения присущих взаимоотношениям предприятий всех сфер АПК существенных черт, характерных каналов коммуникации, постоянно воспроизводимых признаков, которые становятся опорными в их хозяйственной деятельности. Эти принципы являются объективными и отражают закономерности развития отраслей и сфер АПК [1, с. 43-48].

Общеэкономическими принципами считаем следующие:

а) соблюдение правового поля – государство через правовые акты регулирует отношения собственности, создает базис развития хозяйственных отношений;

б) обеспечение эффективности – предусматривает получение конечного экономического эффекта (удовлетворение потребностей потребительского рынка преимущественно ресурсами собственного производства, формирование экономической безопасности как составляющей национальной безопасности государства, повышение уровня удовлетворения потребностей потребителей в продуктах питания и т.д.);

в) справедливость – корректировка системы распределения материальных благ с целью предотвращения расслоения общества по уровню доходов;

г) стабильность – обеспечение выравнивания подъемов и спадов делового цикла, создание дополнительных рабочих мест, поддержка экономического роста;

д) системность – предполагает решение экономических, социальных, экологических задач в их взаимосвязи и направленности на получение синергетического эффекта;

е) адекватность – деятельность субъектов АПК должна соответствовать конкретному этапу и тенденциям развития рынка, социально-экономическому положению государства;

ж) единство текущего и стратегического планирования и прогнозирования – потребитель признается осью, стержнем хозяйственной деятельности, а его интересы являются приоритетом для формирования задач субъектами АПК.

Отметим, что уровень развития предпринимательства служит измерителем качества организационно-экономических отношений предприятий АПК, свидетельствует об эффективности производства в каждой его структурной составляющей. В мировой практике считается, что экономический строй, который не решил проблему создания цивилизованных форм предпринимательства, не имеет перспектив развития и в конце концов обречен.

Важным принципом формирования организационно-экономических отношений предприятий АПК следует признать проблемы собственности.

Собственность на землю и другие средства производства, находящиеся в распоряжении предприятий всех сфер АПК, безусловно, нуждается в их хозяйственном использовании, может осуществляться различными способами.

Прежде всего, владелец может организовать производство лично или поручить это наемным работникам. Заметим, что форма хозяйствования всегда обусловлена формами присвоения ресурсов.

Существенное влияние на формирование и дальнейшее развитие организационно-экономических отношений предприятий АПК оказывает проблема ограниченности ресурсов. Это выдвигает перед хозяйственной деятельностью субъектов АПК задачу максимально эффективного использования производственного потенциала путем достижения наивысшего возможного уровня удовлетворения потребностей потребительского рынка при рациональном использовании ресурсов.

Ограниченность ресурсов вынуждает общество искать пути повышения эффективности производства.

Исследование принципов формирования эффективных взаимоотношений субъектов агропромышленного комплекса требует рассмотрения проблемы капитализации производства. Капитал существует только там, где есть наемный труд, где дополнительный продукт принимает форму прибавочной стоимости, а последняя в процессе товарной реализации принимает форму прибыли. Предприятия АПК Украины следует классифицировать на хозяйства, которые не используют наемный труд, и хозяйства с привлечением наемных работников, независимо от того, является ли хозяин-предприниматель только владельцем, или выполняет еще и определенные функции управления [2, с. 290-296].

Определяющим аспектом функционирования АПК и развития отношений между его субъектами являются земельные ресурсы. По нашему убеждению, количество земли (с учетом ее качества и видов сельскохозяйственной продукции и сырья), количество и качество других производственных ресурсов могут быть положены в основу для расчета размеров предприятия с точки зрения имеющегося у него потенциала.

Стоит обратить внимание и на такой аспект развития отношений предприятий АПК, как масштабы производства. Заметим, что рост объемов производства не всегда позволяет получить экономические выгоды производителям. Считаем, что это возможно лишь в том случае, когда количество обуславливает появление нового, более высокого качества. Поэтому рост масштабов производства должен сопровождаться инновационным развитием технологий, форм организации производства, повышением уровня использования производственных мощностей и персонала.

Требует усовершенствования инженерная инфраструктура сельских поселений.

Трансформационные процессы в развитии национальной экономики Украины обуславливают необходимость изменения подходов к формированию механизмов эффективного управления субъектами всех сфер АПК. Предлагаем при построении механизмов управления любым предприятием АПК опираться на его ключевые компетенции и адаптировать их к намеченным целям развития. Уровень использования ключевых компетенций с точки зрения их эффективности имеет заметное влияние на все направления и сферы деятельности предприятия.

Потребительский рынок Украины характеризуется нестабильностью институциональной среды, в которой формируются спрос и предложение. Отсюда и существенные проблемы, тормозящие дальнейшее развитие организационно-экономических отношений субъектов АПК.

Насыщение потребительского рынка продуктами питания и усиление конкурентной борьбы на нем на качественно более высоком уровне обуславливает актуальность задачи поиска собственной ниши субъектами агропромышленного комплекса, что обеспечит долговременное их присутствие как на национальных, так и на мировых агропродовольственных рынках и будет способствовать формированию эффективных организационно-экономических связей между ними.

Современное развитие мирохозяйственной системы не представляется без процессов инновационного развития, которые происходят на основе использования информационной составляющей и обеспечивают формирование стратегий устойчивого развития экономических систем. При таких условиях новые общеглобальные тенденции обуславливают необходимость переноса акцентов относительно направлений хозяйственного развития с экономической на экологическую сферу.

Важное значение для развития организационно-экономических отношений предприятий АПК имеет формирование и развитие инфраструктуры агропродовольственного рынка.

Литература:

1. Березина Л.М. Аграрна політика уряду: її місце і роль у розвитку відносин підприємств АПК // Науковий вісник Полтавського університету економіки і торгівлі. Серія: Економічні науки. 2011. Вип. 2(47). С. 43-48.

2. Березина Л.М. Проблемы и перспективы развития внешнеэкономической деятельности как основы формирования эффективных взаимоотношений предприятий АПК Украины // Глобальная экономика: кол. монография под научн. ред. проф. Е.Н. Камышанченко, доц. Ю.Л. Растопчиной. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. С. 290-296.

Борисенко А. В.

ОАО «Уральские авиалинии»

ведущий экономист

Уральский государственный экономический университет

магистрант

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ФИНАНСАМИ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Вопросы развития гражданского общества в настоящее время носят довольно актуальный характер. В связи с популярностью проблематики учёные разных научных направлений пытаются дать определение этому термину. Существует большое количество трактовок, но единой не сформулировано до сих пор. Согласно одной из них, гражданское общество это общество с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями, независимое от государства, но взаимодействующее с ним.

К характерным чертам гражданского общества можно отнести следующие:

- высокий уровень материальной обеспеченности всех без исключения членов общества, высокий уровень правовой культуры и правового сознания;
- высокая степень самоорганизации и самоуправления социальной общности;
- относительная самостоятельность и самодостаточность гражданского общества;
- функционирование исключительно на основе демократических принципов, таких как равенства, гарантированности свобод граждан, политического плюрализма [1, с. 117-130].

Из этого следует, что развитие гражданского общества невозможно без активного вмешательства в государственное управление со стороны общества. Гражданское общество – это общество, где индивид вправе выражать свои гражданские интересы, активно пользуется этим правом и уверен в том, что его мнение имеет вес. Одним из наиболее острых вопросов в части государственного управления для населения является вопрос расходования государственных денежных средств. Это связано, прежде всего, с тем, что граждане являются основным источником денежных поступлений государства. На рисунке 1 это наглядно продемонстрировано.

Как видно из диаграммы, около 48% в структуре доходов федерального бюджета по состоянию на 1 июля 2014 г. по данным Министерства Финансов Российской Федерации составляют налоговые доходы, перечисляемыми в государственный бюджет гражданами страны [2]. Кроме того, граждане РФ являются основными потребителями государственных услуг и формируют спрос на них. Государственные органы власти получают право распоряжаться государственными ресурсами непосредственно от населения. Таким образом, государство несет ответственность перед обществом за строго целевую направленность и эффективность расходования их финансовых ресурсов.

Одним из способов обеспечения эффективности расходования финансовых ресурсов является общественный контроль. В настоящее время его роль и значение возрастают быстрыми темпами в связи с необходимостью совершенствования государственного управления, повышения качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг борьбы с коррупцией.

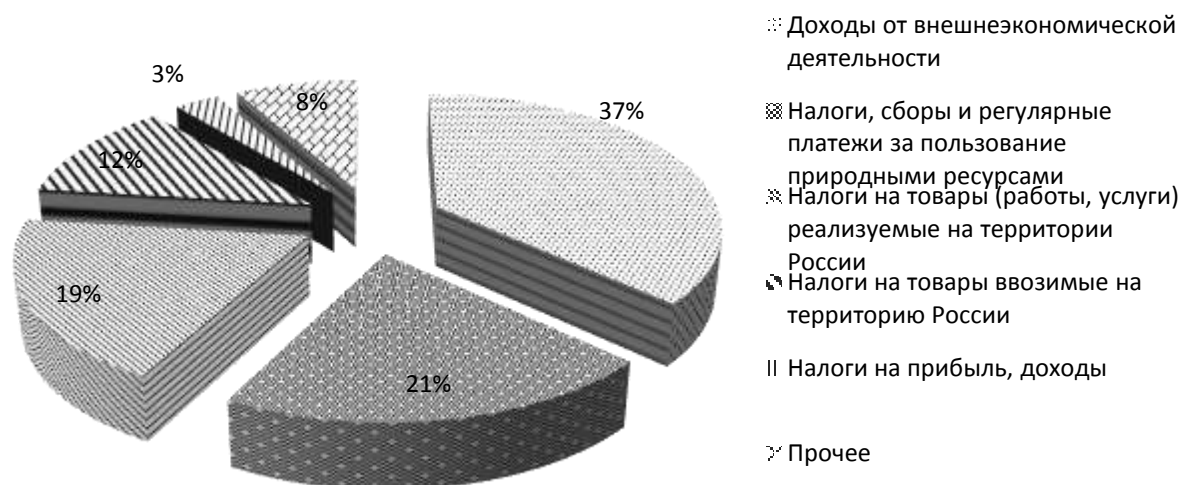

Рисунок 1. Структура доходов федерального бюджета, июнь 2014 г.[2]

Идея необходимости и важности контроля расходования государственных финансов и иных государственных ресурсов со стороны общества не является новой. В современных условиях становления и развития гражданского общества этот вопрос приобретает всё большую актуальность.

В этих целях Министерство Финансов разработало проект «Открытое Министерство». В рамках этого проекта созданы общественный совет, экспертный совет и экспертные группы. Они обеспечивают взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных объединений и иных некоммерческих организаций с Министерством Финансов РФ в целях учёта интересов и потребностей граждан. Кроме того, создан Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет», где подробно расписаны все статьи государственного бюджета, описан механизм принятия федерального бюджета, приведены статистические данные и новости. В 2005 г. была создана Общественная палата Российской Федерации. Она избирается один раз в три года. Основной её целью является осуществление взаимодействия граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти.

Таким образом, в настоящий момент в России активно формируется институт гражданской инициативы, развиваются инструменты открытого министерства. Поэтому, можно сделать вывод о том, что обществу предоставляется возможность контроля за расходованием финансовых ресурсов государства. В этом случае встают вопросы о политической активности, и правовой культуре населения. Об этом свидетельствуют данные о явке избирателей на избирательные участки. К примеру, в 2004 г. на выборах Президента Российской Федерации явка избирателей составила 64,38 %, в 2008 г. – 69,7%, а в 2012 г. – 65,34 %. По данным Сайта Центральной избирательной комиссии [3]. Эти данные являются официальными, скорректированные значения гораздо меньше. Для сравнения в на Парламентских выборах в Германии в 2013 г. явка избирателей составила 71,5%.

Причин этому может быть много. Представляется, что основной причиной является неуверенность населения в том, что их гражданская позиция будет услышана. Бытует мнение о том, что в стране всё решается без учёта мнения населения. Это явление носит название «эффект безбилетника».

В настоящий момент большинство населения Российской Федерации занимают пассивную общественную позицию. Проблема, таким образом, заключается в противоречии между наличием возможностей реализовать разнообразные формы политической активности и реальной политической активностью населения.

Эффективное, ответственное и прозрачное управление общественными финансами является базовым условием для повышения уровня и качества жизни населения, устойчивого экономического роста, модернизации экономики и социальной сферы, обеспечения обороноспособности и достижения других стратегических целей социально-экономического развития страны.

В настоящий момент процесс становления гражданского общества в Российской Федерации ещё не завершён. Страна находится на начальном этапе становления, что проявляется в неразвитости его институтов. В целом, граждане Российской Федерации не готовы открыто демонстрировать своё мнение и отстаивать точку зрения, не обладают инициативностью в принятии решений государственного значения. Это является причиной слабого развития обратной связи в управлении государством, неэффективностью расходования государственных денежных средств и как, следствие, отставание в развитии гражданского общества.

Литература:

1. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. — М.: Проспект, 2009. - 400 с.
2. Структура и динамика доходов: Официальный сайт Министерства Финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <http://info.minfin.ru/fbdohod.php>
3. Документы ЦИК России: Сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru/>

Борисова О.В.

*Опер уполномоченный ОУР УМВД России
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
магистрант*

АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ

В системе оценки деятельности органов внутренних дел как в одном из наиболее значимых институтов государственного управления, в рамках проводимой модернизации государственного аппарата, произошли серьезные системные изменения. С первого января 2014 года вступил в силу Приказ МВД России от 31.12.13 № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», определяющий направления реализации государственной политики в сфере оценки деятельности МВД России. Данный приказ определяет следующую цель государственной политики по оценке деятельности структурных подразделений МВД России: «Совершенствование оперативно-служебной деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, концентрации усилий личного состава на достижение конечных результатов при выполнении возложенных задач и реализации функций». [1]

Данная цель содержит следующие требования:

1. Совершенствование оперативно-служебной деятельности – данная цель повсеместно звучит в нормативно-правовых актах МВД России всех уровней и направлений реализации, при этом не имеет каких либо критериев измеримости параметров «совершенства».

2. Концентрация усилий личного состава на достижение конечных результатов при выполнении возложенных задач – данный критерий предполагает соответствие результатов деятельности поставленным задачам. Например: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; розыск лиц; обеспечение безопасности дорожного движения [2.ст.2] и другие. Все эти направления находят отражение в оценке деятельности.

3. Концентрация усилий личного состава на достижение конечных результатов при реализации функций – правоохранительная система России имеет более 100 функций, которые конкретно определены для каждого подразделения в ведомственных нормативно-правовых актах. При рассмотрении данного критерия выделить конкретные функции, по которым происходит оценивание достаточно сложно. В настоящее время политика государства направлена на совершенствование оценки внешних факторов, т.е. видимых и ощущаемых обществом и его индивидами. Комплексная же оценка деятельности не отражена в стратегических (даже в средне и долгосрочных планах развития) планах, как федерального, так и регионального уровня. Оценка функционирования внутренней деятельности подразделений имеет большое значение, как для слаженной работы организации, так и для воплощения общественно-полезных действий (продекларированных задач). Так же оказывает влияние на объективность и достоверность предоставляемых обществу конечных результатов.

Закрепленные в законодательстве задачи ОВД РФ можно рассматривать как показатели эффективности т.к. эти задачи сформулированы достаточно узко и предполагают полное выполнение, кроме того, современное законодательство ориентировано на общественные интересы, что позволяет его представителям наиболее адекватно оценивать деятельность правоохранительной системы. Система исполнительных органов чрезвычайно сложна и многочисленна, при этом кадровая политика организации соответствует реактивному типу, где кадровая конкуренция находится на низжайшем уровне, нет эффективных мер по повышению квалификации персонала, система основана на формализации требований и преодолении кризисов. За последнее пять лет произошли серьезные изменения в части оптимизации трудовых ресурсов. Одним из способов оптимизации было избрано сокращение кадрового состава путем проведения аттестации. Данный способ был реализован в течение года, при этом сокращению подверглось 20% личного состава подразделений полиции[3], что осуществило высвобождение наименее квалифицированных кадров. В последующий период произведено не менее 6 серьезных сокращений, в том числе и в 2014 году произведено расформирование управленческого аппарата на уровне федеральных округов, так в Свердловской области высвобождено около 300 единиц личного состава высокой степени квалификации. При этом количество вакантных должностей соответствующих квалификации высвобожденного личного состава недостаточно. Но в целом данная политика привела к пополнению исполнителей низового уровня квалифицированными кадрами. Осталось решить вопрос о заинтересованности кадров в выполнении их полномочий на должности значительно ниже ранее занимаемой.

Представленные меры, на мой взгляд, являются реакцией на перенасыщение управленческого аппарата и сокращение возможности финансирования в ситуации экономической нестабильности. Чаще же всего требование о сокращении не содержит конкретики и перечисления должностей полномочия по данному решению делегируются руководителям среднего звена на уровне главных управлений, что неизменно приводит к сокращениям должностей низового уровня, ссылаясь на большую численность и меньшее отражение на нагрузке специалистов. Таким образом, численность подразделений низового уровня сравнима с численностью подразделений главных управлений при совпадающих функциях и несовпадающих условиях службы и распределении нагрузки.

Собственные эгоистические интересы исполнителей низового уровня сводятся к желанию достойных условий и оплаты труда, получения социальных гарантий, высокого статуса в обществе, желания собственной безопасности и безопасности их семей. Собственно исполнитель поглощен выполнением своих функций и не имеет возможности просчитывать результаты оценки своего труда. Эта позиция является должной, но при отсутствии внутренней мотивации к труду отдельные личности предпочитают заниматься делами не имеющими отношения к служебным обязанностям или же сводят свою деятельность к формальному выполнению должностных регламентов. Это происходит в связи с отсутствием формирования мотивации кадровой политики как следствие не объективности применяемой оценки, разочарованности в деятельности, тяжелыми физическими и моральными условиями труда. При всем при этом, оценка производится относительно группы, не учитывая вклад каждого сотрудника, другими словами осуществлять весь массив работы могут лишь несколько лиц, остальным достаточно формальных действий, а результат будет положительным.

Это происходит еще и по тому, что у работников правоохранительной системы развита защитная реакция на так называемую «палочную систему», существовавшую некоторое время назад. Она подразумевала перенос достигнутых результатов на следующий отчетный период, в связи с чем, количество выполняемых показателей неуклонно росло. Например: в 1 квартале раскрыто 2 квартирные кражи, значит во втором необходимо раскрыть не менее 2 квартирных краж и т.д. При этом не учитывалась ни динамика совершения правонарушений, ни уровень преступности, ни условия труда. В связи с этим бремя показателей было невыносимой ношей и стимулировало только бездействие и попустительство. В настоящее время оценка результатов поменялась, но привычка приобрела характер корпоративной нормы, для устранения которой нужно ведение активной политики по заданному направлению и длительный временной промежуток.

Проблема осуществления контроля за качественной и объективной оценкой деятельности подразделений МВД России состоит в том, что проверить предоставленную информацию практически невозможно без доступа к внутренним статистическим данным, а это возможно далеко не всегда, в ряде случаев доступ к ней охраняется государством, а в других необходимы специальные познания. Поэтому наиболее эффективными являются ведомственный контроль и контроль осуществляемый иными уполномоченными органами государственной власти. Для эффективного контроля повсеместно используются внутренние мероприятия, направленные на мотивационное стимулирование руководителей подразделений, учитывая современный экономический уклад жизни общества, используемые меры не стимулируют исполнителей низового уровня, тем более, что полномочия непосредственного руководителя в сфере поощрения и наказания подчиненных существенно ограничены. Эти полномочия принадлежат руководителю территориального подразделения, который часто не является участником возникающих трудностей в деятельности исполнителей.

Результаты оценки оформляются документально и направляются руководителям подразделений. Расчет статистической оценки производится ежемесячно.[1. п. 5.2.2.2] По итогам года производится корректировка в соответствии с учетом оперативной обстановки, приоритетных направлений, определяемых директивными документами на предстоящий период. [1. п. 5.2.2.] Закреплены и способы реагирования руководства МВД России в связи с полученными результатами (например изменение приоритетных направлений деятельности и т.п.). При реализации государственной политики оценки деятельности МВД России использовалась стратегия с максимально малым сроком реализации при чрезвычайной активности государства.

Выбранная стратегия была подвержена следующим факторам - при принятии решения об изменении статуса правоохранительной системы России и провозглашении полиции, были приняты кардинальные меры по увеличению финансирования данной структуры – это требовало серьезного сокращения кадровой численности, требовалась новая система оценки деятельности вновь созданного аппарата квалифицированных специалистов. При всех производимых изменениях не учитывался факт «самовоспитания» правоохранительной системы в течении многих десятилетий, когда система основывалась на выживании и адаптации к имеющимся условиям при отсутствии должной государственной поддержки.

Государственная политика оценки деятельности МВД России перешла в стадию функционирования при этом установка на дальнейшее ее совершенствование сохраняется, но действия должны приходиться не на показательные реформы, а на разработку стратегического планирования, формирование активной кадровой политики, проведения независимого мониторинга и повышение реальной конкурентной способности исполнителей.

Литература

1. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [электронный ресурс]: Приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. N 1040 // <http://docs.cntd.ru/document/499078939> (дата обращения: 16.08.2014г.)
2. О полиции: Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3–ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант.Плюс»
3. Реформа МВД. Хроника событий. [электронный ресурс]: URL: www.crimpravo.ru/blog/reforma_mvд/17.html (дата обращения 07.10.2014г.)

КОНФЛИКТНЫЙ ДИСКУРС «BACK IN THE USSR»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальная повестка медийной и политической реальности, сконцентрированная вокруг событий кризиса на Украине, с новой силой вернула в дискуссионное поле дискурс ренессанса «советскости». Упрощенное, дуальное восприятие мира в глазах многих западных экспертов отводит России место страны-катализатора возрождения СССР, которая если и не обладает ресурсами для воссоздания «империи зла», то, как минимум, нацелена на геополитически опасную и дестабилизирующую ревизию постсоветских границ. Негативизация образа России вполне соотносится с «логикой черно-белой холодной войны», в которой «любое отклонение от заданной линии немедленно приравнивается к влиянию российской или путинской пропаганды» [1]. Конфликтный дискурс оживил агрессивную стереотипизацию представлений о России в мире, возвратил в активную полемическую среду тенденциозных сторонников взглядов на Россию как на источник советской реставрации [2].

Опасениями советско-имперского реваншизма проникнуты, например, вышедшие в июне 2014 года мемуары бывшего государственного секретаря США Х. Клинтон «Hard Choices» («Сложные решения»). В них бывшая глава внешнеполитического ведомства, чьи карьерные устремления связаны с выборами президента в 2016 году, посвятила России отдельную часть (глава 11 «Russia: Reset and Regression» - «Россия: Перезагрузка и Регресс»). Особое внимание автор уделяет понятиям «ресоветизация» [3, р. 239, 241-242, 245], «российский экспансионизм» [3, р. 211, 229, 236, 239, 244-245, 503] и, разумеется, «вторжение в Крым» [3, р. 212, 227, 230, 236, 239-242, 363]. Согласно доводам Х. Клинтон, исходящая от России угроза реанимации СССР основана на «подавлении внутреннего инакомыслия» [3, р. 245], при этом «агрессивный образ «Великой России» нервирует соседей и вызывает неприятные воспоминания о советском экспансионизме» [3, р. 229].

Взаимная идеологическая враждебность, возрождение социального феномена политической пропаганды и разнообразных арсеналов информационной войны – эти и другие сопутствующие явления обрели второе дыхание на фоне событий «Евромайдана», «Русской весны» в Крыму, войны «за Новороссию» на Юго-Востоке Украины [4, с. 43-44]. Указанные процессы стали общим компонентом дискурса конфликтности, причем данный дискурс для каждой из противоборствующих сторон наполнен своим смысловым и идейным содержанием и распространяется на все новые сферы общественной и индивидуальной жизнедеятельности. В анализируемой ситуации понятие «дискурс» рассматривается «шире понятия “язык”» [5, с. 223] и отражает форму социальной активности [6, с. 134].

Отечественные исследователи справедливо предупреждают от излишне узкого понимания «нового антагонизма» между Россией и Западом. Заблуждение - полагать, что нынешняя конфликтная обстановка отлична якобы «отсутствием идеологической базы, это только геополитическое соперничество... Речь не о военном потенциале или сырьевых рычагах, а об идеологии». Отсутствие альтернатив, усталость от западной модели политического поведения стимулируют Россию к тому, чтобы возглавить «антиглобалистский Коминтерн» [7, с. 18]. Примечательно, что пророссийские взгляды («все больше и больше людей тяготеют к России и поддерживают ее») находят поддержку в западном интеллектуальном сообществе, причем в той его части (например, в Польше), чью традиционную враждебность и предвзятость к России сложно переоценить [8].

Какие предпосылки легли в основу западноевропейского и североамериканского мифотворчества о российском проекте «Back in the USSR»? По мнению автора данных тезисов, следует выделить две группы факторов: внешние и внутренние. К внешним поводам можно отнести возросшую интеграционную активность России, особенно на постсоветском пространстве (последовательные усилия по созданию наднациональных объединений: Таможенного союза, Евразийского экономического союза, Организации договора о коллективной безопасности и других), что на фоне откровенного безволия в сфере

иностранных дел периода 1990-х годов стало фактором, раздражающим США и страны Запада. Вторую группу причин образуют события и тенденции внутривнутриполитической жизни, получившие емкое обозначение - «советизация» (в англоязычном варианте - «sovietization»), обоснованию которого посвящены работы, в том числе, отечественного ученого О.В. Крыштановской. Среди фактических проявлений «эндогенной» советизации, с тревогой и недоверием рассматриваемых внешнеполитической аудиторией, – устранение политической конкуренции (института самостоятельных губернаторов, конкурентных выборов, независимых СМИ), расширение сектора государственной экономики, репрессивный уклон в законотворчестве, возникновение феномена «силовиков» [9].

В сегодняшней ситуации взаимной напряженности отношений России и стран Запада востребованной областью исследований являются смыслы и образы, порождаемые политическими воздействиями каждой из сторон конфликта и находящие свое отражение в медийных каналах. Высокий уровень «медиатизированности современного политического дискурса» отмечают, в частности, известные представители российской школы дискурсологии О.Ф. Русакова и В.М. Русаков [10, с. 577]. Транслируемые через массовые коммуникации сигналы, в некоторой степени будто подчиняясь одному из законов диалектического материализма – перехода количественных изменений в качественные, находясь под влиянием политико-идеологической доминанты, накладывают отпечаток на ментальное мировосприятие и, более того, социально-философскую картину текущего исторического момента.

Наблюдается и обратное движение, о котором предупреждал французский историк Р. Шартье: система представлений, картина мира, в свою очередь, «оказывается как бы матрицей для конструирования самого общества, в том числе и его социального расчленения», «она чуть ли не на три четверти детерминирует и мысли людей, и их поступки, принуждая порой действовать вопреки личным интенциям» [11, с. 20].

Конфликтный дискурс «Back in the USSR» по отношению к России получает широкое распространение, и игнорирование очевидного тренда чревато ретроградной самоизоляцией и иррациональным антизападничеством. Напротив, широкое осмысление всего спектра проблематики этой сферы отношений на социально-философских началах будет способствовать достижению согласия, гуманитарному обогащению международного и межкультурного обмена.

Литература:

1. Guerlain P. Ukraine: oubli de la géopolitique et psychologisation // Le Huffington Post. 15.09.2014. URL: http://www.huffingtonpost.fr/pierre-guerlain/geopolitique-russie-routine_b_5814848.html (дата обращения: 06.10.2014)
2. Бжезинский З.: «Украина – цена за возрождение СССР» // Euronews. 07.03.2014. URL: <http://ru.euronews.com/2014/03/07/putin-wants-to-rebuild-ussr-with-ukraine-brzezinski/> (дата обращения: 05.10.2014)
3. Clinton H.R. Hard Choices // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.
4. Русакова О.Ф., Бочаров А.В., Грибовод Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 42-47
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / Карасик В.И.; Волгогр. гос. пед. ун-т. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
6. Красильникова Н.А. Общественное мнение как предмет конитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 133-140
7. Лукьянов Ф. Назад к Коминтерну. Глобальное противостояние с США потребует новой идеологической основы // Forbes. 2014. № 7 (124). С. 18
8. Stachnio K. Putin is Becoming the Face of the Global Resistance Movement // New Eastern Outlook. 12.09.2014. URL: <http://journal-neo.org/2014/09/12/putin-is-becoming-the-face-of-the-global-resistance-movement/> (дата обращения: 07.10.2014)
9. Kryshchanovskaya O.V. Sovietization of Russia 2000-2008 // Eurasian Review. 2009. Vol. 2. P. 95-133
10. Политическая активность: современные тенденции и новые формы: монография / Под ред. В.Е. Хвощева. – Челябинск. – Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – 743 с.

11. Бессмертный Ю.Л. «Анналы»: переломный этап? // Одиссей: Человек в истории. 1991: Культурно-антропологическая история сегодня / Отв. ред. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 1991. – С. 7 – 24

Ваторопин А.С.

заведующий кафедрой теории и социологии управления

Ваторопин С.А.

ассистент кафедры управления персоналом

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗИЦИИ КПРФ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СВЕТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

События последних месяцев на Украине находятся под пристальным вниманием всего мирового сообщества. Данная тема, безусловно, актуальна и для нашей страны. Действия властей по присоединению Крыма и Севастополя, поддержке регионов Юго-востока Украины, их жесткая позиция относительно санкций Запада находит поддержку у большинства российских граждан. Вместе с тем, подобные действия создают целый ряд внешнеполитических и социально-экономических вызовов и угроз для России. Отсюда разная реакция различных политических сил в нашей стране на эти события, которая приводит к довольно неожиданным последствиям, в том числе новой расстановке политических партий и движений в российском политическом поле (например, произошел раскол среди националистических организаций).

В этой связи интересно проанализировать, как повлияли указанные события на позиции наиболее известной оппозиционной партии КПРФ.

В первую очередь, отметим, что с начала активизации украинских оппозиционеров на Майдане в конце 2013 г. КПРФ заняла четко выраженную «антимайданную» позицию. При этом особой критике со стороны коммунистов подверглись провокации представителей НАТО во время столкновений протестующих с силовиками, а также фашистские проявления «Правого сектора». Вторым вектором деятельности КПРФ стала защита всего, что связано с коммунизмом и советским прошлым. В данном случае достаточно упомянуть острую реакцию на разрушение памятников В.И. Ленину, а также на стремление вытеснить с политической арены Компартию Украины.

Чувствительность ударов по советскому наследию и украинским коммунистам со стороны новой киевской власти во многом обусловили достаточно радикальную позицию КПРФ. На протяжении всего конфликта на Юго-востоке Украины коммунисты выступали за более активную и открытую военную помощь отрядам ополчения. В частности, один из лидеров КПРФ в Государственной Думе И.И. Мельников призывал к централизованной отправке российских добровольцев на Украину. По его мнению, данная мера могла бы способствовать значительному увеличению численности ополченцев («как минимум на десятки или даже сотни тысяч человек»), росту их военной мощи и, соответственно, выгодному для России исходу конфликта [1]. Предложение И.И. Мельникова встретило множество критических замечаний, на наш взгляд, вполне обоснованных. Угроза дополнительной эскалации конфликта, потенциальное восприятие России в качестве основного (и даже единственного) агрессора как со стороны мирового сообщества, так и украинского народа, опасность роста социальной напряженности внутри нашей страны стали основанием для отказа от открытой военной помощи ополченцам.

Несмотря на это, призывы к военной помощи жителям Юго-востока Украины, апелляция к патриотизму россиян со стороны КПРФ продолжились. Помимо моральной поддержки российских добровольцев на Украине стоит отметить, что некоторые члены партии приняли непосредственное участие в вооруженном конфликте.

Из материалов СМИ следует, что в рядах ополчения есть коммунисты из Мордовии [2] и Челябинской области [3], однако, точные данные о количестве и регионах проживания российских добровольцев из КПРФ получить не удалось. Подобные действия коммунистов подкрепляются их законодательной инициативой об установлении статуса добровольцев и соответствующей поддержке данных лиц со стороны государства.

Другое, на наш взгляд, позитивное направление деятельности КПРФ – организация поставок гуманитарной помощи населению, находящемуся в зоне вооруженного конфликта, а также беженцам. Активность Штаба ЦК КПРФ по оказанию гуманитарной помощи Юго-востоку Украины, региональных отделений партии, широкомасштабная пропаганда в различных СМИ, включая интернет, позволили организовать поставки продовольствия, вещей, медикаментов и т.д. на регулярной основе. Около 20 «гуманитарных конвоев» на сегодняшний день поставили на территорию Украины сотни тонн грузов [4].

Коммунисты продолжают активную деятельность, связанную с украинскими событиями (например, в выборах депутатов народных советов и глав ДНР и ЛНР 2 ноября 2014 г. в качестве наблюдателей запланировано участие представителей КПРФ), и это вызывает ощутимую ответную реакцию со стороны властей Украины и стран Запада. Так, украинские правоохранительные органы пытались вызвать для допроса, наряду с другими российскими высокопоставленными политиками, лидера КПРФ Г.А. Зюганова, подозревая его в финансировании «террористических» организаций на территории Украины. Западные санкции коснулись члена Президиума ЦК КПРФ, лидера движения «Русский лад» В.С. Никитина.

Вместе с тем, важно отметить, что деятельность КПРФ в контексте событий на Украине не получает ощутимой поддержки со стороны населения в самой России. В этой связи достаточно привести данные о динамике электорального рейтинга КПРФ и ее лидера в сопоставлении с подобной динамикой «партии власти» и действующего президента РФ. Так, уровень поддержки КПРФ сократился с 11,3% в начале 2014 г. до 7,6% в середине октября 2014 г. (за аналогичный период зафиксирован существенный рост поддержки «Единой России» – с 40% до 59,5%) [5]. У лидера КПРФ Г.А. Зюганова рейтинг доверия избирателей снизился вдвое: с 8% до 4% (у президента РФ В.В. Путина, напротив, сильно увеличился – с 45% до 65%) [6].

Возникает вопрос: почему, казалось бы, объективно выгодная для коммунистов внешнеполитическая ситуация привела к ослаблению их позиций в политическом поле России? На наш взгляд, здесь можно выделить две основные причины: размывание коммунистической идеологии и слабость политического руководства КПРФ. События на Украине в очередной раз продемонстрировали, что КПРФ постепенно отходит от классовой парадигмы в оценке тех или иных социальных явлений. Так, Г.А.Зюганов в статье «Кризис на Украине и его глубинные причины» отмечает, что «протестные настроения масс не приобрели классового характера» [7]. При этом в фокусе внимания коммунистов все чаще появляется более актуальный в свете сложившейся ситуации национальный вопрос, а критике с их стороны постоянно подвергается именно русофобия украинских националистов, закон о статусе русского языка, агрессия против «русского мира» в целом.

Если добавить к этому мнение Г.А. Зюганова о том, что «в последнее время руководство РФ заняло позиции, в существенно большей мере отвечающие стратегическим интересам ... продолжает следовать курсу реализма, курсу на защиту национальных интересов» [7], то можно сделать следующий вывод: КПРФ теряет четкую идеологическую позицию (оппозиционную по своему характеру), которая, по сути, растворяется в идеологии, провозглашаемой правящим режимом.

На наш взгляд, совершенно очевидно, что потеря идеологической идентичности демонстрирует в том числе и слабость политического руководства КПРФ и, прежде всего, ее лидера Г.А.Зюганова. Последний находится на своем посту более 20 лет, и за это время у коммунистов не появилось ни одной новой форс-идеи, которая мобилизовала бы электорат и позволила бы партии занять более сильную позицию в политическом поле современной России. Сказанное, впрочем, не означает, что у КПРФ нет никаких политических перспектив. Падение уровня жизни населения в связи с введением санкций Запада против России из-за событий на Украине может привести к росту социальной напряженности в обществе. В этих условиях классовый подход, идеи защиты интересов трудящихся, борьбы против олигархов вполне могут поднять рейтинги КПРФ, вновь вернуть ей положение действительно ведущей оппозиционной силы. При этом, как нам кажется, неизбежна смена руководства КПРФ.

Литература:

1. Созаев-Гурьев Е., Субботина С., Юнашев А. В КПРФ предлагают организовать отправку добровольцев на Украину // Известия: [электронный ресурс]. 8.05.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/570369> (дата обращения: 20.10.2014).
2. Коммунисты-добровольцы, выходцы из Мордовии, на передовой Юго-востока Украины // Коммунистическая партия Российской Федерации: [электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/party-live/regnews/132967.html> (дата обращения: 20.10.2014).
3. КПРФ опровергла слухи о смерти депутата, воюющего за ДНР // Newsland: [электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1441412/> (дата обращения: 20.10.2014).
4. «В помощь сражающимся братьям Новороссии». Коммунисты направили из Подмосковья девятнадцатый гуманитарный конвой // Коммунистическая партия Российской Федерации: [электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/party-live/regnews/135573.html> (дата обращения: 20.10.2014).
5. Электоральный рейтинг политических партий // ВЦИОМ: [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/ratings-parties/> (дата обращения: 20.10.2014).
6. Доверие политикам // ВЦИОМ: [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (дата обращения: 20.10.2014).
7. Зюганов Г.А. Кризис на Украине и его глубинные корни // Трудовой город Энгельс: [электронный ресурс]. URL: <http://work-engels.ru/archives/19684> (дата обращения: 20.10.2014).

Вершинина И.А.

*МГУ имени М.В. Ломоносова
к.с.н., доцент*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ В МЕГАПОЛИСЕ: АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ¹

В городах уровень рождаемости традиционно ниже, чем в сельской местности, однако, города всегда притягивали мигрантов, которые обеспечивают рост численности населения и рост самих городов. Большие города привлекают внутренних и внешних мигрантов широкими возможностями, поскольку именно они концентрируют ресурсы и аккумулируют жизненные шансы.

При этом города, особенно мегаполисы, представляют собой эпицентры социальных проблем. Это обусловлено спецификой городской жизни. Традиционные и новые формы городской жизни по-прежнему структурируются вокруг ключевых количественных характеристик, выделенных еще классиком Чикагской школы социологии Л. Виртом: размер, плотность и социальная гетерогенность [1, 100]. Однако существование гетерогенности не обозначает отсутствия типичных форм коллективного поведения и подчиненных им характерных механизмов социального контроля. В городе поведение индивидов регулируется и регламентируется гораздо больше, чем может показаться стороннему наблюдателю или самому его обитателю. Поэтому мигранты, оказавшись в мегаполисе, неизбежно сталкиваются с трансформацией своей идентичности, связанной с процессом адаптации к новой для себя социокультурной среде.

Городское сообщество, несмотря на свою гетерогенность, довольно четко проводит границу между «своими» и «чужими», заставляя мигрантов искать пути интенсивной адаптации для сокращения эксклюзии и включения в ряды «своих». Однако поиск «своих» может осуществляться в разных направлениях. Д.П. Каранов выделяет три основных варианта поведения мигранта в новой для него городской среде [2, 30]:

– мигрант следует правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места своего пребывания, идентифицируя себя с соответствующим социумом;

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-33-01036.

- мигрант идентифицирует себя с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, сохраняя верность социокультурному ядру «материнской» общности;
- чувствуя свою отчужденность и не желая приспосабливаться к новой социокультурной среде, мигрант покидает ее.

Наибольший интерес представляют собой первые две модели поведения, так как третья не предполагает длительного присутствия мигранта в городе. Первая модель приводит к постепенной ассимиляции мигрантов, поэтому является наиболее продуктивной для функционирования городского сообщества. Больше всего проблем для городского сообщества связано со вторым вариантом адаптации, который следует рассмотреть наиболее подробно, поскольку именно он чаще всего и приводит к возникновению конфликтов.

Подобная стратегия адаптации мигрантов, когда происходит идентификация с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, приводит к формированию закрытых социальных групп, которые не хотят вливаться в принимающее городское сообщество. По словам М.С. Савоскул, мигрант может адаптироваться, т.е. приспособиться к жизни в принимающем обществе, может найти работу и жилье, но при этом не быть интегрированным в российское общество, жить по иным социальным нормам и правилам, не пройти вторичную социализацию в принимающем обществе и не владеть «социальным» языком норм и правил поведения этого общества [3, 104].

Подобная ситуация противоречит тем принципам, которые должны быть заложены в основу концепции построения эффективной градостроительной системы. По мнению специалистов, она должна базироваться на четырех основных приоритетах: повышение качества жизни коренного населения, культурная идентичность региона, экологическая сбалансированность искусственного и природного, и устойчивость экономической системы региона [4, 4]. Однако поведение мигрантов, ориентированное на сохранение верности социокультурному ядру прежней общности, не позволяет сформировать у горожан единую социокультурную идентичность. Тем самым дестабилизируются различные сферы городской жизни, снижается качество жизни коренного населения.

Частично ответственность за выбор данной непродуктивной модели поведения приезжими может лежать на коренных жителях города, которые склонны обвинять мигрантов в обострении уже имеющихся социальных проблем. Москвичи нередко относятся к мигрантам не слишком дружелюбно. Впрочем, нелюбовь москвичей и жителей других регионов России взаимна. Впервые оказавшись в столице, приезжие испытывают сложную гамму эмоций, на основе которой и формируется неприязнь к Москве и ее жителям. Неприятие вызывают, в первую очередь, слишком быстрый ритм жизни, диктуемый теми расстояниями, которые необходимо преодолевать в течение дня, анонимность и безразличие, характерные для всех мегаполисов и ставшие следствием высокой плотности населения. В результате, мигранты остаются чужаками для большей части населения города, что неизбежно провоцирует конфликтные ситуации. К сожалению, подобные ситуации становятся типичными для Московской агломерации.

Необходимо отметить тот факт, что уровень конфликтности серьезно различается в разных районах города. Возможно, данное обстоятельство связано как с численностью мигрантов, так и с настроением по отношению к ним местных жителей. В центре города мигранты не вызывают столь негативного отношения к себе, как на окраинах, что, возможно, объясняется меньшей остротой других социальных проблем, разницей в плотности населения.

Согласно данным переписи населения 2010 года, наиболее густонаселенные районами Москвы находятся ближе к МКАДу, чем к центру города. Необходимость разгрузки центральных районов Московской агломерации за счет вывода части рабочих мест на новые территории привела к активному созданию новых рабочих мест в Московской области, где уже сформировались несколько локальных рынков труда благодаря интенсивному развитию сферы услуг и строительству деловых центров. Как следствие, миграция становится сложной социальной проблемой не только для Москвы, но и для Московской области.

Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов является одним из приоритетных направлений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Однако различные города и регионы имеют свою специфику. Главная особенность Москвы – гетерогенность миграционных потоков.

Как справедливо замечает О.И. Вендина, «"Безграничная агломерация", которой по сути является Москва, – это сложный объект управления, обладающий высокой степенью неопределенности» [5, 24]. Поэтому Москва особенно остро нуждается в разработке собственной стратегии адаптации многочисленных мигрантов, формировании у них той идентичности, которая будет способствовать поддержанию нормального функционирования города.

Литература:

1. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.
2. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: Культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Политика. 2013. № 1 (68).
3. Савоскул М.С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения. 2011, № 5 (105).
4. Шубенков М.В., Шубенкова М.Ю. Градостроительная система Московского региона: идеи развития [электронный ресурс]. URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/index.php> (дата обращения 10.10.2014).
5. Вендина О.И. Социальный атлас Москвы // Приложение к журналу «Проект Россия». 2012. № 66, 4.

Волкова Л.В.

*РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина
к.с.н., доцент кафедры философии и
социально-политических технологий*

ЛЕГИТИМНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИЛОВЫХ МЕТОДОВ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Представленный доклад основан на результатах двухгодичного социологического исследования, проведенного автором в составе научного коллектива социологической лаборатории Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина 2012-13 гг. в четырех федеральных округах страны: Центральном, Приволжском, Северо-Кавказском и Южном. [1, с. 46] Выборочная совокупность исследования составила свыше 8 тысяч человек в возрасте от 14 до 35 лет. Распределение по полу: мужчин – 47%, женщин – 53%.

Насилие есть внешнее воздействие на человека, по преимуществу его физическое принуждение. «Насилие представляет собой такой тип человеческих, общественных отношений, в ходе которого одни индивиды и группы людей подчиняют себе других, узурпируют их свободную волю. При этом предполагается, что первые лучше вторых, что они имеют право так поступать. Насилие ... как правило, выступает под флагом идей общего блага и справедливости, так как именно эти идеи являются цементирующей основой человеческих отношений в рамках социальных и политических союзов». [2, с. 5]

Наряду с другими в исследовании была выдвинута гипотеза: чем интенсивнее государство применяет насилие в различных сферах общественной жизни, тем большее число людей считает допустимым для себя и своего окружения использовать силовые методы в социальных и межличностных отношениях. [3, с. 14] Иными словами, государство воспитывает в людях, особенно в молодежи, толерантность к насилию. Приводимые ниже результаты исследования дают основания считать гипотезу подтвержденной. Свыше четверти респондентов признают непопулярность, но необходимость применения государством силовых методов для решения важных проблем (29%), четверть опрошенных допускает возможность их использования в отдельных сферах (25%).

Рисунок 1. Отношение к применению государством силовых методов

18% молодых людей считают, что государство может применять силу лишь в исключительных случаях. 10% придерживаются мнения, что силовые методы являются наиболее эффективным способом решения проблем, 7% опрошенных считает, что государство слишком часто использует применение силы, и только отдельные респонденты (3%) находят применение силы абсолютно недопустимым. Отметим, что юноши в два раза чаще, чем девушки, считают силу наиболее эффективным способом решения проблем.

Допустимыми для применения государством силовых методов в первую очередь являются ситуации защиты от различных угроз: преобладающее большинство указало террористические угрозы (75%) и угрозы личной безопасности (55%). Около трети респондентов полагают, что допустимым будет использование силы для защиты чести и достоинства (32%), слабых (31%) и собственности (30%).

Примерно четверть опрошенных отметила, что применение силовых методов возможно: в межэтнических и религиозных конфликтах (28%), политических конфликтах (21%) и иных социальных конфликтах (24%). При этом часть респондентов полагает, что допустимо использование силы при воспитании детей (5%) и во время семейных конфликтов (4%).

Таблица 1. Ситуации, в которых допустимо применение силовых методов (по федеральным округам)

Всего		ЦФО	СКФО	ЮФО	ПФО
75%	Защита от террористических угроз	84%	69%	82%	66%
55%	Угроза личной безопасности	67%	48%	57%	56%
32%	Защита чести и достоинства	34%	35%	30%	30%
31%	Защита слабых	41%	29%	30%	29%
30%	Защита собственности	37%	29%	28%	22%
28%	Межэтнические и религиозные конфликты	41%	23%	29%	22%
24%	Иные социальные конфликты (болельщики и т.д.)	37%	18%	23%	25%
21%	Политические конфликты	24%	21%	19%	23%
6%	Защита собственного мнения, убеждений	7%	7%	5%	10%
5%	Ни в каких	6%	5%	2%	10%
5%	Воспитание детей	3%	5%	6%	9%
4%	Семейные конфликты	3%	6%	3%	6%

В ЦФО ситуации защиты слабых, межэтнические и религиозные конфликты указывались заметно чаще в сравнении с остальными округами и со средним показателем. Доля респондентов, допускающих применение силы в воспитании детей, в ПФО больше, чем в остальных округах. Доля русских, допускающих применение силы в ситуациях защиты от террористических угроз и угрозы личной безопасности, заметно больше. Примечательно, что представители чеченской национальности чаще заявляли, что не допускают использование силовых методов вообще.

В окружении респондентов первое место по применению насилия занимают ситуации угрозы личной безопасности (42%). Треть респондентов отметила, что насилие используется в случаях защиты от террористических угроз (35%), защиты чести и достоинства (32%). Четверть опрошенных указала на применение силовых методов в межэтнических и религиозных конфликтах (28%), для защиты собственности (23%), а также в ситуациях иных социальных конфликтов (21%). Доля ответивших, что в их окружении сила используется для решения семейных конфликтов (7%) и воспитания детей (7%) больше, чем доля только допускающих подобные ситуации.

Таблица 2. Ситуации, в которых чаще всего используют силовые методы в социальном окружении (по федеральным округам)

Всего		ЦФО	СКФО	ЮФО	ПФО
75%	Защита от террористических угроз	84%	69%	82%	66%
55%	Угроза личной безопасности	67%	48%	57%	56%
32%	Защита чести и достоинства	34%	35%	30%	30%
31%	Защита слабых	41%	29%	30%	29%
30%	Защита собственности	37%	29%	28%	22%
28%	Межэтнические и религиозные конфликты	41%	23%	29%	22%
24%	Иные социальные конфликты (болельщики и т.д.)	37%	18%	23%	25%
21%	Политические конфликты	24%	21%	19%	23%
6%	Защита собственного мнения, убеждений	7%	7%	5%	10%
5%	Ни в каких	6%	5%	2%	10%
5%	Воспитание детей	3%	5%	6%	9%
4%	Семейные конфликты	3%	6%	3%	6%

И опять русские респонденты заметно чаще говорили о применении силовых методов в их окружении в случае защиты личной безопасности.

Рисунок 2. Ситуации использования силовых методов самими респондентами

Менее половины (41%) респондентов сами не используют силовые методы ни в каких ситуациях. Среди случаев, когда сила использовалась, чаще указывались ситуации угрозы личной безопасности (33%). Около четверти участников опроса применяли силу для защиты чести и достоинства (28%) и защиты слабых (23%). Ситуации защиты от террористических угроз были указаны только 11% респондентами.

Как видно из таблицы 3, чаще остальных использует силовые методы в разных ситуациях молодежь из ЦФО, реже других – молодежь ЮФО.

Таблица 3. Ситуации использования силовых методов самими респондентами (по федеральным округам)

Всего		ЦФО	СКФО	ЮФО	ПФО
41%	Ни в каких	39%	38%	47%	35%
33%	Угроза личной безопасности	43%	28%	33%	31%
28%	Защита чести и достоинства	39%	26%	26%	26%
23%	Защита слабых	30%	22%	18%	25%
18%	Защита собственности	26%	16%	14%	21%
11%	Защита от террористических угроз	11%	13%	8%	12%
11%	Защита собственного мнения, убеждений	16%	10%	9%	12%
8%	Межэтнические и религиозные конфликты	11%	6%	8%	10%
6%	Иные социальные конфликты (болельщики и т.д.)	9%	7%	4%	9%
5%	Политические конфликты	5%	6%	2%	6%
5%	Семейные конфликты	4%	5%	3%	9%
4%	Воспитание детей	3%	5%	2%	9%

Литература:

1. Волкова Л.В. Региональная и групповая специфика проблем и настроений российской молодежи // Материалы междунар. научно-практ. конференции «Гармонизация межкультурных, межконфессиональных отношений. К XX-летию Конституции Российской Федерации и 200-летию вхождения Дагестана в состав России». Ростов-на-Дону, 2014.

2. Гусейнов А.А. Понятие насилия.//Философия, наука, цивилизация. М., 1999.

3. Мостовиц М. А. Легитимность государственного насилия: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. юридич. наук. М., 2006, с. 27.

Воронкова В.Г.

*Запорожская государственная инженерная академия
заведующая кафедрой менеджмента организаций
д.ф.н., профессор*

Билогур В.Е.

*Мелитопольский государственный педагогический университет
имени Богдана Хмельницкого
д.ф.н., профессор*

«ОБЩЕСТВО РИСКА» КАК СЛЕДСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Кризис современной цивилизации в глобальном измерении способствует становлению «общества риска» как следствия социальной трансформации украинского общества. Социальная трансформация украинского общества привела к появлению рисков - антропологических, экзистенциальных, организационных, которые детерминируются действием хаотических потоков, непредвиденности и непрозрачности. Социальный хаос,

порожденный «обществом риска», в который втягивается вся система, - это состояние сложной нелинейной социальной системы, которая самоорганизуется на пути трансформации старых структур, порождая различного рода риски. Постоянным явлением «общества риска» являются риски, которые привели технику в аварийное состояние, так как современные города стрессогенные, границы конфликтные, экономика кризисная, социум неравновесный, катастрофы стихийные, управление кризисное; в городах и регионах, где идет война, нет хлеба, воды и необходимых материальных продуктов. Как свидетельствует анализ политических событий, общий уровень динамики социального напряжения в Украине сегодня достиг крайних границ и остается на уровне высоких показателей. Поэтому задача политиков, ученых и общественности – осуществлять поиск путей и механизмов нейтрализации социально напряженных ситуаций, способствовать переходу от хаоса к порядку, достижению синергетической гармонии, в контексте которой необходимо выработать концепцию управления развитием в современном обществе риска и кризиса [2, с.37]. «Общество риска» представляется как слабо прогнозируемое и контролируемое, мера неопределенности которого постоянно возрастает. Риск как атрибут неопределенности становится неотъемлемой чертой современного украинского общества объективное существование риска выступает как характеристика многих кризисных природных и социальных процессов, в которые вступают субъекты - участники данных процессов. Риск как порождение социальной трансформации выступает атрибутом самого социума, который есть нестабильным и склонным к саморазрушению.

Ситуации риска, которые проявляются как следствие социальной трансформации сопровождают три сосуществующих условия: 1) наличие неопределенности; 2) необходимость выбора альтернативы; 3) возможность оценить начало альтернатив. Глобализация и антиглобализация, информационное общество и «общество знаний», многополярность мира и международный терроризм, рынок и демократия, богатство и бедность, демографическая и экологическая ситуации, угрозы новых военных конфликтов – далеко не полный перечень очертаний новой социальной среды, в которую попал современный человек. Поэтому в понятиях риска кристаллизируются все проблемы постиндустриального, информационного или постмодерного общества. Все это говорит о том, что риск становится действительным социальным явлением, опосредованным деятельностью человека. Хаос в современном обществе становится следствием отсутствия порядка, дисциплины и ответственности. Так, выделим ряд рисков, в которые попал современный человек в результате постоянных «перестроек».

Экзистенциальные риски, связанные с существованием самого человека, его выживания в условиях кризисного социума. Данная проблема возникла в связи с тем, что необходимо остановить саморазрушительные процессы, которые усиливают дестабилизацию и разрушение социума. Перед человеком постоянно возникают вопросы: как преодолеть экзистенциальные (личностные) риски; как положить конец процессам, которые порождают саморазрушительную стихию; как способствовать оздоровлению общества и социального порядка.

В работе «Общество риска» Н.Луман [3, С.141] акцентирует внимание на возрастании роли организационного сознания, так как, во-первых, человек сам должен принимать решения, чтобы обеспечить свое место в социальной структуре общества; во-вторых, в условиях глобализации рисков и антропологической катастрофы выживание человека зависит от власти, государства, управленческих структур; в-третьих, так как катастрофы и риски становятся повседневной реальностью и причиной не только человеческой ошибки, но и политических элит, возрастает роль человеческого фактора, который часто становится причиной катастроф – экологических, техногенных и др.; в-четвертых, в условиях глобализации необходимо повышение персональной ответственности за все, что происходит в социуме, как на уровне управляющей элиты, так и конкретного эмпирического индивида на микро-макро-и- мезоуровнях; в-пятых, в связи с тем, что происходит экспансия модернизированных рисков, которые угрожают природе человека, его здоровью особенно в связи с появлением модифицированных продуктов; в-шестых, в связи с тем, что возрастают разнообразные формы дестабилизации и разрушения социума во всех сферах общественной жизни, связанных с проведением военных действий в некоторых регионах Украины.

Организационный риск как следствие социальной трансформации характеризуется симбиозом четырех факторов: 1) усилением взаимозависимости всех частей и элементов организации; 2) накоплением организационной сложности на всех уровнях и во всех сферах человеческой организации; 3) увеличением неопределенности в функционировании и развитии организации всех масштабов; 4) ускорением изменений в мире и среде организаций в целом. Все это говорит о том, что мы вступаем в новый этап человеческой истории, который характеризуется соединением выше перечисленных факторов, которые повышают меру уязвимости всего общества и приводят к усилению «общества риска», дезорганизации мирового порядка. *Экологический риск* – это деградация окружающей среды или перехода ее в неустойчивое положение в результате хозяйственной деятельности, а также чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера. *Экологический риск* связан с нарушениями сбалансированного развития между природой и обществом, в результате чего возникают целенаправленные изменения концентрации биогенов (веществ), необходимых для жизни, а также веществ в окружающей среде (других ее изменений), в результате чего нарушается устойчивость окружающей среды. *Техногенный риск* возникает как следствие решений в локальном, региональном, глобальном масштабах – при добыче, сохранении и уничтожении отходов природных ресурсов (нефть, уголь, вода, воздух). В начале XXI столетия возникла совокупность проблем, связанных с обострением дезорганизации, которая требует необходимости принятия решений по снижению рисков. Хаос в современном обществе рассматривается как следствие отсутствия порядка, дисциплины, организованности, ответственности, а нарушения в социальной системе сводятся к расшатыванию системы, дезинтеграции, противоречивости, разрушения порядка, патологии в организационных отношениях, управленческих командах.

В результате появления нового типа общества - «общества риска» как следствия кризиса современной цивилизации в глобальном измерении сегодня мы переживаем: 1) кризис цивилизаций как особенный тип кризиса эпохи глобализации, так как, становясь западной, цивилизация придает глобальному процессу характер перманентного кризиса, риск переносится на членов «концерна восьмерки»; 2) управленческий кризис, вызванной неспособностью управленческих систем к условиям формирования нового сознания, в связи со снижением ответственности управленческой элиты, сужением функций национального государства, функции которой переходят к международным организациям; 3) кризис элит, который возникает в ситуации, когда элита отрывается от массы, теряет свою способность к эффективности: в результате теряется идея демократии, так как народ не есть выразителем идей элиты, которая ее избрала, а элита уже не есть выразителем интересов народа; потенциал демократии сужается к размерам самой элиты; изменение сознания ключевых финансовых игроков страны может изменить всю финансовую ситуацию страны в целом. Проблемы устойчивого социально-экономического развития связаны с управлением положением трех взаимосвязанных систем – человека, биосферы и социально-экономической системы, чтобы привести общество от риска к безопасности.

Риски ситуации, которые сложились в Украине, связанные с революционностью изменений в системе власти на основе приведенных выше системных противоречий и должны быть учтены при формировании политики государства: 1. Неспособность новой власти быстро взять под контроль ситуацию в отдельных регионах, в отдельных сферах государственной власти, что создает риски дезорганизации исполнения государственных функций. 2. Внутренние конфликты власти относительно распределения должностей в исполнительной власти, контроля граждан за деятельностью власти, согласования интересов разных политических и гражданских образований. 3. Дальнейшее разрушение базовых основ социального, правового государства требует остановить насилие над личностью, природой, гражданским обществом. 4. Дальнейшее ухудшение положения в экономике благодаря распространению негативных ожиданий экономических субъектов, отток иностранного и отечественного капиталов со страны, увеличение на этой основе банковского кризиса, продолжение девальвационных тенденций, снижение бюджетных денег для регионов. 5. Потеря привлекательности страны для иностранных инвесторов и снижение суверенных и корпоративных рейтингов в связи с высоким уровнем дифференциации социально-экономического развития регионов. Первоочередным должно стать восстановление доверия к государству (правительству) и партнерства государства, общества и бизнеса, которые легитимизируют инструменты и способы государственного управления.

Стратегия устойчивого развития должна сменить либеральную доктрину в качестве ведущей идеологии глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будут использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, голодом, неграмотностью, болезнями и другими угрозами человечеству. Для Украины необходимым условием благополучного выхода из кризиса является наличие собственной стратегии, ориентированной на сохранение экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста новых производств. Важным элементом антикризисной стратегии становится региональная интеграция, расширяющая рынок участвующих в ней стран и повышающая устойчивость их экономик. Реализуя общую антикризисную стратегию, интегрирующиеся страны повышают свои возможности выхода из кризиса на траекторию опережающегося развития.

В результате проделанного анализа следует сделать вывод, «общество риска» как следствие социальной трансформации украинского общества порождает кризисы, которые проникают во все поры общества и имеют особенностей: 1) кризис является комплексным явлением как за сферами общественного развития так и способами его проявления. В ряде регионов страны он протекает особенно сложно и болезненно, так как связан с рядом военных действий; 2) кризисы обусловлены резкой нехваткой ресурсов для серьезного реструктурирования общества; 3) кризис является наслоением нескольких кризисов, соединенных во времени; 4) кризис представляет собой формационно-цивилизационный кризис, в основе которого переход от индустриально-аграрного к постиндустриальному обществу; 5) кризис авторитарно-патерналистского государства, в основе которого нерыночная экономика и распределительная система, неразвитость рыночных стимулов; 6) кризис традиционализма и его неспособность обеспечить обновление культурных регуляторов общественной жизни; 7) демографический кризис с высокой смертностью и низкой рождаемостью населения; 8) экологический кризис, который разрушает уникальные природные системы и среду существования человека; 9) транзитивность кризиса украинского общества в сторону рыночной экономики, которая требует большей мобилизации общества. Определенные противоречия современного общества обусловили высокий уровень социального напряжения и сформировали критический спрос на трансформацию страны. Именно невозможность реализовать этот критический спрос инструментами гражданского общества, привела к потере социальной легитимности институтов власти, нарушению законодательства и общественной морали, увеличению недоверия граждан к государственной власти из-за систематических нарушений их прав, невыполнением государством своих базисных функций. Современные риски связаны с тем, что государственное управление неспособно взять под свой контроль ситуацию в отдельных регионах и сферах государственной власти, появлением институционального кризиса, необходимостью «перезагрузки власти» на новой коалиционной основе.

Литература:

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / У.Бек. - М. : THESIS, 1994. - № 5. – С.45.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2000.- С.56.
3. Луман, Н. Понятие риска / Н.Луман // М.: THESIS.- 1994. - № 5. – С.141.

СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Политические нововведения в контексте современного российского общества характеризуются сложной комбинаторикой ресурсного оснащения, неявной социальной ценой, присутствием новых коммуникативных практик. Нечеткими являются последствия освоения нововведений в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Наиболее реализуемые политические нововведения – инициируемые властью или использующие государственную поддержку. В освоении нововведений, в том числе политических, социальные ресурсы играют определяющую роль.

Политические нововведения, будучи социально ориентированным процессом, имеют качества продолжительности, протяженности в пространстве и времени. Процессуальность нововведений и этапность определяются сменой состояний, неоднородностью мер и ресурсов. Перечисленные качества подразумевают привлечение интеллектуального образовательного потенциала, в том числе и возможностей вузовского социологического образования, т.к. этапы освоения нововведений растянуты во времени и само время освоения нововведений, зачастую, являются показателем эффективности политических инноваций.

Интенсивное использование социальных ресурсов в инновационных условиях требует мобилизации значительных материальных усилий и средств. Нематериальная составляющая ресурсного оснащения является сложной для фиксации и социологического наблюдения. На наш взгляд, профессиональное социологическое сопровождение инновационных процессов является приоритетным направлением в подготовке молодых социологов. Измеряя механизмы ресурсного оснащения политических нововведений, выделяя типологию и характеристики ресурсов, можно представлять масштабы инновационных процессов в современной России. На фоне всеобщей «любви» и подозрительности к результатам социологических опросов, актуальным остается спрос на присутствие в социально-политических процессах современной России ответственного наблюдателя.

Специфика такова, что социологический подход не может использовать результаты исследований, полученные в одночасье, требуется время, практические измерения, тренды. Возможность построения социальной модели развития «новой» ситуации выгодно отличает социологический адаптивный подход от линейных концепций. Социологический подход выигрывает от методологических заимствований из категориального аппарата других наук в области изучения социальных ресурсов и нововведений [1, с. 7].

Заслуживает внимание наработанный российский опыт в сфере подготовки специалистов. Интересен модельный метод в системе подготовки социологов. Формируемые модели представляют собой открытый / восполняемый или модернизируемый набор профессиональных характеристик социологов, корректируемый в процессе подготовки. Данный подход предполагает использование таких компонентов, как наличие квалификационного профиля, профессиограмм, моделей деятельности и личности специалиста. Модель должна подразумевать адаптивные возможности участников взаимодействия, мотивационные компоненты, возможности профиля подготовки [2, с. 163-164].

Социологическое сопровождение политических нововведений может использоваться гибко и ситуативно, в отличие от мер правового регулирования или экономического обеспечения новых проектов. Например, для социологов интерес представляют вопросы изучения ресурсной базы нововведений, её пополнения и хранения. Специалисты-социологи, сопровождающие инновационный проект, могут использовать управленческие резервы, обмениваться информацией и обсуждать важные вопросы, не вмешиваясь в управление самим проектом. Могут использоваться продуктивные научно-образовательные концепции и самостоятельные взгляды на сопровождение социально-политических процессов, основанные на микросоциологическом анализе, проективных пилотажных исследованиях.

Нормативный подход в современной социологической науке предполагает, что «участники социального взаимодействия разделяют общую систему символов и значений, относящихся к социокультурной системе ценностей, которая обладает принудительной силой» [3, с. 45]. Формированию на этой почве самостоятельного аналитика – исследователя должны способствовать современные достижения, например модели непрерывного социологического образования, дистанционное обучение, организация проблемных лабораторий, ситуативных или отраслевых исследовательских микроколлективов, опыт малых инновационных предприятий и пр.

Можно выделить критерии информационного обеспечения нововведений: доступность; новизна; степень организации информационного обмена; уровень формируемой и передаваемой информации.

Перечисленные критерии в освоении нововведений обеспечиваются на должном уровне при наличии профессиональных социологов. Привлечение «наемников» от социологии допустимо, однако протяженность инновационных процессов и корневая включенность региональных ресурсов диктуют необходимость тактики «выращивания» интеллектуальных ресурсов в пространстве нововведений.

Полагаем, что важными условиями привлечения и подготовки социологов для сопровождения инновационных политических проектов являются: нормативно-правовое обеспечение нововведений, заинтересованность власти в социологическом сопровождении, готовность ученых и вузовской системы к качественным изменениям, социальная мотивированность студентов и выпускников социологов «работать с властью», на благо российских граждан.

Обозначим возможности использования социологического образования для сопровождения политических нововведений. Формируемые знания, умения и владения позволяют выделить следующие приоритеты привлечения образованных социологов: социально ориентированная подготовка социологов; развитые коммуникативные способности, возможность работать на границе методов и дисциплин; социологическое воображение (если развито и не задавлено подготовкой или конкурентной средой вуза / региона); высокая мобилизационная готовность в использовании социологических знаний и умений, социоинженерные навыки и др.

Подключаемые в процессе подготовки социологи могут пополнять интеллектуальные ресурсы инновационных проектов, формировать или содействовать созданию адхократических исследовательских коллективов. Умение человека учиться и способности переучиваться являются одними из важнейших требований нашего времени.

Образовательные учреждения, как правило, способны выполнять подготовку в соответствии с пожеланиями работодателей. В последнее время нами отмечается склонность к социотехническим приоритетам в подготовке выпускников регионального уровня. В масштабе профессиональной мобильности «регионы» – «центр» реализация фундаментальных магистерских программ подготовки находит отклик и возможности профессионального трудоустройства.

К числу препятствий подключению социологического образования в оснащение инновационных проектов можно отнести ряд общих трудностей в системе образования, а также сложности, принадлежащие предмету социологии. Например, соблазн получения разного рода преференций в ситуации «заигрывания» с властью (ангажированность исследователя) или характер ожиданий населения и представителей власти по отношению к социологам. Население следит за изменением общественного мнения в средствах массовой информации (СМИ) наблюдая трансформацию индивидуально-личностных представлений в зависимости от результатов опросов.

Перечисленные позиции могут иметь самостоятельную специфику в соответствии с региональными особенностями, длительностью инновационных проектов, адресной направленностью и ресурсной базой нововведений, и могут быть дополнены в соответствии с конкретной практикой социально-политического взаимодействия. «Регионализация стала формой децентрализации в образовании. Эта примета демократических перемен требует соблюдения меры в дистанцировании регионов от центра и повышения социальной ответственности перед населением» [4, с. 99].

Наблюдения масштаба и плотности использования социологического материала в практической политике нашего времени, примеры участия автора материалов в региональных социологических исследованиях, позволяют предположить, что на фоне роста интереса к «социологическому вмешательству» будут сохраняться ограниченные, выделяемые участки применения социологических исследований. Данная особенность может снизить методологический уровень подготовки будущих специалистов, и без того не слишком обеспечиваемый в условиях постоянной трансформации вузовского и общего образования, а также ввиду слабой межрегиональной поддержки образовательных ресурсов.

Литература:

1. Головацкий Е. В. Социальные ресурсы как объект политической инноватики: монография; отв. ред. проф. Шпак Л.Л. Кемерово, 2013. 124 с. Деп. в ИНИОН РАН № 61108, 30.12.2013.
2. Галиев Г. Т. Социальные технологии. Ресурсы. Аудит: В 2т. Т. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. 264 с.
3. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб., 2000. С. 268.
4. Головацкий Е. В. Социальные ресурсы в образовательном пространстве региона // Философия образования. Новосибирск, 2009. № 4. С. 97-104.

Гонцов К.В.

*Президент молодежного отделения Российской ассоциации
Политических наук
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
аспирант*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Вопрос устойчивого развития стоит на повестке дня большинства стран. Это обусловлено в первую очередь последними событиями, а именно, экономическим и политическим кризисом в Европе, цветными революциями, в том числе в странах постсоветского пространства. В современной России сохранение социально-политической стабильности в условиях усиливающейся международной изоляции и экономических трудностей является одной из приоритетных задач государственной власти.

Среди отечественных исследователей часто можно встретить мнение, что политика, как наиболее активная часть общественной структуры, оказывает на неё непосредственное и постоянное воздействие [8, с. 51]. Основываясь на этом предположении, делается вывод, что изучение политической стабильности является первостепенной задачей для анализа состояния стабильности общества в целом. Но, на наш взгляд, это неверное предположение, так как наряду с политическими существует множество иных факторов, которые обеспечивают стабильность общественной системы.

Запросам настоящего времени в большей степени соответствует изучение социально-политической стабильности. Под социально-политической стабильностью мы понимаем сохранение системы ценностей общества при его развитии. Другими словами, такое состояние социально-политической системы, при котором сохраняется её ценностная устойчивость к внешним и внутренним воздействиям и проявляется способность к адекватной адаптации к изменяющимся условиям функционирования государства и общества.

Современные исследователи выделяют различные факторы социально-политической стабильности. Понятие фактор в словаре иностранных слов определяется как «причина, движущая сила совершающегося процесса или одно из основных его условий» [5]. Отметим, что на стабильность общественной системы в целом оказывают влияние экономические, культурные, социальные, политические и другие факторы. Они трансформируют её, и сами изменяются под обратным воздействием.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет анализ влияния политической культуры на стабильность общества. Часто именно в ней кроется отсутствие или наличие трансформации политической системы. Политическая культура оказывает непосредственное воздействие на структуру и функции политических институтов. Верно и обратное утверждение. Так, политические институты, устанавливая определенные рамки политической «игры», способствуют формированию стереотипов политического сознания и поведения. В дальнейшем существующая система образования передает их последующим поколениям. В этой связи одна из главных целей образования – сохранение и воспроизводство той группы людей, которые обеспечивают стабильность общественной системы. В противном случае – резкая смена установок и ориентаций людей приведет к коренной трансформации политической системы, выражающейся в состоянии нестабильности.

Анализируя феномен политической культуры, мы используем «классическую» типологию и определение, предложенные Г. Алмондом и С. Вербой. Под политической культурой ученые подразумевали «политическую систему, усвоенную в сознании, чувствах и оценках населения» [5, с.123]. Понятие «политическая культура» указывает на особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы.

Для определения роли влияния политической культуры на социально-политическую стабильность, обратимся к ряду концепций философов и мыслителей. Первые попытки анализа влияния основных составляющих политической культуры на стабильность общества предпринимались еще мыслителями Древнего мира. Так, например, Конфуций в качестве движущей силы упорядоченности системы видел патриархально-патерналистскую концепцию власти. Он предполагал, что такая власть обеспечит баланс в отношениях элиты и остальной массы населения [4, с.50 – 52].

К проблеме влияния политической культуры на стабильность общества обращались и отечественные философы. Спецификой осмысления данного феномена является рассмотрение его через призму особенностей цивилизационного развития России [2, с.62].

Представители структурного функционализма использовали понятие «общественной солидарности» как одного из условий социально-политической стабильности. Т. Парсонс понимал стабильность как способность системы сохраняться в неизменном состоянии благодаря культуре и функциям элементов системы [8, с. 36]. Э. Дюркгейм характеризовал стабильность как солидарность, объединяющее начало, согласие между членами общества. В итоге потеря солидарности ведёт к потере стабильности [8, с. 28 – 30].

Американский политолог С. Хантингтон определял политическую стабильность как совокупность порядка и преемственности. По мнению исследователя, политическая стабильность «зависит от отношения институционализации к политической активности» [11, с. 95].

Особый интерес представляют подходы к выявлению факторов социально-политической стабильности современных социологов и политологов. Так, А.С. Макарычев отмечает, что стабильность – «многомерное понятие, вбирающее такие характеристики, как сохранение системы правления, гражданского порядка, легитимности и надежности управления» [6, с. 156]. С.Д. Савин указывает на наличие разделяемой большинством общества политической культуры (то есть ценностей, норм и установок относительно роли гражданина в политической системе) как одного из условий политической стабильности [10, с. 85].

Я.А. Пляйс и Г.В. Полунина в комплекс основополагающих факторов политической стабильности помимо политического лидерства и роли гражданского общества, относят господствующий тип политической культуры и различные формы проявления государственной идеологии. Консолидация общества, по мнению исследователей, представляет собой такое общественное состояние, которому характерны признание общей цели, согласованность действий, направленных на достижение, сохранение, укрепление и переосмысление важнейших ценностей [9, с. 38].

По мнению М. Гулиевой, «для того, чтобы общество было стабильным необходимо наличие двух условий: однородность общества и гибкая система взаимосвязей, которую осуществляет гомогенная политическая культура» [3].

Основное значение в изучении социально-политической стабильности—это возможность эффективного управления социально-политическими процессами. Главная задача в данном процессе – переход от теоретического изучения к эмпирическому измерению факторов стабильности. Обобщив все вышеизложенные концепции, с точки зрения реального измерения индикатор политической культуры будет включать в себя следующие показатели: политическое участие (активность) как в поддержку, так и против властей; ценностные ориентации на самостоятельность и развитие демократии или покровительство государства (патернализм).

В анализе данного фактора мы опираемся на вывод, суть которого заключается в том, что стабильности при демократическом режиме правления будет подкрепляться политической культурой «участия», и наоборот – ослабляться при политической культуры патерналистски настроенных «наблюдателей». Показатели данного фактора покажут, насколько политическая культура подкрепляет социально-политическую стабильность в России. Низкое значение индикатора политической культуры будет свидетельствовать о подданнической культуре, что уменьшает степень и надёжность стабильности при демократии.

Литература:

1. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – №4. – С. 122-134.
2. Андреева, О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития / О.А. Андреева. – Таганрог: Таганрогский ин-т управления и экономики, 2000. – 202 с.
3. Гулиева, М. М. Политическая культура женщин как условие социально-политической стабилизации: автореф. дис. канд. полит. наук / М. М. Гулиева. – Пятигорск, 2005. [электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskaya-kultura-zhenschin-kak-uslovie-sotsialno-politicheskoy-stabilizatsii>. (дата обращения 19.10.2014)
4. Конфуций. Изречения / Конфуций // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997. – С. 47 – 56.
5. Лёхин, И.В. Словарь иностранных слов / Лёхин И.В., Петров Ф.Н.. – М.: Государственное Издательство Иностранных и Национальных словарей, 1949. –670 с.
6. Макарычев, А.С. Стабильность и нестабильность при демократии: Методологические подходы и оценки // Политические исследования. – 1998. – № 1. – С. 149 – 157.
7. Медведев, И.Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности: автореферат дисс. канд. полит. наук / И.Г. Медведев. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2003. – 23 с.
8. Негрова, М.С. Политические аспекты стабильности российского общества: региональный аспект (на примере Санкт-Петербурга и Красноярского края): дис. .канд. соц. наук / М.С. Негрова. – СПб.: СПбГУ, 2009. – 171 с.
9. Пляйс Я.А. Основы стабильности общества: теория и практика / Я.А. Пляйс, Г.В. Полунина. – М.: ФА, 2001. – 216 с.
10. Савин, С.Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: дис. канд. соц. наук / С.Д. Савин. – Спб., 2003. – 195 с.
11. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОРПОРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ НА КРУПНОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ

В 2009 году на ОАО «НПК «Уралвагонзавод» было создано управление по инвестиционной деятельности, в том числе отдел по управлению проектами. Одновременно были утверждены следующие документы: РД СУРО «Управление программами и проектами. Основные положения», «Методика составления плана программы/проекта», «Методика составления документов содержания программы/проекта», «Методика формирования команды программы/проекта», «Критерии отбора проектов и программ Общества», «Методика составления бизнес-плана проекта».

Руководящий нормативный документ системы управления развитием организации определяет корпоративную модель управления проектами и программами в ОАО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод», в том числе:

- единую терминологию управления проектами;
- признаки, виды и процедуру отбора программ и проектов в организации;
- участников программ и проектов;
- общий порядок инициации, планирования, реализации, контроля и завершения программ и проектов;
- основные процессы управления программами и проектами;
- единые формы документов, поддерживающих процессы управления программами и проектами.

Настоящий РД устанавливает систематизацию и упорядочивание процессов управления программами и проектами, повышение эффективности управления ресурсами организации за счет применения современных методов и средств проектного управления.

К проектам в организации относятся различные виды деятельности, имеющие следующие одновременно выполняющиеся признаки:

- направленность на достижение конечных, количественно измеримых целей;
 - ограниченность во времени (наличие начала и окончания);
- уникальность и неповторимость целей и работ;
- ограниченность по ресурсам;
 - координированное выполнение взаимосвязанных работ [1, с. 3].

Административным началом программы или проекта служит процесс инициации, в ходе которого разрабатывается и представляется концепция программы в Управление по инвестиционной деятельности. Порядок и критерии отбора программ, методика их расчета и оценки описаны в «Критериях отбора проектов и программ Общества». Основанием для принятия решения об инициации программы является ее защита на заседании инвестиционного совета. Решение инвестиционного совета о начале программы закрепляется соответствующей записью в протоколе заседания и регламентируется приказом о начале проекта.

Во исполнение приказа о начале программы командой программы под контролем заказчика и начальника управления по инвестиционной деятельности разрабатывается ее бизнес-план. Основой для разработки бизнес-плана является «Методика для составления бизнес-плана проекта», а также используется информация от внутренних подразделений организации и другие результаты исследований. Основанием для принятия решения о начале работ по программе является защита бизнес-плана руководителем программы на инвестиционном совете организации, в присутствии заказчика и инвестора, а также доклад начальника управления по инвестиционной деятельности итогам оценки соответствия содержания бизнес-плана критериям отбора.

В процессе планирования программы разрабатывается оперативная документация для управления. Данная фаза характеризуется началом инвестирования средств в программу. В процессе реализации план программы может изменяться. Документы содержания и план программы руководитель программы согласует с начальником управления по инвестиционной деятельности. Основой для разработки плана и документации являются

«Методика составления плана программы/проекта», «Методика составления документов содержания программы/проекта», информация от подразделений организации. План программы утверждается генеральным директором – председателем инвестиционного совета организации в присутствии заказчика и инвестора.

В процессе исполнения (реализации) программы отслеживается в рамках запланированных показателей по функциональным областям программы. Исполнение программы представляет собой группу процессов управления предметной областью, временными параметрами, стоимостью, качеством, рисками, поставками, изменениями, персоналом, коммуникациями программы. Ежемесячно сотрудниками отдела стратегического управления и инвестиций управления по инвестиционной деятельности проводится анализ и оценка прогресса программы на основании представленной отчетности по исполнению программы ее руководителем.

В процессе контроля исполнения программы своевременно выявляются отклонения фактического исполнения показателей плана программы и реализуются мероприятия по их устранению. В ходе контроля осуществляются следующие виды мониторинга:

– текущий мониторинг. Осуществляют руководители программ в ходе выполнения работ по их исполнению.

– систематический мониторинг. Осуществляют сотрудники отдела стратегического управления и инвестиций управления по инвестиционной деятельности на основании следующих документов: бизнес-плана, документов содержания, утвержденного плана, ежемесячных отчетов руководителей, протоколов совещаний с ответственными исполнителями, данных ответственных служб по использованию бюджета [2, с. 7].

Результатом выполнения мониторинга исполнения плановых показателей программ и анализа причин выявленных отклонений является формирование руководителем программы запросов на изменения.

В процессе завершения программы осуществляется прием результатов программы, накопление опыта для следующих программ. Заказчик и инвестор принимают результаты работ по программе. Руководитель программы готовит служебную записку о завершении программы и итоговый отчет по программе в управление по инвестиционной деятельности. Решение инвестиционного совета о завершении программы закрепляется подписанием акта приемки-передачи результатов программы и утверждается приказом генерального директора организации. Инвестиционный совет имеет право принять решение о завершении программы на любой стадии ее реализации. Вся проектная документация в бумажном и электронном виде передается руководителем программы в управление по инвестиционной деятельности, где архивируется.

Перечень архивной проектной документации по программе:

- журнал программы;
- бизнес-план программы;
- планы программы;
- итоговый отчет по программе;
- приказы по программе;
- протоколы совещаний;
- протоколы заседаний инвестиционного совета;
- ежемесячные отчеты;
- копии финансовых отчетных документов;
- копии контрактной документации;
- служебные записки;
- акты приема-передачи результатов работ и программы [2, с. 9].

В процессе постпроектной оценки программы анализируются проблемы, возникшие при реализации программы, и совершенствуется корпоративная политика организации в области управления проектами и программами. Постпроектная оценка осуществляется сотрудниками бюро нормативного обеспечения программ управления по инвестиционной деятельности через 3 месяца после завершения программы на основании архивной документации. Итогом постпроектной оценки является внесение изменений в руководящую и методическую документацию организации по управлению проектами и программами.

Таким образом, мы описали первую составляющую корпоративной системы управления проектами на ОАО №НПК «Уралвагонзавод». Можно сказать, что работа в этом направлении шла активная, так как без нормативно-регламентной базы существование КСУП на предприятии не представляется возможным.

Второй блок КСУП – информационная система управления проектами. Это важный компонент, существенным образом повышающий эффективность проектного менеджмента.

И третий блок - организационное и кадровое обеспечение. В настоящее время в организационной структуре корпоративной системы управления проектами происходят значительные изменения, что говорит о недостаточно эффективной предыдущей организации КСУП. Чтобы проследить это, можно посмотреть на следующую таблицу.

Таблица 1 - Реализация проектов на ОАО «НПК «Уралвагонзавод»

	2011 год	2012 год	2013 год
Количество реализованных проектов	66	55	37

Итак, мы провели обзор процессов управления проектами на ОАО «НПК «Уралвагонзавод», и таким образом описали порядок функционирования корпоративной системы управления проектами в данной организации. Были выделены основные процессы управления проектами: инициация, планирование, исполнение, контроль, завершение - и добавлен еще один процесс – постпроектная оценка.

Организацию ОАО «НПК «Уралвагонзавод» по отношению к проектной деятельности мы относим к процессно ориентированному типу. Специфика бизнеса таких предприятий предполагает процессный подход к управлению основной деятельностью (массовое, конвейерное и поточное производство). Проектное управление здесь используется для внутренних проектов, в основном связанных с развитием организации: реорганизации, внедрении информационных систем, создании новых продуктов.

Литература:

1. РД СУРО – 3.010– 2010. Управление программами и проектами. Основные положения, 43с.
2. Методика составления плана программы/проекта. Рег. № 210-3/5-2009, 22с.
3. РД СУРО – 3.015 – 2010.

Громова Н. С.

Уральский институт коммерции и права

к.ф.н., доцент кафедры

государственно-правовых и социальных дисциплин

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА VS ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Политические и общественные трансформации, происходящие в современной России, формально были заложены еще 20 лет назад с принятием действующей Конституции РФ. За это время правовое поле поменялось достаточно серьезно, но ментальные процессы зачастую отстают от юридических.

Демократический режим, который установлен частью 1 статьи 1 Конституции РФ, предполагает закрепление за гражданами большого количества прав и свобод таких, как свобода слова, избирательное право, свобода собраний и др. И действительно, они появились на постсоветском пространстве. Но, несмотря на это, государство не представляется гражданам партнером в достижении взаимовыгодной цели – построение гражданского общества и правового государства. Законы, даже вполне передовые и рациональные, продолжают восприниматься большей частью населения как ограничительные меры со стороны государства, как нарушение прав и свобод. Государство продолжает оставаться антагонистом.

Достаточное число российских граждан воспринимает принцип демократизма как безграничную власть народа, соседствующую с понятием охлократии. В частности, по результатам опросов, проведенных автором среди студентов, свобода слова в понимании среднестатистического молодого человека не должна быть ограничена государством ни в какой мере, т. е. любые исключения свидетельствуют о злоупотреблениях со стороны государства. Конечно, при рассмотрении конкретных примеров точка зрения, как правило, меняется, но факт остается фактом: общество не готово самостоятельно адекватно интерпретировать базовые конституционные принципы, которые должны лечь в основу построения гражданского общества. Следствием становится устойчивое ощущение, что права нарушаются государством вследствие корыстных мотивов. Одной из причин таких непримиримых противоречий между обществом и государством становится невысокий уровень как общей, так и правовой культуры граждан РФ.

Под правовой культурой будем понимать объективное отношение общества, группы лиц и личности к праву, базирующееся на совокупности правовых знаний, переходящих в процессе взаимодействия с государством в систему убеждений, установок и норм поведения. Правовую культуру человека в связи с этим можно определить как «совокупность его правовых знаний, отношения к праву и правового поведения» [1, с. 559.]. Соблюдение законов возможно только при знании их содержания, а реализация норм права – в случае осознания, что иные действия противозаконны. Иными словами, если человек не осознает, что нарушает закон, к нему можно применять любые санкции, он будет считать, что это ущемление его прав и свобод.

В связи с этим наиболее значимой можно считать проблему неосознания факта совершения правонарушения, так сказать, феномен культурной недееспособности. Человек просто не задумывается, что нарушает права других лиц своими действиями или совершает преступление, влекущее ответственность для него самого. Многие люди не понимают, что могут кого-то оскорбить, используя нецензурную лексику в публичной речи, или нанести ущерб деловой репутации, описывая в авторской статье свои мнения и суждения. В данном случае человек совершает подобные действия неосознанно, не имея умысла, но нанося ущерб окружающим, не потому, что не знает законов, а в силу того, что не соотносит свои действия со сферой правовых стандартов. Ему просто не хватает элементарных когнитивных способностей, уровня культуры в целом, чтобы провести ряд примитивных аналитических операций.

Следствием подобной неразборчивости индивида в средствах и методах выражения своих мыслей и чувств становятся антиобщественные действия, влекущие за собой разрушительные последствия для индивида и государства. Одной из наиболее серьезных угроз современному миру можно назвать экстремизм. Само понятие экстремизма не имеет четкого определения, т. к. в каждой сфере представлены свои особенности его проявления, но при этом можно выделить в качестве характеристики-доминанты приверженность к крайним взглядам, мерам и методам. Сейчас понятие экстремизм используют не только в политической сфере, но также появляются термины национальный, религиозный, этнический, молодежный, избирательный, информационный, вербальный и др.

Можно сказать, что вербальный экстремизм занимает особое место среди других видов, т. к. прямым упоминанием, направляющим нас к вербальной составляющей преступлений в сфере экстремизма, является первая статья Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2]. В ней мы видим четкие формулировки, содержащие вербальный элемент: пропаганда, публичное оправдание, призывы, обвинения, подстрекательство. Довольно сложно себе представить призыв к действию без словесной составляющей или создание экстремистских материалов без единого слова. Такие попытки вряд ли окажутся действенными.

По справедливому замечанию Е. И. Галяшиной, «в информационную эпоху словесные проявления экстремизма (распространение определенных идей) являются не менее, а часто более общественно опасными правонарушениями, чем «традиционные» [3, с. 96]. Масштабность последствий отмечает и Е. С. Кара-Мурза: «сила экстремистского слова действительно убийственна: выступления и публикации провоцируют межнациональные беспорядки, погромы, гибель людей» [4, с. 47 – 72].

При этом, в отличие от других видов экстремизма, именно вербальный зачастую связан с культурной недееспособностью, поскольку лицо, распространяющее и даже создающее экстремистские материалы, не понимает их истинного смысла для многих своих сограждан, а главное – совершенно не предполагает последствий бесконтрольного бытования подобных идей в обществе. Если мы вряд ли сможем назвать террориста-смертника лицом, неосознающим последствий своих действий, то молодого человека, распространяющего призывы через Интернет о флэшмобе в центре города, вполне возможно. Но действия этих лиц могут иметь одинаковое число жертв!

Элементарное непонимание «силы слова» может способствовать разжиганию межнациональной розни, росту числа социальных конфликтов, массовых беспорядков и т. д. В связи с этим необходимым условием борьбы с вербальным экстремизмом является элементарное повышение уровня культуры граждан в процессе привития им уважительного отношения не только к собственным правам, но и праву других лиц.

Рост правовой культуры будет способствовать более пристальному вниманию общества к вопросам самостоятельной защиты своих прав. Осознание необходимости контролировать не только свое поведение, но и действия других станет постепенно нормой, что приведет к пресечению распространения спорной информации. В случае появления конфликтного текста в свободном доступе гражданин с высоким уровнем правовой культуры должен не распространять его, а способствовать изъятию такой информации, призвав государство на помощь.

Повышение правовой культуры важно в рамках как индивидуального показателя, т. е. личностного прогрессивного развития, обеспечивающего правомерное поведение индивида, так и общественного при формировании совокупности прогрессивных ценностей в сфере права в процессе исторического развития человечества. Оба вида правовой культуры: личности и общества – должны совершенствоваться в процессе борьбы с экстремизмом. Невозможно предупредить развитие антиобщественного поведения, повышая культурный уровень отдельно взятых граждан и не уделяя внимание общественному развитию.

Таким образом, в борьбе против вербального экстремизма и экстремизма вообще повышение правовой культуры должно стать самым грозным оружием, чтобы активизировать процессы общественной правовой самозащиты. С ростом правовой культуры понизится правовой нигилизм, а активный интерес граждан к сфере собственных прав должен повыситься. Тем самым, контроль за всеми формами самовыражения, включая и словесное творчество, станет не государственной, а общественной целью. Вербальный экстремизм может существовать только в том обществе, где культура граждан невысока и нарушение закона понимается большинством людей как свобода самовыражения. Высокий уровень правовой культуры лишит экстремизм самой благодатной почвы, способствующей его жизнеспособности в современных условиях, – правовой безграмотности. При этом нельзя предполагать, что рост гражданского правосознания решит проблему экстремизма полностью, но это, безусловно, станет залогом искоренения неосознанного пособничества лицам, подрывающим основы конституционного строя, и будет способствовать формированию благоприятного климата для построения гражданского общества.

Литература:

1. Большой юридический словарь. Авт. и сост. А. Б. Борисов. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
2. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 30 июля 2002 г. № 138-139.
3. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизм: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: Юридический Мир, 2006.
4. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2009. С. 47 – 72.

Гулина Н.А.
Уральский государственный юридический университет
к.ф.н., доцент кафедры философии и социологии

Роголев А.И.
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
к.ф.н., доцент кафедры теории и социологии управления

КТО ПРИДЕТ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ?

Сегодня государственные служащие, воспитанные и получившие образование в советское время уходят на пенсию, а на их место приходят те, кто рос и получал образование уже в после перестроечный период в трансформирующемся обществе, когда старые общественные устои разрушались, а новые еще не возникли или не укрепились.

В какой социальной среде воспитывалось это поколение?

В 1990-е годы доминировала критика без какого-либо позитива всего советского и восхваление всего западного. Прежде всего, огульной критике подвергался государственный строй СССР как тоталитаризм, командно-административная система, которые враждебны человеку. Это, в конечном счете, привело к социальной установке: все западное хорошо, а все советское, а также и российское - плохое. Сформировалось неприязненное отношение не только к советскому государству, но и к государству вообще как социальному институту. Вместо Чеховского «в Москву, в Москву, в Москву» сформировалось движение «пора валить из России на запад, на запад, на запад».

Во-вторых, вместе с отрицанием конкретной идеологии отвергли необходимость всякой идеологии, системы ценностей, скрепляющей общество, дающей определенные жизненные ориентиры членам общества.

В-третьих, отказавшись от гипертрофированного первенства общественного интереса над личным, отвергли всякое первенство общественного интереса. Высмеивался сознательный выбор личности в пользу общественного идеала, самопожертвования и пр. Вместо этого стали проповедовать первенство прав, интересов конкретного человека, в его индивидуалистическо-эгоистическом смысле.

В-четвертых, абсолютной доминантной стали материальные ценности и их всеобщее выражение – деньги. Ушли традиционные, духовно-нравственные движущие механизмы поведения человека. На их место вышел целерациональный тип поведения с доминирующей ориентацией на «бабло».

Таким образом, социальная среда способствует формированию эгоистичного индивидуалиста, действующего целерациональным образом ради денег (материального благополучия, все возрастающего материального богатства). Адаптация индивида к существующим социальным условиям, его социализация неизбежно ведет к становлению индивида с вышеназванными качествами. Идеалом стал человек, который быстро и баснословно разбогател. Поэтому молодому человеку хочется «все и сразу», а при отсутствии внутренних ограничений, «закона в себе» и целерациональном поведении образцом становится «идеальное преступление», выстроенное таким рациональным образом, что его никак нельзя разоблачить.

Какого индивида формирует современное образование?

Общепризнано, что наше образование является, прежде всего, обучением, учением, познанием, в котором обучающийся чаще всего атомизирован. Воспитание отодвинуто далеко на задний план. В нем духовно-нравственный компонент представлен в весьма скудном виде. Рейтинги, которые внедряются в образовании, разъединяют обучающихся на лучших и худших. Цель образования, заключающаяся в подготовке конкурентноспособного выпускника при отсутствии воспитания формирует у индивида целерациональный тип поведения «без тормозов» для победоносной борьбы с конкурентами. Таким образом, образование также формирует эгоистического индивидуалиста с целерациональным типом поведения готовым применять самые различные действия, чтобы победить в конкурентной борьбе. Социальная среда и образование порождают состояние войны «всех против всех».

Вместе с тем, мы встречаем (к сожалению не так часто как хотелось бы) людей высоконравственных, готовых пожертвовать собой для блага других (добровольцы из России на юго-востоке Украины), для защиты общественных интересов.

Дело в том, что на формирование личности оказывает влияние не только социальная среда и образование, но и другие факторы, которые могут оказаться решающими. К ним относятся примеры других людей, литература, культура в широком смысле слова и др. Главное то, что внешнее влияние всегда действует опосредованно через внутренний мир человека. В конечном счете сам человек определяет то, что на него оказывает формирующее влияние, то чем он становится благодаря чему-то или вопреки чему-либо.

Реальность такова, что приходящее на государственную службу новое поколение в той или иной степени приближается к описанному типу эгоистического индивидуалиста с целерациональным поведением ради денег. Способен ли такой человек к государственной службе? В идеале государственный служащий – это человек, который действует, прежде всего, ради общественных, государственных интересов, а не только личных, но таких мало.

Для регулирования деятельности людей с целерациональным поведением необходим целерациональный механизм, который позволил бы сделать труд государственного служащего единственным источником его благосостояния при исключении нетрудовых доходов (М.Вебер). Уровень его благосостояния должен определяться качеством, результатом, эффективностью его труда.

Можно предложить также следующие меры.

1. При поступлении на государственную службу кроме профессиональной компетентности следует продиагностировать жизненные установки, духовно-нравственные качества поступающего. Результаты диагностики должны учитываться как при поступлении, так и при служебном продвижении.

2. Подготовка специалиста ГМУ должна осуществляться в духе служения родине, обществу, государству. Это должно быть не только в высшей школе, но и значительно раньше, поскольку любовь к Родине, способность к самопожертвованию ради ее интересов, патриотизм формируются с раннего детства.

3. Государственный служащий на протяжении всей своей трудовой деятельности должен воспитываться в духе служения государству, обществу. Это возможно различными методами, среди которых одно из ведущих мест занимает организационная культура в государственной службе.

Дамбовская А.А.

Бийский технологический институт (филиал)

ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный

технический университет им. И.И. Ползунова»

к.э.н., доцент кафедры экономики предпринимательства

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: К ВОПРОСУ ДИАГНОСТИКИ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Не секрет, что успешный бизнес сегодня – это бизнес социально-ориентированный. Соответственно, залогом эффективного развития любого предприятия становится корпоративная социальная политика, одним из важнейших элементов которой является качество трудовой жизни персонала (КТЖ). Отметим, что его повышение способствует не только формированию положительного имиджа компании, привлечению в нее высококвалифицированных кадров, но и наиболее полному использованию трудового потенциала работников, и, как следствие, росту результативности труда за счет интенсивных факторов.

Однако практика выявляет ряд упущений теоретико-методологического и методического характера: многовариантность трактовок ключевого понятия «качество трудовой жизни персонала»; несовершенство имеющегося методического инструментария, выражающееся в отсутствии интегрального показателя КТЖ. Потребность в решении обозначенных проблем обосновала объект, предмет, цель и задачи исследования, основной гипотезой которого является предположение о том, что качество трудовой жизни персонала выступает ключевым элементом корпоративной социальной политики.

На основании проведенного анализа профильной литературы было выделено *три основных подхода*, определяющих качество трудовой жизни персонала (таблица 1).

Таблица 1. Основные подходы к определению понятия «качество трудовой жизни персонала»

Основные подходы	Критический анализ
1. Качество трудовой жизни персонала – совокупность параметров, характеризующих условия труда	<i>Узкий подход</i> – качество трудовой жизни персонала идентифицируется только с качеством рабочего места и производственной среды
2. Качество трудовой жизни персонала – совокупность параметров, характеризующих взаимоотношения персонала в трудовой деятельности	<i>Узкий подход</i> – качество трудовой жизни персонала сводится только к оценке развитости корпоративной культуры
3. Качество трудовой жизни персонала – совокупность параметров, характеризующих организацию и стимулирование труда	<i>Узкий подход</i> – качество трудовой жизни персонала ограничивается только оценкой эффективности системы организации и стимулирования труда

Согласно авторской позиции под *качеством трудовой жизни персонала организации* правомерно понимать совокупность оценочных характеристик параметров, характеризующих условия труда, систему его организации и стимулирования, взаимоотношения персонала внутри трудового коллектива.

По определению известного российского ученого Н.А. Волгина, «под *социальной политикой* в прикладном, практическом смысле (контексте) обычно понимают совокупность (систему) конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения. В зависимости от того, от кого исходят эти меры, кто их главный инициатор (субъект), различают соответствующие *виды социальной политики* – государственную, региональную, корпоративную и т.д.» [1] (рисунок 1).

Рисунок 1. Виды социальной политики

Наибольший интерес для проводимого исследования представляет изучение социальной политики на микроуровне, то есть корпоративной. Отметим позиции ведущих исследователей относительно ее сущности.

И.В. Долгорукова понимает под ней систему управленческих воздействий, направленных на обеспечение эффективного взаимодействия производства, общества и государства, создание системы социальных гарантий внутри предприятия, его участие в реализации социальных программ, формирование норм корпоративной культуры [2].

Выполнение перечисленных мероприятий, по сути, является *социальной ответственностью корпораций*.

И.В. Соболева выделяет три уровня социальной ответственности бизнеса:

- добросовестное выполнение обязанностей, возложенных на работодателя действующим законодательством;
- добровольное принятие дополнительных социальных обязательств на внутрифирменном уровне в отношении персонала фирмы;
- дополнительные социальные обязательства за пределами компании в отношении населения территории или отдельных групп [3].

С целью подтверждения гипотезы исследования о том, что качество трудовой жизни выступает одним из ключевых элементов корпоративной социально политики, был проведен *экспресс-опрос* топ-менеджеров ведущих организаций г. Бийска (26 компаний крупного и среднего бизнеса).

Большинство респондентов в качестве основных характеристик социально ответственной организации выделяют следующие:

- 1) социальная защита сотрудников (14,89%);
- 2) обеспечение безопасных условий труда (14,18%);
- 3) выплата «белой» заработной платы (12,77%) (Рисунок 2)

Рисунок 2. Основные характеристики социально ответственной компании

Ответы респондентов на вопрос о степени развитости социальной ответственности бизнеса в г. Бийске распределились следующим образом:

- 1) принципы реализуются в полной мере (0%);
- 2) осуществляются только крупным бизнесом (36,7%);
- 3) претворяются в жизнь эпизодически (30%);
- 4) бизнес не несет социальной нагрузки (16,7%);
- 5) затрудняюсь ответить (16,7%).

Подавляющее число респондентов (37%) также отметили, что их компания социально ответственна преимущественно перед персоналом; 25% – перед обществом; 17,5% – перед органами власти; 20% – компания полностью реализует принципы корпоративной социальной ответственности (Рисунок 3).

- социально ответственна перед персоналом,
- социально ответственна перед обществом,
- социально ответственна перед органами власти,
- полностью реализует принципы корпоративной социальной ответственности,

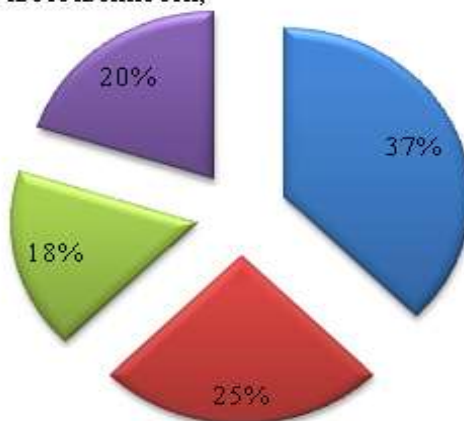

Рисунок 3. Соблюдение принципов корпоративной социальной ответственности организациями г. Бийска

Таким образом, повышение уровня качества трудовой жизни персонала правомерно позиционировать как предмет социальной политики в области занятости, реализуемой на микроуровне, то есть внутри корпорации.

Литература:

1. Волгин Н.А. Социальная политика: Учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. – М., 2003.
2. Долгорукова И.В. Корпоративная социальная политика современных российских предприятий: модели и практики: автореф. ... дис. докт. соц. наук. – М., 2011. – С. 21, 30–31.
3. Соболева И. Социальная ответственность бизнеса: глобальный контекст и российские реалии // Вопросы экономики. – 2005, № 10. – С. 92–102.

Данилов Ю.Д.

*Брестский государственный технический университет
доцент кафедры социально-политических и исторических наук*

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глобализация резко обострила вопросы национально-культурной и политической идентичности, которые сегодня превратились в одну из важнейших проблем, тревожащих не только культурологов, но и политиков, общественных и религиозных деятелей. О ее значимости можно судить, по словам видного польского исследователя, одного из основоположников альтерглобализма Зигмунда Баумана, который писал, что «...впечатляющее возрастание интереса к обсуждению идентичности, может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [1, с. 176 – 177].

Этническая принадлежность, которая, как известно, формируется в сознании людей, но этническая идентичность не является продуктом самого сознания, потому что нельзя сознательно, по договоренности, объединиться в этнос. Точно также невозможно по договоренности и сменить национальную (этническую) принадлежность, что вполне применимо к гражданству.

Таким образом, совершенно очевидно, что этническая принадлежность отражает гораздо более глубокую сторону природы человека, в определенном смысле автономную по отношению к сознанию и, тем более, политике.

Совсем иное дело обстоит с политической идентификацией. Глобализация, вопреки представлениям некоторых авторов, не упрощает и не снижает актуальности вопроса идентичности, а, наоборот, обостряет ее. И это отражается в динамичной дискуссии по проблемам идентичности, которая развернулась в научных, политических, социально-культурных сообществах.

Глобализация сделала идентичность основным дискурсом и повседневной жизни.

Во-первых, потому, что многие общества, народы и индивиды, в силу разных причин, испытывают кризис идентичности.

Во-вторых, потому, что политическая идентичность меняется в ходе глобализации и влияния внешних факторов, а потому требует устойчивого мониторинга со стороны политических элит, ученых и гражданского общества в целом.

В-третьих, потому, что сама по себе политическая идентичность достаточно изменчива по своей внутренней природе и определяется целым рядом объективных, а, главное, субъективных и утилитарных факторов.

Сложность проблемы усугубляется также тем, что критерии оценок потенциальных инноваций в обществе, остаются по большей части неопределенными, в силу действия множества субъективных предпочтений, ситуаций и контекстов, а также в силу неспособности части общества (или нежелания) видеть процессуальную сторону изменений, происходящих в мире.

Постсоветская политическая аналитика не отражает в должной мере диалектику процесса сдвигов в идентификационном поле: вариантов взаимодействия сторон политического процесса, вариантов их трансформации и их взаимного сочетания и подтверждения. В результате этого создается ситуация, когда мы сами, по своей собственной инициативе, дистанцируемся от активного участия в жизненно важном для всего общества дискурсе. В итоге, уровень качества политического и исторического анализа идентификационных процессов падает.

Возможно, само такое отношение элит, научных кругов к проблеме политической идентификации и является особенностью внутреннего кризиса идентичности в постсоветском обществе. Поэтому сейчас как никогда актуальны научные подходы к изучению, анализу и оценке тех проявлений кризиса политической идентичности, которые сложились на всем постсоветском пространстве.

Чтобы сохранять собственную способность к самовоспроизводству, любое общество должно уметь очертить свою идентичность, потому что только осознание гражданской общности (идентичности) является основой решения политических задач. Неопределенность, возникающая и развивающаяся относительно собственной политической идентичности, порождает наиболее сильные напряжения в структуре как индивидуального, так и коллективного сознания, которые нередко приобретают критическое состояние. Наглядным примером такого положения дел могут служить нынешние события на Украине.

Глобализация, как известно, не стирает территориальные границы стран и культурные ареалы и историческую память народов. Глобализация ведет только к появлению и распространению неких культурных и поведенческих стандартов, позволяющих людям получать утилитарные бонусы в виде возможности работы за границей своего государства, возможности стать членом некой объединенной системы.

Позитивное отношение, как правило, формируется к формам организации жизни в обществах с высокими показателями социального и материального комфорта, даже если граждане не совсем адекватно представляют, как, и какой ценой, этот комфорт достигается. В таких условиях политическое самосознание способно принимать разнообразные формы: от политического нигилизма и абсентеизма до активного интереса к освоению культурных ценностей этноса, вплоть до национализма в крайних формах и пренебрежения правами других социальных групп в данном государстве. При этом очевидным становится слияние кризиса идентичности с кризисом обеспечения материальными благами. В результате у людей возникает рассогласование между осознанием собственной этнической принадлежности и гражданства, ведущее к формированию политической маргинальности.

Опыт ряда постсоветских стран убедительно демонстрирует, что корни идентичности людей, могут даже спустя годы их существования в условиях глобализующейся социальной реальности, обнаруживаться в истории и географии, в религии и национальных основах. Одновременно формируются и такие новообразования в политическом сознании, которые делают его фрагментарным. Истоки этой фрагментарности согласуются с конкретными (ситуационными), как правило, неожиданными решениями в области внутренней и внешней политики, при недостаточном доведении их обоснований и мотивов до широких слоев гражданского общества. Соответственно, в этом случае, меняется и само понимание политической идентификации, под которой рассматривается процесс, при котором человек, гражданин, распознает себя и конструирует свое сознание, исключительно на основе данного конкретного политического решения, факта, тенденции. Такая фрагментарная идентичность – локализована во времени и пространстве, т.к. «...наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны» [2, с. 149].

Политическая идентификация – сложный процесс, генетически впитавший в себя особый исторический опыт, и не имеющую четких идентификационных оснований, политическую культуру. Согласно утверждению О'Лири о том, что формы групповой солидарности, основанные только на этнокультурной идентичности, но не содержащие отчетливо выраженных политических целей (создание собственного государства, политическая идентификация и т.д.), не могут претендовать на роль базовых и достаточных для формирования гражданского общества и его идентификационных оснований [3, с.113].

Для анализа современных тенденций изменения политической идентичности, в качестве теоретико-методологической основы, можно опереться на концепции, отражающие процессы социальной трансформации Петра Штомпки, раскрывающие механизмы социокультурной травмы, дестабилизирующего социально-психологического воздействия на постсоветское население перемен 1989-1991 гг. и посткоммунистической реорганизации политических систем, которые соединяют в себе глобальные и национальные изменения ценностей [4].

В этом состоит основной аспект рассмотрения проблемы политической идентификации, которая представляет собой и объективный процесс трансформации политического сознания различных социальных групп и актуальную научную проблему, решение которой не может оставаться без внимания научного сообщества постсоветских стран.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002., С. 176 – 177.
2. Там же, С. 149.
3. Тевдой-Бурмули А.И. Старые теории и новые проблемы. - Политическая наука. 2002. № 4, С.113.
4. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. — 2001. — № 2.

Дараган В.В.

*Днепропетровский государственный университет внутренних дел
к.ю.н., старший преподаватель кафедры
оперативно-розыскной деятельности и специальной техники
факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной милиции*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ЕЁ ВЛИЯНИИ НА УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В УКРАИНЕ

Правовая культура есть особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям. Комплексное использование накопленного в теории правовой культуры материала необходимо прежде всего для того, чтобы обеспечить всесторонний охват изучаемого вопроса. Вместе с тем в каждом конкретном случае на первый

план выдвигается строго определенный аспект в понимании данной разновидности культуры. Так, при подходе с позиций повышения роли человека в правовой жизни, в обеспечении становления цивилизации окажется необходимым в первую очередь обратить внимание на функционально-содержательный аспект правовой культуры. С этих позиций правовая культура общества предстает как разновидность общественной культуры, отражающая определенный уровень правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики и охватывающая все ценности, которые созданы людьми в области права. По существу, это совокупность всех позитивных компонентов правовой деятельности в ее реальном функционировании, воплотившая достижения правовой мысли, юридической техники и правовой практики. Ее элементами выступают составляющие позитивную правовую реальность обстоятельства. Она пронизывает само право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческую и правоприменительную, а также иную правовую деятельность, всю позитивную юридическую действительность в функционировании и развитии ее составных частей [1, с. 67].

Сегодня в Украине происходят процессы, направленные на восстановление украинской экономики. Как отмечается в экономическом обзоре, предоставленном Всемирным банком для Украины, украинская экономика не растет уже два года. Стабилизация макроэкономической ситуации должна сопровождаться внедрением структурных реформ для восстановления экономического роста. Среди предложений относительно реформ, предложенных Всемирным банком для Украины, указано и о необходимости изменения системы государственных закупок и их дерегуляции [2].

Как отметил Премьер-министр Украины Арсений Яценюк, во время заседания Верховной Рады Украины 10.04.2014 года, «страна хорошо знает, что происходит в сфере государственных закупок. Общий объем средств, который проходит через государственные закупки, составляет 300 миллиардов гривен. Львиная доля этих средств, которые идут на закупку лекарств, товарно-материальных ценностей, нефтепродуктов,купаемых через систему НАК «Нафтогаз Украины», «Укртрансффта» и другие государственные компании, оседает в частных карманах. Согласно экспертным исследованиям, около 40 процентов средств, которые идут по системе государственных закупок, остаются в коррумпированных карманах тех людей, которые осуществляют эти закупки» [3].

Поэтому, одной из первых задач, направленных на восстановление и стабилизацию экономики Украины, которое выделяется руководством и международным сообществом, является преодоление коррупции и преступности в сфере государственных закупок.

В перспективе уровень правовой культуры в сфере государственных закупок в Украине может ухудшиться, так как в принятом 10 апреля 2014 года Законе Украины «Об осуществлении государственных закупок» заложены нормы, в которых содержатся некоторые предпосылки для снижения уровня правовой культуры в данной сфере. В первую очередь указанное касается уровня правовой культуры лиц, которые являются членами комитета по конкурсным торгам.

Так, исходя из положений ст. 11 Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» председатель, секретарь и другие члены комитета по конкурсным торгам могут пройти обучение по вопросам организации и осуществления закупок [4]. Исходя из указанного, законодательно не закреплена обязанность членов комитета по конкурсным торгам пройти такое обучение, что негативно повлияет на их уровень правовой культуры в указанной сфере, а также может быть одной из причин возникновения коррупционных отношений при осуществлении государственных закупок.

Следует отметить, что тенденция снижения уровня правовой культуры в данном направлении просматривалась еще во время принятия предыдущего Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок». Так, принятым 1 июня 2010 года Законом Украины «Об осуществлении государственных закупок» впервые были введены изменения касающиеся прохождения обучения по вопросам организации и осуществления закупок. Исходя из положений указанного закона, такое обучение обязаны были пройти лишь председатель и секретарь комитета по конкурсным торгам, другие члены комитета по конкурсным торгам имели право пройти такое обучение [5]. В действующих до этого нормативно-правовых актах такое обучение обязаны были пройти все члены комитета по конкурсным торгам [6; 7].

Исходя из выше указанного, по нашему мнению, с целью повышения уровня правовой культуры, а также снижения рисков появления коррупционных связей в сфере государственных закупок в Украине, необходимо предусмотреть в положениях Закона Украины «Об осуществлении государственных закупок» обязанность прохождения членами комитета по конкурсным торгам обучения по вопросам организации и осуществления закупок.

Литература:

1. Устюгов М.С. Промежуточные итоги исследования по теме: «Правовая культура личности и коррупция: проблемы корреляции» / М.С. Устюгов // Общество и право. Краснодарский университет МВД России. – 2011. – № 2 (34). – С. 66-68.

2. Дорожня карта для термінових макроекономічних та структурних реформ [электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/esa/ukraine/ua-focus-april-2014-uk.pdf> (дата обращения 03.11.2014 г.).

3. У четвер, 10 квітня 2014 року, відбулися пленарні засідання Верховної Ради України сьомого скликання [электронный ресурс]. URL: http://portal.rada.gov.ua/news/Novynu/Plenarni_zasidannya/91335.html (дата обращения 03.11.2014 г.).

4. Закон України “Про здійснення державних закупівель” от 10.04.2014 № 1197-VII (Редакция от 15.10.2014) [электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1197-18> (дата обращения 03.11.2014 г.).

5. Закон України “Про здійснення державних закупівель” от 01.06.2010 № 2289-VI (Редакция от 20.04.2014) [электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2289-17> (дата обращения 03.11.2014 г.).

6. Постанова Кабінету Міністрів України України “Про затвердження Положення про закупівлю товарів, робіт і послуг за державні кошти” от 17.10.2008 № 921 (Редакция от 05.08.2010) [электронный ресурс]. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/921-2008-п> (дата обращения 03.11.2014 г.).

7. Постанова Кабінету Міністрів України України “Про здійснення закупівель товарів, робіт і послуг за державні кошти” 28.03.2008 № 274 (Редакция от 22.10.2008) [электронный ресурс]. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/274-2008-п/conv> (дата обращения 03.11.2014 г.).

Денисов С.А.

*Гуманитарный университет
к.ю.н., доцент кафедры прав человека
юридического факультета*

ГРАЖДАНИН И ПОДДАННЫЙ

Для всех современных стран, переходящих к конституционализму, свойственно положение, при котором конституционные нормы опережают действительность. Конституционный акт часто принимается правящей группой для того, что бы показать, что она самая передовая, самая цивилизованная. Без труда одобряется текст конституции, отражающий все передовые мысли теории конституционализма. Но общество оказывается не готово жить по этим конституционным нормам. Часто в нем нет даже тех субъектов, к которым обращаются нормы конституции.

В частности, нормы конституционного права обращены к гражданам. Но страна может еще не перейти от подданства к гражданству. Подданных формально объявляют гражданами, но они таковыми не являются и не желают ими быть.

Для анализа этой типичной ситуации необходимо четко провести различие между состоянием подданства и гражданства.

1. Гражданин – это свободный человек (личность), осознающий свои индивидуальные интересы. Множество граждан, на основе понимания своих общих интересов создают свое государство (как союз граждан). Последнее производно от граждан и подчинено им. Подданный – это зависимый от государства (как бюрократической организации) человек.

Подданные производны от государства. При тоталитарных и авторитарных режимах государство просто уничтожает или выдворяет из страны неугодных ему подданных.

2. Для гражданина его государство является инструментом для реализации его личных и групповых интересов. Граждане определяют, какое государство им нужно. Они критикуют и постоянно совершенствуют свой инструмент власти. Подданный сам является слугой государства, средством для решения его экономических и политических проблем. Государство решает, какие ему нужны подданные и формирует их (например, формирование советского человека). Подданные не смеют оценивать характер государства. Им позволено только помогать государству управлять общественными делами.

3. Граждане являются и ощущают себя хозяевами в своей стране. Это субъекты общественной и политической жизни. Для подданных, хозяином в стране является государство, его правитель. Какие-либо права-привилегии надо заслужить своей верностью государству (его представителям – бюрократии). Подданные являются объектами управления (как дети). Государство их формирует, воспитывает, заботится о них.

4. Для гражданина глава государства – это равный ему гражданин, которому поручено выполнять ряд обязанностей в пользу граждан. Граждане всегда критически оценивают деятельность государственного аппарата (в том числе главы государства), так же как начальник всегда критически смотрит на своих подчиненных и требует от них роста эффективности их труда при меньших затратах. Каждому разумному человеку понятно, что для людей свойственно стремление к захвату власти. Чтобы не допустить этого, граждане постоянно сменяют людей на должности главы государства.

Для подданных глава государства – это их добрый хозяин, покровитель, заступник, их отец. Его власть сакрализуется. Он всегда прав. Подданные обязаны любить своего правителя и воспринимать тех, кто его критикует, как своих личных врагов. Действительно, кто же потерпит хулу в отношении своего отца или матери? Подданный отождествляет Отчество с Его Величеством. Поэтому противников правителя подданный воспринимает как «врагов народа», «пятую колонну». Естественно, подданные не понимают, как можно менять правителей. Родителей не выбирают, от них не отказываются, какими бы они не были. Для подданного характерна рабская психология. Он с гордостью (как верный пес) служит своему хозяину и естественно ждет от него награды за свою службу. Эта система службы поддерживается редистрибутивной экономикой, при которой государство (как бюрократическая организация) концентрирует в своих руках большую часть общественных богатств и раздает их среди подданных в соответствии с их полезностью для этого государства.

5. Граждане осознают свои личные и групповые интересы, сознательно участвуют в управлении делами общества, через демократические и республиканские институты формируют государственный аппарат, осуществляют контроль за его деятельностью. Они опираются в принятии решений на разум (рассудок). Подданные не обладают знаниями об устройстве страны и государства. Они наивны. Их легко обманывают (манипуляции их сознанием), запугивают или подкупают. Они не хотят и не умеют управлять своей страной. Они верят своему правителю, отдают свою судьбу в его руки. Свои решения они чаще всего принимают на основе чувств. Подданные не только сами отказываются от использования конституционных прав, но, так же, создают препятствия для использования их гражданами. Они осуждают борьбу граждан за свои права, считают ее нарушением установившегося порядка.

6. Граждане формируют гражданское общество (общество граждан), поддерживают демократический политический режим и республику, как средства реализации своих интересов. Они не терпят посягательства на свои права, свою свободу и готовы их защищать. Как уже отмечалось, подданные не умеют и не желают управлять страной, в которой живут. Им не нужны политические свободы, и они добровольно отказываются от демократии и республики. Они ищут себе хозяина и по собственной инициативе (без принуждения) возвращают страну к привычному для них авторитарному порядку и диктатуре. Положение подданного оказывается более выгодным, чем у гражданина. Ему не надо думать о будущем страны. Он не принимает публичных решений и перекладывает ответственность за судьбу страны на правителя и его бюрократию. Он может полностью посвятить себя решению своих личных проблем. Даже заботу о своих детях он старается переложить на плечи государства.

Подданных хорошо использовать для создания симулякров гражданского общества, демократии и республики. Их можно объединять по команде сверху в разного рода общественные организации и движения. Они послушно приходят на массовые мероприятия и изображают по требованию начальства поддержку или ненависть, правильно голосуют во время проведения плебисцита и выражают неподдельную любовь к правителю, если он проявляет заботу о них.

Для граждан характерен коллективизм (добровольное объединение для решения общих проблем). Для подданных характерное стадное сознание и поведение (поведение толпы или массы). Ими легко управлять с помощью специальных манипулятивных технологий (через средства массовой пропаганды, учреждения образования и культуры).

7. Граждане поддерживают конституционные ценности равенства, свободы, гуманизма. Конституция нужна им для защиты своих права и ограничения произвола государства. Подданным не нужна конституция. Они все равно не используют, предоставленные конституцией права. Им не нужна свобода. Естественной для них является иерархическая система, в которую они встраиваются и пытаются выслужить себе более высокое место в иерархии. Они нехотя превращают конституцию в пустую декларацию.

Граждане считают свои права и свободы естественными. Для подданных все права-привилегии даруются государством за их хорошую службу и могут быть отняты у человека. Естественной для подданных является идеология этатизма.

8. Гражданин должен быть, как правило, экономически свободным человеком, который содержит государственный аппарат за счет своих налогов. Граждане, через своих представителей решают, какие налоги платить (нет налога без представительства). Подданные, как правило, экономически зависимы от государства. Они находятся на его содержании.

Процесс перехода от подданства к гражданству осуществляется постепенно. У подданных медленно появляются черты граждан. При этом процесс может иметь и обратный характер.

Естественно, чтобы понять, произошел ли в стране переход от подданства к гражданству, необходимо провести глубокие социологические исследования. Именно они должны показать, насколько страна готова к восприятию конституционных норм. Если большинство населения страны не стало гражданами, то конституция неизбежно останется набором пустых деклараций.

Должикова А.В.

*Российский университет дружбы народов
проректор по дополнительному образованию
кандидат химических наук, доцент*

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕСТИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ

Обязательное тестирование некоторых категорий иностранных работников введено с 1 декабря 2012 г. Федеральным законом РФ от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в статью 13.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 27.2 Закона Российской Федерации «Об образовании» [2]. Тестирование основывается на 1 уровне владения русским языком как иностранным, названном базовым для трудовых мигрантов. Этот уровень, по сути, является промежуточным между базовым и элементарным и составляет 850 лексических единиц. С 1 января 2015 г. лингводидактическое тестирование для трудовых мигрантов будет заменено на комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ [3; 4; 5]. Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6] предусматривает базовые организационные принципы проведения такого экзамена, а именно:

- расширение категорий иностранных граждан, сдающих экзамен (помимо трудовых мигрантов, работающих по разрешению на работу, включение лиц, получающих патент, разрешение на временно проживание и вид на жительство);
- наделение Министерства образования и науки России соответствующими полномочиями;
- проведение экзамена только образовательными организациями;
- предоставление иностранным гражданам возможности сдавать экзамен с 1 сентября 2014 г. для обеспечения безболезненного перехода от лингводидактического тестирования к комплексному экзамену.

Принятый Федеральный закон потребовал от Министерства образования и науки России дополнительного нормативного регулирования, а именно – пакета приказов, регламентирующих порядок проведения интеграционного экзамена в РФ. В этой связи были приняты следующие документы:

- Приказ от 29 августа 2014 г. № 1153 «Об утверждении Порядка и критериев включения образовательных организаций в перечень образовательных организаций, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» [7];
- Приказ от 29 августа 2014 г. № 1154 «Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации и технических требований к нему» [8];
- Приказ от 29 августа 2014 г. № 1156 «Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена» [9].

Принятие вышеназванных приказов приближает к завершению работу по созданию нормативной и правовой базы для введения комплексного экзамена для иностранных граждан, проходящих образовательные процедуры в соответствии с законодательством РФ. Тем не менее, остается ряд нерешенных вопросов правового характера. Наиболее важные из них лежат на поверхности:

1. Остается открытым вопрос о необходимости введения аналогичного комплексного экзамена для лиц, претендующих на гражданство РФ.
2. В разработанных нормативно-правовых документах не отображен вопрос о платности услуг по приему комплексного экзамена.
3. Не определен порядок учёта результатов прохождения тестирования по русскому языку как иностранному на более высоких, чем базовый, уровнях системы тестирования русского языка как иностранного.

Резюмируя, можно констатировать, что сегодня ведется активная деятельность по созданию логически выстроенной и целостной системы государственного тестирования иностранных граждан и описанные выше нормативно-правовые акты и проекты документов являются необходимым, но не достаточным условием полноценного функционирования современной российской системы тестирования.

Для придания завершенности нормотворческой деятельности в рассмотренной сфере целесообразно, среди прочего, подготовить документ, определяющий стратегию действий в сфере образовательной подготовки иностранных граждан, прибывающих в РФ, с рабочим названием «Концепция образовательной политики в отношении иностранных граждан, прибывающих в РФ». Другим важным документом, который выстроит в единой логике все образовательные процедуры для иностранных граждан в стране, а также определит порядок и взаимодействие всех участников государственной системы тестирования, должно стать «Положение о государственной системе тестирования иностранных граждан».

Литература:

1. О внесении изменений в статью 131 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 272 Закона Российской Федерации «Об образовании»: Федеральный закон Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/11/14/izmeneniya-dok.html> (дата обращения: 2014-07-31).

2. Должикова А.В. Особенности правового регулирования проведения лингводидактического тестирования и интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11. Ч. 1. С. 75-81.

3. Киселева Е.В., Кажаяева О.С. О введении интеграционного экзамена для мигрантов в России: некоторые правовые аспекты // Таджикистан и современный мир. 2015. № 1 (в публикации).

4. Мосейкина М.Н. Концепция комплексного экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства для трудовых мигрантов в РФ как фактор миграционной безопасности России // Таможенная политика и национальная безопасность. Мат-лы Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения проф. А.И. Шалтыкова. Алматы: Казахский национальный педагогический университет им. Абая. 2014. – С. 344-346.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/23/inostrantsy-dok.html> (дата обращения: 2014-07-31).

6. Об утверждении Порядка и критериев включения образовательных организаций в перечень образовательных организаций, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 августа 2014 г. № 1153 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ. Официальный сайт. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/4507/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/3434/1153.pdf> (дата обращения: 2014-11-03).

7. Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации и технических требований к нему. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 августа 2014 г. № 1154 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ. Официальный сайт. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/4507/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/3435/1154.pdf> (дата обращения: 2014-11-03).

8. Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 августа 2014 г. № 1156 [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки РФ. Официальный сайт. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/4507/%D1%84%D0%B0%D0%B9%D0%BB/3436/1156.pdf> (дата обращения: 2014-11-03).

Дунаева Ю.Г.

Санкт-Петербургский государственный университет

К.И.Н.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Модернизация высшего образования России является важным фактором процессов глобализации и виртуализации современного общества. Актуальными вопросами модернизации являются такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как системная стратегия инноваций, университетские системы обеспечения качества, экспорт образования, науки и технологий [1]. Важная задача - совместить Болонскую систему и образовательные реформы России, чтобы сформировать новые социально-экономические структуры на рынке образовательных услуг.

Но данный процесс совместимости зарубежных моделей с российской практикой не исключает трудности и препятствия. Мы с сожалением отмечаем, что доля России в международном рынке образовательных услуг постоянно снижается: в 2004 г. Россия принимала 3% от общего количества иностранных студентов, а в 2007 г. — только 2% [2]. Если Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США), то сейчас Россия находится лишь на девятом месте. Болонский процесс, стартовав в 1999 году, сроки реализации своих целей не указал, следующая фаза за 2009 годом не объявлена и формулированных за 10 лет итогов нет. Текст Болонской Декларации фундаментальную цель поставит на последнее место (повышение конкурентоспособности европейского образования), а на первые места поставлены всего лишь технические задачи (система четыре плюс два, введение системы кредитов, увеличение академической мобильности). Россия присоединилась к Болонскому процессу в 2003 году, преследую главную цель -изменить неблагоприятную ситуацию в системе высшего образования России и перейти на новые образовательные стандарты, которые предполагают использование инновационных технологий обучения, учебно-методических комплексов, коммуникационных технологий, новых форм самостоятельной работы студентов (метод проектов, рефлексивных методик, портфолио с привлечением образовательных интернет-ресурсов).

В ходе реформы кардинальным образом изменяется управление качеством высшего образования: вводятся новые методы оценка качества, такие как рейтинговая система, система аудита в образовании, новые показатели и нормативы, программное обеспечение оценки качества. Наша страна активно использует зарубежный опыт организации управления качеством высшего образования, где требования к выпускникам выдвигают такие субъекты, как бизнес, государство, общественные структуры.

Концепция экспорта образовательных услуг разработана Министерством образования и науки РФ при поддержке Национального фонда подготовки кадров в соответствии с решением Коллегии Минобрнауки «О мерах по развитию и совершенствованию экспорта российских образовательных услуг» от 12 ноября 2008 г.[3]. В данной концепции важной составляющей является аттестация и аккредитация вуза как обязательное условие Болонского процесса. В настоящее время Россия вводит новые методики и показатели ранжирования высших учебных заведений, ориентируясь на мировые рейтинги и подходы к оцениванию. Позиции российских вузов пока далеки от идеальных: наша система образования привлекает в основном студентов из развивающихся стран и стран СНГ: Казахстана, Киргизии, Белоруссии, Вьетнама, Узбекистана, Таджикистана. В перспективе, при условии выполнения поставленных президентом В.В. Путиным задач перед российской высшей школой, мы можем претендовать на частичное перенаправление студенческих потоков из крупнейших мировых демографических центров — Китая и Индии — в российские вузы. Образование рассматривается как дифференцированное направление внешней политики, поэтому такое серьезное внимание придается механизмам и векторам модернизации отечественного образования.

Отличие зарубежных методик от российской практики — индивидуально ориентированный подход как основной принцип процесса организации образования. Индивидуально-ориентированный и традиционный для нас групповой подход имеют как плюсы, так и минусы, и требуют взвешенной оценки. Процесс вступления России в ВТО привел к системным противоречиям и трудностям модернизации российской высшей школы: мы отказались от предметной и перешли к модульной подготовке, внедряем кредитную систему и новую структуру учебной нагрузки, изменяем соотношение фундаментального и прикладного в подготовке бакалавров и магистров.

Одной из серьезных проблем модернизации является проблема преподавательской и студенческой мобильности. Международная мобильность студентов стимулируется различными программами: в Европе наиболее известные программы — это «Эразмус», «Сократ», «Нордплюс». Международной академической мобильности способствуют также специализированные службы содействия экспорту образовательных услуг и академическому обмену преподавателей и студентов, такие как французские «Edu France», «Egide» или немецкая DAAD [4]. Любые командировки, студенческие и академические обмены и поездки требуют финансирования, но в нашем государстве процесс использования новых механизмов финансирования находится в начале пути — речь идет об образовательных кредитах, категориях ГИФО, зарубежных системах финансирования российских вузов.

В современных условиях университеты США являются мировыми лидерами по привлечению иностранных студентов. По данным ЮНЕСКО, в 2007 г. вузы США приняли наибольшее количество иностранных студентов — 595 900 человек, 21,3% от общего числа иностранных студентов в мире[5]. И хотя система российского высшего образования по многим параметрам превосходит американскую (академичность, глубина, напряженность и т.д.), но особенности финансирования российских вузов ведут к проигрышу в программах академических обменов. Программа университетов США позволяет иностранным студентам после получения образования в течение одного календарного года постоянно проживать на территории США без оформления дополнительных въездных документов и работать в университетах, некоммерческих исследовательских организациях или в частном секторе. Россия такой возможности предоставить своим выпускникам не может.

Особого внимания заслуживает политика ЕС (Болонский процесс), внешнее измерение которого направлено на конкурентную борьбу за лучших студентов и преподавателей и переход от «европеизации» к «интернационализации» образования. Сегодня ведущее место по числу зарубежных студентов принадлежит Великобритании — 351 500 человек (12% - второе место после США), третье место принадлежит Франции — 246 600 человек (9%), затем следует Австралия — 211 500 человек, Германия — 206 900 человек, Япония — 125 900 человек, Канада — 68 500 человек, Южная Африка — 60 600 человек, Россия — 60 300 человек и Италия — 57 300 человек[6]. Главная цель Евросоюза – организовать доступ к удаленным ресурсам в образовании, сделать доступным европейские вузы для молодежи всего мира – успешно достигнут. Россия только начинает этот трудный путь – доступ к удаленным ресурсам, инструментами которого являются сегодня ЕГЭ (со всеми его плюсами и минусами этот экзамен позволил поступать абитуриентам из глубинки), компетенции (вместо набора дисциплин), зачетные единицы (вместо часов учебной нагрузки), создание суперуниверситетов, которые призваны стать «заповедниками» российских достижений высшей школы вне болонского процесса. Эти университеты должны создать привлекательный бренд российского высшего образования, чтобы привлечь удаленные ресурсы со всего мира (зарубежных студентов).

Рейтинги сегодня являются ведущей технологией оценки качества процесса обучения в высшей школе. Оценивание в системе управления вузами используется на этапе планирования, организации, мотивации труда работников, контроля воспитания, рекламы стратегического развития. Широко известны рейтинги «Лучший колледж Америки» (1983 г.), «Справочник по хорошим университетам» Великобритании, Справочник по канадским университетам, «Индекс международной репутации университетов Австралии». Россия имеет пока слабые позиции в международных университетских рейтингах - российские университеты с трудом ориентируются в давно установившейся системе индикаторов зарубежных рейтинговых агентств. Но глобализация не оставляет нам выхода – нам придется идти по пути зарубежных рейтингов, чтобы занять достойное место среди высших учебных заведений планеты. Подписание Постановления Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. о признании Россией зарубежных дипломов о высшем образовании, ученых степеней и званий [7] вызвало большую дискуссию вокруг рейтингов, так как одним из критериев признания диплома, выдаваемого зарубежным вузом, стало вхождение этого вуза в топ-300 хотя бы одного из трех рейтингов. Кроме этого, президентом Российской Федерации был подписан указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»[3], в котором речь идет том, чтобы к 2020 г. не менее пяти российских вузов попали в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов. Большая часть индикаторов включает оценку исследовательской деятельности по показателям публикационной активности вузов в рецензируемых международных журналах (входящих в списки Web of Science, Scopus).

Эффективность модернизации высшего образования как инновационного инструмента внешней политики можно оценить только в долгосрочной перспективе. Сегодня перспективы трудоустройства, карьеры, стажировок за рубежом еще не стали повседневной практикой. Мы можем говорить лишь об императивах – нам всем предстоит напряженно работать над новыми программами, учить иностранные языки, создавать сетевые структуры (совместные проекты) с зарубежными коллегами, т.е. к работе в аудиториях добавляется работа в дистанционном режиме и за компьютером. Сотрудники высшей школы, не имея сокращений учебной нагрузки, должны дольше и напряженней готовиться к занятиям, серьезнее и глубже

обрабатывать результаты, заниматься административной, организационной, справочной работой, больше учиться самим, в том числе менеджменту, маркетингу, системному администрированию, академическому туризму. К сожалению, иногда возросшие объемы работы требуют жертвовать наукой. Но такова логика информационного общества, в котором коммуникации часто становятся важнее знаний, а информационный взрыв отнюдь не означает роста полезного знания. Но ради роста внешнеполитического престижа России, участия в глобальных образовательных трендах модернизация высшей российской школы является самой актуальной задачей.

Литература:

1. Декларация Организации Объединенных Наций об образовании и подготовке в области прав человека [электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hr_education.shtml
2. Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях. 2002 г. [электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/%20inter/conception/>
3. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 //Российская газета. 2012. 09 мая// <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html>
4. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе [электронный ресурс]. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/165.htm>
5. Конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах региона Европы [электронный ресурс]. URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conv_paris/
6. Исследовательские университеты США: Механизм интеграции науки и образования/ Под ред. проф. В. Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. С. 220
7. О признании Россией зарубежных дипломов о высшем образовании, ученых степеней и званий. Постановление Правительства РФ от 25 апреля 2012 г. [электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/post/>
8. Рекомендации объединенного комитета ЮНЕСКО/ЮНИСЕФ по образованию [электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001206/120650r.pdf>
9. Ministry of Education. Research Findings [электронный ресурс]. URL: The Experiences of International Students in New Zealand: Report on the results of the National Survey. May 2008. P.44 http://www.educationcounts.govt.nz/__data/assets/pdf_file/0003/23925/Report_2007_5_research_findings.pdf

Дьякова Е.Г.

*Институт философии и права
Уральского отделения РАН*

д.п.н., ведущий научный сотрудник отдела философии

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ОПЫТ КИТАЯ)

Внедрение информационных технологий в государственное управление предполагает заимствование не только технических решений, но и неразрывно связанных с этими решениями моделей оптимизации административных процессов, а также риторики, на которой строятся данные модели.

Процесс формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры в органах власти и управления получил эффективное название «перехода к электронному правительству». Модель «электронного правительства», как она описана в таких международных документах, как отчет о развитии электронного правительства Департамента

по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA), предполагает интегративный (холистский) подход к обеспечению устойчивого развития. Технологии призваны облегчить взаимодействие и сотрудничество органов власти как по вертикали, так и по горизонтали, для того, чтобы те могли совместными усилиями отвечать на вызовы развития и решать социальные проблемы. Одновременно они должны обеспечить вовлечение граждан в процесс поиска ответов и решений [1, с. 76].

В какой степени основанная на холистском подходе риторика «электронного правительства» влияет на традиционную культуру управления, особенно в условиях, когда она накладывается на мощную автохтонную управленческую традицию?

Чтобы ответить на данный вопрос, рассмотрим, как происходит адаптация электронного правительства в Китае. Отметим, что в рейтинге развития электронного правительства, который содержится в упомянутом выше отчете Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, Китай занимал в 2014 году 70 место (в 2012 году – 78).

Столь невысокие позиции обусловлены отнюдь не низким качеством решений в сфере электронного правительства. Например, официальный сайт города Ханчжоу (приморская провинция Чжэцзян), крупного экономического, культурного и туристского центра, получил очень высокую оценку экспертов некоммерческой организации «Good Governance International», работающих по методике ООН. На сайте размещены пакеты открытых данных в машиночитаемом формате, функционирует он-лайн подписка (для того, чтобы граждане в оперативном режиме могли получать свежую информацию о деятельности органов власти), существует возможность загрузки для последующего заполнения документов, необходимых для обращения в органы власти (в том числе в связи с ведением бизнеса), напрямую оказывается целый набор необходимых гражданам услуг (таких, как запись на прием к врачу). Граждане имеют доступ к информации о самих себе, имеющейся в органах власти, могут участвовать в он-лайн дискуссиях и направлять свои предложения для обсуждения. Эксперты смогли обнаружить у сайта только два недостатка – отсутствие мобильных приложений и четко сформулированной политики защиты персональных данных [2, с. 5 - 7].

Иными словами, сайт Ханчжоу полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым современным сайтам органов власти, и в этом смысле может считаться образцовым. Тем не менее, Ханчжоу по уровню развития электронного правительства занимает только 8 место в провинции Чжэцзян. Проблемы связаны не с сайтом, а с низким уровнем проникновения Интернета и столь же невысоким качеством развития человеческого капитала (= уровнем грамотности). Эти же проблемы – слабое развитие инфраструктуры и низкое качество человеческого капитала за пределами приморских провинций – обуславливают место Китая в международных рейтингах.

В Китае предпринимаются очень значительные усилия по развитию электронного правительства, несмотря на то, что большинству населения за пределами приморских провинций данная инновация практически недоступна: они не имеют ни технических, ни финансовых, ни образовательных возможностей, чтобы пользоваться сайтами и порталами органов власти. В качестве потребителя электронных услуг выступают в первую очередь обеспеченные и образованные представители городского среднего класса приморских провинций (которые также могут рассматриваться в качестве потенциальной опоры демократизации и вообще политических вызовов существующему режиму).

Однако более внимательный анализ показывает, что предоставление электронных услуг среднему классу и его вовлечение в санкционированные сверху процессы совместной выработки и принятия решений являются для разработчиков электронного правительства вторичной задачей.

С самого начала целью электронного правительства в Китае провозглашалось «усиление центра», т.е. ужесточение контроля центральных органов власти над местными, что рассматривалось как эффективный инструмент предотвращения и пресечения коррупции [3]. Соответственно основные усилия были направлены на формирование инфраструктуры обмена информацией между органами власти, а не на взаимодействие с гражданами. Информационные технологии были призваны обеспечить прежде всего возможность контролировать ежедневные действия нижестоящих чиновников [4, с. 89].

Иными словами, выстраиваемая в КНР система электронного правительства изначально была ориентирована на традиционную конфуцианскую управленческую культуру, в рамках которой еще полторы тысячи лет назад были разработаны сложные схемы, обеспечивающие вышестоящим органам власти контроль за нижестоящими. Эти схемы веками успешно функционировали на основе традиционных носителей (шелковые свитки, записи тушью, система почтовых подстанций, обеспечивающих доставку информации в центр и т.п.), создавая у первых европейских путешественников представление о Китае как о футуристической утопии, где развитие промышленности и изобилие сочетаются со справедливым и эффективным управлением [5].

Несмотря на активную борьбу с конфуцианской традицией при Мао Цзэдуне (по замечанию А.В. Лукина, председатель Мао сознательно использовал «гнев народных масс», чтобы противостоять имперскому наследию, вызывавшему у него неприятие [6]), и активное использование управленческих заимствований в постмаоистский период, базовые основы управленческой системы остаются в неприкосновенности.

В соответствии с этими основами использование информационных технологий направлено на повышение легитимности власти путем роста ее эффективности, с упором на «порядок, а не демократические идеалы, технократический контроль, а не гражданское участие (кроме низового), управляемость, а не тип режима» [7, с. 311].

Формирование электронного правительства в Китае еще раз подтверждает, что изменения управленческой культуры обусловлены не технологическими, а социальными и политическими факторами.

Литература:

1. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. UN, 2014. 252 p. [электронный ресурс]. URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 26.10.14).
2. Good Governance International. The China E-Government Development Index Report 2013: Experience of Hangzhou Municipality, Zhejiang Province. Executive Summary. GGI, 2013. 41 p. [электронный ресурс]. URL: <http://goodgovintl.org/dev/wp-content/uploads/2013/12/CEDI-REPORT-Part-Two-Hangzhou-Municipality.pdf> (дата обращения: 26.10.14).
3. Kluver R. The Architecture of Control: a Chinese Strategy for E-Governance // Journal of Public Policy. 2005. V.25. № 1. P. 75 – 97.
4. Liou K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31 (1). P. 76 - 95.
5. Keay J. China: A History. L., Harper Press. 2008. 608 p.
6. Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнительная политология. 2011. №1(3). С. 3 – 18.
7. Yang Dali L. Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, CA: Stanford Univ. Press. 2003. 432 p.

Евдокимова А.В.

*Ведущий специалист отдела жилищного хозяйства
администрации Фрунзенского района г. Саратова
Поволжский институт управления
им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
магистрант*

НОВЫЙ «СТАРЫЙ» НАЛОГ НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

На современном этапе развития Российской Федерации система налогообложения объектов имущества претерпевает существенные изменения. На протяжении длительного времени законодателями бурно обсуждался вопрос о том, как перейти на исчисление налога на имущество физических лиц с инвентаризационной стоимости, на кадастровую. В 2004 году в Госдуму был внесен на рассмотрение соответствующий законопроект, суть которого была в замене имеющихся платежей за землю и за имущество одним общим налогом.

Введение налога на недвижимость должно стать основным этапом в реформировании системы поимущественного налогообложения в Российской Федерации, так как это позволит не только сократить количество поимущественных налогов с физических лиц, но и установить для определения налоговой базы единые подходы, основанные на оценке рыночной стоимости соответствующих объектов недвижимости. [1, с. 60] Переход на единый налог на недвижимое имущество был предусмотрен проектом «Основных направлений налоговой политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов».

Однако, учитывая сложность и комплексный характер данной реформы, подготовительные мероприятия, включающие в основном создание системы кадастровой (массовой) оценки недвижимости в РФ как основы введения единого налога на недвижимость и информационное наполнение кадастра объектов недвижимости, затянулись. По ряду технических причин введение единого налога на недвижимость в России на современном этапе оказалось невозможным, и законодатель решил отказаться от этой идеи.

Федеральным законом Российской Федерации от 04 октября 2014 года № 284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц» часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации дополняется главой 32 «Налог на имущество физических лиц». Основные положения вышеуказанного закона должны вступить в силу с 1 января 2015 года.

Согласно внесенным изменениям, плательщиками налога являются физические лица, обладающие правом собственности на имущество, признаваемое объектом налогообложения. Объектами налогообложения признаются жилые дома, жилые помещения (квартиры, комнаты), гаражи, машино-места, единые недвижимые комплексы, объекты незавершенного строительства, а также иные здания, строения, сооружения и помещения.

Налоговая база будет равняться кадастровой стоимости по состоянию на 1 января налогового периода (года). Налог станет местным - ставки установят муниципалитеты, но решения о его введении будут приниматься на уровне регионов. До 1 января 2020 года власти субъектов РФ должны определить дату замены новым налогом ныне действующего. Если такое решение принято не будет, то на территории региона налог будет исчисляться исходя из инвентаризационной стоимости с учетом коэффициента-дефлятора (устанавливаются порядок и ставки в зависимости от суммарной инвентаризационной стоимости объектов, принадлежащих налогоплательщику: до 300 тыс. рублей - до 0,1%, от 300 до 500 тыс. - от 0,1% до 0,3%, от 500 тыс. - от 0,3% до 2%). С 1 января 2020 года применение инвентаризационной стоимости полностью прекращается.

При исчислении налога с кадастровой стоимости налоговая база по квартире, комнате или жилому дому уменьшается на кадастровую стоимость 20, 10 или 50 (соответственно) кв. метров. Для единого недвижимого комплекса с жилым домом вычет из налоговой базы составит 1 млн. рублей. Размер обозначенных налоговых вычетов может увеличиваться местными властями. В результате увеличения вычетов налоговая база может принимать даже нулевое значение.

Ставки налога устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований в пределах минимальных и максимальных размеров ставок, определенных кодексом. Жилые дома, жилые помещения, незавершенное строительство жилья, недвижимые комплексы с домами, гаражи, машино-места, строения площадью до 50 кв. метров на дачных (огородных, подсобных, под ИЖД) участках будут облагаться налогом по ставке до 0,1% (точное значение установят муниципалитеты) от кадастровой стоимости. "Деловая" недвижимость, перечисленная в статье 378.2 Налогового Кодекса, и объекты с кадастровой стоимостью от 300 млн. рублей будут облагаться по ставке до 2%. Для остальных объектов предельная ставка налога - 0,5%. Местные власти смогут устанавливать налоговые ставки не только в указанных пределах, но и увеличивать не более чем в 3 раза. Кроме того, допускается установление дифференцированных налоговых ставок в зависимости от кадастровой стоимости объекта налогообложения (суммарной инвентаризационной стоимости объектов налогообложения, умноженной на коэффициент-дефлятор (с учетом доли налогоплательщика в праве общей собственности на каждый из таких объектов), вида объекта налогообложения, места нахождения объекта налогообложения, видов территориальных зон, в границах которых расположен объект налогообложения. [2, ст. 2]

Федеральным законом предусматривается механизм, обеспечивающий постепенный рост налоговой нагрузки в течение первых четырёх налоговых периодов. В течение первых 4 лет действия нового порядка налогообложения налог будет исчисляться с учетом понижающего коэффициента: в первый год - 0,2, во второй год - 0,4, в третий - 0,6 и в четвертый - 0,8.

Также предусматривается сохранение налоговых льгот для всех категорий налогоплательщиков, имеющих право на применение льгот на основании Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц». Вместе с тем налоговая льгота будет предоставляться только в отношении одного объекта налогообложения каждого вида по выбору налогоплательщика.

Таким образом, одним из главных изменений, введенных новой главой НК РФ, станет переход к исчислению налога на имущество не из инвентаризационной, а из кадастровой стоимости, более приближенной к рыночной, поэтому сумма рассчитанного в итоге налога в большинстве случаев будет выше. Кроме того, в действующем перечне объектов налогообложения по налогу на имущество физических лиц не упоминаются, например, машино-места, объекты незавершенного строительства и единые недвижимые комплексы, то есть перечень налогооблагаемых объектов в принятом законе несколько расширен. Законодателями предусмотрен некий переходный период, в течение которого в регионах будет происходить переход от инвентаризационной стоимости имущества к кадастровой стоимости последнего. Масштабы изменения налоговой нагрузки можно будет оценить только после утверждения регионами конкретных ставок налога, поскольку, они могут варьироваться по усмотрению местных органов власти.

Таким образом, законодатель решил отказаться от изначальной идеи введения единого налога на недвижимость в России. Вместо него было решено усовершенствовать действующий в настоящее время налог на имущество физических лиц. Механизмы налогообложения земли и имущества в РФ различны. Законодательное оформление налогообложения жилой недвижимости как единого комплекса должно было сгладить эти различия, структурируя и гармонизируя налогообложение сходных по существу объектов. Однако, даже если бы сама идея перехода к единому налогу на жилье западного типа была заведомо плодотворной, степень подготовленности нашего государства и общества к такому глубокому преобразованию социальной системы страны надо считать совершенно неудовлетворительной. [3, с. 166] Во-первых, по причине того, что кадастровая оценка земли проведена, а недвижимости — нет, поэтому рассчитать общую ставку единого налога будет весьма затруднительно. Во-вторых, общество не готово к таким новшествам: введение единого налога на недвижимость в России привело бы к колоссальному увеличению налоговой нагрузки для населения. Независимые эксперты все же считают, что новый закон тоже существенно увеличит размер налога на имущество для простых граждан. По их мнению, сумма будущего ежегодного платежа по сравнению с настоящим возрастет от 3 до 9 раз, но это увеличение будет происходить постепенно в течение 4 лет.

Учитывая вышеизложенное, модернизация старого налога на имущество физических лиц в современных условиях развития РФ является более целесообразной, поскольку переход на введение налога по кадастровой стоимости будет осуществляться поэтапно, что позволит государству подготовить плацдарм для дальнейшего совершенствования системы налогообложения недвижимости в России.

Литература:

1. Основные направления налоговой политики в Российской Федерации на 2008 – 2010 гг. (Одобрено Правительством Российской Федерации 02 марта 2007 года) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц»: Федеральный закон Российской Федерации от 04 октября 2014 г. № 284-ФЗ // Российская газета. 2014. 08 октября.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи. М.: Алгоритм, 2011 г., 205 с.

ОРИЕНТАЦИЯ НА ПОТРЕБИТЕЛЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях реформирования высшего образования в России, социального расслоения населения, трансформации системы ценностей проблема профессионализма управленческих кадров становится очень актуальной. Современный руководитель – это не только профессионал, владеющий основными компетенциями и умением их реализовывать, но и человек, обладающий высоким (желательно) уровнем культуры и наличием (обязательно) этических норм и принципов ведения дел. В процессе формирования личности и квалифицированного специалиста должны быть задействованы все институты: семья, школа, вуз.

В рамках системы высшего образования одним из перспективных направлений повышения эффективности управления является внедрение систем менеджмента качества (СМК). Эта работа активно идет во многих высших учебных заведениях и уже накоплен значительный опыт в данной сфере. Одним из важнейших принципов СМК является ориентация на потребителя, на изучение требований, ожиданий, мнений конкретных людей. Любая система управления качеством организации должна быть ориентирована на потребителей, на повышение уровня их удовлетворенности товарами и услугами.

В Челябинском государственном университете на факультете управления с 2006 года идет формирование системы менеджмента качества. Рассмотрим одну из документированных процедур СМК – «Оценка удовлетворенности потребителей» [1,с.48]. Цель данной процедуры – выявление уровня удовлетворенности потребителей для повышения качества управления образовательным процессом. Выбраны основные группы потребителей образовательных услуг: внутренние (первокурсники, студенты старших курсов, выпускники) и внешние (работодатели). Определены следующие факторы для оценки удовлетворенности потребителей:

1. Удовлетворенность выбором вуза и направления обучения;
2. Удовлетворенность качеством обучения;
3. Удовлетворенность адаптацией на рынке труда [2,с.108].

Оценка удовлетворенности потребителей образовательных услуг осуществляется посредством опроса, с помощью специально разработанных анкет. В рамках исследования потребители оценивают уровень исполнения и важности представленных факторов по 5-ти балльной шкале. В результате определяются индексы удовлетворенности потребителей образовательных услуг, выявляются проблемные направления деятельности, разрабатываются рекомендации по совершенствованию образовательного процесса.

Например, в 2013 году было опрошено 82% студентов старших курсов, обучающихся по специальности: «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и «Управление персоналом». Респонденты оценивали удовлетворенность качеством обучения по трем направлениям: уровень организации учебного процесса, условия обучения в вузе, качество преподавания профессорско-преподавательского состава.

Уровень организации учебного процесса включал следующие аспекты: организация занятий (расписание), информационно-методическое обеспечение, организация работы деканата и проведение практики, организация самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов. Наиболее низкий уровень удовлетворенности студенты поставили за организацию занятий и работу деканата – 3,0 балла (индекс удовлетворенности равен 0). Значение индекса удовлетворенности находится в пределах от -1 (низкий уровень) до +1 (высокий уровень удовлетворенности).

Для оценки условий обучения в вузе рассматривались следующие факторы: материально-техническая база, воспитательная работа, деятельность студенческого самоуправления, работа библиотеки, работа столовой и буфетов, спортивная база. Потребители больше всего не удовлетворены уровнем организации студенческого самоуправления – всего 2,8 балла (индекс удовлетворенности отрицательный: - 0,04).

Качество преподавания профессорско-преподавательского состава - это квалификация преподавателей, трудовая дисциплина, использование информационных технологий и творческого подхода в процессе обучения. Высоко студенты оценили квалификацию преподавателей - 3,9 балла (индекс равен 0,37). Низкие баллы студенты поставили за использование преподавателями информационных технологий и творческого подхода в процессе обучения – 3,1 балла (индекс удовлетворенности равен 0,04).

На основании данных оценки удовлетворенности потребителей можно выявить наиболее острые проблемы в реализации учебной деятельности на факультете управления ЧелГУ и способствовать их решению.

В рамках системы менеджмента качества улучшение деятельности отдельного факультета, вуза позволит внести свой вклад в подготовку современных управленческих кадров, отвечающих требованиям времени.

Литература:

1. Проблемы и перспективы развития системы менеджмента качества в вузе: практический опыт факультета управления ЧелГУ Челябинск: Энциклопедия, 2010. 123 с.

2. Елисеева, Е.Н. Оценка удовлетворенности потребителей образовательных услуг на факультете управления / Е.Н. Елисеева // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3(294). Управление. Вып.8. С.107-110.

Ершов Ю.Г.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
заведующий кафедрой философии и политологии,
д.ф.н., профессор*

«ПЕТРО»ЗАВИСИМОСТЬ ЧРЕВАТА ЛОМКОЙ

Российская повестка дня в ключевых вопросах сформировалась задолго до украинского кризиса, – до присоединения Крыма, последующих санкций и ответа на них. Просто сегодня вызовы отечественной государственности резко обострились, требуют незамедлительных преобразований и преодоления негативного груза предшествующих решений.

В экономике по-прежнему сохраняются: низкая производительность труда, дефицит бюджета, инфляция, отток капиталов за рубеж и «вялые» инвестиции от частного бизнеса. Коррупция превратилась в мощный и самостоятельный сектор «народного» хозяйства. Балансирование между стагнацией и рецессией возникло еще до санкций, регулятор экономики, как и прежде, сосредоточен на исполнении фискальной функции, отсутствуют масштабные государственные инвестиции в инфраструктурные проекты, а если они и масштабные, то вкладываются в презентации великодержавности, сопровождаясь, соответственно, масштабным казнокрадством. Исполнение бюджетных обязательств ведет к повышению налогов и различного рода сборов, оборачивающихся дестимуляцией экономики. Тактически целесообразные действия, оправдываемые невозможностью действовать иначе (выбор лучшего из худшего) в стратегической перспективе угрожают провальными результатами. Невозможно скрыть, тем более отменить гигантскую задолженность населения по ипотеке, потребительским кредитам, коммунальным платежам, штрафам. По экспертному мнению, зависимость России от мировой экономики критична, или близка к критичности. Санкционное эмбарго на поставку современного нефте- и газодобывающего оборудования (на импортные образцы приходится до 70% всех его новых закупок) негативно повлияет на планы поставок газа в Китай, чрезвычайно осложнит освоение шельфа, вызовет спад в объемах добычи, которые и так пока не поднимаются выше позднесоветских показателей. В отсутствии особых надежд на стимулирующую роль внутреннего спроса, ближайший рубеж в развитии российского общества - откровенно эмиссионная поддержка экономики и финансирования бюджета. Преодоление этого рубежа откроет путь к инфляционному валу с резким снижением уровня жизни, росту безработицы и социальной напряженности.

Своевременное решение животрепещущих проблем зависит, прежде всего, от существующего политического режима. В силу своего промежуточного, эклектического характера, он находит в политологической литературе разные определения: имитационная, нелиберальная демократия, недеспотическая демократия, электоральный авторитаризм и т.п. Его гибридность неслучайным образом производна от *modus vivendi* государства и общества, живущих продажей природных ресурсов. Поскольку это преимущественно нефть, то и появился термин «петрогосударство». (Бюджет на 51 % наполняется доходами от продажи энергоносителей).

Пятнадцать последних лет получения сверхдоходов от продажи углеводородов оказались в целом бесполезными для построения диверсифицированной экономики. Сюжет о «ресурсной колее» (вариант: «ресурсное проклятие») достаточно избит, но сегодня речь идет о едва ли не последнем шансе выхода из стагнирующего состояния социума и государства.

Гибридный режим привел к значительному упрощению отношений между политической властью и большинством населения. Закономерное разочарование, раздражение, непонимание и отторжение провалившихся «реформ» умело сфокусировано на так называемом «креативном» классе. Испытанный прием: маленькая победоносная война сопровождается созданием фигуры внутреннего врага, продавшегося врагу внешнему. Исподволь навязывается деление общества на «наших и не наших», лексика СМИ и публичных дискуссий практически буквально восстанавливают оппозицию патриотов и «врагов народа». В духе приснопамятной борьбы с космополитизмом Россия противопоставляется «исконно враждебной Европе», европейская доминанта отечественной культуры бездоказательно игнорируется или отрицается. Фронтальное обличение «прогнивших» либерализма и европейских ценностей с энтузиазмом воспринимается широкими слоями населения. Акцент на «Гейропе», Кончите Вурс, однополых браках и т.п., позволяет замалчивать иные европейские ценности – полноценное разделение властей и система их взаимных сдержек и противовесов, независимость и беспристрастность суда, защита частной собственности и еще многое другое.

Кажется, возникло искомое морально-политическое единство общества и власти, столь необходимое для выхода на передовые рубежи в экономике, науке, образовании и т.д., по хрестоматийным требованиям теории модернизации. Но закономерен вопрос, – каков характер этого единства и обладает ли оно действительным модернизационным потенциалом

Фундаменталистская реакция традиционализма на либерально-демократическую модернизацию в своих типичных чертах содержит связку «вождь – массы», культивирует психологию осажденной крепости, рутинизирует нерациональный, нерыночный и авторитарный дискурс взаимопонимания власти и населения. Сияние объединяющего символа сверхдержавы (или великой державы), не подкрепляемое повседневной практикой, провоцирует контрмодернизацию, мобилизационную экономику, политико-идеологическую атмосферу подавления оппозиции и просто инакомыслящих.

Проблема не только в том, что российский средний класс, достигший 42% от всего населения, состоит преимущественно из государственных служащих, лояльных власти, не желающих перемен, воспроизводящих сложившуюся социальную модель (бюджетного иждивенчества) – в отличие от западного среднего класса, критически мыслящего, занятого преимущественно в частном бизнесе, нацеленного на личностный рост. Гораздо важнее утончение референтной прослойки российского социума, призванной транслировать ценности и знания - деградации подвергаются основные сферы воспроизводства человека и общества: наука, образование, медицина. В известном смысле все логично, отрасли и сферы, в которых нефтегазовый сектор не нуждается, в «петро»государстве обречены на привычное «остаточное финансирование». Если назначение государства сводится к контролю над источниками дохода, то не существует и стратегий развития, все, что не имеет отношения к сырьевым ресурсам, становится третьестепенным.

Претендовать на иную, чем ныне, российскую геополитическую роль возможно только при революционном технологическом рывке, предполагающем и иную социальную модель – эффективно действующие институты, бурно развивающуюся науку, поощрение предпринимательства и общественную инициативу и т.д. Приоритет только производственных технологий, игнорирующих технологии социальные, безнадежно архаичен.

Как и в прежних отечественных моделях сорванных модернизаций, опять все сводится к техническим новациям, человеку предлагается архаичная социальная модель «воцерковленного» подданного «царю и отечеству».

Наличных экономических ресурсов России пока еще достаточно для сохранения действующего «общественного договора» - обмена великодержавности на политическую лояльность, низкой производительности труда на возможность жить в долг и т.д. Но если не произойдет институциональной революции, основанной на ценностях правового государства, будущее российской государственности станет более чем неопределенным. Последствия всех видов хронической зависимости одинаковы – они заканчиваются ломкой при исчезновении источника удовольствия.

Жигарь О.В.

*Челябинский государственный университет
ст. преподаватель*

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Динамичное социально-экономическое развитие общества требует научно обоснованного решения задач кадрового обеспечения и востребованности профессиональных способностей человека в системе государственного и муниципального управления. Организационная структура и состав кадров оказывают решающее влияние на эффективность трудового процесса, важным становится вопрос планирования, формирования и учета персонала.

Механизм кадрового обеспечения в сфере государственного и муниципального управления включает систему принципов, форм, методов и меры, порядок осуществления кадровой деятельности, представляющий собой взаимодействие специальных подразделений и людей в сфере организационно-управленческой, образовательной, нормативно-правовой, финансовой, научно-методической, нравственно-психологической деятельности. Реальный эффект кадровое обеспечение дает только в том случае, когда все элементы этих видов деятельности находятся во взаимодействии.

Кадровое обеспечение административно-государственного управления реализуется через государственную кадровую политику, цель которой – формирование дееспособных трудовых коллективов, рациональное использование человеческих ресурсов, создание благоприятных условий для их всемерного развития [1, с.11]. С этой точки зрения в каждом государственном и муниципальном органе, учреждении, на любом государственном и муниципальном предприятии приоритетными задачами кадровой работы являются: совершенствование форм и методов подбора руководящего персонала, формирование кадрового резерва для занятия руководящих должностей, профессиональная подготовка лиц, состоящих в резерве, повышение объективности процесса деловой оценки служащих, создание механизма продвижения кадров, обеспечение их карьерного роста [2].

Кадровое обеспечение в государственном и муниципальном управлении – это деятельность, направленная на комплектование профессионально подготовленными работниками всех органов власти, учреждений и предприятий, способными на уровне современных требований эффективно осуществлять в рамках закона и должностных полномочий задачи и функции этих организаций, предполагающая применение различных, большей частью закрепленных в нормативно-правовых актах механизмов и технологий формирования и использования кадров [3, с.18]. Управление служащими государственных и муниципальных органов и организаций имеет свои специфические особенности: 1) управленческое воздействие на кадры осуществляются только в рамках нормативно-правового поля; 2) в кадровой работе преобладает директивный стиль управления. Это обуславливает более четкое и конкретное достижение целей органов управления.

Повышение качества использования ресурсов персонала должно происходить на основе научно-обоснованной программы мероприятий по формированию системы кадрового обеспечения, которая будет способствовать совершенствованию состава и структуры кадров путем их более продуктивного отбора, обучения, оценки, переподготовки, а также мотивирования на достижение заданных целей. Для этого необходимо осмысление общих принципов и подходов к вопросам методологии совершенствования кадрового обеспечения в сфере государственного и муниципального управления, на основе которых будет выработана своя конкретная кадровая политика, вытекающая из целей, задач и функций соответствующего органа управления, учреждения, предприятия, так как состав и структура кадров, требования к работникам во многом зависят от содержания и трудоемкости функций управления персоналом, а также от специфики деятельности конкретной организации. Управление персоналом в этой сфере осуществляется в процессе выполнения определенных целенаправленных действий и предполагает: определение целей и основных направлений кадровой работы; определение средств, форм и методов осуществления поставленных целей; организацию работы по выполнению принятых решений; координацию и контроль выполнения намеченных мероприятий; постоянное совершенствование системы работы со служащими.

Необходимость разработки и реализации программ развития персонала в сфере государственного и муниципального управления обусловлена тем, что: 1) недостаточно используются механизмы назначения на вакантные должности из резерва и привлечения молодых специалистов; 2) не всегда деятельность служащих ориентирована на достижение конкретных результатов, недостаточно эффективно применяется стимулирование, ориентированное на результаты деятельности; 3) недостаточная открытость государственной и муниципальной службы влечет проявления бюрократизма и коррупции, что негативно влияет на общественное мнение и престиж служащих; 4) качество профессионального обучения работников в недостаточной степени отвечает целям и потребностям государственного и муниципального управления.

Общие направления совершенствования кадрового обеспечения можно разделить на 3 группы: технико-экономические, организационные и социально-психологические меры. Технико-экономические меры связаны с улучшением условий труда, совершенствованием систем стимулирования персонала, повышением уровня управления организацией. Организационные меры предусматривают совершенствование процедур приема и увольнения работников, системы профессионального продвижения служащих, формирование кадрового резерва. Социально-психологические меры основываются на совершенствовании стилей и методов руководства, взаимоотношений в коллективе, системы мотивации персонала.

Формирование и подготовка кадрового резерва является стратегическим приоритетом для большинства организаций в сфере государственного и муниципального управления. Наличие компетентных, подготовленных специалистов, готовых к продвижению на ключевые для организации должности, гарантируют кадровую безопасность, уверенность в завтрашнем дне и достижение целей. Молодые специалисты при повышении квалификации и накоплении профессиональных знаний и навыков могут быть занесены в кадровый резерв, что способствует продвижению по службе.

Учитывая масштаб и сложность задачи, работа по созданию кадрового резерва требует комплексного подхода и тщательного планирования. Неверно определенная последовательность действий в работе с резервом или пропуск важного этапа ставит под угрозу качество и результативность всей работы. Преимущества использования кадрового резерва очевидны: 1) экономия расходов бюджета (не нужно тратить деньги на поиск и обучение нового сотрудника); 2) экономия времени (заккрытие вакансий в кратчайшие сроки); 3) наличие высококвалифицированных кадров (сотрудник взят из своих рядов и обучен по своей же программе переподготовки); 4) поддержка и продвижение своих сотрудников – политика ценности кадров (это работает и как мотивационный фактор: сотрудники не хотят уходить из организации, где видны конкретные перспективы карьерного роста); 5) более мягкая адаптация сотрудника в коллективе (сотрудник не меняется, меняется только его статус); 6) сотрудник «заточен» под организацию, хорошо знает политику и особенности взаимоотношений и быстрее адаптируется к новой должности.

Однако функционирование кадрового резерва имеет и минусы: 1) повышаются затраты времени и расходования бюджета на отбор и обучение персонала, включенного в кадровый резерв; 2) возрастает нагрузка на выбранных сотрудников (они должны работать в обычном режиме и еще учиться).

За основу оценки эффективности предварительного обучения будущих руководителей принимают теорию человеческого капитала, в соответствии с которой знания и квалификация сотрудников рассматриваются как фактор увеличения качества выполняемой работы. Процесс подготовки кадрового резерва строится прежде всего на затратах, поэтому целесообразно знать возможные пути снижения расходов на обучение персонала. Для уменьшения статьи затрат на обучение достаточно выстроить в организации систему управления кадровым резервом руководителей, реализующую принцип предварительной подготовки на определенную должность или целевой подготовки. В этом случае основной составляющей экономии от обучения сотрудника в период, когда он является резервистом на руководящую должность, а не после того, как он будет назначен руководителем на данную должность, является разница средних денежных содержаний резервиста до назначения и после назначения руководителем: денежное содержание руководителей выше, чем у резервистов, в среднем в 1,5 раза, что позволяет получать возможную экономию фонда заработной платы при обучении резервистов до назначения, а не после. Кроме этого, затраты времени на обучение нового сотрудника, назначенного на руководящую должность, в среднем в 1,4 раза больше, чем на предварительное обучение резервиста перед назначением на должность руководителя. К тому же, на каждом из уровней управления может быть несколько вакантных руководящих должностей, значит, эта экономия увеличивается в несколько раз.

Таким образом, целенаправленная работа по кадровому обеспечению в сфере государственного и муниципального управления позволит избежать бесцельной траты средств бюджета, решить проблему адаптации кадров, повысить их профессионализм с учетом новых требований и условий работы.

Литература:

1. Черепанов В.В. Государственная кадровая политика и кадровая деятельность в системе гражданской службы: Учебное пособие. М.: Финакадемия, 2009. Ч. 1. 144 с.
2. Зотов В.Б. Муниципальное управление // www.adhdportal.com/book_2378.html
3. Агибалова О.Ю. Правовое и кадровое обеспечение муниципального управления: монография. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2011. 138 с.

Жукова И.В.

к.и.н., доцент

*доцент кафедры государственного управления и
политических технологий*

Козловская Л.Б.

Останина Н.А.

Руденко О.В.

Конюкова М.В.

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В Российской Федерации в последние несколько лет особо остро встает проблема инклюзивного образования. Этому есть ряд серьезных причин. Основная задача реализации государственной политики в данной сфере заключается в том, чтобы дети с ограниченными возможностями здоровья могли получить полноценное образование среди обычных детей. Результатом такой политики видится полноценная интеграция в будущем этих людей в жизнь социума. Сама эта идея, несомненно, верна, но ее реализация в настоящий момент в нашей стране встречает массу проблем. Рассмотрим возможности и ограничения данной политики.

Усилия государства сосредоточены на том, чтобы в рамках модернизации российского образования, в русле действия нового закона «Об образовании в Российской Федерации» [1] создать образовательную среду, обеспечивающую доступность качественного образования для всех лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов с учетом особенностей их психофизического развития и состояния здоровья. В настоящее время в России для обучения детей с ограниченными возможностями здоровья существует дифференцированная сеть специализированных образовательных учреждений, которая включает в себя специальные (коррекционные) образовательные учреждения для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья.

Задачей данных специализированных учреждений является не только предоставление образования, но и максимальное улучшение состояния здоровья школьника. В некоторых случаях возможна даже коррекция до уровня нормы. Это в первую очередь, конечно, зависит от того, насколько вообще возможно коррекция по данному виду заболевания. Положительный эффект достигается за счет того, что на организм ребенка идет систематическое воздействие с помощью медицинского (лечебного, реабилитационного) комплекса мероприятий, и также идет работа психо-педагогического характера. Дальнейшая судьба человека в некоторых случаях зависит от того, к каким людям он попадет на этапе школьного возраста. Коррекционное образование в нашей стране имеет серьезную как научную, так и практическую базу. Тем не менее, остается серьезной проблема дальнейшей интеграции данной категории людей в жизнь общества. Эти люди зачастую так и не могут найти там своего места. Причем стоит сделать акцент на том, что эта проблема не только людей с ограниченными возможностями здоровья, эта также проблема и самого социума. Общество также не готово воспринимать их как своих полноценных членов, и не готово принимать их даже там, где они способны своей деятельностью приносить пользу. Поэтому вопрос инклюзивного среднего образования является чрезвычайно важным. Однако здесь особенно важно – не навредить и не потерять огромный потенциал, накопленный коррекционной системой образования.

За последние несколько лет в субъектах Российской Федерации произошло сокращение специальных (коррекционных) образовательных учреждений на 5 процентов при одновременном росте на 2 процента количества обучающихся, воспитывающихся в них детей. По состоянию на начало 2009/2010 учебного года в России функционировало 1804 специальных (коррекционных) образовательных учреждений, в которых обучалось 207000 детей с различными недостатками в физическом и (или) психическом развитии, в 2012/2013 учебном году соответственно: 1 708 - 211000 детей) [2].

Кроме того, действующие медицинские стандарты предусматривают реализацию комплекса мер по выживанию новорожденных с низкой и экстремально низкой массой тела. Последствием такого направления государственной политики является резкое повышение численности детей с отклонениями физического и (или) психического развития. С каждым годом процент таких детей в общей численности новорожденных неумолимо растет. Возможности инвалидизации по некоторым оценкам специалистов возрастает у такой категории новорожденных в 22 раза. Уже ближайшие годы эти дети достигнут школьного возраста.

Вызывает беспокойство тот факт, что объявленная политика инклюзивного образования привела в первую очередь ни к тому, что появляется реальная возможность массовых школ принимать детей с ограниченными возможностями здоровья, а просто сокращается количество специализированных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации обеспокоено наметившейся тенденцией к тому, что развитие форм обучения детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов в регионах не всегда носит спланированный, последовательный характер, зачастую не сопровождается созданием необходимых условий.

Часть субъектов Российской Федерации неоправданно ориентированы на сокращение сети специальных (коррекционных) образовательных учреждений. Во многих субъектах Российской Федерации прекращена образовательная деятельность от 1 до 3 специальных (коррекционных) образовательных учреждений, в Хабаровском крае - 4, Калининградской области - 5, Ивановской области - 6, Красноярском крае - 7, Тверской области - 8, Пермском крае - 9, Свердловской области - 10, Краснодарском крае - 14, Новгородской области - 18[2].

В связи с сокращением специальных (коррекционных) образовательных учреждений дети с ограниченными возможностями здоровья и дети-инвалиды вынуждены продолжать обучение в условиях общеобразовательных учреждений. В связи с чем, остро встает вопрос о создании специальных условий и необходимости разработки и внедрении форм работы с такими детьми, позволяющими преодолевать их социальную исключенность и способствующие реабилитации и полноценной интеграции в общество.

Однако, в современном обществе, в большинстве случаев, инклюзивное обучение понимают достаточно «узко» - как обучение детей-инвалидов (по зрению, слуху, костно-мышечного аппарата и др., т.е. тяжелые формы инвалидности) в массовой школе, в то время как понятие имеет значительно более широкий смысл. Инклюзия – это процесс развития предельно доступного образования для каждого в образовательных учреждениях, формирование процессов обучения с постановкой адекватных целей для всех учеников, процесс ликвидации различных барьеров для наибольшей поддержки каждого обучающегося и максимального раскрытия его потенциала.

Сокращение сети коррекционных учреждений происходит также и в связи с политикой оптимизации расходов. Однако стоит заметить, что создание всех условий для приема детей с ОВЗ в каждой массовой школе потребует гораздо большего вложения средств, поскольку только создание доступной среды стоит больших денег, при этом должны возрасти расходы и на оплату педагогических и медицинских работников в школе.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Организация возможности инклюзивного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья является очень важным и действительно востребованным временем направлением государственной политики, но в то же время стоит обратить внимание на то, что развитие данной политики не должно разрушать действующую систему коррекционного образования. Иначе мы потеряем тот бесценный опыт, который накапливался десятилетиями, потеряем специалистов. Поэтому очень большая опасность кроется в том, чтобы за счет инклюзии попытаться сокращать расходы на обучение детей с ограниченными возможностями здоровья. Однозначно можно сказать, что на этапе становления инклюзивного образования, расходы могут только многократно возрасти и лишь при создании всех необходимых условий во всех массовых школах мы впоследствии получим возможность тратить меньше средств на систему коррекционного образования. Хотя наши прогнозы говорят о том, что в будущем детей, нуждающихся в серьезном коррекционном воздействии, будет во много раз больше, чем сейчас.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 21.07.2014). Документ в данном виде опубликован не был. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О коррекционном и инклюзивном образовании детей: Инструктивное письмо Министерства образования и науки РФ от 7 июня 2013 г. N ИР-535/07 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

Жукова И.В.
к.и.н., доцент
кафедры государственного управления и
политических технологий
Феденёва Д.В.
Сандакова Т.А.
Тарасова И.М.
Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Развитие инклюзивного среднего образования определяется как одно из приоритетных направлений модернизации системы образования [1, 2]., но, этот процесс можно рассматривать и как ответ на запрос общества. Желание родителей обучать детей с ограниченными возможностями здоровья по месту жительства, их активное участие в процессах воспитания и обучения инициирует поиск вариативных форм оказания специальной педагогической помощи детям данной категории.

Обучение детей с ограниченными возможностями здоровья совместно с другими школьниками способствует формированию у «нормативно развивающихся детей» толерантности к особенностям одноклассников, развивает чувство взаимопомощи и стремление к сотрудничеству, обогащает внутренний духовный мир, совершенствует коммуникативные навыки. Т.е. дети становятся более зрелыми в личностном плане, гуманными гражданами, понимающими важность совместного проживания всех людей независимо от их индивидуальных особенностей. У «особенных» детей совместное обучение формирует положительное отношение к своим сверстникам, способствует приобретению навыков адекватного социального поведения, позволяет полнее реализовать потенциальные возможности развития и обучения. В совместной учебной и внеклассной деятельности дети сплочаются, учатся понимать проблемы другого человека и стараются по возможности их разрешать.

Однако большое значение в успешности этого процесса имеет подготовленная инфраструктура и специально обученный и мотивированный педагогический коллектив образовательной организации. На федеральном уровне власти подготовлен комплекс нормативных документов, определяющий необходимые условия для развития инклюзивного образования [1, 2]. Также особо стоит отметить следующие документы:

- Инструктивное письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 7 июня 2013 г. N ИР-535/07 «О коррекционном и инклюзивном образовании детей», в котором Минобрнауки разъясняет свою позицию в части коррекционного и инклюзивного образовании детей [3].

- Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 августа 2013 № 1015 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» [4], в котором определены особенности организации образовательной деятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья. В этом документе перечислено необходимое оборудование и требования к инфраструктуре для учеников с разными формами отклонения здоровья.

Подбор педагогических работников – обязательное условие при организации инклюзивного обучения. Педагогами, не обладающими минимумом специальных знаний, необходимых для работы с детьми с особенностями психофизического развития, не всегда учитываются возможности и потребности таких детей. Инклюзия в этих случаях приобретает формальный характер: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья не получают необходимой педагогической помощи, что отрицательно сказывается на качестве получаемого образования. Необходимо особое внимание уделить работе по повышению компетентности педагогов школы в вопросах выбора педагогически обоснованных форм, методов и средств обучения школьников с ограниченными возможностями здоровья.

Педагогические работники образовательного учреждения должны знать основы коррекционной педагогики и специальной психологии, иметь четкое представление об особенностях психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, владеть методиками и технологиями организации образовательного и реабилитационного процесса детей.

Материально-техническое обеспечение инклюзивного образования на настоящий момент может оказаться самым большим препятствием для многих образовательных организаций. Дети с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в определенной технической оснащённости помещения школы. В данном случае стоит обратить внимание на введение в действие Программы «Доступная среда» [5]. Руководству муниципального образования и руководителям школ стоит совместно участвовать в подготовке мероприятий по реализации данной программы. Требуется серьезный анализ существующих возможностей муниципального образования. По нашим предварительным подсчетам (на базе опыта школ ХМАО и Свердловской области) для оборудования одного образовательного учреждения для приема учеников с тремя видами ограничений – по слуху, по зрению, опорно-двигательной системы - необходим бюджет 6 млн 392 тыс. руб. Сумманеподъемная для многих территорий. Администрации муниципальных образований совместно с руководителями образовательных организаций необходимо сформировать план по оснащению школ всем необходимым на все годы реализации Программы. Также стоит использовать возможности социального партнерства и сетевого взаимодействия. К сожалению, вряд ли получится оснастить каждую школу всем необходимым для всех видов ограничения возможностей здоровья. В этом случае стоит организовать обмен оборудованием между школами, если в одной из них есть дети с определенными видами ограничения возможностей здоровья, а в другой пока (уже) нет. Также стоит объединить близко расположенные школы в некие группы, внутри которых будет специализация по формам ограничения возможностей здоровья. К примеру, у одной школы будет оборудована доступная среда и инфраструктура для детей с ограничениями опорно-двигательной системы, у другой школы - для слабовидящих и слабослышащих детей. Это сетевое взаимодействие сможет снизить также расходы на педагогов-дефектологов и медицинский персонал. Успешность реализации инклюзивного образования также зависит от грамотного использования информационных ресурсов. Необходимо вести работу со СМИ, социальными партнерами (в первую очередь с крупными предприятиями), использовать сайты Администрации МО и образовательных организаций. Для прогнозирования ситуации необходимо совместно с медицинскими учреждениями составлять и обновлять банки данных детей с ОВЗ. Отдельного внимания требует информационное воздействие на общество, направленное на создание положительного образа инклюзии в целом.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 21.07.2014). Документ в данном виде опубликован не был. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О коррекционном и инклюзивном образовании детей: Инструктивное письмо Министерства образования и науки РФ от 7 июня 2013 г. N ИР-535/07 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам - образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 30.08.2013 № 1015. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О государственной программе Российской Федерации «Доступная среда на 2011-2015 годы: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2011 № 175. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УПРАВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКОЙ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА

Управление — это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации. [1, с. 1] На сегодняшний день гендерный аспект государственной службы один из наиболее важных вопросов стран регионального хаба. Поскольку, управление гендерной политикой на государственной службе является одним из важных аспектов отношений между женской и мужской социальными общностями.

Так, основной причиной необходимости управления гендерной политикой на государственной службе является непропорциональное распределение женщин и мужчин на государственной службе в системе управления и власти на соответствия степени компетентности характеру и уровня их профессионализма.

Термин «управление гендерной политикой» на сегодняшний день не имеет своего однозначного определения, но, бесспорно, то, что оно является частью политического анализа.

Так, на наш взгляд, управление гендерной политикой на государственной службе — это процесс направленный на устранение гендерного неравенства на государственной службе, который включает: равные права, равные возможности, равный доступ к материальным ресурсам.

В последнее десятилетие понятие «гендер» стало активнее применяться при изучении политических явлений и уже используется как критерий для выделения политической субкультуры; как фактор, определяющий политическое участие и поведение; как ценз для получения избирательных прав; как условие для рекрутирования политических элит; как переменная в ряду религиозных, национальных, экономических, социальных факторов. [2, с. 159; 3, с. 149; 4, с. 39; 5, с. 413].

С нашей точки зрения, управление гендерной политикой на государственной службе в первую очередь должно быть направлено не на улучшение положения женщин, а на фактическое достижение гендерного равенства с учетом интересов и возможностей обоих полов в равной степени. Большинство исследователей чаще всего ссылаются на женский опыт и соответствующие примеры, что в конечном итоге приводит к обнаружению дискриминации только по отношению к представительницам слабого пола. Объяснением также может стать выявление разного понимания категорий «женская» и «гендерная» политика.

На государственной службе сформировались такие условия, что наблюдается значительное преобладание мужчин на управленческих должностях на уровне принятия политических решений, в свою очередь женщины преобладают в низшем звене управления, зачастую вытесняются из высокооплачиваемых отраслей и должностей.

В этом случае управление гендерной политикой на государственной службе как фактор политического анализа создает все возможные условия для профессиональной карьеры женщины, согласно инструментам государственного управления.

Республика Казахстан - одна из стран регионального хаба, имеющих разработанную базу нормативных документов, подробно излагающих стратегические шаги государства по развитию гендерного равенства. [6]

Так, в начале этого года международная организация SocialWatch представила очередной рейтинг стран мира по «индексу равноправия полов».

Согласно индексу, успех Казахстана стал возможным благодаря эффективной государственной гендерной политике, проводимой с первых лет независимости по инициативе Президента страны Н.Назарбаева. Для ее реализации созданы все необходимые условия: сформирована законодательная база, определены приоритеты гендерного равенства в Конституции, Стратегии «Казахстан-2030», одноименной Стратегии на 2006-2016 годы. [7]

Таким образом, в соответствии с рейтингом Казахстан как участник стран регионального хаба по сравнению с прошлым годом в нынешнем рейтинге занимает 32-е место среди 136 стран мира с показателем 72. Грузия 86-е место с показателем 67, Таджикистан 90-е место с показателем 66.

По мнению составителей рейтинга, индекс полового неравенства – некий компас для поиска путей преодоления гендерного разрыва. Всего показателей в гендерной матрице ВЭФ – 14. Ключевые из них:

Экономическая активность: соотношение уровня занятости мужчин и женщин, оплаты мужчин и женщин за равный труд, пропорция мужчин и женщин среди специалистов и технических сотрудников.

Образование: соотношение грамотности мужчин и женщин, охват начальным, средним и высшим образованием.

Здоровье: сопоставление продолжительности здоровой жизни мужчин и женщин.

Участие в политике: «женская» пропорция в парламенте, в министерствах, период пребывания женщин на посту главы государства.

По итогам исследования оказалось, что наибольший прогресс, достигнут в сфере здоровья и образования. По здоровью глобальное значение индекса равно 96%, по образованию – 93%. То есть гендерный разрыв преодолен, соответственно, на 96% и 93% (рис. 1). Экономика и политика в этом смысле куда менее благополучны – их показатели 60% и 20%.

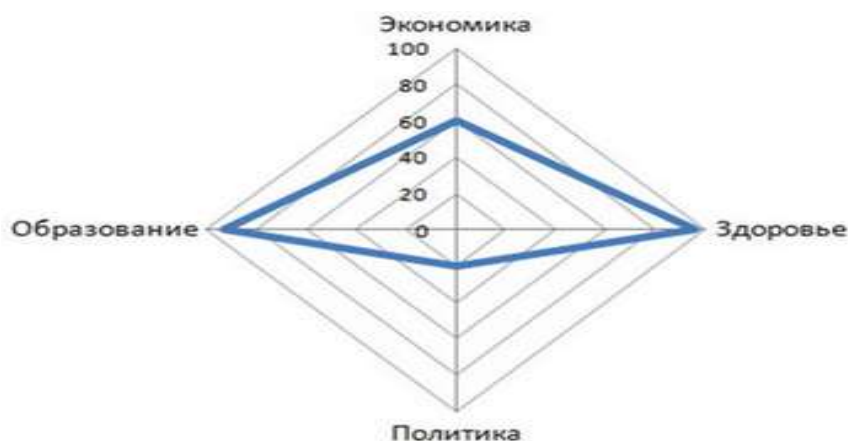

Рисунок 1. Глобальные индексы гендерного неравенства в четырех сферах. [8]

Так насколько же должна соответствовать быть гендерная политика, чтобы не затруднять стабильному развитию?

Опыт и практика стран показывает, что осуществление государственной политики в области неравноправия, во многом зависит от дееспособности международного, а также национального механизма. Сбалансированная политика государства, сконцентрированная на полное исполнение поставленных задач, будет способствовать не только расширению возможностей женщин, но и развитию государства в целом.

Литература:

1. Мескон М, Альберт М., Хедоури Ф.. Основы Менеджмента / пер. Л. И. Евенко. — М.: Дело, 1997. 704 с. — (Зарубежный экономический учебник).
2. Василик М. А., Вершинин М. С. Политология : элементарный курс. М.: Гардарика, 2003. 270 с.
3. Кривогуз И. М. Политология. М. :Владос, 2001. 288 с.
4. Политология/под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. М.: Перспектива, 2007. 252 с.
5. Политология:учеб./под ред. А. Ю. Мельвиля. М.: Проспект, 2005. 624 с.
6. Марикова Х., Г.Набиева//Базовое исследование о продвижении принципов гендерного равенства в Республике Казахстан, Астана, 2009 г.
7. Потенциал прекрасной половины [электронный ресурс] URL <http://pravo.zakon.kz/> (дата обращения 13.10.2014)

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ XX-XXI ВЕКОВ

Актуальность исследования обусловлена трансформациями, которые испытывает культура в эпоху постиндустриального общества и которые приводят к росту культурного многообразия. В этих условиях «формируется человек, обладающий критическим сознанием и стремлением к развитию своего творческого потенциала, более свободный в реализации повседневных потребностей, в общении и образовании...» [1, с. 3]. Поэтому возникает необходимость изучения того содержания и тех функций, которые выполняет элитарная культура в постиндустриальном, информационном обществе.

Элитарная культура – это культура «не для всех», рассчитанная на узкий круг потребителей, характеризующаяся принципиальной закрытостью, ценностно-смысловой самодостаточностью, сложностью, специализированностью. Она выполняет разнообразные функции, но «на первый план в элитарной культуре выходит культуротворческая функция, функция самореализации, самоактуализации личности, эстетико-демонстрационная» [2]. Рассмотрим различные жанры элитарной культуры XX-XXI веков: изобразительное искусство, литература, музыка, театр, кино.

1) Элитарное изобразительное искусство

Примером элитарного изобразительного искусства является русский художественный авангард 1910-20-х годов XX в., уникальная коллекция которого представлена в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. В данной коллекции представлены цирковые зрелища В.Г. Бахтеева, кубистические натюрморты А.А. Осмеркина, А.А. Лабаса, Н.А. Удальцовой, супрематические композиции К.С. Малевича, О.В. Розановой, С.Я. Сенькина, цветовые конструкции из геометрических форм И.В. Клыуна, А.С. Родченко, абстрактная импровизация В.В. Кандинского и др.

Русским авангард стал ярким феноменом мировой культуры. Он основывался на творческом принципе отделения художественной формы от содержания, на освобождении собственно живописных средств от реальной природы. Однако абстрагирование авангардистов от реальности могло быть при этом различным – от частичного до абсолютного, от незначительных сдвигов, смещений, деформаций природы в примитивизме, кубизме, экспрессионизме до полного отказа от таковой в беспредметной живописи.

2) Элитарное кино

В киноискусстве есть произведения, которые отличаются сложностью, ассоциативностью «языка», уходом в тайные глубины сознания и подсознания, поэтому они ориентированы на достаточно ограниченный круг зрителей.

Нами было проведен анализ нескольких сайтов Интернета, которые нашлись по поиску «элитарное кино». На этих сайтах пользователи выкладывают фильмы, которые они относят к элитарному кино, и обмениваются мнениями об этих фильмах и о самом элитарном кино.

Сайт 1 – «Что такое «элитарное кино» или «кино не для всех»? Это серьезное кино, авторское, некоммерческое, или, может быть, интеллектуальное кино. Это фильмы, которые можно долго разгадывать, где есть простор для мысли и чувства, где зрительская реакция не программируется сотнями подсказок и стереотипов. Для одних – это Феллини, Антониони, Бергман, Альмодовар, Кустурица, для других – Джармуш, Триер, Гиллиам, Кубрик, Линч, Хичкок» [3].

Сайт 2 – «Элитарное кино – это: Независимое американское кино. Культурное европейское арт-кино. Кино экзотических кинематографий... Бергман, Кустурица, Кидук, фон Триер, Бертолуччи, Трюффо, Джармуш, Феллини, а также лучшие образцы европейского, американского и российского артхауса» [4].

Сайт 3 – «ярчайшим представителем этого жанра в России был Андрей Тарковский (фильмы «Андрей Рублев», «Солярис», «Сталкер» и др.). В Европе пальму известности по праву держит шведский режиссер Ларс Фон Триер (фильмы «Расекая волны», «Танцующая в темноте», «Догвилль» и др.)» [5].

3) *Элитарный театр*

15-16 марта 2014 г. Фонд «Общественное мнение» провел телефонный опрос на тему «Театральная жизнь москвичей» (опрошено 1000 москвичей). ФОМ решил узнать, насколько популярен театр у москвичей, стали ли они ходить туда чаще, любят ли новаторство в этом виде искусства (таблица 1).

Таблица 1. Какие театральные постановки вам больше нравятся: в традиционной манере или в современной, новаторской?

№	Варианты ответов	%
1	В традиционной манере	27
2	В современной, новаторской манере	4
3	В равной степени нравятся и те, и другие	11
4	Затрудняюсь ответить	1
5	Итого	43

Таким образом, театральными постановками в той или иной степени интересуется 43% москвичей, большая часть которых предпочитает постановки в традиционной, а не новаторской манере [6].

4) *Элитарная литература*

К элитарной литературе можно отнести, например, всю культуру серебряного века, особенно поэзию ранних символистов, а также творчество футуристов-авангардистов, например, Т. Маринетти (итальянский поэт). В России к этому направлению принадлежали В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Д. Бурлюк и др. В наше время к элитарной или «интеллектуальной» литературе относят стихи Дмитрия Пригова и романы Владимира Сорокина, а также Мамлеева, Мисиму, Селина, Н. Мейлера.

Однако этих имен нет в списке авторов, которых читают современные читатели. Рассмотрим результаты опроса Фонда «Общественное мнение» на тему «Художественная литература: что читают россияне» – опрос населения от 18 лет и старше. Методом личного интервью опрошено 1500 респондентов. Респонденты рассказали, какие жанры и каких авторов художественной литературы они предпочитают [7] (таблица 2):

Таблица 2 – Назовите, пожалуйста, современных русскоязычных авторов, книги которых вы читали в последние 2-3 года. Открытый вопрос. Задавался тем, кто читает современную русскую литературу, – отвечали 25% респондентов, которые могли назвать более одного автора

№	Варианты ответов	%
1	Д. Донцова	5
2	А. Маринина	2
3	Б. Акунин	2
4	Т. Устинова	2
5	В. Пелевин	1
6	А. Иванов	1
7	Т. Полякова	1
8	Ю. Шилова	1
9	Другие авторы	7
10	Затрудняюсь ответить	9
11	Итого	31

Подавляющее большинство респондентов, читающих современную литературу, предпочитают произведения массовой культуры. Из указанных авторов к элитарным можно, скорее всего, отнести В. Пелевина. В его творчестве можно обнаружить буддистские мотивы, склонность к постмодернизму.

В мае 2014 года В.В. Зерчанинова под руководством М.Я. Гуральник провела анкетный опрос учащихся школы об элитарной культуре. Исследование показало, что только 34,8% школьников верно понимают значение элитарной культуры в обществе (создает новые образцы и ценности). Из всех жанров элитарного искусства школьникам больше всего знакомо элитарное кино (53%), а меньше всего – элитарный театр (30%). Около четверти школьников интересуются элитарными кино и музыкой (таблица 3):

**Таблица 3. Вы интересуетесь какими-нибудь из этих жанров?
Если «да», то напишите какими**

№	Жанры элитарной культуры	%
1	Элитарный театр	9,1
2	Элитарное кино	27,3
3	Элитарная музыка	24,2
4	Элитарное изобразительное искусство	10,6
5	Элитарная литература	13,6
6	Другое (напишите)	3,0
7	Нет ответа (не интересуюсь никакими)	48,5
	Итого:	136,3

Анализ областной целевой программы [8] показал, что в ней не предусмотрены специальные направления и мероприятия по развитию элитарной культуры и её жанров. Однако, учитывая важные функции этого вида культуры, мы считаем необходимым предусмотреть в следующей программе развития культуры на 2016-2020 годы отдельные мероприятия по развитию не только народной и массовой, но и элитарной культуры.

Литература:

1. Костина А.В. Соотношение и взаимодействие традиционной, элитарной и массовой культур в социальном пространстве современности. Автореферат дисс. ... доктора культурологи [электронный ресурс]. URL: <http://vak1.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/Kultur/2009/06-07/KostinaAV.doc> (дата обращения 30.10.2014).
2. Быкова Э.В. Культура народная, массовая и элитарная: Учебно-методическое пособие [электронный ресурс]. URL: <http://moy-bereg.ru/narodnaya-kultura/narodnaya-kultura.-massovaya-elitarnaya-5.html> (дата обращения 30.10.2014).
3. Элитарное кино ("кино не для всех") [электронный ресурс]. URL: <http://www.friendsworld.ru/showthread.php?t=20392> (дата обращения 30.10.2014).
4. Форум «Элитарное кино» [электронный ресурс]. URL: <http://bestforum.7bk.ru/viewtopic.php?id=2186> (дата обращения 30.10.2014).
5. Элитарное кино [электронный ресурс]. URL: <http://elite-video.narod.ru/> (дата обращения 30.10.2014).
6. Театральная жизнь москвичей. Официальный сайт ФОМ [электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11482> (дата обращения 30.10.2014).
7. Художественная литература: что читают россияне. Официальный сайт ФОМ [электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/11380> (дата обращения 30.10.2014).
8. Об утверждении областной целевой программы «Развитие культуры в Свердловской области» на 2011-2015 годы: Постановление Правительства Свердловской области от 11 октября 2010 г. № 1474-ПП. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Зяблицкая С.А.
магистрант
Шайбакова Л.Ф.
д.э.н., профессор
Уральский государственный
экономический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

Современное жилье как элемент материальной культуры прошло долгий исторический путь: от естественных укрытий и пещер – первых пристанищ наших предков – до современных домов-небоскребов, оборудованных сложной инженерной техникой. На разных этапах развития общества по-разному решались вопросы обеспечения граждан жильем [1, с. 1].

В настоящее время государственную жилищную политику определяет один из национальных проектов «Доступное и комфортное жилье гражданам России», который реализуется с 2006 года. В рамках этой программы осуществляются мероприятия по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством и целевой программы «Жилище» на 2011-2015 годы.

В 2013 году в Екатеринбурге построено 896 тысяч квадратных метров жилья (2011 год – 1050,2 тысячи квадратных метров, 2010 год – 1026,8 тысячи квадратных метров). За счет этого строительства жилищные условия улучшили почти 38 тысяч человек. Свыше 40 % жилищ построено горожанами с помощью государственной поддержкой. Можно отметить, что вводимое на территории Екатеринбурга жилье составляет 51% всего жилья, вводимого в Свердловской области. Стоит отметить, что количество жителей Екатеринбурга составляет 33,5% от общего количества населения Свердловской области, при этом в расчете на душу населения показатель ввода жилья в Екатеринбурге составил 619,8 квадратного метра на тысячу жителей. В Свердловской области (без учета Екатеринбурга) – меньше в два раза (294,1 квадратного метра).

Строительство в городе Екатеринбурге личного жилья является следствием совместных согласованных действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, застройщиков, банков и граждан.

Предоставление возможности приобретения (строительства) гражданами доступного и комфортного жилья является одним из главнейших приоритетов социально-экономической стратегии государства. Поэтому в 2011 – 2015 годах усилия власти направлены на создание условий для реализации жилищных прав каждого человека, нуждающегося в этом. Федеральное финансирование, предусмотренное органами власти на жилищные программы, привело к значительному снижению количества граждан, заявившихся на предоставление жилых помещений на условиях социального найма либо с единовременной денежной выплатой. Таким образом, если на учете нуждающихся в жилых помещениях на 1 января 2006 г. числилось 18073 семей, то на 1 января 2014 г. – 15 349 семей.

Анализируя списки очередников, состоящих на учете нуждающихся в жилых помещениях по месту жительства, следует отметить, что число претендующих на безвозмездную помощь органов исполнительной власти не соответствует действительной потребности в ней и финансовой возможности государства. Возросло число случаев злоупотребления правом, когда на жилые помещения претендуют те, кто нуждается в нем меньше других. В нынешних условиях жилищная политика постоянно требует современных подходов. Необходимо расширить возможности каждого гражданина самостоятельно решить свою жилищную проблему. Поэтому государственная жилищная политика должна быть адресной, с учетом истинных финансовых возможностей граждан и их предпочтением при выборе жилья.

В зависимости от социальных мер, оказываемых органами исполнительной власти при обеспечении жильем, выделяют следующие категории граждан: не обеспеченные жильем по договору социального найма или на праве собственности; обеспеченные жильем по договору социального найма или на праве собственности менее учетной нормы, установленной органами власти; проживающие в помещении, признанном непригодным для проживания; проживающие в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется

больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное проживание с ним в одной квартире невозможно, при отсутствии иного жилого помещения по договору социального найма или на праве собственности.

На территории Екатеринбурга учетной нормой обеспечения жильем является наличие жилых помещений на праве собственности и (или) условиях социального найма общей площади в размере 10 квадратных метров на человека. При оценке нуждаемости гражданина учитывается все жилье, находящееся в собственности (на условиях социального найма) заявителя и совместно проживающих с ним членов его семьи на территории Российской Федерации.

В соответствии с действующим законодательством к льготным категориям относят:

- малоимущих граждан Российской Федерации, состоящих на учете нуждающихся в жилых помещениях из числа: многодетных семей, инвалидов и семей, в составе которых имеются дети-инвалиды, а также инвалиды с детства первой и второй группы, ветеранов боевых действий [2];

- граждан Российской Федерации, оказавшихся в зоне влияния неблагоприятных факторов, возникших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС [2];

- ветеранов Великой Отечественной войны, семей погибших (умерших) ветеранов Великой Отечественной войны [2];

- военнослужащих и приравненных к ним [3];

- вынужденных переселенцев [2];

- граждан, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей [4];

- детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вынужденных переселенцев [5];

- реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с репрессиями, и членов их семей в случае возвращения на прежнее место жительства [2];

- граждан, как больные заразными формами туберкулеза, проживающие в квартирах, в которых исходя из занимаемой жилой площади и состава семьи нельзя выделить отдельную комнату больному заразной формой туберкулеза, квартирах коммунального заселения, общежитиях, а также семьи, имеющие ребенка, больного заразной формой туберкулеза [2];

- граждан, имеющих 1 ребенка и более, при этом возраст каждого из супругов либо одного и родителя в неполной семье не превышает 35 лет [6];

- отдельные категории граждан, имеющих право на приобретение жилья экономического класса, построенного или строящегося на земельных участках федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, переданных в безвозмездное срочное пользование или аренду для строительства жилья экономического класса, в том числе для их комплексного освоения в целях строительства такого жилья, в соответствии с Федеральным законом «О содействии развитию жилищного строительства» [6].

Полномочия по ведению учета граждан льготных категорий федеральный законодатель возложил на органы местного самоуправления. К 2016 году для совершенствования такого учета будет создана единая электронная городская система «Жилищная политика». Учет в ней будет выполняться по семьям. Возможности автоматизированной системы позволят мгновенно вносить данные, касающиеся состава семьи, уровня доходов и других требуемых характеристик. В итоге горожане Екатеринбурга смогут наблюдать информацию по очередности предоставления им жилья в режиме онлайн, а органы власти оперативно получать и запрашивать необходимую информацию в ходе электронного межведомственного взаимодействия.

В результате выполнения мероприятий по обеспечению жильем льготных категорий граждан органами государственной власти и органами местного самоуправления сформированы условия для реализации прав граждан на обеспечение доступным и комфортным жильем. Успешная реализация экономически сбалансированного финансирования жилищного строительства возможна при условии оптимального соотношения единовременных денежных выплат социально-незащищенных категорий граждан с новейшими механизмами субсидирования и поддержки жилищного строительства для широких слоев населения.

Литература:

1. Сорокин С. Современная жилищная политика Российской Федерации: прошлое и будущее. С. 14
2. Об утверждении Административного регламента исполнения переданных государственных полномочий Свердловской области по предоставлению государственной услуги "Принятие граждан на учет для целей предоставления жилых помещений в государственном жилищном фонде социального использования Свердловской области": Постановление Администрации г. Екатеринбурга от 02.07.2012 № 2877 (ред. от 23.09.2014) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
3. О статусе военнослужащих: Федеральный Закон РФ от 27.05.1998 №76-ФЗ (ред. от 03.02.2014, с изм. от 04.06.2014) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: ФедеральнЫй Закон РФ от 25.10.2002 № 125-ФЗ (ред. от 17.07.2011) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный Закон РФ от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс»;
6. О федеральной целевой программе "Жилище" на 2011 - 2015 годы: Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 18.10.2014) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

Ибраева М.С.

*Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
докторант*

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В Послании Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А.Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан – 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства» поставлена цель формирования нового типа государственного управления, отвечающая новым задачам служения обществу и укрепления государственности [1, с.1].

Для решения поставленных амбициозных задач, среди которых вхождение Казахстана в число тридцати развитых стран мира, на первый план выходит человеческий капитал, который может выступить ресурсом повышения конкурентоспособности в целом Казахстана, его экономики и всех трудоспособных граждан.

Согласно теории Т.Шульца и Г.Беккера в процессе производства взаимодействуют два капитала: физический капитал, т.е. средства производства и человеческий капитал (приобретенные знания, умения, компетенции, направленные на производство товаров и услуг) [2, с.47].

Любой капитал требует инвестиций на поддержание его в рабочем состоянии, а также на его увеличение, в случае с человеческим капиталом – за счет социальной поддержки и обеспечения.

Целью данной работы является рассмотрение одного из ключевых направлений социального обеспечения государственных служащих – вопроса обеспеченности жильем.

В Законе Республики Казахстан от 23 июля 1999 года №453 «О государственной службе» нормативно закреплены меры социальной защиты государственных служащих, среди которых медицинское обслуживание, выплата выходных пособий в случае ликвидации или реорганизации государственного органа, пенсионное и социальное обеспечение, условия обеспечения жильем [3, с.1].

В целом можно с уверенностью сказать о том, что для государственного служащего в Казахстане созданы базовые условия, которые необходимо развивать для повышения эффективности государственного управления.

Согласно ст.24 Закона Республики Казахстан «О государственной службе» государственные служащие обеспечиваются жильем, а также земельными участками в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан (Закон РК «О жилищных отношениях» от 16 апреля 1997 г. № 94, Постановление Правительства РК «Об утверждении Правил постановки на учет граждан РК, нуждающихся в жилище из государственного жилищного фонда или жилище, арендованном местным исполнительным органом в частном жилищном фонде» от 26 июня 2012 г. № 856, Постановление Правительства РК «Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления государственным служащим, нуждающимся в улучшении жилищных условий, земельных участков для индивидуального жилищного строительства» от 7 июня 1996 г. № 720 и др.) [4, с.5].

Кроме того, государственные служащие могут принять участие в реализации Программы жилищного строительства в РК на 2011 – 2014 гг. через систему жилищных строительных сбережений. [5, с.1]

Оплата труда государственных служащих осуществляется на основе Единой системы оплаты труда, утверждаемой Президентом Республики Казахстан. [4, с.2]

Ниже приведены размеры должностных окладов государственных служащих Казахстана центрального и регионального уровней.

Таблица 1. Должностные оклады административных государственных служащих

Категория	В зависимости от выслуги лет (тенге)		Категория	В зависимости от выслуги лет (тенге)	
	min	max		min	max
С-3*	118516	160157	С-О-5	64063	86485
С-4	106344	143501	С-О-6	57656	78157
С-5	80078	108266	С-Р-4	56375	76235
С-Р-1	109547	147985	С-Р-5	49969	67906
С-О-4	84563	114032			

Данные официального интернет-ресурса Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции, где С-3* и др. – должности государственных служащих согласно Реестра должностей государственных служащих (Указ Президента Республики Казахстан от 7 марта 2013 г. №523)

Сформулированы параметры покупательской способности граждан, оплаты труда и цены на жилье:

стоимость покупки одного квадратного метра жилья составила:

- 1) нового - 156 тысяч тенге,
- 2) на вторичном рынке - 113 тысяч тенге.

Среднемесячная заработная плата по республике составила 89 тыс. тенге.

Реальная заработная плата составила 53 тыс. тенге в месяц (с учетом покупательской способности населения со средним достатком применен поправочный коэффициент 0,6).

На основе этих данных рассмотрим возможности покупки жилья среднестатистической семьей из 4-х человек, двое из которых работают и получают реальный доход 106 тыс. тенге в месяц.

Расходы данной семьи приняты в сумме 64 тыс. тенге - по 16 тыс. тенге на одного человека в месяц [5, с.7-8].

Как видно из приведенного расчета семья с указанным уровнем дохода не может себе позволить приобретать жилье в собственность.

Государственный служащий не имеет дополнительных источников доходов, так как в силу специфики выполнения государственных функций не вправе заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности.

Таким образом, создаются условия для коррупционного поведения государственных служащих, на которых, конечно же, распространяется классическая пирамида потребностей А. Маслоу в части необходимых условий жизни. Применительно для государственных служащих предлагается рассмотреть жилищную политику по предоставлению ведомственного жилья без права приватизации.

Решение вопроса может носить политический, экономический и социальный характер. С точки зрения политики данная мера может служить сильной мотивацией работы на государственной службе, но в то же время и порождать иждивенческие настроения и в конечном результате не окажет существенного влияния на развитие человеческого капитала государственной службы.

Экономически требуется произвести расчеты по строительству, вводу в эксплуатацию и содержанию ведомственного жилья. В данном случае расходы будут единовременными и жилищный фонд остается в государственной собственности, но существует вероятность роста цен на жилье в целом.

Очень важным является отношение населения к данному вопросу, так как зачастую общество не в полной мере удовлетворено качеством предоставляемых услуг и негативно относится к дополнительным расходам государства.

В заключение хотелось бы отметить, что человеческий капитал является решающим для модернизации всей системы государственной службы Казахстана и для его развития через пересмотр социального обеспечения государственных служащих требуются четкие правила и методики оценки эффективности государственных служащих.

Литература:

1. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А.Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан – 2050»: Новый политический курс состоявшегося государства». Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет»//www.adilet.zan.kz

2. Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки//Мировая экономика и международные отношения.2001.№12.

3. Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 года №453 «О государственной службе». Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет»//www.adilet.zan.kz

4. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» //www.adilet.zan.kz

5. Программа жилищного строительства в РК на 2011 – 2014 гг. через систему жилищных строительных сбережений. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет» //www.adilet.zan.kz

Иванова А.А.

Челябинский институт экономики и права

им. М.В. Ладощина

сотрудник Лаборатории развития малого бизнеса

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО БИЗНЕСА

Малый бизнес является двигателем экономики, поэтому государство заинтересовано в его развитии, а, значит, готово его поддерживать. На данный момент в России существует ряд программ, которые призваны способствовать открытию и развитию малого предпринимательства. Бизнес-инкубаторы, программы самозанятости населения и другая государственная поддержка, всё это вносит значительный вклад в развитие малого предпринимательства в РФ.

Одним из значимых элементов поддержки малого предпринимательства является возможность применения специальных упрощённых режимов ведения налогового учёта и сдачи налоговой отчётности. Применение таких режимов даёт возможность малому предприятию снизить затраты (как материальные, так и трудовые) на ведение учёта и предоставление отчётности.

В настоящее время существуют несколько специальных налоговых режимов. Наиболее известные и распространенные специальные налоговые режимы в настоящее время это упрощенная система налогообложения (УСНО) и система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности (ЕНВД).

Организации, применяющие УСНО, освобождаются от уплаты налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций. Индивидуальные предприниматели, применяющие УСНО, освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) и налога на имущество физических лиц, касаемо имущества, используемого в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Организации и индивидуальные предприниматели, применяющие УСНО, не признаются плательщиками налога на добавленную стоимость (НДС), кроме НДС, исчисляемого при ввозе товаров на территорию России. Но организации и индивидуальные предприниматели, применяющие УСНО, не освобождаются от обязанностей налогового агента. Организации и индивидуальные предприниматели вправе перейти на УСНО при соблюдении условия: если по итогам девяти месяцев доходы организации не превысили 45 (сорок пять) млн. руб. Ряд организаций не вправе перейти на УСНО, например, банки, страховые организации, негосударственные пенсионные фонды и так далее.

Организации и индивидуальные предприниматели, желающие перейти на УСНО, обязаны не позднее 31 декабря года, предшествующего году, в котором планируется применение УСНО, подать соответствующее уведомление в налоговый орган по месту нахождения организации или по месту жительства индивидуального предпринимателя.

Объект налогообложения выбирается организацией или индивидуальным предпринимателем самостоятельно. Организация или индивидуальный предприниматель, проанализировав долю своих расходов, принимает решение относительно объекта налогообложения при УСНО. Объектом налогообложения при УСНО могут быть: доходы или доходы, уменьшенные на величину расходов. Налоговой базой при УСНО в зависимости от объекта налогообложения являются доходы с применяемой ставкой 6% или доходы, уменьшенные на величину расходов, ставка налога - 15%.

Налоговым периодом при УСНО является календарный год. Отчётными периодами являются квартал, полугодие, девять месяцев и год. Именно поэтому большое значение имеет правильный выбор объекта налогообложения. Налог исчисляется как соответствующая налоговой ставке процентная доля налоговой базы.

Организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие сельскохозяйственную деятельность, вправе использовать специальный налоговый режим – система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей предполагает применение единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН). Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей схожа с УСНО.

Система налогообложения в виде ЕНВД для отдельных видов деятельности может применяться организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими определённые виды деятельности, например, оказание бытовых услуг, оказание ветеринарных услуг, розничной торговли, оказание услуг общественного питания и так далее. Переход на ЕНВД осуществляется организациями и индивидуальными предпринимателями добровольно, путём подачи соответствующего заявления в налоговый орган за пять рабочих дней до дня, начиная с которого планируется переход.

Объектом налогообложения при системе налогообложения в виде ЕНВД для отдельных видов деятельности является вмененный доход налогоплательщика.

Налоговой базой для исчисления суммы единого налога является величина вмененного дохода, рассчитываемая как произведение базовой доходности по определенному виду предпринимательской деятельности, исчисленной за налоговый период, и величины физического показателя, характеризующего данный вид деятельности [1]. Для исчисления суммы единого налога в зависимости от вида предпринимательской деятельности используются следующие физические показатели, характеризующие определенный вид предпринимательской деятельности, и базовая доходность в месяц [1].

Специальные налоговые режимы, такие как УСНО, ЕСХН, ЕНВД могут применять субъекты микробизнеса, в том числе индивидуальные предприниматели.

Для индивидуальных предпринимателей создан специальный налоговый режим – патентная система налогообложения (ПСН), который имеют право применять только индивидуальные предприниматели (физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица).

Государство оказывает поддержку малому бизнесу не только в упрощении систем налогообложения, но и предоставляет помощь, в виде:

- профессиональных консультаций по организации собственного дела;
- помощи в выборе наиболее рентабельных и приоритетных для государства видов предпринимательской деятельности;
- обучения основам предпринимательской деятельности;
- помощи в составлении бизнес-плана и консультации по его защите;
- помощи в аренде необходимых для работы площадей по сниженным ценам;
- оплата аутсорсинговых услуг.

После успешного старта проекта, созданное предприятие, может рассчитывать на получение от государства гранта в размере до 100 тысяч рублей. Государство старается вместо обычных потребительских расходов, пустить выделяемые из бюджета средства на развитие экономики.

Одним из направлений государственной поддержки малого предпринимательства является создание бизнес-инкубаторов на территории России, в том числе и в Челябинске. Бизнес-инкубатор Челябинска – это особый объект инфраструктуры по поддержке предпринимательства (малого и среднего) посредством предоставления, помощи в непосредственном управлении, информационных, учебных, офисных и консультационных услуг. Малое предпринимательство нуждается в поддержке именно на своих начальных стадиях. По этой причине Челябинск имеет свою программу бизнес инкубации, то есть планы по развитию и мультипликации среднего и малого бизнеса.

Бизнес инкубатор Челябинска снижает риски, облегчает первые шаги в развитии бизнеса, повышает устойчивость малых предприятий. Цель бизнес-инкубатора – предоставление предпринимателям, начавшим или начинающим свой бизнес, ресурсов для максимально эффективного и продуктивного развития, мультипликация бизнеса Челябинска.

Малый бизнес способствует не только самозанятости населения, а также создаётся новые рабочие места, исчисляет и уплачивает налоги и сборы, осуществляет социальную деятельность. Государство, понимая значение малого бизнеса для экономики, оказывает всяческую поддержку субъектам малого предпринимательства, в том числе за счёт внедрения различных государственных программ и предоставлении льготного налогообложения. Малый бизнес, в свою очередь, в условиях рыночной экономики и конкурентной борьбы нуждается в поддержке государства. Таким образом, государство и представители малого предпринимательства зависят друг от друга. Поэтому, деятельность малого бизнеса и государства должны быть взаимовыгодной для обеих сторон, что может являться залогом успешного развития экономики и государства.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О поддержке малого и среднего предпринимательства: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Официальный сайт Министерства экономического развития Челябинской области [электронный ресурс]. URL: <http://chelbiznes.ru/>. (дата обращения: 24.09.2014)
4. Официальный сайт Главного управления по труду и занятости населения Челябинской области [электронный ресурс]. URL: <http://szn74.ru/htmlpages/Show/Programs/Oblastnyeprogrammy>. (дата обращения: 24.09.2014)

Игнатушко И.В.
*Керченский государственный морской
технологический университет,
старший преподаватель кафедры
социологических наук и социальной работы*

ПАРАДОКСЫ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРАКТИК НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Одним из показателей главной тенденции в электоральных практиках населения Украины является эксклюзия политического выбора, которая сегодня является следствием массовой социальной аномии, охватившей всю Украину. По мнению российского исследователя Ф.М. Бородкина [1, с. 8] данный парадокс состоит в том, что, с одной стороны, в большинстве стран люди могут участвовать в свободных выборах, имеют доступ к различным источникам информации и т.д. Однако, с другой стороны, в силу падения доверия к политическим лидерам и политическим партиям, вызванного хроническим невыполнением своих обязательств, превращением парламентских фракций в «кормушку для избранных», отношение различных групп к субъектам электорального процесса, к выборам вообще начинает в Украине варьировать от политической апатии до насильственных реакций.

Исследования, проведенные с участием автора данной статьи в одном из округов Днепропетровской области (сентябрь 2014 г., N = 1500), позволяют выделить ряд характерных особенностей электоральных практик населения Юго-восточной Украины.

Во-первых, налицо резкое падение потенциальной электоральной активности. Так, в выборах в Верховную Раду Украины 29.03.98 г. принимало участие 69, 64 %. В выборах народных депутатов Украины 31.03.2002 г. принимало участие 65, 22 % избирателей. В выборах в Верховную Раду Украины 26.03.2006 г. принимало участие 58, 97% избирателей. Во внеочередных выборах в Верховную Раду Украины в 2007 г. принимало участие 57, 94 % избирателей. В выборах в Верховную Раду Украины в 2012 г. принимало участие 57, 4% избирателей [2].

По данным указанного исследования только чуть больше 21% населения округа твердо уверены в том, что будут принимать участие в голосовании 26 октября. В настоящее время в Украине это может служить тревожным показателем, свидетельствующим об усиливающемся отчуждении народа от государственной власти.

Кроме того состояние гражданской войны, в котором находится Украина, вызывает у многих людей непонимание необходимости выборов, которые ничего не изменят в ситуации системного кризиса, охватившего страну. Вот несколько высказываний респондентов, прозвучавших в ходе их интервьюирования:

1. «Ощущается тотальное разочарование и растущее недоверие, ко всем ветвям власти, политическим партиям, люди говорят, что выборы – бессмысленная трата денег и времени, так как меняются только фамилии, и то не всегда, а система остается прежней – нацеленной на обогащение власть имущих и игнорирование интересов простых людей».

2. «Не осталось ни одной партии, которой можно доверять и за которую можно голосовать, у всех цель - власть и нажива, на народ политикам плевать».

3. «Люди не понимают, зачем нужны выборы, когда в бюджете нет денег, а в стране война».

Во-вторых, для многих украинцев сказка о прекрасном будущем в составе «объединенной Европы» стала постепенно превращаться в понимание чудовищного обмана, жертвами которого стали не олигархи, против которых якобы выступал Майдан 2013-2014 гг., а широчайшие народные массы.

Приводимая ниже таблица, в которой содержатся суждения респондентов из числа активного и потенциально активного электората, дает основания для вывода о том, что Майдан, который вначале поддерживали многие украинцы, уставшие от поборов коррумпированных центральных и местных органов власти во времена В. Януковича, постепенно теряет своих сторонников, а пришедшая на его волне власть вызывает неприятие.

Мы специально привели ответы именно тех людей, которые собираются идти на избирательные участки, чтобы показать их отношение к силам, которые призваны обеспечивать решение общих проблем, а не их возникновение или углубление.

Таблица 1. Прошло более полугода после событий на Майдане. С какими из приведенных ниже суждений отечественных политиков и журналистов, высказанных по поводу этих событий, Вы согласны?

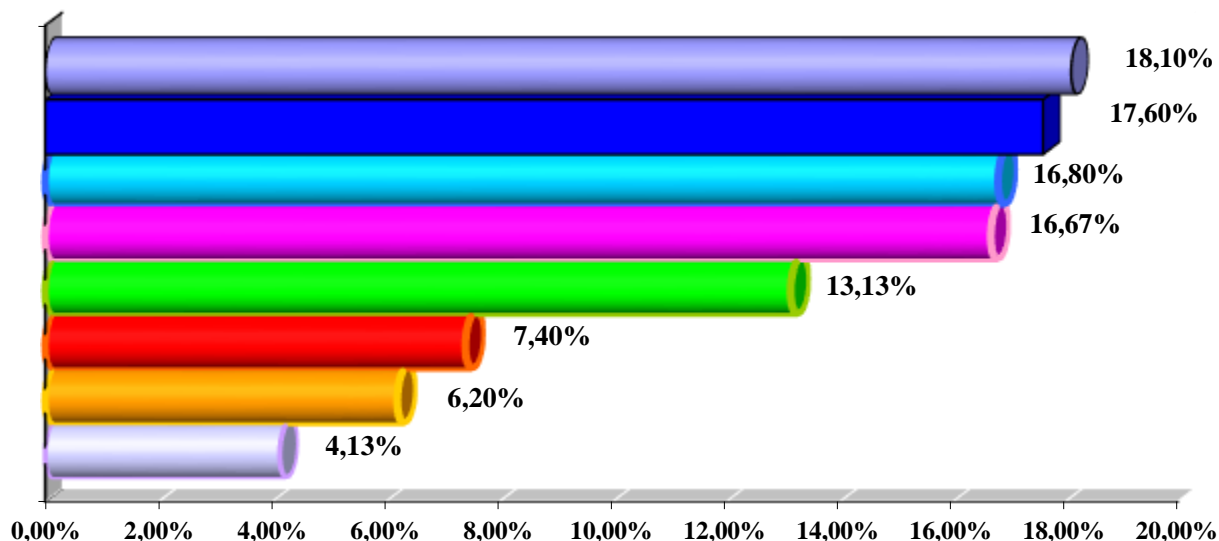
Суждения респондентов из числа активного и потенциально активного электората	Процент ответов
Чем дальше, тем очевиднее становятся некомпетентность и популизм новой власти	19,7
Порошенко оказался ничем не лучше Януковича, он всеми силами пытается сохранить созданную в кучмовские времена систему власти	14,5
Оправдываются ожидания, что новая команда, пришедшая во власть, будет реализовывать те обещания, которые она брала на себя в период событий на Майдане	14,1
О какой свободе слово можно говорить, Украина превращается в полицейское государство	11,0
Майдан нашей веры медленно и неуклонно превращается в тихое кладбище надежд	9,5
Революция на Майдане вселила в людей веру в то, что ситуация в стране зависит именно от них, а не от того, как договорятся в высших эшелонах власти	8,5
Общая атмосфера в обществе после Майдана стала более демократичной	8,1
Свобода слова пока остается, наверное, единственным бесспорным достижением новой власти	4,7
<i>Не согласен ни с одним из приведенных суждений</i>	<i>10,4</i>
<i>Затрудняюсь ответить</i>	<i>19,0</i>

В-третьих, не стоит преувеличивать уровень политической культуры рядовых респондентов. В Украине, находящейся в состоянии аномии, нежелание граждан принимать участие в выборах, их неумение рационально подойти к выбору политической силы, за которую следует голосовать, свидетельствует о неверии в возможность изменить что-то своим голосом и об отчуждении каждого не только от государства, но и от остального «общества». Скорее, это уже не исключение из общего правила, а, судя по экспоненциальной динамике количества абсентиентов и сторонников радикальных политических сил, само правило, которое естественно вытекает из проводимого государством курса внутренней и внешней политики. Такова парадоксальная особенность электорально-правовой культуры избирателей Украины. То, что считается неправильным и является исключением из правила, в Украине постепенно могло стать нормой.

Об этом свидетельствуют материалы следующей гистограммы.

Из материала гистограммы мы видим, что наряду с трезвыми суждениями о причинах гражданской войны, в условиях которой электоральные практики населения приобретают парадоксальный характер, часть респондентов высказывает откровенно экстремистские, националистические взгляды.

В этой ситуации говорить об уровне электорально-правовой культуры и просто, и сложно. Просто написать тривиальную фразу о необходимости ходить на выборы, о том, что падение активности избирателей свидетельствует о снижении их электорально-правовой культуры. Но, с другой стороны, поведение избирателей свидетельствует о серьезных проблемах более общего характера, чем вопрос об уровне их электорально-правовой культуры. Безусловно, проблемы эти связаны с разочарованностью населения Украины в своем государстве. Государство же является порождением самого общества. И нет уже возможности списать проблемы развития украинского государства на каких-то врагов, на «цепи» Советского Союза. Создается порочный круг, из которого сложно найти выход. Нельзя надеяться, что кто-то придет и наведет порядок в украинском обществе и государстве. Нельзя, к сожалению, надеяться и на то, что выборы 26 октября 2014 года что-либо изменят в данной кризисной ситуации.

- это результат политики новых украинских властей, ущемляющих права жителей русскоязычных регионов Юго-востока
- трудно сказать
- это результат вмешательства России
- это результат "подковерной" борьбы олигархов, жертвами которой стали мирные люди
- это результат сепаратистских настроений части населения русскоязычных регионов Юго-востока
- это результат вмешательства Запада, и в первую очередь США
- это результат бездарной региональной политики Януковича и его правительства
- это результат многолетнего скрытого противостояния Запада и Востока Украины

Рисунок 1. Какова, по Вашему мнению, главная причина конфликта на Юго-востоке Украины?

Литература:

1. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. – 2000. - № 3-4. С. 5-17.
2. Центральна виборча комісія [Электронный ресурс]: Офіційний ВЕБ-сервер – Режим доступа : <http://www.cvk.gov.ua/>

Ильин А.В.

*Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
к.э.н., доцент кафедры гражданского права и процесса*

«Брошенные» организации в налоговой системе России: вызовы и пути преодоления

С момента образования налоговой системы России особую актуальность для проведения активной налоговой политики приобрела проблема ухода от налогового контроля и уклонения от уплаты налогов посредством заведомо ложного изменения состава участников, руководителя и местонахождения юридического лица. «Миграция» не желающих попасть на выездную налоговую проверку «брошенных» организаций между регионами страны стала пользоваться повышенным спросом, а цели института юридического лица, призванные привнести в общество позитивные результаты совместной деятельности людей, подверглись серьезной трансформации.

В стране на протяжении более 20 лет формируется институциональная среда, мотивирующая неравные условия налогообложения, несвободное предпринимательство, уклонение от уплаты налогов и затруднение налогового контроля. Участники и руководители «брошенных» организаций получают неправомерные конкурентные преимущества перед участниками и руководителями иных налогоплательщиков–организаций. Логично, что в такой ситуации лиц, законно исчисляющих и в полном объеме уплачивающих налоги, становится все меньше. Несмотря на значительные потери налоговых доходов, многочисленные публикации в литературе [1, с. 8; 2, с. 9; 3, с. 322; 4, с. 115] экономическая наука до сих пор не предложила налоговой системе России механизмов, препятствующих ненадлежащему использованию конструкции юридического лица.

Балансирование в 2014 году между стагнацией и рецессией в экономике заставляет малый и средний бизнес еще больше «экономить» на налогах, стремится к фиктивной ликвидации и реорганизации, иначе говоря, к противоправному снижению издержек, получению конкурентных преимуществ и повышению нормы прибыли. Так, по состоянию на 01.01.2014г. количество организаций, находящихся в стадии ликвидации составило 94,9 тыс., в процессе реорганизации – 60,6 тыс., прекративших свою деятельность по решению регистрирующего органа – 2186 тыс., прекративших свою деятельность в связи с реорганизацией – 306,9 тыс., а в связи с ликвидацией – 549,8 тысяч. Думается, что значительная часть из них обусловлена уклонением от уплаты налогов и создает существенные риски для макроэкономической сбалансированности. Анализ статистики ФНС России показывает, что в среднем доля недоимки «брошенных» организаций составляет более 40% в общей сумме кредиторской задолженности налогоплательщиков, и имеет положительную динамику. При этом долги налогоплательщиков–организаций ежегодно массово списываются как безнадежные к взысканию. Только за период с 2006 по 2013 годы сумма списанной задолженности налогоплательщиков–организаций безнадежная к взысканию достигла 1095 млрд. руб. (97,5 % от общей суммы списанной задолженности по налогам, пеням и санкциям).

Усиливает актуальность исследуемой проблемы нарастающие дисбалансы в бюджетной системе России, происходящее увеличение налоговой нагрузки и обсуждение различных форм ее неизбежного будущего роста. На этом фоне ФНС России проводит практику снижения числа выездных налоговых проверок в экономике, и не обращает должного внимания на фиктивную реорганизацию и «брошенные» организации. Ежегодное число выездных налоговых проверок всех налогоплательщиков не превышает сорока тысяч. Логичным итогом сказанного являются справедливые выводы в экономической науке об отсутствии реального наказания лиц, совершивших налоговые правонарушения [5, с. 21].

Для решения поднимаемой проблемы предлагается развивать в налоговой системе России субсидиарную ответственность физических лиц в отношении налоговой задолженности организаций. При выявлении необоснованности изменений у налогоплательщика–организации участников, руководителя, местонахождения и налоговых правонарушений в виде неполной уплаты налогов уместно отойти от принципа ограничения имущественной ответственности учредителей (участников) организаций и их исполнительных органов. В такой ситуации в налогообложении должен быть более жесткий подход. Сегодня, физические лица, фактически осуществляющие предпринимательскую деятельность через организацию и избавляющиеся от нее различными фиктивными способами, не хотят соблюдать Налоговый кодекс. Нужно, чтобы общество и государство сформировало для них однозначно понимаемый посыл, коим и должно быть возможное привлечение учредителей (участников) и руководителя организации к субсидиарной ответственности по неуплаченным налогам. Поэтому субсидиарная ответственность указанных лиц должна стать новым способом обеспечения исполнения обязанности по уплате налога.

Учитывая наличие экономической связи между учредителями (участниками) и исполнительным органом, с одной стороны, и организацией, с другой стороны, возложение на первых субсидиарной ответственности по ее неоплаченной недоимке представляется решением абсолютно справедливым. За счет этого достигается главное: всеобщность налогообложения, справедливое распределение налоговой нагрузки в обществе, гарантия того, что организация–налогоплательщик самостоятельно и добровольно исполнит обязанность по уплате налога, не допустив переложения налоговой задолженности на неограниченный круг других налогоплательщиков и деструктивного влияния на состояние налоговой системы России и экономики в целом.

Думается, что практическая реализация наших предложений может стать адекватным решением проблемы «брошенных» организаций, не связанным с чрезмерным, силовым давлением на экономику.

Литература:

1. Пансков В.Г. Регистрация юридических лиц и собираемость налогов в России / В.Г. Пансков // Налоговый вестник. – 1999. – № 11.
2. Яковлев А.А. Экономика «черного нала» в России: специфика и масштабы явления, оценка общественных потерь // Вопросы статистики. – 2002. – № 8.
3. Соловьев И.Н. Налоговые преступления и преступность – М., Экзамен. 2006.
4. Арора Е.А. Необоснованная налоговая выгода – М.: Индексмедиа, 2007.
5. Кириенко А.П. Трансформация налоговой системы в условиях усиления взаимодействия с предпринимательской средой: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра экон. наук – Иркутск. 2005.

Интымакова А. Т.

*Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан
докторант 2 курса по специальности
«Государственное и местное управление»*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На сегодняшний день в эпоху глобализации и интеграции особенное место занимает экологическая безопасность. Такие термины как «экологический кризис», «экологическая катастрофа», требуют принятия качественных и своевременных управленческих решений, связанных с «экологической модернизацией», «устойчивым развитием», «зеленой экономикой», формированием экологической культуры и экологической воспитанности. Наличие глобальных проблем, которые отдельно взятое государство не в состоянии решить, привело к созданию планетарной экологии, призванной на управление и регулирование антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Недостаточность усилий одной страны в решении глобальных трансграничных экологических проблем привело к полному пересмотру экологического содержания политик многих стран и способствовало укреплению международных экологических отношений. Такими мерами оказались - увеличение доли ресурсосберегающих производств, повышение энергоэффективности, снижение загрязнения в окружающую среду, переход к безотходным технологиям и др. Таким образом, охрана окружающей среды и природопользование становится важнейшим элементом в системе государственного управления развитых стран. [1, с. 54]

Республика Казахстан за 20 лет своей независимости добилась многозначительных успехов в экономических и социальных вопросах, а также преподнесла себя активным и действенным участником в решении национальных, региональных и глобальных проблем в области охраны окружающей среды. Этому свидетельствуют такие инициативы Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, как закрытие Семипалатинского полигона, нераспространение и уничтожение ядерного оружия, спасение и сохранение Аральского и Каспийского морей, проведение крупных международных конференций в области экологии, которые имеют огромное значение для устойчивого развития и глобальной безопасности.

В Послании Президента страны народу Казахстана «Стратегия «Казахстан - 2050» раскрывается долгосрочный стратегический «путь» государственной политики, направленной на международные стандарты уровня жизни в условиях глобализации. Данная Стратегия является неотъемлемым компонентом «казахстанского пути развития», который формируется на протяжении ряда лет, дополняясь в зависимости от выполненных текущих и перспективных задач политического и экономического развития страны.

Краеугольным камнем казахстанской стратегии является национальная безопасность - важнейшее условие перспективного и прогрессивного развития. Закладываются базовые основы социально ориентированного общества, где вопросы охраны окружающей среды находятся в приоритете. Так, Стратегия-2050 дает мощный импульс переходу страны на «зеленый» путь развития, усилению данного процесса придаст международная выставка «ЭКСПО-2017». [2, с. 4]

Вместе с тем, несмотря на очевидные экономические успехи, многие серьезные проблемы окружающей среды не были решены. Форсированное индустриально-инновационное развитие страны имеет такие негативные последствия, как истощение природных ресурсов, загрязнение воздушного бассейна, водных источников, почвы, изменение климата и другие. Все это в конечном итоге ведет к деградации окружающей среды и ухудшению здоровья населения. [3, с. 5]

Экологическая политика Республики Казахстан зародилась совсем недавно с принятием Закона «Об охране окружающей среды», затем Экологического Кодекса, где определены основные нормы государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Политика в области охраны окружающей среды в соответствии со Стратегическим планом Министерства охраны окружающей среды Республики Казахстан на 2011-2015 годы, а также отраслевой программы «Жасыл даму» на 2010-2014 годы, направлена на обеспечение благоприятной окружающей среды, низкоуглеродное развитие и экологизацию всех отраслей экономики. Однако, в целом пока еще не удалось заметно снизить отрицательное воздействие загрязнения окружающей среды на экологические системы и здоровье населения. [4, с. 5]

Охрана окружающей среды, в том числе снижение эмиссий в окружающую среду, должно обеспечиваться посредством совершенствования государственного управления в сфере охраны окружающей среды. Основными методами модернизации государственного управления в сфере охраны окружающей среды могут быть совершенствование законодательной базы для диверсификации технологического перевооружения индустриальных объектов, внедрения наилучших доступных технологий и привлечение инвестиций для решения экологических проблем. [5, с. 12]

В качестве перспективных направлений сотрудничества Республики Казахстан другими европейскими странами по вопросам развития новых механизмов финансирования природоохранной деятельности необходимо отметить следующие:

1) обмен опытом между странами с переходной экономикой по вопросам мобилизации внутренних источников финансирования, создание сети управляющих фондов;

2) использование средств Глобального экологического фонда для содействия реализации программы действия по охране окружающей среды в странах Центральной и Восточной Европы.

Таким образом, происходящие на глобальном уровне процессы требуют от Казахстана подготовки к грядущим радикальным изменениям мировой экономики. У страны есть все возможности сохранить лидирующие позиции в регионе и первыми в СНГ объявить переход на зеленую экономику, выступив проводником зеленой политики, зеленых технологий и инвестиций для всего региона. Продвижение Казахстаном принципов зеленой экономики придаст стране также большой политический вес.

Литература:

1. Морозова В.Н. Мировая экологическая политика и международное экологическое сотрудничество: Учебно-методическое пособие для вузов / В.Н. Морозова. – Воронеж : Изд.-полигр. центр ВГУ, 2007 . – 120 с.

2. Послание Нурсултана Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства». – 27 с.

3. О Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике» Указ Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 года № 577.

4. Об утверждении отраслевой программы «Жасыл даму» на 2010-2014 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 10 сентября 2010 года № 924.

5. О Стратегическом плане Министерства охраны окружающей среды Республики Казахстан на 2011-2015 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 8 февраля 2011 года № 98

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ ПО ОКАЗАНИЮ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ НА ПОДУШЕВОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ В АМБУЛАТОРНО – ПОЛИКЛИНИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Несмотря на общую мировую тенденцию уменьшения государственного сектора в экономике, число стран, в которых здравоохранение финансируется из государственных источников, увеличивается. В большинстве стран, с высоким и средним уровнем доходов населения, основную часть расходов, связанных с оказанием медицинской помощи, несет государство [5, 6].

Рациональное финансирование работы поликлиник в целом и отдельно службы участковых врачей (врачей общей практики) – важнейший фактор улучшения качества организации и оказания медицинской помощи.

В настоящее время в Российской Федерации сложилось принципиальное противоречие между традиционным бюджетным планированием расходов на здравоохранение по принципу «чем больше мощность, тем больше расходы» и современными способами оплаты медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), основанными на учете объема и качества оказываемой помощи вне зависимости от мощности учреждения.

Оптимальная система оплаты МП предполагает достижение одновременно целого ряда целей: эффективное использование ресурсов, обеспечение доступности и качества помощи, свобода выбора для пациента, определенная профессиональная свобода врача, профилактическая направленность здравоохранения. Однако никогда в истории ни в одной стране мира не существовало ранее и не существует поныне идеального способа оплаты медицинской помощи (МП), позволяющего достичь всех этих целей одинаково успешно, учесть многочисленные факторы и особенности в организации МП, т.е. полной эффективности использования ресурсов, качества и доступности медицинской помощи, контроля за использованием средств [3].

Цель – повышение качества первичной медико-санитарной помощи и эффективности финансово-организационной модели системы ОМС (обязательного медицинского страхования).

Задачи:

- повысить ответственность работников амбулаторно-поликлинических учреждений за состояние здоровья прикрепившегося населения
- обеспечить сдерживание затратного механизма оказания медицинской помощи
- стимулировать профилактическую направленность деятельности первичного звена
- обеспечить предсказуемость затрат и более эффективное использование ресурсов ОМС.

Общепризнано, что часто ресурсы здравоохранения расходуются без достижения значительных результатов: согласно докладу Всемирной организации здравоохранения за 2012 г. доля неэффективных расходов составляет от 20 до 40%. Важным фактором повышения эффективности является выбор метода закупки услуг, предоставляемых медицинскими организациями [4].

В ходе проводимых реформ многие европейские страны пытались отойти от «пассивного» вознаграждения медицинских организаций (за объем фактически оказанных услуг) и использовать метод «активных» закупок, направленный на улучшение показателей работы медицинских организаций и увязывание решений по распределению ресурсов с информацией о потребностях населения [3].

Препятствием на пути к удешевлению медицинской помощи может выступать исторически сложившееся разделение между первичным и вторичным звеньями здравоохранения. Большой объем медицинских услуг, которые способны оказывать медицинские организации первичного звена, предоставляется организациями вторичного звена.

Для устранения сложившегося положения могут быть использованы различные методы:

1. Возложение на первичное звено здравоохранения финансовой ответственности за получение пациентом всех необходимых медицинских услуг. Этот метод называется «оплата медицинских услуг по подушевому нормативу с фондодержанием».

2. Повышение роли первичного звена здравоохранения при обеспечении доступности максимального объема помощи, оказываемой медработниками первичного звена, и ограничении «прямого» доступа пациентов к узким специалистам.

3. Расширение перечня видов медицинских услуг, которые можно предоставлять в менее дорогостоящих условиях[1].

Согласно «Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг.» при реализации территориальной программы ОМС при оплате медицинской помощи, оказанной в амбулаторных условиях, применяются способы:

– по подушевому нормативу финансирования на прикрепившихся лиц в сочетании с оплатой за единицу объема медицинской помощи – за медицинскую услугу, за посещение, за обращение (законченный случай);

– за единицу объема медицинской помощи – за медицинскую услугу, за посещение, за обращение (законченный случай) (используется при оплате медицинской помощи, оказанной застрахованным лицам за пределами субъекта РФ, на территории которого выдан полис обязательного медицинского страхования, а также в отдельных медицинских организациях, не имеющих прикрепившихся лиц);

– по подушевому нормативу финансирования на прикрепившихся лиц с учетом показателей результативности деятельности медицинской организации, в том числе с включением расходов на медицинскую помощь, оказываемую в иных медицинских организациях (за единицу объема медицинской помощи) [2].

Существует также риск, связанный с попыткой экономии за счет сокращения объема деятельности (например, при ограничении доступа населения к медицинской помощи). В отсутствие фондодержания этот риск сдерживается путем установления показателей деятельности организации («модель конечного результата амбулаторного звена»), которые учитывают уровень и структуру заболеваемости прикрепленного населения и объем затрат на оказание медицинской помощи в других организациях. При систематическом невыполнении установленных показателей объем финансирования медицинской организации уменьшается (не ниже уровня фактических затрат текущего периода).

Возникает ситуация, когда фондодержатель должен не только регулировать собственную деятельность, но и влиять на деятельность финансируемых ею медицинских организаций, для обеспечения баланса собственных подушевых расходов, по собственной деятельности и оплате «внешних» услуг «прикрепленному» населению.

Для каждой медицинской организации, выступающей фондодержателем, существует свое соотношение доходов и расходов, а также количество организационных решений, обеспечивающих стабильность финансовых рисков и их минимизацию.

Фондодержателю необходимо принимать такие организационные и клинические решения, которые позволят уменьшить собственные издержки на величину, превышающую расходы на оплату услуг, оказываемых в других медицинских организациях.

Таким образом, внедрение метода оплаты медицинской помощи по подушевому нормативу позволит:

– сократить объем дорогостоящей стационарной помощи, перераспределив ее на более экономичную амбулаторную службу;

– обеспечить мотивацию врачей первичного звена к профессиональному росту с целью удовлетворения потребностей населения.

– обоснованно планировать и формировать пациентопотоки на уровне первичного звена.

Литература:

1. Козлов А.В., Нестеренко Е.И., Полунина Н.В. К вопросу об актуальности экономического регулирования в здравоохранении на современном этапе // Экономика здравоохранения. 2001. С. 12-14.

2. Постановление Правительства РФ от 18.10.2013 №932 «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам Российской Федерации медицинской помощи на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов».

3. Шильев Д.Р., Таранов А.М., Солодкий В.А. Научное обоснование разработки и финансирования выполнения заданий по обеспечению государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи // Вестник ОМС – 2004.- 2.- С. 3-30.

4. Figueras J., Robinson R., Jakubowski E. Purchasing to improve health systems performance: drawing the lessons // Purchasing to improve health systems performance: drawing the lessons. Buckingham. Open University Press, 2011, P. 44-80.

5. Suhrcke Metal. Экономический ущерб от плохого здоровья: ситуация в Европейском регионе. Копенгаген. Европейское региональное бюро ВОЗ от имени Европейской обсерватории по системам и политике здравоохранения, 2008 г.

6. Thomson S., Foubister T., Mossialos E. Financing health care in the European Union: challenges and policy responses // Copenhagen, WHO Regional Office for Europe on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies, 2008.

Кайгородова Е.Г.

*МАОУ СОШ № 168 г. Екатеринбург
учитель истории и обществознания*

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НАРКОМАНИИ?

Печально замечать тот факт, что Россия занимает третье место по количеству наркозависимого населения. Впереди на только Иран и Афганистан. Также наша страна занимает первое место по потреблению героина 21% от всего производства на планете. Каждый день от передозировки наркотиков в России погибает 100 человек. Дети и молодые люди тратят на наркотики 2,5 млрд. долларов ежегодно. На сегодняшний день зарегистрировано около 550 тыс. наркоманов, однако приведенные данные отражают лишь количество добровольно вставших на учет, из них – 140 тыс. детей и подростков. Управление ООН по наркотикам и преступности среди лиц, употребляющих наркотики, считает, что наркоманов в нашей в нашей стране гораздо больше - около 6 млн. человек, из которых 20% - школьники, 60% - молодые люди от 16 до 30 лет, 20% - люди, старше 30 [2]. Самым обидным, пожалуй, становится тот факт, что все знают, что наркотики убивают, однако никому данный факт не мешает их пробовать и втягиваться в наркоманскую среду.

В России ответственность за правонарушения и преступления связанные с наркотическими средствами закреплена в Кодексе РФ об административных правонарушениях и Уголовном кодексе РФ.

Так статьи Кодекса РФ об административных правонарушениях предполагает наложение административного штрафа административный арест. В каждой статье, связанной с наркотиками. имеется примечание: «Лицо, добровольно сдавшее приобретенные без цели сбыта наркотические средства или психотропные вещества, а также их аналоги, освобождается от административной ответственности за данное административное правонарушение».

Эффективны ли данные меры? Думается, нет, поскольку лицо, изготавливающее наркотики без цели сбыта в итоге становится потребителем.

Целесообразно ли налагать на лиц, изготавливающих, употребляющих наркотики денежные штрафы или подвергать аресту? Деньги на оплату штрафа наркоман берет у родителей, или ворует, а после административного ареста снова возвращаются к употреблению наркотических средств[1].

Следует обратить внимание на **ст. 6.10.** предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в употребление одурманивающих веществ, однако санкцией также является штраф размере от пяти до десяти минимальных размеров оплаты труда. **Естественно данная сумма ни в какое сравнение не идет с той прибылью, которую получит наркоторговец от своего клиента в будущем.**

Ст. 6.13 за пропаганду либо незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров предусматривает такую санкцию как «наложение административного штрафа на граждан в размере от двадцати до двадцати пяти минимальных размеров оплаты труда с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления, или без таковой; на должностных лиц - от сорока до пятидесяти минимальных размеров оплаты труда с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления, или без таковой; на юридических лиц – от четырехсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда с конфискацией рекламной продукции и оборудования, использованного для ее изготовления, или без таковой». **В случае если «рекламная компания» удастся, размер прибыли будет в разы больше суммы предполагаемого штрафа, поэтому данная санкция крайне неэффективна.**

Также похожая санкция полагается за правонарушения, предусмотренные **ст. 20.20** (употребление наркотических веществ в общественных местах) и **20.22** (употребление наркотических веществ несовершеннолетними в общественных местах).

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что меры, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, являются неэффективными, поскольку сводятся к штрафам и административному аресту, а данные санкции не носят воспитательной и профилактической функции. Особенно если учитывать тот факт, что лица употребляющие наркотики в 99% случаев не работают и живут за счет родителей или знакомых, то применение по отношению к ним штрафов бесполезно.

Исходя из анализа статей УК РФ можно сделать вывод о том, что система уголовных наказаний более продумана по сравнению с административными санкциями: преобладает лишение свободы, что подразумевает под собой лишение возможности употреблять наркотики, ограничение свободы, подразумевающее ограничение контактов с друзьями наркоманами.

Безусловно, радуется, что ст. 228 существенно дополнили составами, ввели новые размеры, ужесточили санкции. Однако эффективность данных норм не возросла, поскольку штрафами поставщиков и торговцев наркотиками не напугать, поскольку прибыль у них в разы больше, состав по сбыту посредством сети Интернет установить практически нереально, поскольку торговлю в основном через вымышленные имена и постоянно меняющиеся группы и страницы в социальных сетях, информация о закладках в общий доступ никогда не выкладывается, поэтому установить правонарушителя, а тем более взять его с поличным нереально. О чем свидетельствует тот факт, что за время действия данной нормы еще никого не привлекли к ответственности за данное правонарушение, тем не менее торговля идет, менее активно чем ранее, но идет. В этом, конечно, есть и заслуга автора, который как и многие добровольцы иногда весь вечер проводит за поиском и блокировкой групп, пропагандирующих либо осуществляющих торговлю наркотическими средствами и одурманивающими веществами. Заслуга добровольцев, а не органов ФСКН либо полиции.

Неэффективность предусмотренных законодательством мер подтверждает рост количества преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Следует отметить, что наркоманы становятся все более изобретательнее: варят наркотические средства из медицинских препаратов и подручных химических веществ, хотя торговлю медицинскими лекарствами, содержащими кодеин, запретили практически во всех субъектах, смекалистые «крокодиловарщики» (данные препараты являются необходимой составляющей дезоморфина) заказывают таблетки в аптеках ближнего зарубежья (Украина, Белоруссия), также осуществляется организация новых способов передачи «товара», нарко-цепочки все сложнее отследить, а лиц продающих наркотические вещества, «поймать с поличным». Следовательно, имеются существенные пробелы в законодательстве, которые необходимо заполнить.

Государство пытается активно решать проблему, связанную с пробелами в законодательстве в области преступлений связанных с оборотом наркотиков, так, например, ФСКН в марте 2012 г. было предложено ввести уголовную ответственность за употребление наркотиков. УК РФ, предлагалось дополнить статьей 230.1, в соответствии с которой предусматривается санкция в виде до двух лет ограничения свободы либо принудительных работ за систематическое употребление наркотических средств. Следует подчеркнуть существенный изъян в данной поправке – данная статья будет применяться только в том случае, если факт употребления гражданином наркотиков будет установлен в течение года после того, как он, за этот же поступок уже привлекался к административной ответственности[4].

Думается, что в многомиллионных городах имеются «мегарецидивные» притоны, на которых собирается несущественно меняющаяся в своем составе компания, но таких немного, остальных же проблематично найти второй раз, поэтому следует задуматься о целесообразности введения данной поправки в предложенной редакции.

Наиболее эффективно будет привлечение к уголовной ответственности непосредственно при обнаружении факта употребления наркотического средства, применять такую меру наказания как лишение свободы на срок не более 1 года (при рецидиве срок заключения увеличивается) либо отправлять при желании лица, привлекаемого к ответственности, в реабилитационные центры. Так, у лиц, сравнительно недавно начавших употреблять наркотические средства и лишенных возможности их употреблять, появится реальный шанс быть полноценным членом общества, отказавшись от употребления наркотических средств.

Так что же ждет наше вечно отстающее на несколько десятков шагов от «торговцев смертью» государство? Уже сейчас школьнику курят якобы легальные курительные смеси с школьных туалетов, граждане постарше варят «дезоморфин» в своих благоустроенных и не очень квартирах, наиболее обеспеченные скупают героин, количество трезвых жителей страны становится меньше с каждым днем, об это кричат на всех углах и ничего не делают, нация вымирает, а мы сидим в по лавочками и ждем что же будет дальше.....

Литература:

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ. В ред. от 25.09.2014.
2. Население России. Статистика, факты, прогнозы. [Электронный ресурс]: URL: http://www.rf-agency.ru/acn/stat_ru. (дата обращения 15.09.2014).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации в ред. от 25.09.2014 // Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс
4. ФСКН подготовила законопроект об уголовной ответственности для наркоманов. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rg.ru/2012/03/28/zakon.html>. (дата обращения 21.09.2014)

Калугина Д.А.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
доцент кафедры теории и
социологии управления
к.с.н., доцент*

РАЗВИТИЕ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Социокультурная трансформация российского общества в последние десятилетия во многом связана со структурной перестройкой экономики – развитием предпринимательства. Вопрос о том, почему одни люди адаптируются к новой экономической реальности и успешны в ней, а другие не могут смириться с существующими условиями и негативно относятся к факторам окружающей их социально-экономической среды, по-прежнему актуален. Что привлекает людей в предпринимательской деятельности, и какие направления наиболее популярны для создания бизнеса?

В 2013-2014 гг. нами было проведено первичное (разведывательное) эмпирическое исследование в форме анкетирования предпринимателей. Был осуществлен сплошной опрос предпринимателей, посетивших три мероприятия, организованные Министерством экономики Свердловской области с целью оказания поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства. Всего было опрошено 292 человека.

Подавляющее большинство опрошенных предпринимателей (51%) выбрали данный вид деятельности в надежде улучшить материальное положение. Только 46,6% респондентов можно назвать предпринимателями в подлинном смысле слова. Они сознательно выбрали предпринимательскую деятельность, имеют поставленную цель, пути достижения, любят свое дело, работают ради чувства экономической свободы, творческой самореализации. Можно сказать, что в России число предпринимателей, осознанно выбравших данный вид деятельности, очень невелико.

Меньшая часть опрошенных – 23,3% – являются так называемыми «предпринимателями поневоле». Они были вынуждены заняться этой деятельностью в связи с потерей основного источника дохода. Лишь каждый четвертый бизнесмен из опрошенных нами начинал свое дело, имея ясную идею нового товара или услуги.

В результате обработки ответов были сформулированы следующие положительные моменты и соответствующие им минусы предпринимательской деятельности.

Таблица 1. Позитивные и от отрицательные характеристики занятия предпринимательством

+	-
Интересно. Есть возможность самореализации	Бизнес – это не только творчество, а еще и ответственность, скучные обязанности по ведению бухгалтерии, документации и т.п. Ответственность за себя, свое дело и сотрудников
Возможность заниматься тем, чем хочется, к чему лежит душа	Подчиненность жестким законам рынка. Нет гарантии, что твой товар или услуга будут пользоваться спросом
Нет страха увольнения	Отсутствие стабильности и уверенности в регулярном достатке
Статус, возможность принадлежности к среднему классу	Утеря возможности карьеры и статуса сотрудника государственного учреждения или солидной фирмы
Самостоятельное распределение собственного времени	Отсутствие оплачиваемого отпуска, сложности с уходом на больничный лист (даже просто пойти к врачу, отлежаться), необходимость организовывать свой рабочий день, необходимость подстраиваться под время клиента, отсутствие гарантированных выходных
Отсутствие начальников	Необходимость самостоятельно организовывать собственную деятельность, деятельность организации и работников
Отсутствие конфликтов с коллегами	Необходимость общаться с не всегда приятными людьми (клиенты, поставщики, партнеры по бизнесу), находить с ними общий язык, подлаживаться
Возможность свободно распоряжаться выручкой (для индивидуального предпринимателя)	Несение ответственности всем своим имуществом. Отсутствие гарантированной заработной платы
Право принимать на работу других людей	Необходимость научиться подбирать персонал, мотивировать, контролировать

Интересно, что 55,2% опрошенных предпринимателей занимаются бизнесом в сфере, не совпадающей с направлением их профессионального образования. В то же время, 44,4% респондентов открыли своё дело в близкой для себя сфере, связанной с направлением их профессионального образования.

Результаты исследования, проведенного И.Н.Поповой в 2004 г. показали, что еще 10 лет назад доля предприятий, работающих в сфере розничной торговли (43%) и услуг (27,4%), занимали доминирующее положение [1, с.373]. Среди опрошенных нами в 2014 г. респондентов 50% работают в сфере услуг, оптовой и розничной торговле 33,2%, 23% - транспорт и логистика. Эти данные соответствуют выводу о том, что, в силу своей специфики малое предпринимательство в Российской Федерации создается в основном в следующих трех основных сферах деятельности – торговле, услугах и посредничестве (при этом первые две являются лидирующими) [2, с. 46].

1. Торговля. Способность подстраиваться под местный рынок является одной из наиболее характерных черт малого предпринимательства. Малые предприятия, как правило, ориентируются на место нахождения потребителя. Павильоны и магазинчики не требуют больших вложений, позволяют, с одной стороны, удовлетворять существующие потребности рынка, с другой — работать рентабельно в связи с эффективной организацией деятельности.

2. Сфера услуг. Сравнение данных исследования 2005 г. (27,4% опрошенных) и 2014 г. (50% респондентов) показывают, что сфера услуг становится все более популярным направлением для малого бизнеса. Рынок услуг также ориентируется на местонахождение и потребности конкретного потребителя и видоизменению в интересах покупателя.

3. Посредничество. В промышленно развитых странах посредничество становится распространенным видом деятельности организаций. Передача отдельных функций по логистике или продвижению товаров малому и микробизнесу позволяет крупным и средним организациям оптимизировать затраты, повысить эффективность указанных операций, вынести часть деятельности за рамки организации, экономя тем самым на финансовых и трудовых ресурсах.

Данные опроса показали, что подавляющее число малых предпринимателей (70,5%) ведут бизнес в крупных городах, 26% - в небольших городах. Таким образом, малое предпринимательство способствует экономическим и социокультурным изменениям общества (в первую очередь - в городах), развивает предпринимательские качества, мобилизует финансовые ресурсы и производственные возможности, активизирует интеллектуальный потенциал населения для выпуска необходимых товаров и оказания услуг, способствует созданию рабочих мест.

Литература:

1. Попова И.Н. Малый бизнес в России: реалии и проблемы//Тезисы I Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2004: Российское общество и вызовы глобализации». – М.: Альфа-М, 2004. – Т.1.

2. Усманова Р.М. Развитие малого и среднего предпринимательства: муниципальное правовое регулирование и практика на местном уровне//Муниципальная служба: правовые вопросы. 2012. №3.

Камалетдинова Э.И.

Мингазова З.Р.

*к.п.н., доцент кафедры гос. и мун. управления,
пресс-секретарь*

Башкирский государственный аграрный университет

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЯМИ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Совершенствование методов и способов управления в организациях с государственным участием в настоящий день становятся одними из актуальных задач в сфере корпоративного управления в России. Как известно, начиная с 2000-х гг. руководство нашей страны взяло курс на усиление роли государства в экономике. Это проявилось в создании государственных корпораций и других подконтрольных государству конгломератов, в первую очередь в отраслях, имеющих стратегическое значение. Таким образом, от эффективности управления организациями с государственным участием напрямую зависит эффективность развития страны в целом.

В России организации с государственным участием представлены в виде государственных унитарных предприятий, открытых акционерных обществ или государственных корпораций [1, ст.1].

В настоящий момент Российская Федерация является единственным акционером (принадлежит 100% акций) в 999 стабильно функционирующих обществах. Далее идут общества с долей участия Российской Федерации менее 2% – 479 обществ, с пакетом акций от 25% до 50% – 223 обществ, общества с долей участия государства от 2% до 25 % – 151 и с контрольным пакетом акций – 88 обществ (рисунок 1) [2].

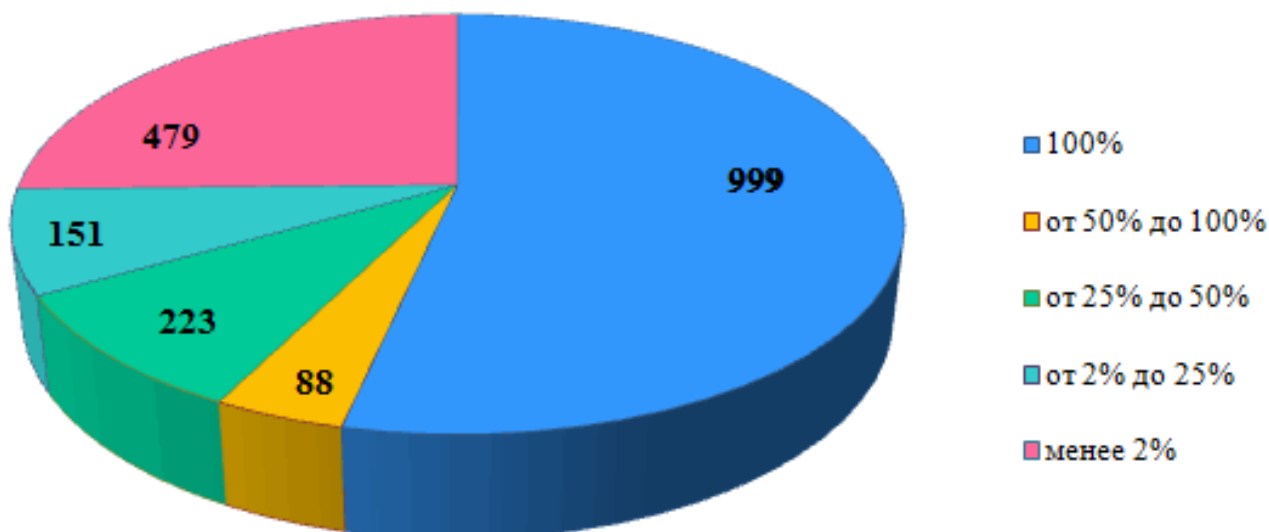

Рисунок 1. Анализ АО в зависимости от размера государственных пакетов акций

По состоянию на 01.01.2014 в реестре федерального имущества содержится информация о 2113 акционерных обществах, акции которых находятся в федеральной собственности.

Также существует такие организации как госкорпорация. Госкорпорация – это не имеющая членства некоммерческая организация, которая учреждена Российской Федерацией на основе имущественного вноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [3].

Таким образом, в настоящий момент в Российской Федерации организации с государственным участием занимают значимый сегмент в экономике страны. В целях более эффективного управления данным сегментом целесообразно обратиться к практике зарубежных стран, где накоплен значительный опыт в данной сфере. Например, в России права акционера акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, от имени РФ могут осуществлять Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, Министерство обороны Российской Федерации или Управление делами Президента Российской Федерации [4, ст. 2].

Если обратиться к международному опыту, то в большинстве стран создан специальный орган, который единолично выполняет функции собственника организаций с государственным участием. Это позволило бы повысить эффективность управления данной сферой, что прописано в «Руководстве ОЭСР по корпоративному управлению на государственных предприятиях» [5, с.69].

Если РФ будет придерживаться этого руководства, то сможет увеличить эффективность управления государственными компаниями.

Также можно учесть опыт Новой Зеландии, где число государственных предприятий четко ограничено. Там существует разделение государственных предприятий на два типа: state-owned enterprises (SOE) и crown-owned companies (CROC). SOE - организации, деятельность которых направлена только на коммерческие цели, а социальные функции они могут осуществлять только на основе предварительно заключенного соглашения с государственными органами и на условиях полной оплаты предоставленных услуг из

государственного бюджета. Отсюда следует, что SOE по своему устройству аналогичны частным компаниям. В случае CROC ситуация противоположна. Они должны в первую очередь выполнять предписанные им социальные функции, а различные экономические требования, такие, как ведение безубыточной деятельности, не являются обязательными. Из этого можно сделать вывод, что размер сектора государственных предприятий в Новой Зеландии является оптимальным: SOE, будучи коммерчески ориентированными, приносят государству прибыль, а CROC выполняют возложенные на них социальные функции [6, с. 56].

Таким образом, можно сделать вывод, что проблемы, с которыми сталкивается наша страна при управлении организациями с участием государства можно решить, если применить опыт зарубежных стран.

Литература:

1. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федеральный закон от 14 нояб. 2002 г. (с изм. и доп. от 08 дек. 2003 г., от 05 мая 2014 г.) // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант.Плюс".

2. Литвина Е. Общая характеристика акционерных обществ с государственным участием // Федеральное интернет издание «Капитал страны» [электронный ресурс]. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/224120> (дата обращения: 06.02.2013).

3. Халин В. И. Государственная корпорация как субъект финансового права [электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/27_NII_2013/Pravo/2_146406.doc.htm (дата обращения 06.02.2013).

4. Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами: Постановление Правительства РФ от 03 дек. 2004 г. с изм. и доп. от 20 дек. 2006 г., от 1 ноября. 2012 г.) // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант.Плюс".

5. Нугуманова Л. Проблемы корпоративного управления в компаниях с государственным участием в России // Государство и бизнес. 2012.- № 4.- С. 67-72

6. Лузан С. Регулирование и управление предприятиями с государственным участием: международный опыт // Вопросы экономики. 2012 - № 9.- С. 55-58

Качанова Е. А.

д.э.н., доцент кафедры экономики и управления

Маточкин Р.В.

магистрант

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПОНЯТИЕ ДОТАЦИОННОСТИ БЮДЖЕТА СУБЪЕКТА РФ. К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ДОТАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы тема дотационности регионов Российской Федерации становится все более актуальной, в рамках анализа целостного состояния российской экономики. Основной функцией межбюджетных отношений РФ является выравнивание бюджетной обеспеченности тех территориальных образований (субъектов Федерации), где она ниже нормативного показателя и ее уровень не может обеспечить выполнение всех государственных социальных гарантий, а так же стимулирование наращивания налогового потенциала региона.

В понимании государства дотации регионам следует рассматривать как серьезную проблему РФ, которая является следствием экономической несостоятельности региона прежде всего в производственной сфере. Дотационность регионов создает дополнительную нагрузку на Федеральный бюджет, вследствие чего страдают социально важные программы и происходит снижение устойчивости финансовой системы государства. Если по данным на 2011 год в РФ насчитывалось порядка 10 регионов доноров, остальные являлись реципиентами, то по данным на 2014 год, донорами считаются Москва, Московская и Ленинградская области, Санкт-Петербург, Татарстан, Самарская область, Тюменская область с округами (ХМАО и ЯНАО), а также Сахалинская область[1].

Следует отметить, что дотационность региона тесно связана с налоговой политикой государства и перераспределением налогов между уровнями бюджетов, поэтому опасность представляет не столько увеличение число реципиентов сколько увеличение количества дотаций в общем объеме доходов бюджета региона. А за последние годы прослеживается именно тенденция к возрастанию объемов дотационной поддержки.

Дотация - это форма межбюджетных трансфертов, предоставляемых из федерального бюджета[2]. Дотации на выравнивания бюджетной обеспеченности, предусматриваются в составе федерального бюджета и распределяются между субъектами согласно утвержденной Правительством РФ методике [3].

Свердловская область до 2011 года была регионом донором и входила в десятку сильнейших регионов страны по бюджетной обеспеченности, но с 2011 подсев на "дотационную иглу" продолжает на ней оставаться на протяжении четырех лет и по выраженной тенденции пока на ней и останется.

Таблица 1. Дотации бюджета Свердловской области

Год	2011	2012	2013	2014
Размер Дотации (млрд.руб.)	0,32	0,78	0,18	0,11
Размер Дохода (млрд.руб.)	113,73	133,11	151,74	166,49
Доля дотаций в общем доходе(%)	0,3	0,6	0,1	0,06

Из расчетов проведенных автором в данной таблице, видно, что размер кол-ва дотаций за последние четыре года в Свердловской области резко менялся, так в 2011 году размер дотаций составлял 0,32 млрд.руб. [4], к 2012 году составил 0,78 млрд. руб. [5], а 2013 доля дотаций стала резко сокращаться и составила 0,1% процента в составе доходов субъекта[6], а 2014 году процентное соотношение приблизилось к 0,06 % [7].

Данная проблема возникла по причине, что с 2011 года в Свердловской области начал снижаться индекс налогового потенциала и снижается с тех пор постепенно на сотые доли, при этом не превышая индекс бюджетных расходов, что и позволят Свердловской области в рамках расчета индекса бюджетной обеспеченности и претендовать на дотации.

Стоит понимать что хоть Свердловская область и является официально регионом реципиентом, данный показатель не является особенно критичным, так как процент не высок и нет четко выраженной тенденции на увеличение дотации. Уровень дотационности региона можно отнести к "низкому". На взгляд автора данная проблема больше выражается в имидживой составляющей статуса региона, нежели в его финансовом ослабевании. Но поскольку на данном этапе регион нацелен на международное сотрудничество и иностранные инвестиции данный показатель может снизить его экономическую привлекательность в глазах иностранных инвесторов, что может привести к упущенной выгоде. Так же признание региона реципиентом может негативно отразиться на имидже и репутации губернатора, Свердловская область полноценно была регионом донором до 2010 года.

К рекомендациям по снижению дотационной зависимости хотелось бы отнести: разработку стратегий по повышению конкурентоспособности производимой на территории продукции, особенно с высокой долей добавленной стоимости. Не допустить "бегства капитала" из региона пока уровень дотаций не является критичным и не дать просесть имиджевой составляющей. Выявлять приоритетные направления для развития реального сектора экономики в регионе.

Литература:

1. Министерство финансов Российской Федерации информационно-аналитический раздел. URL: <http://info.minfin.ru> (Дата обращения: 25.10.2014).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс] от 31 июля 1998 № 145-ФЗ (ред. от 02 ноября 2013)// Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации: [электронный ресурс]: Федеральный закон от 26 апреля 2007 № 63-ФЗ (ред. от 22.10.2014). // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об областном бюджете на 2011 года и на плановый период 2012 и 2013 годов: Законопроект Свердловской области //Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

5. Об областном бюджете на 2012 года и на плановый период 2013 и 2014 годов: Законопроект Свердловской области //Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

6. Об областном бюджете на 2013 года и на плановый период 2014 и 2015 годов: Законопроект Свердловской области //Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

7. Об областном бюджете на 2014 года и на плановый период 2015 и 2016 годов: Законопроект Свердловской области //Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

Киндратец Е.Н.

*Запорожский национальный университет
профессор кафедры политологии
д.полит.н., профессор*

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Понятие «стереотип» в научный оборот ввел известным американский журналист Уолтер Липпман. Определение, которое Липпман дал понятию «стереотип» еще в 1922 г. в книге «Общественное мнение», до сих пор остается наиболее используемым. Стереотип, согласно Липпману, упрощенное представление, не вытекающее из собственного опыта человека. Стереотипы влияют на то, как люди воспринимают события, происходящие без их участия, как они оценивают политиков, с которыми лично не знакомы, как они относятся к другим народам, нациям, расам, если даже в своей жизни не встречались ни с одним из представителей этих больших социальных групп. Г.Лассуел считал, что при помощи стереотипов можно добиться укрепления государственной власти, эффективного влияния на массы. Влияние представителей власти при помощи стереотипов (старых или новых, специально созданных) является манипуляцией сознанием масс. Функции, как манипуляции, так и стереотипов, которые используются для ее осуществления, могут быть как положительными, так и отрицательными. Характер функций зависит от того в чьих интересах и с какой целью осуществляется манипуляция. Политические стереотипы часто создаются ради завоевания, удержания, сохранения власти. Победить противника в борьбе за власть можно не только силой аргументов, но и создав и закрепив в сознании избирателей непривлекательный образ оппонента. Такие стереотипы могут формироваться не только относительно отдельного участника политического процесса, но и относительно целого народа, страны.

Создание новых стереотипов занимает немало времени. Для того, чтобы создать новые стереотипы нужно не только хорошо знать особенности психологии масс, но и умело построить пропагандистскую кампанию.

Быстро новые стереотипы формируются только в условиях чрезвычайной ситуации, которая порождает страх, тревогу, а иногда панику. Люди в ситуации неопределенности, неизвестности нуждаются в стереотипах, которые бы объяснили происходящее в обществе, позволили ориентироваться в новой политической ситуации. Иногда человек готов отказаться от свободы ради обретения утраченной определенности. Это есть «бегством от свободы». Причины и последствия такого бегства в одноименной книге описал Э.Фромм. Бегство, по мнению ученого, имеет вынужденный характер - как и любое бегство от любой угрозы, вызывающей панику. Оно смягчает невыносимую тревогу, избавляет от паники и делает жизнь терпимой, но не решает коренной проблемы и за него приходится зачастую расплачиваться тем, что вся жизнь превращается в одну лишь автоматическую, вынужденную деятельность. В предисловии к 25-у изданию книги Эрик Фромм пишет о том, что современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам [1].

Манипуляторы могут успешно использовать и старые стереотипы. Такую манипуляцию называют оперативной. Например, в условиях изменившейся геополитической ситуации можно использовать «образ врага», который был сформирован еще в годы «холодной войны» в странах-участницах этой войны. Советские люди в то время главным врагом считали США, а американцы – СССР. Гонка вооружений, опасность использования супердержавами оружия массового поражения не могла не порождать эти страхи.

Однако и сегодня использовать «образ врага», сформированный в годы «холодной войны» можно, очевидно, в любой постсоветской стране, которая не очень далеко продвинулась по пути демократизации общества. В первую очередь манипуляторы могут рассчитывать на восприятие этого «старого-нового» стереотипа людьми, которые принадлежат к старшему поколению. Значительная часть представителей этого поколения до сих пор поддерживает коммунистическую партию, не знает иностранных языков, не путешествует по миру и не пользуется Интернетом. Основным источником получения информации о политике, мире, других странах для представителей старшего поколения, является телевидение.

Сегодня очень актуальным является вопрос о механизме изменении представлений о целом народе («братский народ» - «враждебный народ»). Решение о необходимости такого рода «корректировки» сознания граждан своей страны, создания новых стереотипов принимают политики, которые руководствуются определенными геополитическими интересами, интересами безопасности. Такая «корректировка» сознания может быть и одним из способов подготовки к войне.

Даже если политики считают войну необходимой, возможной и высоко оценивают шансы своей страны на победу в войне, этого мало для того чтобы ее начать - к войне нужно подготовить еще и народ. Это сделать сложнее, если народы, к войне с которыми политики готовят своих граждан, близки по культуре, религии, имеют общую историю, а также длительное время считались «братскими народами».

Такое определение народов – «братские народы», не научное, эмоционально окрашенное. В мировой политике, как часто любят повторять дипломаты, нет ни вечных врагов, ни вечных друзей. Однако в обыденном сознании такое восприятие народов существует. Разрушить его можно, хотя у одних людей разрушение прежних представлений о народе как братском вызывает сопротивление, несогласие, отторжение новых, созданных стереотипов, а у других - подобные манипуляции сознанием порождает когнитивный диссонанс.

К.Клаузевиц, известный теоретик войны, считал, что враждебные намерения часто не связаны с враждебными чувствами [2, с.36]. Политики могут иметь враждебные намерения в отношении других народов, но не иметь враждебных чувств. Но политикам сложно будет начать подготовку к войне и саму войну, если у тех, кто платит налоги, а значит, финансирует военные программы, в тех, кто должен воевать с оружием в руках, нет враждебных чувств.

Д.Даллес, которого справедливо называют «большим специалистом психологической войны», говорил, что для того чтобы заставить страну взять на себя бремя содержания мощных вооруженных сил, нужно создать эмоциональную атмосферу близкую к военной истерии. Нужно вызвать страх перед опасностью извне [3, с.206].

Политика запугивания позволяет достичь сразу несколько целей: во-первых, это позволяет оправдать большие затраты на финансирование военно-промышленного комплекса; во-вторых, существование внешней угрозы ведет к объединению народа вокруг политической элиты; в-третьих, страх перед внешней опасностью отвлекает от внутренних проблем; в-четвертых, противостояния с мнимым врагом, к тому же если этот враг такой сильный как, например, США, способствует появлению чувства гордости за свое государство у граждан и росту популярности политиков. Первые три цели можно назвать «универсальными» - политики многих стран мира внешнюю угрозу - реальную или воображаемую, время от времени используют для достижения названных целей. К достижению четвертой цели, как правило, стремятся политики тех государств, которые или проиграли войну, или потеряли предыдущие более высокие позиции в мире, мировое лидерство.

Разрушить стереотипы, которые мешают если не установлению дружеских отношений, то хотя бы мирному сосуществованию народов, можно отказавшись от искажения информации.

Литература:

1. Фромм.Э. Бегство от свободы [электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt> (дата обращения: 22.10.2014).
2. Клаузевиц К. О войне. Пер. с нем. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская кампания «Наука», 1994. 448 с.
3. Волкогонов Д.А. Психологическая война: Подрывные действия империализма в области общественного сознания. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1984. 320 с.

Кириенко И.С.

*Инспекция ФНС России по Кировскому
р-ну г. Екатеринбург
заместитель начальника ОКП №2
соискатель*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ «КАНИКУЛ» В ОТНОШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Во исполнение п. 27 перечня поручений Президента России от 27.12.2013г. № Пр–3086 по совершенствованию налогообложения субъектов малого предпринимательства в 2014г. разработан и представлен на обсуждение проект Федерального Закона. Планируемый закон, в целях совершенствования порядка налогообложения малого предпринимательства, должен решить две поставленные перед ним задачи. Во-первых, закон установит 0-ую ставку налогообложения для вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), которые применяют упрощенную систему налогообложения и осуществляют свою деятельность в производственной, социальной и научной сферах [1, с. 1]. Права на применение налоговых «каникул» сроком от 1 до 2 лет переданы на уровень субъектов РФ на период 2015-2020гг. Во-вторых, закон упорядочивает некоторые моменты налогового законодательства в отношении ИП, применяющих патентную систему налогообложения. Законом дано определение «самозанятых граждан» [1, с. 2-3], закон смягчает сроки уплаты патента [1, с. 6], а самое важное, дает возможность налогоплательщику в случае утраты права применения патента, исчислить и уплатить налоги по той системе налогообложения, на которой он состоит [1, с. 5].

Проект рассматриваемого закона в апреле-мае 2014г. прошел публичное обсуждение и получил оценку регулирующего воздействия (далее – ОРВ). По результатам публичного обсуждения предложений по доработке проекта не возникло, отчет о проведении ОРВ недоработок не выявил.

Результатом принятия проекта Федерального закона, на основании п.2 отчета о проведении ОРВ будет являться улучшение положения субъектов малого предпринимательства с вовлечением в экономику физических лиц, осуществляющих в настоящее время неофициальную предпринимательскую в производственной, социальной и научной сферах деятельность без привлечения наемных работников [2, с. 2].

В рамках настоящей статьи автором будет предпринята попытка выявить слабые участки в отношении части закона, которая отвечает за введение 0 ставки налогообложения для вновь зарегистрированных предпринимателей применяющих упрощенную систему налогообложения (далее – УСН).

В силу того, что налоги от УСН отчисляются в бюджет субъектов РФ, законодатель обязывает субъекты РФ устанавливать конкретные виды деятельности на основании Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, которые попадают под действие данного закона. Данный шаг позволит регионам самостоятельно определять перечень приоритетных видов деятельности исходя из своей специфики.

Законодатель устанавливает право субъекта РФ на введение дополнительных ограничений на применение 0 ставки.

В настоящее время бизнес поставлен в условия недобросовестной конкуренции, поэтому следует учитывать те возможности, которые с принятием закона появляются у налогоплательщиков для уменьшения налогового бремени.

В качестве первой проблемы выделим возможность у предприятий экономить свои расходы за счет регистрации своих работников в качестве ИП. Таким образом, трудовые отношения работодателя и работника заменятся нетрудовыми. Фактически сотрудник будет осуществлять свои функции, но уже в качестве ИП на основании договора, допустим, на оказание услуг. Таким образом, работодатель получит экономию за счет отсутствия обязанности по оплате налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ). Тем самым, местный и региональный бюджет в общей сумме теряет 13% от заработной платы физического лица.

Перевод трудовых отношений в плоскость нетрудовых, позволяет заключить контракт на условиях, при которых отчисления страховых взносов будут минимальными. С 2014г. вступили в силу очередные изменения по расчету страховых взносов, уплачиваемых ИП. Общая сумма страховых взносов для ИП, получивших в налоговом периоде доходы не превышающие 300 тыс.руб., составляет 20 727 руб. (17328 руб. в Пенсионный фонд РФ, 3399 руб. в Федеральный фонд обязательного медицинского образования), такую же сумму в 2014г. выплатит работодатель за своего работника при годовой заработной плате последнего в 69092 руб. или 5758 руб. ежемесячно. Данная сумма является меньше величины прожиточного минимума, который в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.06.2014г. № 586 за 1 квартал 2014 года равен 7688 руб.

Следует отметить, что при выплате сотруднику заработной плате ниже величины прожиточного минимума работодатель попадает под пристальное внимание федеральной налоговой службы и государственной инспекции труда, первый орган проводит комиссии, в том числе межведомственные, по легализации заработной платы, в компетенцию второго входят полномочия по привлечению к административной ответственности в части ст. 5.27 КоАП РФ. Кроме того, вывод сотрудников из системы трудовых отношений лишает их социальных гарантий со стороны работодателя. Более того, в соответствии со ст. 24 ГК РФ ИП отвечает по своим долгам всем своим имуществом.

В качестве второй серьезной проблемы можно выделить проблему так называемых «фирм-однодневок». Дело в том, что активность регистрации «номинальных» ИП в 2013г. существенно снизилась в связи с поднятием страховых взносов с 17,2 тыс.руб. до 35,67 тыс.руб. Снижение в 2014г. минимального уровня страховых взносов до 20,7 тыс.руб. и принятие закона об 0 ставках дают основания предполагать о всплеске регистрации ИП с целью использования в схемах уменьшения налогооблагаемой базы. При соблюдении установленных НК РФ ограничений с помощью одного ИП находящегося на УСН можно уменьшить налогооблагаемую базу на 60 млн.руб. за год.

В результате вышеизложенного, в РФ на ряду с туристическим и бизнесом автоперевозок может произойти переориентация фактических работников приоритетных сфер в незащищенных фиктивных ИП. Поступления НДФЛ и страховых взносов снизятся в результате увода части фактического дохода граждан в «тень». Благодаря снижению нижнего порога страховых взносов и появлению 0 ставки налогообложения активизируется работа по привлечению социально-неблагополучных слоев общества и регистрации их в качестве ИП.

Во избежание подобных негативных последствий необходим серьезный подход со стороны субъектов РФ в рамках реализации своих полномочий, установленных законом. Следует определить закрытый перечень видов экономической деятельности, которые являются наиболее приоритетными для субъекта.

Более реальной силой по противодействию недобросовестного использования данного закона становятся права субъекта на дополнительные ограничения. В качестве дополнительных ограничений не следует останавливаться на предложенных в законе (размер доходов, лимитированная численность работников). Более действенными ограничениями может стать специализированное образование потенциального ИП, наличие потенциальной клиентской базы, вовлечение ИП к участию в специализированных региональных программах по приоритетным сферам, создание критериев добросовестности ведения предпринимательской деятельности. Кроме того, субъекты РФ должны рассмотреть возможность о предоставлении подобных льгот для поддержки существующих ИП.

Осторожное внедрение рассматриваемого закона даст возможность субъектам РФ качественно повысить уровень предпринимательской активности среди малого предпринимательства в приоритетных направлениях экономической деятельности и, что наиболее важно, не допустить увеличения фиктивного предпринимательства в своих регионах.

Литература:

1. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Проект Федерального закона [электронный ресурс]: <http://regulation.gov.ru/project/14265.html> (дата обращения: 24.10.2014г.).
2. Сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс]: <http://regulation.gov.ru/project/14265.html> (дата обращения: 24.10.2014г.).

Киселева Е.В.

*Российский университет дружбы народов
к.ю.н., доцент, кафедры международного права*

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕСТЫ ДЛЯ МИГРАНТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ [1]

Необходимость интеграции иностранцев является давно осознанной необходимостью для иммиграционно привлекательных стран. Если в развивающихся государствах мигрантом является приблизительно 1 человек из 70, в среднем по миру – 1 из 33-35, то в западно-европейских государствах – примерно 1 из 10. Это значимая часть населения.

Маргинализация иностранцев, имея в корне комплексные причины и индивидуальные обстоятельства, непосредственно связана с отсутствием реальной интегрированности в принимающее общество, а следствием маргинализации являются беспорядки, например, охватывающие в последнее время скандинавские государства. В этом ключе на уровне государств, местных сообществ и проч. проводятся различные мероприятия, направленные как на интегрирование иностранцев в общество, так и на проверку уровня уже состоявшейся или потенциальной интегрированности.

Интеграционные тесты для мигрантов становятся всё более широко применяемой практикой [2]. Увеличивается число стран, прибегающих к такой процедуре, всё новые категории мигрантов подпадают под данное требование. Кроме этого, государства идут по пути усложнения экзаменов для мигрантов, вводя в дополнение к проверке языковых навыков вопросы страноведческого, исторического, правового порядка. С 1 января 2014 года экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ станет обязательным и в России. Согласно изменениям законодательства о правовом положении иностранных граждан, внесенным в апреле 2014 года, российский комплексный экзамен должны будут проходить претенденты на получение вида на жительство, разрешения на временное проживание, разрешения на работу либо патента.

Практическая и научно-исследовательская работа автора в сфере вводимого Россией тестирования иностранных граждан наталкивает на размышления концептуального порядка, различные по отношению к зарубежным странам и России.

Для других стран в настоящее время среди самых актуальных вопросов можно выделить три. Во-первых, что проверяет интеграционный экзамен: достигнутый уровень интеграции или потенциал, способность интегрироваться (адекватны ли тесты в обоих случаях) [см., например: 3]? Во-вторых, испытания для мигрантов – это средство интеграции или иммиграционного контроля? (Становятся громче голоса о правомерности лишь первого, не второго [см., например: 4].) В-третьих, все чаще звучат призывы к анализу интеграционных испытаний с позиций дискриминации: не оказывают ли подобные тесты непропорциональное воздействие на отдельные группы людей, умышленно или нет со стороны государства [см., например: 5, para. 5]?

Все эти три вопроса связаны с правами человека. Однако сфера иммиграции и иммиграционного законодательства – это сфера, прежде всего, суверенитета государств. Обязательства государства направлены, в первую очередь, на защиту прав человека тех лиц, которые уже находятся под юрисдикцией страны. Избирательность в допуске лиц на более или менее долгий срок пребывания связана именно с этой первичной обязанностью любой

страны – обеспечить безопасность государства и защищать права человека своего населения. Неинтегрированные иностранцы представляют собой угрозу безопасности и подрывают возможности государства, в том числе, в правозащитной сфере. Являемся ли мы свидетелями изменения перевеса в альтернативной паре приоритетов «безопасность : права человека» в вопросах миграции?

Для России, которая лишь пару лет назад ввела языковое тестирование для отдельных категорий трудовых мигрантов и совершенствует языковые процедуры в отношении претендентов на гражданство [см., например: 6], озвучиваемые проблемы, представляется, носят несколько иной характер, хотя на заданные в европейском контексте вопросы тоже отчасти даются ответы. Например: экзамен проверяет уровень, минимум, который государство считает достаточным для начала интеграционных процедур внутри страны. Экзамен – безусловно, это и мера интеграции, и средство иммиграционного контроля, которое рассматривается исключительно с позиций суверенных прав страны отбирать даже краткосрочных мигрантов. Дискриминационный характер как проблема практически не ставится, минимальные процедурные гарантии недискриминации имеются.

Изменение парадигмы касательно интеграционных тестов для мигрантов в России видится в другом. На уровне государства уже давно констатирована необходимость селективной иммиграционной политики, но только с принятием 13 июня 2012 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года стала проводиться целенаправленная деятельность в этом отношении [7]. С учетом изменения контингента трудовых мигрантов, прибывающих в Россию последние 5-10 лет в сравнении с первым десятилетием независимости в пользу гораздо менее грамотных и гораздо более далеких от россиян по традициям, верованиям и укладу жизни специалисты в области тестирования по русскому языку как иностранному высказывают озабоченность о реальности прохождения интеграционного экзамена нынешним «средним» мигрантом. Можем ли мы всё равно говорить о безвозвратном, как минимум, в среднесрочной перспективе изменении парадигмы иммиграционного регулирования в России на избирательную, соответствующую позиционированию страны как иммиграционно привлекательной державы, деятельно заботящейся о перспективах своего социально-экономического развития?

Литература:

1. Работа подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках выполнения научно-методических работ в 2014 г. № 10.9063.2014.
2. Strik T., Böcker A., Luiten M., Oers R. van. Integration and Naturalisation tests: the new way to European Citizenship. A Comparative study in nine Member States on the national policies concerning integration and naturalisation tests and their effects on integration. The INTEC Project: Synthesis Report. Radboud University Nijmegen. Centre for Migration Law. December 2010.
3. How liberal are citizenship tests? / Ed. by R. Bauboeck, C. Joppke. European University Institute Working Paper RSCAS 2010/41. May 2010.
4. Strik T. Integration tests: helping or hindering integration? Report. Committee on Migration, Refugees and Displaced Persons, Netherlands. - Doc. 13361, 4 December 2013.
5. Integration tests: helping or hindering integration? Parliamentary Assembly of the Council of Europe. Resolution 1973 (2014). January 29, 2014.
6. Должикова А.В. Особенности правового регулирования проведения лингводидактического тестирования и интеграционного экзамена для иностранных граждан в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11. Ч. 1. С. 75-81.
7. Киселева Е.В., Кажаява О.С. Правовой модуль интеграционного экзамена для мигрантов в свете национальной и миграционной политики РФ // Закон и право. 2014. № 11.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В настоящее время поддержка и развитие малого предпринимательства выступает ключевым аспектом в общей стратегии государственной политики и одной из первоочередных задач экономического развития в России. Организационную основу государственной политики в сфере малого предпринимательства составляют государственные программы поддержки малого предпринимательства. Программы рассматриваются как механизм реализации государственной политики по развитию малого предпринимательства и как инструмент повышения экономической активности и эффективности функционирования малых предприятий. Общая цель программ – создание благоприятных условий для развития предпринимательства посредством предоставления субъектам предпринимательства различной финансовой и нефинансовой поддержки.

Правовую основу государственной поддержки субъектов малого предпринимательства в России составляет Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ. Закон определяет критерии малого предприятия, принципы его государственной поддержки. Законом закреплены основные формы государственной поддержки и разграничены компетенции федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти по осуществлению данной поддержки. Закон обеспечивает равный доступ субъектов малого предпринимательства к государственной поддержке и регулирует основы взаимодействия субъектов предпринимательства с организациями, составляющими инфраструктуру поддержки субъектов малого предпринимательства. Наряду с Федеральным законом № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. на сегодняшний день в России действует ряд законодательных и нормативных актов, дополняющих/ уточняющих/ специализирующих правовую основу функционирования предпринимательства и осуществления государственной поддержки данной сферы.

Функцию по осуществлению и обеспечению выработки государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития малого предпринимательства выполняет Минэкономразвития совместно с Минздравсоцразвития, Минсельхозом, Минрегионом, Минобрнауки [1].

Координация и мониторинг реализации программ государственной поддержки осуществляется рабочей группой под председательством Минэкономразвития [2]. В рабочую группу входят представители федеральных органов исполнительной власти, общественных организаций предпринимателей, ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России «АККОР». Для оценки эффективности государственной поддержки организована единая система мониторинга, обеспечивающая оперативную информацию о реализуемых мерах поддержки в любом регионе страны.

В России нет единой для всей страны разработанной федеральной государственной программы поддержки малого предпринимательства как документа. Можно сказать, что в России функционирует следующий механизм федеральной программы поддержки малого предпринимательства: Во исполнение Федерального закона № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. Минэкономразвития ежегодно публикует приказ об организации проведения конкурсного отбора субъектов РФ, бюджетам которых в текущем году будут предоставлены субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого предпринимательства. Данным приказом утверждает порядок и условия данного конкурсного отбора субъектов РФ.

Для получения средств из федерального бюджета каждый регион должен разработать программу поддержки малого предпринимательства с перечнем конкретных мероприятий и планируемых на них сумм. В конкурсном отборе могут принимать участие все субъекты РФ. Рассматривает, оценивает региональные заявки и определяет победителей конкурсного отбора Комиссия с участием Департамента развития малого и среднего предпринимательства Минэкономразвития.

Субсидии за счет средств федерального бюджета на мероприятия региональных программ поддержки предпринимательства распределяются между регионами на конкурсной основе и на условиях софинансирования. По данным Минэкономразвития, средний уровень софинансирования из федерального бюджета – 70%. Фактический уровень софинансирования зависит от индекса бюджетной обеспеченности субъектов РФ, который ежегодно рассчитывается Минфином РФ. Подавляющее число регионов получают софинансирование из расчета 4 рубля средств федерального бюджета на 1 рубль средств регионального бюджета. Эти средства направляются на реализацию «прямых» мер финансовой поддержки в форме субсидий субъектам предпринимательства и «непрямых» мер поддержки в форме создания и развития инфраструктуры поддержки предпринимательства, в том числе имущественной и финансовой. В среднем по программе около 60% средств относятся к «прямым» субсидиям предпринимателям, а 40% – к инфраструктуре поддержки. В 2013 году средства федерального бюджета по Программе были направлены в размере 55% на прямые субсидии предпринимателям, 45% – на создание объектов инфраструктуры поддержки.

Федеральный закон № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. предписывает включение в региональные программы определенные формы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства, среди которых: финансовая; имущественная; информационная; содействие в подготовке, повышении квалификации и переподготовки кадров субъектов предпринимательства; поддержка внешнеэкономической деятельности и межрегионального сотрудничества субъектов предпринимательства; формирование и развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства.

Данные формы поддержки осуществляются через функционирующие в стране объекты инфраструктуры поддержки предпринимательства. Перечень организаций инфраструктуры, которые сегодня предлагают разные формы поддержки предпринимателям, многообразен: фонды, бизнес-инкубаторы, центры поддержки, бизнес-центры, бизнес-школы, школы предпринимателей, учебно-деловые центры, технологические центры, консалтинговые агентства и др.

Приоритеты государственной поддержки предпринимательства на каждый год определяются на основании собираемых предложений от регионов, но окончательный перечень финансируемых направлений поддержки утверждаются Минэкономразвития. Но и сами регионы могут за счет своих бюджетов финансировать свои приоритетные направления, если они не попали в утвержденный Минэкономразвития список. Как правило, перечень направлений сильно не меняется. Ежегодно в него входит грантовая поддержка, поддержка в виде субсидий, микрофинансирования и предоставления гарантий. С 2010 года перечень приоритетных направлений пополнился мероприятиями по содействию развития инновационного предпринимательства и производственных компаний. Это сделало государственную поддержку более адресной, с учетом специфики и структуры получателей поддержки. В настоящее время третью часть всех получателей поддержки составляют субъекты предпринимательской деятельности, реализующие проекты в сфере инноваций, модернизации и энергоэффективности [3].

С одной стороны, перечень предлагаемых государством мер достаточно обширен, но, с другой стороны – эти меры далеко не всегда востребованы у субъектов предпринимательства (но причины могут разные, в том числе, и слабая информированность предпринимателей о возможности получения той или иной формы поддержки, опасение «бумажной волокиты», «лучше с государством не связываться» и т.п.), что свидетельствует об отсутствии согласованности предлагаемых государством мер с их потенциальными потребителями. Получается, что заявленное привлечение представителей предпринимательства к разработке мероприятий поддержки предпринимательства, включенные в программные документы, остается только декларированным. На практике ожидания и интересы субъектов малого предпринимательства, на которые направлены программные мероприятия, не совпадают с результатами реализации данных мер поддержки. Предлагаемые налоговые льготы, субсидии, гарантии и другие формы поддержки просто не находят применения в каждодневной деятельности компаний. Требуется анализ и пересмотр перечня предлагаемых мероприятий, согласование мероприятий с потребностями предпринимателей в сегодняшней реальности и адаптация мер поддержки к российским предпринимательским будням.

Литература:

1. Поручение Президента Российской Федерации от 14 марта 2011 г. № Пр-634 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минэкономразвития России от 26 июля 2011 г. № 372. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Аналитические материалы XIII Всероссийской конференции представителей малых и средних предприятий «Инструменты поддержки и защиты малого и среднего бизнеса в условиях глобальных рынков», 14 мая 2013 г., ВВЦ, Москва // Малый и средний бизнес Томской области. № 5 июня 2014. [электронный ресурс.] URL: <http://mb.tomsk.ru/publications/36676/analiticheskie-material-xiii-vserossijskoj-konferencii-predstavitelej-malh-i-srednih-predpriyatij-instrument-podderzhki-i-zashchit-malogo-i-srednego-biznesa-v-usloviyah-globalnh-rnkov/> (дата обращения 18.10.2014)

Ковалев В.В.

*Директор ООО Производственно строительная компания «Базис»
Уральский институт управления - филиал РАНХиГС
магистрант*

СТАНОВЛЕНИЕ ЛОББИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В РОССИИ

Новая политическая система, сформировавшаяся в Российской империи в результате реформы государственного строя 1905–1906 гг., включала в себя и становление лоббистской деятельности как политического института.

В настоящее время большинством авторов лоббизм определяется как особая система и практика реализации корыстных интересов различных групп (объединений, партий, союзов) граждан через организованное воздействие на законодательную и административную деятельность государственных органов [1, с. 5].

Формированию лоббизма как политического института способствуют, как минимум, два главных условия: во-первых, наличие многообразия групповых интересов вследствие нарастающей социальной дифференциации общества, во-вторых, расширение для этих групп интересов доступа к власти вследствие демократизации политического режима. Оба этих условия синтезировались в российской действительности начала XX века.

Специфической особенностью формирования лоббистской деятельности в первых Государственных Думах являлось то, что сами парламентарии и выступали в роли лоббистов. Корпорации профессиональных лоббистов, которые могли бы быть эффективными посредниками между заинтересованными группами и представителями органов законодательной власти в дореволюционной России еще не сформировались.

Мощным инструментом лоббистской деятельности в первых Государственных Думах была организация неформальных встреч, на которых решались вопросы согласования интересов различных общественно-политических сил. Так, например, в ноябре 1911 года депутату Ф.Д. Самарину граф А.А. Бобринский писал: «Вам, может быть, попались под глаза газетные заметки об устраиваемых мною вечерах (раутах)? Мое намерение – свести между собой за чашкой чая лиц, придерживающегося правого направления мыслей разных оттенков, независимо от принадлежности их к Государственной думе, Государственному совету или иным общественным кругам. Задуманное сначала в скромных размерах предприятие мое осуществилось довольно удачно и благодаря, главным образом, нападкам левых газет собрания у меня сразу приняли другой оборот и стали многолюдными. Собираю я у себя раз в месяц (кроме января месяца)...». Бобринский просил Самарина прибыть на одно из собраний и сделать доклад о волостной организации. В Петербурге, в ноябре 1912 г. образовалось особое совещание, состоявшее из правых депутатов Думы, гласных столичной Думы и членов Государственного совета, а также представители консервативных кругов купечества и монархических организаций. На этих встречах обсуждались актуальные проблемы законотворческой деятельности [2, с. 87-88].

Другой пример – это военный министр А.Ф. Редигер, который часто приглашал к себе на «домашние посиделки» влиятельных членов Государственной Думы, Комиссии по государственной обороне. На этих «посиделках» лоббировались, говоря современным языком, интересы военно-промышленного комплекса, рассматривались инструменты воздействия на правительство, в частности на Министерство финансов. Острой проблемой того времени было повышение зарплаты офицерам, и сотрудники Комиссии намекали министру, что если данная проблема будет положительно решена, то они готовы оказать ему всестороннюю поддержку в Думе. Депутаты при этом подспудно преследовали и свои интересы: определенным образом «насолить» правительству. Так Редигеру они советовали: «Вы скажите им заранее, что мы вам даем обязательство, что мы это проведем, а затем если бы вам провести не удалось, то мы в порядке инициативы внесем такой закон и получится, что Дума заботится об офицерстве, а правительство – нет» [3, с. 55-56]. В результате чего министерский законопроект очень оперативно прошел все согласования.

Функционирование Думы в политической системе страны заставляло адаптироваться в новых условиях и предпринимательские круги, которые в свою очередь также пытались влиять на законотворческий процесс. Крупнейшие банки принимали активное участие в финансировании избирательных кампаний. Так, например, избирательную кампанию конституционных демократов в I Думу финансировал Учетно-ссудный банк. Впоследствии кадетов поддерживал Азовско-Донской банк, Петербургский международный коммерческий банк, Петербургский частный банк, Сибирский торговый банк. Кадеты получали финансовую помощь и от нефтепромышленников (общества «Мазут»). Биржевые общества и компания «Братья Нобели» спонсировали фракцию октябристов.

Все эти виды помощи были, конечно же, не бескорыстны. В ответ Партии должны были отстаивать интересы своих спонсоров в Думе, органах местного самоуправления, газетах. С.И. Шидловский в своих «Воспоминаниях» так описывал сложившуюся ситуацию: «За членами Думы не мелкого калибра была большая погоня на должности всяких директоров, членов правления в финансовых предприятиях, очень охотно принимали в состав сотрудников редакций всяких газет» [4, с. 129]. Так, например, председатель III Государственной Думы Гучков Александр Иванович вошел в структуры управления Учетного и ссудного банка Санкт-Петербурга.

Промышленники и банкиры, оказавшиеся перед необходимостью организовать лоббирование своих интересов в законодательных учреждениях, попали в зависимость от политических партий. Новые реалии встретили насторожено и предпринимательские круги. Это обусловлено сложными отношениями между ними и думскими фракциями/партиями, из-за частого игнорирования последними интересов предпринимателей. Например, купечество было крайне недовольно 6 % налогом на недвижимое имущество в черте города. В ноябре 1911 г. октябристы внесли законодательное предложение о понижении его до 4 %. Октябристы, несмотря на все старания и сильное лоббистское воздействие предпринимательских кругов, не смогли позитивно решить возникшую проблему.

Кроме того, председатель III Государственной Думы Гучков А.И. в это же время выступил с инициативой отмены договора о торговле и мореплавании с США от 1832 г. Это была реакция на отмену американским правительством преференций русским компаниям, торгующих с Америкой. В свою очередь, данная отмена привилегий была вызвана запретом на въезд в Россию американским евреям [5, с. 181-182].

Идея денонсации договора с США вызвало резкое неодобрение среди столичных бизнесменов, особенно работающих в сфере текстильной промышленности. Как следствие один из лидеров московского отделения «Союза 17 октября» К.Э. Линдемман предупредил высшее руководство партии о срыве избирательной кампании в IV Думу и отказе в поддержке октябристам. Некоторые депутаты могли инициировать законопроекты в видах коммерческого интереса, своего или третьих лиц. Иногда этот интерес был очевидным, иногда скрытым, иногда его разоблачали коллеги. Например, видный борец с пьянством М.Д. Чельшев (в начале своей депутатской деятельности он был октябристом, а в конце октября 1909 г. уже стал председателем крестьянской беспартийной партии) неоднократно вносил законопроекты, направленные на борьбу с этим социальным злом. Одно из его предложений предусматривало резкое сокращение мест продажи спиртного в городах. При обсуждении проекта был выявлен корыстный интерес Чельшева: владея большими банями в Самаре, он предлагал сохранить в банях продажу водки и пива.

Наверное, самым известным и эффективным лоббистом того периода можно считать депутата III Думы представителя партии «Союз 17 октября» Я.Г. Гололобова, который не только расколол свою фракцию по инициативе сверху, но и вошел в историю лоббизма как отрицательный пример ведения лоббистской деятельности. Так публицист газеты «Речь» С. Литовцев о лоббистском феномене «Гололобовых», который, к сожалению, остается актуальным и спустя сто лет, писал: «... это скороходы политики, всегда первыми достигающие призового столба. На флагах меняются надписи и девизы, а ноги, проворные, талантливые ноги неизменно делают свое одно и то же платежеспособное дело» [6].

Подводя итогу, можно утверждать, что лоббистская деятельность в первых Государственных Думах дореволюционной России была хорошо организована и структурирована, многие законодательные инициативы формировались в условиях согласования интересов правительства и лоббистских организаций и других групп влияния.

Литература:

1. Лоббизм в России: этапы большого пути / Авт. колл. под рук. А.А. Нецадина. – М.: Экспертный институт РСПП и Фонд развития парламентаризма в России, 1995. – 240 с.
2. История деятельности первых Государственных Дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. – М.: Изд-во Гос. Думы, 2013. – 240 с.
3. Александр Иванович Гучков рассказывает... – М.: Вопросы истории, 1993. – 143 с.
4. Шидловский С.И. Воспоминания: В 2-х т. – Берлин, 1923. Т. 1.
5. Законотворчество думских фракций, 1906-1917 гг.: Документы и материалы. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. – 768 с.
6. Литовцев С. «Гололобовщина» // Речь. 1911. 11 февраля.

Ковригина В.А.

к.э.н., доцент кафедры

государственного и муниципального управления

Федорчук Е.Е.

магистрант

Уральский государственный экономический университет

УЧЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ПОЛО-ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРСОНАЛА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Эффективная работа и достижение целей организации возможны лишь в случае, когда сотрудники эффективно и добросовестно исполняют свои должностные обязанности, проявляют инициативу, заинтересованы в выполнении стоящих задач. Не случайно каждая организация, серьезно относящаяся к стратегии своего развития, старается разработать максимально эффективную систему стимулирования персонала, мотивирующую работников на достижение целей.

В системе государственной службы вопросу мотивации труда уделяется особое внимание. От качества профессиональной деятельности чиновников во многом зависит состояние жизни народа, жизнедеятельность самих государственных структур, результативность их существования. Кроме того, государственная служба, как система, переживает в настоящее время период усложнения. Причинами этого процесса являются: повышение сложности управленческого труда в государственной службе, динамичное изменение системы ценностей работников, рост численности персонала госслужащих и, как следствие, усложнение управления кадрами [2, с.59]

Вполне очевидно, что эффективная деятельность государственных органов в этих условиях требует четкого понимания того, какие факторы мотивируют людей, что движет работником и что побуждает его к продуктивной профессиональной деятельности. Мотивация трудовой деятельности традиционно рассматривается как совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей [1, с.367].

Сегодня система стимулирования труда государственных служащих – это совокупность подсистем материальных и нематериальных стимулов, призванных обеспечивать качество и эффективность труда данной категории работников. Оплата труда государственных служащих строго регламентирована законодательством [4, с.5]. Размер денежного содержания определяется категорией замещаемой должности, выслугой лет, наличием классного чина или квалификационного разряда. Однако такая регламентация приводит к отсутствию взаимосвязи оплаты с результатами деятельности. Остаются материально не мотивированными проявление инициативы, заинтересованности в выполнении поставленных задач. По данным социологического исследования «мотивом» выполнения должностных обязанностей для 69,9% госслужащих являются прямые указания от непосредственного руководителя и только 28,0% выполняют свои должностные обязанности исходя из интересов организации, а 15,7 % движет собственная инициатива и желание успешно выполнить порученную работу.[3, с.62]

В ходе проведенной диагностики системы стимулирования и опроса служащих Департамента государственного управления Администрации губернатора Пермского края 75% респондентов ответили, что не могут влиять на размер заработной платы и лишь 25% обозначили степень влияния как незначительный [2 с.63]

Исходя из приведенных примеров, можно констатировать наличие существенного воздействия административно-дисциплинарных факторов, недостаточное влияние материальных стимулов и недооценку использования внутренних личностных мотивов деятельности государственных служащих.

Безусловно, работа по совершенствованию системы стимулирования труда госслужащих постоянно ведется. Так, например, Федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013г.)» предусматривает реализацию мероприятий по стимулированию служащих к исполнению обязанностей государственной службы на высоком профессиональном уровне. [6] Однако, эти мероприятия касаются в основном материального стимулирования.

Подсистема морального стимулирования в значительной степени представлена формами, заимствованными из советского прошлого. Среди наиболее распространенных способов морального стимулирования можно назвать различные социальные гарантии (медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение), награждение грамотами, размещение фотографий на доске почета и т.д. За безупречную и эффективную гражданскую службу применяются такие виды поощрений и наградений, как объявление благодарности, вручение ценного подарка, награждение почетной грамотой, присвоение почетных званий Российской Федерации, награждения знаками отличия Российской Федерации, вручение медалей и орденов и т.д. [4, ст.55].

Казалось бы, компенсация законодательных ограничений [4, ст.16,17] осуществляется путем обеспечения социальных гарантий. Тем не менее, следует признать, что многие гарантии носят формальный характер и не доступны для большинства служащих. Так, например, не все должностные лица Уральского таможенного управления Федеральной таможенной службы имеют право на полный спектр услуг медицинского обслуживания, на выделение путевок в ведомственные санатории, оплату проезда к месту отпуска, дополнительные дни к отпуску за особые климатические условия и т.п. Такие «привилегии» относятся только к категории сотрудников, имеющих специальное звание, а федеральные государственные служащие, составляющие примерно 75% кадрового состава таможни, лишены вышеперечисленных «бонусов». Подобное неравенство не стимулирует работников и отчасти способствует ухудшению психологического климата в коллективе.

Не отрицая необходимость широкого использования различных форм морального стимулирования и совершенствования практики их применения, хочется все же отметить, что мотивы к производительному, высокопрофессиональному труду имеют высокую дифференциацию в зависимости от пола, возраста, образования, стажа трудовой деятельности в государственных органах и других факторов.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследования, проведенного в 2014 году в Уральском таможенном управлении Федеральной таможенной службы. В ходе исследования было выявлено, что в качестве факторов, стимулирующих деятельность государственного служащего, 58% респондентов относят признание успехов в работе и отношении коллег, 56% - возможность попадания в кадровый резерв, 37% респондентов

выделяют заслушивание отчетов о проделанной работе с последующей оценкой и признанием достижений, 35% предоставление возможности карьерного роста, 19% личностное профессиональное развитие работника.

При более углубленном анализе ответов респондентов можно обнаружить, что иерархия значимости стимулов изменяется в зависимости от их возраста и половой принадлежности. Так, например, для женщин более важным мотивом является содержание работы, отношение коллег и руководства. Для мужчин первоочередными стимулами являются финансовые мотивы, возможность попадания в кадровый резерв и карьерный рост, признание достижений и успехов в деятельности.

При дифференциации респондентов по возрасту также выявлены различия в доминирующих мотивах деятельности. Например, для госслужащих в возрасте моложе 30 лет более привлекательными и мотивирующими являются возможность получения профессионального опыта и карьерное продвижение. Для категории госслужащих от 30 лет наиболее значимой становится стабильность и уверенность в будущем, а лицам старше 50 лет важны правовые гарантии занятости и пенсионного обеспечения в будущем.

Таким образом, следует признать, что существующие в настоящее время подходы использования стандартизированных форм морального поощрения для мотивации деятельности всех без исключения служащих без перспективны. Стимулирование будет эффективно только в случае если оно учитывает личные интересы сотрудника и формирует (повышает) его мотивацию. С другой стороны, невозможно разрабатывать индивидуальные системы для мотивации профессиональной деятельности каждого сотрудника госслужбы.

Представляется, что наиболее логичным выходом в этом случае будет реализация в рамках организации следующих мероприятий:

1. проведение опроса государственных служащих с целью выявления более значимых мотивационных факторов;
2. проведение сегментации персонала по заранее заданным признакам (полу, возрасту, стажу работы на государственной службе и т.д.);
3. разработка (или использование уже существующих) наиболее эффективных форм морального поощрения для конкретного сегмента персонала;
4. регулярный мониторинг мнения госслужащих об эффективности и стимулирующем воздействии применяемых форм морального;
5. проведение аудита применяемых форм морального стимулирования с целью выявления устаревших, слабо мотивирующих и внедрения новых перспективных форм.

Реализация указанных мероприятий позволит обеспечить мотивацию профессиональной деятельности персонала, базирующуюся на исследовании личностных потребностей государственных служащих с учетом их профессиональных и поло-возрастных особенностей.

Литература:

1. Гершун А., М. Горский и др. Технологии сбалансированного управления. М.: ЗАО «Олимп - Бизнес», 2004 г. - 416 с.
2. Васильева А.С., Шварцзайд Е.Р. Совершенствование системы стимулирования труда государственных служащих [электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-sistemy-stimulirovaniya-truda-gosudarstvennyh-sluzhaschih> (дата обращения 23.10.2014)
3. Захаров Н.Л. Социальные регуляторы деятельности российского государственного служащего. М.: Изд-во РАГС, 2002. 118 с.
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004г. №79-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант.Плюс».
5. О денежном содержании федеральных государственных служащих: Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г №763 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013г.)»: Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. №261 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как известно, слово «рецидив» происходит от латинского «*recidivus*», которое означает то же самое, что и слово «кайтарма» в туркменском языке – «возвращение». В современной науке криминологии под рецидивом преступлений понимается совершение повторного как умышленного, так и неосторожного преступления, вне зависимости от того обстоятельства, был ли преступник осужден ранее. Поэтому правильно разделять уголовно-правовой (или легальный) рецидив, понятие которого раскрывается в статье 18 УК РФ, и криминологический (фактический) рецидив преступлений.

Под рецидивной преступностью нами прежде всего понимается статистическая совокупность тех преступлений, которые были совершены индивидами, ранее уже совершавшими преступления. Как правило, такие люди имеют достаточный криминальный опыт, а потому действуют более решительно, дерзко и причиняют наибольший вред, ущерб и потери государству, обществу и гражданам. Нередко они являются носителями явно выраженной антиобщественной установки, криминальной идеологии и уголовных традиций, их мировоззренческая позиция и поведение зачастую вообще не поддаются исправлению либо коррекции.

По качественному критерию в отечественной криминологии выделяются два вида рецидива: общий рецидив (предполагает повторное совершение разнородных преступных деяний) и специальный рецидив (повторное совершение однородных преступлений) [2, 34]. Наличие в криминальном поведении индивида многократных актов и эпизодов специального рецидива дает специалистам в области криминального поведения основания говорить о присутствии у данного лица элементов криминального профессионализма.

По степени общественной опасности, которая в настоящее время определяется количеством судимостей и степенью тяжести совершенных рецидивистом преступных деяний, рецидив подразделяется на простой, опасный и особо опасный. Отдельного внимания заслуживают такие специфические разновидности рецидива преступлений, как пенитенциарный рецидив и постпенитенциарный рецидив. Под пенитенциарным рецидивом в современной пенитенциарной науке и криминологии понимается совершение повторного преступления человеком, осужденным к лишению свободы и отбывающим наказание в местах лишения свободы. Постпенитенциарный рецидив представляет собой совершение человеком повторного преступления после отбытия им наказания в виде лишения свободы.

В общем массиве причин и предпосылок существования рецидивной преступности выделяются первичные факторы – те, которые опосредовали совершение рецидивистом первого преступления (нередко причины первичных преступлений повторяют или же аналогичны причинам повторных), и вторичные факторы, которые возникли или проявили себя в период отбывания наказания (например, длительное общение с осужденными к лишению свободы, относящимися к классу профессиональных преступников, принципиально не желающих исправляться).

Среди причин, предпосылок и условий рецидивной преступности целесообразно выделять объективные и, также являющиеся немаловажными в оценке и криминологической характеристике данной разновидности преступного поведения, субъективные – относящиеся к личностным особенностям каждого преступника. Наличие в сфере криминальной активности человека уголовно-правового рецидива прямо указывает на такое ее условие, как отсутствие достижения уголовным наказанием цели предупреждения совершения новых преступлений и цели исправления.

К особым, специфическим детерминантам современной нам рецидивной преступности относятся криминализация населения и политической власти; продолжающаяся ныне интервенция криминальной идеологии в незаполненную со времен крушения советского государства духовно-идеологическую сферу и значительное распространение преступного образа мыслей, воровской субкультуры, тесно связанных с ними ложных стереотипов и шаблонных форм сознания; отсутствие постоянной и полномасштабной работы по

социальной адаптации и ресоциализации осужденных, нацеленной не только на помощь во вхождение в общество в виде его полноправного члена, но и разрыв связей рецидивиста, отбывшего наказание в виде лишения свободы, с прежним антиобщественным окружением, криминальными лидерами и организованными преступными структурами; ослабление брачно-семейных и иных позитивных социальных связей и процессы, связанные с ранее уже описанным феноменом стигматизации; отсутствие реализации в практической сфере принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания.

Отдельно следует остановиться на таком криминогенном факторе, как изъяны в деятельности специальных субъектов предупреждения рецидивной преступности – правоохранительных и пенитенциарных структур. Количество нераскрытых преступных деяний, совершенных преступниками-рецидивистами в настоящее время продолжает оставаться достаточно высоким. Между тем в науке криминальной психологии давно уже выведен и объяснен принцип, согласно которому два и более успешно совершенных и нераскрытых преступления обязательно приводят к совершению криминальной личностью новых преступных деяний, причем даже при отсутствии прежних и других каких-либо существенных поводов и мотивов.

Исходя из специфических особенностей рецидивной преступности ее предупреждение должно осуществляться многосторонне и комплексно. Работа по предупреждению рецидивной преступности складывается из осуществления мер индивидуальной профилактики после освобождения человека из мест лишения свободы и непосредственной профилактики, включая индивидуальную профилактику рецидивного поведения, которая проводится в местах лишения свободы [3, 29]. Основными субъектами индивидуального и пенитенциарного предупреждения являются органы федеральной службы исполнения наказаний, подразделения министерства внутренних дел Российской Федерации и уголовно-исполнительные инспекции.

Полагаем, что за каждым преступником-рецидивистом в обязательном порядке должен быть организован административный надзор. В 2002 году в нашей стране такой надзор был отменен и за рецидивоопасным контингентом был утрачен какой-либо контроль со стороны органов правопорядка, что сразу же сказалось на криминальной обстановке в нашей стране. В 2011 году надзор был вновь налажен.

Отбывшие наказания в виде лишения свободы рецидивисты должны ставиться на специальный профилактический учет, их поведение после отбытия наказания должно быть объектом пристального наблюдения. На ряду с этим необходимо осуществлять и меры по постпенитенциарной адаптации осужденных: оказывать, руководствуясь положениями статьи 182 УИК РФ, содействие в устройстве на работу (в данной связи необходимо стимулировать работодателей предоставлять таким людям рабочие места путем установления для принимающих на работу бывших осужденных налоговых послаблений и иных различных льгот), в регистрации по месту жительства, в решении жилищно-бытовых проблем и психологических трудностей, возникающих, как правило, при приспособлении к новой или изменившейся прежней социальной среде. Обозначенные меры позволяют не только исключить криминогенные предпосылки ситуационного плана, но и закрепить результаты исправительного воздействия, производившегося в местах изоляции от общества.

Предупреждение рецидивной преступности в местах лишения свободы основано на принципах отдельного содержания впервые осужденных и преступников-рецидивистов, а также осуществления постоянного надзора за поведением осужденных рецидивистов со стороны сотрудников оперативно-режимных служб. Вне сомнения, в отношении рецидивистов должна проводиться более глубокая и интенсивная исправительная и воспитательная работа, «сочетающая как индивидуальные меры воздействия, так и нацеленные на большие коллективы осужденных, в частности, проведение культурно-просветительских мероприятий» [1, 69]. Между тем, такая деятельность должна сочетать в себе цивилизованное отношение к рецидивистам, стимулирование и поощрение их позитивного поведения и решительные меры реагирования на неповиновение и любые иные нарушения режимных требований (помещение в так называемые ШИЗО, ПКТ, этапирование в пенитенциарное учреждение с более строгими и изолированными условиями содержания и т.д.).

Особую функцию в профилактике рецидивного преступного поведения должны играть органы внутренних дел Российской Федерации, которые обязаны заниматься выявлением и нейтрализацией факторов, способствующих совершению повторных преступлений,

наблюдением за преступниками, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления и имеющими судимость, формированием единого информационного банка данных о находящихся в стране преступниках-рецидивистах и, конечно, осуществлением индивидуального предупреждения постпенитенциарного рецидива.

Повышенная общественная опасность криминальной деятельности преступников-рецидивистов, наличие у них развитых навыков и обильного опыта преступной активности, механизмов противодействия и сопротивления средствам общественного контроля предъявляют в настоящее время особые требования ко всем органам, осуществляющим уголовное преследование.

Литература:

1. Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. – М.: изд. Академии МВД СССР, 1980.
2. Кудрявцев В. Н. Что такое преступление. – М.: изд. юрид. литературы, 1959.
3. Устинов В. С. Система предупредительного воздействия на преступность и уголовно-правовая профилактика. М., 1983.

Костин В.А.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
д.ф.н., профессор*

РОЛЬ НОРМАТИВОВ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

В системе институциональной регуляции важное место принадлежит нормативам, вместе с тем их роль в этом процессе изучена недостаточно, поскольку основное внимание исследователей обращено на анализ норм и правил, их роли и динамики, границ применения. Значение такого рода приоритета в изучении социальных институтов на первом этапе вполне оправдано, поскольку его реализация позволяет очертить специфику нормативной регуляции, ее место в системе других инструментов управления. Однако игнорирование роли нормативов, оправданное на начальном этапе, становится тормозом для объемного изучения институциональной регуляции, в частности выявления ее эффективности и действенности, эволюции в том или ином обществе.

Для обоснования заявленной проблемы рассмотрим понятие нормы и норматива и их связь с понятием «институт». Норма обычно определяется как правило поведения, которое может выступать в виде предписания или запрета. Понятие «институт» в современном его толковании также отождествляется с нормой, что четко проводится в работах неоинституционалистов. Приведем несколько примеров, так Джон Ролз отмечает, «под институтами я буду понимать публичную систему правил, которые определяют должность и положение с соответствующими правами и обязанностями, властью и неприкосновенностью, и тому подобное. Эти правила специфицируют определенные формы действий в качестве разрешенных, а другие в качестве запрещенных, и по ним же наказывают одни действия и защищают другие, когда происходит насилие» [1.С.61-62]. Дуглас Норт полагает, что институты – «это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [2. С.73].

Такой подход к составу институтов порождает определенную проблему, в частности проблему новизны институционального подхода. Если институты - это нормы, то неизбежен вопрос, что нового в институциональном подходе? Только слово для давно известного феномена норм. Проблема возникает вследствие того, что состав институтов указан неполно, в частности, их них выпадают различного рода нормативы, имеющие большое регулятивное значение. Множество норм и нормативов и составляют по нашему мнению содержание социальных институтов. Рассмотрим понятие и роль нормативов как институциональных регуляторов.

Нормативы, справедливо определяются в литературе как параметр, показатель, в соответствии с которым производится какая-либо работа, выполняется какая-либо программа. [3]. Однако констатация содержания нормативов еще не означает осмысления их сути, в частности вопроса о том, как связаны между собой норматив и норма, является ли нормативы видом норм? Отмеченные вопросы давно поставлены в теории права, однако окончательного решения вопроса до сих пор нет. Традиционный подход в праве трактует нормативы как технические, а не социальные нормы, поскольку они фиксируют отношение людей к природе, технике (второй природе [4]. Тем самым, различие между нормой и нормативов проводится по объекту регулирования, нормы регламентируют отношение человека к человеку, нормативы отношение человека к природе. Поэтому нормы принято публиковать в документах именуемых законами, а нормативны в различного рода технических регламентах, стандартах.

Однако подобная интерпретация оспаривается. Так, В.Б.Исаков показывает, что по поводу многих технических норм складываются различного рода отношения: политические, социальные. Он приводит убедительные примеры сказанного. "Известно, например, что технические требования по шуму – один из барьеров для выхода российской авиационной техники на зарубежные рынки. Использование хлора – препятствие для поставки на российский рынок американских куриных окорочков. Наличие химических примесей – причина для запрета поставки молдавского вина и т.д. Другими словами, несмотря на политическую нейтральность, технические нормы весьма активно используются в торговой и экономической политике государств"[5]. Вывод В.Б.Исакова об относительности различий в сфере отношений между нормами нормативами справедлив, однако вряд ли можно согласиться с выводом, что многие нормативы - это те же нормы. Мы полагаем, что в споре юристов относительно нормативов не принимается во внимание одно важное различие, а именно: нормативы - это количественные регуляторы, а нормы качественные. Уже в силу этого невозможна редукция ни норматива к норме, ни нормы к нормативу.

Второй момент, который необходимо учитывать при определении роли норматива, - это их несводимость к техническим нормативам. В современном обществе широко используются различные социальные нормативы, которые могут быть как техническими, так и социальными. Примером технических социальных нормативов являются число жителей на одну аптеку, число дошкольных учреждений на 1000 детей дошкольного возраста. обеспеченность населения квартирами и т.п. Отмеченные показатели важны как расчетные, но ничего не говорят о качестве медицинского обслуживания, реальной возможности получить жилье и реальной потребности людей к посещению библиотек. Собственно социальные нормативы фиксируются социальными стандартами жизни. Их примером служат стандарты, ориентированные на обеспечение минимальных социальных гарантий. К ним относятся: прожиточный минимум различных категорий населения; минимальный размер оплаты труда; минимальный размер пенсий и др.

Система индикаторов позволяет сделать, на наш взгляд, следующий вывод. Социальные индикаторы представляют собой измерение и гарантию объема прав, обязанностей, ответственности, зафиксированных в качественных нормах, а потому они не являются чем-то внешним для законов. Нормы и индикаторы образуют реальные институциональные комплексы, регулирующие поведение людей.

Измерение объема гарантированных норм означает, что индикаторы выполняют следующие взаимосвязанные функции: фиксацию объемов норм, на реализацию которых ориентировано государство, измерение фактического количественного обеспечения, оценку фактического состояния с точки зрения желаемого. Так, технические регламенты гарантируют право покупателя на качественный товар на гарантированный период времени, величина пособия - право на жизнь. Иными словами, по своей роли и технические и социальные нормативы не различаются, они служат одной цели.

Измерение объема норм может быть не только в масштабе одного государства, но и между различными государствами, между различными состояниями в истории одного государства.

Эволюция нормативов может иметь место и при относительной стабильной системе норм, то есть нормативы могут либо увеличиваться, либо уменьшаться. Так, увеличение пособий для детей инвалидов - это выражение социального прогресса, уменьшение загрязнения среды по различным составляющим - это тоже социальный прогресс.

Фиксация объемов норм в виде количественных нормативов приобрела массовый характер во второй половине XX века в рамках концепции управления качеством товаров и услуг, которая разрабатывалась менеджерами. Именно поэтому акцент в осмыслении роли технических нормативов был направлен на их последствия для потребителя и для организаций. Исследование роли нормативов в отношении норм права не входит в компетенцию управленцев, исследование качества товаров и услуг не является предметом юридической науки, поэтому роль нормативов как институциональных регуляторов оказалась вне поля внимания, не получила теоретической проработки.

Литература:

1. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 61-62
2. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. Т.1. Вып.2. М., 1993.
3. Бизнес – словарь [электронный ресурс]: URL: <http://www.businessvoc.ru/indexWords.asp?theme=&find=б> (дата обращения 12.09.2014)
4. Технические нормы [электронный ресурс]: URL: http://www.labex.ru/page/tg_81.html (дата обращения 20.09.2014)
5. Исаков В.Б. Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России. Материалы проектно-аналитической деловой игры. М. 2012. [электронный ресурс]: URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1546607> (дата обращения 12.09.2014)

Кот В.В.

*Южный федеральный университет
к.э.н. старший преподаватель
кафедры экономической теории*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Экономическое развитие России в условиях жестких институциональных ограничений и необходимость поддержания экономического роста обусловлена необходимостью выбора релевантной модели развития. Проект посткризисной модернизации, предложенный после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., показал свою несостоятельность, потому что главным источником роста были высокие цены на нефть. Новая модель экономического развития – институциональная модернизация, на наш взгляд, должна быть направлена не только на компенсацию негативных последствий рыночной трансформации, но и создавать предпосылки устойчивого долгосрочного развития.

Преодоление ограничений предшествующего развития, детерминированных сложившейся социально-экономической ситуацией, таких как – моральное и экономическое истощение источников экспортно-сырьевого роста – снижение мировых цен на нефть, кризисными институциональными ограничениями, отягощенными неразвитостью экономических институтов, региональными диспропорциями. Все это актуализирует необходимость поиска направлений стабилизации экономического роста и долгосрочного качественного развития. Период восстановительного экономического роста (2001-2008 гг.), ВВП устойчиво рос. С одной стороны, этот рост обусловлен благоприятной макроэкономической ситуацией – высокими ценами на нефть (июль 2007 г. – исторический максимум цен на нефть), вводом ранее незадействованных мощностей, с другой – эффектом низкого старта после мирового кризиса 1998 гг.)

Снижение темпов прироста ВВП за последние пять лет определило главную проблему экономического развития – кризис источников роста на фоне полной загрузки мощностей и жесткими институциональными ограничениями (таблица 1). По оценке Росстата, темп прироста ВВП в 2013 году сократился более чем в два раза и составил всего 1,3% (66,7 трлн. руб., в 2012 г. – 3,4%)[2]. МВФ продолжает снижать прогноз темпов роста для российской экономики до 0,5% в 2014 году [3]. Падение ВВП на 8% во время мирового кризиса еще раз докрасило зависимость российской экономики от мировой и прежде всего от мировых цен на сырьевые ресурсы – нефть и газ.

Таблица 1. Динамика ВВП по странам мира [1]

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Мир	4,7	5,2	5,3	2,7	-0,4	5,2	3,9	3,2	2,9
Развитые страны	2,8	3,0	2,7	0,1	-3,4	3,0	1,7	1,5	1,2
Крупные развитые страны	2,5	2,6	2,2	-0,3	-3,8	2,8	1,6	1,7	1,2
Европейский союз	2,4	3,6	3,4	0,6	-4,4	2,0	1,7	-0,3	0,0
Канада	3,2	2,6	2,0	1,2	-2,7	3,4	2,5	1,7	1,6
Франция	1,8	2,5	2,3	-0,1	-3,1	1,7	2,0	0,0	0,2
Германия	0,8	3,9	3,4	0,8	-5,1	3,9	3,4	0,9	0,5
Италия	0,9	2,2	1,7	-1,2	-5,5	1,7	0,4	-2,4	-1,8
Япония	1,3	1,7	2,2	-1,0	-5,5	4,7	-0,6	2,0	2,0
Великобритания	3,2	2,8	3,4	-0,8	-5,2	1,7	1,1	0,2	1,4
США	3,4	2,7	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,8	2,8	1,6
Бразилия	3,2	4,0	6,1	5,2	-0,3	7,5	2,7	0,9	2,5
Китай	11,3	12,7	14,2	9,6	9,2	10,4	9,3	7,7	7,6
Индия	9,3	9,3	9,8	3,9	8,5	10,5	6,3	3,2	3,8
Россия	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3
ЮАР	5,3	5,6	5,5	3,6	-1,5	3,1	3,5	2,5	2,0

Наиболее показательным для оценки уровня материального благосостояния является уровень ВВП на душу населения. По этому показателю Россия занимает 43 место в мире, соседствуя с Бахрейном и Литвой. Самый высокий показатель ВВП на душу населения в Люксембурге, Макао, Катаре, Норвегии и Сингапуре [1]. На протяжении последних пяти лет данный показатель рос, однако в 2012 году его темпы роста замедлились, что свидетельствовало о стагнационных процессах в экономике.

О ситуации в реальном секторе экономики можно судить по объему промышленного производства и динамике инвестиций в основной капитал. Объем промышленного производства в январе 2014 года сократился на 0,2% по отношению к тому же периоду прошлого года. Уже с начала года произошло резкое снижение инвестиций (на 7%), связанное с отраслями, работающими на инвестиционный спрос (производство, машин, оборудования) и транспортных отраслях. Институциональные ограничения, связанные с санкциями к российской экономике, ускорили переход промышленности из стагнации в рецессию. Промышленность России после кризиса так и не восстановилась (рисунок 1).

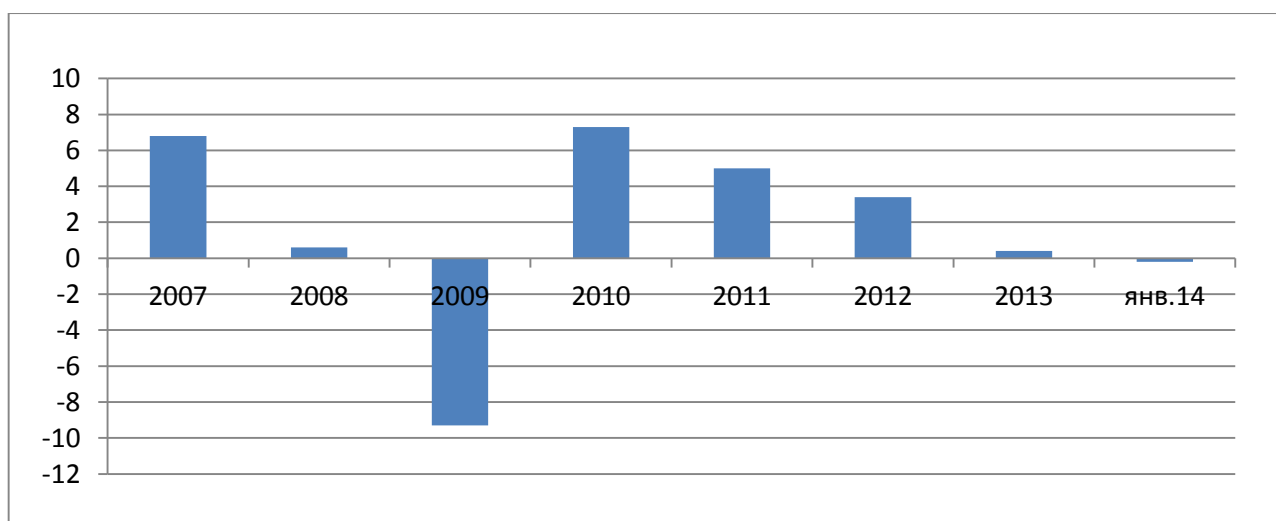

Рисунок 1. Динамика индекса промышленного производства, в % [5].

За последнее десятилетие инфляция в России неустойчиво, но постоянно снижается. И самый низкий ее уровень отмечен в 2013 году - в конце года инфляция по продовольственным товарам в РФ составила 7,3%, что более чем в два раза ниже, чем в 2007 году [6].

Уровень безработицы в РФ за последние девять лет также имеет самый низкий показатель и тенденцию к устойчивому снижению. Для сравнения, если в 2010 году в России уровень безработицы составлял 7,3%, то уже в 2013 году сократился до 5,5%. При этом уровень безработицы в России по сравнению с другими странами достаточно низкий. Так, например, в Италии и Франции уровень безработицы в 2013 году составил 12,2% и 10,8% соответственно.

Преодоление кризиса источников роста возможно за счет внедрения инноваций. Несмотря на высокие бюджетные расходы на инновационную деятельность, затраты самих предприятий очень малы. В РФ затраты предприятий на НИОКР составляют примерно 6% от их общих затрат, в Японии они достигают 75%, в США – 70%, в странах Евросоюза – от 25 до 65% [8]. В результате общие расходы на НИОКР в РФ составляют лишь 1%, а в США – 2,7%, в Японии, Швеции, Израиле – от 3,5 до 4,5% ВВП [9]. Как следствие, около 30% российского ВВП создается на устаревших технологиях [10]. В рейтинге инноваций в 2013 году Россия заняла 62 место [11], а по уровню восприятия коррупции – 127 место из 175 [12].

В рейтинге качества жизни ООН РФ в 2013 году заняла 55 место [13]. По степени расслоения общества, отражающей отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных (по рекомендациям ООН децильный коэффициент не должен превышать 8 – 10), за период 2000-2012 гг. в России расслоение увеличилось с 13,9 до 16,4 раза, что свидетельствует о дестабилизации и разобщенности российского общества.

Формирование условий для поддержания экономического роста в РФ, возможно только при параллельном проведении политики повышения конкурентоспособности национальной экономики, выявления ее конкурентных преимуществ, а также снижению сырьевой экспортоориентированности за счет расширения внутреннего спроса, повышения качества продукции и эффективности производства. В рейтинге конкурентоспособности 2012-2013 гг. Всемирного экономического форума (WEF), Российская Федерация заняла 67 место из 144 представленных [7]. В предыдущем периоде Россия занимала 66 место.

Литература:

1. Рейтинг конкурентоспособности стран по оценке Всемирного экономического форума, 2014 // www.j-times.ru
2. О производстве и использовании валового внутреннего продукта за 2013 год // www.gks.ru
3. Прогноз экономического развития Российской Федерации // www.imf.org
4. Доклад Международного валютного фонда «Российская Федерация, Консультации 2013 года в соответствии со статьей IV», 2013. С. 3
5. Комментарии о государстве и бизнесе под ред. Алексашенко С.В. Национальный исследовательский университет Высшей школы экономики, 2014. С. 7
6. Индексы цен производителей сельскохозяйственной продукции // www.rostov.gks.ru
7. Занятость и безработица в январе 2014 года // www.gks.ru
8. Кормишкина Л.А. О проблемах и перспективах изменения качества экономического роста в современной России // Управление экономическими системами. 2013. № 9. С. 5
9. Примаков Е. Россия на перепутье // Аргументы недели. 2011. № 5. С. 12
10. Балацкий Е.В., Гусев А.Б. Железная логика-3 // Независимая Россия. 2013. №2. С. 1
11. Исследование Insead: глобальный индекс инноваций 2013 года // www.worldbank.org
12. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции // www.gtmarket.ru
13. Human Development Report 2013 // www.go-worldwide.ru/rating

МОЛОДЕЖЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

«Будущее родной страны во многом зависит от того, как мы воспитаем подрастающее поколение»
Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II

Молодежь в нашей стране разная это факт, она и не может быть одинакова в силу определенных причин: возраста, моральных качеств, отношений в семье, с окружающими людьми. Все же есть один факт, который делает молодежь равной друг другу, это как нам кажется - желание достигнуть успеха в учебе, в творческих начинаниях, в научной деятельности - разрабатывать новые, фундаментальные открытия и изобретения.

Конечно не все сводится только к материальной стороне, создание семьи, воспитание детей, очень важная и ценная в нынешнее время часть жизни каждого человека. Молодежь социально-демографическая группа, находящаяся на переходной стадии (от детства к миру взрослых), переживающая важный этап семейной и внесемейной социализации, интернализации норм и ценностей, складывания социальных и профессиональных ожиданий, ролей и статуса, что выражается в специфически молодежных формах поведения и сознания, в понятиях молодежной субкультуры и т.д. [1]

Россия это Великая страна, Великий ее народ, способный перенести все тяготы и лишения преподносимые судьбой. Молодежь в данном контексте, является губкой или лакмусовой бумагой, впитывающей в себя все то плохое, страшное, не доброе, что испытала наша страна, начиная от государственных реформ и заканчивая войнами. Есть и добрая, светлая сторона этой медали, молодежь узнала, как не надо поступать в тех или иных ситуациях друг с другом, со страной, с ее народом, что необходимо стремится к лучшей жизни для нашей страны, для себя, своих родных и близких.

И.П. Якушева подчеркивает «между тем, как показывает анализ, несмотря на имеющиеся предпосылки в России еще не сложились прозрачные и понятные отношения между государством и молодежью как большой социальной группой, которые были бы оформлены в систему социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан в возрасте до 31 года, осуществляемых государством для социального становления, развития молодежи и наиболее полной реализации ее потенциала в интересах всего общества. Государственная молодежная политика, которая бы осуществлялась в рамках такой системы, в России пока охватывает первичный (муниципальный) и средний (субъекта Федерации) уровни государственного управления»[2].

В силу своего еще не большого жизненного опыта, не понимания некоторых норм морали и нравственности, молодежь совершает поступки которые, в глазах людей старшего поколения, выглядят аморально, что в свою очередь приводит к выводу, что молодежь в нашей стране: безалаберная, ни к чему не стремящаяся, прокуренная, погрязшая в «пивном капкане» и еще ряд факторов порочащих молодежь. В России, есть замечательные и талантливые молодые ребята, девушки желающие добра и процветания своей стране, улучшения жизни своих родителей, своих бабушек и дедушек, сверстников не шатающихся где то в подворотнях, а занимающихся спортом, творчеством, интеллектуальным развитием, познанием самого себя, своих возможностей. Молодежь в каком то смысле ленива по отношению к собственной жизни, к своей занятости, к своему досугу, данное качество, может происходить из-за ряда причин, например: проблем с родителями, проблемами в учебе, одиночество, что в наше время является очень актуальным в виду наличия у большинства молодежи Персонального Компьютера заменяющего им друзей, учебу, развлечения, общение.

Способы решения проблемы пассивности и лени среди молодежи, должны в первую очередь исходить от родителей девушки, юноши. Семья, основополагающая платформа для развития и укрепления потенциала молодежи, все те задатки, которые есть у молодежи происходят непосредственно из семьи. Назначение родителей, привить своему ребенку

моральные, человеческие качества по отношению к окружающим людям, способность молодежи понять, что у них много возможностей реализовать себя, свои таланты, не запускать и не бояться новых творческих идей, замыслов.

Занятость молодежи как в плане досуга, так и в плане трудоустройства на работу, должна быть первоочередной задачей в вопросах государственных органов. Может быть, в европейской части России, у молодежи и есть возможности и способы найти любимое занятие, достойно учиться и получать хорошее образование, в последствии реализовав его в своей трудовой деятельности. К сожалению в провинции, таких возможностей у молодежи меньше. Решение очень многих проблем молодежи напрямую зависит от власти на местах, создание программ для поддержания молодежных проектов, проведение различных конференций, форумов по вопросам трудоустройства и благополучия молодежи позволит с уверенностью смотреть в ближайшее будущее и реализовывать свои идеи, начинания на процветание нашей страны уже сейчас.

Молодежь как социальная группа гражданского общества, сегодня это: все то лучшее, хорошее, доброе, честное, что осталось с нами от предыдущих поколений и тот новый опыт развития гражданского общества, новых свершений совершаемых обществом, так значимых и необходимых для будущих поколений. Что говорит, о соблюдении обществом человеческих прав и обязанностей, справедливости, уважение людей друг к другу.

Необходимо, сохранить и приумножить весь тот неоценимый опыт гражданского общества, в столь быстроменяющейся жизни.

Литература:

1. Краткий словарь по социологии. М.: Полит.лит-ра, 1989. С.353
2. Якушева И.П. Формирование правового сознания российской молодежи как фактор совершенствования правопорядка // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант.Плюс»

Куренбина О.А.

*Уральский государственный педагогический университет
магистр политологического образования
ассистент кафедры социологии и политологии*

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Религия входит во все сфер жизни общества, это произошло вследствие тотального доминирования религиозного мировоззрения на протяжении тысячелетий во всем мире. Религия на сегодняшний день легла в основу общей культуры человечества. В России, после развала Советского Союза интерес к религии резко возрос. Интересным кажется разобраться, как религия воздействует на развитие и формирование политической культуры.

Первым исследователем, разработавшим культурно-аналитический подход, позволяющий политологам обратиться к культурной жизни общества практически всех стран в мире, стал М. Вебер. Каждое современное государство включает в себя традиции, ритуалы, мировоззрения, модели социального самоопределения и политической социализации [1, с.67]. Любой исследователь, занимающийся вопросами политической культуры знает, что ключ к пониманию и решению практически любой проблемы кроется именно в религии.

Религии отводится решающая роль в становлении культурных, социальных, политических и экономических основ всех мировых цивилизаций. Вебер называл пять религиозных или религиозно обусловленных систем регламентации жизни: конфуцианство, индуизм, буддизм, христианство и ислам [2, с.43]. Практически в любом историческом периоде характер дипломатии между государствами определялся религиозными традициями конкретных стран. Продолжая традицию М.Вебера, многие исследователи выделяют духовно-религиозные традиции. Сами по себе термины религии и духовно-религиозные традиции имеют достаточно весомые различия. Духовно-религиозная традиция рассматривается шире, и применяется не только к представителям конфессий, но и к людям атеистически настроенным.

Такое распределение не случайно, все национальные и многонациональные государства имеют свои официальные религии, в рамках которых и лежит политическая традиция в стране (приверженность людей к политическому режиму, активность населения, основы демократии или автократии и т.д.).

Люди, принадлежащие к одной из духовно-религиозной традиций оценивают происходящие политические события, исходя из своих религиозных установок. Именно поэтому религия используется (и использовалась) политикой как средство сохранения власти. Из двух типов средств сохранения власти – физического принуждения и манипулирования сознанием людей – все большую роль приобретает второе[5, с. 61]. Есть и другая сторона, именно при помощи религии, политики мобилизуют социальные слои, индифферентно настроенные на политическую ситуацию в стране и мире.

Религиозные практики не редко втягиваются в политические. Например, во многих исламских странах, глава государства, приходя к власти, клянется в верности народу на Коране. Даже в России, где официальной религией является православие, некоторые субъекты пытаются добиться аналогичных практик (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия). Здесь отдельно стоит отметить, что всё-таки политика диктует религии рамки, в которых она будет или должна существовать (например, советский период). И именно в этой связке на первый план выходит политическая культура страны, в формировании которой ведущая роль отводится религии. Исследователи выделяют три уровня политической культуры: мировоззренческий, гражданский и собственно политический. Первый уровень имеет основной характер для формирования взглядов субъектов политических отношений. Он представляет собой самый устойчивый слой политической культуры. Его основа и восходит к религии[5, с.63]. Политический выбор у религиозного человека резонно отличается от позиции нерелигиозного человека. Например, не религиозный человек эмоциональнее реагирует на нарушение его прав, у него в меньшей степени присутствует в жизни смирение и т.д.

Когда мы говорим о роли религии в процессе формирования политической культуры не стоит скидывать со счетов, принципиальные различия западной и восточной цивилизаций. Э. Фромм пророчески писал о том, что принцип обладания, который исповедует Запад, рано или поздно приведет к краху западного общества в целом, при этом будет полностью разрушен его духовный стержень. Помочь Западу может только Восточная традиция, придерживающаяся принципу «существовать»[6, с. 53]. Эта традиция очень ярко видна на примере Китая, когда люди иммигрируют (по различным причинам) из своей страны, они везут с собой «свой маленький Китай». Не критикуя, но и не принимая полностью традиции другого государства. Если мы сегодня проанализируем культурные влияния Запада и Востока увидим, что мир становится одномерным как раз с «восточной» стороны [4, с. 18]. Это связано в основном с естественными демографическими процессами, проходящими в мире.

Достаточно часто, политики, не способные решать конфликтные ситуации в своей стране, предоставляют различным религиозным движениям и течениям возможность, включатся в политический процесс и уже непосредственно влиять на принятие политических решений. Таки практики чаще всего можно наблюдать в странах, где есть острые противоречия различных социальных слоев, либо между представителями разных конфессий или этнических групп. Тесная связь религии и этноса приводит к тому, что принадлежность противостоящих сторон ведет к насильственному конфликту и созданию военизированных групп, например, такой конфликт продолжается не одно десятилетие в Северной Ирландии. В России, где, безусловно, существуют различные противоречия между социальными слоями и различными религиозными течениями, власть достаточно удачно маневрирует, но насколько этого достаточно, не вполне ясно (события на Манежной площади и т.д.)и требует отдельного исследования. Главной задачей любого государства, должно стать сотрудничество между политикой и религией.

Религия как раньше, так и сейчас играет одну из решающих ролей в процессе формирования политической культуры, не только российского общества, и мировых цивилизаций. Поэтому любому государству необходимо идти на диалог и обеспечивать (законодательно) безопасность религиозным организациям. Особенно в таком многонациональном государстве как Россия.

Литература:

1. Василенко И.А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов. М.: Логос, 2000. С.67
2. Вебер М. Хозяйственная этика // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С.43
3. Вэймин Д. Глобальное сообщество как реальность// Китайская философия и современная цивилизация. М.: Восточная литература, 1997. С.20
4. Зеленков М.Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2007. – 244 с.
5. Нуруллаев А.А. О соотношении политики и религии // вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 60-68
6. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 53.

Кынкурогов М.В.

*Администрация Серовского городского округа
Заместитель Главы администрации*

Победин А.А.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
к.э.н, доцент*

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЕРОВСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА)

В настоящее время проблема разработки стратегии социально-экономического развития территории стала очень актуальной для руководителей муниципальных образований и регионов Российской Федерации, поскольку при определении стратегических приоритетов развития страны в целом и отдельных территорий приходит понимание необходимости ориентироваться на потребности человека, его интересы и мнения. В настоящее время возрастает роль органов местного самоуправления в процессе социально-экономического развития, и, самое главное, его планирования и формирования стратегии развития [1, с.159]. Зачастую отдельные планы и программы развития не содержат проработанного механизма реализации, и в этой связи органы местного самоуправления нуждаются в инструментах самоконтроля эффективности управленческой деятельности, обеспечивающей эффективное развитие территории.

В Серовском городском округе существуют отраслевые «дорожные карты», муниципальные программы, регламентирующие и направляющие развитие каждой из жизнеобеспечивающих отраслей. Помимо этого, приняты комплексные программы:

- Стратегия развития Серовского городского округа на период до 2020 года, утвержденная решением Думы Серовского городского округа от 27.08.2013 года;
- Программа социально-экономического развития Серовского городского округа на 2014 – 2016 годы, утвержденная решением Думы Серовского городского округа от 27.08.2013 года;
- Комплексная программа повышения качества жизни населения Серовского городского округа на период до 2018 года, утвержденная решением Думы Серовского городского округа 24.06.2014 года.

Как видно, все стратегии и программы, в которых рассматривается развитие сразу всех отраслей жизни населения (комплексные программы), утверждаются только решением представительного органа местного самоуправления – решением Думы Серовского городского округа. Отсюда вытекает первая проблема, с которой сталкивается муниципалитет при разработке стратегии социально-экономического развития своей территории – сложность изменений целевых показателей и значений при любом внешнем воздействии (изменении ситуации на рынке, политические потрясения и многое другое).

Вторая проблема, с которой сталкивается муниципалитет – зависимость объема средств, которые планируется выделить на социально-экономическое развитие территории, от органов государственной власти субъекта. Эта проблема является объективной и понятной, поскольку большинство местных бюджетов, в том числе бюджет Серовского городского округа, являются дотационными. Но, тем не менее, из-за этой зависимости зачастую сложно планировать средства в каждом направлении развития территории.

Так, программа социально-экономического развития Серовского городского округа была разработана в 2013 году и принята решением Думы СГО №148 от 27.08.2013 г. на период 2014-2016 годы. Первоначально план на 2014 год был установлен на уровне 10 021,03 млн. рублей [2, с.12]. По уточненному бюджету план составил 7 190,55 млн. руб. Фактически за I полугодие профинансированы мероприятия на сумму 1 687,17 млн. руб. По мероприятиям средства не освоены в полном объеме в виду отсутствия финансирования.

Третья проблема, с которой всегда сталкиваются разработчики программ социально-экономического развития территории, связана с тем, что при планировании обязательно нужно учитывать планы и средства предприятий и организаций немунципальных форм собственности. Три крупных завода Серовского городского округа – «Металлургический завод им. А.К. Серова», ОАО «Серовский завод ферросплавов», ОАО «Серовский механический завод» - имеют статус акционерных обществ и являются наиболее крупными предприятиями города. Каждое из них имеет собственную программу развития и заинтересовано в стабильном росте производства, но, тем не менее, сильно зависимо от изменяющихся внешних условий – смены акционеров, колебаний цен на рынке черных металлов и многих других причин. Для моногорода стабильное функционирование градообразующих и крупных предприятий – всегда залог повышения качества жизни населения, и потому изменения состояния этих предприятий достаточно плачевно сказывается на жизни муниципалитета.

Устойчиво работали в I полугодии 2014 года ОАО «Серовский завод ферросплавов», ОАО «Серовский механический завод», Серовский рудник ОАО «Уфалейникель», ОАО «Серовский гормолзавод», ООО «Кондитерская фабрика», ООО «Старый хлебозавод», ООО «Лесной Урал сбыт», ООО «Юбилейное» [3, с.1]. Но, тем не менее, изменения в финансовой ситуации крупных предприятий и организаций не могли не повлечь за собой необходимость изменения принятой всего год назад программы социально-экономического развития Серовского городского округа. Для примера приведем выдержки из проекта внесения изменений в Программу:

ОАО «Металлургический завод им. А.К. Серова»:

1. Реконструкция аглодоменного производства с установкой системы газоочистки:

Финансирование за счет внебюджетных средств: в 2014 г. – 42,1 млн. руб., в 2015 г. – 1570,1 млн. руб., в 2016 г. – 245,2 млн. руб.

2. «Второй отстойник доменной газоочистки ОАО "Металлургический завод им. А.К. Серова"»:

Финансирование за счет внебюджетных средств: в 2014 году приостановлено, в 2015 году – 92,0 млн. руб.

3. Очистные сооружения промливневых сточных вод выпуска №1:

Финансирование за счет внебюджетных средств: в 2014 г. – финансирование приостановлено, в 2015 г. – 35,0 млн. руб., в 2016 г. – 30,0 млн. руб.

4. Выпуск сточных вод №2. Перевод на бесточную систему водоснабжения комплекса водооборота доменной газоочистки:

Начало реализации проекта переносится на 2015 год. Финансирование за счет внебюджетных средств: в 2015 г. – 11,1 млн. руб., в 2016 г. – 19,9 млн. рублей [3, с.9].

Представленный пример иллюстрирует изменения только по одному наиболее крупному предприятию Серовского городского округа. Очевидно, что это издержки структуры промышленности Серовского городского округа - высокого удельного веса базовых отраслей - черной металлургии и машиностроения.

Четвертой немаловажной проблемой для разработки грамотной стратегии социально-экономического развития территории является недостаток квалифицированных кадров в органах местного самоуправления. Необходима не столько ротация кадрового состава, сколько постоянно повышение квалификации муниципальными служащими, ответственными за разработку стратегии социально-экономического развития территории, внедрение при разработках технологий SWOT-анализа, организация окружных и областных семинаров по обмену опытом муниципалитетов.

Таким образом, при планировании социально-экономического развития своей территории небольшое муниципальное образование сталкивается с существенными проблемами:

- недостаточный уровень квалификации разработчиков программ социально-экономического развития;
- зависимость развития муниципалитета от изменений развития профильных отраслей экономики (в нашем примере профильная отрасль – черная металлургия);
- зависимость объема средств, которые планируется выделить на социально-экономическое развитие территории, от органов государственной власти субъекта;
- сложность бюрократических процедур для локальных изменений программы социально-экономического развития.

Помимо предложенных в тексте статьи вариантов решения указанных проблем хочется отметить, что, возможно, оптимально было бы внедрить в разработку программ социально-экономического развития вариативность, то есть разработку одновременно двух либо трех сценариев долгосрочного социально-экономического развития муниципалитета: пессимистичный сценарий, оптимистичный сценарий и реалистичный сценарий. Очевидно, что данный путь решения наиболее трудоемкий и затратный, но при этом он обеспечивает наибольшую вероятность грамотного построения стратегий в будущем.

Литература:

1. Харченко Е. В. Система государственного и муниципального управления: учебное пособие для вузов по напр. "Экономика" и экономическим спец. М.: КноРус, 2009. 271 с.
2. Программа социально экономического развития Серовского городского округа на 2014-2016 годы: утв. решением Думы Серовского городского округа от 27.08.2013г. № 148 // Муниципальный вестник. 2013. №35.
3. Доклад об основных итогах социально-экономического развития Северного управленческого округа за I полугодие 2014 года // по информации администрации Северного управленческого округа.

Латыпов Р.Т.

*к.и.н., доцент, доцент кафедры
государственного и муниципального управления*

Горнов С.В.

магистрант

Уральский государственный экономический университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ МВД РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный период развития охранной деятельности в Российской Федерации характеризуется сокращением сектора охранных услуг, оказываемых вневедомственной охраной МВД России. Это свидетельствует об ослаблении позиции государственного сектора в сфере охранных услуг и опосредованно говорит об ослаблении влияния на процессы, происходящие в российском обществе самого государства. Речь идёт о противодействии лоббистским устремлениям политических деятелей, продвигающих интересы частных организаций, направленные на увеличение объёма вывода федеральных денежных средств в частный сектор экономики.

Основной мотивацией существования вневедомственной охраны было и остаётся, не умаляя вклада в охрану общественного порядка и предупреждение преступлений и правонарушений имущественного и иного характера, пополнение федерального бюджета за счёт оказания охранных услуг на договорной основе. Текущий год, на наш взгляд, завершает период, когда государство в той или иной степени законодательно продвигало интересы охранных структур, принадлежащих системе МВД России. Это в меньшей степени коснулось

Москвы и Московской области, но остальные регионы в полной мере ощутили отсутствие заинтересованности государства в развитии вневедомственной охраны, рождённой во времена подъёма советской экономики и кажущейся теперь рудиментарной в эпоху вступления России в ВТО.

Рассмотрим тенденцию, связанную с объёмом оказываемых услуг вневедомственной охраной МВД России на примере небольшого подразделения – Нижнесергинского ОВО – филиала ФГКУ УВО ГУ МВД России по Свердловской области. На начало 2013 года отдел со штатом, немногим превышающим 50 единиц, из которых аттестованный состав насчитывает 36 человек, выполнил план по перечислению денежных средств в федеральный бюджет за 2012 год в сумме 15000000 рублей. За 2013 год за счёт ухода из-под физической охраны двух объектов федерального значения объём перечисленных денежных средств в федеральный бюджет сократился почти на 2,5 миллиона и составил 12548300 рублей. 2014 год будет ознаменован уходом из-под охраны ещё четырёх объектов, исключённых Распоряжением Правительства Российской Федерации из числа подлежащих обязательной охране полицией вневедомственной охраны, и принесёт снижение объёма перечисленных денежных средств в федеральный бюджет на 2,8 миллиона рублей. Таким образом, за два года прогнозируемое снижение объёма денежных средств, полученных от охранной деятельности отделом вневедомственной охраны, перечисляемых в федеральный бюджет составит около 35%. Данная тенденция присуща для подобных процессов, происходящих на региональном и федеральном уровнях. Ждать решения создавшейся проблемы административным методом от законодательных органов России в настоящее время не приходится. Но зато и терять в плане законодательной поддержки уже нечего.

Вступивший в действие Федеральный закон от 05 апреля 2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» отнюдь не облегчает задачу по восстановлению позиций, утерянных вневедомственной охраной в объёме оказываемых услуг. Связано это с наличием противоречий в вопросе обеспечения заявок при проведении конкурсов и аукционов и обеспечения исполнения контракта. Закон содержит требование по обеспечению (внесению денежных средств) заявки на участие в определении поставщика для всех участников закупки. Таким образом, для того, чтобы направить заявку для определения подразделения вневедомственной охраны в качестве поставщика охранных услуг необходимо перечислить на счёт заказчика денежную сумму в размере от одной второй процента до пяти процентов начальной цены контракта. В системе бюджетного финансирования в данное время выделение свободных денежных средств для этих целей не предусмотрено. От обеспечения же исполнения контракта государственные казённые учреждения, какими является управления вневедомственной охраны, освобождаются, поэтому для создания одинаковых условий всем участникам закупки необходимо устранить данное противоречие в принятом законе.

Однако в отличие от предыдущего «антимонопольного» закона настоящий закон расставляет приоритеты при определении победителя в ходе проведения конкурса. Победителями согласно закону должны признаваться участники закупок, предложившие лучшие условия исполнения контракта. Таким образом, цена не является единственным определяющим критерием оценки конкурсной заявки. Кроме цены принимаются во внимание также расходы на эксплуатацию и ремонт товаров; использование результатов работ; качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки; квалификация участников закупки, в том числе наличие у них финансовых ресурсов, на праве собственности или ином законном основании оборудования и других материальных ресурсов; опыта работы, связанного с предметом контракта, и деловой репутации; специалистов и иных работников определенного уровня квалификации. С учётом добросовестного исполнения обязанностей комиссией по осуществлению закупок, проверяющей соответствие участников закупок требованиям, указанным в настоящем законе, появляются неплохие перспективы по закреплению вневедомственной охраны на настоящих позициях при формировании договорных отношений и увеличению количества контрактов, заключённых на последующие периоды с крупными собственниками. Из собственников, вынужденных расторгнуть договорные отношения с вневедомственной охраной, большинство заинтересованы в продолжении сотрудничества с ней. Однако подразделения вневедомственной охраны в свою очередь пока не могут найти пути в рамках действующего законодательства обеспечить своё участие в конкурсах на равных условиях с иными охранными структурами.

Потеря клиентов, происходящая в настоящее время, связана с ещё и с тем, что процесс приведения договорно-правовой деятельности филиалов ФГКУ УВО ГУ МВД России (как теперь называются территориальные подразделения вневедомственной охраны) в соответствие с новым законом о контрактной системе в сфере закупок повлечет передачу полномочий на заключение контрактов выше стоящим организациям, то есть учреждениям регионального уровня. Увеличившийся объем работы договорно-правовых отделов учреждений, необходимость адаптации к новому законодательству не позволяют оперативно реагировать на спрос, возникающий на рынке охранных услуг.

Новая эпоха в развитии сферы охранных услуг требует новых подходов к нормативному правовому обеспечению деятельности вневедомственной охраны. На наш взгляд, таким подходом может служить делегирование полномочий на участие в конкурсах в качестве участников закупки территориальным подразделениям вневедомственной охраны. В условиях заинтересованности в сохранении своих позиций подразделений вневедомственной охраны на территориях это обеспечит более полный и своевременный мониторинг закупок. Необходимо пересмотреть подходы к выработке более гибкой тарифной политики в соответствии с современными требованиями, формирующимися на рынке охранных услуг. Развивая технический и сохраняя кадровый потенциал вневедомственной охраны с учётом принятия выше предлагаемых нами мер, полиции вневедомственной охраны удастся сохранить за собой ведущую роль на рынке охранных услуг и удовлетворить потребность общества в обеспечении безопасности людей в местах массового пребывания.

Латыпов Р.Т.

*к.и.н., доцент, доцент кафедры
государственного и муниципального управления*

Муратов В.В.

*магистрант
Уральский государственный экономический университет*

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством пожарная охрана подразделяется на следующие виды: государственная противопожарная служба; муниципальная пожарная охрана; ведомственная пожарная охрана; частная пожарная охрана; добровольная пожарная охрана.

Государственная противопожарная служба является одним из видов пожарной охраны и представляет собой особую ресурсосберегающую структуру в системе национальной экономики государства. Она взаимодействует со всеми субъектами экономики, способствует их устойчивому функционированию и развитию, обеспечивает безопасность людей и среды их проживания от пожаров. Защита конституционных прав граждан по защите их жизни, здоровья и имущества от пожаров является основной задачей подразделений государственной противопожарной службы.

Государственная противопожарная служба является составной частью сил обеспечения безопасности личности, общества и государства и координирует деятельность других видов пожарной охраны.

Государственная противопожарная служба имеет две составляющие - федеральную противопожарную службу и противопожарную службу субъектов Российской Федерации.

Федеральная противопожарная служба входит в систему Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и финансируется за счет средств федерального бюджета. Деятельность федеральной противопожарной службы регламентируется Положением о федеральной противопожарной службе, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации.

Противопожарная служба субъектов Российской Федерации создается органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации и ее финансирование осуществляется за счет средств бюджетов Российской Федерации.

В области обеспечения пожарной безопасности наиболее важными и очевидными проблемами остаются недостаточная эффективность действий подразделений пожарной охраны различных видов и повышение эффективности превентивных противопожарных мероприятий и мер, принимаемых гражданами и собственниками объектов для охраны имущества от пожара.

С целью повышения эффективности реагирования пожарно-спасательных подразделений на пожары в настоящее время необходимо развивать противопожарную службу субъектов Российской Федерации. Актуальность данного аспекта, в первую очередь, обусловлена финансовой возможностью субъектов Российской Федерации. Учитывая, также то, что в настоящее время, развитие муниципальной, частной и ведомственной пожарной охраны происходит достаточно затруднительно.

На территории Уральского федерального округа расположено 5972 населенных пункта, в которых проживает 12 млн. 263 тыс. человек. Однако в 990 населенных пунктах (15,4%), в которых проживает 686 тысяч человек (3% населения) находятся вне нормативного времени прибытия подразделений пожарной охраны. Таким образом, на территории Уральского федерального округа система обеспечения пожарной безопасности не обеспечивает 100 % защиту от пожаров и чрезвычайных ситуаций всего населения.

В Уральском федеральном округе все государственные учреждения, созданные исполнительными органами субъектов Федерации для тушения, профилактики пожаров и спасения людей в соответствии с положениями (уставами) подчиняются исполнительному органу государственной власти субъекта Федерации, уполномоченному на решение задач в области пожарной безопасности.

Проанализировав деятельность противопожарной службы субъектов Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, мы пришли к следующим основным выводам:

- система организации противопожарной службы Свердловской области и её управление осуществляется на основе функциональной схемы. Такая схема предполагает, что решения руководителя конкретизируют его заместители, начальники управлений и отделов. При этом каждый заместитель начальника управления может дать указание руководителю отряда либо соответствующим исполнителям в органах управления. Положительным моментом такой системы управления является то, что разделение линейных и функциональных полномочий обеспечивает более высокое качество принимаемых решений.

Однако в данной системе управления присутствует ряд недостатков, снижающих её эффективность. Во-первых, нередко нескоординированные решения заместителей, начальников управлений, отделов и служб какими бы порой верными они не были, неизбежно вступают в противоречие друг с другом. Во-вторых, следствием этого противоречия является то, что функциональные руководители начинают бороться за свою приоритетность, порождая конфликты и внося дезорганизацию в саму систему управления.

Система организации противопожарной службы Челябинской области также осуществляется на основе функциональной схемы, при которой решения руководителя конкретизируют его заместители, начальники управлений и отделов. Но в организации противопожарной службы Челябинской области имеются определенные особенности в управлении. Так в соответствии с уставом учредителем ОГУ «Противопожарная служба Челябинской области» является Министерство по радиационной и экологической безопасности Челябинской области, которое в свою очередь осуществляет общее руководство деятельностью учреждения. Однако в положении о Министерстве по радиационной и экологической безопасности Челябинской области конкретных задач по вопросам организации тушения пожаров, либо обеспечения пожарной безопасности не предусмотрено. Соответственно возникает вопрос о целесообразности подчинения ОГУ «Противопожарная служба Челябинской области» данному органу исполнительной власти Челябинской области.

Департамент гражданской защиты и пожарной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа в области пожарной безопасности в большей степени осуществляет деятельность по нормативному правовому регулированию вопросов пожарной безопасности. Однако такие функции управления, как планирование, организация, координация и контроль за деятельностью противопожарной службой субъекта Федерации департаментом осуществляются далеко не в полном объеме.

В структуре управления противопожарной службы субъектов Федерации выявлен системный недостаток, который не позволяет в должной мере и качественно осуществлять свои полномочия по обеспечению пожарной безопасности. Так, например, органами государственной власти субъекта Федерации функции по управлению противопожарной службой (планированию деятельности, организации службы, координации и контролю за тушением пожаров) осуществляются недостаточно, не в полном объеме разработана руководящая документация в области функционирования противопожарных служб субъектов Федерации.

Безусловно, что во многих вопросах профессиональной деятельности управления противопожарные службы субъектов Федерации должны координировать свои действия с Главными управлениями МЧС России по субъектам Федерации. Однако в заключенные соглашения между МЧС России и исполнительными органами государственной власти субъектов Федерации о передаче части полномочий в полном объеме не выполняются, так как в нормативных правовых актах субъектов Федерации не внесены соответствующие изменения, позволяющие полностью реализовывать соглашения (уставы, положения и т.п.).

У Главных управлений МЧС России по субъектам Федерации возникают трудности, по взаимодействию с уполномоченным в области пожарной безопасности органом исполнительной власти субъекта Федерации в части самостоятельного принятия решений и управления в повседневном режиме (не на пожаре) силами противопожарной службы субъекта Федерации. В процессе работы между данными структурами происходит, как бы соперничество за реализацию определенных полномочий. Это обусловлено тем, что без соответствующих сил, если они будут переданы в управление ГУ МЧС России по субъекту Федерации, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации уполномоченный в области пожарной безопасности в соответствующем штатном расписании существовать не уже может.

Таким образом, система управления противопожарной службой субъекта Федерации, как одного из основных видов пожарной охраны, предполагает систему организационно-управленческих, нормативных правовых, технических, финансовых, профессионально-кадровых и других мероприятий, предполагающих качественно новый уровень управления и организацию деятельности.

Для более эффективного управления противопожарной службой субъектов Федерации предлагаем осуществить следующие мероприятия:

1. В федеральном законе «О пожарной безопасности» необходимо внести четкость в определения ст. 16 и ст.18, в части отнесения к компетенции федеральных органов исполнительной власти в области пожарной безопасности и полномочий органов государственной власти субъектов Федерации по организации тушения пожаров.

2. Постановлением правительства субъекта Федерации необходимо утвердить положение о противопожарной службе субъекта Федерации, в котором необходимо конкретизировать функции и задачи противопожарной службой, а также порядок взаимодействия с Главным управлением МЧС России.

3. В части субъектов Российской Федерации должно быть создано соответствующее государственное учреждение субъекта Федерации для осуществления функций по тушению, профилактике пожаров, спасения людей и проведения аварийно-спасательных работ.

Логинов М.П.
профессор кафедры экономики и управления
д.э.н., доцент
Муринович А.А.
соискатель кафедры экономики и управления
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Одной из основных функций органов региональных и местных властей является развитие экономики, как прямыми, так и косвенными методами, включая создание благоприятных социально-экономических условий для привлечения инвестиций в регион. Интересы региона заключаются в расширении налогооблагаемой базы и получении больших финансовых средств для решения социально-экономических проблем.

Развитие экономики в регионах, требует от органов государственной власти комплексного развития территорий, создание региональной кооперации, оказание государственной поддержки, как ведущим предприятиям региона, так и среднему и малому бизнесу. Поэтому, региональным и муниципальным органам власти, для привлечения новых инвесторов, необходимо создавать как инфраструктуру для создания и развития бизнеса, так и нормативно-правовую основу, гарантирующую интересы инвесторов.

Получение синергетических эффектов за счет экономии на масштабе в крупных инвестиционных проектах, снижение предпринимательских рисков за счет получения государственных инвестиций или предоставленных гарантий, заинтересованность региональных и местных властей в создании новых рабочих мест и улучшение условий проживания населения, возможно только при условии привлечения большого количества ресурсов в региональные проекты. Как правило, самостоятельно регион не в состоянии реализовать одновременно несколько крупных проектов в рамках государственных экономических интересов, необходима кооперация как с другим регионом/регионами, так и участие в проектах федеральных структур органов власти. [1, с.170]

В официальной и научной литературе сущность государственных экономических интересов трактуются как «необходимость обеспечения безопасности общества, сохранения его целостности и независимости; устойчивого социально-экономического развития, сопровождающегося повышением качества жизни населения.

Региональные интересы являются результатом децентрализации системы управления российской экономикой и представляют собой подсистему экономических интересов российского государства, интегрирующую интересы субъектов, хозяйствующих в рамках определенного административно-территориального образования с учетом его хозяйственно-экономических, климато-географических и природно-ресурсных особенностей в рамках государственной экономической целостности». [2]

Развитие экономики субъекта осуществляется в рамках инвестиционной региональной политики, приоритетными целями которой являются: повышение качества жизни населения, обеспечение жизнедеятельности хозяйственных субъектов, экономическое развитие региона, создание технологически современной конкурентоспособной региональной экономики, активизация инвестиционной деятельности субъектов РФ [3, с.130].

По мнению авторов, главной целью региональной экономической политики должно являться повышение конкурентоспособности экономики региона, как самостоятельного субъекта, так и части федерального округа в условиях тесной кооперации с другими субъектами РФ. Конкурентоспособность региона характеризуется его имиджем, производством, финансовыми ресурсами, имеющимися материальными и инновационными активами, кадровым обеспечением, программой социально-экономического развития, инвестиционным климатом, наличием производственных и научных центров, уровнем развития банковской системы, различных коммуникаций и инфраструктуры и т.п.

Повышение конкурентоспособности региона возможно за счет создания и развития следующих конкурентных преимуществ: выгодное географическое положение и развитая городская инфраструктура; наличие собственных значительных генерирующих электрических мощностей; высокие темпы жилищного строительства; широкая сеть учебных заведений всех

уровней; наличие земельных ресурсов; конкурентоспособные специалисты с высоким образовательным цензом; наличие научного, интеллектуального и культурного потенциала [4, с.91]. Конкурентоспособность региональной экономики снижают противоречия объективного и субъективного характера, в основе которых лежит разнообразие экономических отношений и потребностей субъектов хозяйственной и управленческой деятельности, нерациональность их экономического поведения, отсутствие согласованности в экономической политике мезо и макроуровней. [5, с.233]

Одним из методов решения указанных противоречий и способом реализации экономических интересов государства, регионов и муниципалитетов является проектная методология.

Как известно, проект в его широком понимании это - замысел, идея, образ, воплощённые в форму описания, обоснования, расчётов, чертежей, раскрывающих сущность замысла и возможность его практической реализации; или это - работы, планы, мероприятия и другие задачи, направленные на создание нового продукта (устройства, работы, услуги).

В реализации крупномасштабных проектов заинтересовано не только государство и государственные корпорации, но и частные компании, и население охватываемых территорий. На региональном уровне необходимо использовать имеющийся потенциал территории, стимулировать развитие смежных производств, обеспечить устойчивый рост занятости населения, что позволит системно улучшать условия проживания населения. [6, с.8]

К крупномасштабным проектам регионального характера относятся инвестиционные проекты, реализация которых может иметь существенные социально-экономические, политические, экологические последствия для населения нескольких субъектов Российской Федерации.

Сложные проекты в силу своего масштаба или инновационного характера оказывают существенное влияние на окружающую среду, изменяя и формируя ее, а поэтому затрагивают множество разнообразных интересов. [7, с.21]

Одними из основополагающих факторов для регионального проекта являются политические факторы, которые должны учитываться на всех стадиях реализации проекта. Без политической поддержки на местном, региональном и государственном уровнях, успешная реализация регионального проекта не представляется возможной.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- процесс регионального управления проектами представляет собой систему взаимоотношений между органами власти и хозяйствующими субъектами по поводу использования разнообразных региональных ресурсов и ценностей на территории региона с целью реализации государственных экономических интересов;

- региональные проекты являются основой государственной и региональных социально-экономических политик, направлены на реализацию государственной и региональных стратегий развития территорий, обеспечивают максимальный учет интересов взаимодействующих в этом процессе независимых субъектов хозяйствования и отвечают интересам всего сообщества регионов, связаны со всесторонней или частичной поддержкой органами власти различных уровней.

Деятельность региональных органов власти должна быть направлена на формирование оптимальной структуры хозяйственного комплекса, обеспечивающего повышение качества жизни населения, проживающего на его территории. Достижение этой цели во многом зависит от методов и подходов, механизмов применяемых в процессе управления крупномасштабными проектами, актуальными для конкретных регионов.

Литература

1. Логинов М.П. Получение синергетического эффекта в системе ипотечного жилищного кредитования в условиях кризиса экономики России // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. Т. 24. № 2. С. 168-177.

2. Викторов В.Н. Формирование системы управления на макроуровне государственными программами и крупными инвестиционными проектами в сфере природопользования: дис. д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, -1997.

3. Аксаев Ф.Э., Казаков В.В. Инвестиционный критерий в обеспечении конкурентоспособности региона в период мирового экономического кризиса // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 130-132.

4. Деркач А.В. Актуальные вопросы управления проектами и программами в органах государственной власти // Управление городом: теория и практика. 2011. № 1. С. 87-92.

5. Батиевская В.Б. Институционализация управления приоритетными национальными проектами как механизм реализации государственных и региональных экономических интересов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3. С. 232-236.

6. Кулыгин В.В., Месропян К.Э., Патракеева О.Ю. Методика оценки крупномасштабных инвестиционных проектов межрегионального характера // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 22 (301). С.8-18

7. Яковлев Ю.В. Организационно-экономический механизм управления сложными инвестиционно-строительными проектами в современных условиях : дис. д-ра экон. наук. Санкт-Петербург, -2010.

Логинова О.В.

*Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладощина
сотрудник Лаборатории развития малого бизнеса*

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ПЕРЕДАЧИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НА АУТСОРСИНГ

Потенциал развития аутсорсинга бизнес-процессов на российском рынке огромен, но на данный момент развитие аутсорсинговых услуг находится на начальном этапе, в сравнении со странами Западной Европы. Но, тем не менее, в условиях современной экономики и развития малого и среднего предпринимательства идея передачи сторонней организации некоторых бизнес-функций или части бизнес-процессов как никогда становится актуальной. Использование компаний аутсорсеров выгодно в силу очень многих причин, главной, из которых является сокращение управленческих расходов. Поэтому все большее число малых предприятий, отказываются от введения в штатное расписание должности бухгалтера. И это достаточно верное решение, в таком случае они передают свой бизнес не только в надежные руки, но и экономят время на поиск квалифицированных кадров, обустройство рабочего места специалистов, которые могут ориентироваться во многих сферах бизнеса.

Следующим преимуществом передачи ведения бизнеса, служит повышение, как производительности труда, так и роста доходов, так как конечной целью деятельности любого предприятия является получение максимально возможной прибыли. К тому же, компании аутсорсеры предоставляют информационные и консультационные услуги по ведению бизнеса. В руках профессионалов сосредоточены современные технологии, знания и опыт, что поможет создать высококонкурентное предприятие. Возможность сосредоточиться на основном виде деятельности, а не на процессах обеспечивающих производственный процесс так же является одним их преимуществ перевода бизнеса в ведение сторонней организации – на аутсорсинг.

Услугами аутсорсинговых компаний выгодно пользоваться не только малым или средним предприятиям. В мире широко известные фирмы уже передали свой бизнес на аутсорсинг, многие пытаются это сделать. Для России примером может служить энергетическая компания «Лукойл».

В российском законодательстве термин «аутсорсинг» отсутствует, вместе с тем Закон дает возможность руководителю передать ведение бухгалтерского учета сторонней организации на основании заключенного договора на оказание услуг [1].

Термин «аутсорсинг» (outsourcing) происходит от английских слов «outside resource using» – «использование внешних ресурсов». В международной бизнес-практике этот термин определяется последовательностью организационных решений, суть которых состоит в передаче некоторых, ранее самостоятельно реализуемых организацией функций или видов деятельности внешней организации или, как принято говорить, «третьей стороне».

По своей экономической сути аутсорсинг представляет собой инструмент, который позволяет эффективно распределять внутренние и внешние ресурсы, а также средства компании для успешного разрешения целей и задач, стоящих перед современным бизнесом, в условиях динамической неопределенности [3]. Возможность сосредоточиться на основном виде деятельности, а не на процессах обеспечивающих производственный процесс так же является одним из преимуществ перевода бизнеса в ведение сторонней организации.

Истоки практического аутсорсинга как метода производственной кооперации и высоких технологий управления в промышленности относятся к периоду «великого противостояния» двух великих менеджеров – Генри Форда и Альфреда Слоуна-мл. и возглавляемых ими гигантов автомобильной промышленности – компаний Fordi GeneralMotors. Аутсорсинг часто называют «феноменом XX века». Концепция аутсорсинга как принцип новой стратегии управления была создана в 1963г. компанией «ElectronicDataSystem», специализирующейся и поныне на аутсорсинге. Однако объектом научных исследований аутсорсинг стал лишь в 80 – 90-х гг. прошлого века. Появившись в американской экономической литературе, термин «аутсорсинг» прочно обосновался в лексике большинства бизнесменов их промышленно развитых государств [2, с.8].

В 1980-90гг. на увеличение спроса на аутсорсинговые услуги повлияло развитие малого предпринимательства. Так как для небольшой организации достаточно затратно было содержать в штате специалистов, которые могли бы достойным образом осуществлять управленческие функции. Поэтому организации, обладающие необходимым опытом, навыками, доступом к современным технологиям, стали пользоваться большим спросом. Этим и обуславливается развитие аутсорсинга, его разделение на различные направления. Все предприятия, не зависимо от их размера стремятся быть высококонкурентными, использовать в своем бизнесе новейшие разработки и технологии, ведь создается большое количество программного обеспечения, и с каждым годом их становится все больше. Меняется законодательство, меняются условия экономического пространства, поэтому необходимо максимально быстро реагировать на эти изменения.

В настоящий момент большое распространение наряду с аутсорсингом бухгалтерских услуг получил IT-аутсорсинг, то есть передача маркетинговых функций сторонней организации. Так же существует множество других видов аутсорсинга, такие как аутсорсинг производственных функций, HR-аутсорсинг (аутсорсинг функций по поиску персонала), аутсорсинг логистических функций и аутсорсинг учетных функций.

Организация бухгалтерии в небольшой производственной компании, является достаточно дорогостоящей. Так как даже одному бухгалтеру требуется рабочее место, оснащенное основными средствами, для этого необходимо арендовать соответствующее помещение. По закону следует создать место для хранения архивных документов по бухгалтерии. Для организации профессиональной деятельности необходимо снабдить рабочее место бухгалтера программным обеспечением. Поддержания уровня профессионализма бухгалтера требует наличия информационных источников в виде справочных программ (Консультант Плюс, Гарант), современные периодических печатных изданий; информацию можно получить на различных современных курсах переподготовки. Если руководитель желает видеть в штате высококвалифицированного специалиста, то ему будет необходимо затратить средства семинары и курсы по повышению квалификации, оснащение рабочего места и поддержание уровня профессиональных знаний бухгалтера. Все это в совокупности составляет большую часть расходов.

Выбор руководителем передачи ведения неосновных функций на аутсорсинг позволит предприятию заметно сократить свои расходы. Кроме того, вместо одного специалиста он получит целый штат квалифицированных профессионалов, работающих в команде. Исключаются расходы на аренду офисного помещения. Все необходимые программы имеются в организации, занимающейся аутсорсингом.

Целью аутсорсинговых организаций является обеспечение наилучшего соответствия организации требованиям изменяющейся среды. Многие предприятия обращаясь в аутсорсинговые компании планируют сократить не только свои расходы, но и найти с помощью профессионалов слабые места в своем бизнесе. Многие аутсорсинговые организации оказывают так же и консультационные услуги. К примеру, они могут помочь с выбором наиболее подходящей для конкретного предприятия системой налогообложения. Помочь организовать не только бухгалтерский учет, но и управленческий.

Для одних организаций это может оказаться преимуществом, но другие могут расценить это как утрату контроля над деятельностью. Поэтому в любом случае необходимым является:

- 1) активное взаимодействие с работникам аутсорсинговых услуг;
- 2) контроль за действием аутсорсинговых фирм введением ответственности за выполняемые работы.

Преимущества передачи бизнес-процессов неоспоримо больше, однако остаются и недостатки, многие фирмы не доверяют сторонним организациям коммерческую тайную, поэтому предпочитают вести учет собственными силами, однако не всегда должным образом. Недостатками организаций-аутсорсеров являются:

- недостаточный уровень качества оказываемых услуг;
- возникновение риска, связанного с потерей конфиденциальных данных о деятельности организации, так как сотрудники имеют доступ практически ко всей документации;
- снижение влияния на компанию-аутсорсера, что может повлечь увеличение расходов.

Обращение в аудиторские фирмы, которые выполняют услуги аутсорсинга, с хорошей репутацией позволят свести риски к минимуму. Второй путь поиска – это исследование отзывов клиентов. Использование услуг фирм, где работают настоящие профессионалы, поможет не только поддержать бизнес, но и увеличить его эффективность и конкурентоспособность организации.

Возможности развития аутсорсинга велики, все большее число малых и крупных предприятий прибегают к помощи сторонних организаций, что помогает развитию, как их бизнеса, так и бизнеса компаний, предоставляющих услуги аутсорсинга. Высокий количественный уровень предприятий, устойчивых к различным изменениям внешней среды, является серьезной поддержкой экономики страны в целом и гарантом ее развития.

Литература:

1. О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 06.12.2011 №402-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Аникин Б.А. Аутсорсинг: создание высокоэффективных и конкурентных организаций. М.: Инфра-М, 2003 192с.
3. Филина Ф.Н. Аутсорсинг бизнес-процессов: проблемы и решения. М.: ГроссМедиа, 2008.

Лушникова Т.Ю.

*Челябинский государственный университет
заведующий кафедрой*

«Экономико-правовых основ управления»

к.э.н., доцент

СОБСТВЕННОСТЬ И РЕФОРМА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В свете реформы местное самоуправление особое значение приобретает решение вопроса о формировании муниципальной собственности внутригородских территорий. Так, двухуровневая система (городские и сельские поселения в составе муниципального района) предполагает для муниципалитетов значительный объем полномочий в таких сферах, как образование, культура, здравоохранения, дороги, спорт, решение социальных вопросов и т.д. При этом многие из них были поделены между районами и поселениями в неопределенной пропорции. Например, и район, и поселение должны заниматься организацией культурных и спортивных мероприятий, каждый на своем уровне, при этом, на одной и той же территории. Столь же неопределенно закон устанавливал компетенцию двух уровней управления в отношениях муниципальной собственности. Споры о том, что кому, в каком количестве принадлежит району или поселению, до сих пор не утихают. Пересечение полномочий приводит к регулярным конфликтам между главами поселений и районов.

Не решит и данную проблему подход, который заложен в формировании структуры объектов муниципальной собственности в Федеральном законе № - 131 [1]. Сегодня закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» определяет состав имущества, который может быть в муниципальной собственности, исходя из полномочий муниципального образования. Можно сказать, что если есть полномочие, то значит, есть имущество для его реализации.

Формулировка вопросов местного значения предусматривает различные способы их реализации органами местного самоуправления. В одних случаях органы местного самоуправления обеспечивают предоставление услуг населению посредством создания необходимых для этого объектов муниципальной собственности. В других случаях органы местного самоуправления организуют предоставление указанных услуг через другие хозяйственные субъекты.

Очевидно, что критерий, который заложен в законе значительно сократил количество объектов муниципальной собственности, способствовал приватизации непрофильных объектов, часть которых приносила доходы в местные бюджеты. Так, например, только за последние три года в Челябинске произошло значительное сокращение объектов недвижимого имущества.

Сокращение количества объектов отразилось и на неналоговых поступлениях в бюджет города. В 2013 г. доходы от управления собственностью составили незначительную долю в формировании доходной части бюджета – 1718, 4 млн. руб. [2].

Безусловно, такой подход не может быть реализован на территории районов городских округов, так как муниципальная собственность в больших мегаполисах представляет собой целостную систему, взаимосвязанных, а за чистую зависимость друг от друга объектов городского хозяйства.

Еще одной особенностью муниципальной собственности городских округов является неравномерное территориальное расположение объектов городского хозяйства. Поэтому, территориальный принцип не может быть использован в разграничении муниципального имущества по районам городских округов.

На наш взгляд решение вопроса о формировании собственности внутригородских территорий городских округов должно исходить из принципа субсидиарности управления [3]. Не собственность нужно делить между органами власти, и не полномочия распределять в разных пропорциях (как это осуществляется на уровне районов и поселений), а прежде всего, выстроить систему управления объектам муниципальной собственности по принципу соучастия органов местного самоуправления внутригородских территорий в управлении отношениями собственности.

Данная система предполагает закрепление стратегического управления за первым уровнем управления - городским округом, а тактическое воздействие за органами местного самоуправления второго уровня власти (внутригородских территорий).

Таким образом, принцип соучастия в управлении муниципальной собственностью позволит одновременно усилить роль муниципалитетов в развитии объектов собственности на их территории и приблизит население к решению вопросов местного значения, в том числе в вопросах управления муниципальным имуществом. Принцип субсидиарности позволит включить муниципалитеты в экономические, социальные процессы отношений муниципальной собственности, через механизмы бюджетной стимулирующей политики, программы развития, показатели эффективности управления имуществом. Кроме того, данный принцип будет способствовать более гибкому регулированию полномочий и распределению ответственности между уровнями власти на территории городского округа.

Литература:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2013 года № 131 статья 50 // Доступ к справ.-правовой системе «Консультант Плюс»
2. Местное самоуправление: новая модель. Н.Миронов // «Эксперт», № 16, от 14 апреля 2014 года
3. Исполнение бюджета города Челябинска [электронный ресурс]. URL: <http://cheladmin.ru/oficialnaya-informaciya/ispolnenie-byudzhet/ispolnenie-byudzhet-goroda-chelyabinska-po-dohodam-i-0>

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИЙ И УСТАВОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Становление и развитие гражданского общества обусловливается необходимостью развития его институтов, прежде всего личного участия населения. У каждого россиянина, каждого государственного и муниципального служащего в связи с формированием гражданской культуры развивается конституционно-правовой статус личности. Без повышения гражданской культуры нельзя рассчитывать на укрепление правового государства. Однако понятие «гражданская культура» отсутствует в Конституции Российской Федерации, конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Теоретико – правовое осмысление феномена гражданской культуры связано с формированием гражданского общества и реализацией конституционно-правового статуса личности. Социально – правовая гражданская активность отождествляется, прежде всего, с реализацией конституционных прав и свобод человека и гражданина. Конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина нашло свое отражение в Конституции Российской Федерации, федеральных законах, конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Вторая глава Конституции Российской Федерации называется «Права и свободы человека и гражданина»[1,с.], аналогичные правовые нормы предусмотрены во многих конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Законодательная концепция о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства предусмотрена во всех конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Согласно общепризнанным принципам, нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями и уставами признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина на территории субъектов Российской Федерации. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются главной обязанностью органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Например, на территории Ненецкого автономного округа, граждане осуществляют свои права в следующих формах: 1) непосредственно; 2) через органы государственной власти и органы местного управления. Глава 2 устава Ненецкого автономного округа посвящена развитию институтов непосредственной демократии на территории округа. [2, с.6]. В ст. 8 предусмотрены следующие формы реализации непосредственной демократии: населению округа обеспечиваются право участия непосредственной демократии путем участия в окружном и местном референдумах для обсуждения важнейших вопросов жизни округа, проектов правовых актов Собрания депутатов, на коллегиальные обращения к Собранию депутатов и администрации округа об осуществлении законодательных, исполнительных мер по вопросам, затрагивающим интересы населения, осуществление народной инициативы путем внесения в Собрание депутатов предложений для рассмотрения на референдуме или на сессии Собрания от имени коллективов или групп избирателей.

В уставах отдельных субъектов Российской Федерации предусмотрено установление дополнительных гарантий прав и свобод человека и гражданина.

В ч.4 ст.3 Устава Ростовской области определено, что органы государственной власти Ростовской области вправе устанавливать на территории Ростовской области дополнительные гарантии прав и свобод человека и гражданина . [3, с.3]

Понятие гражданской культуры в сочетании с формами реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина, по мнению автора, должно быть предусмотрено в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 5.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант.Плюс».
2. Устав Ненецкого автономного округа от 5 февраля 1996 года (в редакции от 9 июля 2014г.)
3. Областной закон Ростовской области от 29 мая 1996г. №19-ЗС «Устав Ростовской области» (в редакции от 13 октября 2014г.)

Мартьянов В.С.

*Институт философии и права УрО РАН
ученый секретарь, к.полит.н., доцент*

КОНЦЕПЦИЯ КРЕАТИВНОГО ГОРОДА: ПРЕДЕЛЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ*

В 2009 году половина населения Земли стала жить в городах, к 2050 году по прогнозам ООН горожанами будут 2/3 человечества. В настоящее время в городах производится около половины ВВП слаборазвитых стран и до 85-90% в высокоразвитых странах. Поэтому проблемы современного развития становятся все более синонимичны проблемам урбанизации и городского развития. В России интенсивность индустриальной урбанизации достигла своего естественного предела еще в позднесоветский период, поэтому основные резервы городского развития связаны уже не с привычным ранее количественным ростом городов, обеспечиваемым постоянным миграционным притоком с разного рода географических периферий, но с качественным развитием самой городской среды, с опорой на ее внутренние источники и ресурсы.

Все более важным становится подключение к перманентной модернизации городского пространства широких слоев городского населения, которое остается достаточно инертным к внешним импульсам, не стремится или не имеет возможностей к эффективной самоорганизации и решению городских проблем собственными силами. Будущее любого города определяется тем, насколько связывают с ним свое будущее его нынешние жители, верят ли они в это будущее как желательное для своих детей.

В России на смену советским индустриальным городам-заводам, пережившим стремительную деиндустриализацию в открытой рыночной экономике, пришла новая модель городов – торговых центров. Эта модель во многом является вынужденной трансформацией, связанной с элементарным выживанием российских мегаполисов в новых условиях за счет деградации окружающей периферии. Однако вряд ли подобная паллиативная модель может быть положена в основу их долгосрочного развития, связанного с необходимостью постоянной диверсификации ресурсов городского развития в контексте открытой экономики [1]. В результате структурная безработица, разрыв в доходах и возможностях разных слоев населения в городах, неравенство городских районов только нарастают, создавая все новые очаги неустранимой маргинальности.

В последнее время в мире в качестве универсальной стратегии городского развития все более популярна концепция креативного города, связанная с именем Чарльза Лэндри [2]. Эта концепция предполагает, что основным критерием развития креативного города является его способность обеспечить инфраструктурные условия для роста социального капитала горожан, вносящего возрастающий вклад в развитие постиндустриальных сегментов мировой экономики. При этом наиболее активным субъектом построения креативного городского пространства признается особый креативный класс (Р.Флорида) [3], который изначально отличается высоким социальным капиталом.

* Исследование осуществлено при поддержке гранта Правительства Свердловской области и РФФИ-Урал № 13-06-96017 «Модернизация региональной сети городов в глобальном контексте городского развития».

Концепция креативного города становится все популярнее и в России, становясь источником сомнительных практических рецептов для стратегий развития российских городов. Однако актуальные процессы мировой урбанизации демонстрируют двойственность этой теории и явные пределы ее распространения, связанные со странами центра капиталистической миросистемы. Проблема в том, что концепции креативного города и креативного класса, которые, несмотря на два десятилетия усиленной разработки и продвижения, все еще выглядят скорее как рекламные метафоры, чем релевантное объяснение, с помощью которого *любые* города могут добиться реального успеха.

В то же время нетрудно заметить, что проблема выработки универсальных решений для улучшения жизни всех жителей города гораздо шире, она связана не только с креативностью, но и с институциональной инерцией прошлого, ответственностью элит и механизмами агрегации общих интересов горожан. Последние существенно отличны от интересов отдельных городских сообществ, присвоивших определение «креативных», которые входят в противоречие с другими, не менее значимыми социальными интересами. Как правило, креативные общности в чистом виде являются социологически малозначимыми, прежде всего, это самозанятые работники творческого труда. Поэтому их партикулярные интересы довольно слабо подходят в качестве основы выработки ценностей городского сообщества в целом. Но в таком случае могут ли они действительно сформировать новые общественные нормы, не ограничиваясь вызовом и эпатажем относительно сложившихся наличных правил городского общежития?

Проблема еще и в том, что любое экономическое развитие одновременно запускает механизмы роста городского неравенства, которые должны быть тем или иным образом компенсированы. Иначе город начинает расслаиваться во всех своих измерениях по центр-периферийной модели, нивелируя для все большего числа горожан само «право на город» (Д.Харви). Представляется, что апеллируя к креативному классу, на самом деле конечным выгодоприобретателем коктейля из «освобождающих» креативность и генерирующих «творческий дух» либертарианских рецептов является городская буржуазия и крупные корпорации, в то время как интересы немобильного большинства оказываются заложниками довольно плоских и ограниченных социальных утопий. В результате риторика креативного города, особенно на периферии миросистемы, оказывается лишь модной оберткой неолиберальной идеологии, опрокинутой на масштаб отдельного города и освобождающей местные элиты, бюрократию и работодателей от ответственности за развитие городского пространства в интересах большинства его жителей. Вместо реальных изменений городов, решения их базовых структурных проблем (деиндустриализация, безработица, криминализация, классовое расслоение, социальная поддержка бедных, жилищный вопрос и проблемы ЖКХ, транспорт, чистая вода, загрязнения и плохая экология, равный доступ к публичным благам и др.) меняются лишь его массмедийные представления и символические образы. Однако символический ребрендинг меняет только дизайн упаковки и фокус общественного внимания, проблемное содержание города остается тем же самым.

Более того, легитимация распределения ресурсных потоков в пользу городской богемы и среднего класса, определяемых как прогрессивный «креативный класс» ведет и к закономерному росту классовых диспропорций и политических конфликтов, представленному обычно в виде резкой географической сегментации буржуазных и пролетарских районов. Растущие видимые и невидимые границы между центром и перифериями увеличивают неравенство и разделяют доступ горожан к общественным благам. В результате идея города как институционального оплота современной демократии, как относительно равного сообщества всех горожан реализующая их совместные интересы терпит крах: «право на город» перестает быть всеобщим, приобретая черты привилегии немногих. Немобильное городское население попадает в растущую зависимость от призрачных планов городской администрации по привлечению креативного класса, который как всякий спекулятивный актив в случае неудачи оставляют город без ресурсов и какой-либо стратегии развития вообще.

Поэтому, несмотря на популярность работ, ориентированных на эффекты локального развития – концепции креативного города, креативного класса, изменения идентичности и символического брендинга малых территорий, становится все очевидней, что в глобальной экономике конкуренция отдельных компаний, городов и регионов на внутреннем национальном рынке становится второстепенной. Эта конкуренция городов вписана в глобальные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Роль культурной среды

представляется слишком переоцененной в концепции креативного города в сравнении с классическими институциональными долговременными факторами привлекательности крупных городов – дешевая рабочая сила, массовый платежеспособный спрос, доступное жилье, развитые коммуникации, эффективная логистика, безопасность, система действенного управления городским хозяйством, гарантии исполнения законов и правовых обязательств. Более того, накопленный опыт показывает, даже в тех городах центра миросистемы, где уровень капитализации городского хозяйства и потенциал привлеченных средств позволяют осуществить «креативные проекты», они, как правило, реализуются в интересах меньшей части городских сообществ, способствуя пространственной сегрегации и закреплению различных неравенств внутри городского сообщества, разрушая тем самым конвенциональное «право на город».

Литература:

1. Мартянов В.С., Руденко В.Н. Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2012. Вып. 12. С. 316-330.
2. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика XXI. 2014. 400 с.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI. 2005. 430 с.

Матвеева Е.С.

*Челябинского институт экономики и права им. М.В. Ладощина
сотрудник Лаборатории развития малого бизнеса*

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА НА СТАДИИ СОЗДАНИЯ

Финансирование малого бизнеса имеет значение на всех этапах деятельности предприятия, а особенно резко этот вопрос встает на этапе создания и внедрения предпринимательской идеи, так как воплощение предпринимательской идеи требует огромных финансовых влияний. Перед каждым предпринимателем возникает проблема, где взять финансовые ресурсы для финансирования бизнес-идеи. Все источники финансирования можно классифицировать по форме собственности, и в зависимости от нее они бывают собственные и заемные. Но помимо этой классификации источники финансирования малого бизнеса можно представить с точки зрения развития, так традиционные методы привлечения финансовых ресурсов распространены среди предпринимателей и часто используются, а вот нетрадиционные почти не распространены и не известны.

К традиционным способам финансирования малого бизнеса на этапе создания выступает:

- личное финансирование;
- консигнация;
- запуск бизнеса с неполной загрузкой;
- финансирование при помощи друзей и близких и другие способы финансирования

[1, с. 24].

Принимая решение создать свой бизнес предприниматель начинает искать способы финансирования бизнес-идеи, первым источником всегда выступают собственные средства предпринимателя. Финансирование бизнеса за счет личных сбережений выступит мощным стимулом для быстрой его раскрутки. Запуская бизнес-идею за счет собственных финансовых средств предприниматель сохраняет полный контроль над деятельностью предприятия. Но прежде, чем начать свою предпринимательскую деятельность, бизнесмену нужно накопить сумму, необходимую для начала деятельности, в случае отсутствия финансовых ресурсов, но желание иметь свой бизнес.

Консигнация – способ кредитования, при котором предприниматель может получить товарно-материальные ценности без обязательства. При этом в случае реализации товаров будет осуществлен расчет с кредитором, но если товары не были реализованы их можно вернуть кредитору. Примером может служить практика производства и продажи новых учебников для институтов. Книгоиздатели посылают свои книги в книжные магазины при институтах с условием их возврата, если они не будут проданы [2, с. 45].

Анализ такой сделки, говорит о том, что большие риски во время ее проведения несет консигнант. Для того чтобы их снизить, используются ограничения по срокам консигнации и переход права собственности с момента их окончания, а в некоторых случаях могут быть применимы и банковские гарантии оплаты, при которых поручителем консигнатора выступает финансовое учреждение.

Консигнация может выступить источником финансирования малого бизнеса, если предприниматель решит создать свой бизнес в инновационной сфере. Он может взять новый, мало знакомый товар на реализацию и таким способом открыть свой бизнес, в случае реализации у него появятся свободные денежные средства, которые он может направить на дальнейшее развитие этого направления бизнеса или развивать свою бизнес-идею.

Если будущий предприниматель хочет открыть свой бизнес, но у него не хватает финансовых ресурсов, одним из способов решения этой проблемы может выступить запуск бизнеса с неполной загрузкой, то есть предприниматель продолжает свою трудовую деятельность по постоянному месту работы, на котором получает заработную плату, и в это время развивает свой бизнес. Но при этом ему нужно грамотно распределять свои физические и финансовые возможности, оценив при этом свои способности распределять время. Запуск неполного бизнеса может быть таким же полезным и прибыльным, как и полноценный бизнес, и в то же время быть менее финансово рискованным делом. Предприниматель будет получать и дополнительную прибыль и от неполного бизнеса, и заработок от основного места работы, что при грамотном подходе даст возможность финансирования.

Возможность финансирования развития малого предприятия при помощи друзей и близких дает предпринимателю ряд преимуществ, так у привлеченных финансовых ресурсов отсутствует плата за их пользование, что сокращает расходы на создание малого предприятия. К тому же в этом случае у предпринимателя остается незапятнанной кредитная история, и в случае необходимости, будет возможность широкого финансирования дальнейшего развития при помощи кредитования заемными финансовыми средствами.

К нетрадиционным способам финансирования малого бизнеса можно отнести: - корпоративные инновационные проекты; - краудное финансирование; - финансовое роаялти; - бизнес-инкубаторы. [3, с.13]

Крупные инновационные компании проводят специальные программы, на которые отводятся ресурсы и даже выделяется финансирование на коммерциализацию технологии или бизнес-идеи. К участию в данных программах привлекаются высококвалифицированные сотрудники. Разработав проект, предприниматель сможет претендовать на управление в новоиспеченной фирме. Таким образом, при наличии интересной бизнес-идеи будущий предприниматель может продвинуть свою идею и получить финансирование на ее развитие [4, с. 64].

Краудное финансирование – интернет-платформа, которая помогает собрать денежные средства за счет небольших вложений большого количества людей (индивидуальных инвесторов). Идея краудного финансирования сводится к сведению предпринимателей, которые предлагают бизнес-идею и инвесторов. При такой форме финансирования предпринимателю необходимо всеми возможными способами привлечь внимание инвестора, к таким способам можно отнести использование живого видео, графики и фотографий для привлечения внимания инвесторов, выражение интереса увлеченности собственной идеей бизнеса и заинтересованностью ее реализации. Минусом такого финансирования выступает отсутствие конфиденциальности, так как предприниматель представляет свои бизнес-идеи не только инвесторам, но и потенциальным предпринимателям, которые могут воспользоваться предлагаемой идеей и выступить в качестве инвестора [2, с.38].

Финансовое роялти дает возможность получить внешнее финансирование, но оставить бизнес в своей собственности, так как инвестор, финансируя бизнес-идею, получает гарантированный доход, в виде фиксированных процентов от прибыли, но не получает долю в уставном капитале. При данном методе финансирования владельцы малого бизнеса сохраняют за собой собственность бизнесом. Кроме того, предприниматель может не беспокоиться по поводу снижения продаж, поскольку платежи привязаны к проценту от дохода. Сложность организации данного вида финансирования состоит в том, что нужно суметь убедить инвесторов в прибыльном будущем продукции [5, с.29].

Бизнес-инкубатор – это определенный способ поддержки малого предпринимательства посредством предоставления помещений (физического пространства, нужного для работы), помощи в непосредственном управлении, информационных, учебных, офисных и консультационных услуг. Малое предпринимательство нуждается в поддержке именно на своих начальных стадиях. Бизнес-инкубатор снижает риски, облегчает первые шаги по развитию бизнеса, повышают устойчивость предприятий. Его миссия – предоставление предпринимателям, начавшим или начинающим свой бизнес, ресурсов для максимально эффективного и продуктивного развития малого бизнеса [6, с.78].

Создавая свой бизнес предприниматель вынужден искать способы финансирования бизнес-идеи, все способы привлечения финансирования можно разделить на собственные и внешние, традиционные и нетрадиционные. Эти два признака способов финансирования пересекаются, так например собственным традиционным источником финансирования можно назвать личное финансирование, запуск бизнес с неполной загрузкой, финансирование при помощи друзей и близких, а внешними нетрадиционными можно назвать бизнес-инкубаторы, краудное финансирование, финансовое роялти. Выбирая способов финансирования предпринимателю необходимо оценить способность пользоваться заемными средствами, свою платежеспособность, объем финансовых средств необходимых для запуска и поддержания работ, а также стоимость привлечения капитала.

Литература:

1. Ибадова Л.Т. Финансирование и кредитование малого бизнеса в России. М.: Волтерс Клувер, 2011
2. Менеджмент малого бизнеса: Учебник/ Под ред. проф. М. М. Максимцова и проф. В. Я. Горфинкеля. М.: Вузовский учебник, 2009. 269 с.
3. Прохоровский В.С. Финансы малых предприятий. М.: Тамб. гос. техн. Университета, 2009.
4. Зайцева Г.В. Исторические факты развития предпринимательства и налогообложения в России // Материалы II Всерос. профессиональн. конф. с международ. участием / НОУ ВПО «Челяб. ин-т экономики и пра-ва им. М. В. Ладощина». Челябинск, 2014. 191 с.
5. Жизненный цикл малого предприятия. Учебник / Под ред. проф. А.А. Шамрая. М.: Либеральная миссия, 2010.
6. Балашевич М.И. Экономика и организация малого бизнеса. М.: БГЭУ, 2012.

Мельник В.В.

*Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова (Украина)
к. ф.н., доцент кафедры управления,
информационно-аналитической деятельности и евроинтеграции
Института управления и экономики образования*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ, АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Культура есть имманентный срез социального пространства, которое создает поле для реализации специфики человеческой жизнедеятельности и общения как конструкта социального взаимодействия. На протяжении всей жизни человек существует в мире культуры, в контексте которой формируется и имеет возможность понять принципы обустройства окружающего мира и места в нем человека. Согласно нашего анализа, культура

есть «способом бытия» человека в мире, не есть «надстройкой» бытия, а самим бытием. Поэтому мир человеческого бытия – это не мертвая материя, не природа как таковая, а «очеловеченная природа», «мир культуры». В результате анализа многочисленных работ, мы определили, что культура есть «жизненным миром» или даже «жизненным нервом» человека, которая играет большую роль при становлении психики, сознания и мышления человека, способствуя формированию идентичности человека. Люди есть продуктом культуры своего общества, они формируются в середине своей культуры, и пока культура еще не сформирована, нет еще ни личности, ни мировоззрения, ни системы ценностей, необходимых для того, чтобы человек функционировал.

Как показывает практика, культурные приобретения (артефакты) только тогда становятся реальной культурой, когда осваиваются деятельностью людей, входят в их жизнь, в их социокультурное творчество. Культура есть системой имманентных форм, которые обеспечивают становление (формирование) человеческого в человеке, а также системой формообразований человеческого духа. Такими формообразованиями есть язык, мифология, религия, право и мораль, наука и философия, разнообразные формы искусства – все то, что делает человека человеком. «Многомерность человека имеет большое количество измерений индивида, так как человек имеет космический, физический, биологический, социальный, психологический, культурный компоненты» [1, с.108].

Существуют различные подходы и определения культуры. *Антропологические основания культуры* как пространства самореализации личности используют это понятие культуры как такое, чему можно «научиться», включая: язык, обычаи и весь комплекс условностей, которые позволяют отличать человеческое поведение от поведения других приматов. В этом контексте предполагается, что человеческое поведение имеет не генетическую или биологическую, а культурную обусловленность. В *антропологическом плане культура* – это микроконцепт, т.е. совокупность норм, ценностей, идеалов, которые существуют за пределами не только первого (природного), но и второго (социального) мира и создают внешнюю по отношению социальной практики традицию, которая во многом определяет характер, направленность и структуру культуры. В психологическом плане культура - это индивидуальный и изменчивый конструкт, в аксиологическом – система ценностей, верований и традиций, представляющие собой аксиологические основания культуры как пространства для развития и самореализации личности, обеспечивает интеграцию и целеполагание (постановку целей). В связи с этим можем отметить, что «культура представляет собой мощный механизм антропологического воздействия, способ адаптации индивида к культурным потребностям общества и в тоже время способ индивидуальной реализации накопленного этнического и национального опыта и самореализации личности в культурном пространстве этноса» [2, с.470].

Следует подчеркнуть, что аксиологические основания культуры как пространства для развития и самореализации личности сводятся к тому, чтобы понимать культуру как ценность, которая сохраняет, регулирует и распространяет соответствующие типы действия среди ее членов и представляет собой систему ценностей, представляющих качественную сторону бытия. Для нашего анализа важно выделить категорию «ценность», которая в широком смысле этого слова – это любой предмет или явление, обладающий поддающимся определению содержанием и значением для какой-либо группы в положительном значении. С точки зрения аксиологических оснований бытия культура выступает как процесс активной творческой деятельности человека, при помощи которой человек познает окружающий мир, общественные отношения, которые представляю собой эпистемологический аспект культуры. Культура как пространство самореализации человека создает необходимые для ориентации образцы и нормы поведения, способствует регулированию общественных отношений, что выражает собой регулятивный или нормативный аспект. В рамках данного исследования культура представляет собой оптимальный способ для встречи (а не столкновения) цивилизаций, что призвано объединять, а не разъединять народы на основе традиций. Как свидетельствует практика, межкультурный диалог приходит на смену устаревшей концепции мультикультурализма, неспособность которого признали политические лидеры самых мощных государств Европы. Сейчас диалог есть одним из важных инструментов народной демократии. В результате проведенного анализа культуру надо трактовать, как:

1) совокупность искусственно созданных человеком предметов, знаний, которые создают «вторую природу» человеческого существования;

2) культура представляет собой специфическую для человека систему адаптации к среде, прежде всего, технологии, созданные человеком для удовлетворения самых разнообразных потребностей;

3) особенную форму общественной жизни и совокупность специфических культурных видов социальной деятельности (прежде всего «высокую культуру»), а также соответствующие институциональные формы ее организации и распространения результатов;

4) самое важное проявление человеческой цивилизации - аксиологический подход к культуре.

Практика подтверждает, что культура фактически есть *фрактальной системой*, которая проявляет себя во временных циклах и биологических процессах морфо-, онто- и филогенезиса, которые уподобляются друг другу как в пространстве, так и во времени, и развивается в контексте *биогенетического закона*, в соответствии с которым культурный организм проходит те же самые стадии, которые имели место в филогенезисе. *Онтологические основания культуры исходят из соотношения филогенезиса и онтогенезиса* и демонстрирует принцип единства целого (таксон и его филогенезис) и его частей (организм и его онтогенезис), общего и конкретного, а также развития по спирали с воспроизводством на высших этапах некоторых характеристик нижних стадий.

Филогенезис может представлять собой как прогрессивное развитие с повышением общего уровня жизнедеятельности и расширением адаптивных возможностей организмов, так и регресс. Важно уточнить, что в процессе филогенезиса различные периоды сменяют друг друга в отношении приспособления человека к окружающей среде - они есть скачкообразными, или стабильными, что сопровождается формированием качественно новых способов приспособления к новым условиям существования. Филогенезис рассматривается в единстве и взаимообусловленности с индивидуальным развитием отдельных организмов – онтогенезисом. Филогенезис происходит на основе накопления некоторых изменений в процессе протекания отдельных онтогенезисов, но и онтогенезис, в свою очередь, проявляет их в той или иной мере и воссоздает филогенезис. В сложной системе интеграционных связей и отношений в сфере экономики, политики, информационных отношений включаются культурные механизмы, которые поддерживают равновесие между единством и многообразием. Поэтому «онтология культуры включает в себя механизм передачи социального опыта через освоение каждым поколением не только предметного мира, навыков и приемов технологического отношения к природе, но и культурных ценностей, образцов поведения. При этом специфика развития культуры реализуется как в типе социальной организации, так и в типе личности» [2, с.470-471].

Таким образом, антропологические, аксиологические и онтологические основания культуры в единстве как пространства, так и времени для развития и самореализации личности представляют собой культурный мир человека, который должен развиваться как единый космос. В космосе слиты человек и природа, человек и человек, что влияет на социальную психологию этноса, формирует национальный характер и детерминирует направленность его практической деятельности.

Напротив, в условиях постмодерна культура перестает быть привязанной к определенному месту и пространству, а с другой стороны, в каждом определенном месте она перестает представлять собой целостность. Культура оказалась фрагментарной, размытой, распалась на культуры отдельных общностей, своего рода культурные диаспоры, которые отличаются между собой вкусами, обычаями, верованиями и даже не связанные между собой национальным контекстом. Как показывает практика, происходит коммерциализация культуры, секуляризация религии, появились новые явления иронии и игры, «культурного гражданства».

Таким образом, следует сделать вывод, что культурная глобализация привела к порождению нового феномена «космополитической культуры», поиску новых форм коллективной и индивидуальной идентичности, что требует защиты культурных прав человека - на информацию, коммуникацию, образование, самореализацию и саморазвитие личности.

Литература:

1. Воронкова В.Г. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст. РВВ ЗДІА, 2012. 262с.
2. Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / Гл. ред.: И.И.Мазур, А.Н.Чумаков. М. Спб. Н.-Й: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. 1160с.

Меньшенина Е.А.

к.т.н., доцент кафедры управления человеческими ресурсами

Агишева А.В.

студент

Южный федеральный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛЬНО–ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СОТРУДНИКОВ БАНКОВСКОЙ СФЕРЫ

В последнее десятилетие в научных публикациях растет интерес к проблеме адаптации [1, с.34], так как установлено положительное влияние адаптационных инструментов и технологий на характеристики кадровых процессов. В эффективности процесса адаптации заинтересована организация: ее рациональное построение снижает затраты на наем сотрудников, включая как прямые, так и косвенные издержки. Прямые издержки включают вводные затраты (обучение, тренинги и т. д.), временное замещение сотрудника, проходящего адаптацию; дополнительные затраты рабочего времени руководителя на контроль и исправление ошибок работников, взаимодействующих с адаптируемым, потери от сниженной производительности труда самого работника и др.

Косвенные издержки – затраты на подбор и наем нового работника в случае увольнения в период адаптации или в течение года по ее окончании. Эти затраты могут составлять до 75 % годовой оплаты труда работника при освоении сложных трудовых функций [2, с.392].

Различают механизмы социализации, характерные для различных организационных культур (табл. 1), что необходимо учитывать при разработке технологии адаптации.

Рассмотрим особенности процесса адаптации на примере банковских учреждений, где специфика деятельности требует от сотрудников, помимо профессионализма, проявления способностей к деятельности в условиях повышенного риска, острой конкуренции среди участников рынка и т.д.

**Таблица 1. Тип социализации в разных
организационных культурах [Составлено по: 3, с.195]**

Тип социализации	Организационная культура	Название	Ведущий механизм
Личностный	Органическая	«Адепт»	Уподобление лидеру (учителю)
Авторитарный	Бюрократическая	«Послушник»	Ознакомление с формальными нормами
Функциональный	Предпринимательская	«Студент»	Овладение инструментарием решения профессиональных задач
Проектный	Партиципативная	«Неофит»	Активное самоопределение по типам проектов и ролям

Рассмотрим процедуру адаптации, принятую в одном из крупных коммерческих банков в сравнении с процедурой, характерной для организаций производственной сферы (табл.2).

Таблица 2. Состав процедуры адаптации

Этапы адаптации	Инструменты адаптации/ ответственные за реализацию	
	Организация производственной сферы	Организация банковской сферы
Вводный. 1-ый день	Введение в должность – непосредственный руководитель Инструктаж по ТБ	Введение в должность – руководитель, наставник
Ознакомительный. 1-ый месяц работы	Назначение наставника Профессиональное тестирование/оценка уровня развития профессиональных навыков–руководитель, наставник, HR–менеджер Обучение – наставник	Постановка задач адаптации – руководитель, наставник Курс «Добро пожаловать в банк» – семинар в учебном центре
Ознакомительный. 2-ой месяц работы	Обучение – наставник Стажировка, обучающий семинар по сложным трудовым функциям	Стажировка в структурном подразделении – наставник, руководитель структурного подразделения, опытный сотрудник- куратор
Заключительный. 3-ий месяц работы	Профессиональное тестирование/оценка уровня развития профессиональных навыков Оценка результатов адаптации – руководитель, наставник, HR–менеджер	Оценка выполнения поставленных задач адаптации – руководитель, HR–менеджер Составление плана индивидуального развития (кроме массовых категорий) – руководитель

Специфика адаптации в банковской сфере – персонифицированное внимание к результатам адаптации, использование проработанных процедур на различных этапах процесса, привлечение широкого круга опытных работников при адаптации каждого сотрудника. Распределение мероприятий по адаптации между разными сотрудниками позволяет снизить степень отвлечения от собственных рабочих задач. На основании данных таблиц 1 и 2 в производственной сфере выявлен функциональный тип социализации, а в банковской сфере – проектный, направленный на выявление потенциала саморазвития.

В то же время отметим, что при высоком уровне реализации процесса в целом, существует необходимость расширения объекта адаптации в условиях управления развивающимися компаниями. Непрерывность процесса адаптации повысится, если ее объектами становятся и такие категории работников, как женщины, приступившие к работе после декретного отпуска; работники, сменившие свои обязанности в результате понижения; повышения по карьерной лестнице; в результате ротации.

К данным категориям сотрудников должны применяться разные мероприятия адаптации, при разработке которых целесообразно использовать комплексный инструментарий [4, с.208], представленный в виде таблицы распределения функциональных обязанностей и зон ответственности (табл. 3). На вводном этапе адаптации для всех групп адаптируемых HR-менеджер проводит адаптационную беседу, знакомит с должностной инструкцией, правилами трудового распорядка, а наставник представляет новым коллегам или руководству. На заключительном этапе (три дня до истечения ознакомительного периода) для всех групп адаптируемых, кроме лиц, повышенных в должности, наставник осуществляет оценку по результатам адаптационных мероприятий, руководитель подводит итоги, а HR-менеджер определяет план индивидуального развития на год.

Женщины, вернувшиеся после декретного отпуска, за время отсутствия могут потерять профессиональные навыки. В коллективе происходят персональные и должностные изменения, что может отразиться на продуктивности и психологическом состоянии сотрудницы. Для работников, перемещаемых в результате ротации кадров, изменяется круг

профессиональных обязанностей, и план по адаптации включает меры аналогичные предыдущей группе, с учетом того, что изменения в окружающей рабочей среде при ротации сотрудника – детерминированный фактор, а после декретного отпуска – ситуационный. Для работников после понижения характерен психологический дискомфорт, способный повлиять на качество выполнения должностных обязанностей, приоритетные мероприятия направлены на снижение уровня тревожности работника.

Таблица 3. Инструментарий профессиональной и социально-психологической адаптации

Группы	Период	Ответственный	Инструменты
Женщины после декретного отпуска	Ознакомительный – 1-ый месяц работы	Наставник	Разъяснение новых профессиональных инструкций и нормативных документов
		Руководитель	Оценка по результатам работы
Работники, повышенные в должности	Ознакомительный 3 месяца после повышения	HR-менеджер.	Организация посещения специальных курсов для молодых руководителей
		Наставник	Информация о традициях и ценностях коллектива, роли работника, социально-психологическом климате.
	Заключительный	Наставник и HR-менеджер	Обсуждение результатов адаптации, сообщение результатов руководству
		Вышестоящее руководство	Подведение итогов по результатам адаптационного периода
Работники, пониженные в должности	1 адаптационная беседа	Наставник	Создание комфортной обстановки в коллективе через предварительное обсуждение с будущими коллегами
	Ознакомительный 1 месяц после понижения	HR-менеджер	Снижение психологической напряженности путем предоставления психологических услуг
		Наставник	Вовлечение сотрудника в корпоративные мероприятия для достижения ассоциированности в коллектив
		Руководитель	Оценка по результатам работы
Работники, подвергшиеся ротации кадров	Ознакомительный 1 месяц после ротации	Наставник	Ознакомление с новыми аспектами и критериями работы; с новым кругом профессиональных функций и задач
		Руководитель	Оценка по результатам работы

В процессе продвижения по карьерной лестнице работникам необходима социально-психологическая адаптация вследствие расширения сферы профессиональных обязанностей, востребованных знаний. Адаптация может включать такие сложные технологии, как коучинг и консалтинг; посещение курсов для молодых руководителей, мастер-классов, конференций; деловые игры, совместное участие в общественных и культурных мероприятиях и др.

Мало используемый инструмент – неформальные группы адаптируемых, в которых наставник станет куратором и оказывает социально–психологическую поддержку в области неформальных отношений. Он вовлекает адаптируемых в группу; поддерживает установление связей и контактов; способствует обмену информацией, обсуждению проблемных ситуаций; участию в организации внерабочих мероприятий. Целесообразно организовать «посвящение в сотрудники банка», с принятием миссии, корпоративного кодекса.

Предлагаемые мероприятия имеют стратегическую направленность: обеспечивают непрерывность процесса адаптации при изменении профессионального статуса работника или его социального положения; неформальные группы адаптируемых способствуют трансляции корпоративной культуры; взаимодействие с наставником обеспечивает снижение напряженности в группе и предоставление обратной связи от работников об их восприятии процесса адаптации, о формировании образа организации в целом.

Литература:

1. Солоусова К.В. Реализация комплексного подхода к управлению адаптацией персонала организации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 2. - С. 34-38.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами: Пер. с англ. 8-е изд. СПб.: Питер, 2004. 543 с.
3. Аксенова Е.А. Стратегический ассесмент: как сформировать человеческий ресурс организационных изменений. М.: Аспект Пресс, 2008. 352с.
4. Управление человеческими ресурсами организации: теория, процессы, технологии: монография / Под ред. Михалкиной Е.В. – 2-е изд., перераб. и доп.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2013. – 428 с. – С. 208.

Молчанов И.Н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
д.э.н., профессор кафедры теории финансов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

По мере становления рыночной экономики государство, как регулятор общественных отношений, все чаще сталкивается с проблемами, решение которых требует привлечения существенных финансовых, управленческих и человеческих ресурсов. В условиях недостаточности бюджетных средств в ряде отраслей, находившихся ранее в сфере исключительно государственной ответственности (таких как транспорт, электроэнергетика, высокотехнологичное производство, ВПК, а также отрасли социальной сферы - здравоохранение, наука и образование), в настоящее время происходит привлечение ресурсов предпринимательских структур, начинает эффективно функционировать частный сектор, заключаются соответствующие договоры между различными участниками экономической деятельности для удовлетворения общественных потребностей. Одной из форм партнерских отношений между государством и бизнесом является государственно-частное партнерство (ГЧП).

Приведем наиболее известные зарубежные формулировки ГЧП: например, общее понятие дается Международным валютным фондом (МВФ): ГЧП – это соглашение, в рамках которого частный сектор предоставляет инфраструктурные активы и услуги, которые традиционно обеспечиваются государством. Из этого следует, что ГЧП ограничивается инфраструктурными проектами, реализуемыми в контрактной форме. Согласно трактовке Всемирного банка, сфера применения ГЧП значительно шире и распространяется на такие социально значимые сферы как образование, здравоохранение и др. На уровне Европейского сообщества к ГЧП относятся кооперационные формы между государственными властями и бизнесом, которые имеют целью обеспечение финансирования, строительства, модернизации, управления, содержания инфраструктуры или предоставления услуг.

В качестве признаков ГЧП можно указать следующие.

Во-первых, сторонами отношений выступают государство и частный бизнес, при этом отношения имеют долгосрочный характер;

Во-вторых, взаимодействие сторон закрепляется на юридической основе (соглашения, контракты и др.), при этом наблюдается большое разнообразие форм ГЧП;

В-третьих, в целях соблюдения баланса интересов сторон их взаимодействие имеет равноправный характер;

В-четвертых, ГЧП имеет общественную направленность, целью которой является выполнение государственных задач;

В-пятых, в рамках ГЧП объединяются финансовые и иные ресурсы сторон, вследствие чего имеет место привлечение частных инвестиций;

В-шестых, характерным является разделение рисков и ответственности сторон, причем риски возлагаются на ту сторону, которая может более эффективно их покрыть;

В-седьмых, взаимодействие сторон ориентировано на внедрение инновационных технологий и методов управления.

В литературных источниках отражаются такие аспекты, как формы взаимоотношений государственной и частной сторон; описание сторон, участвующих во взаимоотношениях; цели, принципы и конкретные способы реализации ГЧП.

Обобщая изложенное, следует остановиться на определении понятия ГЧП, которое учитывает перечисленные выше аспекты взаимоотношений между государством и бизнесом: «ГЧП – это юридически оформленная система отношений государственных (муниципальных) органов власти или учреждений и частных лиц, в рамках которой реализуются общественно значимые проекты или мероприятия с использованием государственного (муниципального) имущества, основанная на распределении между сторонами полномочий, рисков, финансовых затрат и ответственности в целях повышения эффективности выполнения государством своих функций [1, с. 21]. Данное определение включает возможные формы реализации ГЧП, используемые на практике, носит универсальный характер и может быть применимо для различных отраслей экономики.

Как правило, ГЧП-проекты ориентированы на рассмотрение задач, связанных с решением социальных вопросов, оказанием услуг населению, в том числе в сфере ВПО, развитием государственной и муниципальной собственности. Существенным преимуществом ГЧП-проектов выступает долгосрочный характер партнерских отношений, являющийся залогом устойчивого развития. Такое партнерство позволяет организовать продуктивную деятельность, благодаря возможности привлечения ресурсов частного сектора даже в тех отраслях экономики, которые являются малоприбыльными или непривлекательными с точки зрения потенциальных инвесторов.

В России становление института ГЧП происходит эволюционно, с учетом социально-экономического положения регионов и финансового состояния хозяйствующих субъектов. Правовые основы ГЧП находятся в стадии формирования.

Целью ГЧП в сфере ВПО является создание таких финансовых и других ресурсных условий, которые способствовали бы росту эффективности и конкурентоспособности отечественной высшей школы, инвестиционной привлекательности и росту финансового потенциала вузов, а также обеспечению предоставления обществу социально значимых услуг при сохранении их высокого качества и доступности.

Среди задач, которые необходимо решить для достижения данной цели, можно выделить следующие: содействие развитию материально-технической базы и финансового потенциала вузов, создание условий для привлечения частных инвестиций в сферу ВПО, подготовка мер по поддержанию высокого качества услуг, оказываемых в рамках сферы ВПО, формирование отношений сотрудничества в проведении научно-исследовательской деятельности, обеспечение доступа всех слоев населения к услугам ВПО.

При анализе участников ГЧП в сфере ВПО, необходимо четко определить роль и функциональное взаимодействие государственных и предпринимательских структур. В региональном законодательстве содержатся элементы правового регулирования соответствующих процедур. Так, в рамках партнерства целесообразно представление общественных интересов субъектами РФ, на стороне которых могут выступать и муниципальные образования в лице уполномоченных органов местного самоуправления.

Предпринимательские структуры могут представлять отечественные или иностранные юридические и физические лица, а также индивидуальные предприниматели, коммерческие и некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, приносящую доход [2, ст.2, п.2; 3, ст.4].

Следует отметить, что в отечественной науке ГЧП, в основном, рассматривается как взаимоотношения государства и бизнеса. Тем не менее, при анализе концепции ГЧП применительно к сфере ВПО, представляется целесообразным структурировать данную категорию и включить в рассмотрение потребителей образовательных услуг, а также вузы – как участников отношений, возникающих при реализации ГЧП-проектов. Последние можно рассматривать в качестве инструмента реализации государственных функций и политики в сфере ВПО [4].

Представители предпринимательских структур, взаимодействуя с вузами, предоставляют различные ресурсы, например финансовые (для строительства и развития образовательной инфраструктуры, выплаты стипендий и грантов) и людские (при реализации ГЧП-проектов в области организации спецкурсов, семинаров и т.д.). Взамен вузы предоставляют бизнесу научные разработки, обеспечивают высококвалифицированными кадрами и способствуют формированию новых субъектов рынка, т.е. предприятий, организованных как отдельный бизнес, но созданных на основе разработок студентов в рамках вузовской научной деятельности, в том числе благодаря поддержке венчурных фондов и технопарков. Тем не менее, в отличие от государства, бизнес-сообщество заинтересовано, в основном, в развитии прикладной науки (однако, существуют различные фонды, содействующие развитию фундаментальной науки, например, РФФИ) и финансировании конкретных проектов.

Органы власти и управления в рамках партнерства разрабатывают приоритеты и стандарты образовательной политики (а также привлекают для участия в этой деятельности представителей предпринимательских структур). Именно они стимулируют развитие фундаментальной науки, результаты которой прогнозировать весьма затруднительно, в то время как предпринимательские структуры акцентируют свое внимание, прежде всего, на прикладных аспектах. Кроме того, государство предоставляет вузам свои ресурсы (финансовые, земельные и т.д.), а они взамен обеспечивают государственный сектор кадрами, обладающими соответствующим уровнем подготовки [5].

Анализируя продуктивность ГЧП и взаимоотношения между властными и предпринимательскими структурами, нельзя не упомянуть об обществе, представители которого являются конечными потребителями образовательных услуг [6]. Так, вузы, в том числе благодаря ГЧП, при взаимодействии с общественными организациями, создают возможности для развития и самореализации индивидов. Общество, со своей стороны, формирует спрос на те или иные образовательные услуги, оценивает их с точки зрения престижности, и высказывает предпочтения либо критику по поводу существующей системы образования.

Выполненный анализ приводит к заключению, что приоритет во взаимодействии органов власти и управления с предпринимательскими структурами отдан государству в силу специфики самой образовательной услуги, продукт которой является социально значимым общественным благом. Государство в данном случае выступает не только как одна из сторон взаимодействия, но и как гарант соблюдения всех пунктов соглашения, включая предоставление преференций в части неухудшения коммерческих условий соглашения.

Формирование концепции ГЧП и ее использование в российской практике объективно связано с инновационным развитием экономики, которое оказывает влияние на характер спроса на рынке труда. Повышается востребованность в рабочих профессиях, корректируется потребность в кадрах для вновь создаваемых и реконструируемых объектов, что ведет к изменению структуры спроса на работников определенных профессий и квалификации. Рассматривая ГЧП в рамках сферы ВПО, важно учитывать многосторонние связи и взаимозависимости различных участников данной деятельности. ГЧП выступает необходимым элементом успешного развития отечественной системы ВПО, которая в свою очередь является неотъемлемой частью деятельности по исполнению проектов, в том числе реализуемых в рамках ГЧП. Именно преимущества рыночных механизмов, дополненные государственным регулированием и контролем, создают необходимые условия для эффективного функционирования сферы ВПО.

Литература:

1. Литвяков С.С. Государственно-частное партнёрство: сущность и формы // Финансы, 2013, № 9. С. 20-24.
2. О государственно-частном партнерстве в Курганской области: Закон Курганской области от 02.11.2009 N 495 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О государственно-частном партнерстве в Томской области: Закон Томской области от 04.12.2008 N 240-03 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнерство как механизм стимулирования развития сферы высшего профессионального образования // Вопросы управления. 2012. № 2 (2). С. 150-157.
5. Молчанов И.Н. Формирование и оценка потенциала сферы образования в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 406-410.
6. Тургель И.Д. Российский опыт формирования открытого бюджета: проблемы и перспективы // Муниципалитет: экономика и управление. 2013. № 2 (5). С. 24-32.

Молчанова Н.П.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
д.э.н., доцент,
профессор кафедры теории финансов*

ФИНАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

В рыночной экономике сфера образования призвана обеспечивать устойчивый рост качества жизни населения и рассматривается как одна из основных отраслей сферы услуг. Доступность профессионального образования, обеспечение сбалансированного функционирования его важнейших ступеней являются ключевыми факторами, оказывающими влияние на формирование качественных характеристик человеческого капитала [1].

В практическом осуществлении стратегических направлений государственной политики в сфере образовательной деятельности активно участвуют российские регионы (субъекты РФ). Например, в Ростовской области ведется интенсивная работа по развитию форм социального партнерства, совершенствованию финансирования учебных заведений. Особое внимание уделяется приданию нормативного характера многосторонним договорам между представителями бизнеса, образовательными учреждениями, муниципалитетами, Минобразования области. Проводимые меры способствуют реализации Федеральной и региональной целевых программ развития образования, мероприятий по улучшению демографической ситуации, созданию независимой системы оценки качества обучения, реструктуризации сети сельских школ.

Образовательный комплекс Ростовской области включает в себя около трех тысяч учреждений образования различных организационно-правовых типов, видов и форм, и является одним из крупнейших в Российской Федерации. Это позволяет потенциальным абитуриентам выбрать любую из массовых профессий и специальностей, востребованных рынком труда, получить необходимую квалификацию. Согласно статистическим данным за 2013 год, образовательная сфера стоит в структуре занятости населения на втором месте после обрабатывающих производств. Всеми формами обучения и воспитания охвачено в регионе около 1 млн. чел. Среднесписочная численность работающих (без внешних совместителей и работников несписочного состава) по виду деятельности «Образование» составляет более 138 тыс. чел.

Вступивший в силу с 1 сентября 2013 года Закон «Об образовании в Российской Федерации» позволяет упорядочить и модернизировать нормативную правовую базу исходя из приоритетных направлений развития образования и учета потребностей граждан [2]. В настоящее время формируется эффективный механизм регулирования отношений в сфере образования. Он направлен на реализацию прав граждан, обеспечение государственной поддержки, и позволяет закрепить гарантии обучающихся на получение качественного образования.

В этой связи, следует акцентировать внимание на наличии накопленного в регионах положительного опыта применения программно-целевого подхода для улучшения деятельности по обучению подрастающего поколения. Например, в Ростовской области разработана и реализуется начиная с 2014 года государственная программа «Развитие образования». Ее целью является обеспечение высокого качества образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития общества и экономики донского региона. Объем финансирования мероприятий государственной программы запланирован до 2020 года в сумме 239984453,7 тыс. руб. При этом, средства областного бюджета составляют 98,27% в общем объеме финансовых ресурсов, местных бюджетов – 0,11%, внебюджетных источников – 1,62% [3].

Мероприятия государственной программы распределены по трем подпрограммам: «Развитие общего и дополнительного образования»; «Развитие профессионального образования»; «Обеспечение реализации государственной программы Ростовской области «Развитие образования» и прочие мероприятия». Первая и вторая подпрограммы соответствуют уровням образования и предусматривают меры, направленные на расширение доступности, повышение качества и эффективности образовательных услуг в общем, дополнительном и профессиональном образовании. Третья подпрограмма содержит набор системных действий, способствующих повышению эффективности управления в целом системой образования.

Следует подчеркнуть, что объемы финансирования государственной программы носят прогнозный характер, а практическое исполнение программных мероприятий сопряжено с определенными рисками. Как представляется, в условиях макроэкономической нестабильности возрастает актуальность поиска дополнительных источников финансирования инвестиционных проектов в составе названных подпрограмм. К основным рискам реализации государственной программы Ростовской области «Развитие образования» можно отнести: финансово-экономические риски – недофинансирование программных мероприятий, в том числе – со стороны муниципалитетов; организационные и управленческие риски – недостаточная проработка вопросов, решаемых в рамках государственной программы, недостаточная подготовка управленческого потенциала, неадекватность системы мониторинга реализации государственной программы, отставание от сроков реализации мероприятий.

В целом, финансовое обеспечение отрасли «Образование» осуществляется за счет средств федерального, регионального и местных бюджетов, а также внебюджетных источников. Необходимо подчеркнуть важную роль Минобразования Ростовской области, которое является главным распорядителем средств областного бюджета, выделяемых на финансовое обеспечение мероприятий в области образования. Кроме этого, в соответствии с Федеральным законом от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных учреждений», с 1 января 2012 года произошли позитивные изменения порядка финансирования образовательных учреждений [4; 5].

Необходимым условием для обеспечения динамичного экономического роста и социального развития на региональном уровне управления является модернизация системы профессионального образования. Возрастает актуальность формирования системы непрерывного профессионального образования, создания регионального сегмента системы сертификации квалификаций, разработки и реализации модульных программ. Такой подход позволяет максимально эффективно использовать человеческий потенциал и создавать условия для самореализации граждан в течение всей жизни.

На взгляд автора, необходимо более полно учитывать потребности рынка труда и рынка образовательных услуг. Например в педагогических колледжах целесообразно дополнительно открывать новые специальности по востребованным направлениям подготовки: «Социальная работа», «Информатика и вычислительная техника», «Сфера обслуживания». Это позволит повысить уровень трудоустроенной молодых специалистов в учреждения образования, региональные организации социальной сферы и улучшить качество их деятельности.

В целях обеспечения непрерывности профессионального образования следует активизировать разработку и реализацию сокращенных профессиональных образовательных программ для получения выпускниками педагогических колледжей высшего образования по профилям подготовки «Преподавание в начальных классах» и «Дошкольное образование». Это поможет обеспечить региональные системы востребованными кадрами высокого уровня квалификации [6].

Одновременно, существует потребность в систематизации работы по заключению долгосрочных договоров о социальном партнерстве между организациями профессионального образования и предприятиями – заказчиками кадров; проведении реструктуризации сети организаций начального и среднего профессионального образования в целях повышения эффективности использования материально-технических, финансовых, кадровых ресурсов [7]. Реструктуризацию можно осуществлять различными путями: посредством укрупнения организаций профессионального образования, как по горизонтали, так и по вертикали, изменения их типа и вида, оптимизации филиалов. Названные выше меры, в случае их практической реализации, позволят обеспечить инновационную экономику российских регионов востребованными кадрами рабочих и специалистов со средним профессиональным образованием. В целом, современный период характеризуется динамичными изменениями, происходящими в сфере образования, которые создают предпосылки для дальнейшего успешного функционирования региональной экономики и направлены на обеспечение стабилизации социально-экономического положения России.

Литература:

1. Молчанов И.Н. Потенциал высшего профессионального образования: теоретико-методологические основы исследования: монография. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2008. – 245 с.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный Закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие образования: Постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 596 [электронный ресурс]. URL: <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=123106> (дата обращения 11.10.2014)
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений Федеральный Закон от 8 мая 2010 г. N 83-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Тургель И.Д. Формирование «Открытого бюджета» в Российской Федерации: долгосрочные планы и первые результаты // Вопросы управления. 2014. № 3. С. 23-30.
6. Тургель И.Д. Межмуниципальное сотрудничество в РФ: опыт экономико-статистического анализа //Муниципалитет: экономика и управление. - 2014. № 1 (6). - С. 35-40.
7. Молчанов И.Н., Дмитриева Е.А. Государственно-частное партнерство как механизм стимулирования развития сферы высшего профессионального образования //Вопросы управления. - 2012. № 2 (2). С. 150-157.

Мосявич О.В.

соискатель кафедры социального права

Истомина Е.А.

к.ю.н., доцент

Уральский институт управления – филиала РАНХиГС

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАЩИЩЕННЫХ СЛОЕВ ГРАЖДАН

Социальное обеспечение осуществляется посредством оказания гражданам, в том числе государственной поддержки, которая в свою очередь представляет собой законодательно закрепленные дополнительные меры по социальной защите прав незащищенных слоев граждан (детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, инвалидов, пожилых граждан и т.д.) с целью создания им равных условий, обеспечивающих достойное и социально приемлемое качество их жизни.

Абстрагируясь от целей социальной поддержки, поговорим о её видах. В науке выделяют множество классификаций, наиболее развернутая, на мой взгляд, приведена Никишиной Е.С., которая выделяет следующие виды государственной поддержки:

- согласно территориальным ограничениям – общенациональная (осуществляется на всей территории РФ), региональная (реализуется в конкретном субъекте РФ) и муниципальная (распространяется только на муниципальное образование) господдержка. Все они могут действовать одновременно, но муниципальная поддержка не может превышать региональную, а региональная федеральную.

- согласно уровню охвата населения - приравненная (единая) и дифференцированная поддержка. Под единой поддержкой понимают, что субъекты определенной сферы деятельности имеют равные возможности для ее получения (например, работники вредных производств). Данный вид поддержки стандартен (т. е. уже выработан перечень определенных мер и услуг) и он не будет изменен исходя из возникающих обстоятельств. Дифференцированная поддержка - это когда помощь оказывается определенным категориям населения, которые непосредственно нуждаются в государственном вмешательстве (при этом дифференцированная господдержка включает в себя такие разновидности как адресная и категориальная поддержка). В целом такая поддержка реализуется в виде льгот и услуг, ежемесячных выплат, единовременных компенсаций и доплат к государственным пособиям.

- согласно возрастным ограничениям - ювенальная (поддержка детей, подростков и молодежи до 25 лет), поддержка лиц трудоспособного возраста и поддержка лиц, достигших пенсионного возраста.

- согласно сроку действия - долговременная (или постоянная), среднесрочная и краткосрочная (или разовая) господдержка.

- согласно форме проявления - материальная, правовая, моральная, психологическая, информационная и иные виды поддержки [1].

Я бы выделила ещё ряд критериев, по которым можно разграничивать виды мер социальной поддержки:

- по основаниям предоставления мер социальной поддержки: достижение человеком высокого уровня в какой-либо сфере (предоставление льгот в данном случае выступает в качестве поощрения за его заслуги) и возникновение жизненных обстоятельств демографического либо биологического характера (наличие детей в семье; многодетность; неполнота семьи; одиночество; сиротство; инвалидность) [2, с. 27].

- по субъектному составу: поддержка, оказываемая детям-сиротам, инвалидам, многодетным и малообеспеченным семьям, ветеранам, безработным, матерям-одиночкам и семьям воспитывающих детей-инвалидов.

- отраслевая классификация социальной поддержки выражается в том, что правовое регулирование описываемых правоотношений не сводится к праву социального обеспечения, а в том числе базируется на трудовом, гражданском, жилищном законодательстве.

Формы социальной поддержки, обозначенные Никишиной Е.С., можно смело детализировать на виды и выделить классификацию Шайхатдинова В.Ш. по содержанию:

- права на первоочередное удовлетворение потребностей отдельных категорий граждан по сравнению с аналогичными потребностями других лиц (в жилье, медицинском обслуживании и др.);

- повышения размеров обеспечения по сравнению с общеустановленными нормами (инвалидам ВОВ, участникам ВОВ, чернобыльцам и др.);

- продления срока предоставления того или иного вида обеспечения;

- снижения общеустановленных требований для приобретения права на получение вида социального обеспечения;

- освобождения отдельных категорий граждан от оплаты социальных услуг, налогов и др.;

- натуральной выдачи;

- выплаты материальной помощи [2, с. 410].

Рассмотрим некоторые классификации на примере социальной поддержки, оказываемой детям-сиротам (детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа) и инвалидам.

Как известно названные правоотношения регулируются Федеральным законом от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [3] и Федеральным законом от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [4].

Несмотря на преследование в нормотворчестве законодателем единой цели, выражавшейся в создании благоприятных условий для жизнедеятельности лицам из социально незащищенных слоев общества посредством оказания им мер социальной поддержки и предоставления дополнительных гарантий, указанная поддержка весьма многогранна и имеет множество видов и особенностей.

Так, анализируя выше перечисленные нормативные правовые акты, детям-сиротам и инвалидам предоставляются практически идентичный набор дополнительных гарантий, таких как права на образование, медицинское обслуживание, обеспечение жилой площадью, права на труд. Однако законодатель вполне обоснованно предоставил инвалидам в силу физических особенностей больший спектр льгот, нежели детям-сиротам. Это и обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов к информации, к объектам социальной инфраструктуры, назначение ежемесячной денежной выплаты, социально-бытовое обслуживание. Более того, для инвалидов расширены и те льготы, которые предоставляются большинству граждан. Речь идет о льготах в конституционных правах на жилище и труд.

В частности, дополнительные гарантии права на труд для детей-сирот выражаются исключительно в возложении обязанности на органы государственной службы занятости населения обязанности осуществления профориентационной работы с указанными лицами и обеспечение диагностики их профессиональной пригодности с учетом состояния здоровья [4, ст. 9]. Напротив, законодатель обеспечению занятости инвалидов уделил куда как больше внимания, предоставив им массу льгот в указанной сфере:

1) установление в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;

3) резервирование рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;

4) стимулирование создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов;

5) создание инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов;

6) создание условий для предпринимательской деятельности инвалидов;

7) организация обучения инвалидов новым профессиям [3, ст. 20].

Аналогичная ситуация прослеживается и в праве на жилье. И инвалидам и детям-сиротам предоставляются отдельные жилые помещения, обоим категориям граждан жилье предоставляется во внеочередном порядке. Однако, если целью обеспечения нормального существования для детей-сирот законодатель ставит лишь предоставление жилья, то проявляя заботу об инвалидах, не забывая об их неспособности к полноценному труду, предоставляет им льготу в том числе и по оплате за жилищно-коммунальные услуги, выразившееся в пятидесятипроцентной скидке на их оплату.

Таким образом, соглашаясь с позицией Шайхатдинова В.Ш., резюмирующего, что с юридической точки зрения льгота рассматривается как прием дифференциации в правовом регулировании общественных отношений [2, с. 410], можно сделать вывод о безусловном наличии в вопросах социальной поддержки как единства, так и дифференциации. Единство целей создания равных со всеми условий для жизни граждан, нуждающихся в повышенном внимании со стороны государства, сосуществует с дифференциацией правового регулирования правоотношений по оказанию социальной помощи незащищенным слоям общества, явно прослеживающейся в многообразии видов, форм и оснований предоставления льгот.

Литература:

1. Никишина Е.С. Государственная поддержка незащищенных слоев населения в условиях становления социального государства: автореферат диссертации. 2012 [сайт] URL: <http://www.pandia.ru/text/77/102/94.php>.

2. Право социального обеспечения: учебник для бакалавров / под. ред. В.Ш. Шайхатдинова. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2013. — 654 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ", 27.11.1995, № 48, ст. 4563.

4. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // Собрание законодательства РФ", 23.12.1996, N 52, ст. 5880.

Москалевич Г.Н.

*Белорусский государственный экономический университет
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин*

КОНКУРЕНЦИЯ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Одним из аспектов процессов глобализации является трансформация социокультурного пространства. Это связано с тем, что все изменения, происходящие вокруг нас, так или иначе, касаются непосредственно человека и общества в целом. Так, экономические преобразования в обществе определенным образом влияют на мировоззрение человека, могут оказать воздействие на нравственную оценку изменившихся условий жизни человека, поменять его идеалы и ценности. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать все, что происходило с нами и нашим мышлением после так называемой «перестройки». Хотя этот процесс я бы так не называла. Перестройка, переделка чего-то не подразумевает уничтожение уже созданного, а имеются в виду обновление, реформирование, модернизация и т.п. Здесь же рушилось все.

Разрушалась не только экономика, но и наша идеология, нравственность, традиции, веками создаваемые и почитаемые в народе. На смену приходили чуждые нам взгляды, обычаи и даже праздники. По этому поводу остроумно высказывается известный сатирик Михаил Задорнов.

Формирование международных правительственных и неправительственных организаций (ОДКБ, ЕАЭС, ГУУАМ, ШОС, СНГ и др.) свидетельствует о трансформации общественного устройства и функций государства. Сегодня отношения между странами, входящими в данные объединения, зависят от взаимодействия в интеграционных объединениях в различных областях жизни общества: экономической, политической, научной, технологической и других.

Структурные изменения функционирования государства в рамках глобализации вызывают изменения в духовной структуре общества. В связи с этим Н. Элиас отрицает существование социальных объектов, имеющих постоянный и неизменный характер, несмотря на то, что в научной литературе встречаются и противоположные точки зрения [1].

По мнению английского социолога Г. Спенсера, регуляцию разных сфер человеческой деятельности и организацию их в систему ролей и статусов осуществляют социальные институты [2].

В условиях экономической и социальной трансформации общества возрастает роль интеллектуальной деятельности членов общества, непосредственно связанной с внедрением инноваций. Соответственно возникла и потребность в людях, отличающихся инновационным поведением, стремящихся к созданию новшеств, улучшающих жизнь человека и общества в целом.

Распространение сложных инновационных промышленных продуктов и технологий иногда происходит в организационной форме «франчайзинга» или «лизинга». Чаще действует человеческий фактор: один из способов внедрения инноваций – это их перенос из одних обществ в другие (трансферт технологий).

Инновационная деятельность, технический прогресс, усиление важности технологических факторов находят свое отражение в соответствующем качественном преобразовании социальных структур и самого общества.

Стремление к внедрению инноваций, увеличение количества людей, отличающихся инновационным поведением, создает в их среде конкуренцию в области инновационной деятельности.

В Модельном законе «О конкуренции» дается следующее определение конкуренции: это состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке [3].

Необходимость развития конкуренции в инновационной сфере мотивирована следующими ее аспектами. Конкуренция:

- является главным фактором восприимчивости общества к техническим новшествам и инновационным технологиям;
- стимулирует инновационное поведение предпринимателя, вынуждая его находиться в постоянном поиске новых видов продукции (товаров и услуг), востребованных обществом;
- обеспечивает ускоренное внедрение научно-технического прогресса в производство;
- способствует освоению новых технологий, позволяющих выпускать продукцию и оказывать услуги более высокого качества;
- нацеливает производство на удовлетворение рыночного спроса;
- обеспечивает более полное удовлетворение потребностей потребителей в разнообразной высококачественной продукции и услугах;
- стимулирует разработку и использование наиболее эффективных способов производства;
- вынуждает быстро и эффективно реагировать на все происходящие изменения экономики;
- обеспечивает высокий доход предпринимателям, которым присуще инновационное поведение;
- охраняет потребителей от диктата производителей;
- помогает бороться с монополией.

Борьба с монополией является главным условием, способствующим развитию конкуренции.

Конкуренция побуждает предприятия различных форм собственности вступать в состязание между собой. Стремясь победить в нелегкой борьбе, занять достойное место на рынке товаров и услуг, предприятия увеличивают и разнообразят свои предложения на рынке.

В рыночных условиях хозяйствования формирование конкурентной среды сопровождается развитием договорных отношений между субъектами инновационной деятельности, которая охватывает многих участников и многие заинтересованные организации. У всех у них разная инновационная активность – в соответствии с поставленными целями и задачами.

Конкуренция и инновационные отношения тесно взаимосвязаны. Инновационные отношения порождают конкуренцию, а результаты инновационной интеллектуальной деятельности являются действенным средством в конкурентной борьбе. Конкуренция – это стимул для инновационной активности, при этом трансферт технологий становится средством проникновения в организацию новых идей.

Инновации являются главным средством обеспечения конкурентоспособности продукции предприятия.

Для осуществления инноваций необходим кадровый потенциал, определяющий уровень профессиональной квалификации персонала организации. Качество персонала является важным фактором развития инновационной активности на предприятии. Если качество рабочей силы высокое (высокий образовательный уровень, квалификации персонала), то и использование производственных ресурсов осуществляется более эффективно. Причем креативная способность персонала воспринимать новые идеи, появившиеся на рынке товаров и услуг, имеет не меньшее значение при внедрении инноваций.

При высоком качестве персонала и его креативной способности появляется возможность осуществлять собственные НИОКР или копировать новые продукты у других фирм, заключать договора на проведение НИОКР сторонней организацией, приобретать лицензии на право производства продукции (оказания услуг); приобретать технологии, ноу-хау и другую интеллектуальную собственность; осуществлять инвестиции в предпринимательскую деятельность.

Развитие инновационного предпринимательства немислимо без наличия в обществе инновационно настроенных людей, чутко и оперативно реагирующих на все достижения в инновационной деятельности.

Предприятие, которое придерживается инновационного типа конкурентного поведения, делает ставку на креативность персонала, создающего и реализующего конкурентоспособные товары и услуги. Конкуренция побуждает инновационных предпринимателей активно участвовать в формировании рынка инноваций.

Литература:

1. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования / Н. Элиас. – В 2-х т. – Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. - М.; СПб., 2001. - 381 с.
2. Спенсер, Г. Научные, политические и философские опыты / Г. Спенсер; пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. - Минск: Совр. литератор, 1998. - 1407 с.
3. Модельный закон «О конкуренции»: Решение совета Евразийской экономической комиссии от 9 октября 2013 г. № 66 // Сайт Евразийской экономической комиссии. – Режим доступа: www.eurasiancommission.org.

Москаленко М.Р.

*к.и.н., доцент кафедры истории науки и техники,
Уральский федеральный университет*

Кропанева Е.М.

*к.ф.н., доцент кафедры психологии и педагогики
Уральский государственный медицинский
университет*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Концепция прав человека в современном обществе является одним из ключевых социальных идеалов его развития. Тематика реализация прав личности стала предметом обсуждения политиков, общественных деятелей, журналистов, интеллектуалов, да и практически всех мыслящих людей. В системе прав человека особое значение продолжают иметь социально-экономические права, поскольку именно от их реализации во многом зависит благосостояние общества.

Изначально конституции и иные основополагающие законодательные акты XVIII-XIX вв. ограничивались перечнем гражданских и политических прав, а экономические и социальные права лишь выборочно назывались и рассматривались как побочный продукт действия первых. Разрыв между бедностью и богатством, уровнем образования элиты и масс, «рабочий вопрос», «женский вопрос», «национальный вопрос» и многие другие общественные проблемы в индустриальной цивилизации ощущались еще острее, чем в традиционно устойчивом сословном обществе. Стремительное развитие индустриального общества в конце XIX – нач. XX вв. и сопутствующие этому явления (рост образованности населения, социальные движения рабочих и др.) привело к тому, что на повестку дня выходят проблемы социально-экономических прав (права второго поколения). Признание этих прав происходило в острой борьбе, имевшей не только социальное, но и правовое содержание: фактически, речь шла о радикальном изменении самой концепции права.

Конституционное закрепление социально-экономических прав шло довольно своеобразным путем. Пионером в этом процессе оказалась Мексика. Политическая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов была в 1917 г., и в разделе «О труде и социальном обеспечении» регламентировала охрану труда, провозгласила социальное обеспечение, установив пенсии по инвалидности и старости, различные виды льгот и пособий, минимальные гарантии медицинского обслуживания и т.п. [1]. И здесь оказалось, что реализовать социальные права в полном объеме значительно труднее, чем права первого поколения, ибо для этого нужна высокоразвитая экономика. Следовательно, объем и степень реализации социальных прав, в отличие от гражданских и политических прав, во многом зависят от состояния экономики и обеспечиваются постепенно. Реализация социальных прав требует больших материальных затрат, тогда как гражданские или политические менее обременительны для государственной казны [2, с. 47].

Следующими, включившими широкий перечень не только личных и политических, но и социально-экономических прав, были Веймарская конституция Германии 1919 г., Румынии (в ред. 1923 г.), Чехословацкой Республики 1920 г., Республики Польши 1921 г., Королевства сербов, хорватов и словенцев 1921 г., Испанской Республики 1931 г. Таким образом, процесс включения прав человека в конституции со стадии либерализации и демократизации постепенно перешел на стадию социализации. Это означало, что классический подход к правам человека, связанный с утверждением идеи свободной, автономной и сильной личности, претерпел существенные изменения, права человека расширили свое социальное пространство и заставили государство обратить внимание на социально слабые слои населения. На смену классической картине прав человека пришла неклассическая версия, в которой «правами» личности были названы наряду с гражданскими и политическими свободами социальные обязательства государства. В новой схеме в части, касающейся социально-экономических прав, индивид оказался вновь зависимым (хотя и на ином уровне) от государства [3, с. 100]. Однако социальная политика в данных государствах была прервана экономическим кризисом 1929-33 гг. и последующей мировой войной. Следует отметить, что особую роль в юридическом закреплении социально-экономических прав сыграла и Конституция СССР 1936 г.

К середине XX в. права человека, в том числе и социально-экономического характера, получили мировое признание. Они были провозглашены во всех конституциях, принятых после Второй мировой войны, а также в таких важных международных правовых документах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская социальная хартия (1961), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и др. Но так как реализация социально-экономических прав находится в зависимости от уровня и состояния финансово-экономических возможностей конкретного государства, в настоящее время их гарантированность в объемах, единых для всех стран, проблематична. Вот почему эти права чаще всего получают в законодательстве широкие, нестрогие, рекомендательные (если не расплывчатые) формулировки: право на «справедливые и благоприятные условия труда», «достаточный жизненный уровень», «общее благосостояние», «справедливое распределение мировых запасов продовольствия» и т.д.

Важным фактором для реализации социально-экономических прав стала концепция «государства всеобщего благоденствия», появившаяся на Западе в 1960-е гг. Отметим, что идея государства благоденствия и сам этот термин впервые появился в общественно-политической жизни Германии в 1880-е гг. Стремясь ослабить влияние социал-демократов, правительство О. фон Бисмарка подготовило тогда серию законов о страховании рабочих промышленных предприятий. Как указывалось в правительственном заявлении по этому поводу, лечение социальных недугов требует применения не только репрессивных мер против социал-демократов, но и заботы о «благосостоянии рабочих» [4, с. 74].

Социальные права – это согласованные и признанные мировым сообществом в целом, закреплённые в законодательстве большинства современных государств минимальные правовые нормы-стандарты прав человека в социальной сфере, предусматривающие такие условия жизни, которые позволяют каждому свободно поддерживать и развивать свою человеческую природу [5, с. 39]. В отличие от большинства прав первого поколения, которые даны человеку по природе и которые государство обязано лишь защищать, большинство социальных прав могут быть предоставлены и защищены только обществом и государством. «По существу, они выступают как определенные требования к власти и являются обязанностями государства, прежде всего в том, что касается поддержания самой жизни индивида и его

социальной обеспеченности, достоинства и духовного развития личности» [6, с. 42]. Еще А.С. Пигу в 1920 г. писал: «Благосостояние народа зависит от двух основных факторов: во-первых, от уровня «национального дивиденда» (национального дохода), а во-вторых, от качества и справедливости распределения «национального дивиденда» [7; с. 98]. Социальные права требуют от государства относиться к социальным программам более серьезно, а не только как к политическим декларациям.

Именно реализация прав социально-экономического характера является одной из актуальных задач в современном российском обществе, поскольку многие из них, будучи закрепленными в Конституции РФ 1993 г., носят декларативный характер: например, право на медицинское обслуживание (при платности подавляющего большинства медицинских услуг), образование (при том, что во многих школах с родителей постоянно собирают денежные взносы) и т.д. Все это создает нездоровую социально-психологическую атмосферу в обществе и подрывает доверие к власти в целом. Практическая необеспеченность данных права и социальные расколы в российском обществе могут содействовать росту экстремизма и нестабильности.

Литература:

1. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов. 5 февраля 1917 г. (с позднейшими изменениями). URL: http://www.vivamexico.ru/wp-content/uploads/2011/10/constitution_of_mexico_rus.pdf (дата обращения 20.10.2014)
2. Позднер Р.А. Цена обеспечения юридических прав // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1995. – № 3. – С. 43-53.
3. Глухарева Л.И. Права человека. – М.: Логос, 2002. – 176 с.
4. Пятков Н.А. Государства всеобщего благосостояния и теория прав человека // Философский словарь по правам человека. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2006. – С. 74-80.
5. Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. – СПб.: Юридический центр-пресс, 2003. – 404 с.
6. Трошкин Ю.В. Права человека. – М.: Упрполиграфиздат Администрации Моск. обл., 1997. – 245 с.
7. Пигу А.С. Экономическая теория благосостояния. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1985. – 511 с.

Мурсалимов А.А.

*Директор АУ ДПО Хмао-Югры «Институт развития образования»
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
соискатель*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕЗЕРВА В ОРГАНЫ ВЛАСТИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРА

Создание системы управленческого резерва в органах власти призвано отбирать и оперативно назначать на вакантные должности наиболее подготовленных для их замещения кандидатов. Однако, система подготовки управленческого резерва во многом препятствует их эффективному использованию для замещения должностей государственной и муниципальной службы [1].

С целью повышения эффективности государственной гражданской и муниципальной службы Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры принята целевая программа «Развитие государственной гражданской службы, муниципальной службы и резерва управленческих кадров в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2011 – 2015 годы».

В рамках реализации целевой программы автономного округа с целью обеспечения эффективности подготовки и оказания содействия в профессиональном развитии лиц, включенных в резервы управленческих кадров, автономным учреждением Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Региональный институт управления» определены приоритетные направления работы: диагностический модуль, образовательный модуль, коммуникативный модуль, экспертный модуль.

1. Диагностический модуль.

С целью выстраивания индивидуальной траектории подготовки управленческого резерва была организована оценка управленческих компетенций лиц, входящих в резерв, методом Ассесмент Центра[2].

Полученные итоги диагностики компетенций позволяют формировать индивидуальный план обучения участников резерва управленческих кадров.

Совершенствуя технологию развития управленческих компетенций, корректировка индивидуальных планов подготовки резервистов согласовывается с наставником.

2. Образовательный модуль.

Для лиц, включенных в резерв управленческих кадров для замещения должностей муниципальной службы в муниципальных образованиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в качестве приоритетных программ повышения квалификации были определены: «Личность руководителя в муниципальном управлении», «Управление проектами», «Управление мотивацией для руководителей», «Управление личной эффективностью», «Личность руководителя в муниципальном управлении».

Определяя направления совершенствования образовательного модуля, можно выделить следующие ключевые этапы.

Первый этап этого модуля связан с дистанционной формой обучения. Диагностика управленческих компетенций показала достаточно высокий уровень самоорганизации и теоретической подготовки лиц, состоящих в управленческом резерве. В рамках проекта «Кадровый капитал Югры» создается образовательный модуль с возможностью *дистанционного обучения*. Использование дистанционных форм в условиях сложной транспортной схемы округа особенно актуально для обучения муниципальных служащих: это экономит средства на командировочные расходы и не отрывает резервистов от работы. На официальном сайте АУ «Региональный институт управления» создаётся раздел для резервистов, где размещается информация о необходимости самостоятельного изучения определенных обучающих курсов и индивидуальный график с темами курсов для каждого резервиста из имеющихся ресурсов проекта «Кадровый капитал Югры». Лица, включенные в Резерв управленческих кадров, самостоятельно изучают темы и уроки, решают задачи, тренируются в решении кейсов. По окончании курса обучающийся через сайт АУ «Региональный институт управления» или по электронной почте запрашивает итоговый тест, который ему высылается на электронную почту. После решения теста, его проверки в АУ «Региональный институт управления» обучающемуся выдается сертификат о прохождении первого модуля.

Подчеркнем, что при всем удобстве использования дистанционных форм, оно оказывается только первым этапом обучающего модуля. Следующий шаг – очное обучение. Расширение практики диагностики управленческих компетенций позволяет сформировать заказ на новые обучающие программы, такие как, тренинги по управлению изменениями, синергетическому менеджменту и эмоциональному лидерству, поскольку именно лидерские компетенции, связанные с необходимостью работы в новом государственном менеджменте.

Другой формой индивидуализации процесса обучения управленческого резерва может быть использование технологий коучинга, наставничества, консультирования. Потребность в использовании этих современных форм стала очевидной, когда по инициативе Губернатора при назначении руководителей органов власти в отдельных сферах деятельности (например, социальная сфера) в автономном округе стали применяться такие технологии как Интернет-голосование, теледебаты, интернет-форум. Именно таким образом уже были отобраны кандидаты на должности директора Департамента спорта Югры, директора Департамента образования и молодежной политики Югры, главного врача окружной клинической больницы (при этом в двух случаях из трех победителями стали лица, включенные в Резерв управленческих кадров). Участие в теледебатах и иных инновационных кадровых технологиях требует формирования определенных компетенций. В целях отработки навыков общения с подчиненными и навыков успешной коммуникации предлагается лицам, с высоким уровнем развития компетенций выступить с публичной лекцией перед студентами ВУЗов по специальности «государственное и муниципальное управление» и/или коллегами, поучаствовать в конференциях с выступлениями, написать статью в СМИ или на управленческий портал.

Участнику резерва предлагается выбор одной из вышеуказанных форм модуля. После активного участия в одном мероприятии обучающемуся выдается сертификат о прохождении второго модуля.

3. Коммуникативный модуль.

Включает в себя встречи лиц, включенных в резервы управленческих кадров с представителями органов государственной власти. Встречи проводятся в форме «круглого стола», «семинара – мастерской», где проходит обсуждение актуальных вопросов. Особой популярностью у резервистов пользовались следующие проводимые в округе мероприятия. «Реализация государственной политики в сфере образования и молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», г. Ханты-Мансийск. Руководитель семинара - директор Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.«Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности», г.Ханты-Мансийск.Ведущий круглого стола - руководитель Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. «Взаимодействие законодательных и исполнительных органов государственной власти в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», г. Ханты-Мансийск. Ведущий круглого стола - председатель Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.«Социально – экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», г. Ханты-Мансийск

Ведущие круглого стола - заместитель директора Института природопользования «Югорского государственного университета», начальник управления социально-экономического развития Департамента экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Совершенствуя коммуникативный модуль, на наш взгляд, целесообразно создать постоянно действующий дискуссионный клуб, заседания которого устанавливаются в плановом регулярном режиме. Предполагается неформальное общение: это может быть выездное заседание клуба, либо иная неформальная обстановка.

После активного участия в одном мероприятии обучающемуся выдается сертификат о прохождении третьего модуля.

4. Экспертный модуль.

Цель модуля– самооценка, взаимооценка, проверка эффективности мероприятий, работа над личной эффективностью.Предлагается: расширить систему психологического тестирования (индивидуального и группового), включив проективные методики, элементы психоанализа, психолингвистического программирования, психологических тренингов с целью работы над личной эффективностью. По итогам модуля производится анализ роста профессионального мастерства и выстраивание личных перспектив. После активного участия в одном мероприятии обучающемуся выдаются итоги экспертной оценки и сертификат о прохождении четвертого модуля.

Удостоверение о повышении квалификации выдается только при наличии четырех сертификатов: дистанционного и очного этапов обучения, коммуникативного и экспертного этапа.

Предлагаемые новые формы работы с управленческим резервом позволят повысить эффективность системы подготовки кадров для органов государственной власти и местного самоуправления.

Литература:

1. Сароко А. Федеральный резерв управленческих кадров как элемент системы управления кадровым потенциалом органов государственной власти // Государственная служба, 2011. №3 (май-июнь). С. 25-30.

2. Чевтаева Н.Г., Мурсалимов А.А., Меркель К.Ю. Оценка компетенций кандидатов в процессе конкурсного отбора на государственную службу// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Москва, 2014. № 3. С. 198 – 209

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В ГОД КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ).*

События, которые разворачиваются в Украине, заставили россиян на время забыть, что 2014 год Указом Президента РФ от 22.04.2013 г. № 375 объявлен в России Годом культуры. А, по словам профессора Гарвардского университета, политолога Джозефа Ная, который впервые ввёл в оборот термин «мягкая сила» (англ. soft power) язык и культура страны – это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. [1]

По просьбе председателя госсовета Республики Крым Владимира Константинова, который направил властям Челябинской области и других регионов страны обращение с просьбой об оказании благотворительной помощи переселенцам с Украины, на 14 августа в Челябинск прибыли более 4000 вынужденных переселенцев с Украины, а в УрФО в целом, более 13000 человек. [2] Насколько же население региона готово к проявлению толерантности и гуманистических ресурсов soft power?

Одним из компонентов культурного капитала является морально-нравственная культура (морально-нравственный капитал), в состав которого входят ценностные ориентации населения. Среди факторов, влияющих на систему ценностных ориентиров и поведенческих установок человека, особое место сегодня занимают средства массовой информации (СМИ), количество которых постоянно увеличивается.

В связи с событиями в Украине, возросший объем и интенсивность информации, производимой СМИ, определяет нормы и образцы поведения, формируют ценностные установки и мотивы деятельности россиян, принимающих у себя беженцев.

Основным оперативным каналом информации о происходящих событиях в современном мире является телевидение. По данным социологического опроса [3], среди жителей Челябинской области 66,5 % респондентов смотрят в равной степени центральные, областные и местные телевизионные передачи (Таблица №1). Вполне предсказуемо в 2014г. вырос интерес к политическим новостям (66,8% к 53,1% в 2011г.) и спорту (29,8% к 25,4), чему, несомненно, способствовала Олимпиада в Сочи.

Для большинства молодых людей основным информационным ресурсом все больше становится Интернет. Он выступает также идеальным инструментом для коммуникации и самовыражения. Частота обращения к сети Интернет, а также владения компьютером, скорее всего заменяют информационный вакуум тем 44 %, которые совсем не читают газет и 11 % не включающим телевизор. **Не может не радовать наметившаяся тенденция к большему доверию российским СМИ со стороны жителей области.** Информации, полученной через СМИ, полностью или «пожалуй» доверяют 33,4% (23,9% в 2011г.) южноуральцев, но и совсем не доверяют или не очень доверяют многие - 36,3 % (40,1 % в 2011г.), затруднились с ответом 7,8 %, против 16,8% неопределившихся в 2011г. (Таблица №2).

Анализ статистических данных и материалов социологических исследований (Таблица №3) показал в основном низкий уровень физической и культурной активности южноуральцев.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве», проект № 14-03-00486

Таблица 1. Предпочтения в источниках получения информации жителей Челябинской области (% от числа опрошенных)

Какие передачи Вы чаще смотрите по телевизору?	2014г.	2011	Разница
Чаще центральные	16,8	24,8	-8,0
Чаще республиканские, краевые, областные, местные	4,7	12,1	-7,4
Те и другие в равной мере	66,5	52,8	13,7
Никакие	11,0	8,5	2,5
Отказ от ответа	1,0	1,7	-0,7
Что Вас больше интересует на телевидении?	2014г.	2011	Разница
Экономические новости	36,3	39,9	-3,6
Художественные фильмы, спектакли	39,0	51,4	-12,4
Политические новости	66,8	53,1	13,7
Спорт	29,8	25,4	4,4
Сериалы, детективы	19,6	22,8	-3,2
Музыкальные передачи, ток-шоу	19,3	29,4	-10,1
Познавательные передачи	0,9	-	0,9
Отказ от ответа	7,8	-	7,8
Какие Вы читаете газеты?	2014г.	2011	Разница
Центральные	5,9	5,8	0,1
Республиканские, краевые, областные, местные	23,1	35,8	-12,7
Те и другие	24,9	28,8	-3,9
Никакие	44,0	27,2	16,8
Отказ от ответа	2,1	2,3	-0,2

Таблица 2. Уровень доверия различным источникам информации жителей Челябинской области (% от числа опрошенных) [3]

Средства массовой информации (радио, телевидение, печать)	2014г.	2011г.	Разница
Полностью доверяю	6,5	4,5	2,0
Пожалуй, доверяю	26,9	19,4	7,5
Трудно сказать точно	22,5	19,3	3,2
Не очень доверяю	20,6	24,2	-3,6
Совсем не доверяю	15,7	15,9	-0,2
Не знаю	3,6	7,2	-3,6
Отказ от ответа	4,2	9,6	-5,4

Таблица 3. Посещаемость культурно-развлекательных учреждений [3] (% от числа опрошенных)

Как часто Вы посещали в последний год						
	2014г.	2011г.	разность	2014г.	2011г.	разность
	Библиотеку			Театр		
Раз в неделю	1,0	2,6	-1,6	0,4	0,4	0,0
1-3 раза в месяц	2,3	6,8	-4,5	1,7	1,6	0,1
1-3 раза в полгода	4,5	7,1	-2,6	10,5	12,6	-2,1
Раз в год и реже	16,9	19,1	-2,2	25,7	26,3	-0,6
Затрудняюсь ответить	52,2	33,7	18,5	45,1	30,2	14,9
Отказ от ответа	23,1	30,7	-7,6	16,6	28,8	-12,2
	Цирк			Музей		
Раз в неделю	0,6	0,5	0,1	0,9	0,4	0,5
1-3 раза в месяц	0,7	0,7	0,0	1,3	1,8	-0,5
1-3 раза в полгода	4,3	4,4	-0,1	5,5	7,9	-2,4
Раз в год и реже	26,0	25,6	1,6	18,0	23,9	-5,9
Затрудняюсь ответить	48,3	36,7	11,6	54,0	34,9	19,1
Отказ от ответа	20,1	32,0	-11,9	20,3	31,0	-10,7

3. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проект № 11-03-00655а «Социокультурный портрет Челябинской области» в июле-августе 2011г., и в июле-августе 2014г. проект № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

4. Программы. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства культуры Челябинской области. URL: <http://www.culture-chel.ru/htmlpages/Show/Programs> (дата обращения: 09.10.14.)

Николаев Д.А.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского
к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С 1865 г. до 1918 г. нижегородское земство вело активную хозяйственно-культурную деятельность, значительно преобразовавшую жизнь местного населения[1, с.215]. Среди главных шагов земства, направленных на развитие края[2, с.14], необходимо отметить модернизацию образовательной системы[3, с.194]: подготовку кадрового педагогического состава[4, с.78], организацию школьных и внешкольных образовательных мероприятий[5, с.100]. К «активу» земства необходимо отнести и реорганизацию местной медицины: создание сети лечебных заведений, борьбу с эпидемиями, реализация санитарных и профилактических мер. Были несомненны и достижения органов земского самоуправления в строительстве дорог, ветеринарии, агрономии[2, с.14] и прочих, чрезвычайно важных в хозяйственной повседневности, отраслях.[2, с.14].

Необходимо отметить всестороннюю помощь земства в реализации правительственной политики по реформированию сельского хозяйства, проведению в жизнь столыпинской реформы[6, с.112]. Заслуживают внимания и патриотические начинания нижегородских земцев, комплекс мобилизационных и хозяйственных мероприятий, реализовывавшийся в годы крупных военных конфликтов (с участием России) в XIX- начале XXвв.[7, с.104; 8, с.50].

Земства Нижегородского края составляли весьма заметное звено российской государственной и общественной жизни и существенно воздействовали на процессы либерально-демократических перемен, происходивших на рубеже веков. Общественно-политическая деятельность земства началась с практической реализации «Положения о земских учреждениях» 1864 г., с жесткой критики новых законов в попытках обретения дополнительных полномочий, в стремлении освободиться от излишнего, как казалось многим, контроля органов правительственной администрации. Земские прерогативы, что доказала практическая деятельность, иногда «вступали в круг полномочий власти», что вызывало многолетние конфликты, тяжбы и споры представителей земских и правительственных структур. В 1870-х – 1880-х гг. нижегородские земцы разрабатывают и представляют на суд общества и власти многочисленные проекты переустройства многих общественно-политических институтов страны и это было показательным действием, вектором стремления к модернизации основных гражданских структур России и вектором новым, в сравнении с содержанием ходатайств земских структур 1860-х гг.[2, с.15]; определенный, исходящий «сверху», либерализм, сопутствовал возрастанию количества земских политических инициатив в либерал-реформаторском направлении[2, с.15].

Модернизированные земские законоположения 1890 г. не снизили земскую реформаторскую активность[9, с.73]: проблемы законодательно-нормативных изменений, дальнейшее реформирование всего комплекса образовательной сферы, критическое отношение ко многим аспектам социально-экономической политики страны – именно эти темы оказывались главными в повестке дня на заседаниях исполнительных и распорядительных органов земства[10, с.143]. Начавшаяся на рубеже XIX-XXвв. новая общественно-политическая эпоха стала для нижегородского земства обширным полем социал-реформаторской активности[11, с.180], выразившейся в последующих проектах переустройства общественно-

политических жизни, и, в целом, в серьезном воздействии земских идей на процессы трансформации российских государственно-политических институтов[12, с.137]. Земства Нижегородской губернии, которые никогда не являлись лишь хозяйственным «дополнением» правительственной администрации и стремившиеся к определенной независимости в своих действиях, иногда, особенно в начале XX века, находились на переднем плане общественно-политической жизни страны, обосновывая в своих проектах необходимость введения института «народного представительства» и обретения буржуазно-либеральной свободы. Именно нижегородское земство одним из первых в стране начало привлекать внимание правительства и общества к таким злободневным вопросам государственной жизни, как крестьянское малоземелье и ограниченность в правах крестьянского сословия[13, с.145], аграрное переселение, поддержка кустарного производства, введение парламентаризма, ответной реакцией власти на которые явились масштабная аграрная реформа и созыв Государственной Думы, модернизация, в целом, широкого спектра социально-политических и хозяйственно-экономических отношений в России в конце XIX – начале XX вв.

Литература:

1. Николаев Д.А. Нижегородское земство в 1865-1918 гг. (обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив). Дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 1999
2. Николаев Д.А. Нижегородское земство в 1865-1918 гг. (обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2000
3. Николаев Д.А., Хвостова И.А. Основные направления деятельности нижегородского земства в области народного образования: идеи и практика//Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. №6-1
4. Николаев Д.А. Некоторые аспекты земской деятельности по усовершенствованию учебных программ татарских школ Нижегородской губернии в начале XX в.//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №7-1
5. Николаев Д.А. Диалог представителей земских и церковноприходских школ Нижегородской губернии в контексте формирования образовательной среды второй половины XIX – начала XX вв.//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №5-1
6. Перчиков Ю.А., Николаев Д.А. К вопросу об отношении русского земства к аграрной реформе П.А.Столыпина//Межвузовская научная конференция «Право. Экономика. Политика. Образование». Нижний Новгород: НФ МИЭМИП, 2001
7. Николаев Д.А. Нижегородское земство и вопросы помощи русской армии в 1877-1878 гг.: организация ополчения и материально-финансовое обеспечение//Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: История. 2003. №2
8. Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А. Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны. Нижний Новгород, ООО «ЗУМ», 2014
9. Николаев Д.А. Положения о земских учреждениях 1864 г. и 1890 г.: общее и особенное в развитии земского законодательства России во второй половине XIX в.//Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Серия: История. 2002. №1
10. Николаев Д.А. Страницы истории Нижегородского края в материалах конференции «Мининские чтения»//Клио. 2014. №8 (92)
11. Николаев Д.А. Н.И.Храмцовский и реализация идеи «большой» истории Нижнего Новгорода//Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Часть I. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2014
12. Николаев Д.А. Международная научная конференция «XXXVIII Добролюбовские чтения. Культура, наука, образование: влияние на нравственное развитие общества»//Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова. 2014. №25
13. Николаев Д.А. Отзыв о диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук В.А.Меркушева: «Деятельность Вятского земства по развитию местных крестьянских хозяйств в конце XIX – начале XX века (1890-1917 гг.)»//Клио. 2008. №4

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ВЗРОСЛЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящий момент уже с уверенностью можно констатировать тот факт, что скорость и содержание самого понятия взросление претерпели значительные трансформации за последние полтора столетия. Несмотря на то, что по данным социологических опросов россияне считают, что детство заканчивается в шестнадцать лет и именно после этого возраста начинается взрослая жизнь (Левада-Центр, 2011), некоторые наши соотечественники не могут начать ее и в 30-35 лет.

Сегодняшняя молодежь не желает брать на себя ответственность за собственные действия и вся чаще стремится отодвинуть момент взросления и максимально отдалить освоение новых социальных ролей, например, супружеских и родительских. Между тем, девальвация «образа взрослого», а также фетишизация молодости затрудняют первичный социальный контроль, усложняют процесс передачи социального опыта, воспитания и взаимного духовного развития членов семьи.

Для России такое пролонгирование детства относительно новое явление, позиционируя «детство» как одну из своих опорных ценностей советская официальная культура придавала огромное значение пропаганде взросления, воспеванию возмужания на благо Отечества [1], однако, с конца XX - начала XXI веков число приверженцев «подросткового» образа жизни в нашей стране быстро увеличивается. Ребенок живет внутри двадцати процентов взрослых россиян - уверяют маркетологи. Рост количества «новых взрослых», по всей видимости, является результатом «активной пропаганды потребительских ценностей и своеобразного духовного вакуума в обществе» [2], данный образ жизни видоизменяется в «поддающиеся маркетингу жизненные стили, приносящие ощутимый рыночный доход» [3, с.15]. Можно сказать, что это целый бизнес по производству товаров и услуг, для покупателей, склонных к беспорядочному потреблению. «Общество потребления заинтересовано в том, чтобы плодить подростка – длить его возрастные рамки, поощрять его внутри взрослого человека...это экономически очень оправдано» [4].

Безусловно, общество потребления не является единственным виновником глобального подростничества. Развитие современных институтов социализации, также способствует нежеланию молодежи взрослеть (получение высшего образования в вузе, досуговая инфраструктура, молодежные субкультуры и т.д.). Удлинению периода детства также способствует изменение системы ценностей современных молодых людей, в частности девальвация ценности семьи, популярность «гражданских» браков и т.д. Демографов беспокоит тот факт, что в купе со стиранием границ между полами, происходящие в настоящее время размывание границ взрослости и ее образцов, а, следовательно, границ традиционных социальных событий, таких как профессиональное обучение, женитьба, рождение детей, может нести серьезную демографическую угрозу т.к. способствуют снижению брачности и падению рождаемости.

Социологи и психологи все чаще говорят о наличии серьезных нарушений социализации современной молодежи, её пассивности и социальном инфантилизме. Увеличивается продолжительность детства, снижается психологический возраст современного человека, появляется некий «новый взрослый» - человек зрелого возраста, который придерживается моделей поведения подростка, а зачастую и ребенка. Это «гибкий, энергичный потребитель в кедах, наушниках и амбициях...»[5], происходит некая «легитимация и позиционирование «внутреннего ребенка во взрослом субъекте»[6], а стремление продлить ощущение детского счастья, трансформируется в социальный инфантилизм. В научный оборот даже введен термин «кидалт» (от английского kid и adult, «взрослый ребенок»), употребляется он в отношении к молодым инфантильным эгоистам, которые не желают брать на себя ответственность и взрослеть.

Упоминание термина «кидалт» появилось 11 августа 1985 года в статье Петера Мартина в «Нью-Йорк Таймс», для описания мужчины старше 35 лет, который увлекается игрушками, мультфильмами, сказками, компьютерными играми и т.п. Однако впервые, именно как термин он был употреблен американским психологом Эндрю Калькуттом в 1998 году в книге «Задержка развития: поп-культура и эрозия взросления» [7].

Очевидно, что феномен «кидалтизма» не поддается однозначному толкованию, и объединяет целый комплекс новых специфических явлений, о, чем, в частности, свидетельствует его противоречивая трактовка в научной и публицистической литературе. Согласно одной из теорий, период детства – непринужденный, радостный, приносящий удовольствие - создает предпосылки для притягательности, желанности детского опыта; другая концепция трактует инфантильность взрослых как результат неудовлетворенности своим детским опытом и стремлением наверстать упущенное.

Целый ряд синонимичных кидалтизму определений «обозначает нежелание достигших определенного возраста молодых людей взять на себя «взрослые» социокультурные функции, совершить качественный переход от статуса «подростка» к статусу «взрослого человека» [8]. Таких людей – миллионы. Современные исследователи уже создали целый тезаурус для обозначения этого феномена: «синдром Питера Пэна», «Синдром Карлосона», «инфантилизм». В Италии их зовут *mammoni* – «маменькины сынки», а также «*bamboccioni*» - «большие дети», «*big babies*». В Японии эту, ставшую общенациональным явлением, подростковую субкультуру определяют термином *кавай* (*kawaii*).

Словари пополняются новыми терминами, отражающими современные реалии, так в американском Мерриам-Вебстера (*Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Britannica, 2011*) появилось слово - ребенок-бумеранг (*boomerang child*), т.е. ребенок, который после попытки самостоятельной жизни возвращается в родительский дом. Доля таких «детей» по данным социологических исследований, приведенным британской газетой Телеграф (*The Telegraph*), за последние полвека выросла с 25 до 46 процентов [9]. Причем покидать дом и возвращаться эти недоросли могут несколько раз, за что, собственно, их и назвали «дети-бумеранги».

В современном мире зрелость, ответственность, преданность, как идеалы все больше девальвируются, уступая место инфантильности, непостоянству, эгоцентризму; по всей видимости, такая тоска по детству, может свидетельствовать о глубокой неуверенности в будущем.

Обозначенное явление постепенно превращается в комплексную социальную проблему: проблему экономики, политики, культуры. Здесь речь идет об образе жизни целого поколения, обусловленном состоянием общества в целом, ориентиры взрослой идентичности в котором постепенно вымываются, временной период, признаваемый необходимым для освоения «взрослых ролей», непрерывно расширяется, а феномен пролонгированного детства и социальная незрелость становятся возможными и даже культивируемыми.

Литература:

1. Ворона М.А. Конструирование социального инфантилизма: от Homo Sapiens к Homo Kidult? [электронный ресурс]. URL: www.socproblems.ru. (дата обращения: 31.10.2014).
2. Семенова А. Впали в детство. Почему российские мужчины тратят сотни тысяч рублей на игрушки // Новые известия. 18 января 2008 года.
3. Омельченко Е.Л. Молодежь: открытый вопрос. - Ульяновск: Симбирская книга, 2004.
4. Костюков Л. Случай, когда оба неправы // Полит.ру 29.01.2009.
5. Русский репортер. Мегapolis: что он делает с человеком. Исследование неврозов, надежд и любви: семь историй большого города. №48.
6. Мамычева Д. И. Трансформации категорий «детство» и «взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. №3.
7. Andrew Calcutt Arrested Development. Pop culture and the Erosion of Adulthood. Cassell, London, 1998.
8. Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г., Ворона М.А. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. №6. 2008.
9. Взрослые дети – бумеранг для родителей // Радио свобода. (электронный ресурс) URL: <http://www.svoboda.org/content/backgrounderfullpage/24967044.html>. Дата обращения: 31.10.2014.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНДАРТОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

История социально-экономического развития общества свидетельствует о том, что на определенном отрезке времени оно предъявляет требования к уровню и качеству жизни. Уровень жизни общества России, и в особенности его самых социально незащищенных групп зависит не только от размеров денежных выплат [1, с. 50]. Существуют различные формы оказания помощи и поддержки для людей, реализуемые в сфере социального обслуживания населения – это социальные услуги [2, с. 400]. Так, гражданин с инвалидностью, имеющий ограничения в передвижении, нуждается в услуге «Социальное такси», т.е. доставке на автотранспортом средстве к социально значимым объектам инфраструктуры. Как и любое получаемое благо, социальная услуга должна оказываться в соответствии с установленными требованиями. Совокупность этих требований и определяют стандарты [3, с. 214].

Актуальность исследования обусловлена построением региональной модели управления сферой социального обслуживания населения на основе Федерального закона РФ от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации, имеющего спорные положения в части регулирования вопросов стандартизации социальных услуг, определении видов гарантированных государством социальных услуг, что влечет за собой проблемное поле в установлении единых норм в социальном пространстве. В трудах Д.Вудварда, Э.Гидденса, Ю.Эльстера раскрыты методологические основы управления социальным развитием посредством стандартизации и социального нормирования. Российскими социологами В.Н.Бобковым, Ю.Г.Волковым, В.Н.Добреньковым, Э.А.Уткиным изучены вопросы управления социальным развитием на основе жизненных стандартов на региональном и отраслевом уровнях.

Социальные стандарты служат в качестве инструментария по управлению социальным развитием государства при определении социально-экономической политики, распределении материальных и духовных благ в социальный сектор, реализации социальных программ, закреплении и обеспечении социальных гарантий гражданам и решении других задач. Таким образом, социальные стандарты становятся общепринятой нормой на государственном уровне. Они могут иметь обязательный или рекомендательный характер. Закрепленные требования в стандартах и правила их применения устанавливаются государством [4]. Стандарты выполняют следующие функции:

- нормирования – приведение к единообразию;
- охранная - обеспечение безопасности потребителей продукции (услуг);
- ресурсосберегающая – установление финансовых нормативов и обоснованных ограничений при расходовании;
- коммуникативная - выражается во взаимодействии и общении людей;
- цивилизующая – заключается в повышении качества услуг как составляющей качества жизни;
- информационная - стандарты являются носителем ценной информации для общества;
- культурная. Социальные стандарты выступают своеобразными ориентирами. Они задают обществу ценности и нормы, распространяют новые знания, поддерживая в обществе определенный уровень культуры. [5, с. 52].

Значимость социальных стандартов определяется их ролью в формировании единого социального пространства, в защите гражданских прав, в снижении социальных противоречий. [6, с. 29] Анализ стандартов социальных услуг субъектов РФ свидетельствует о том, что на уровне регионов отсутствует единообразие законодательства субъектов РФ. На всей территории России уровень социальной помощи для социально уязвимых категорий населения должен быть одинаков. Отсутствие как такового перечня минимально гарантированных государством социальных услуг для граждан РФ не в полной мере соответствует нормам, которые закреплены в Конституции РФ: принцип равенства и право на социальное обеспечение.

В сложившихся условиях достигнуть целей реализации социальной политики (снижение социального неравенства, создание одинаковых условий для развития, обеспечения эффективной системы социальной помощи) представляется весьма проблематично [7, с. 199]. По мере неоднородного развития системы социальной поддержки в регионах может произойти чрезвычайная дифференциация индикаторов предоставления социальных услуг в зависимости от состояния бюджетов субъектов РФ. Данная ситуация повлияет на дальнейшую градацию общества по уровню жизни, а также к дискриминации граждан РФ по признаку места жительства [1, с.55] .

Для формирования единых норм в социальном пространстве РФ посредством установления стандартов оказания социальных услуг необходимо использовать системный, комплексный подход к решению данного вопроса, который бы предусматривал следующие мероприятия:

1. Принять федеральный закон «О государственных минимальных стандартах», который бы обуславливал стандарты жизни в следующих сферах: образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, социального обслуживания.

2. Учитывая нормы минимальных стандартов, определить вектор социальной политики на федеральном уровне. Во-первых, для какой целевой аудитории государство будет оказывать социальную поддержку? Во-вторых, каким образом система должна будет осуществлять свои функции. В третьих, каким должен быть результат (или: к какому результату необходимо стремиться)? Та категория населения, уровень жизни которой не будет соответствовать установленному, должна быть максимально приближена к нему. И в этом направлении должны совместно работать системы органов социальной политики, образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства. Принятые меры обеспечат объективное уменьшение численности получателей социальных услуг, и как следствие - сокращение расходов на социальное обслуживание. Данные положения необходимо закрепить в основных стратегических документах по развитию РФ – Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, ежегодном послании Президента РФ, в главном финансовом документе страны..

3. Определить стоимостное выражение нормативов и условия предоставления социальных услуг. Здесь же необходимо вести работу по согласованию вопросов распределения финансовых обязательств по их реализации между РФ и субъектами РФ. В связи с полномочиями по установлению гарантированного перечня социальных услуг появятся расходы, для которых необходимо изыскать финансовые источники. Это могут быть налоги, переведенные из статуса региональных в федеральные. В этом случае дополнительно необходимо включать поправки к Бюджетному кодексу РФ, а также другие нормативно-правовые акты.

4. Согласно ст. 8 442-ФЗ «О социальном обслуживании населения» правовое регулирование и организация социального обслуживания осуществляется субъектами Российской Федерации в пределах полномочий, установленных настоящим Федеральным законом. С установлением гарантированного перечня социальных услуг на федеральном уровне правовое регулирование становится и частью компетенции РФ. Гарантированный перечень социальных услуг повлечет за собой необходимость разработки и утверждения стандартов их оказания, а также установление финансовых нормативов.

5. Субъектам РФ необходимо будет соотнести потребности в социальных услугах потенциальных получателей со своими финансовыми возможностями. В данном случае регионы обеспечат детализацию услуг гарантированного перечня. Федеральный перечень социальных услуг (гарантированный) и региональный (более детализированный) позволит выстроить стандартизированную систему социальных услуг.

Подводя итоги, следует отметить, что стандарты являются достаточно сложными объектами исследования. Выступая инструментом, влияющим на качество управления системами и процессами в обществе, принятые стандарты смогут нормировать социальные блага, а также уравновесят социальное неравенство граждан в получении социальных услуг на территории РФ.

Литература

1. Мачульская Е.Е. Основы социального обслуживания: обсуждение нового законопроекта. Е.Е.Мачульская (социальное обеспечение) // Законодательство. – 2013. - №11. – С. 50-55 Корпорация Марс.
2. Право социального обеспечения: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.Ш.Шайхатдинова. – 3-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 717 с. – Серия: Бакалавр. Академический курс.
3. Коган Л. Исследование культуры в парадигме культурной коммуникации // Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. М.: 1998. – 312 с.
4. Шкиндер Н.Л. Стандартизация социальных услуг как фактор развития социальной сферы. [Электронный ресурс]. URL: <http://do.teleclinica.ru/184456>.
5. Золотухина Р.В. Практика внедрения административных регламентов предоставления государственных услуг населению в работу центров социального обслуживания // Работник социальной службы. - 2012.-№2. - С. 52-55
6. Антропова Ю.Ю. Государственная региональная семейная политика в современной России (на примере Свердловской области): дис. докт. соц. наук: 22.00.04: защищена 02.03.2011; утв. 03.09.2011. – М., 2010 – 37 с.
7. Майфат А.В. Гарантии и стандарты социальных услуг: некоторые спорные вопросы правового регулирования. А.В. Майфат, Л.Н. Шипулина (Трудовое и социальное право) // Российский юридический журнал. – 2012. - №3 (май- июнь). – с. 199-203. Корпорация Марс.

Нурымбетова Г.Р.

*Казахский национальный педагогический
университет имени Абая
д.п.н., профессор*

СМИ КАЗАХСТАНА И ЦЕННОСТИ НЕЗАВИСИМОСТИ

Средства массовой информации играют огромную роль в укреплении демократического государства, формировании и распространении демократических ценностей. В условиях Казахстана за годы независимости взгляды и позиции по многим проблемам СМИ в корне изменились. Исчезла цензура, канули в Лету партийный и идеологический диктат, однообразие и ограниченность деятельности газет и журналов, радио и телевидения. Журналистика стала передним краем борьбы между инновацией и консерватизмом, открытостью и бюрократизмом. Глобализация до неузнаваемости изменила роль и назначение СМИ. Действительно, «тот, кто обладает большим количеством информации – тот владеет всем миром». Информация влияет на сознание и активность человека, на определение его гражданской позиции, играет решающую роль даже в быту и отдыхе.

Человек в этом информационном потоке может быть как субъектом, так и объектом. К примеру, возьмем телеканал, где наравне с ежедневными политическими новостями имеются и специальные политические аналитические программы. Говоря о канале «Казахстан» – это «Неделя.Kz», на канале «Хабар» – недельный обзор «Жеті күн», на Коммерческом телевизионном канале (КТК) – программа «Портрет недели». Кроме политических обзоров и анализов, средства массовой информации пытаются выяснить общественное мнение посредством прямой связи со своими читателями, зрителями и слушателями. Например, некоторые издания, проводя опрос по актуальным проблемам, изучают и выявляют общественное мнение. В их числе газеты «Айкын», «Литер», «Қазақ әдебиеті», выдвигающие по одной проблеме несколько мнений. В этой связи стоит отметить рубрики «Да» и «Нет» газеты «Алаш айнасы».

С другой стороны, данные средств массовой информации отражают политическую активность населения. Доказательством сказанного могут служить недолго просуществовавшие, к сожалению, программы «Еркін сөз» на «31 канале», «Жетпіс жеті күн» на канале «Хабар», «Куклы» на Коммерческом телевизионном канале.

В последнее время в жизнь людей вошел еще один вид средств получения информации – интернет. Уровень свободы слова, информация и ее способность распространения в обществе обеспечиваются открыто, а значит, распространение информации демократизировано. Но он не везде доступен.

В Казахстане одним из признаков демократизации распространения информации является одновременное существование государственных, негосударственных и общественных средств массовой информации. Путь к развитию негосударственных СМИ был открыт после принятия в 1992 году Указа Президента Республики Казахстана «О защите СМИ в переходный период к рыночным отношениям».

О коренных изменениях в информационном пространстве можно судить по следующей статистике: в 1991 году в Казахстане выпускались 735 газет и журналов, среди них 250 на казахском языке, 395 на русском языке, 4 на уйгурском, 5 на узбекском, 2 на немецком, 2 на корейском языке.

На сегодняшний же день количество СМИ в Казахстане – 2 111, из них 1860 – печатные СМИ (1 357 – газеты, 832 - журналы), 238 – электронные СМИ. Официальная статистика показывает, что печатных СМИ в стране больше. Из них 328 (24%) - государственные, 1 029 (76%) – негосударственные печатные издания. 362 из них издаются на казахском языке, 528 – на русском языке, 369 – на казахском и русском языках, 98 – на казахском, русском и других языках [1]. Если поделить телерадиокомпании по принципу собственности, то мы увидим, что негосударственных компаний больше. В 2001 году, то есть 13 лет назад, в республике насчитывалось 1300 СМИ, из них 70% были негосударственными.

В информационном пространстве произошли как количественные, так и качественные изменения. Разница между государственными и негосударственными СМИ заключается не только в форме собственности, но и в том, как они распространяют информацию. Одним из нюансов является то, что существование негосударственных независимых СМИ предоставляет возможность выбора, не ограничиваться только одной точкой зрения, а ознакомиться также с альтернативной. Например, информация о событиях в Жана-узене 16 декабря 2011 г. широко освещалась в негосударственных СМИ. В то же время государственные СМИ предоставляли информацию только в официальном порядке.

Тем не менее, несмотря на количество независимых СМИ, их возможности по предоставлению правдивой объективной информации ограничены. Мы можем видеть ограничение их деятельности законными и иными путями. Например, поджоги офиса редакции, запугивание корреспондентов, применение других способов давления. Это доказывают и результаты социологических опросов. По мнению 54% респондентов, СМИ в Казахстане не являются независимыми, тогда как только 33% считают казахстанские СМИ независимыми. Это означает, что со стороны правительства существует некоторое стремление корректировать содержание информации [2].

СМИ активно используются во время выборов. Примером тому являются президентские (1999, 2005, 2011 гг.) и парламентские (1999, 2004, 2007, 2012) выборы, когда СМИ играли значительную роль. Кроме печатных СМИ широко также использовались и электронные СМИ. Конечно, мы не можем не видеть за этими фактами попытку установления цивилизованных взаимоотношений СМИ с властью.

Большая проблема – это проблема прав на свободу слова и получение гражданами информации. Согласно Конституции каждый гражданин Казахстана имеет право на свободу слова и получение информации. Очевидно, что свобода слова является основой каждого демократического общества, а также предпосылкой развития творческого, свободно мыслящего человека. Свобода слова должна распространяться не только на позитивную информацию, но и информацию, способную вызвать беспокойство у властей. Реализацией этих задач должны заняться средства массовой информации. Сегодня в средствах массовой информации широко обсуждаются и открыто дискутируются актуальные проблемы, волнующие население. Например, на канале «Казахстан» - «Өзекжарды», «Алаң», на телеканале «КТК» - «Астарлы ақиқат». На этих программах открыто обсуждаются различные актуальные вопросы, которые способствуют завоеванию доверия народа. Каждый участник дискуссии, опираясь на собственное красноречие, пытается убедить зрителя. Информация не принимается сразу, она переосмысливается в сознании, и это влияет на формирование творческого, инновационного мышления, а также увеличивает политическую активность граждан.

На деятельность и содержание средств массовой информации Казахстана огромное влияние оказывают российские средства массовой информации. Доказательством этому служат итоги социологических опросов, проведенных среди экспертов. На вопрос о способах получения мировых новостей 43 процента экспертов указали российские СМИ, 19 процентов – международные электронные СМИ, 17 процентов – российские сайты, 17 процентов – российские электронные СМИ, 16 процентов указали зарубежные сайты. Только 10 процентов указали казахстанские сайты, 9 процентов – казахстанские электронные СМИ. 4 процента – международные издания СМИ, 4 процента указали казахстанские печатные СМИ [3].

Таким образом, проблемы объективности и качество информации в средствах массовой информации решены не до конца. В средствах массовой информации все еще допускается однобокое освещение событий, а также предоставление сугубо общей информации. Завоевание доверия и уважения народа, а также предоставление объективной и правдивой информации возможно только при независимой и свободной работе средств массовых информации.

Но, несмотря на это, мы делаем вывод о том, что средства массовой информации играют положительную роль в повышении политической активности граждан Казахстана. Они не должны быть только источником дохода. Как отдельный, независимый общественный институт велик их ресурс в плане демократизации общества и укреплении независимости государства.

Литература:

1. Сведения о средствах массовой информации, действующих в Казахстане по состоянию на 15.03.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mki.gov.kz/rus/komitety/komitet_informacii_arxivov/upravlenie_pечатnyh_smi/statistika (дата обращения 19.10.2014)
2. Национальный опрос избирателей Казахстана. Опрос провело Агентство БРИФ Центральная Азия. Алматы, 2004 г. С. 64.
3. Конкуренентоспособность СМИ Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slideshare.net/KazakhstanPressC> (дата обращения 19.10.2014)

Обрывалина О.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет
к.с.н. старший преподаватель
кафедры социологии коммуникативных систем*

ДИДЖИТАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Развитие телекоммуникационных технологий расширили возможности массовой и межличностной коммуникации. Увеличилась скорость передачи сообщений, преодолена территориальная разобщенность адресанта и адресата, создана ресурсная база для единовременного общения практически неограниченного числа субъектов. Качественные и количественные изменения коммуникационных процессов были обусловлены переводом традиционной устной и письменной коммуникации в цифровой формат, т.е. ее диджитализацией (digitalization)². Основными каналами связи нового поколения стали мобильные телекоммуникационные системы, локальные и глобальные компьютерные сети.

Начиная с исследований городского образа жизни Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Парка, Л. Вирта и др., в социологическом дискурсе активно обсуждались негативные аспекты урбанизации: эрозия ценностно-нормативных систем, разрушение тесных семейных и общинных связей, характерных для жизни «на земле», потеря социального доверия, усиление у индивидов чувства отчужденности, и как следствие, дисфункция системы социального контроля и социальная дезорганизация.

2 Прим.: зачастую термин «digitalization» на русский язык переводится как «дигитализация».

На фоне поиска новых эффективных способов организации социальной жизни в городе, где население характеризуется высокой численностью, гетерогенностью, высокой мобильностью, государство с неизбежностью увеличивало численность правоохранительных органов, бюджетные расходы на обеспечение их работы, а также регламентированность допустимого законом поведения горожан.

Однако латентные эффекты деятельности стражей правопорядка (стигматизация девиантов, предвзятость по отношению к определенным категориям граждан и др.) и увеличивавшиеся расходы на поддержание системы государственного контроля в конечном итоге вынудили правительства развитых стран обратиться к построению новых моделей поддержания порядка. Их концептуальную основу составили идеи «сдерживающего контроля» и расширения участия общественности в регулировании социальной жизни. Ресурсную же базу, в том числе, составили новые телекоммуникационные технологии.

Назначение сдерживающего контроля не исправлять «недостатки» человеческой природы, а удерживать отклонения (и преступления) в допустимых пределах, не угрожающих стабильности системы. Тем самым, приоритет был отдан превенции угроз общественному порядку посредством создания безопасной среды, укрепления возможных «мишеней» преступности, сопровождения «групп риска», нормирования максимального числа отношений.

На рубеже XX-XXI вв. опорой стратегии «сдерживающего контроля» стали технические средства наблюдения, слежения, охраны объектов, мобильные устройства. Сотовые телефоны, локальные сети организаций, пространство Интернет с его почтовыми сервисами, чатами, социальными сетями, форумами и проч. позволяют осуществлять слежение за социальными субъектами (индивидами, группами, организациями) в режиме 24/7. Эффективное использование Big Data дает возможность достаточно полно описывать социальные и, даже психологические, характеристики и активность отдельных людей и групп.

Вторая составляющая новой модели социального контроля – деятельность общественности. Как писал С. Коэн, в конце XX века произошла «деинституализация» социального контроля – «возвращение» его в общество [1]. Что дают новые технологии для этой формы социального контроля?

Во-первых, новые средства связи (в особенности Интернет) позволили реорганизовать взаимодействие государственных структур и населения. Повсеместно открылись интернет-страницы органов государственной и местной муниципальной власти (включая, правоохранительные), где граждане могут дистанционно оставить свое обращение или задать вопрос. Города и другие населенные пункты создают интернет-порталы, на которых предоставляется актуальная информация о проводимых и планируемых мероприятиях, ведется открытое обсуждение различных проблем и инициатив, принимаются вопросы и предложения населения и т.д. В связи с этим следует отметить интенсивно развивающиеся портал государственных услуг г. Москвы [2], портал г. Москвы «Наш город» [3]. Напрямую способствовать усилению общественного контроля за порядком призваны также специальные приложения, например «Активный гражданин», Spot (приложение для сообщения о неправильной парковке). Удобство, оперативность использования и, безусловно, соответствие духу времени мобильных приложений позволяют развить гражданскую активность, в особенности, у молодежи.

Во-вторых, наметились изменения в характере коммуникации горожан друг с другом, позволяющие надеяться на реанимацию эффективного общественного контроля.

Сначала появление современных телекоммуникационных технологий, призванных объединить мир в единую сеть, было использовано скептиками, как еще один аргумент в обосновании усиления разобщенности горожан. Увеличение доли «цифровой» составляющей в коммуникации, безусловно, меняет ее характеристики. Нередко, частота контактов и содержательность общения с удаленными партнерами существенно превышает интенсивность взаимодействия с соседями по лестничной площадке. Этот факт позволил говорить об ослаблении института «соседства» в городской среде.

Однако эти же технологии сегодня открывают новые перспективы для возрождения традиционных территориальных сообществ посредством создания соседских социальных сетей (neighbourhood social networks). На сегодняшний день американская социальная сеть Nextdoor.com, открытая в октябре 2011 года, объединяет более 45 тыс. соседств Соединенных Штатов (т.е. каждое четвертое). Миссия проекта гласит: «Мы создали эту компанию, поскольку верим, что соседство - это одно из самых важных и полезных сообществ в жизни человека» [4].

Эта платформа позволяет создавать закрытые сети территориальных сообществ, в которых люди делятся актуальными новостями, размещают частные объявления, ищут партнеров для игры в теннис или няню, спрашивают совета по самым разным вопросам. Как отмечают, сами подписчики Nextdoor, здесь им удается открыто обсуждать реальные проблемы их жизни.

Важная задача, которую также помогает решать соседское он-лайн сообщество – это неформальный социальный контроль за порядком на определенной территории. Весной 2014 года одно из соседств Феникса, штат Аризона, решило объединить усилия для борьбы со взломщиками, успевшими за три месяца ограбить 25 домов в округе. Горожане начали систематически собирать информацию о всех подозрительных личностях, машинах, перемещениях в районе и в конечном итоге передали данные полиции. Как следствие, органам правопорядка удалось провести оперативные мероприятия (в том числе по борьбе с распространением наркотиков). И хотя произведенные аресты не были напрямую связаны с ограблениями, их число заметно сократилось [5].

Подобные социальные сети сегодня появляются по всему миру, объединяя равнодушных граждан, что способствует решению бытовых, социальных проблем, укреплению социального доверия и развитию социальной активности индивидов и групп.

В конце 2012 года в России был запущен проект Соседи.ру. По утверждению создателей ресурса, целью данного проекта является укрепление добрососедских отношений, поддержка и развитие таких общечеловеческих ценностей, как бескорыстие, дружба и взаимопомощь. В июле этого года Мэрия Москвы выкупила соцсеть «Соседи.ру» у Russian Ventures. Теперь 1% соцсети принадлежит ЗАО «Научно-исследовательский институт социальных систем» (НИИ СС), 99% — ООО «Медиа Менеджмент», дочернему предприятию ОАО МИТ. Цель акции интегрировать «Соседи.ру» с другими сетевыми проектами городской администрации [6].

Исследований эффективности отечественной социальной сети пока нет, однако, не исключено, что она также сможет стать новым инструментом социального контроля в городе.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 13-33-01036).

Литература:

1. Cohen S. Visions of Social Control: Crime, Punishment and Classification. Wiley, 1985.
2. Портал государственных услуг Москвы: сайт. URL: <https://pgu.mos.ru/ru/> (дата обращения 03.11.2014)
3. Геоинформационный портал «Наш город»: сайт. URL: <https://gorod.mos.ru> (дата обращения 03.11.2014)
4. Nextdoor: сайт. URL: https://nextdoor.com/about_us/ (дата обращения 03.11.2014)
5. Hyperlocal apps help residents fight crime // Cable News Network: сайт. URL: <http://edition.cnn.com/2014/05/14/tech/social-media/neighborhood-watch-apps-nextdoor/> (дата обращения 03.11.2014)
6. Мэрия Москвы выкупила соцсеть «Соседи.ру» у Russian Ventures // URL: <http://siliconrus.com/2014/09/sosedi/> (дата обращения 03.11.2014)

Ольховиков К. М.

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
д.ф.н., профессор кафедры
социологии и социальных технологий управления*

Виртуальная публичность актуальной культуры

Динамика перестановок и смены приоритетов социальных отношений связана с новыми способами существования культуры. Публичность стала формой вывернутой наизнанку приватности. Культурные смыслы обрели статусную неопределенность, релятивизм стал нормой.

Очевидная значимость культуры отягощается сложностью экспликации ее значений. Но это лишь фаза, а не окончательный итог социокультурной эволюции. Категория актуальной культуры позволяет уточнить алгоритмы поиска реальных социокультурных доминант, «отделить "живую", находящуюся в реальном обращении культуру, от культуры "не востребованной" в данный период» [1, с. 94].

Процессы трансформации российского общества, его культурной сферы в особенности, отличаются рядом очевидных характеристик:

1) разрушение незавершенного как симптом отставаний и прорывов России в глобальном пространстве;

2) смена идентификаторов социальных и культурных групп на постсоветском пространстве;

3) метаморфозы профессиональных культур в пространстве бюрократических решений «нового» стиля;

4) трансформация личностных очертаний человеческой индивидуальности в современной России;

5) невозможность приватности как основной ресурс поддержания сложившейся инерции социокультурных трансформаций в информационную эпоху.

Саморазрушение. Начиная с петровских реформ трехвековой давности, в России что-либо новое, внедряемое сверху, начинается и сопровождается ломкой предшествующих структур и наработок, не прошедших своего жизненного цикла, не принесших вполне тех плодов, на которые они потенциально способны. Избыточность социальных форм, призванных организовывать пространство взаимодействия общностей, институтов, территорий, оборачивается совершенно иной проблемой. Большинство традиционных предпосылок маргинализируются, что фактически обостряет риски поддержания социального порядка. Инновации утрачивают смысловые рамки определенности, поскольку сменяют друг друга, подавляя возможности, создававшиеся на предыдущих этапах институциональных действий.

Постсоветская идентичность. Двадцать с лишним лет без советских и партийных органов, не говоря о прочих социальных стереотипах и практиках, определявших пожизненную социализацию советских людей, не прошли даром. Активно реконструируемые фольклорные разногласия отдаются усиленным эхом в пространстве массовых публичных коммуникаций. Последствия новодельных идентичностей легко трансформируются в мордобития, убийства, вооруженные конфликты, боевые действия. Декларированная в прошлом новая общность людей советский народ вполне сохраняла взрывной потенциал многонациональности, заложенный в ленинском определении нации. Безусловно, этнологически корректная формула «полиэтнической нации» не воспринимается в пространстве массово циркулирующих стереотипов идентификации, которым внешне отвечает формула «многонационального народа». Этнические процессы не заканчиваются в течении жизни одного поколения, но этнические конфликты легче разгорятся в ситуации диффузных идентичностей.

Новая бюрократия. Одной из сильных сторон советской институциональной среды было воспроизводство профессиональных кадров сферы массовой социализации. Образование, его индустриальная составляющая в особенности, создавали понятный коридор культуры мышления, динамических стереотипов профессиональной, административной и социальной карьеры личности. Настойчивая непрерывность реформирования социально-институциональной сферы, имеющая признаки снежного кома, отражает рост и динамику ротации бюрократических кадров. Актуальные способы принятия управленческих решений, их качественных и количественных параметров, входят в антагонистическое противоречие со слабеющими профессиональными культурами. Формируется устойчивый дефицит профессиональных кадров по ключевым направлениям массовой социализации людей, по направлениям, обеспечивающим цивилизационную конкурентность российского общества.

Личность в современной России. Вхождение в потребительскую экономику, с вытекающими необратимыми изменениями жизненных стилей в пространстве массовой культуры, определяет повседневные ритмы российского народонаселения. Глобализация не только продавлиывает унифицированные формы социальных манипуляций индивидами, но открывает новые шансы для локальных идентичностей, не имевших подобных шансов в

традиционном или индустриальном цивилизационных укладах. Подобные псевдо-идентичности легче монтируются с де-конструкциями базовых культурных смыслов. Невозможность исторической правды относительно происхождения сложившейся геополитической и демографической ситуации способствует социальному и политическому мифотворчеству. Сюжеты неподлинных мифов способны поддерживать иллюзию осуществления массовых политических ожиданий лишь в непредсказуемо короткие сроки. По той простой причине, что актуальная борьба неподлинных мифов создает еще один повод для непредсказуемого роста конфликтов между субъектами, не имеющими надежных способов преодоления диффузной идентичности.

Публичная смерть приватности. Непрерывные скандалы с выкладыванием снимков, видеороликов, не предназначенных (?) для посторонних глаз, становятся мощным ресурсом публичных отношений (PR). Весьма показательны две истории. Марк Цукерберг, счастливо женившись, первым делом продумывает и реализует офлайн недоступность своего дома. При этом медиа-сообщество с замиранием вслушивается в его высказывания относительно политики идентичности социальной сети Фейсбук [2]. Известная по фильму про Гарри Поттера актриса Эмма Уотсон, выступившая с феминистской речью, тут же получает публичные угрозы от хакеров, обещающих выложить в сеть ее обнаженные селфи [3]. Создатель глобальной сети для болтовни о чем угодно бежит в пространство до-цифровой приватности, а угроза интимной диффамации – едва ли не лучшая форма продвижения популярности в области публичных профессий. Комфорт современных коммуникативных гаджетов создает пространство окончательной опустошенности личностной идентичности, которая не содержит демотиваторов, способных подтолкнуть человека к мысли о возможных альтернативах сложившейся повседневности потребительства и информационных манипуляций.

Современное российское общество озадачивается поиском путей трансформации в сторону стабильности. Но идея эта еще слишком абстрактна с точки зрения исторических реалий, в силу диффузности самих этих реалий. Стабильность в современных условиях – это сочетание качественного роста цивилизационной эффективности и центростремительной идентичности культурных вариаций постсоветской России.

Культура в очередной раз оказывается финальным смысловым контекстом происходящих в российском обществе процессов. Вечно запаздывающая и периодически забегающая вперед, российская ментальность создает внешние препятствия для институционального роста управленческой машины и причудливым образом позволяет выживать профессиональным установкам жизненных траекторий россиян. Действительно, ключевые результаты отечественных исследований профессионализма «сфокусированы на внутренних характеристиках профессиональной группы, таких, как сложность труда, его творческий характер и призвание» [4, с. 16]. Идея поиска подлинного мифа российской цивилизации возможна лишь на путях развития профессиональной культуры и воспроизводства профессиональных сообществ вопреки ударам глобализации и доморощенной бюрократии. Сбережение народа внутренне несостоятельно без создания условий воспроизводства и роста профессиональных культур. Уход от посредничества и дурной бесконечности многозвенного управления неизбежен.

Актуальная культура вполне обнажает уродства и болезни цивилизационной ситуации России, но столь же недвусмысленно подсказывает направления поисков средств ее исцеления.

Литература:

1. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 93-104.
2. Facebook has totally reinvented human identity: Why it's even worse than you think [электронный ресурс]. URL http://www.salon.com/2014/10/26/facebook_has_totally_reinvented_human_identity_why_its_even_worse_than_you_think/ (дата обращения 23.10.2014)
3. Web trolls 'threaten' actress Emma [электронный ресурс]. URL <https://uk.tv.yahoo.com/trolls-threaten-actress-emma-035925135.html> (дата обращения 23.10.2014)
4. Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Коллективная монография // Под ред. В.А.Мансурова. М., ИСПАН, РОС, 2013.–315 с.

ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРУППЫ КАК НОВЫЙ ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ РФ: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономический кризис в стране, начавшийся в начале 90-х гг. с момента перехода к рыночным отношениям, является следствием ошибок реформаторов. В основу тех реформ закладывались идеи запада, направленные на уничтожение отечественной экономики. [9, с.22] Одна из причин резкого снижения объемов промышленного производства – это нехватка оборотных средств. Положение обостряется отсутствием у предприятий инвестиций – собственных и бюджетных. Кредитование реальной сферы экономики практически отсутствует. Опыт зарубежных стран, показывает, что один из путей возрождения промышленного производства и экономики в целом состоит в развитии приоритетных, экономически эффективных отраслей. В этом необходимо заинтересовать финансовый капитал. Средством реализации этой заинтересованности выступает интеграция финансового и промышленного капитала. [6, с. 47] Сегодня роль ФПГ является особенно заметной, когда необходима мобилизация ресурсов, их концентрация и эффективное перераспределение в ключевые сферы науки, техники и производства.

В настоящее время среди российских ФПГ четко различаются три основные ветви: первая тесно связана со сферой банков; вторая ветвь, вырастает преимущественно из промышленного производства, в частности из промышленных многопрофильных концернов; третья ветвь, имеющая в качестве центрального элемента торговые дома, получила наибольшее распространение на начальных этапах реформирования экономики. Это юридическое лицо, которое специализируется на посреднических операциях и главной задачей ставит поиск покупателя на продукцию сразу нескольких поставщиков. [4, с. 75-77]

Необходимо отметить, что в условиях рыночной экономики, создание ФПГ отвечает прежде всего интересам государства. Последнее получает возможность обеспечить более высокий уровень эффективности, динамичности, сбалансированности и управляемости экономики. Многие авторы отмечают, что интересы участников ФПГ в свою очередь, как правило, совпадают с интересами государства. [5, с.22-28] В такой ситуации очевидно, что в процессе создания ФПГ государство должно оказывать поддержку их становления и развития. При этом речь идет не только о предоставлении дотаций и субсидий. Основной вопрос взаимодействия государства и ФПГ - определение и задействование конкретных мер государственной поддержки и стимулирования, обеспечивающих положительный эффект. [7, с.20-23]

Анализируя деятельность российских ФПГ можно выделить основные проблемы - общеэкономического, законодательного (правового), организационного и концептуального характера - присущие всем без исключения группам, и оказывающие непосредственное влияние на процесс их становления и функционирования. Рассмотрим их более подробно.

1. Проблемы общеэкономического характера непосредственно связаны с нестабильной производственной, инвестиционной и финансовой ситуацией в стране.

Центральной проблемой как для российской экономики в целом, так для большинства финансово-промышленных групп, остается несоответствие реальных инвестиций тому их уровню, который обеспечивал бы масштабную модернизацию российской экономики. [3, с.63-64] Низкий потенциал российских коммерческих банков, оцененный по их собственному капиталу, не дает им возможность инвестировать в промышленность значительные суммы. Следует уделить внимание урегулированию законодательной проблемы участия российских банков в ФПГ. Без гарантий о сохранении и увеличении прибыли, банки рискуют войти в проект, который не оправдывает их ожидания.

2. Проблемы концептуального характера в наиболее яркой форме проявляются в полном отсутствии ясно сформулированной стратегии государства по отношению к процессу развития ФПГ, отсутствию реальной государственной поддержки российских групп. Из значительного перечня принятых законодательных актов, направленных на становление и совершенствование деятельности ФПГ, исполнительная власть не выполняет практически ни одного.

Сложности, возникающие на стадии регистрации, тоже не способствуют созданию ФПГ. Так, для регистрации группы необходимо иметь неординарный экономический проект (организационный план). В нем нужно обосновать целесообразность создания и функционирования ФПГ, показать зримую финансовую отдачу и доказать, что деятельность группы принесет большую пользу народному хозяйству. Идеальный организационный план вовсе не означает скорого признания со стороны регистрирующего органа. Требуется согласование с Министерством по антимонопольной политике РФ и Росимуществом РФ, возможно - с местной администрацией, а иногда даже с Министерством обороны и Минэкономразвития РФ. Кроме того, могут потребоваться экспертные заключения компетентных организаций и специалистов. [1, с.12]

3. Другой важной проблемой, тормозящей развитие ФПГ, является отсутствие законодательной базы (о госгарантиях, о трасте), облегчающей привлечение частных инвестиций в проекты ФПГ. Правовой вакуум позволяет в каждом конкретном случае принимать различные решения.

Скорейшего законодательного решения требуют многие юридические вопросы. Необходима четкая регламентация правовой сущности ФПГ.[2,с.47] Главная роль при образовании группы возлагается на договор о ее создании, юридический статус которого не ясен. Некоторые специалисты подводят этот договор под договор простого товарищества или договор о совместной деятельности, точно определенный в Гражданском кодексе. По этому договору совокупность лиц обязуется соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли и/или иной законной цели. А в законе о ФПГ договорные отношения четко увязываются с образованием нового юридического лица (центральной компании).

Нуждается в уточнении и процедура подготовки документов на регистрацию ФПГ: выходить ли участникам группы на подписание договора с уже зарегистрированной центральной компанией или сначала подписать договор, а потом создавать центральную компанию в рамках реализации договора.[8,с.5]

Таким образом проанализировав некоторые проблемы, складывающиеся в процессе создания и развития российских финансово-промышленных групп, можно предложить следующие меры и рекомендации по совершенствованию деятельности ФПГ :

- органам федеральной власти по совершенствованию экономической политики, развитию институциональных реформ в кратко- и среднесрочной перспективе;
- обоснования мер государственной поддержки ФПГ по совершенствованию нормативно-правового и организационного обеспечения процесса создания ФПГ;
- поддержка государства и российских банков. Поддержка может выражаться в следующем:
 - предоставление государственных гарантий для привлечения различного вида инвестиционных ресурсов, в том числе с использованием механизма залога;
 - возможность предоставления банкам-участникам ФПГ, осуществляющим в ней инвестиционную деятельность, льгот, предусматривающих снижение норм обязательного резервирования, изменение других нормативов в целях повышения их инвестиционной активности.

Литература:

1. О финансово-промышленных группах : Федеральный закон РФ от 30 ноября № 190-ФЗ // Финансовая газета, №1, 2006.
2. Ильин М.С. Финансово-промышленная интеграция и корпоративные структуры: мировой опыт и реалии России / М.С.Ильин, А.Г.Тихонов. - М.: Альпина Паблишер, 2002. 165с.
3. Беляев Ю.А. Финансово-промышленные группы: перспективы в России // Финансы. - 2001. - N 1. - С.63-64.
4. Судаков В.Б. Финансово-промышленные группы и их место в развитии экономики: учеб. пособие / Судаков В.Б., Колесниченко О.В. - М., 2000. 221с.
5. Войтенко А. Состояние и перспективы официальных финансово-промышленных групп в России // Рос. экон. журн. - 2003. - N 11/12. - С.22-28.
6. Агафонов В.И. Крупные промышленные объединения и финансово-промышленные группы. - Калуга, 2007. С.47.

7. Калинин А. Как ускорить развитие российских финансово-промышленных групп? / Калинин А., Куликов В. // Рос. экон. журнал. - 2005. - № 8.-С.20-23.

8. Поповская Е. Финансово-промышленные группы / Е.Поповская, Т.Иванова // Экономика и жизнь. - 2001. - Февр. (№ 6). - С.5.

9. Березутский Ю.А. Финансово-промышленные группы в России: необходимость, сущность, перспективы / Березутский Ю.А., Солодков В.Т. - Иркутск, 2000. 246с.

Панченко В.Ю.

к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права

Михалева А.Е.

*стажер-исследователь кафедры теории государства и права
Сибирский федеральный университет*

СТРАХОВАНИЕ КАК ВОЗМОЖНАЯ СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ*

На сегодняшний момент проблема доступности юридической помощи и системы правосудия в целом является широко обсуждаемой в научной литературе и нередко становится предметом самостоятельных эмпирических исследований [1; 4; 9 и др.], поскольку зачастую в условиях современной жизни только своевременное обращение за юридическим содействием к квалифицированному специалисту может гарантировать беспрепятственную и наиболее полную реализацию прав и законных интересов.

Сталкиваясь с проблемами, лежащими в сфере права, граждане одновременно вынуждены разрешать вопросы и экономического характера, поскольку, так или иначе, разбирательство каждого конкретного дела влечет за собой прямые (стоимость услуг юриста) и косвенные (упущенная выгода, затраты времени, эмоциональная нагрузка и др.) расходы [2, р. 12], оплату которых большая часть населения попросту не может себе позволить.

Финансовую доступность юридических услуг до недавнего времени многие государства традиционно пытались повысить за счет развития и расширения предоставления бесплатной юридической помощи, субсидируемой за счет средств государственного бюджета [3, р. 49]. Однако данная система во многом функционирует не достаточно эффективно: результаты не вполне соответствуют поставленным целям (право на получение юридической помощи обеспечивается ограниченному кругу субъектов по строго фиксированному перечню дел, и в конечном итоге представители среднего класса, т.е. большинство граждан, не имеют возможности обратиться к юристу по данным программам) и затраченным ресурсам (например, в Англии и Уэльсе за 2010/2011 год расходы бюджета на данную сферу составили 2.1 млрд. фунтов стерлингов [4]).

Направления правовой политики меняются в соответствии с объективно существующими закономерностями и тенденциями правового развития, что собственно и объясняет появление и продвижение альтернативных механизмов обеспечения права граждан на квалифицированное юридическое содействие. Одним из них выступает система страхования расходов на юридическую помощь, которая вполне может рассматриваться как перспективная стратегия решения указанного вопроса:

1. С экономической точки зрения распределение рисков среди группы лиц, внесших страховую премию и образовавших тем самым своеобразный фонд, является наиболее оптимальным и выгодным способом нивелирования необходимости несения существенных финансовых затрат на квалифицированное правовое содействие реализации прав и законных интересов. Чем больше застрахованных лиц, тем ниже для них сумма страховой премии, а значит, более доступно приобретение указанной страховки [5].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 13-13-24005.

2. Юридическая помощь, сочетая в себе как частное, так и публичное начало, отдает приоритет индивидуальному интересу, направлена на его максимальное удовлетворение, в чем всецело может быть поддержана системой страхования. В большей своей части (например, в Германии [6, р. 23]) полисы страхования расходов на юридическую помощь формируются для каждого конкретного клиента в соответствии с его индивидуальными потребностями, включают наиболее подходящие для него страховые случаи (среди которых наиболее часто встречаются споры из договоров купли-продажи или аренды, проблемы, возникающие из трудовых правоотношений, взаимодействий с налоговыми органами и др. [6, р. 14]). Превалирование частного начала в механизме страхования позволяет избежать ситуаций возникновения конфликта интересов и вмешательства в отношения между клиентом и юристом третьих лиц, наделенных властными полномочиями, что может иметь место в государственной системе предоставления адвокатов по назначению.

3. Страхование (при заключении наиболее полного варианта договора) позволяет гражданам обращаться за юридическим содействием во всех его формах. Правовое информирование осуществляется через использование телефонной связи или интернет-технологий, а также иногда в стоимость программы страхования входят и некоторые образовательные материалы (разъяснения законодательства, буклеты с описанием алгоритма действий в тех или иных жизненных ситуациях [7, р. 295]). Кроме того, ряд страховок компенсируют расходы на услуги юриста по составлению правовых документов (часто встречается в США [7, р. 295]). Наибольшее значение обычно придается юридическим консультациям и представительству интересов в судебном процессе.

4. Страховки не ограничивают клиентов в получении правовой поддержки уголовно-правовой сферой, что в большей части характерно для субсидируемой системы. Напротив, больший акцент делается на проблемах повседневного характера, гражданско-правовых взаимодействиях по различным вопросам. Немаловажен тот факт, что благодаря возможности обратиться к компетентному специалисту незамедлительно при возникновении спора о праве, снижается нагрузка на судебную систему, поскольку многие конфликты разрешаются в процесс досудебного урегулирования [3, р. 58-65].

5. Функционирующий на сегодняшний момент в отдельных странах механизм страхования является достаточно востребованным (например, в Швеции 97 % населения в возрасте от 20 до 64 лет имеют подобный полис [3, р. 60], в Германии – 45 % граждан [5] и т.д.) и в то же время эффективным с субъективной точки зрения клиентов (так, по результатам проведенного в Великобритании опроса, 53 % клиентов страховых организаций считают, что только благодаря наличию страховки их дело было разрешено благоприятным для них образом [6, р. 4]).

Расширение объемов страхования расходов на юридическую помощь как стратегия дальнейшей модернизации избрана, например, Великобританией, где правительство неоднократно заявляло о сокращении программ субсидируемой юридической помощи и необходимости продвижения полисов страхования [8]. Аналогичная ситуация складывается в Ирландии [9], Канаде [2, р. 19-21], Нидерландах [10] и др. странах. В Швеции и Дании такая политика находит наиболее полное отражение на практике [5]. Более того, вопрос внедрения юридического страхования поднимался и в России [11], правда пока на региональном уровне и лишь в порядке дискуссии.

Потенциал механизмов страхования не ограничивается перечисленными выше преимуществами, они имеют значительный задел для развития и воздействия на формирование правовой жизни общества. Безусловно, существует ряд проблемных моментов (связанных в основном с поиском баланса интересов страхователей и страховщиков), которые, однако, могут быть преодолены посредством совершенствования существующих программ страхования через сопоставление опыта различных стран (как континентальной, так и англо-саксонской правовой семьи) по организации указанной системы, извлечение из него определенных уроков и последующее внесение корректировок в национальное законодательство.

Литература:

1. Access to justice in Europe: an overview of challenges and opportunities.
– URL: http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/1520-report-access-to-justice_EN.pdf
(дата обращения: 01.11.2014).

2. Carreau S. Consumers and access to justice: one-stop shopping for consumers. Final Report of the Research Project Presented to Industry Canada's Office of Consumer Affairs. – 2011. – 102 p.
3. Regan F. The Swedish legal services policy remix: the shift from public legal aid to private legal expense insurance // Journal of law and society. – 2003. – Vol. 30. – № 1. – P. 49-65.
4. International Comparisons of Public Expenditure on Legally Aided Services. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/217430/international-legal-aid-comparisons.pdf (дата обращения: 01.11.2014).
5. Robins J. Closing the Justice Gap: new thinking on an old problem. – URL: <http://www.byfieldconsultancy.com/wp-content/uploads/Closing-the-Justice-Gap.pdf> (дата обращения: 01.11.2014).
6. Bello L. In case of emergency. Consumer analysis of legal expenses insurance. 2011. – 35 p. – URL: <http://www.consumerfocus.org.uk/files/2011/08/In-case-of-emergency.pdf> (дата обращения: 01.11.2014).
7. Regan F. Whatever happened to legal expense insurance? // Alternative law journal. – 2001. – Vol. 26. – № 6. – P. 293-297.
8. Ramesh R. Ministers promote insurance as legal aid alternative. – URL: <http://www.theguardian.com/law/2012/mar/13/insurance-legal-aid-alternative> (дата обращения: 01.11.2014).
9. Access to Justice Review Northern Ireland. 2011. – URL: http://www.courtsni.gov.uk/en-GB/Publications/Public_Consultation/Documents/Access%20to%20Justice%20Review%20Northern%20Ireland%20-%20The%20Report/Access%20to%20Justice%20Review%20FINAL%20REPORT.pdf (дата обращения: 01.11.2014).
10. Velthoven B. C. J., Haarhuis C. M. K. Legal aid and legal expenses insurance, compliments or substitutes? The case of the Netherlands // Journal of Empirical Legal Studies. – 2011. – Vol. 8. – Issue 3. – P. 587-612.
11. Систему обязательного юридического страхования хотят создать в Москве. – URL: <http://www.m24.ru/articles/47441?attempt=1> (дата обращения: 01.11.2014).

Першин В.П.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
и.о. руководителя Уральского ТУ Росжелдор*

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ГЧП В СИСТЕМЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕШЕНИЯ

В государственной программе «Развитие транспортной системы» [1] констатируется, что современное состояние транспортной системы не отвечает потребностям и перспективам развития Российской Федерации, и дефицит пропускной способности существует на всех видах транспорта, в связи с чем внедрение механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) особенно важно для данной отрасли, что обуславливает высокую актуальность темы исследования и его практическую значимость.

Несмотря на значительную долю привлеченных частных инвестиций в развитие транспортной инфраструктуры (около 41 % от всех затрат), на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в механизмах реализации инфраструктурных проектов в транспортной сфере, имеется ряд проблем, требующих решения:

1) Успешному внедрению ГЧП в России препятствует недостаточное развитие законодательной базы. Прежде всего, следует выделить неурегулированность в бюджетном законодательстве особенностей выделения бюджетных ассигнований на проекты ГЧП. С учетом различия в планировании расходов текущего характера и инвестиционных расходов при формировании бюджета, требует решения вопрос увязки финансирования строительства объекта инфраструктуры (инвестиции) и его последующего содержания (текущие расходы), как это предполагается в рамках комплексных контрактов.

Также проблемой с точки зрения действующего бюджетного законодательства является принятие долгосрочных расходных обязательств (срок реализации до 30 лет), значительно превышающих срок реализации утвержденных государственных программ, что создает финансовые риски как для государства, так и для инвестора.

Решением указанной проблемы может быть внесение изменений в бюджетное законодательство и иные нормативные правовые акты.

2) В отношении описанных выше программно-целевых инструментов развития транспортной инфраструктуры, предполагающих привлечение частных инвестиций, можно заключить, что механизмы их реализации не в полной мере соответствуют целям и принципам ГЧП в части разделения рисков и ответственности между государственной и частной стороной. В качестве примера можно привести государственную программу «Развитие транспортной системы» и ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010-2020 годы)». Во-первых, привлечение внебюджетных средств в программе осуществляется в рамках реализации комплексных инвестиционных проектов, в которых создаются взаимосвязанная частная и государственная инфраструктура, притом последняя остается в федеральной собственности и реализуются в рамках традиционного государственного заказа.

Таким образом, остается нерешенной проблема разделения рисков, привлечения инновационных технологий, а также распределения финансовой нагрузки на бюджет в течение жизненного цикла объекта. При этом существует высокий риск неисполнения частным партнером своих обязательств, поскольку при ухудшении экономических условий инвестор может резко сократить объемы финансирования, и отдельные элементы комплексного проекта реализованы не будут. В качестве примера можно привести низкое исполнение по внебюджетным источникам по подпрограмме «Гражданская авиация» в 2002-2009 гг. (60,1% от плана), что объясняется тяжелым финансовым состоянием авиапредприятий в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. Аналогичное замечание относится к большинству проектов Инвестиционного фонда РФ (за исключением концессионных), которые также по большому счету нельзя отнести к ГЧП.

Во-вторых, привлечение частных инвестиций крайне неравномерно по отраслям транспорта. Так, остается низкой доля внебюджетного финансирования в рамках подпрограммы «Автомобильные дороги» (9,2% в среднем за период 2010-2015 годов, и 2,7% в 2013 году).

В-третьих, неотъемлемой частью реализации крупных проектов ГЧП в сфере транспортной инфраструктуры является привлечение частным инвестором значительных объемов заемного финансирования. Вместе с тем, в настоящее время отсутствует увязка финансирования государственных программ и предоставления государственных гарантий, что препятствует оптимизации распределения рисков и снижению стоимости заемного финансирования в рамках инфраструктурных проектов. Решением указанных проблем может быть внесение изменений в механизм реализации программы на основе изменения структуры инвестиционных проектов с использованием долгосрочных контрактных механизмов, таких как КЖЦ и концессионные соглашения.

3) В системе финансирования транспортной инфраструктуры отсутствует порядок отбора проектов для реализации на основе ГЧП (как альтернативы государственному заказу) и оценки их эффективности, в том числе при их включении в государственные (муниципальные) программы. В настоящее время процедура и порядок отбора проектов предусмотрены только для проектов, претендующих на получение бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации. Все прочие объекты капитального строительства проходят проверку на предмет эффективности использования средств бюджета в порядке, установленном Правительством РФ и Минэкономразвития России.

Данный порядок не распространяется на концессии и не учитывает специфики проектов ГЧП, в том числе в части механизма распределения рисков.

Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов носят общий характер, не учитывают специфики проектов ГЧП, и не регламентируют процедуру распределения рисков между государственной и частной стороной. Решением указанной проблемы может быть разработка и утверждение на федеральном уровне порядка отбора проектов для реализации на основе ГЧП.

4) При реализации крупных проектов в сфере развития транспортной инфраструктуры наблюдается крайне низкая конкуренция между инвесторами, что отрицательно сказывается на эффективности реализации проектов и их стоимости для государства. Так, из шести заключенных к настоящему времени концессионных соглашений в отношении объектов транспортной инфраструктуры (объекты дорожного хозяйства) четыре было заключено с единственным участником конкурса, в остальных двух случаях на конкурс было представлено только два конкурсных предложения.

Решением данной проблемы может являться улучшение условий инвестирования и упрощение доступа к заемному капиталу (к примеру, привлечение средств пенсионных накоплений), а также развитие новых финансовых инструментов (инфраструктурные облигации).

5) Существенным препятствием для развития ГЧП в России, в том числе для привлечения широкого круга инвесторов, является конфиденциальность данных в отношении проектов, которые зачастую представляют коммерческую ценность. Также следует отметить отсутствие в РФ единой базы проектов ГЧП. Проблема приобретает особую актуальность с учетом имеющегося в России дефицита квалифицированных специалистов в области ГЧП. Решением данной проблемы может являться создание единой открытой базы проектов ГЧП, а также нормативного закрепления требований о раскрытии информации о проектах ГЧП, в том числе их финансовой составляющей (финансовые модели), что позволит в значительной степени повысить уровень знаний сторон.

Подводя итог, можно сказать, что перечисленные проблемы могут быть решены по следующим основным направлениям:

1) разработка и утверждение методических документов в сфере ГЧП на федеральном уровне, в том числе закрепление алгоритма отбора и оценки эффективности проектов для реализации на основе ГЧП, который может послужить основой для принятия аналогичных документов на региональном и местном уровне;

2) совершенствование нормативной правовой базы, регулирующей механизм бюджетного финансирования проектов ГЧП, интеграция механизма планирования расходов на данные цели в государственные программы;

3) упрощение доступа к заемному капиталу и улучшение условий привлечения частных инвестиций путем внедрения новых финансовых инструментов и развития финансового рынка;

4) снижение транзакционных издержек при заключении соглашений ГЧП, в том числе путем установления упрощенного механизма для заключения концессионных соглашений в отношении небольших по стоимости объектов транспортной инфраструктуры;

5) повышение информационной открытости реализации проектов ГЧП для общественности и потенциальных инвесторов, в том числе создание единой открытой базы проектов, а также нормативного закрепления требований о раскрытии информации о проектах ГЧП.

Литература:

1. О Федеральной целевой программе «Развитие транспортной системы России (2010 - 2020 годы)»: Постановление Правительства РФ от 5 декабря 2001 № 848 (ред. от 15 мая 2014). Документ опубликован не был. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ТЕХНОЛОГИИ МЯГКОГО УПРАВЛЕНИЯ ДОТАЦИОННЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ

Мировой опыт преодоления социально-экономических последствий стагнации дотационных территорий свидетельствует о том, что в мире происходит постоянный поиск моделей управления и развития с учетом социальной динамики и социокультурных особенностей страны и региона. Рыночная экономика в условиях демократизации социально-экономической и политической сферы общества дает простор для развития деловой активности населения и высокопроизводительного труда. Ответственность за результаты труда в данных условиях ложится на самих людей, а не на объективные причины и внешние обстоятельства. Одним из направлений оптимизации социального управления в условиях модернизации общества является технологизация. Социальные технологии применяются для управления людьми, социальными явлениями, социальными процессами и социальными системами. В зависимости от иерархии социальных систем, процессов и явлений выделяют три группы технологий: макротехнологии (глобальные) управления на уровне общества и его основных сфер; мезотехнологии на уровне управления региональными структурами, общественными институтами, организациями; микротехнологии на уровне управления небольшими объединениями людей и самоорганизации личности. На уровне государственного, регионального и муниципального управления К.В.Харченко выделяет следующие мягкие технологии управления, регулирование, позиционирование и социальное партнерство [1, с.32]. В рамках муниципального управления мягкое управление – это управление, основанное на использовании неформальных рычагов воздействия в отношении внутренней и внешней среды управляемой системы. Применение технологий мягкого управления обусловлено следующими причинами:

- усложнением социальных систем, когда административные методы оказываются малоэффективными и необходимо делегирование управленческих полномочий;
- авторитарное управление не соответствует уровню личностного развития населения и требованиям гражданского общества;
- когда внутреннее управление распространяется на внешнюю среду, рамки которой не имеют четкой структуры, а мягкое управление позволяет лучше узнавать внешнюю среду;
- в недрах управляемой системы оперативно вырабатывается система противодействия жестким директивным методам управления.

Принципы мягкого регулирования достаточно эффективно реализуются в регулировании социальных процессов, действий и социально-психологических состояний, в позиционировании, ориентированном на поддержание гармонии между элементами системы, и на социальном партнерстве. Регулирование – это ограниченное управляющее воздействие в неформальной структуре организации, оно имеет рекомендательный характер и направлено на внешнюю среду, в которой объект управления находится. При регулировании присутствует контроль над ключевыми точками с позиций целесообразности. Позиционирование является целенаправленным процессом идентификации субъекта в социальной системе с целью реализации собственных интересов или интересов социальной группы на основе принципов социального партнерства. Позиционировать объект в управленческой системе – это значит найти оптимальный способ его включения в данную систему и предложить методы управленческого воздействия на принципах социального партнерства, которое является способом согласования интересов социальных групп на основе сконструированных моделей их взаимодействия.

В целом, мягкое управление заменяет воздействие на объект управления на взаимодействие с ним, когда объект становится равноправным субъектом управленческого взаимодействия и его инновационный потенциал способствует сохранению устойчивости управляемой системы. При использовании социальных технологий в управленческой деятельности необходимо учитывать способности, интересы, потребности, ожидания, ценностные ориентации как управленцев, так и управляемых, так как, по мнению специалистов, в процессе человеческой деятельности психическое развивается и функционирует в тесной взаимосвязи с социальным.

Современные технологии управления ориентированы, прежде всего, на мотивированного и осознанно действующего человека, главного субъекта модернизационных преобразований и инновационных прорывов, а инвестиции и производственная база являются лишь средствами деятельности, но не самоцелью.

Модернизация дотационных территорий имеет поливариантный характер. Вхождение и адаптивная способность к изменяющимся условиям зависят от социальной среды и от степени соответствия этой среды жизнедеятельности человека, его ценностям, мотивам и способам трудовой деятельности. Многие промышленные города России выросли на базе ударных комсомольскихстроек, отличавшихся общественно-политической активностью молодежи и высоким престижем профессиональной деятельности, но ориентация лишь на воспроизводство промышленного наследия и инвестиции является в настоящее время бесперспективной. В индустриальном обществе основой прогресса и экономического роста являлись достижения в области техники и технологий. На современном этапе развития российского общества решающими факторами успеха наряду с технико-технологическими инновациями становятся достижения в сфере информационных технологий. Это радикально меняет соотношение ролей экономических акторов, значимую роль приобретают коммуникация, информация и нематериальные активы.

В информационном обществе связи между государством, гражданами и бизнесом все больше переходят в систему Интернет коммуникаций. Главными преимуществами Интернета являются интерактивность общения, скорость и надежность доставки информации, распространение и интерпретация которой уже не являются прерогативой чиновников. Страны, лидеры использования Интернет-технологий, уже получают ощутимые результаты от использования Интернет-проектов в управленческой деятельности. Успех данных проектов обусловлен следующими особенностями Интернета: учетом интересов каждого социально-активного гражданина, снятием барьеров в коммуникации с населением, ускоренным внедрением новых социально-экономических проектов при упрощении процедур отчетности и т.п. Сегодня Интернет уже стал фактором, определяющим контуры современной социально-экономической и социально-политической жизни общества.

Модернизация существенным образом изменяет представление человека о многообразии социума. Аналитики модернизационных процессов отмечают тесную взаимосвязь динамических процессов в производственно-экономической сфере с другими социальными сферами: демографической, образовательной, социально-культурной, социально-профессиональной и др. [2, с.17]. Эти изменения проявляются в различных формах и во всех сферах человеческой деятельности. При модернизации дотационных территорий существенно возрастает роль муниципалитетов и региона в целом как социального субъекта в сфере экономики, политики и культуры. Чувство территории обуславливает адаптацию к местным условиям проживания и формирует жизненный мир человека. Территориальные интересы, основу которых составляют социально-экономические интересы, формируют структуру и мотивы деятельности социальных субъектов и вырабатывают определенное отношение к своему региону. Регионы как базисная сфера жизнедеятельности государства непосредственно реализуют государственную модернизационную социально-экономическую политику. Через регионы государство осуществляет управление всей страной, учитывая при этом экономическое и социальное положение отдельных территорий, их климатические условия, наличие ресурсов, форм государственности, этнического и конфессионального состава. Повышение конкурентоспособности регионов является приоритетной задачей, связанной с переходом экономики на инновационный путь развития [3, с.23].

Субъектами модернизационных процессов являются как территориальные и социальные общности, так и отдельные индивиды. Наиболее распространенной практикой управления в условиях модернизации регионов, отраслей производства и отдельных предприятий является корпоративизм, базирующийся на современных жизненных ценностях: мотивационном ресурсе человека, его интеллекте и профессиональном потенциале. В муниципальном образовании корпоративное управление является прогрессивной формой управления, так как оно строится на эффективной организации: инициативе снизу и действенном контроле, позволяющих учитывать потребности и интересы каждого человека и работать на их удовлетворение. Корпоративизм создает надежный баланс интересов всех его участников, потому что он соответствует ментальности российского человека.

Известные отечественные социологи Г.Г.Татарова и Г.П. Бессокирная в концептуальном и эмпирическом обосновании социальных типов работников на постсоветских предприятиях показали, что корпоративная солидарность тесно коррелирует с удовлетворенностью работой, и в совокупности эти признаки в большей степени по сравнению с другими признаками дифференцируют работников предприятий [4, с.14]. Группы работников с высоким уровнем корпоративной солидарности, ответственности и удовлетворенности работой на предприятии могут быть акторами не только технократического соуправления, которое благотворно влияет на деятельность всего коллектива, но и социально-экономической и социально-политической модернизации региона. В процессе соуправления социально активное население, превращаясь из объектов в субъекты управления, получает собственную зону прав и ответственности, совершенствует свои коммуникативные и управленческие навыки и становится более управляемым, так как на практике происходит совпадение их собственных усилий с целями развития муниципалитета и целого региона. Управляемость таких граждан осуществляется не под воздействием чиновника или целого института управления, а на основе собственной мотивации, способствующей их саморазвитию, социальному и профессиональному росту, отвечающей их интересам и интересам социума.

Непосредственно из технократического соуправления вытекает идея обеспечения управляемости на основе контроллинга, первоочередной задачей которого является организация управленческого учета затрат, а финансовые процессы в организации являются осознанными и прозрачными. При этом сотрудники всех подразделений организации участвуют в совместной выработке планов, так как они заинтересованы в получении максимальной прибыли. В некоммерческих организациях идея прибыльности заменяется идеей роста социальной результативности деятельности организации.

В условиях инновационной перестройки менеджмент вынужден иногда обращаться к жестким авторитарным технологиям управления, так как со стороны объектов управления в условиях роста неопределенности усиливается сопротивление изменениям. Для выявления мотивации сопротивления и латентных компонентов управляемых структур в инновационных управленческих технологиях используются технологии организационного самообучения, которое помогает выяснить причины сопротивления инновациям и неуправляемости. Задача управления в данном случае – обнаружение в организации инновационных источников, которые часто возникают на периферии управляемой системы и, как правило, не учитываются в управленческой деятельности. При использовании технологии организационного самообучения взаимодействие объектов и субъектов управления и технологии продвижения инноваций осуществляется снизу вверх.

Поиски инновационных подходов к преодолению социально-экономических, социально-психологических и других негативных последствий стагнации дотационных территорий являются чрезвычайно актуальными. Основу теоретико-методологических и прагматических подходов составляют сложные междисциплинарные исследования, а также анализ имеющихся теоретических и эмпирических данных.

Литература:

1. Харченко К.В. Социология управления: от теории к технологии. Белгород, 2008.
2. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОСПЭН, 2006.
3. Гаджиев Ю., Акопов В., Стыров М. Инновационный потенциал регионов: Северо-Западный федеральный округ // Проблемы теории и практики управления. 2010. №6. С.23-34.
4. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // Социс. 2011. №7. С.3-15.

Петрова Л.Е.
Уральский государственный педагогический университет
к.с.н., доцент кафедры социологии и политологии

Кузьмин К.В.
Уральский государственный медицинский университет
к.ист.н., доцент зав. кафедрой социальной работы

«НЕАДЕКВАТНОЕ» ПОВЕДЕНИЕ ВРАЧЕЙ КАК ИНДИКАТОР КРИЗИСА СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРИМЕР НАУЧНОГО И ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА

Социальная трансформация российского общества фиксируется в том числе в смене фреймов оценивания поведения профессионалов. Разлом, противоречивость, неопределенность наблюдаются с двух сторон – профессионалов-исполнителей и обывателей-потребителей. Практически любые формы делового взаимодействия рассматриваются как отношения рыночные – оказание услуги с вытекающими отсюда последствиями установления качества «выполненных работ». В таких социально-ориентированных сферах, связанных с устойчивостью и безопасностью общества, как здравоохранение и образование, рассуждать и действовать в такой логике нелегко.

Неадекватность поведения профессионалов – это видимые проявления кризиса системы ценностей, когда объект и субъект профессиональной деятельности по-разному оценивают и результат, и способ достижения цели. Неадекватное поведение – это поведение, не соответствующее ожиданиям, вступающее в противоречие с нормативными предписаниями. По отношению к профессионалам нормы разнообразны – это и этические кодексы, и формальные требования к качеству работы. Неадекватность выражается скорее в стиле соблюдения требований, сложно схватывается, фиксируется в зоне неформальных, неписанных требований и ожиданий.

Поводом для обсуждения этой проблемы послужила публикация в еженедельном международном медицинском журнале «The Journal of the American Medical Association» (JAMA) статьи о неадекватном поведении врачей [1]. По состоянию на 2010 год JAMA является самым читаемым медицинским журналом в мире с импакт-фактором = 30,026. Краткий обзор статьи на русском языке был вскоре представлен на сайте газеты «Медицинский вестник» [2] (просмотров – 752), а затем продублирован в профессиональной социальной сети «Врачи РФ» [3], в которой зарегистрировано около полумиллиона участников. Зарегистрированные пользователи (в основном – врачи) могли оставлять комментарии к публикации. Всего было представлено 37 комментариев в течение 5 дней. Эти реплики – часть публичного дискурса обсуждения неадекватного поведения врачей.

И этим можно было бы ограничиться, если бы не неожиданное продолжение. В этой же профессиональной социальной сети была опубликована новость о продолжающейся забастовке сотрудников скорой помощи Уфы с заголовком «Глава Башкортостана назвал голодовку медиков ССМП Уфы неадекватной реакцией» и приведено высказывание президента Республики Р. Хамитова на пресс-конференции, которое парадоксальным образом связано с публикацией в американском журнале: «Это в известной степени **не очень адекватная** [выделение авт.] реакция на ту работу, которую мы проводим» [4]. На этот материал откликнулось больше врачей – 67 комментариев.

Таким образом научный (в данном случае – американских исследователей) дискурс стал поводом для публичного, а наверняка случайное высказывание чиновника, использовавшего похожий лексический конструкт, послужило продолжением обсуждения. В данном случае дискурс характеризуется полемичностью, что, с одной стороны, свойственно вообще коммуникации в социальных сетях, с другой – критическими коннотациями обеих публикаций (обзор научной статьи и высказывание на пресс-конференции) по отношению к профессиональной группе. На основе комментариев мы предприняли попытку типологизации с акцентом на атрибуцию ответственности неадекватного поведения врачей, детерминанты такого поведения и интерпретацию самого феномена. Приводятся категории анализа и курсивом – цитаты из высказываний на сайте.

Категория «интерпретация неадекватного поведения врача» должна быть рассмотрена с учетом предлагаемых в опубликованном материале проявлений этого феномена. В статье указывается на следующие проявления неадекватности в поведении врача: агрессивное, оскорбительное поведение врачей по отношению к коллегам, пациентам и их родственникам, поведение, отрицательно влияющее на способность эффективно работать. В обсуждении обнаруживаются следующие интерпретации: «[неуважительное] общение с коллегами, как и с пациентами», «[адекватное поведение] подковерных игр нет ...делом занимаются», «[неадекватные врачи] нервные... агрессивные», конфликтное поведение, отсутствие коммуникации с пациентом, недоброжелательность, хамство. Как видно, оскорбительное поведение интерпретируется в российском контексте как хамское, агрессивность – как нервозность, конфликтогенность. Мы не обнаружили указаний на связь между неадекватным поведением врача и качеством его работы, хотя в научном дискурсе (предполагаем – и организационном) это важно. Точнее, связь обратная – неадекватное поведение врача оправдана высокой нагрузкой.

Категория «пациенты» – неадекватное поведение врачей объясняется, оправдывается поведением пациентов: «Да, встречаются среди врачей люди чересчур нервные, даже агрессивные ... чаще приходится сталкиваться с неадекватными пациентами», «[врачи], загнанные, затравленные озлобленными пациентами... какое ... культурное поведение», «... любого врача, даже с очень покладистым характером, может вывести из себя психопатка с завышенной самооценкой, особенно если доктор после дежурства или после операции... психопатам сейчас раздолье...», «пациенты действительно иногда дочитают [доучают] умными советами, вычитанными в Интернете».

Категория «неадекватные управленцы» – атрибуция ответственности за неадекватное поведение врачей приписывается управленцам, реформированию системы здравоохранения: «...наших врачей еще не исследовали – с их нагрузкой, выполнением маршматических приказов, неадекватностью пациентов и управленцев ЛПУ, нищенской зарплатой», «[врачи], работающие на зарплату ниже слесаря-сантехника, в хомуте двух ставок и подработок...», «большинство конфликтов – из-за идиотской организации процесса», «пусть руководство начнет с себя!», «абсурд, творимый минздравом, не оправдан ничем», «это неадекватная реакция руководства всех уровней на законные требования медиков, доведенных до отчаяния, послужила основной причиной такого протеста», «Если система работает плохо, но и винтики в этой системе работать будут плохо».

Категория «нагрузка на врача» – также внешняя атрибуция ответственность за неадекватное поведение: «Интенсификация врачебной деятельности уже давно достигла и превышает физиологические возможности нормального человека», «нервный срыв – это диагноз, который скрывается за синдромом эмоционального выгорания», «медленно, тихой сапой затягивают удавку на шее у медика», «[люди] видят, что врачи только пишут, пишут, им некогда слушать, разговаривать с пациентом, объяснять что-то...», «у нас «адекватно» – это работать за десятерых, а получать за одного», «Неадекватная зарплата = неадекватное поведение. Все верно. Нищий – гордым не бывает», «против нормальной физиологии не попрешь: тучи пациентов под дверью, считанные минуты на прием, кипы документации... Кто хорошо отдыхает – тот хорошо работает!», «...проблема эта всемирная: вот закон всемирного тяготения, или второй закон термодинамики мы не можем отменить, а законы физиологии – запросто. Одним приказом [минздрава]! Вот и растет «неадекват»».

Категория «внешняя системная атрибуция» – кризис в обществе, социально-экономическое положение России, сравнение с советской системой: «каково общество, таков и врач – производное от общества», «психопатов должна отсеивать система подготовки. По крайней мере раньше так было», «Не воспитания дефект, а отбора! Хам не должен окончить институт и получить диплом врача», «только от жизни собачьей собака бывает кусачей», «недоброжелательность – наша национальная черта, она проявляется везде – в магазине, в ЖЭКе, в милиции, в медицине. Коллеги собачатся друг с другом. А с учетом работы на 2-3 ставки, ситуация усугубляется хронической усталостью», «он [президент Башкортостана] о работе врачей судит по мнению знакомых, соседей, СМИ. А там ясно сказано: зарплаты выше всех, работать врачи не хотят...», «Изменилась система отбора в вузах. Изменилась система отношений в обществе».

Психопаты сейчас в фаворе, они хозяева жизни. Некоторые доктора с ними общаются и хотят быть похожими», «[указание на неэффективное руководство, пациентов, критику врачей в СМИ] станешь тут дерганным и нервным».

Категория «неадекватность отсутствует» – внутренняя атрибуция, связанная с отрицанием обсуждаемой проблемы: *«Не вижу причин для хамского поведения со стороны врача. Никогда не повышаю голос... Откровенных хамов [пациентов] просто выставляю за дверь...», «...мне, наверно, в жизни повезло – хамов среди врачей, где я работал, не было...», «[ироничное высказывание] Собрались на этом сайте неадекватные и шумят».*

Категория «фиксация и критика проблемы» – *«на месте пациента может оказаться любой из нас. Вот о чем стоит подумать, когда открывается рот у некоторых. У нас есть УЗИ-стка, такая хамло. Пришла по блату, держится за счет своей сестры...», «Очень огорчает, что все реже по отношению к нашим врачам (особенно работающими в поликлиниках) можно употреблять эпитет «интеллигентный». Дискуссии ... кого считать интеллигентным человеком периодически всплывают в СМИ и на форумах. Наверное, можно говорить о трех компонентах проявления врачебной интеллигентности: хорошего воспитания + уважения к другому человеку (в идеале – доброжелательности) + умения сдерживать свою раздражительность (проявления темперамента и невроза, эмоц. выгорания). Думаю, что не более трети современных врачей подходят под эти критерии. Мы изменились или наша жизнь?», «...орать на пациентов и коллег – отвратительно. И даже, если пациент сам «неадекватный», он больной все-таки, ему кое-что и прощается. Профессионалу – нет».*

Таким образом, в публичном дискурсе обсуждения неадекватного поведения врачей как научного феномена превалирует внешняя атрибуция в интерпретации поведения врачей – причины неадекватности – в поведении пациентов, неэффективном управлении здравоохранением, высокой нагрузке на врачей. Альтернативные объяснения с внутренней атрибуцией представлены в обсуждении крайне слабо. Также фиксируется слабая нагруженность внутриврачебного дискурса критикой. Поскольку в категории «неадекватное поведение врачей» выделяется большой потенциал для анализа и организационных выводов, исследование – как теоретическое, так и эмпирическое – будет продолжено.

Литература:

1. Sanchez Luis T. Disruptive Behaviors Among Physicians // JAMA. Published online August 21, 2014. doi:10.1001/jama.2014.10218
2. Самородская И. Неадекватное поведение врачей – сложная проблема современного здравоохранения [электронный ресурс]. URL: <http://www.medvestnik.ru/content/Neadekvatnoe-povedenie-vrachei-slojnaa-problema-sovremennogo-zdravoohraneniya.html> (дата обращения: 01.11.2014)
3. Неадекватное поведение врачей – сложная проблема современного здравоохранения [электронный ресурс]. URL: <http://vrachirf.ru/concilium/7478.html> (дата обращения: 02.11.2014)
4. Глава Башкортостана назвал голодовку медиков ССМП Уфы неадекватной реакцией. Новость. 16 сентября 2014 [электронный ресурс]. URL: <http://vrachirf.ru/concilium/7787.html?page=1#comments> (дата обращения: 02.11.2014)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ

Изучению политического экстремизма, в современной доктрине, посвящено немало исследований. В частности, разработкой данной проблемы занимались Р.А. Амирокова, И.В. Воронов, П.А. Кабанов, В.С. Ковалев, Е.Н. Гречкина, Н.Е. Макаров, Е.С. Назарова, Н.А. Романов и др.

Особенностью политического экстремизма является выбор непосредственного объекта посягательства, в качестве которого выступает область политики. При этом обосновывается применение насилия как инструмента борьбы за власть.

Политический экстремизм как самостоятельная разновидность упоминается и в ряде нормативных правовых актов. В частности, ему посвящен Указ Президента России от 23 марта 1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». Однако названный нормативный правовой акт не закрепил понятия либо его конструктивных признаков, а лишь указал на возможные направления противодействия. В развитие данного документа в 2001 году был подготовлен аналитический обзор «О политическом экстремизме», в котором были изложены вопросы, касающиеся понятия, сущности, форм и видов политического экстремизма, а также анализа российского законодательства в сфере противодействия политическому экстремизму.

В резюмирующей части анализируемого обзора было отмечено, что в научной литературе выделяются следующие характерные устойчивые признаки политического экстремизма: политическая направленность экстремистской деятельности, осуществление ее в целях борьбы за власть; использование насилия или угрозы его применения в качестве основного метода своей стратегии при достижении политических целей; организованный характер деятельности, что способствует широкомасштабности и целенаправленности экстремистских выступлений; отказ субъектов политического экстремизма от компромиссов, договоренностей с политическими противниками, стремление добиться поставленных целей любыми средствами.

Вышеуказанные обстоятельства, с нашей точки зрения, явились посылком для выработки самостоятельного нормативного правового акта, направленного на борьбу с политическим экстремизмом. Была предпринята попытка принятия такого документа. Правительством РФ в Государственную Думу был внесен проект федерального закона «О противодействии политическому экстремизму». Законопроект определял правовые и организационные основы противодействия политическому экстремизму, устанавливал систему, формы и координацию действий государственных органов в борьбе с политическим экстремизмом, принципы ответственности граждан и организаций за политический экстремизм.

Он был направлен в Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций, который отметил, что в своей концепции закон носит политико-правовой характер, а статья, призванная раскрывать принципы противодействия политическому экстремизму, – «политико-декларативный характер».

В Комитете посчитали, что нерешенными остаются вопросы о высказываниях и действиях, совершаемых не членами общественных объединений, а также участниками массовых политических акций, во время которых, как показывает практика, совершаются основные экстремистские действия. У членов Комитета вызвало сомнение право Президента на создание указом специального органа с любыми полномочиями. Не считая возможным выносить законопроект на рассмотрение палаты, Комитет отметил, что вместо закона «О противодействии политическому экстремизму» целесообразно предложить законопроект «О полномочиях исполнительной власти в области противодействия политическому экстремизму».

Несмотря на то, что упомянутый выше законопроект так и не был принят, он содержал в себе ряд понятий, представляющих интерес для нашего исследования. В частности, в данном документе было предложено понятие политического экстремизма, под которым в соответствии со статьей 3 проекта понималась деятельность общественных объединений, иных организаций, должностных лиц и граждан, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности России, на организацию незаконных вооруженных формирований, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, а также публичные призывы к совершению в политических целях противоправных деяний¹.

В целом положительно оценивая инициативу закрепления легального определения дефиниции «политический экстремизм», укажем и на некоторые недостатки указанного проекта закона. К таковым, в частности, можно отнести признание создания незаконных вооруженных формирований разновидностью политического экстремизма. Полагаем, что это возможно исключительно в случаях политической мотивации, о чем в определении ничего не сказано.

Кроме того, спорным является признание публичных призывов к совершению любого противоправного деяния в политических целях. Мы считаем, что с учетом предложенной дефиниции непосредственно преступными в рамках политического экстремизма могут выступать призывы только к закрепленному в определении перечню деяний, непосредственно посягающих на конституционный строй России. Данное предложение исключит заведомую репрессивность рассматриваемого законопроекта, а также более четко очертит границы политического экстремизма.

В рамках политического экстремизма принято выделять экстремистов «левого» или «правого» толка. Целью «левых» является борьба за мировую революцию, цель «правых» – свержение правящей власти любыми средствамиⁱⁱ.

При этом ряд ученых соотносит политический экстремизм с политическим терроризмом. Например, П.А. Кабанов под политическим терроризмом как социальным явлением понимает деяния, совершаемые в целях изменения, прекращения деятельности конституционных органов государственной власти, высших должностных лиц национального или иностранного государства, либо международного сообщества, либо видных политических деятелей, а также внешних или внутренних границ государства. По мнению Л.М. Дробижевой и Э.А. Паина, терроризм представляет собой разновидность политического экстремизма в наиболее радикальном его проявлении.

Отличительной особенностью экстремизма в этой сфере общественных отношений является его способность синтезировать экстремистские проявления, происходящие в других областях жизни общества, и придавать им политическую направленность.

Литература:

1. Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах: дис. ... канд. полит.наук. Ставрополь, 2001.
2. Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны: дис. ... д-ра полит.наук. М., 1997.
3. Российская газета. 1995. 25 марта.
4. Информационно-аналитические материалы Государственной Думы РФ. [Электронный ресурс]. URL:<http://iam.duma.gov.ru/node/2/4434/contents> (дата обращения 12.11.2012).
5. Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/oficial/from_min/gd/415.htm(дата обращения 23.11.2012).
6. О противодействии политическому экстремизму: Проект Закона [Электронный ресурс]. URL:<http://www.africana.ru/racism/Russia/proekt.htm> (дата обращения 27.10.2012).
7. Воронов И.В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит.наук. М., 2003. С. 41.
8. Дробижева Л.М., Паин Э.А. Социальные предпосылки распространения экстремизма и терроризма // Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002. С. 40.

НАРОДОВЛАСТИЕ КАК ГЛАВНАЯ ЧЕРТА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Сегодня мы на пороге новой эры – эры информационного общества. Однако до настоящего времени не сформулировано однозначного понимания того, каким должно стать человечество? Тесно связан с этим вопросом и второй: что необходимо предпринять в деле государственного строительства в новое время? Особенно важен этот вопрос для России как страны (что бы там не утверждали сторонники европеизации или азиатизации), являющейся самостоятельной и самобытной цивилизацией.

Новое время диктует свои правила жизни для общества в целом и для каждого человека в частности, поэтому следует пересмотреть роль государства в регулировании общественной жизни.

Высшей ценностью в России провозглашены права и свободы человека, соблюдать и защищать которые призвано государство [1, ст. 2]. Для этого требуется очень многое.

Во-первых, необходимо наличие не просто совокупности людей («населения») на какой-то территории, а народа (в подлинном смысле этого слова), осознающего свою общность, несущего ответственность за себя, жизнь своих потомков и судьбу своей страны. А это уже **особый тип сознания каждой отдельно взятой личности**. Массово такой тип личности может образоваться лишь в подлинном гражданском обществе, т.е. среди тех, кто является и осознаёт себя не рабом государства в лице чиновников, но хозяином своей страны.

Это такое общество, где каждый человек играет активную демографическую, социальную, экономическую и политическую роль, ни в коем случае не отдавая ни одно из этих направлений на откуп государству. Государство здесь играет роль партнёра, угадывающего и обслуживающего чаяния народа, но никак не произвольно создающего правила поведения, угодные отдельным чиновникам и связанным с ними преступным группировкам.

Рецепта зарождения гражданского общества не существует, можно лишь сформировать необходимые правовые, организационные, материальные, психологические и иные предпосылки. В конце концов, появление гражданского общества – это итог внутреннего выбора каждого из его членов и результат кропотливой и тяжёлой каждодневной работы; прежде всего работы над собой.

Во-вторых, необходимы существенные культурные преобразования; однако культура в целом – это, прежде всего, внутренний мир человека, его мировоззрение, миропонимание, мироощущение, чаяния, желания, надежды и только потом – определённое поведение. Следовательно, основное поле деятельности в начале любых изменений – это убеждения человека.

Поэтому, приступая к формированию гражданского общества, **нужно уже иметь сформировавшуюся правовую культуру на должном уровне**.

Построение гражданского общества предполагает не только достижение народом определённого уровня правовой грамотности, но и использование правовых знаний отдельной личностью в качестве основного орудия на этом пути.

Следует различать правовую грамотность и правовую культуру.

Для целей настоящей статьи под правовой грамотностью понимается совокупность знаний и навыков отдельного человека и общества в целом в сфере юриспруденции. А правовая культура подразумевает под собой наличие юридических знаний и навыков вместе с органической потребностью личности и общественности использовать эти знания и навыки в деле управления государством. Правовая культура охватывает в себя правовую грамотность, не сводясь к ней. Суть правовой культуры в том, что носитель юридических знаний (индивидуальный или коллективный) не просто обладает ими и претворяет в жизнь определённое юридически значимое поведение, но и стремится повысить уровень своих знаний и навыков с определённой целью – участвовать как можно эффективнее в управлении государством.

При этом юридические познания осознаются субъектом правовой культуры в качестве средства достижения общественно полезных результатов, и он понимает всю глубину своей ответственности перед иными субъектами.

Упрощённо можно сказать, что «правовая грамотность = правовые знания + умение их применить на деле»; «правовая культура = правовая грамотность + нравственная ответственность перед собой и окружающими за использование правовых знаний».

Воспитание правовой культуры распадается на два основных вида. Первый – это формирование правовой культуры у широких народных масс (начиная со школьной скамьи – в форме различных обязательных и дополнительных дисциплин - и кончая разнообразными правовыми ликбезами уже для взрослого населения (по месту работы, жительства или в форме общедоступных семинаров и лекций). Второй – это формирование (а вернее завершение формирования) правовой культуры профессионалов, т.е. людей тесно связанных с юриспруденцией или государственным управлением (судей, адвокатов, следователей, депутатов, губернаторов, мэров, министров, инспекторов и иных чиновников).

Способы воспитания в человеке правовой культуры многообразны, но они бесполезны без наличия прочных механизмов подлинного народовластия.

Носителем суверенитета и единственным источником власти в России является народ [1, ч. 1 ст. 3]. Следовательно, развитие и всемерное поддержание учреждений народовластия является основой конституционного строя России и ориентиром при строительстве гражданского общества.

Лишь при наличии подлинного народовластия возможно скорейшее создание и гармоничное существование настоящего гражданского общества.

Необходимо завершить правовое развитие конституционных положений о важности защиты прав и свобод человека и об осуществлении народом власти самостоятельно и непосредственно, а также через органы власти [1, ст. 2, 3].

Эти положения должны быть воплощены посредством всеобщих прямых, тайных выборов не только Президента России, но и всех без исключения глав субъектов Федерации, глав муниципальных образований, депутатов различных законодательных органов и судей всех видов судопроизводств.

Вопрос о выборности судей заслуживает отдельного внимания и детальной проработки.

Можно установить выборы судей на низовых уровнях, обеспечив тем самым дальнейший рост судебного чиновника лишь при условии его соответствия запросам гражданского общества, либо избирать председателей областных и равнозначных им по территориальной подсудности судов, на плечи которых будет возложен контроль за эффективностью правосудия и исполнением своих обязанностей нижестоящими судьями.

Вышеописанные предложения требуют **коренного пересмотра и ограничения некоторых принципов судопроизводства** (например, независимости и несменяемости судей), закреплённых как в Конституции [1, ст. 120, 121] так и в отраслевом законодательстве [2, ст. 1, 12].

Данные принципы нельзя абсолютизировать: иначе это приведёт к произволу судейского корпуса.

Имеет смысл возвращение в суды народных заседателей, тем более, что в арбитражных судах имеется их подобие в виде арбитражных заседателей.

В условиях становления информационного общества логичным будет усиление гласности и открытости всех органов власти, особенно это касается избирательного процесса, в частности, **надо транслировать в прямом эфире весь процесс волеизъявления и подсчёта голосов.**

Следует расширить практику освещения посредством Интернета работы всех властвующих субъектов. Надлежит детально проработать не только классические вопросы, например, процедуру голосования, судопроизводства и т. д., но и усовершенствовать сравнительно новые аспекты регулирования – жёстче регламентировать порядок, объём и режим предоставления информации через официальные сайты органов власти.

Таким образом, главными направлениями строительства гражданского общества должны стать:

- увеличение общей правовой культуры посредством не только привития новых навыков среди населения, но и воспитания личной ответственности за применение полученных знаний;

- значительное улучшение и расширение телекоммуникационной базы взаимодействия общества и государства на основе увеличения гласности в деятельности властвующих субъектов;

- усиление ответственности чиновников за свою профессиональную деятельность перед народом путём расширения числа выборных должностей и обеспечения действительной возможности отзыва несостоятельных должностных лиц.

Литература:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 // «Российская газета», № 170, 29.07.1992, (в ред. от 25.11.2013).

Порошин С.А.

*Уральский институт – филиал РАНХиГС
к.и.н., доцент кафедры регионального
и муниципального управления*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!

Нововведением Федерального Закона от 05.04.2013 года №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Далее Закон о контрактной системе) является принцип профессионализма заказчика[1]. Статья 9 Закона о контрактной системе предусматривает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок.

Заказчики, специализированные организации должны принимать меры по поддержанию и повышению уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки в сфере закупок в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии со ст. 38 Закона о контрактной системе заказчики, совокупный годовой объем закупок которых превышает сто миллионов рублей, создают контрактные службы (при этом создание специального структурного подразделения не является обязательным).

К примеру, создается структурное подразделение в качестве выделенного органа управления в утвержденной организационной структуре с самостоятельными задачами, функциями и ответственностью за выполнение возложенных задач. Для этого необходимо будет издать Приказ, утвердить Положение о контрактной службе (в соответствии с Типовым, разработанным Министерством экономического развития РФ) [2], разработать должностные инструкции и принять на работу нужных специалистов. Это лучший вариант организации системы закупок в организации.

В случае создания контрактной службы без образования специального структурного подразделения будет утверждаться Регламент работы специалистов по закупкам, определяющий их полномочия и ответственность, алгоритм работы и взаимодействия всех занятых в закупочной деятельности. При этом специалисты по закупкам могут числиться в разных подразделениях и выполнять другие функции (юридическая служба, плановый отдел, бухгалтерия и т.п.).

В случае, если совокупный годовой объем закупок заказчика не превышает сто миллионов рублей и у заказчика отсутствует контрактная служба, заказчик назначает должностное лицо, ответственное за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта (далее - контрактный управляющий).

Контрактный управляющий действует на основании Приказа руководителя и должностной инструкции. Но для этого надо внести изменение в штатное расписание. Поручение работнику выполнение функций контрактного управляющего может осуществляться путем принятия или перевода на новую должность. Но, традиционно, выполнение данной работы осуществляется путем совмещения должностей (наряду с основной работой, согласно трудовому договору, выполняется дополнительная работа по другой профессии (должности)). Ст. 151 Трудового кодекса установлено, что размер доплаты за совмещение должностей устанавливается по соглашению сторон трудового договора [3]. В организации может быть несколько контрактных управляющих. Следует обратить внимание, что контрактный управляющий отвечает за закупку от начала до конца, тогда как на специалиста контрактной службы может быть возложена только часть обязанностей по закупке (к примеру, обоснование начальной (максимальной) цены и изучение рынка товаров, работ, услуг.)

Работники контрактной службы и контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок (ч.6 ст.38 Закона о контрактной системе).

Контрактная служба, контрактный управляющий осуществляют следующие функции и полномочия:

1) разрабатывают план закупок, осуществляют подготовку изменений для внесения в план закупок, размещают в единой информационной системе план закупок и внесенные в него изменения (Пункт 1 части 4 ст.38 вступает в силу с 1 января 2015 года (ст.114 данного документа));

2) разрабатывают план-график, осуществляют подготовку изменений для внесения в план-график, размещают в единой информационной системе план-график и внесенные в него изменения (Пункт 2 ч.4 ст.38 вступает в силу с 1 января 2015 года (статья 114 данного документа));

3) осуществляют подготовку и размещение в единой информационной системе извещений об осуществлении закупок, документации о закупках и проектов контрактов, подготовку и направление приглашений принять участие в определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) закрытыми способами;

4) обеспечивают осуществление закупок, в том числе заключение контрактов;

5) участвуют в рассмотрении дел об обжаловании результатов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и осуществляют подготовку материалов для выполнения претензионно-исковой работы;

6) организуют в случае необходимости на стадии планирования закупок консультации с поставщиками (подрядчиками, исполнителями) и участвуют в таких консультациях в целях определения конкурентной среды на соответствующих рынках товаров, работ, услуг, определения наилучших технологий и других решений для обеспечения государственных и муниципальных нужд;

7) осуществляют иные полномочия, предусмотренные настоящим Федеральным законом[4].

Кроме того, для определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), за исключением осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), заказчик создает комиссию по осуществлению закупок. Заказчики могут создавать конкурсные, аукционные, котировочные комиссии, комиссии по рассмотрению заявок на участие в запросе предложений и окончательных предложений и единые комиссии, осуществляющие функции по осуществлению закупок путем проведения конкурсов, аукционов, запросов котировок, запросов предложений. Заказчик включает в состав комиссии преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лиц, обладающих специальными знаниями, относящимися к объекту закупки

Таким образом, правовое обеспечение профессиональной деятельности заказчика в области контрактной системы базируется на основании действующего законодательства, а также локальных актов (положений, регламентов, инструкций) разработанных заказчиком.

Как было сказано выше, работники контрактной службы, контрактный управляющий обязаны выполнять значительный объем работы по осуществлению закупок для обеспечения потребностей государственных и муниципальных заказчиков. При этом Закон о контрактной системе не требует, чтобы специалисты в данной сфере занимались исключительно данной деятельностью.

Не считая данное направление работы организации важным, заказчик не видит необходимости расходовать денежные средства на подготовку специалистов в сфере закупок. К тому же, на современном этапе развития контрактной системы, отсутствует профессиональный стандарт требований к уровню подготовки данных специалистов. Поэтому сегодня на рынке образовательных услуг существует множество, как государственных, так и коммерческих учебных заведений предлагающих обучить специалистов по закупкам от 16 до 550 часов в очной, заочной, дистанционной форме с выдачей удостоверений. По длительному опыту работы в сфере подготовки специалистов по закупкам, можно с уверенностью сказать, что для качественного обучения вновь пришедшего в данную сферу работника, необходимо пройти программу от 120 часов, с последующим повышением квалификации в зависимости от изменений законодательства в сфере закупок.

Таким, образом, необходимо отметить наличие серьезного дисбаланса в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. А именно, цель контрактной системы - осуществить закупку эффективно, качественно с экономией бюджетных средств. Но реализовать данную цель могут только опытные квалифицированные специалисты, в которых сегодня заказчик испытывает дефицит.

В итоге, заказчик сталкивается с непрофессиональным подходом к исполнению своих обязанностей специалистов контрактной службы, контрактного управляющего (отсутствие опыта работы в данной сфере, отсутствие необходимого уровня знаний в области применения законодательства о контрактной системе). В итоге, допускаются ошибки при формировании планов-графиков закупок, выбирается не соответствующий требованиям законодательства способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), из-за ошибок при подготовке документации о закупке заказчик приобретает некачественный товар, некачественно выполненные работы или услуги, происходит нерациональное расходование бюджетных средств.

Отсутствие необходимого уровня знаний членов комиссии приводит к ошибочным решениям в области рассмотрения и оценки заявок на участие в закупках, что приводит к санкциям со стороны контрольных органов в виде отмены проведенных процедур, предписаний провести определенный этап закупки повторно и даже административного штрафа от пяти до тридцати тысяч рублей налагаемого на члена комиссии в зависимости от его подписи в протоколе [5].

Автор проанализировал всего 5 закупок размещенных на официальном сайте zakupki.gov.ru 23 октября 2014 года и в двух из них были обнаружены серьезные ошибки. Краевое государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Специализированная больница восстановительного лечения Министерства здравоохранения Хабаровского края «Анненские воды» при закупке автошин посредством запроса котировок указали, что им нужны автошины Matador mps 330 Maxillia 2 (или эквивалент) и Matador mps 530 Siber Snow Van (или эквивалент). Автошины должны быть выпуска 2014 года [6]. Данные требования противоречат требованиям статьи 33 Закона о контрактной системе и ч.4.1 ст.7.30 Кодекса административных правонарушений. Магаданский психоневрологический диспансер разместил закупку на приобретение бытовой мебели посредством открытого конкурса, что противоречит требованиям статьи Закона о контрактной системе, так как данный предмет закупки относится в Перечню товаров, работ, услуг закупаемых заказчиками исключительно через электронный аукцион [7]. За данное нарушение следует наказание в виде административного штрафа в тридцать тысяч рублей [8]. В разделе критерии оценки заявок на участие в конкурсе заказчик указал критерии оценки, которые отсутствуют в статье 32 Закона о контрактной системе, а именно «гарантийный срок -10%», «срок поставки - 10%» [9].

Указание на несоответствующие Закону критерии оценки могут привести к жалобам со стороны участников конкурса и к решению контрольного органа, чтобы заказчик внес изменения в конкурсную документацию или отменил результаты оценки заявок, если данная процедура уже состоялась. В итоге, любое из данных решений значительно продлевает срок проведения открытого конкурса.

Таким образом, на современном этапе развития системы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, крайне необходимо в короткие сроки разработать профессиональный стандарт, с определением трудовых действий специалистов, требований к необходимым знаниям и умениям.

На наш взгляд необходимо установить обязательность создания контрактной службы в качестве самостоятельного подразделения, если объем закупок в организации превышает 100 миллионов рублей.

Также следует ввести должность контрактного управляющего в качестве штатного работника с полномочиями заместителя руководителя организации.

Требуется установить, чтобы в комиссии по закупкам 50% плюс один из всех членов комиссии имел документ о подготовке в сфере закупок.

Назрела потребность в создании образовательного стандарта по подготовке, переподготовке и повышении квалификации специалистов в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Литература:

1.О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04. 2013 года. (ред. от 22.07.2014) ст.9 // Собрание законодательства Российской Федерации 2013 №14 ст.1652

2.Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе: Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 29 октября 2013 года № 631 (ред. от 26.05.2014) // «Российская газета» от 04.12. 2013 № 273

3. Трудовой кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 30.12 2001 №197-ФЗ, ст.151 (в ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации 2002 №1 ч.1 ст.3

4.О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон Российской Федерации № 44-ФЗ от 05.04.2013 ч.4 ст.38 (ред. от 22.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации 2013 № 14 ст. 1652.

5.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ ч.2 ст.7.30 // Собрание законодательства 2002 № 1 ч.1 ст.1

6.Государственные закупки: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakupki.gov.ru/epz/order/notice/zk44/vie>. Дата обращения 23 октября 2014 года, номер закупки 0322200024614000072

7.Перечень товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион): Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31. 10. 2013 № 2019-р // Собрание законодательства Российской Федерации 2013 № 45 ст.5861.

8.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ ч.1 ст.7.29 // Собрание законодательства Российской Федерации 2002 № 1 ч.1 ст.1.

9.Государственные закупки: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakupki.gov.ru/epz/order/quicksearch/sei> Дата обращения 23 октября 2014 года, номер закупки 1019200000314000001.

Прокушкина И.И.,
воспитатель общежития,
Дьяконова Е.А.
студентка
Трубина Т.В.
студентка
Хамина С.А.
студентка
Гудимов Е.В.
студент

ГБОУ СПО СО «Камышловский педагогический колледж»

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Формирование жизнеспособного молодого поколения - одна из главных задач российского государства. Во Всеобщей декларации прав человека отмечается, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе». Социальная защита детей представляет собой завершённую систему, опирающуюся на сформированную нормативно-правовую базу, организационную структуру, работающую с разными группами населения (разными возрастными группами детей и подростков), с семьёй, учителями, с лицами, взаимодействующими с детьми, а именно, защищённость на определенном уровне жизни ребенка; безопасность (физическая, экономическая, социальная); право на самореализацию и развитие своих способностей и возможностей.

Международные документы, в том числе и о правах человека, условно разделяются на Декларации и Конвенции. Конвенция о правах ребенка не только развивает, но и конкретизирует положения Декларации прав ребенка. Конвенция идет дальше Декларации в том, что государства, которые присоединяются к Конвенции, несут юридическую ответственность за свои действия в отношении детей. [1, с.3]

Государственная политика социальной защиты детства осуществляется в соответствии с нормативными актами, установленными законодательными документами Российской Федерации, провозглашающими: гарантированное общедоступное бесплатное начальное, основное и среднее (полное) общее образование, а на конкурсной основе — среднее и высшее профессиональное образование и воспитание в общеобразовательных учреждениях; бесплатное медицинское обслуживание детей, обеспечение их питанием в соответствии с минимальными нормами питания; гарантированное обеспечение детям по достижении ими возраста 15 лет права на профессиональную ориентацию, выбор сферы деятельности, трудоустройство, охрану и оплату труда; социальное обслуживание и социальная защита детей, в том числе гарантированная материальная поддержка путем выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей; социальная адаптация и социальная реабилитация детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; право на жилище в соответствии с законодательством; организация оздоровления и отдыха детей; организация квалифицированной юридической помощи. [4, с.9]

К приоритетным группам детей, в первую очередь нуждающихся в социальной защите, относятся: дети - сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети из девиантных и педагогически запущенных семей; дети из приемных семей, многодетных, неполных; дети инвалидов; дети, имеющие недостатки в психическом и физическом развитии; дети безработных граждан и другие. Все эти группы предусматривают определенные уровни, социальной защиты: первый уровень социальной защиты чрезвычайный, связан с потерей родителей, с социальным сиротством, социальными и экологическими катастрофами; второй уровень — связан, прежде всего, с защитой семьи, а также с защитой ребенка в сфере образования. Социальная защита данных приоритетных категорий проявляется в разных сферах жизнедеятельности: в сфере семейных отношений; в среде обитания; в сфере образования. [3, с. 24]

Вопросами социальной защиты детей — лиц, не достигших 18 лет, занимаются социальные педагоги, психологи, учителя, преподаватели, представители социальных институтов и социальные партнеры, заинтересованные в результатах образования данной категории детей. [1, с.36]

Выпускники учреждений общественного воспитания в не достаточной мере подготовлены к жизни в обществе, трудно адаптируются и ориентируются в нем. Поэтому значимой задачей образовательных организаций среднего профессионального образования является разработка и реализация конкретных программ и методических материалов для организации воспитательной работы с данной категорией обучающихся. Немаловажное значение в решении данной задачи отводится организации воспитательной работы в общежитии, так как **общежитие** – не только место проживания, но и новая социальная микросреда, определяющая перспективные направления профессионального и духовного развития личности, преодоления трудностей и противоречий процесса адаптации молодежи к новым социально-бытовым условиям. На основании выше изложенных позиций одно из приоритетных направлений воспитательной работы в общежитии социальная защита, так как именно содержание данной работы с этой категорией детей определяется приоритетами государственной политики. Цель организации воспитательной работы в общежитии с данной категорией обучающихся определяется как: совершенствование условий социально – психологического комфорта, защищенности, социализации субъектов образовательного процесса, сохранение психологического благополучия в процессе обучения в колледже, содействие охране прав личности в соответствии с Конвенцией об охране прав ребенка. Основные задачи деятельности: изучение особенностей развития личности студентов с учетом их психофизиологических особенностей; содействие полноценному личностному и социальному развитию студентов, формирование у них способностей к самовоспитанию, саморазвитию, самоопределению; организация различных видов социально – ценностной и психологической помощи.

В соответствии с целеполаганием работа ведется по следующим направлениям: организационно – методическое; диагностическое; коррекционно – развивающее; консультативно – профилактическое.

Организационно – методическое направление определяет следующее содержание деятельности: работу с литературой: изучение научно – теоретических подходов и изучение практического опыта, инновационных технологий по проблеме «Социальная и психологическая адаптация опекаемых»; участия в педсоветах и в малых педсоветах по вопросам, касающихся опекаемых; совещание при зам.директора по УВР и СПР; беседы с кураторами, воспитателями, преподавателями, мед. работником; составление планов работы; составление аналитических справок; организация социально – ценностной деятельности: контроль за поступлением денежных средств; контроль за оформлением пакета документов для получения пособия.

Диагностическое направление включает: изучение личных дел студентов нового набора; наблюдение за процессом адаптации студентов нового набора; заполнение личных карт студентов нового набора; сбор информации об отклонениях в учебно-воспитательном процессе; выявления учащих с высоким уровнем тревожности.

Коррекционно-развивающая направление подразумевает: цикл занятий для опекаемых: совершенствование навыков общения, активизация механизмов самопознания, самовыражения; формирование адекватной самооценки, повышение ответственности за свои поступки; повышение уровня социальной активности; повышение мотивации к достижению жизненных целей. цикл коррекционно – развивающих занятий, направленных на формирование эмоциональной стабильности и положительной самооценки, снижение уровня ситуативной и личностной тревожности.

Консультативно-профилактическое направление предполагает организацию и проведение консультаций с опекаемыми по личным вопросам; профилактических бесед с опекаемыми: профилактика асоциального поведения; повышение социальной культуры. Профилактики социальной дезадаптации: посещение учреждения социально – бытового обслуживания; беседы – инструкции; работ с документацией; встреч с представителями социальных институтов.

Таким образом, данное приоритетное направление воспитательной работы в общежитии - социальная защита ориентирована: в первую очередь на адаптацию к условиям, созданным в образовательном учреждении (образование, воспитание), во – вторых, к пониманию собственной позиции в получении образования и в дальнейшем его использовании для успешной социализации в обществе и государстве.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года)
2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс
3. Шнекендорф З.К. Изучение Конвенции о правах ребенка в школе Учебное пособие для учителей: М.: Логос, 2001
4. Шнекендорф З.К. Изучение Конвенции о правах ребенка в школе: Учебное пособие для учителей / Под ред. Е.Н. Рахмановой, В.А. Северухина, Б.С. Эбзеева. – М.: Логос, 2001. – 20 с

Пушкарев К.А.

ОАО НПК «УралВагонЗавод»

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
магистрант*

МОТИВАЦИЯ КОМАНДЫ ПРОЕКТА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТА

Мотивация команды проекта является одной из важнейших частей управления командой проекта. Конечными целями проекта является соблюдение сроков, бюджета средств и удовлетворение заказчика. Соответственно, необходима система мотивации и стимулирования команды, которая позволит достичь цели проекта в заданные сроки.

Основной целью системы мотивации и стимулирования команды проекта является улучшение качества выполняемых работ за счет повышения эффективности работы членов команды.

Задачами системы мотивации и стимулирования команды проекта являются:

- Формирование мотивации членов команды проекта на качественное и своевременное выполнение задач проекта, эффективное взаимодействие подразделений, участвующих в реализации проекта, и высокий уровень дисциплины.
- Формирование основы для принятия кадровых решений, в том числе о дополнительном обучении, вознаграждении, взысканиях и т.д.
- Получение обратной связи от руководителей проектов о работе членов команд проектов.

Существует 3 основные системы мотивации и стимулирования команд проектов:

1. Проектная система мотивации и стимулирования – система, создаваемая специально для мотивации и стимулирования членов команды создаваемого проекта. Данная система мотивации позволяет учесть специфику проекта, но связана с высокими временными и трудовыми затратами.

2. Система мотивации и стимулирования, которая используется в дополнение к текущей системе мотивации всех сотрудников организации. Данная система позволяет частично учесть специфику проекта как особого процесса и в то же время не связана с большими издержками.

3. Общая система мотивации, которая использует единые подходы и принципы мотивации и стимулирования для всех сотрудников организации. Данная система не учитывает специфику проекта, что может привести к снижению уровня мотивации членов команды проекта на достижение целей и, следовательно, поставить под угрозу срыва весь проект в целом.

Характерной спецификой системы проектной мотивации и стимулирования является четкая ориентация команды проекта на достижение конкретной цели. Соответственно, именно достижение или недостижение цели будет являться главным результатом деятельности команды проекта.

Другой характерной особенностью является уникальность проектной системы и мотивации, что определяется уникальностью каждого проекта.

Наиболее часто в качестве основы проектной системы мотивации и стимулирования выступает система ключевых показателей эффективности (или KPI).

Выделяют несколько видов ключевых показателей эффективности:

1. Ключевой показатель эффективности проекта определяет эффективности реализации проекта в целом в части достижения результатов, качества и своевременности достигнутых результатов. Данный показатель является единым для команды проекта. Зачастую для определения значения показателя используются документы стратегического и тактического уровня.

2. Ключевой показатель эффективности блока мероприятий (опциональный) определяет эффективность выполнения блока мероприятий в части достижения качества и своевременности результатов блока мероприятий. Показатель также является единым для всей команды проекта, но уникален для различных блоков мероприятий.

3. Индивидуальный ключевой показатель эффективности определяет индивидуальную эффективность участников проекта. Показатель является уникальным, т.к. определяется для каждого из участников команды проекта [1]. Данный показатель исчисляется на основе ключевых показателей эффективности проекта и отдельных блоков мероприятий.

При использовании ключевых показателей эффективности процесс организации системы мотивации и стимулирования команды проекта протекает в несколько этапов (таблица 1).

Таблица 1. Этапы организации системы мотивации и стимулирования команды проекта

Наименование этапа	Применяемые методы	Ответственное лицо
Определение ключевых показателей эффективности проекта	Показатели определяются на основе стратегических и тактических документов проекта, а также на основе опроса и тестирования членов команды	Менеджер проекта по согласованию с заказчиком проекта
Оценка проектных ключевых показателей эффективности	Экспертная оценка (менеджер проекта, заказчик проекта, менеджеры аналогичных проектов, руководитель службы персонала и т.д.)	Менеджер проекта по согласованию с заказчиком проекта
Определение коэффициентов премирования	Экспертная оценка	Менеджер проекта по согласованию с заказчиком проекта
Расчет премии участников проекта на основании выполненных работ	Умножение значения ключевого показателя на значение фактического выполнения работ	Менеджер проекта
Организация выплаты премий участникам команды проекта	Перевод денежных средств на расчетный счет члена команды	Менеджер проекта Руководитель финансовой службы

Также в ходе реализации проекта возможна корректировка ключевых показателей эффективности.

Ключевые показатели эффективности выступают как инструмент материального, так и нематериального стимулирования. Также дополнительными нематериальными стимулами для команды проекта выступают:

- гарантия занятости;
- ответственность за результат;
- профессиональный рост;
- получение опыта работы в проектной команде;
- и др.

Разработка и применение системы мотивации и стимулирования позволит повысить эффективность деятельности команды проекта, и, как результат, будет способствовать успешной реализации проекта.

Литература:

1. Проектная мотивация [электронный ресурс]. URL: <http://www.pmservices.ru/#!/projectmotivation/c17ev> (дата обращения: 20.08.2014)
2. Михеев В. Современная команда менеджмента проекта // Директор ИС. 2001. №5.

Радковская Е.В.

*Уральский государственный экономический университет
доцент кафедры статистики, эконометрики и информатики*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКЕ

Мировой кризис внес неизбежные коррективы в экономическую политику практически всех государств. Имевшиеся и ранее почти во всех странах региональные проблемы, часть из которых порождена объективными факторами, такими как, например, неравномерность распределения природных ресурсов, усугубились в результате вынужденного снижения активности по смягчению их последствий. Не остались в стороне от сложившейся общемировой кризисной ситуации и ныне независимые государства, прежде входившие в состав СССР. Хотя глубина кризиса в каждой из них в большой мере обусловлена индивидуальными особенностями внутренних хозяйственных инфраструктурных связей, существуют некоторые общие для этих стран проблемы, инициированные длительным функционированием в едином экономическом пространстве.

Региональная организация стран – бывших республик СССР, сформировавшаяся во многом в эпоху плановой индустриализации, была ориентирована на оптимизацию территориального размещения производительных сил, в силу чего регионы рассматривались преимущественно как геоэкономическая совокупность сопряженных производственно-технологических комплексов, позволяющих совокупно обеспечить сбалансированность, самодостаточность и динамичный рост советской экономики. Подчиненность региональных экономик главной цели обуславливала выбор приоритетов их развития соответственно этапам «большого пути» страны, зачастую недостаточно учитывая аспекты автономной устойчивости и комплексности развития конкретных территорий.

Проводимая позже политика выравнивания социально-экономического развития регионов, как и масштабная структурная перестройка государственной региональной организации, вызванная глобальной трансформацией экономических и пространственных систем регионов (в первую очередь, вследствие распада СССР), при несомненной позитивной направленности их целей, также привели к возникновению целого комплекса новых экономических, социальных и политико-правовых проблем, непосредственно отразившихся на устойчивости социально-экономической ситуации как всей региональной организации страны, так и отдельных ее территорий.

В ходе реформ произошло разрушение сложившихся хозяйственных связей между республиками, краями, областями, практически распалась система государственного планирования, что в серьезной мере нарушило систему территориального управления экономикой как в России, так и в прежних союзных республиках, а также системы развития производства и научно-технического развития, способствовало спаду национальных экономик.

В России вплоть до 2000 г. наблюдался рост поляризации российского пространства по многим социально-экономическим показателям. В условиях структурного кризиса большинство отраслей отечественной промышленности (за исключением ТЭК и экспортно-ориентированных отраслей) еще в начале 1990-х гг. исчерпали технологические и финансовые возможности роста, внешние инвесторы потеряли к ним интерес [1, с. 122].

Общий перечень наиболее актуальных проблем, вставших перед регионами на этом этапе, можно подразделить на несколько блоков.

Экономические структурные проблемы:

1. рост расходов на поддержание инфраструктурного хозяйства вследствие неэффективной пространственной организации страны (избыточность в слабеющих и недостаточность в растущих регионах);

2. закрепление в первую очередь сырьевой специализации страны вследствие унаследованной от СССР системы расселения и территориальной хозяйственной организации;

3. слабая связанность и непродуктивность взаимодействия регионов в существующей пространственной конфигурации, что приводит к увеличению разрыва в темпах роста экономики между отдельными субъектами Федерации;

4. низкая конкурентоспособность большинства регионов в глобальном рынке, отсутствие конкурентоспособных территориальных кластеров.

Социальные (демографические, квалификационные и этнокультурные) проблемы:

1. отсутствие воспроизводства и капитализации ключевого актива – человеческих ресурсов – в большинстве регионов;

2. ежегодная убыль населения и увеличение доли населения пенсионного возраста, сокращение численности экономически активного населения;

3. чрезвычайно малое количество привлекательных для миграционного притока населения регионов;

4. низкая мобильность населения внутри страны, наложенная на низкую квалификационную мобильность населения;

5. недостаточная продуктивность межэтнических и межконфессиональных, кросскультурных взаимодействий.

Проблемы управления региональным развитием:

1. потеря мотивации к развитию у регионов-лидеров и появление иждивенческих настроений у остальных территорий вследствие проводимой политики выравнивания последствий открытия внутреннего рынка;

2. ограниченность набора инструментов для управления региональным развитием (в основном бюджетные трансферты и федеральные целевые программы); чрезвычайно медленное внедрение современных инструментов в систему государственного управления региональным;

3. в ряде случаев сдерживание развития социально-экономических процессов по причине непродуктивности сложившейся административно-территориальной формы регионализации страны (старых административных границ).

При этом, как отмечают ученые института географии РАН [2, с. 5], за период доминирования политики выравнивания социально-экономического развития регионов, несмотря на все предпринятые меры, базовая задача региональной политики – сокращение различий социально-экономического состояния субъектов РФ – так и была не решена.

По мнению специалистов Минрегионразвития [3, с. 4], государственная политика регионального развития, основанная на целях и принципах предыдущего этапа развития и в силу этого реализовывавшаяся в основном как плановое размещение на территории производительных сил, себя фактически исчерпала. Это как факт было признано и представителями научного сообщества, и представителями власти. В феврале 2008 г. на экономическом форуме «Россия» Д.Н. Козак (в то время – глава Минрегионразвития) констатировал полный крах региональной политики, базирующейся на принципах централизации.

Т.о., в нынешних условиях необходимости преодоления последствий кризиса и, в целом, ликвидации экономического упадка, стала очевидной необходимость смены механизма государственного управления социально-экономическим развитием регионов.

Это предопределило выбор новой стратегии регионального развития, выразившейся в политике выравнивания последствий открытия внутреннего рынка. Основным принципом этой политики является принцип поляризованного развития, которому страны, переживающие социально-экономический подъем, следуют в его начальных фазах, когда инновационная волна в стране только начинает формироваться и должна достичь своей масштабности хотя бы за счет концентрации в отдельных «полюсах роста» [3, с. 38]. Поляризованное, или «сфокусированное», развитие предполагает фокусировку финансовых, административно-управленческих, человеческих и иных ресурсов в так называемых «опорных» регионах, и

последующее распространение инновационной активности в другие регионы. «Опорные» регионы (называемые также «полюсами», или «локомотивами» роста), таким образом, проявляя – за счет концентрации ресурсов – наибольшую интенсивность предпринимательской активности, инновационных процессов и экономического роста в целом, становятся «девелоперами» для остальных территорий.

Как бы то ни было, современная ориентация на преимущественное развитие полюсов роста не отменяет необходимости решения базовой задачи региональной политики, а именно: сокращения различий социально-экономического состояния субъектов РФ. Основными целями региональной политики в Российской Федерации, утверждаемыми Министерством регионального развития, по-прежнему остаются обеспечение сбалансированного социально-экономического развития регионов страны, укрепление территориальной целостности государства, рост благосостояния и качества жизни граждан России и сокращение различий между регионами по жизненному уровню [2, с. 3].

В свете последней задачи необходимо совершенствование системы федерального мониторинга региональных социально-экономических показателей, которая позволяла бы, в частности, проводить оценку уровня социально-экономического развития регионов и муниципальных образований, а также объективно оценивать необходимость федеральной поддержки региона или муниципального образования. Мы полагаем, что такая система мониторинга должна действовать не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях, позволяя объективно определять степень поддержки, необходимой территориям любого таксономического уровня.

Литература:

1. Уткин Э.А., Денисов А.Ф. Государственное и муниципальное управление. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем». Издательство «ЭКМОС», 2001 г.
2. Концепция совершенствования региональной политики в Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс]. URL: <http://www.igras.ru> (дата обращения 18.10.2014)
3. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов РФ. – Министерство регионального развития Российской Федерации, 2005. [электронный ресурс]. URL: <http://archive.minregion.ru> (дата обращения 18.10.2014)

Руденкин Д.В.

*Уральский Государственный
Педагогический Университет
к.с.н., старший преподаватель
кафедры социологии и политологии*

ПОЧЕМУ МЕНЯЕТСЯ ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К НЕРАВЕНСТВУ В ДОХОДАХ?

Исследования Института Социологии РАН, проведенные за последние 6-7 лет, свидетельствуют о том, что в России снижается острота антагонизма между богатыми и бедными. Разумеется, нельзя сказать, что противоречия между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами исчезают вовсе. Но все же сама по себе ситуация сильного разрыва в доходах, судя по исследованиям социологов, сейчас не кажется многим россиянам столь уж несправедливой. С тем, что неравенство доходов может быть нормальным при условии равенства возможностей, соглашалось до 70% россиян в 2007-м г.[11, с. 181], 60% - в 2011-м г. 60% [5, с. 166] и 79% - в 2013-м г.[10, с. 58]. Эти цифры довольно ощутимо контрастируют с выводами, которые в социологи получали 12-15 лет назад: тогда около 50% россиян с раздражением относились к существованию в стране любых людей с очень высокими доходами [3, с. 296], 44% открыто отождествляли богатых людей с преступниками [7, с. 11], а 57% даже настаивали на том, что государство обязано принудительно регулировать уровень доходов богатых людей [2, с. 32]. То есть заметно, что определенные изменения во взглядах россиян на справедливость существования богатых и бедных за прошедшие годы явно случились.

В данной работе мы намерены выдвинуть гипотезу о возможном происхождении этих изменений во взглядах россиян. Очевидный ответ на вопрос о их происхождении заключается в том, что за прошедшие годы просто изменились реалии жизни российского общества: в 1990-е гг. россияне сталкивались с одними особенностями жизни, а в 2000-е гг. - с другими, которые сделали их более лояльными к ситуации неравенства доходов в обществе. Но важно еще и понимать, что конкретно поменялось в реалиях жизни между 1990-ми и 2000-ми гг.. Мы предполагаем, что важно разграничивать между собой два взаимосвязанных, но все же не тождественных явления. Первое такое явление - это разрыв в доходах между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами. Второе явление - средний уровень жизни и покупательская способность граждан, существующие в государстве в тот или иной момент времени. Соответственно, наша гипотеза заключается в том, что более лояльное отношение россиян к неравенству в доходах появилось не потому, что в 2000-е гг. в российском обществе наступил период всеобщего равенства, а потому значительная часть малообеспеченных граждан повысила уровень своей жизни. Ниже, опираясь на данные исследований отечественных социологов и экономистов последних 20 лет, мы продемонстрируем, как менялись эти два явления на протяжении последних лет и как это могло повлиять на настроения россиян.

Если проанализировать, как на протяжении последних 20 лет менялась разница в доходах между различными категориями российского населения, то приходится констатировать, что радикальных изменений в жизни россиян между 1990-ми и 2000-ми гг. не произошло. С одной стороны, 1990-е гг. действительно можно считать периодом, когда в России произошла сильная дифференциация доходов между богатыми и бедными. В середине 1990-х гг. 10% наиболее обеспеченных россиян имели доходы, в 15 раз превосходящие доходы 10% наименее обеспеченных [8, с. 146], а уже к 2000-му г. этот разрыв и вовсе достиг 34 раз [12, с. 28]. Кроме того, по экспертным оценкам, в 1990-е гг. 85% всех сбережений в банковской системе, 92% доходов от собственности и 96% расходов на покупку валюты оказались в руках лишь крайне узкой наиболее обеспеченной части общества [13, с. 70]. С другой стороны, 2000-е гг. также некорректно назвать эпохой экономического равенства между разными слоями российского населения. Равенства доходов в этот момент не наступило: с 2001 по 2007 гг. средний ежегодный рост зарплат в стране составлял 10-12%, но, например, в сфере рыболовства этот показатель доходил сразу до 32%, а в сфере строительства - до 30% [6]. Кроме того, в 2007 г. до 20% россиян имели доходы ниже прожиточного минимума, хотя в это же самое время в топливной промышленности у 50% сотрудников уровень доходов превышал прожиточный минимум в 20 раз, а у трети банковских работников - и вовсе в 26 раз [13, с. 66]. Иными словами, разрыв в доходах между богатыми и бедными россиянами оказался весьма ощутим и в 1990-е, и в 2000-е гг.

Тем не менее, если мы взглянем на второй показатель, средний уровень жизни населения, то между 1990-ми и 2000-ми гг. можно найти более существенные различия. Уже в начале 1990-х гг., согласно официальным данным Росстата, в России за чертой бедности находились до 49,7 млн. человек (33,5% от общей численности населения) [13, с. 66]. В середине 1990-х гг. до трети россиян были вынуждены экономить даже на таких продуктах питания, как молоко, мясо, рыба, фрукты [1, с. 26]. Еще столько же не имели сколько-нибудь серьезных сбережений и были вынуждены жить "от зарплаты до зарплаты" [9, с. 180]. Однако в 2000-е гг. все эти показатели стали ощутимо меняться. Во-первых, совсем иной стала официальная статистика: уже в начале 2000-х гг. сразу в три раза сократилось число абсолютно бедных россиян, которым не хватало средств даже на удовлетворение самых элементарных потребностей [4, с. 29], а среднегодовой рост зарплат, напомним, оценивался тогда сразу в 11-12% [6]. Во-вторых, поменялись и показатели, которые получали российские социологи в ходе опросов: доля семей, оценивавших себя как бедняков, снизилась с 22% в 2001 г. до 12% в 2008 г [1, с. 28], а процент россиян, оценивающих свои доходы как низкие, медленно, но неуклонно снижался на протяжении всех 2000-х гг. [13, с. 68]. Иными словами, в 2000-е гг. в России практически непрерывно, хотя и не быстро, росло благосостояние значительной части населения, а число заведомо бедных сокращалось.

Сопоставляя два этих обстоятельства, мы приходим к выводу, что современные россияне стали более лояльно относиться к ситуации неравенства доходов в обществе потому, что для большинства из них эта ситуация перестала быть настолько болезненной. Само неравенство доходов между разными категориями населения, как видно из

приведенных выше цифр, сохранилось – оно оказалось явной, характерной чертой российского общества и в 1990-е, и в 2000-е гг.. Безусловно, оно стало меньше. Наверняка эволюционировали и основания его формирования. Но само по себе оно оставалось. Однако в силу социально-экономических причин и повышения благосостояния значительного количества граждан в 2000-е гг. это оказались все-таки разные виды неравенства. В 1990-е гг. мы имели дело с неравенством между богатыми и нищими гражданами. В 2000-е гг. это оказалось неравенство между богатыми и в большинстве своем относительно обеспеченными гражданами. Само неравенство, таким образом, сохранилось, просто большинством россиян оно стало восприниматься как нечто приемлемое, допустимое. Столкнувшись с тем, что их собственный уровень жизни уже не находится на грани катастрофы, многие россияне, как мы предполагаем, стали лояльнее относиться к тому, что у кого-то другого доходы могут быть существенно больше.

Разумеется, в настоящий момент это всего лишь гипотеза, которая концептуально основана лишь на вторичном анализе данных и нуждается в тщательной проверке. Поэтому пока мы осторожны в выводах и не готовы безапелляционно заявить, что отношение россиян к разрыву в доходах изменилось именно поэтому. Тем не менее, мы полагаем, что такой поворот в рассуждениях многих россиян был вполне возможен. Справедливо ли это предположение или у изменений во взглядах россиян должно быть какое-то иное объяснение - мы намерены проверить в ходе своих дальнейших исследований.

Литература:

1. Бондаренко Н.А. Дефолт августа 1998 г. глазами населения // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96). С. 23-32.
2. Григорьев С.И. Трансформация оценок населением России роли государства в регулировании доходов богатых // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 30-43.
3. Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. - 630 С.
4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. Фоторобот российского обывателя // Мир России. 2009. № 2. С. 27-33.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь мир. 2011. - 328 С.
6. Динамика основных социально-экономических показателей России в 1992-2009 гг. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики - [электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_11/IssWWW.exe/Stg/d01/01-02.htm (запрос сделан 31.10.2014 г.)
7. Левада Ю.А. "Человек советский": Четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений // Вестник общественного мнения. 2004. № 4. С. 8-18.
8. Малеева Т.М. Дифференциация доходов населения на фоне финансовой стабилизации // Мир России. 1996. № 3. С. 145-160.
9. Мансуров В.А., Семенова Л.А. О материальном положении россиян // Мир России. 1996. № 3. С. 179-182.
10. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. - М.: Весь мир. 2013. - 400 с.
11. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; Под общ. ред. М.К. Горшкова. - М.: ИИК "Российская газета". 2007. - 448 С.
12. Суринов А.Е. Социально-экономическая ситуация в 1992-2000 гг. – воздействие на население России // Мир России. 2001. № 2. С. 25-35.
13. Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. № 4. С. 60-89.

ПРИЧИНЫ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ ПОТЕНЦИАЛА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Общественные организации в развитых демократических государствах являются важнейшими институтами артикуляции интересов различных социальных групп. Ассоциации работодателей, профсоюзы, правозащитные, экологические, ветеранские, молодежные, женские, и множество других подобных организаций постоянно выявляют (уточняют, корректируют) интересы соответствующих социальных групп и в случае необходимости транслируют их в публичную сферу, привлекая к ним внимание органов власти различных уровней, настаивая на учете ими этих интересов при разработке и принятии политических решений. Тем самым общественные организации играют роль важнейшего связующего звена между властью и гражданами.

В России таких организаций тоже много. По данным Минюста России, на 1 января 2013 г. в нашей стране было зарегистрировано 104949 общественных объединений, 32334 профсоюза, 988 национально-культурных автономии, 87028 некоммерческих организаций иных организационно-правовых форм [1, с. 7]. Казалось бы, внушительная сила? Однако этот огромный потенциал в силу ряда причин востребован явно недостаточно.

Первая причина – недоверие граждан к таким организациям. Корни такого недоверия уходят в не столь далекое советское прошлое, когда членство в общественных организациях было практически поголовным, однако не столько вследствие сознательности советских граждан, сколько за счет своего «добровольно-принудительного» характера. Имея дело длительное время с действовавшими под строгим партийным контролем (а потому далеко не самостоятельными) общественными организациями типа советских профсоюзов или ВЛКСМ, бывшие советские люди перенесли свой скепсис в отношении них на возникшие уже в постсоветский период общественные организации. А молодое поколение, которое о тех же советских профсоюзах или ВЛКСМ имеет очень поверхностное представление, не смогло – во всяком случае до настоящего времени – осознать важную роль таких организаций в налаживании цивилизованного диалога государства и гражданского общества, в отстаивании и защите интересов различных социальных групп.

Вторая причина – опять-таки коренящийся в нашем советском прошлом страх граждан вступать в общественные организации. Как отмечает руководитель отдела социокультурных исследований «Левада-Центра» А. Левинсон, большевики после прихода к власти в октябре 1917 г. едва ли не первым делом ополчились не столько против своих прямых политических соперников – эсеров или кадетов, сколько против общественных организаций – таких, как кассы взаимопомощи, товарищества по обработке земли, вольные общества и т.п. «За тем, чтобы не возникла организация, следили невероятно пристально. Их уничтожали просто за тот факт, что они – организация, не сильно интересуюсь предметом деятельности. Создание организации являлось отягчающим обстоятельством в Уголовном кодексе. Очень быстро образовалась мифология и фобия – появились, например, не просто троцкисты, а именно троцкистская организация, то есть многократно увеличенное зло. Началось вылавливание, придумывание организаций. И сегодня, когда за создание ассоциации любителей садоводов или кружков вольного исторического общества уже давно никого не сажают, число оформленных общественных организаций, в которых есть регулярные собрания, членство, управляющий орган, печатное издание или недвижимость, чрезвычайно мало» [2].

Неудивительно поэтому, что подавляющее большинство россиян в настоящее время не являются членами общественных организаций и никакого участия в их работе не принимают. Так, по данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в июле 2014 г., 84% респондентов не участвовали в деятельности общественных организаций в течение последних двух-трех лет; те же, кто так или иначе принимал такое участие, в основном ограничивался материальной помощью общественным организациям (вносил деньги на счет общественных организаций или оказывал им иную материальную помощь – 6%; участвовал в благотворительных акциях, устроенных общественными организациями – концертах, выставках, благотворительных лотереях, аукционах – 6%) [3].

Третья причина – большие масштабы бедности, огромная имущественная дифференциация. В развитых странах мира костяк гражданского общества составляют представители среднего класса – образованные, хорошо материально обеспеченные, мобильные, социально активные люди. В России средний класс не только гораздо малочисленнее, но и ментально не демонстрирует готовности к рутинной каждодневной работе по выстраиванию социально-партнерских отношений с государством. Что касается бедных россиян, то их, по оценкам социологов, гораздо больше, чем свидетельствует официальная статистика. Так, по данным общероссийского социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН в марте – апреле 2013 г., общее количество бедных в составе российского населения составило не 9% (как утверждает официальная статистика), а около 30% [4, с. 159]. Вот почему среди мотивов неучастия в деятельности общественных организаций почти четверть опрошенных (23%) указали отсутствие возможности такого участия вследствие плохого здоровья и плохого материального положения (на первом месте оказался такой мотив, как «мне это в принципе неинтересно» – 31%) [3].

Четвертая причина – низкая гражданская самооценка, неверие людей в то, что их личное участие в политической или общественной жизни способно что-либо изменить в деятельности различных социальных институтов. Причем за последние годы сторонников такой ценностной оценки становится больше [5, с. 178]. Такая ценностная установка закономерно приводит к отчуждению граждан от этих институтов. Большинство людей предпочитают занимать привычную для них позицию «зрителя», предпочитая делегировать полномочия (равно как и ответственность за происходящее в стране) властным элитам. За подобной «отстраненной», преимущественно «зрительской» позицией, характерной для большинства россиян, отчетливо просматривается совершенно рациональная реакция на происходящее в стране: своим нежеланием участвовать в навязываемых им чиновниками формах политического и общественного участия выражают свое отношение к этим формам.

Пятая причина – предубеждение чиновников по отношению к общественникам, настороженное отношение к любым проявлениям «живого творчества масс», понимание общественно-политического участия как исключительно участия в выборах. И хотя за последние годы ситуация постепенно меняется к лучшему, граждане все активнее вовлекаются в различные формы общественной самоорганизации типа участия в благоустройстве дворов, забота об инвалидах, помощь нуждающимся, организация досуга детей и т.д., тем не менее проблем здесь еще очень много.

Вместе с тем, россияне достаточно реалистично оценивают возможности демократических институтов, их способность обеспечить в стране законность и правопорядок. Кстати, именно неэффективность действий властей все чаще выступает импульсом к проявлению различных форм гражданской самоорганизации. Например, все больше приверженцев находят спонтанные, самоорганизующиеся формы участия неполитического характера – такие, как коллективное благоустройство территорий, помощь людям, попавшим в тяжелое положение, и т.д. В этом же ряду можно назвать и другие проявления «низовой самоорганизации»: движение автомобилистов, движение обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид и т.п. Социологи отмечают высокую организованность и эффективность таких движений. Они не требуют сколько-нибудь значительных временных или финансовых затрат, способны дать быстрый результат, и это делает их достаточно привлекательными в глазах многих потенциально активных людей. Это говорит о достаточно большом потенциале аутентичного самоуправления как формы жизнеустройства в среде непосредственного окружения. Можно заключить, что зарождение и становление гражданского общества в России происходит преимущественно в его частной (неполитической) сфере, поскольку именно в ней легче добиться осязаемого результата совместных действий. Достигаемые в результате реализации этих низовых инициатив локальные успехи повышают гражданскую самооценку людей, а следовательно, делают более вероятной их вовлеченность в другие формы политического и общественного участия.

Литература:

1. Россия 2013: Стат. справочник. Росстат. – М., 2013. – 62 с.
2. Страх быть вместе [электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/13-10-2014/strakh-byt-vmeste> (дата обращения: 25.10.2014).

3. Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал...» [электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115017> (дата обращения: 12.10.2014).

4. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя [электронный ресурс]. URL: <http://www.poisknews.ru/php/files/core/contentfile/02/84a0/full.pdf> (дата обращения: 12.10.2014).

5. Двадцать лет реформ глазами россиян [электронный ресурс]. URL: http://ntpp.biz/upload/iblock/f03/20/_years_reform_vibsonfhkxvor.pdf (дата обращения: 12.10.2014).

Рундквист А.Н.

*НОУ ВПО Гуманитарный университет
преподаватель*

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: ВИДЫ, ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Как известно, правовой нигилизм является неотъемлемой частью российской (да и не только) правовой культуры и представляет собой определенную деформацию в правосознании, которая выражается в отрицании ценностей права, в отсутствии желания знать и использовать его, а также в применении преимущественно неправовых способов разрешения различных споров и социальных конфликтов.

В зависимости от воплощения в жизнь можно выделить:

1) Теоретический нигилизм, носящий, скорее, идеологический характер и представляющий собой систему взглядов и концепций, так или иначе, отрицающих роль права для общества и государства;

2) Практический нигилизм, выраженный в антиправовой деятельности, а также в низком уровне правовой активности граждан.

При этом в зависимости от субъекта правовой нигилизм можно классифицировать следующим образом:

1) Правовой нигилизм со стороны государства:

1.1) Нигилизм законодателя, который выражается в нежелании последнего должным образом урегулировать те или иные общественные отношения, притом, что такие отношения по своей природе нуждаются в правовом регулировании (например, отечественный законодатель на сегодняшний день твердо стоит на позиции отрицания, запрещения или игнорирования в следующих сферах: клонирование человека, суррогатное материнство, гражданско-правовые сделки по поводу человеческих органов, вопросы, связанные с эвтаназией, а также налицо большие проблемы со значительным отставанием законотворческой деятельности от развития информационных технологий [1, с. 48]);

1.2) Нигилизм, носящий ведомственный характер и встречающийся, прежде всего, в сфере административных правоотношений (многие административные органы в своей деятельности руководствуются в первую очередь ведомственными нормативными актами (приказами, распоряжениями, письмами и т.д.) и при этом зачастую попросту не обращают внимания на то, что, собственно, прописано в законе, который на самом-то деле имеет значительно большую юридическую силу, в следствии чего возникает определенное недопонимание между органами власти и иными субъектами (гражданами или юридическими лицами);

1.3) Судейский нигилизм, истоки которого могут иметь как объективный характер (фактическая обязанность судей принимать решения в соответствии с уже сложившейся практикой, иначе существует риск, что такое решение может не устоять в вышестоящей инстанции), так и субъективный (вопрос в данном случае касается по большей части квалификации того или иного судьи, и иногда, читая мотивировки некоторых решений мировых или районных судей, остается только удивляться, почему лицо, отправляющее правосудие не знает каких-то элементарных теоретических основ, преподаваемых в любом юридическом высшем учебном заведении);

2) Правовой нигилизм со стороны граждан, организаций, общественных объединений и т.д.

В зависимости от формы активности субъекта некоторые ученые [2, с. 14 - 19] предлагают выделять:

1) Пассивный нигилизм, выражающийся в нежелании знать право, осуществлять свои субъективные права, исполнять соответствующие обязанности; такой нигилизм связан с недооценкой роли права, а также с низкой политико-правовой активностью населения;

2) Активный нигилизм, представляющий собой открытое противодействие праву (например, какие-либо анархические движения).

В зависимости от уровня знаний субъекта правовой нигилизм может быть подразделен на:

1) «Бытовой» нигилизм, присущий субъектам, как правило, не имеющим юридического образования и, вследствие чего, отрицающим значение права в силу его незнания;

2) Профессиональный нигилизм, представляющий собой разновидность профессиональной деформации юриста, вызванной в ряде случаев значительным несоответствием права в теории или в форме закона тому, что на самом деле происходит на практике; отсюда, кстати, может возникнуть нигилизм по поводу различных подходов к пониманию права: одни отрицают позитивное (то есть писанное) право, другие же, наоборот, отрицают значение естественного права (к примеру, если норма есть только в сознании ученых-юснатуралистов, но при этом она нигде не воплощена в форме нормативного правового акта, и на практике на данное положение никто никогда не ссылается, то логично, что иной практикующий юрист, исповедующий чисто утилитарный подход к праву, просто игнорирует эту норму ввиду ее ненужности).

Также можно выделить разные виды правового нигилизма в зависимости от отрасли права: нигилизм в области гражданского права, уголовного права, семейного права, административного права, экологического права, трудового права и т.д.

Что касается причин возникновения правового нигилизма у нас в стране, то их довольно много. Здесь стоит упомянуть и культурно-национальные традиции, оставившие след в менталитете наших граждан (в России, в принципе, культура отстаивания своих прав и свобод еще только начинает по-настоящему формироваться), и деятельность со стороны государственных органов, которые своим примером, по идее, должны демонстрировать уважение к праву, а в действительности все получается с точностью наоборот (вот посмотрит наш гражданин на неподобающее поведение какого-нибудь чиновника и подумает «Ну если уж чиновники так себя ведут, то какой смысл мне руководствоваться таким правом в своей деятельности?»), и в несовершенстве законодательства, и в низком уровне правовой грамотности населения.

Каким же способом преодолеть правовой нигилизм? С тем, что относится к культурно-историческим истокам правового нигилизма, бороться весьма проблематично. Это есть, и это, по большому счету, останется с нами всегда. Но можно постараться искоренить другие причины.

Во-первых, можно повысить эффективность контрольно-надзорных и правоохранительных органов, хотя это сделать не так просто, если говорить объективно.

Во-вторых, и это, пожалуй, на сегодняшний день самое главное, можно преодолеть правовую безграмотность населения. Для этого необходимо в систему школьного образования внедрять правовые дисциплины, имеющие практический характер. Например, стоит начать преподавать основы трудового права еще со старших классов, чтобы люди (а среднее образование у нас в стране получают фактически все) знали хоть какой-то минимум своих трудовых прав, чтобы уже при осуществлении своей трудовой деятельности они не сталкивались с обманом со стороны работодателей, а если уж столкнулись, то знали бы, каким способом защитить свои права. А сейчас же мы на практике имеем такую ситуацию, что незаконно уволенные граждане даже не знают о сроках обращения за судебной защитой [3, ст. 392], в результате чего зачастую становится невозможным восстановить человека на работе.

Также необходимо просвещать граждан относительно устройства судебной системы, чтобы они знали куда и как можно подать исковое заявление, куда потом можно будет обжаловать судебное решение и т.д.

Довольно большую работу в сфере правового просвещения осуществляют Аппарат Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, Прокуратура Свердловской области, различные общественные объединения. Но их деятельность все равно имеет преимущественно точечный характер, тогда как речь идет о более глобальном подходе к ликвидации правовой безграмотности, а это возможно только на законодательном уровне (или хотя бы на уровне Министерства Образования и Науки РФ), в частности, путем внесения соответствующих изменений в программы обучения школьников, а также учащихся средне-профессиональных и высших профессиональных учебных заведений.

Литература:

1. Дмитриев Ю. А. Можно ли повысить демократический потенциал действующей конституции российской федерации? // Государство и право. Декабрь 2013 № 12. С. 45-53.
2. Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред. Бабаева В.К. // Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. - 544 с.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // «Российская газета», № 256, 31.12.2001, «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.

Сабурова Л.А.

*Удмуртский филиал Института философии и права УРО РАН
к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник*

СОЦИАЛЬНЫЕ МИКРОТЕНДЕНЦИИ И КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЗДОРОВЬЯ

За последние десятилетия внимание к теме здоровья возросло многократно как в публичной политике, так и в научном мире. Глобализационные процессы приводят к универсализации подходов к развитию здравоохранения, к формированию «здоровой» среды обитания, к вопросам «здорового образа жизни» людей и т.д.

Успехи такого глобального контроля в сфере здоровья на пути к улучшению общественного здоровья неоспоримы. В большинстве развитых стран растёт продолжительность жизни. Эффективные программы профилактики и лечения заболеваний повышают качество жизни людей, «здоровый образ жизни» становится глобальной модой.

Но статистически оцениваемая эффективность глобальной политики в сфере здоровья может быть отнесена только к системным результатам. Если рассматривать отношение к здоровью на индивидуальном уровне, то эта политика преломляется через многовариативный выбор и концептов здоровья, и способов поведения в отношении здоровья. И эти концепты и способы поведения часто никак не коррелируют с «глобальной политикой», а иногда выступают отчётливой её альтернативой.

В дискурсивных практиках этот процесс проявляется в различном понимании ценности здоровья, стиля жизни, в критике медицины как социального института и адекватного научного основания для суждений о здоровье. Эмпирические исследования отношения горожан к здоровью, проводимые с 1996 по 2009 годы в г.Ижевске показывают, что такие практики на бытовом уровне основываются либо на скептицизме по отношению к научной медицине и системе здравоохранения («врачи вообще ничего не знают», «у нас, чтобы лечиться, надо иметь хорошее здоровье», «не стоит ходить к врачам»), либо - на альтернативных науке представлениях («причина болезней – в негативных мыслях», «всё – от плохой экологии», «нужно думать о нравственности, чтобы быть здоровым»).

Все эти представления, не вписывающиеся в макро-тренды, можно было бы отнести к девиациям, которые в социальной системе выполняют функцию подтверждения и укрепления нормы. Однако есть некоторые основания для предположения, что бытовое неприятие научной медицины как основы для понимания сути здоровья и «руководства к действию» является не частным девиантным явлением, а определённой тенденцией, обнаруживающей, и, тем самым, разрушающей границы контроля официальной медицины. И к анализу этого круга явлений вполне может быть применен подход, обозначаемый в литературе как «анализ микротенденций».

В понимании авторов такого подхода, микротенденции – это «развивающиеся, противоречащие здравому смыслу тенденции, которые завтра сформируются как ведущие», которые появляются и актуализируются в силу всё возрастающего значения индивидуальных предпочтений в контексте «запутанной невнятицы вариантов выбора» [1, с.12-13]

Именно в «запутанности» медицинских и «около-медицинских» дискурсов отчасти коренится отторжение на индивидуальном уровне научно-академической информации и возникновение альтернативных бытовых представлений о здоровье.

Микротенденции, противопоставляемые глобальным трендам, часто проявляются в более специализированных, по сравнению с бытовыми, системах представлений, порождаемых маркетинговыми, либо «духовными» экспансиями. Потребители БАДов, «ивановцы», «веганы», «сыроеды» - это наиболее заметные группы людей, сознательно выбирающих некий «свой путь к здоровью». Количественная распространённость в пределах городской общности статистически невелика. Например, в Ижевске респонденты, выбирающие «альтернативные» способы достижения здоровья, в 2009 году составляли около 5% от общего числа опрошенных взрослых горожан, а в 1998 – не более 1%.

Но есть и менее заметные дискурсы, которые зачастую не удаётся выявить напрямую в тематических исследованиях здоровья, но которые часто очевидно «всплывают» на поверхность в маркетинговых исследованиях, использующих качественные методы. Это касается большого количества устойчивых индивидуальных убеждений насчёт «похудения», «здорового питания», воды, сна, ухода за собой и т.д. На фокус-группах, где собираются потребители каких-либо продуктов питания, доминируют отчётливые дискурсивные конструкции, связанные с системой координат «вредно-полезно» (по сравнению, например, с системой оценок «вкусно - невкусно»). Такие дискурсы тяготеют к полярным оценкам вредности-полезности тех или иных составляющих продукта, и, соответственно, к «пропаганде» тех или иных видов продуктов. Опираются эти оценки на «экспертные» мнения, которые с точки зрения научной медицины таковыми являться не могут – статьи в популярных журналах, советы инструкторов по фитнесу, телепрограммы и т.д.

Все эти микротенденции, проявляемые в дискурсах о здоровье, в той или иной степени реализуются в социальных практиках. Более того – они сами становятся социальными практиками, генерирующими новые социальные общности и группы, то есть – выполняющими также и социально-дифференцирующие функции. Соединяясь с глобальным трендом горизонтальной интеграции общества (прежде всего, посредством сети Интернет, особенно - социальных сетей) микротенденции формирования «особых пониманий» здоровья и путей его достижения потенциально способны превращаться в «мейнстрим» и конкурировать с «научно-медицинскими» подходами к этому предмету.

О том, что микротенденции затрагивают довольно крупные и специфические социальные общности, говорит самый простой количественный анализ, проведённый в популярной социальной сети «ВКонтакте». По поисковому запросу по ключевому слову «здоровье», например, найдено 80980 сообществ. Из этих сообществ 36 групп – с численностью более 100000 подписчиков. Самая большая группа включает более 900 тысяч подписчиков [2].

Качественный анализ содержания материалов, представляемых и обсуждаемых в группах, показывает, что большинство групп создаётся под маркетинговые цели, и наименование продвигаемого бренда упоминается даже в названиях групп или в их анонсах («Нестле», «Долфин», «Деринат» и т.д.). Тем не менее, во многих крупных сообществах субъект объединяющего дискурса не столь очевиден. Однако маркетинговая направленность большинства сообществ не вызывает сомнений.

И, так же, как и в иных (не сетевых) сообществах, выступающих целевыми группами для продвижения продуктов питания, гимнастических комплексов или оздоровительных туров, влияние на поведение осуществляется посредством символических отсылок к официальной медицине. Эти отсылки не имеют ничего общего с медицинской наукой, носят чисто «ритуальный» характер («учёные доказали...», «Елена Малышева советует...», «медики утверждают, что...» и т.п.). Но эти отсылки выполняют важнейшую функцию – символическую легитимацию предлагаемых практик, а также – социальную легитимацию формируемых сообществ.

Контроль в сфере здоровья, таким образом, теряет свою медицинскую предметность и становится предметом социальной и рыночной конкуренции. Индивидуальный выбор в отношении здоровья становится выбором образа жизни, одобряемого референтной социальной группой, которая сама по себе есть продукт конкретного маркетингового решения.

Эти сообщества – носители «своих путей к достижению здоровья», в свою очередь, должны стать предметом пристального изучения, причём именно социологического анализа, ибо микротенденции в изменении интересов и образа жизни постепенно меняют механизмы социальной стратификации, добавляя к классическим социальным признакам (образование, профессия, возраст, доход) признаки, связанные со стилем жизни и отношением к здоровью.

Литература:

1. Марк Дж. Пенн, Кинни Э. Залесн. Микротенденции. Маленькие изменения, приводящие к большим переменам / пер. с англ. А.В.Савинова. М.: АСТ Москва, 2009. 510 с.
2. Поиск сообществ // ВКонтакте [электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/search?c%5Bq%5D=%D0%B7%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5&c%5Bsection%5D=communities> (дата обращения: 30.10.2014)

Савельев Д.Л.

*Тюменский государственный университет
к.и.н. доцент кафедры государственного
и муниципального управления*

КУЛЬТУРНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Культура в своём понимании - гораздо шире, нежели деятельность отраслевых учреждений. Культура не только меняет мировосприятие людей, но и приводит к переменам в экономических и социальных системах. Динамика социально – экономического развития региона в современных условиях во многом определяется культурной составляющей.

В рамках развития территории, региональными и местными органами власти должны быть пересмотрены взгляды на содержание и роль отрасли культуры. Отказ от традиционного подхода к культуре как исключительно затратной сфере должен сопровождаться формированием представлений о культурной отрасли как инновационном компоненте территориального развития. Реализация потенциала учреждений культуры в качестве субъектов региональной экономики, помимо реализации ими традиционных функций (сохранение объектов историко-культурного наследия, адаптация людей к неблагоприятным жизненным обстоятельствам, обеспечение условий для проявления социально-культурной активности, формирование духовных и нравственных ценностей) должна предусматривать возможность использования ресурсной базы учреждений культуры в качестве инвестиционного потенциала развития территории. Данный подход предусматривает неизбежность кардинальных институциональных изменений в деятельности учреждений культуры, моделировании нового формата государственной культурной политики, технологий и механизмов ее реализации.

Диверсификация региональной экономики должна предусматривать создание культурного сектора, который специализируется на производстве товаров и услуг, имеющих культурную ценность. При этом сфера культуры как высокотехнологичная отрасль региональной экономики ориентируется на раскрытие инновационного потенциала территории региона посредством реализации креативных культурных проектов: выставок, фестивалей, конференций, флеш-мобов и т.п и взаимосвязана с такими направлениями как туризм, дизайн, народные промыслы, прикладное искусство.

Наиболее ярко данные процессы проявляются в центрах концентрации учреждений культуры, а так же организационных структур обеспечивающих или содействующих их деятельности. В рамках городского пространства создаются условия для развития большого количества творческих направлений деятельности, внедрения инновационных и организационных форм производства и предоставления культурных услуг: творческих и креативных индустрий, фандрайзинга, некоммерческого маркетинга и других.

В настоящий момент все большее внимание со стороны экспертов, при оценке региональных конкурентных преимуществ, привлечено к анализу региональных экономических кластеров. Кластерный подход к организации и функционированию отраслей региональной экономики рассматривается в качестве наиболее эффективного подхода для повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности территории.

Согласно теории М. Портера, кластер - это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители, субподрядчики) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и совместно обеспечивающих региональную конкурентоспособность [1]. Культурный кластер позволяет сосредоточить материальные, организационные, инфраструктурные, кадровые ресурсы в целях формирования привлекательной для населения культурной среды. Одновременно с этим кластерный подход служит базой для дополнительных инвестиционных вливаний в культурную сферу, и создает предпосылки инновационной деятельности. На основе пространственной локализации учреждений культуры происходит концентрация «культурного продукта», создаются условия для активизации различных форм кооперации, сотрудничества и выстраивания неформальных коммуникаций между участниками осуществления культурной политики. Как следствие, распространение «лучших практик», внедрение управленческих инновационных технологий в рамках кластера происходит предельно быстро. В этой связи, создание и функционирование культурного кластера, позволяет обеспечить эффективное развитие культурной сферы и творческого потенциала жителей территории.

Формирование внутригородского культурного кластера способствует созданию с одной стороны формированию городской идентичности на основе локальных культурных кодов, повышению интенсивности взаимодействия групповых и индивидуальных субъектов в рамках создания и трансляции культурного продукта, а с другой стороны – расширению системы взаимодействия и культурного обмена между городами отдельного региона и межрегионального взаимодействия. В данной ситуации «сеть творческих городов позволила бы обмениваться знаниями и опытом, популяризировать наиболее эффективную практику и укреплять собственную индустрию культуры, создавая новые возможности в области инвестиций и трудоустройства и развивая культурный туризм».[2. с. 2.]

Функционирование культурного кластера обеспечивает широкие возможности для обеспечения занятости местного населения и удовлетворения потребностей граждан в культурных услугах, сохранения и рационального использования объектов культурно-исторического наследия.

В рамках кластерного подхода ярко проявляется «эффект масштаба» производства и предоставления культурной услуги, когда учреждения культуры, составляющие «ядро кластера», формируют сконцентрированный спрос на персонал соответствующей квалификации, смежные сервисные услуги. Локализация предприятий и организаций, содействующих реализации культурного продукта или использующих культурный продукт для извлечения прибыли (предприятия общественного питания, туристические фирмы, транспортные предприятия, гостиницы, типографии и т.д.) позволяет расширить масштабы обслуживания большого спроса со стороны «ядер кластера».

Одновременно с этим кластерный подход принципиальным образом меняет содержание государственной культурной политики. Региональные органы государственной власти выступают в качестве субъекта создающего базовые условия для формирования рынка услуг в культурной сфере. При этом деятельность государственных структур должна ориентироваться не столько на поддержку отдельных учреждений культуры, сколько на создание оптимального, с точки зрения клиента, механизма предоставления культурной услуги или продукта. Эффективность реализации данного подхода будет определяться степенью интегрированности учреждений культуры в иные отрасли региональной экономики, к примеру, туристическую.

Формирование культурного кластера, как направление деятельности региональных органов власти, предусматривает реализацию комплексного подхода к социально-культурному развитию территории, развитие системы горизонтальных взаимосвязей

различных организаций и учреждений социальной сферы на основе разработки целевых программ и проектов и переориентации деятельности учреждений культуры на производственный сектор экономики. В данном контексте осуществление региональной культурной политики будет содействовать дальнейшему развитию человеческого и творческого потенциала индивидуума, повышению уровня культурных потребностей населения и качества предоставляемых культурных услуг.

Инновационная составляющая развития культурных кластеров будет содействовать развитию творческого потенциала специалистов культурной отрасли, повышению престижности культурных профессий, развитию финансово – экономической самостоятельности и доходности учреждений культуры.

В современных условиях отрасль культуры может рассматриваться в качестве мощного фактора стимулирования инновационного развития и повышения инвестиционной привлекательности территории.

Степень влияния учреждений культуры на развитие социально – экономического потенциала региона во многом определяется масштабом использования ими современных технологий, эффективных форм и методов работы с населением и бизнес - структурами, уровнем квалификации специалистов, вовлеченных в процесс формирования культурного продукта. Современные подходы к деятельности учреждений культурного и культурно - досугового типа должны предусматривать комплексность и разнонаправленность их деятельности с учетом национально – культурных традиций региона, культурных потребностей и интересов адресных групп. В этой связи формирование культурных кластеров, как инновационной формы осуществления государственной культурной политики на региональном уровне позволит, на наш взгляд, в определенной степени решить задачу по формированию культурной среды на уровне локальной территории, оптимизировать финансово – экономические затраты для осуществления культурной политики и повысить эффективность деятельности учреждений культуры.

Литература:

1. Портер М. Международная конкуренция: Пер. с англ./Под ред. и с предисловием В.Д. Щетинина. М.: Междунар. отношения, 1993. 896 с.
2. Метелева Е.Р. Креативные и культурные индустрии как основа развития туризма в сибирском регионе // Известия иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2010. № 6. - URL: <http://eizvestia.isea.ru>

Савченко С.В.

*Национальный институт
стратегических исследований (Украина)
магистр государственного управления,
заведующая сектором*

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В УКРАИНЕ

Актуальность темы исследования вызвана бурным развитием информационной революции, которая способствовала порождению информационного общества, которое возникло как результат качественного скачка, связанного с тем, что впервые за обозримую историю общества скорость смены технологий превзошла скорость смены поколений людей [1, С.275]. Социокультурные изменения связаны в первую очередь с внедрением и использованием информационных компьютерных технологий, распространением новых форм массовой коммуникации, трансформации средств массовой коммуникации, развитием систем «цифровой демократии» и электронного правительства, системы современных технологий электронного образования и электронной коммерции. Все это свидетельствует о том, что информационное общество пришло на смену постиндустриальному, вносит радикальные изменения во все сферы общественной жизни, что с необходимостью требует глубокого исследования его как сложного социального и экономического явления и процесса. В

информационном обществе как цивилизационной парадигме развития современного социума проявляется электронная готовность общества в соответствии с международными рейтингами и измерениями, аккумулируются проблемы – философские, социологические, управленческие. В современных философских дискурсах информационного общества важное место занимают гносеологические, онтологические и аксиологические измерения информационно-коммуникационного процесса, который, по мнению М. Кастельса, получил название «глобальная революция в общении» [2]. Главная гипотеза исследования – построение в Украине информационного общества с результативными обратными связями, а именно субъект-субъектными, которые способствует развитию эффективного управленческого процесса. Главная гипотеза в том, что информационное общество может развиваться благодаря внедрению механизмов, которые формируют субъект-субъектное управление благодаря механизмам саморегуляции и саморегуляции социума по примеру аутопоэтических систем (Матурана, Варела).

Последнее вызвано тем, что благодаря развитию информационного общества во всех странах сетевые сообщества стремительно врываются в бытие современной молодежи, происходит виртуализация общества, которая пронизывает все структуры социума, возникает проблема электронного правительства, имеет место неопределенность понятий «информациологическое общество». В связи с этим в Украине поставлена задача сформировать концепцию информационного общества, которое эволюционирует в «общество знаний», определить основные пути его становления. Информационное общество развивается в контексте измерений ценностно-смыслового поля, в основе которого главная матрица – информация и знание как цивилизационное измерение информационного пространства. Большую роль в становлении и развитии информационного общества сыграла деятельность ООН, в частности доклад М.Бангеманна «Европа и глобальное информационное общество», рекомендации для Европейского совета ЕС (1994); «Электронная Европа» (2010), Мировой саммит по информационному обществу (2003-2005); информационная политика Совета Европы в сфере информации (1986-2015); впечатляет проект Японии «Электронная Япония-1980»; в странах СНГ созданы концепции информационного общества, которые успешно продвигаются по этому пути и всеми странами СНГ сделан большой вклад в его развитие. Информационное общество стало развиваться в США с 1960 гг. в результате информационной революции и его родиной считается Калифорния [2]. Концепция информационного общества была предложена японским исследователем К.Каямою, на основе которой была принята программа «План информационного общества: национальная цель 2000 года». Кр.Мей в работе «Информационное общество: скептический взгляд» выделяет три периода в исследовании данной проблемы: 1) исследования, которые имели место с начала 1960-х гг. - середине 1970-х касались исключительно США; 2) исследования конца 1970-х гг. - начала 1990-х г., когда информационно-коммуникативные технологии активно стали внедряться в развитых странах Запада; 3) исследования, когда возникновение и распространение Интернета способствовало массовой заинтересованности идеями глобального информационного общества. В работах таких известных авторов, как Ю.Х.Абермас, Е.Гидденс, У.Бек, Ж.Бодрийяр, З.Бауман, Д.Белл, З.Бжезинский, В.Дайзард, Р.Девис, Дж.Мартин, Дж.Нейсбит, Ж.Рюс, О.Тоффлер моделируются изменения, связанные с развитием информационного общества. В связи с этим возник ряд подходов к анализу информационного общества как цивилизационной парадигмы развития человечества: 1) герменевтический (Х.Г.Гадамер, В.Дильтей, П.Рикер); 2) кибернетический (Н.Винер, К.Шеннон, У.Уивер); 3) структуралистский (Р.Барт); 4) лингвистический (Ф. де Соссюр, Е.Бенвенист, Т.ван Дейк); 5) семиотический (Ч.Пирс); 6) культурологический (Х.Маклюэн, А.Моль); 7) структурно-функциональный (Т.Парсонс, Р.Мертон, Н.Луман); 8) символический интеракционизм (Дж.Мид); 9) коммуникативный (Ю. Хабермас, К.Апель, Г.Дебор); 10) аналитико-языковой (Л.Витгенштейн, М.Даммит, Г.Бейкер). Методы и подходы, которые помогают проанализировать информационное общество как сложный социальный и экономические феномен: 1) синергетический – позволяет проанализировать информационное общество как нелинейную систему, которая развивается в нелинейном пространстве; 2) метод системного и структурного анализа позволяет рассмотреть информационное общество как сложную систему, которая имеет ряд подсистем, которые постоянно взаимодействуют со внешней средой; 3) соединение синергетического и системного методов позволяет объяснить особенности развития информационного общества

в нормальном и катастрофическом состояниях; 4) структурно-функциональный метод и институциональный подход позволяют раскрыть содержание политических и экономических трансформаций, которые ведут к становлению информационного общества; 5) антропологический и социоаксиологический подходы позволяют проанализировать социоантропологические, социоэкономические и социополитические измерения данного общества. В связи с этим следует сделать вывод « о необходимости постановки перед человечеством сверхзадач, решение которых позволит значительно повысить потенциалы конкурентоспособности человечества» [3, С.43].

В результате развития информационного общества глобальная инфраструктура информационных и информационно-коммуникационных технологий превратилась на технологическую основу трансформаций, которые происходят в жизни как отдельного человека, так и общества. Помимо невиданных ранее возможностей для повышения материального благосостояния человечества, современные информационные технологии способствуют интенсивному распространению принципиально новых моделей социальной интеграции, коммуникации, социально-политической активности, способа жизни, образования. Особенно резонансные связаны с «новыми медиа», которые функционируют в Web,2 и приводят к глубоким изменениям в структурах информационного потребления населения и появления новых многомиллионных глобальных «сетевых обществ».

Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с распространением сфер информационного общества следует выделить направления его развития в Украине: 1) чрезвычайно большой потенциал культурной составляющей процессов «информационной технологизации» уже давно осознается как не только на научно-экспертном, но и политическом уровнях; 2) происходит смещение акцентов с производственной сферы в непроизводственную, изменение характера информационных потоков, групповых и индивидуальных идентичностей; 3) определение места Украины в современном конкурентном мире высоких технологий с целью создать современное конкурентное общество, которое можно было бы назвать словами «разумное общество» с соответствующими этому обществу высокими стандартами «разумной экономики» и «разумного государства». Одной из задач государственной информационной политики Украины должно стать: 1) обеспечение разворачивания процессов обратной связи путем содействия предпринимательской деятельности в ИТ-сфере, гибкого реагирования на новейшие тенденции ее развития и на внешнее влияние на это развитие; 2) создание украинской «селиконовой долины» для обустройства населения на работу, расширения «коридора их возможностей», запуск специализированных проектов в сфере информационно-компьютерных технологий; 3) привлечение альтернативных источников финансирования – международных фондов иностранных инвесторов, ИТ-компаний, которые могут быть мотивированы как локально, так и глобально. Сегодня, как никогда, следует приделывать основное внимание развитию доктринальных подходов, которые позволяли бы контролировать общественные изменения, связанные с внедрением информационных технологий.

Литература:

1. Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях: коллективная монография / Под ред. О.А.Базалука. К.: Издательский дом «Скиф», 2012. Т.2. 408с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура М.: ГУ ВШЭ, 2001. 607с.
3. Воронкова В.Г. Філософія глобалізації: соціоантропологічні, соціоекономічні та соціокультурні виміри. Запоріжжя: Видавництво ЗДІА, 2010. 272 с.

АНАЛИЗ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ ИНФЕКЦИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, В ЛПУ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА ЗА 2013 ГОД

В последние годы, несомненно, произошли существенные улучшения санитарно – технического состояния лечебных учреждений и гигиенических условий пребывания в них пациентов. Практически полная обеспеченность одноразовым расходным материалом, замена устаревшего оборудования на новое современное, разнообразный ассортимент дезинфицирующих средств, антисептиков решили многие проблемы. Однако, параллельно возрастающему числу лечебно – диагностических манипуляций возрастает и вероятность нарушений технологий их выполнения. Особенно в случаях недостатка персонала и наличия так называемого «человеческого фактора». Поэтому, проблема внутрибольничного инфицирования в условиях лечебного учреждения всегда остается актуальной.

В 2013 году в муниципальных лечебно-профилактических учреждениях г. Екатеринбурга, включая учреждения родовспоможения, учтено 1694 случаев инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи (ИСМП). Показатель на 1000 пролеченных пациентов составил 6,8‰, что ниже показателя прошлого года на 8 %. Среди новорожденных зарегистрировано 294 случая ИСМП (14,4‰), среди родильниц – 419 случаев (20,5 ‰), среди послеоперационных больных – 639 случаев (9,6‰), среди прочих контингентов ЛПУ – 342 случая (2,4‰). Кроме того, зарегистрировано 7 случаев по амбулаторно-поликлинической службе – показатель на 1000 посещений составил 0,0006‰ (против 5 случаев в 2012 году – показатель 0,0004‰).

Среднемноголетний уровень заболеваемости ИСМП за 10 лет составил $5,96 \pm 0,23$ ‰. С 2004 года сохраняется тенденция неуклонного роста регистрации заболеваемости ИСМП. Темп прироста с 2004 по 2013 гг. составил 54,5% (рис.1).

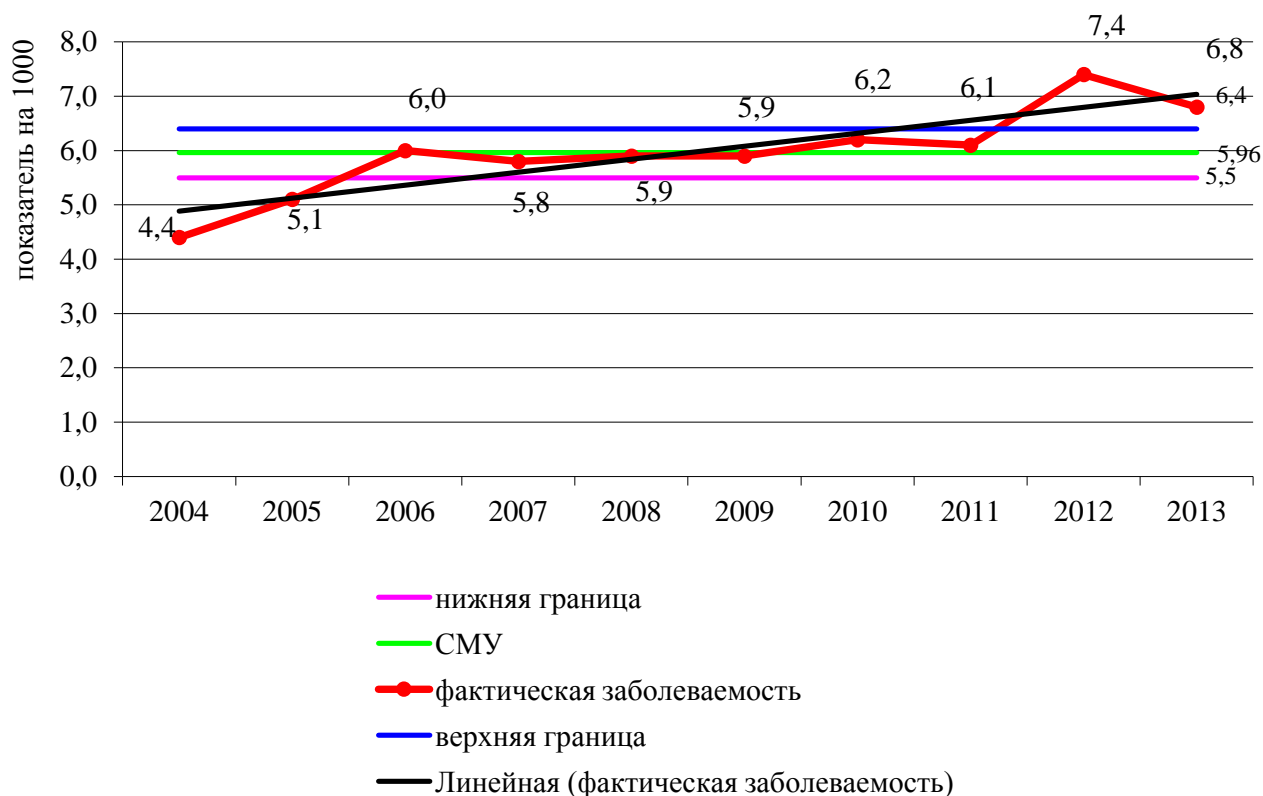

Рисунок 1. Среднемноголетний уровень заболеваемость ИСМП в ЛПУ г. Екатеринбурга

Следует отметить, что по количеству зарегистрированных ИСМП, город Екатеринбург значительно превосходит показатели Свердловской области (45,6 % от всех случаев ИСМП) (рис.2). А Свердловская область, в свою очередь, находится на одном из лидирующих мест в Российской Федерации. Так, среднемноголетние показатели заболеваемости ИСМП новорожденных в России не превышают 2,9 на 1000 новорожденных (в Свердловской области – 17,4‰, в Екатеринбурге – 18,3‰), родильниц -1,9 ‰ (в Свердловской области – 10,7‰, в Екатеринбурге – 20,06‰), послеоперационных больных – 0,8 ‰ (в области – 1,8‰, в городе – 8,3‰). Это связано с эффективным развитием службы госпитальных эпидемиологов, активным выявлением случаев ИСМП и отсутствием «штрафных санкций» при регистрации госпитальных инфекций. Достоверная регистрация ИСМП позволяет проводить качественную эпидемиологическую диагностику и своевременные противоэпидемические мероприятия.

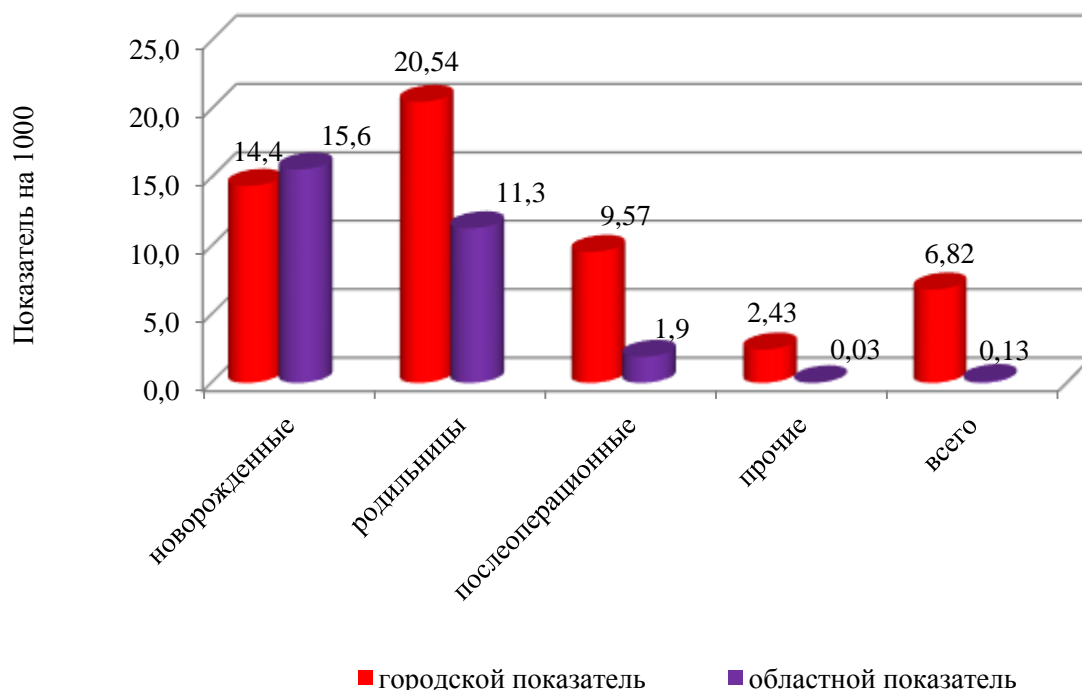

Рисунок 2. Заболеваемость ИСМП в Свердловской области и в г. Екатеринбурге за 2013 год

В 2013 году среди пациентов, пролеченных во взрослых и детских стационарах города, был выявлен 981 случай инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи (ИСМП), показатель заболеваемости составил 4,73 на 1000 пролеченных, несущественно ниже уровня прошлого года (5,1‰). Соответственно, и регистрация ИСМП как в группе послеоперационных больных, так и в группе прочих контингентов незначительно снизилась по сравнению с прошлым 2012 годом (на 7-12 %).

По данным официальной регистрации экстренные извещения переданы на 78% случаев ИСМП (в 2012 – на 86%): во взрослых стационарах города в среднем на 76% (на уровне прошлого года), в детских ЛПО – на 80% (в 1,2 раза больше, чем в прошлом году). В поликлиниках зарегистрированы официально все 7 случаев. Официально незарегистрированными остаются активно выявленные врачами-эпидемиологами (в результате ретроспективного изучения историй болезни) случаи инфекционно-воспалительных заболеваний и случаи ОРВИ в детских ЛПО.

Основную часть случаев ИСМП выявляют врачи клинических специальностей (81,5% случаев). Остается высокой доля случаев ИСМП выявленных госпитальными эпидемиологами в отделениях реанимации (27%, в прошлом году 30%). В хирургических РАО эпидемиологами было выявлено 28% случаев ИСМП, а в РАО детских стационаров – 54% случаев ИСМП. В роддомах инфекции, связанные с оказанием медицинской помощи, выявляются в 100% случаев неонатологами и акушерами-гинекологами.

Основная часть случаев ИСМП регистрировалась в хирургических отделениях (68,0 %). В педиатрических стационарах зафиксировано 17,0 % случаев ИСМП, в терапевтических – 14,0 %. Отделениями риска, как в предыдущие годы, остаются отделения реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ). Инфицирование, связанное с оказанием медицинской помощи, в 48,5% случаев произошло в ОРИТ (2012 г. – 52%), в том числе в РАО хирургии – 80,5%, в РАО педиатрических отделений - 7% (2012г. – 10%), в 13% - в отделениях терапевтического профиля (2012г. – 14%). Инфицирование пациентов в амбулаторно-поликлинической службе составило 0,7% (в 2012 году - 0,4%) от общего числа заболевших.

Структура общей заболеваемости ИСМП представлена:

- 17,4% - инфекции новорожденных,
- 24,7% - инфекции родильниц,
- 37,7% - инфекции послеоперационных больных,
- 20,2% - прочие ИСМП.

В структуре ИСМП у послеоперационных больных, как и в предыдущие годы, наибольший удельный вес составляют поствентиляционные осложнения - 32% (в 2012 г. - 28%).

Инфекции области хирургического вмешательства (ИОХВ) составляют 26%, инфекции дыхательных путей без ИВЛ - 12%. Инфекции кровотока, которые наполовину представлены клиническим сепсисом, составляют в структуре 11% (14% в 2012 году). Инфекции мочевыводящих путей – 4,2% (5,7% в прошлом году), инфекции кожи и мягких тканей – 10% (в равной доле представлены по 45% - инфицированными пролежнями и инфицированными ожоговыми ранами), 2,5% - доля инфекций репродуктивных органов. Инфекции ЦНС, по-прежнему, занимают незначительное место в структуре заболеваемости ИСМП (1,7%), доля посткатетеризационных менингитов и венитрикулитов остается на уровне прошлого года (11 случаев).

В группе прочих контингентов в 2013 году, как и в прошлом, первое место занимают традиционные инфекции с удельным весом 36% (в 2012 году – 39%). Удержание лидирующих позиций связано с регистрацией кишечных инфекций в детских стационарах. Удельный вес инфекций дыхательных путей, не связанных с ИВЛ, составил 29%; поствентиляционных осложнений - 16%, инфекций кожи и мягких тканей – 12% (77,5% из которых занимают инфицированные пролежни). Доля инфекций кровотока составляет 4,7% (4% в 2012г.). Инфекции мочевыводящих путей на уровне 1% (3 случая), флебиты сохраняются на уровне 1,2%. В детских стационарах города в 2013 году зарегистрировано 168 случаев инфекций, связанных с оказанием медицинской помощи. Показатель заболеваемости составил 3,8 ‰ (в 2012 году – 4,8‰). У послеоперационных детей зафиксировано 18 случаев ИСМП (1,9‰). Из них 22% занимают глубокие инфекции области хирургического вмешательства (4 случая), 61% - поствентиляционные трахеобронхиты (по сравнению с 2012г. увеличение доли в 1,7 раза), 17% - инфекции мочевыводящих путей (3 случая). У прочих контингентов детей в структуре заболеваемости ИСМП первое место (63%) занимают кишечные инфекции, в основном ротавирусной этиологии. 12% составляют ОРВИ, 19% - инфекции дыхательных путей.

Манипуляционная нагрузка в отделениях РАО остается достаточно высокой. По средним показателям по всем РАО независимо от профиля катетеризацию центральных сосудов проводят 33% реанимационных больных. Почти половина реанимационных пациентов (41%) находятся на ИВЛ (в том числе 22% на длительной вентиляции). У 58% пациентов установлен мочевого катетер. Это показатели средние по всем РАО, независимо от профиля. В РАО хирургии эти показатели выше средних, т.е. манипуляционная нагрузка на пациента значительно возрастает.

Частота осложнений после катетеризации центральных сосудов составила в 2013 году 1,2 на 1000 дней катетеризаций (в прошлом году - 1,6 на 1000 дней катетеризации). Частота вентилятор-ассоциированных инфекций нижних дыхательных путей составила 10,2 на 1000 дней ИВЛ, незначительно снизилась по сравнению с прошлым годом (11,04 ‰) (Рис.4).

Частота инфекций мочевыводящих путей, связанных с катетеризацией мочевого пузыря незначительно ниже показателя прошлого года (0,5‰ против 0,8‰ в 2012г.). По сравнению с прошлым годом частота осложнений после трахеостомий практически не изменилась (1,4‰ - 2013г., 1,7 на 1000 дней трахеостомии в 2012г.) (рис.4).

Частота инфекций после вентрикулярной катетеризации в 2013 году снизилась на 33% и составила 19,8 на 1000 дней (против 29,7 в 2012г) (рис.3).

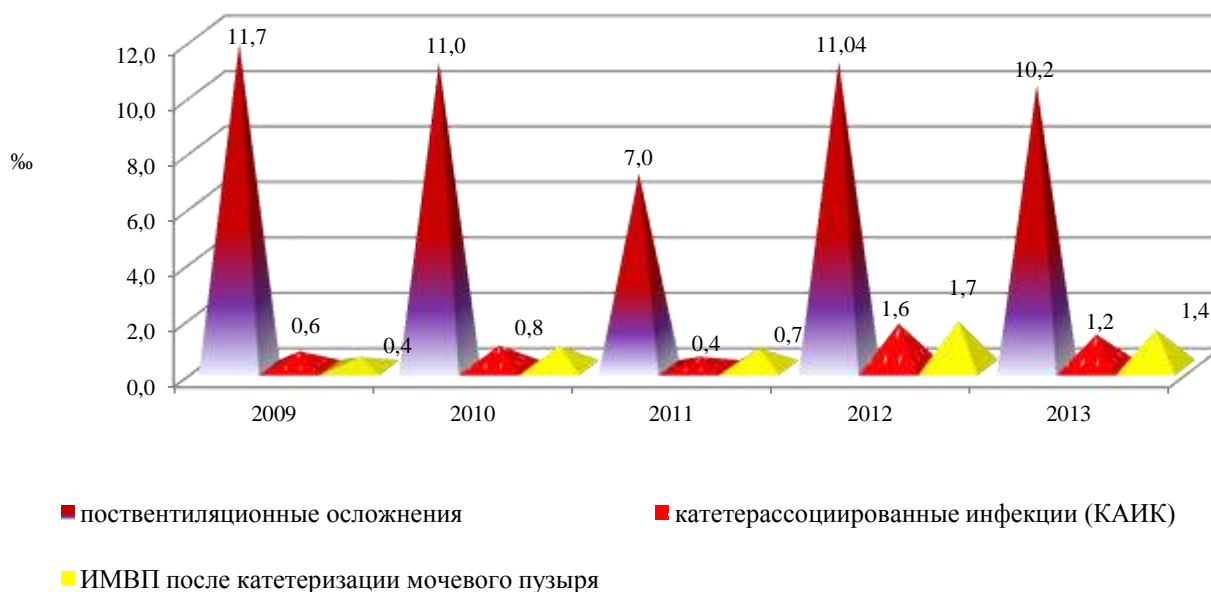

Рисунок 3. Частота инфекций, связанных с манипуляциями (на 1000 дней манипуляций)

Микробиологическое обследование во взрослых и детских стационарах проведено у 94% пациентов с инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи, что на 9,3% выше уровня прошлого года (Рис.4).

В группе послеоперационных больных обследовано 97% пациентов. Обследование больных с инфицированными ожоговыми ранами и пролежнями проведено в 90-100% случаев (уровень прошлого года). Полностью были обследованы больные генерализованными формами и с инфекциями области хирургического вмешательства (100%). Увеличилась микробиологическая диагностика у пациентов с вентилятор-ассоциированными пневмониями и составила 98% (в 2012 году - 85%).

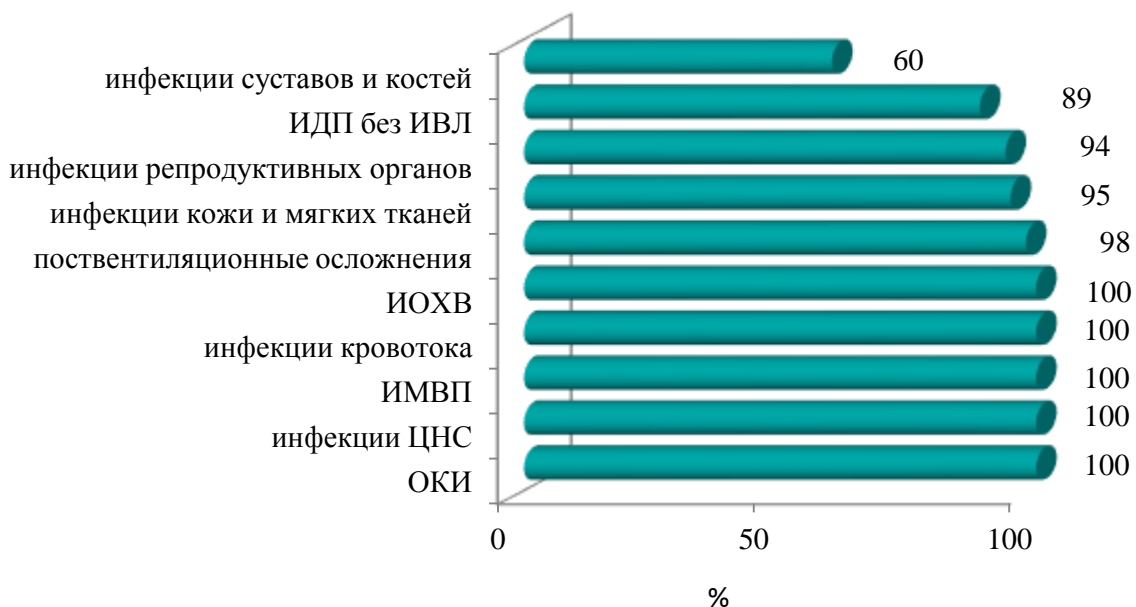

Рисунок 4. Микробиологическое обследование пациентов с инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи

В группе прочих контингентов в отчетном году произошло небольшое уменьшение полноты обследований (73% против 77% в 2012г.). Максимально обследуются больные сепсисами, инфицированными ожогами, инфекциями артерий и вен, инфекциями мочевыводящих путей, поствентиляционными трахеобронхитами. Не в полном объеме обследованными остаются пациенты с инфекциями пролежней (55%), органов дыхания (без ИВЛ) – 67% и с ОРВИ.

Лабораторное подтверждение диагноза ИСМП имеют 92% послеоперационных больных, 76% прочих контингентов ЛПО.

В 2013 году в периоды сезонных осенне-зимних и зимне-весенних подъемов отмечалась групповая и вспышечная заболеваемость кишечных инфекций во взрослых и детских стационарах города.

Специалистами проводились неоднократные эпидемиологические расследования причин групповой заболеваемости с разработкой противоэпидемических мероприятий и управленческих решений.

Выводы:

1. Сохраняется тенденция неуклонного роста среднемноголетней заболеваемости инфекциями, связанными с оказанием медицинской помощи. Но по сравнению с прошлым годом произошло незначительное снижение показателей заболеваемости во всех группах пациентов, особенно у новорожденных (в 1,25 раза).

2. Официальная регистрация ИСМП выполняется не в полном объеме. Экстренные извещения переданы на 78 % ИСМП. Официально не зарегистрированными остаются случаи ИСМП, выявленные эпидемиологами при ретроспективном анализе из-за сложности передачи информации посредством телефонной связи и случаи ОРВИ.

3. Регистрировалась групповая внутрибольничная заболеваемость ротавирусной и норовирусной инфекции в детских городских больницах с реализацией пищевого пути передачи с вовлечением медперсонала.

4. Увеличился процент микробиологического обследования пациентов с ИСМП (до 94%). Выросло и лабораторное подтверждение госпитальных инфекций, особенно в группе послеоперационных пациентов (92%).

Самохвалов Ю.П.

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н.Ельцина
начальник отдела ВВС УВЦ*

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УВЦ В СТРУКТУРЕ ГРАЖДАНСКИХ ВУЗОВ

Трансформационные процессы протекающие в конце XX, начале XXI веков в системе военного образования привели к появлению новой формы военного образования - учебных военных центров (далее - УВЦ) в структуре гражданских вузов страны, которые были созданы с целью подготовки кадровых офицеров в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации на базе 37 ведущих гражданских учебных заведений высшего профессионального образования.

В ходе становления, совершенствования, развития и функционирования новой социальной практики в системе военного образования чрезвычайно важно, на наш взгляд, изучить идентификацию социальных общностей, включенных в образовательный процесс УВЦ.

В своей статье «Социальные общности и их временные характеристики» Г.Е.Зборовский пишет: «Под социальной общностью мы будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям»[1, с.150].

Взяв за основу признаки, по которым образуются социальные общности («относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ним, схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия» [1, с.150] и др.) мы выделили общность граждан обучающихся в УВЦ по программам военной подготовки в гражданском вузе и общность преподавателей УВЦ.

Общность граждан, обучающихся в УВЦ, определяется нами как социально-демографическая группа, которая в процессе взаимодействия с преподавателями УВЦ ориентируется на личностное развитие, приобретение социального и военно-профессионального опыта с целью получения подтвержденного дипломом статуса военного специалиста. На наш взгляд, на современном этапе становления УВЦ, одной из важных проблем в функционировании УВЦ является проблема идентичности граждан обучающихся в них.

В ходе проведенного автором исследования на базе УрФУ имени первого Президента России Б.Н.Ельцина в 2013-2014 годах гражданам, обучающимся в УВЦ, был задан вопрос, с целью определения ими собственного статуса: «По Вашему мнению, к какой социальной общности Вы более всего принадлежите?» А так же вопрос с целью определения удовлетворенности граждан своим социальным положением: «Как Вы оцениваете свое положение в университете среди студентов других факультетов и институтов?»

Большинство респондентов старших курсов позиционируют себя как курсанты и отмечают свою принадлежность к социальной общности военнослужащих (37,1%). На младших курсах относят себя к общности военнослужащих лишь 15,5% респондентов. Между тем, к общности студентов гражданского вуза себя относят 56,7% респондентов младших курсов и 33,3% респондентов – старшекурсников. Большая часть респондентов не смогли идентифицировать себя ни с одной социальной общностью – затруднились ответить на поставленный вопрос - 27,8% респондентов, обучающихся на 1-2 курсах УВЦ, и 29,6% респондентов, обучающихся на старших курсах.

При оценке удовлетворенности социальным положением гражданами, обучающимися в УВЦ, нами были зафиксированы следующие данные: большинство (46,3%) респондентов старших курсов считают, что им завидуют, 24,1% респондентов, что их уважают за то, что они обучаются в УВЦ. Однако, 18% респондентов отметили, что их не воспринимают как военнослужащих всерьез, и подсмеиваются над ними. 11,1% респондентов старших курсов считают, что не имеют никакого авторитета среди студентов других факультетов и вузов.

Сравнивая ответы респондентов старшекурсников с гражданами, обучающимися на 1-2 курсах, отметим, что доля граждан, обучающихся на младших курсах, которые считают, что их не воспринимают, как военнослужащих и подсмеиваются над ними (36,9%) значительно выше, чем на старших курсах. Не имеют никакого авторитета среди студентов других факультетов и вузов 25,1% респондентов младших курсов, что так же превышает результаты ответов старшекурсников. Почти четверть респондентов (24,4%) считают, что их уважают, за правильно сделанный выбор и обучение в УВЦ, а 13,6% убеждены, что им завидуют.

При определении гражданами собственного статуса нам интересно было проанализировать степень осознанной идентификации граждан, обучающихся в УВЦ «к делу защиты свободы и независимости народа и Отечества, принятие социальных норм и образцов поведения, ценностей и образа жизни военнослужащих»[2]. Это важно при оценке мотивационной готовности граждан, обучающихся в УВЦ к военной службе.

В ходе анкетирования респондентам необходимо было высказать свое согласие относительно 10 высказываний касающихся прохождения военной службы. Результаты опроса, касающиеся ценностных установок граждан, представлены в таблице 1.

Анализируя отношение к данным ценностным суждениям, отметим, что большая часть респондентов (74,1%) согласна с тем, что «настоящий мужчина должен отслужить в армии». Почти половина (42,%) желают испытать себя, приняв участие в реальных боевых действиях. Практически все согласились (50%), или скорее согласились (44,4%) с тем, что гордятся с возможностью в будущем служить в Вооруженных силах РФ.

Граждане, согласившиеся с утверждениями «лучше пойти в армию по призыву, чем учиться в УВЦ», «было бы лучше пойти учиться в военное училище, чем учиться в УВЦ» по всей видимости, неудовлетворенны выполнением социальных ожиданий от обучения в УВЦ.

Таблица 1. Ценностные суждения о военной службе (в % от числа опрошенных)

	согласен	скорее согласен	скорее не согласен	не согласен
Я горжусь тем что у меня есть возможность в будущем служить в ВС РФ.	50,0	44,4	3,7	1,8
Было бы лучше пойти в армию по призыву, чем учиться в УВЦ.	59,3	29,6	5,6	5,6
Было бы лучше пойти учиться в военное училище, чем учиться в УВЦ.	33,3	25,9	24,1	16,7
В кругу моих друзей быть военнотружущим не престижно.	51,8	29,6	9,3	9,3
Я с интересом смотрю передачи и фильмы о военных.	44,4	38,9	13,0	3,7
Настоящий мужчина должен отслужить в армии.	74,1	13,0	7,4	5,6
Я хотел бы испытать себя, приняв участие в реальных боевых действиях.	42,6	33,3	13,0	11,1
Я с гордостью ношу военную форму по улице.	40,7	35,2	16,7	7,4
Я думаю, что мне будет трудно адаптироваться в армии на офицерской должности сразу после окончания учебы.	42,6	22,2	20,4	14,8
Я пойду служить в армию, только если начнется война.	48,2	35,2	9,3	7,4

Основываясь на приведенных данных, а так же на результатах исследований Е.Н.Карловой [3], Суханова П.В, Морозовой Н.В.[2], можно предположить, что в УВЦ гражданских вузов формируется новая социальная общность студенческой молодежи - общность граждан, обучающихся в УВЦ, которая занимает маргинальное положение между студентами гражданских вузов обучающихся по программе подготовки офицеров запаса (студентов военных кафедр) и не обучающихся на военных кафедрах (факультетах военного обучения) «обычными» студентами, а так же курсантами, обучающимися в военных вузах страны. Данная социальная общность находится «в поиске своей воинской идентичности»[2]. Это выражается, прежде всего, в том, что довольно большой процент респондентов сомневаются в правильности сделанного профессионального выбора, а также в отсутствии общественного признания их выбора.

Основными причинами такого положения на наш взгляд являются:

- отсутствие четкой перспективы на дальнейшее прохождение военной службы, что «заставляет молодых людей пересматривать жизненные планы, интересоваться рынком труда, снижает мотивацию к дальнейшему обучению и лишает возможности военно-патриотического самоопределения»[2];

- неуверенность в профессиональной компетентности самих граждан, обучающихся в УВЦ, «действительно, построить систему обучения в УВЦ, аналогичную военным училищам, институционально невозможно, и выпускники будут отличаться от своих товарищей, окончивших военные вузы. Но эти отличия, возможно, окажут положительное влияние на армию как социальный институт, сделают ее более открытой для взаимного влияния военных и гражданских технологий, дадут толчок к обмену информацией, возможность осуществлять военно-патриотическое воспитание студенческой молодежи, гражданский контроль и участие общества в подготовке военных кадров»[2].

Литература:

1. Зборовский Г.Е. Социальные общности и их временные характеристики. Известия УрФУ. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. №1 (123).

2. Суханов П.В., Карлова Е.Н., Морозова Н.В. Проблема воинской идентичности студентов учебных военных центров.//Армия и общество.2012. №4 (32).

3. Карлова Е.Н. Факторы неопределенности социального статуса студентов учебных военных центров как новой социальной группы военной молодежи. Историческая и социально-образовательная мысль, 2012, №1(11).

Свищева В.А.

*Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС
к.э.н., доцент кафедры финансов,
кредита и налогообложения*

КУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Культура – важнейший показатель степени развития общества. Именно в рамках культуры формируются главные жизненные ценности, общественные механизмы, модели поведения, которые становятся фундаментальными факторами социального прогресса и уровня жизни людей в конкретном государстве. Культурный уровень человека определяет его законопослушность, толерантность, социальную активность и социальную адаптацию, отношение к себе, к другим людям и к власти. Именно культура и ее институты обогащают жизнь человека, делают ее интересной и насыщенной. Культура становится базой успешности и стабильности будущего, преодоления конфликтов, поиска компромиссов, сглаживания противоречий различной природы. Культура – действенный инструмент борьбы с социальными пороками и агрессией.

Любая власть прямо заинтересована в развитии культуры своего народа, так как культура – основа цивилизации и прогресса общества и государства. При высоком уровне культурного развития включается целый ряд механизмов саморегулирования общественной жизни, которые упрощают и «удешевляют» государственное управление.

Представляется, что для России повышение уровня культуры граждан – это единственный цивилизованный путь преодоления ее социально-экономических проблем. Ведь многие российские проблемы связаны с несоблюдением вечной истины: «поступай с другими людьми так, как хочешь, что бы поступали с тобой». Россиянам не хватает таких культурных элементов поведения как:

- соблюдение моральных ценностей;
- уважительное отношение к другим;
- ответственность за свои слова и поступки;
- сочувствие и соучастие о судьбе других людей;
- самоограничение, и т.д.

В этой связи представляется весьма актуальным проведение в России в 2014 году – Года культуры. Современная государственная политика России в области культуры направлена на реализацию множества целей, в том числе:

- сохранение и развитие единого культурного и информационного пространства России, повышение доступности культурных благ для населения страны;
- создание культурной среды, способствующей творческому развитию личности, повышению человеческого капитала общества;
- совершенствование организационных, экономических и правовых механизмов развития сферы культуры.

Развитие культуры – это совместная компетенция Федерального центра, российских регионов и муниципальных образований. Так за счет средств региональных бюджетов финансируется:

- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности субъекта РФ, государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения;

- организация библиотечного обслуживания населения библиотеками субъекта РФ, комплектование и обеспечение сохранности их библиотечных фондов;
- создание и поддержка государственных музеев;
- организация и поддержка учреждений культуры и искусства;
- поддержка народных художественных промыслов;
- поддержка региональных и местных национально-культурных автономий, поддержка изучения в образовательных учреждениях национальных языков и иных предметов этнокультурной направленности.

К вопросам местного значения, финансируемым за счет средств местного бюджета, относятся:

- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей муниципального образования услугами организаций культуры;
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в муниципальном образовании;
- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности муниципального образования, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории муниципального образования.

Однако, не смотря на важность культуры, объем ее бюджетного финансирования в России весьма плачевный. В действительности расходы бюджетов по разделу «Культура и кинематография» в современных условиях формируются по остаточному принципу и являются резервом для экономии.

Так исполнение Федерального бюджета по данному разделу за 2013 год составило только 97,4 %, то есть произошло снижение расходов на 2,5 млрд. рублей. В субъектах РФ – 92,4%, недофинансировано 12,3 млрд. рублей. В местных бюджетах – 95,6%, недофинансировано – 7,3 млрд. рублей. Общий объем недофинансирования в целом по бюджетной системе РФ по итогам 2013 года – 22,1 млрд. рублей.

Весьма печально, что с 1 января 2005 года утратила силу статья 45 «Финансирование культуры и культурной деятельности» Закона РФ от 9 октября 1992 г. N 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». В данной статье предусматривалось, что основой государственных гарантий сохранения и развития культуры в России является государственное финансирование. На эти цели ежегодно должно было направляться не менее 2-х процентов средств республиканского бюджета РФ. Размеры ежегодных ассигнований на культуру в государственных бюджетах республик в составе РФ и местных бюджетах должны были быть не менее 6-ти процентов средств соответствующих бюджетов.

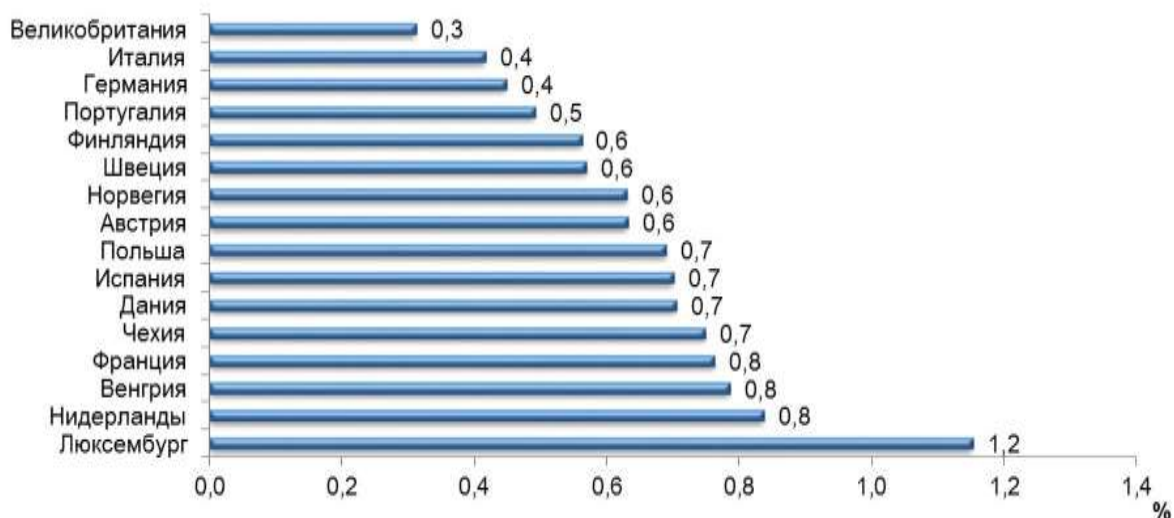

Рисунок 1. Государственные расходы на культуру в отдельных странах ОЭСР, % от ВВП (2011 г.)

Таким образом, прежнее законодательство о культуре, сохраняя лучшие традиции государственной политики, гарантировало минимальный объем финансирования культуры. В действующем законодательстве такой гарантии уже нет. Поэтому в 2013 году расходы по разделу «Культура и кинематография» в Федеральном бюджете составили только 0,7%, в бюджетах субъектов РФ – 2,0% , а в местных бюджетах – 4,7%.

В результате в докладе Министерства культуры РФ о состоянии культуры в 2013 году отмечается, « ...что если оценить ситуацию с финансированием сферы культуры в России в контексте международных сопоставлений, то наша страна занимает весьма скромное положение в перечне стран ОЭСР с объемом финансирования сектора культуры в размере 0,5%, что соответствует уровню Португалии ...» (рис. 1). [1, с. 247]

При сопоставлении расходов на культуру в расчете на душу населения, контраст между Россией и развитыми странами становится особенно явным. По показателю подушевых расходов на культуру Россия практически замыкает перечень из представленных 25 стран, опережая лишь Грецию и Болгарию. Среднегодовые расходы на культуру в 2011 году на человека в России - 54 евро, в то время как в Португалии – 79 евро, в Германии – 146 евро, в Дании – 305 евро, в Люксембурге – 941 евро.

Можно сделать следующий вывод. Недостаточное бюджетное финансирование расходов на культуру является серьезным препятствием социально-экономического развития страны, и в первую очередь развития человеческого капитала. Все объяснения того, что денег в бюджетах нет, не могут оправдывать весьма неудовлетворительную структуру расходов российских бюджетов, где культура финансируется «по-возможности». Следует значительно перераспределить бюджетные средства со статей национальной обороны и правоохранительной деятельности в сторону расходов социально-культурной сферы, так как повышение культурного уровня россиян само по себе имеет внутренние резервы укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности, но уже с позиций развития человека как гражданина.

Литература:

1. Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2013 году [электронный ресурс]. URL: <http://mkrf.ru/report/gosoklad/> (дата обращения 26.10.2014)

Семченко О.Р.,
*Одесской национальной академии связи
им. А.С. Попова
к.п.н., докторант кафедры политологии*
Подзолков Ю.А.
*«Автобаза скорой медицинской помощи»
директор коммунального предприятия
магистр государственного управления,
аспирант кафедры политологии*

ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В современных демократических странах институт гражданского контроля является неотъемлемой частью политической культуры и используется гражданами в качестве инструмента влияния на публичную политику.

Гражданский контроль, несмотря на его частое упоминание в социально-политической и научной среде, пока еще остается феноменом, малоизученным в украинской политологии.

Если упрощенно, то «гражданский контроль – одна из важнейших функций гражданского общества, выраженная в публичной проверке деятельности органов власти со стороны граждан и их объединений на соответствие провозглашаемых ею целей и направленная на корректировку этой деятельности и самих целей» [1, с. 9].

Субъектом гражданского контроля являются общественные организации, которые способствуют эффективному взаимодействию институтов власти и населения через реализацию функций артикуляции и агрегации интересов членов общности. «Гражданский контроль представляет собой важный механизм противодействия и подавления негативных явлений и неформальных практик в системе публичной власти, противодействия коррупции и иным проявлениям ненадлежащего исполнения служебных обязанностей должностными лицами публичной власти (профессиональная некомпетентность, халатность и другие) в целом подотчетности публичной власти обществу» [2, с. 63]. Еще Ю. Хабермас и М. Постон отмечали, что «гражданский контроль составляет важнейшую часть современной демократии, ее коммуникативное пространство и основу профессионального дискурса социальной системы. Полезность контроля для общественного мира не сводима к количеству затрачиваемых на его поддержание материальных ресурсов и благ, поскольку контроль – это общественное благо и общий ресурс. [3, с. 116].

Примерно, по данным Министерства юстиции, в Украине насчитывается 74 тыс. общественных организаций, по данным Госкомстата - около 79 тыс. Однако эти цифры нельзя считать абсолютно точными, поскольку учитывают не все формы регистрации, действующие на данный момент.

В марте 2012 г. Верховная Рада приняла закон "Об общественных объединениях". Документом, в частности, предусмотрено предоставление юридическим лицам права объединяться для осуществления и защиты прав и свобод, удовлетворения общественных экономических, социальных, культурных, экологических и других интересов, предоставление общественным организациям права действовать на всей территории Украины; упрощение государственной регистрации общественных объединений.

Принятие данного закона было позитивно воспринято общественными организациями, которые также принимали активное участие в его разработке.

В результате гражданского контроля возможны изменения правил деятельности тех или иных органов государственной власти и отставка как политических, так и неполитических публичных должностных лиц. Такими институтами гражданского контроля должны стать Общественные советы при органах государственной власти Украины.

Постановлением Кабинета Министров Украины от 3 ноября 2010 г. № 996 было принято решение о создании общественных советов для обеспечения участия граждан в управлении государственными делами, осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, налаживания эффективного взаимодействия указанных органов с общественностью, учета общественного мнения при формировании и реализации государственной политики» [4].

Пока что деятельность Общественных советов при органах власти Украины признать эффективной нельзя. Главной причиной этого является то, что как правило, состав Общественного совета формируется самим ведомством по принципу лояльности. Как показывает практика, в Общественные советы охотно включаются представители общественных организаций, журналисты, директора школ и т.д. В то же время правозащитные и гражданские организации представлены в Общественных советах недостаточно. Также следует учитывать, что предложения Общественного совета носят рекомендательный характер. Таким образом, в основном, функция Общественного совета при органах государственной власти не контролирующая, а имиджевая.

Важным моментом является то, что эффективность деятельности Общественных организаций вообще, и Общественных советов, в частности, зависит от того, насколько они независимы от власти. Если они создаются «сверху», как это мы можем наблюдать на примере Общественных советов при Министерствах, то вряд ли стоит рассчитывать на реальную гражданскую активность. [5, с. 95].

Ю. Воробьев высказал мысль о том, что органы государственной власти должны брать на себя инициативу организации взаимодействия гражданского общества и власти, если само гражданское общество в силу причин переходного периода не в состоянии эффективно контролировать власть. Явление это, считает Ю. Воробьев, временное, преходящее [6, с. 11]. Мы с этим согласиться не можем, поскольку, исходя из указанного, исследователь рассчитывает на сознательность и добровольность власти в вопросе взаимодействия с обществом. Здесь уместно привести мнение другого исследователя – С. Коверзневой, которая справедливо указывает на то, что «Общество не должно ждать от власти

«правильных» решений, оно способно создавать наравне с властью работающую систему жизнеобеспечения, нацеленную на реализацию общего блага, законность и правопорядок, социально-экономические права, которые становятся политическими ценностями не только в политическом дискурсе электорального процесса, но в контексте и рутинах повседневности» [7, с. 4-5].

Пока же речь идет в большей мере об имитационной форме социально-политической активности, инициируемой государством. Что же касается реальной гражданской активности, то ее реализация при решении общественно значимых социально-политических вопросов затруднена. Как известно, явление подмены социальной функции ее имитацией было описано Ж. Бодрийяром в 1980-90-х годах. Для объяснения данного явления было использовано понятие «симулякр» (франц. – стереотип, псевдовещь, пустая форма) [8]. Возможности имитировать реальность усилились с развитием информационных технологий.

Таким образом, можно констатировать, что попытки взаимодействия общественности с властью медленно, но уверенно ведут к институционализации такого взаимодействия в виде постоянно действующих структур: рабочих и экспертных групп, общественных советов при ведомствах и т.д. Также приходится отметить, что как правило, взаимодействие с властью реализуется по инициативе неправительственных организаций.

Литература:

1. Шустров А.М. Институционализация гражданского контроля над деятельностью государства в регионах современной России: автореф. дис... канд. полит. н.: спец. 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии / Александр Михайлович Шустров. – М., 2009. – 22 с.

2. Нисневич Ю.А. Политическая ответственность: институциональная постановка проблемы / Ю.А. Нисневич // Полис. – 2013. – № 4. – С. 62–74.

3. Исакова Ю. Гражданский контроль в современной социально–философской мысли / Юлия Исакова // Власть. – 2012. – № 7. – С. 114–117.

4. Постановление Кабинета Министров Украины «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 3 ноября 2010 г. № 996.

5. Какабадзе Ш.Ш. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов / Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев, Н.А. Звягина, В.Е. Карастелев // Полис. – 2011. – № 3. – С. 88–108.

6. Воробьев Ю.Л. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти как управленческий процесс: автореф. дис... д. соц. н.: спец. 22.00.08 – социология управления / Юрий Львович. – М., 2008. – 37 с.

7. Коверзнева С.А. Государство и общество в современной Российской публичной политике: автореф. дис... канд. полит. наук: спец. 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии / Софья Александровна Коверзнева. – Санкт–Петербург, 2011. – 26 с.

8. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / J. Baudrillard. – University of Michigan Press, 1994. – 164 p.

Сергеев С.Г.

*Саратовский социально-экономический институт РЭУ имени Г.В. Плеханова
доцент кафедры философии и политологии
к.п.н., доцент*

ОСОБЕННОСТИ ВНЕКОНСТИТУЦИОННОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ

В январе 2011 года в ряду государственных органов, осуществлявших правоохранительные функции, появилось новое ведомство – Следственный комитет Российской Федерации. Его институциональная «новизна» была относительной, поскольку СК РФ не возник на пустом месте, а организационно выделился из Прокуратуры Российской Федерации.

Именно такой путь образования государственного органа вкупе с тем обстоятельством, что в отличие от Прокуратуры РФ, учрежденной на конституционном уровне, Следственный комитет РФ не закреплен Основным законом страны, позволяет нам отнести его к числу внеконституционных образований, возникших по инициативе российской власти с начала 2000-х годов.

Предпосылки выделения Следственного комитета РФ из Прокуратуры РФ созревали в течение нескольких лет, но ведущим фактором, определившим успешность процесса, стала личная позиция главы государства, который тщательно выстраивал систему внутриэлитных сдержек и противовесов, ориентированную, в том числе, на ключевые для него группы элит – так называемых «питерских» и «силовиков». Противопоставляя ведомства и фигуры, их возглавляющие, расставляя представителей высшего слоя политического класса на ключевые позиции в государственном аппарате и перемещая их с одной руководящей должности на другую, В. Путин гарантировал себе позиции востребованного внутриэлитного арбитра и закреплял систему «ручного управления» в отношении слоя высших государственных менеджеров.

Обретение Следственным комитетом самостоятельности не в последнюю очередь связано с фигурой его руководителя – А. Бастрыкина. Неотъемлемой частью этого процесса, ему предшествующей и во многом его предопределившей, стала ранее не имевшая аналогов в своем воплощении рокировка высокостатусных силовиков – пересадка федерального министра юстиции Ю. Чайки в кресло Генерального прокурора России и бывшего Генерального прокурора В. Устинова на освободившееся место министра юстиции [1]. Выступая перед верхней палатой российского парламента, вступающий в должность Генерального прокурора Ю. Чайка не исключил создания Следственного комитета как отдельной структуры, действующей, однако, в рамках Прокуратуры.

С назначения в октябре 2006 года заместителем Генерального прокурора Российской Федерации А. Бастрыкина можно вести отсчет началу внеконституционной институционализации СК РФ. Именно А. Бастрыкин становился внутренним противовесом Генеральному прокурору Ю. Чайке в новом раскладе влияния внутри правоохранительного блока, подчиненного лично Президенту РФ. Будучи однокурсником В. Путина по юридическому факультету Ленинградского государственного университета, он приложил серьезные аппаратные усилия к тому, чтобы в июне 2007 года в структуре федерального надзорного органа был образован Следственный комитет при Прокуратуре РФ [2], а в дальнейшем упорно добивался, чтобы возглавляемый им Комитет стал самостоятельным ведомством. В конечном итоге, в декабре 2010 года был принят, а с января 2011 года вступил в силу федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» [3], согласно которому Следственный комитет РФ институционализировался как внеконституционный государственный орган. Таким образом, и конституционный (Прокуратура РФ), и внеконституционный (Следственный комитет РФ) органы стали формально равными в системе государственных правоохранительных структур, что нашло непосредственное выражение в их раздельном регулировании двумя «именными» федеральными законами – нормативно-правовыми актами одного вида и, как следствие, имеющими равную юридическую силу.

Произошедшее разделение, в основе которого лежала функциональная специализация, не снизило ведомственного противостояния. Прокуратура, в значительной степени потерявшая влияние на следствие, стремится тем или иным образом его восстановить. Одним из направлений приложения ее усилий стала борьба за установление права осуществлять прокурорский надзор за работой Следственного комитета. Согласно закону о прокуратуре, она осуществляет надзор за деятельностью органов власти, но поскольку СК РФ внеконституционным образом выделился из самой Прокуратуры и формально не является органом власти (не относится ни к одной из ветвей государственной власти), то его руководство отрицает законность осуществления прокурорского надзора в отношении ведомства.

Следует заметить, что некоторые полномочия в отношении следствия надзорному ведомству все же удалось себе вернуть. Тем не менее, Генеральный прокурор Ю. Чайка в своем выступлении на конференции «К 150-летию судебной системы России» (Санкт-Петербург, 26 сентября 2014 года) в очередной раз высказался за расширение полномочий Прокуратуры за счет урезания полномочий следственных органов [4].

Таким образом, одной из особенностей внеконституционной институционализации Следственного комитета является ведомственная конкуренция с конституционным органом. Борьба двух ведомств за полномочия наглядно демонстрирует такое качество внеконституционных образований, как их функциональная «запараллеленность» друг на друге.

Еще одной значимой особенностью институционализации СК РФ стала относительная простота его закрепления на уровнях публичного управления – от федерального до муниципального. Поскольку следственные органы обособлялись от существующих надзорных, а к началу этого процесса Прокуратура уже утвердилась в Центре, федеральных округах, субъектах Федерации и муниципалитетах, то оформление структур Следственного комитета происходило без каких-либо сложностей, обусловленных многоуровневостью публичного управления в Российской Федерации.

Значительную роль в институционализации Следственного комитета сыграли политические факторы. Будучи по своему предназначению не-политическим органом, СК РФ практически с момента своего возникновения был вовлечен в политические процессы и отношения как внешняя сила, способная серьезным образом на них повлиять. Оформившись как самостоятельное ведомство в 2011 году, Следственный комитет не мог остаться в стороне от борьбы с оппозиционным «белоленточным» движением конца 2011 – первой половины 2012 годов, которое воспринималось как реальная угроза существующему политическому порядку. Наибольший общественный резонанс получило «Дело узников 6 мая», в котором СК РФ проявил готовность довести «политические» дела до логического завершения, невзирая на сомнительность доказательной базы. Менее известно, но не менее значимо участие Следственного комитета в конфликтах, происходивших внутри правящей элиты [5]. Эти и целый ряд других примеров доказывают, что подчиненный лично Президенту, СК РФ выполняет прикладные политические задачи, поставленные главой государства и непосредственно связанные с политическим управлением.

По мнению бывшего ведущего кремлевского политтехнолога Г. Павловского, «Следственный комитет не случайно превращается в политическую полицию» [6]. Весьма показательным в этой связи выглядит заявление официального представителя СК РФ генерала В. Маркина, который в эфире «Русской службы новостей» опроверг использование ведомства в политических целях [7].

Развернувшийся в 2014 году внутриукраинский конфликт в полной мере показал неубедительность слов руководителя пресс-службы Следственного комитета об отсутствии политической мотивированности и политической неангажированности ведомства. Откровенно выйдя за пределы территориальной юрисдикции, СК РФ взялся за расследование событий, связанных с вооруженным противостоянием на Востоке Украины, не стесняясь нарушать фундаментальные процессуальные правила ведения следствия. От имени Следственного комитета его официальные представители неоднократно давали политические по своему смыслу оценки происходящих в соседней стране процессов. При этом их облеченные в жесткую форму слова легко экстраполируются на российское политическое пространство, демонстрируя готовность ведомства оказывать давление на политических противников действующей российской власти.

Созданный как государственный орган специальной компетенции, СК РФ демонстрирует качества состоявшегося внеконституционного политического института. В его институционализации заметны факторы политического характера, а деятельность в значительной степени связана с осуществлением государственного политического управления.

Литература:

1. Чайку и Устинова поменяли местами // Известия. 2006. 23 июня.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 года № 87-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
3. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
4. Чайка напомнил прокурорам о временах Александра II [электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2014/09/26/chaika/> (дата обращения: 26.09.2014)

5. Морозов А. Сколково и песьи головы [электронный ресурс]. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/60333> (дата обращения: 08.05.2013)

6. Лола Тагаева. Интервью с Г. Павловским [электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/pavlovskiy_surkovu_ob_itogakh_raboty_politika_eto_tekst_slava_ne_vyshlo_te_ksta-943743.xhtml (дата обращения: 21.05.2013)

7. Маркин опроверг использование СКР в политических целях // <http://www.forbes.ru/news/240035-markin-oproverg-ispolzovanie-skr-v-politicheskikh-tselyah> Дата обращения: 31 мая 2013 года.

Сидоренко С.В.
*Запорожский государственный
медицинский университет
к.ф.н., старший преподаватель*

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Существует три направления исторического и политического развития, которые ведут к образованию гражданского общества: развитие политики, коллективистских и индивидуальных основ гражданственности. На универсальность и фундаментальность основ гражданского общества и правового государства влияют вечные понятия - порядочность, честность и человечность. В обществе свободно развивается ассоциативная жизнь, происходит децентрализация государственной власти благодаря передаче значительной ее части самоуправлению, бесконфликтное решение общественно-политических проблем. Целостный, правовой, политический, идеологический, культурный, этический механизм обеспечивает эффективное воздействие гражданского общества на структуры власти и социальную жизнь страны.

Гражданское общество - это организованная структура, стоящая за пределами политических структур, но охватывающая и их, поскольку они также являются его частью. Такие элементы как демократическое законодательство, разделение властей, наличие легальной оппозиции, целого ряда политических партий не являются сами собой непосредственной структурой гражданского общества, но они составляют определенные формы закрепления его влияния в политической организации общества. Их социальная роль заключается в реализации ценностей граждан, жизни, политических и социальных свобод людей. Гражданское общество существует при условии плюрализма любой, в частности социально-политической деятельности, ее материальных и идейных основ. Сфера частной жизни должна быть закрытой для любого политического, властного вмешательства. Это важнейший показатель существования гражданского общества. Среди составляющих организации и функционирования демократизма власти для гражданского общества особенно существенны следующие: легитимность, всеобщность, полнота демократизма, эффективность реализации полученного кредита доверия в интересах народа. Вместе с тем, большое значение приобретает обеспечение личной, социальной, экономической безопасности граждан, их доступа к здравоохранению, образованию, культуре, минимальным основам выбора деятельности по призванию; гарантированная компенсация трудовых выплат; запрет всевозможных форм принуждения.

В настоящее время в мире происходит кризис институтов гражданского общества, который проявляется в том, что государственное управление ограничивает гражданские инициативы, происходит дальнейшая бюрократизация, давление на средний класс, неэффективное управление, потребление большей части прибыли, рост бедности, инфляция, депривация и неравенство. Все больше увеличивается недовольство населения и государством, и глобальным капитализмом как ключевыми механизмами решения взаимосвязанных глобальных проблем: социальных, экономических, экологических; неразвитости высоких технологий периферии. Этим факторам способствовали и мнения ученых, в частности И.Валлерстайна, который отмечал, что государство в перспективе не просто «отомрет», но и будет заменено самостоятельными организациями, поддерживать которые люди будут из-за угроз экологического состояния Земли.

Исследуя данную проблему У. Бек указывает на то, что национальное государство перестало формировать общие принципы взаимоотношений, позволяющих все другие принципы взаимодействия. Актуальными остаются проблема прав человека. По словам немецких исследователей Ш.Госепата и Г.Ломанна, сегодня проблема прав человека становится насущной после века господства преступных тоталитарных режимов, после банкротства концепции «государства всеобщего благосостояния» и после классических форм войны и насилия. Новая конфигурация государственного устройства, общества и «свободных зон» выстраивается параллельно и одновременно с разрушением старых конфигураций. Три измерения прав человека - либеральные свободы индивида, социальные права справедливого распределения, права политического участия граждан - в условиях нового глобального мира предстают неотъемлемыми и необходимыми ... Основная задача политики прав человека заключается именно в том, чтобы установить восстановить уважение к человеческим лицам и демократическим правам там, где они ограничиваются или подавляются [4]. По мнению В.Воронковой, человечеству грозит обострения различных глобальных кризисов [2]. Одной из этих кризисов является кризис в общественно-правовой сфере и правовом сознании стран постсоветского лагеря, преодоление которой будет способствовать формированию гражданского общества. Ведь гражданское общество базируется, прежде всего, на правовых началах. Что влияет на формирование гражданского общества?

1. Внедрение социальной рыночной экономики. Переход к рыночным условиям хозяйствования требует разработки эффективной системы социальной защиты населения, предусматривает индексацию доходов населения, установление минимальной заработной платы, систему компенсационных выплат, государственное регулирование цен на важнейшие товары потребительского назначения, активная работа службы занятости и организация социальной защиты безработных.

2. Рыночная экономика должна способствовать развитию честного, прозрачного, законного бизнеса. Внедрение кодексов честной конкуренции, ведь моральный бизнес приносит наибольшую прибыль.

3. Стимулирование развития в стране среднего класса, который является гарантом политической стабильности.

4. Становление и развитие страхования в стране. Накопленные страховыми компаниями активы являются одним из источников долговременного инвестирования - важного ресурса стабилизации экономики.

5. Необходимые функциональные ориентированы властные структуры с более узкими спектрами полномочий для решения региональных проблем.

6. Формирование политической элиты, исповедует демократические ценности.

7. Достижение консенсуса между различными политическими силами. Преодоление противоречия между демократической формой и тоталитарной сущностью институтов власти. Вступление политическими институтами демократического содержания, продуцирования ими реальной демократической политики.

8. Сохранение честных, соревновательных и регулярных выборов.

9. Многопартийность, свобода слова, печати, защита прав меньшинства. Мнение большинства, выраженное демократическим путем на выборах, является необходимым, но недостаточным условием демократии. Только сочетание правительства большинства и защита прав меньшинства составляют демократию.

10. Активная жизненная позиция молодежи. Именно эта социальная группа закладывает основы будущего благосостояния любой страны. От того, насколько глубоко молодежь интегрирована во все сферы жизни, зависят направление и темп развития общества.

11. Международная политика, направленная на прекращение военно-политических конфликтов. Политическая идеология сохранения мира и стабильности в государстве, толерантная политика преодоления внутреннеполитического кризиса, объединения враждующих и непримиримых партий.

Литература:

1. Воронкова, В. Формування постнекласичної парадигми сучасного менеджменту в умовах глобалізації / В.Г.Воронкова // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії. - Вип. 38. - Запоріжжя: Вид-во ЗДІА. 2009. – С. 13-29.
2. Воронкова, В. Філософія розвитку сучасного суспільства: теоретико-методологічний контекст. - Запоріжжя: ЗДІА, 2012.
3. Сидоренко, С. Украина проиграла 11 миллионов за день в Европейском суде по правам человека/ С.Сидоренко// Коммерсант Украины – 17 января 2013г.
4. Філософія прав людини / За ред. Ш. Госепата та Г.Ломанна. - К.: Ніка-Центр, 2012.
5. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи/ Пер. с англ. под ред. В. Иноземцева. - М.: Культурная революция, 2006.

Сидоренко Е.Н.,

*Ростовский государственный строительный университет
к.э.н., доцент кафедры экономической теории*

ИНСТИТУТ « ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА» В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Социо-культурная трансформация в России происходит в русле общецивилизационных изменений, не являясь чем-то исключительным и обособленным. Экономическая трансформация также выступает как естественный процесс приспособления к новым внутренним и внешним вызовам.

НТП и инновации являются одними из основных факторов экономической модернизации, состояние которых в российской экономике не позволяет динамично двигаться вперёд. Развитие инновационных отраслей во многом зависит от состояния инфраструктурных объектов. Поэтому необходимы более успешные формы участия государственного и частного сектора, которые способствовали переливу инвестиционных ресурсов в инфраструктурную сферу.

Как свидетельствует мировая практика, более успешной формой подобного взаимодействия является государственно-частное партнерство (ГЧП). Применение механизмов ГЧП позволяет правительству добиться значительных результатов в рамках ограниченных ресурсов; превратить их в стимулирующий инвестиционный рычаг [1, с.24-32].

Становление и развитие ГЧП в России было запущено в начале нынешнего века. Нормативно-законодательная база активно складывается как на государственном, так и на региональном уровнях. Федеральное законодательство в сфере ГЧП включает законы «О концессионных соглашениях», «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», «О Банке Развития» и соответствующие постановления правительства РФ и другие. [2]. Федеральный закон РФ о государственно-частном партнёрстве пока обсуждается в Государственной Думе.

На региональном уровне, стремление более динамичного использования ГЧП обусловило создание собственных законов. Сейчас региональные законы о ГЧП действуют в более чем в 60 субъектах Российской Федерации [3], основой нормативного процесса является Модельный закон об участии субъекта РФ в ГЧП.[4].

Почти сразу с формированием правовой основы ГЧП началось формирование органов управления. Эти институты должны были способствовать лучшей координации участников.

Были сформированы экспертные советы по государственно-частному партнерству при разных министерствах, включая министерство транспорта, министерство экономического развития и других. Эти структуры сейчас утверждают проекты, которые финансируются за счёт средств Инвестиционного фонда РФ.

Инвестиционный фонд, особые экономические зоны, концессионные соглашения, «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», институты венчурного финансирования (Российская венчурная компания, ВИФ, региональные венчурные фонды) являются ведущими инструментами государственно-частного партнерства в стране.

Внешэкономбанк, как участник рынка ГЧП, определяет выбор главных инструментов ГЧП, устанавливает показатели и ограничения финансирования соответствующих проектов. Для реализации проектов развития в сфере общественной инфраструктуры посредством ГЧП Внешэкономбанк в 2008 г. создал Центр государственно-частного партнерства, который с 2012 г. именуется Дирекцией ГЧП.

Необходимость инновационного развития и продвижения отечественных высоко технологичных продуктов на международном уровне, обусловила создание Российской венчурной компании (ОАО «РВК»). РВК участвует в деятельности венчурных фондов, предоставляя им 49% инвестиционных ресурсов. Уже организовано семь венчурных фондов при общем объеме 18,983 млрд. рублей. [5, с.84].

Следовательно, в России формируется цивилизованная институциональная база государственно-частного партнерства.

Среди многообразия форм ГЧП в области инфраструктуры наиболее востребованной является концессия. Согласно исследованиям, проведенным С.Рожковой, такое партнерство успешно используется в транспортной и социальной инфраструктуре, ЖКХ, в других сферах. Выбор сферы для ГЧП-проектов определяется исходя из уровня социально-экономического развития страны. В развитых странах - это в основном отрасли здравоохранения и образования, что продиктовано зрелостью рыночных отношений и социально-экономическими приоритетами. В развивающихся странах, к которым относится РФ, ГЧП применяется в основном в транспортной инфраструктуре (строительство автодорог, мостов и тоннелей, наземного метро, аэропортов и т.д.). Это также определяется государственными приоритетами.[6, с. 51-52].

Региональное развитие России подтверждает общую тенденцию применения государственно-частного партнёрства (концессии, в частности) прежде всего в реконструкции и создании транспортной инфраструктуры. В Ростовской области это - развитие Левобережной промышленно-портовой зоны «Заречная», строительство международного аэропортового комплекса-хаба «Южный», создание транспортно-логистического узла «Ростовский универсальный порт». В реализации этих направлений задействуется государственно-частное партнёрство.

Эти положения зафиксированы в Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2020 г., где содействие институту ГЧП должно осуществляться через расширение и упрощение форм и методов господдержки инвесторов, реализующих инфраструктурные проекты.[7, с.148.]

Но, в то же время, ГЧП пока не стало успешной формой взаимодействия правительства и бизнеса. Ограничивающим фактором, на наш взгляд, выступает российская политэкономическая традиция, где государство – главный субъект любой модернизации. Правительство, используя административно-властный ресурс, произвольно моделирует нормативные рамки, вмешиваясь в дела бизнеса, что иногда приводит к деструктивным эффектам.

ГЧП в состоянии преодолеть, так называемые, «провалы рынка». Появление проектов, реализующихся в предпринимательской сфере, но требующих государственной поддержки, рассматривается как проявление несостоятельности рынка, неспособности конкурентного рыночного механизма обеспечить заинтересованность в реализации эффективных инвестиционных решений. И ГЧП в этом может очень помочь. Однако, государственно-частное партнёрство демонстрирует и «провалы государства». Несостоятельность государства проявляется в бюрократизации процедур разработки, отбора и реализации ГЧП-проектов, слабой гарантированности обязательств со стороны государства, недостаточном и непрозрачном контроле за использование выделенных средств.

Также среди причин, сдерживающих приток частных инвестиций в рамках ГЧП, следует сказать о макроэкономических рисках: низкая и долгосрочная окупаемость проектов, отсутствие законодательно утвержденной системы реализации таких подобных проектов. Данная система должна включать размеры и формы государственной поддержки, типы и условия соглашений с бизнесом, распределение рисков и прозрачность взаимных расчетов и обязательств. Несогласованность в этих вопросах существенно замедляет процедуру организации проектов ГЧП.

Как направление по преодолению «провалов и рынка, и государства», можно рассматривать совершенствование контрактной системы. Известно, что контракт обеспечивает нерушимость прав и ответственности сторон. В российской правовой системе бюджетное право преобладает над контрактным. Поскольку бюджет страны или региона составляется на более короткий срок, чем инфраструктурный проект ГЧП, прописать в таких условиях все бюджетные обязательства довольно сложно. Целесообразно, как можно быстрее заполнить пробелы в действующем бюджетном, инвестиционном законодательстве, законе о государственных закупках, где чётко определить, как, и в каких размерах, государство будет осуществлять гарантии и компенсировать возможные убытки бизнесу в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Контракт должен стать основой партнёрства, а судебная система должна гарантировать его исполнение. Не политическая воля правительства должны привлечь потенциальных инвесторов к участию в ГЧП, а долгосрочный экономический интерес, подкреплённый незыблемостью исполнения контрактных обязательств.

Литература:

1. Баженов А. В. Использование механизма государственно-частного партнерства как катализатора антикризисного потенциала развития инфраструктуры // Государственно-частное партнерство. Пути совершенствования законодательной базы / Под общ. ред. А. А. Зверева. М., 2009. С. 24–32.

2. Центр развития государственно-частного партнерства [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pprcenter.ru/>.

3. Модельный закон субъекта Российской Федерации «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства». [Электронный ресурс]- Режим доступа: www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect.

4. Постановление Правительства РФ от 2 июня 2004 г. № 263 «Положение о Совете по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве Российской Федерации».

5. Смотрицкая И.И., Контрактная основа и механизмы регулирования государственно-частного партнёрства. - Институты и механизмы государственного регулирования экономики. Сборник. – М.: ИЭ РАН, 2012. –84 с.

6. Рожкова С. Анализ мирового опыта использования государственно-частного партнерства в различных отраслях экономики. \ \ Рынок ценных бумаг, 2008, №1 (352).

7. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года. В редакции постановления Законодательного Собрания Ростовской области от 24.11.2011 № 1752,

Скок Н.С.

*Донецкий государственный университет управления
к.с.н., доцент кафедры социологии управления*

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ ДОВЕРИЯ

Социальные трансформации, происходящие в обществе, во многом определяются его темпоральными особенностями. В условиях преобразований социальной структуры украинского общества также претерпели изменения характеристики социального времени. С помощью социального времени в обществе создается определенный «социотемпоральный порядок, регулирующий структуру и динамику социальной жизни» [1, р. 2].

В рамках нашей работы под социальным понимаем «время существования людей в обществе, которое определяется в собственной системе координат как изменение или движение социальных явлений с помощью других социальных феноменов (П. Сорокин, Р. Мертон), явлений, сочетая продолжительность, последовательность, сосуществования, размеры и результаты деятельности, которые сменяют друг друга и выступают в виде событий, процессов, предметов» [2, с. 35].

Социальное время связано не просто с физическим существованием человека, а с человеческой деятельностью, составляющей в том числе содержание социального времени. Такая трактовка социального времени позволяет нам говорить о нем как социокультурном контексте проблемы доверия, поскольку изменения в обществе приводят к потере одних и возникновению других социальных смыслов, с которыми возникает, сохраняется доверие или формируется недоверие в обществе.

По мнению П. Штомки, существует определенное количество аспектов, из которых состоит временная перспектива, в частности, уровень и глубина осознания времени, его разновидность, ориентация на прошлое или будущее, интерпретация будущего, преимущество ценностей [3, с. 74-76]. В течение развития и изменения общество имеет свою временную специфику.

Временной профиль украинского общества формируется с учетом его специфической социокультурной реальности. По сути, украинское общество за время своего независимого существования пребывало в состоянии переходного периода, который можно рассматривать как временной конструкт, имеющий присущие только ему черты и специфику. Переходные системы предельно динамические и неустойчивые, у них неизбежно возникают нестабильность и кризисные ситуации. Главной причиной нарушения социальной стабильности неэффективное институциональное регулирование борьбы интересов различных социальных групп и общественно-политических сил.

Социальную реальность украинского общества можно рассматривать с точки зрения «социокультурной травмы трансформации», поскольку наблюдаем в нем дезорганизацию, смещение, несогласованность в социальной структуре ..., контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность... [4, с. 8]. Происходящие «события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления» [4, с. 9]. Приспособление индивида к социальным условиям жизнедеятельности в таких условиях рассматривается как сложный комплекс защитных реакций, позволяющий ему выжить.

Доверие/недоверие в его социологическом анализе выступает как важный показатель отношения людей друг к другу и к тому обществу, в котором они живут, а также в качестве одной из характеристик их социальных ожиданий и поведенческих стратегий. Проблема доверия появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущих событий. Штомпка П. определяет доверие как ставку в отношении будущих непредвиденных действий других. Доверие предполагает два основных компонента: 1) особые ожидания (в отношении того, как поведет себя другой в некой будущей ситуации) и 2) убежденность, уверенность в действии (ставка) [цит. по: 5, с. 11].

Уровень проявления доверия социальным институтам показывает, каким образом человек воспринимает происходящие в обществе события, какое место, значение отводит себе в них, позволяет структурировать для себя будущее. За время существования независимой Украины наивысшим уровнем доверия стабильно пользуется семья (4,5 баллов в 2013 году, где 5 – наивысший) [6, с. 486]. Большинство остальных социальных институтов, очевидно, не оправдывают ожиданий большей части населения. Респонденты не проявляют доверия большинству социальных институтов (не делают на них «ставку»). Многим характерно непонимание общественных процессов, что свидетельствует о том, что в условиях общественных трансформаций оценка человеком своего социального положения и социальных перспектив становится одной из самых острых проблем. Каковы же результаты такого глобального кризиса недоверия?

Во-первых, происходит радикальное столкновение социальных мироощущения и жизненных интересов людей, что приводит к оценке сложившейся в обществе ситуации в целом как негативной. В таком случае, ориентация на будущее индивида имеет характер краткосрочной перспективы.

Во-вторых, поскольку доверие (по П. Штомпке) является, с одной стороны, необходимой предпосылкой политического порядка, а с другой – само доверие является результатом политического порядка определенного характера [5, с. 16], то характер установившегося сегодня в Украине политического порядка, скорее, можно охарактеризовать как беспорядок.

В-третьих, распространение негативного опыта доверия формирует «культуру недоверия» [Там же. – с. 13].

Таким образом, приспособления индивида к социальным условиям в современной Украине сопровождается общественной деморализацией, когда граждане практически находятся в форме противостояния государству. С потерей доминирующей роли в экономической деятельности, государство потеряло традиционные рычаги защиты населения от последствий социально-экономических трансформаций. Современные украинские реалии приводят к тому, что ориентация на будущее индивида имеет характер краткосрочной перспективы. Низкий уровень доверия в обществе фактически всем социальным институтам, распространение негативного опыта взаимодействия с властью показывают существующее несоответствие происходящих процессов и управленческих действий ожидаемым обществом изменениям, приводит к формированию «культуры недоверия». Такое нарушение социальной стабильности может оказаться необратимым для украинского общества.

Литература:

1. Zembavel E. Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 221 p.
2. Скок Н.С. Суб'єктивний час як чинник соціальної поведінки індивіда в умовах суспільних трансформацій : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01 / Скок Наталя Сергіївна. – Донецьк, 2010. – 189 с.
3. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ., под ред. В. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка [Электронный ресурс] // СОЦИС. – 2001. – № 1. – С. 6-16. – Режим доступа : <http://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Shtompka.pdf>
5. Фреик Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки / Н.В. Фреик // СОЦИС. – 2006. – № 11. – С. 10-18.
6. Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / За ред. д.е.н. В. Ворони, д.соц.н. М.Шульги. – К.: Ін-т соціології НАН України, 2013. – 566 с.

Смирнов М.Г.

*Челябинский государственный университет
заведующий кафедрой зарубежного регионоведения,
политологии и восточной философии
к.ф.н., доцент*

ВЛИЯНИЕ НАТУРАЛИЗАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ НА ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современные трансформационные процессы в российском обществе постмодерна настолько сложны и многообразны, что их довольно сложно определить.

Анализируя, с аксиологической точки зрения, сложившуюся в современном российском обществе ситуацию, можно попытаться определить его содержание его трансформационных процессов и трансформационный потенциал.

В данной работе мы постараемся выявить ценностные основы и механизмы современных трансформационных процессов российского социума и показать формы изменений в российском обществе инспирированные их влиянием.

В качестве основы для анализа проблемы мы предлагаем авторскую теорию натурализации ценностей в обществах современного типа.

Если взять за эталон исторического ценностного развития общества Запада, то можно выделить три четко очерченных этапа развития ценностных систем: этап традиционного общества, общество модерна (индустриальное общество) и общество постмодерна (постиндустриальное общество).

Переход от этапа к этапу проходил достаточно длительно и болезненно. Происходило постепенное замещение и вытеснение старой ценностной парадигмы – новой.

При переходе от традиционного общества к обществу модерна неизменным оставался механизм формирования и конституирования ценностей – сакрализация, придание священного статуса циркулирующим или насаждаемым в обществе нормам. При этом мы наблюдаем смену основного агента формирования ценностей с церкви (духовного института) на государство (институт управления), и их источника – с религии на идеологию (тесно связанную с государственным интересом) и национальную культуру.

Что касается смены ценностной парадигмы в процессе перехода от общества модерна к современному обществу постмодерна, то здесь меняется сам основной механизм формирования и конституирования ценностей: с сакрализации – на натурализацию.

Под натурализацией ценностей как механизмом их формирования конституирования мы понимаем апелляцию агентов актуализации ценностей не к области священного или, даже, мирского, а к естественному – природному компоненту человека, т.к. удовлетворение природных, витальных потребностей человека напрямую связано с его выживанием, а значит имеет непреходящую актуальность. Натурализованные ценности черпают свою энергию и актуальность в природном стремлении человека к удовлетворению своих потребностей. В отличие от ценностей сакрализированных они: неустойчивы и текучи, имеют способность быстро сменяться, т.к. быстро удовлетворимы; массовы и индивидуалистичны; имея национальный компонент, претендуют на универсальность (по модели природных потребностей); обезличены; привычны к конкурентной среде; материально воплотимы; не имеют культурной привязки; монетарно измеримы (bestsell); легко усваиваемылюбом обществе постмодерна, в том числе и в российском.

Также, в процессе перехода к постмодерну, вновь происходит смена основного агента формирования ценностей с государства – на коммерческие организации (ТНК, фирмы и др.). А источником формирования ценностей становится новая натуральная идеология потребления.

Конечно, ключевые агенты прошлого (церковь и государство) продолжают действовать, но их воздействие на общество становится все более локальным и несопоставимо по масштабам и плотности с новым ключевым агентам современной эпохи (коммерческие организации). При этом отношения классических агентов в аксиологической системе также иерархичны.

Результатом указанной смены механизма, источника и агента формирования ценностей в современном российском обществе выступают ряд трансформационных процессов, которые, зачастую, несут кризисный для нашего общества характер:

1. Антропологический кризис, когда путем виртуализации пространства общения (широкий доступ личности к любым уровням общения, минуя социальные ритуалы и культурные требования общества); создания мобильных обезличенных универсальных информационных посредников (информационные базы данных сети интернет); путем искусственного формирования «естественных» потребностей человека и модели потребления в целом (создание искусственных потребностей – симулякров, позиционируемых как естественные, формирование текущих ценностей, создание аксиологического рынка минуя национальные российские культурные барьеры и фильтры, система трендов, брэндинг и ребрэндинг придание ценности которым носит «демократический» характер, когда за них все общество «голосует рублем»). Так, с развитием общества постмодерна и антропологическим кризисом происходит инфляция самой человеческой природы, стирание границ между естественным и социальным и размывание культуры как национального российского феномена.

2. Инфляция традиционно высокого авторитета российского государства в глазах граждан. Потеря признания за государством роли основного агента формирования ценностей влечет за собой потерю со стороны граждан веры в необходимость государства как единственного гаранта обеспечения их витальных потребностей (безопасность, стабильность в удовлетворении насущных потребностей, которые в свою очередь понимаются иначе в новой парадигме ценностей). Это порождает такие явления как: государственный терроризм (анонимно-силовое воздействие на граждан с целью повышение значимости государства в обществе); усиление персонификации власти, когда авторитет лидера приравнивается к авторитету государства; декларативность и абстрактность сакрализированных ценностей и идей (российский патриотизм, русская идея) не имеющих в современном российском обществе реальной актуализации, т.к. они проигрывают по значимости ценностям текущим (натурализованным).

3. Значительное ускорение темпов социального воспроизводства. Монетаризация отношений и ценностей, увеличение стоимости жизни создают в современном российском обществе ситуацию, когда индивид (даже наследник советской эпохи – носитель коллективных ценностей), выпадает из позитивного культурно значимого коллективного общения в силу недостатка времени и своего рода «социальной усталости» и «социального абсентеизма». Это ведет к дезактуализации ключевых культурных российских ценностей, связанных с человеческим общежитием, и порождает ряд серьезных проблем. Так, к примеру, ценности патриотизма, имевшие в советской и российской культуре устойчивую символику и каналы воспроизводства («Бог, царь и отечество» или «Родина и Сталин») в эпоху натурализации воспринимаются как абстрактные и, поэтому, не понятные. В современную эпоху они вынуждены пониматься через некие материальные позитивные каналы. Так, современный российский патриотизм выстраивается вокруг победы в Великой Отечественной войне.

4. Размывание социальной иерархии, структуры и социальных статусов в современном российском обществе. Режим воспроизводства натурализованных ценностей негативно сказывается на восприятии ценности социальных статусов в современном российском обществе. Чаще всего, натурализованные компоненты заменяя собой сакрализованные компоненты, сами определяют ценность социального статуса придавая ему качества подвижности, тем самым обесценивая сам статус или формализуя его. Это приводит к появлению особых категорий российских социальных статусов, к примеру «богатые-бедные», которые имеют монетарное оформление.

5. Рост социальной неудовлетворенности. Явление социальной неудовлетворенности – одна из отличительных современного общества, в том числе и российского. Оно связано с такими отечественными явлениями, гонка за удовольствиями и безудержное потребление. Воспроизводство этих процессов ведет к увеличению их темпов со стороны общества дабы ускорить и увеличить получение финансовых средств, воспринимаемых как возможности для удовлетворения все более растущих потребностей. К этому можно добавить нарушения в самой иерархии потребностей у российского обывателя, что приводит к постоянному ощущению их нереализованности.

В целом, все эти процессы, будучи детерминированы изменениям в аксиологической компоненте российского социума, определяют содержание и направленность, непреложность трансформационных процессов в нем. Создаются условия для максимально простого достижения натурализованных ценностей и целей, а высокая динамика и энергозатратность общественного воспроизводства не позволяет двигаться по «лестнице потребностей» вверх. Это, в свою очередь, приводит к количественному, но не качественному увеличению стремлений человека к реализации новых потребностей. Что, в свою очередь сводит на нет попытки российского государства централизованно актуализировать культурно обоснованные общественные нормы и ценности.

Снегирёва М.В.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
к.п.н., доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения*

Снегирёв М.С.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
студент*

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ В ЗАГРАНПАСПОРТАХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Конституционное право граждан на свободу передвижения, в частности, право выезжать за границы нашей Родины вскоре может быть затруднено по совершенно незначительному поводу. В сентябре 2014 г. вновь изменились правила транслитерации кириллицы (русских букв алфавита) при написании фамилии и имени владельца заграничного паспорта. Напомним, что «транслитерация [транс – сквозь, через + лат. littera – буква] – лингвистическая передача букв одной письменности посредством букв другой письменности» [1, с. 503]. Транслитерация – простое замещение русских букв на латинские буквы при оформлении документов, удостоверяющих личность.

Не успев привыкнуть к своей фамилии и имени, которые писались согласно регламенту, вступившему в силу 16 марта 2010 года, российским гражданам нужно быть готовыми к тому, что собственные документы их в очередной раз удивят. Кстати, прежний регламент не был совершенным, оказывается, транслитерацию производила программа, а паспорт распечатывался паспортёром. При этом возникали ошибки и нелепости, которые существенным образом портили жизнь конкретным гражданам.

Показателен пример, когда жительница Красноярска, вышедшая замуж за норвежца, не могла получить ответ, почему ей неверно указали имя, которое расходилось с именем, указанным в свидетельстве о браке (Chrisina). «В связи с разницей написания моего имени в свидетельстве о браке и паспорте я не смогу получить воссоединения с моим мужем, так как норвежский департамент по делам иностранцев требует, чтобы имя в свидетельстве о браке и паспорте было написано одинаково» [2]. Далее наша соотечественница продолжает, что «сославшись на злополучную инструкцию, которую сотрудники ФМС не могут прочитать до конца и в комплексе, они серьезно предложили мне изменить имя с Кристина на Чристина потому, что только в таком варианте мое имя машина переведет как Christina. Такого глупого совета я еще не слышала» [2]. Девушка, кстати, собиралась подавать иск к Красноярское ФМС по поводу возмещения морального и материального ущерба, обоснованного указывая на то, что в некоторых отделах ФМС работают недостаточно квалифицированные сотрудники, которым необходимо дополнительно обучаться, чтобы пользоваться программой. Она указывала, что действия государственных служащих не позволяют ей воссоединиться с мужем, нарушают конституционное право на выезд, гарантированное частью 2 статьи 27 Конституции РФ и частью 2 статьи 2 ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» [3], также нарушается право на труд, т.к. Кристина должна в определенное контрактом время приступить к работе в Норвегии.

Наша соотечественница готовилась подать жалобу в прокуратуру и иск в суд, но дело благополучно разрешилось после вмешательства в эту ситуацию Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае. (Можно предположить, что в подобных ситуациях найдётся работа адвокатам). Это пример положительного разрешения лингвистического и правового конфликта.

Многих граждан удручают чиновничья агрессия, равнодушие, затягивание сроков рассмотрения обращений, нежелание брать на себя ответственность, перекладывание принятия решений на вышестоящее начальство, отсутствие деятельной помощи в разрешении назревающих конфликтов, незнание некоторых ведомственных документов, в частности, регламентов. Обходя инстанцию за инстанцией, наши соотечественники делятся следующими сомнениями: «Невольно задаёшься вопросом – существуют какие-то специальные критерии отбора сотрудников для таких административных служб? Или это их работа морально калечит?» [4]. Вероятно, в данном случае уместно говорить о невысокой юрико-лингвистической культуре сотрудников государственных органов, низкой правовой культуре нашего общества.

Граждане, измучившись в очередях, пытаются поскорее исправить буквы в своих загранпаспортах, чтобы они соответствовали другим документам, доходят до истерик, называя всё «маразмом», «бредом», в бессилии разводят руками, говоря: «Это Россия!». Таким образом, авторитет государственной власти в разных регионах страны из-за непрофессионализма и бездействия сотрудников падает, а разочарование граждан растёт. Подобное положение, конечно же, нельзя считать приемлемым, уровень правосознания всех сторон необходимо повышать. Делать это можно через сообщения специалистов в СМИ (TV, радио, газеты и пр.), консультации юристов, адвокатов, информация на стендах в органах ФМС, бегущая строка в транспорте и др. Когда нечёткие правила, по мнению некоторых граждан, исполняют недобросовестные люди, работающие в структурах ФМС, ситуация обостряется. Новый регламент придерживается не языковой, а фонетической близости произношения имён и фамилий при транслитерации. Латиница в новой транслитерации передаёт фонетику (произношение) фамилий и имён россиян без привязки к какому-либо конкретному языку. (Лет 20 назад ориентировались на правила французского языка, позднее – английского). Как оказалась, наша Федеральная миграционная служба руководствуется рекомендациями Международной организации гражданской авиации, по которым был создан ГОСТ с нынешней транслитерацией.

Процесс перехода на новый регламент всегда осуществляется формально, население об этом слабо информируется, хотя гражданам нужно готовиться к тому, что придётся неоднократно посещать органы ФМС, заверять у нотариусов копии документов (свидетельства о браке, свидетельства о рождении детей, аттестаты и дипломы об образовании и др.).

По мнению специалистов, «изменение правил транслитерации может создать проблемы обладателям вновь полученных заграничных паспортов в случаях, если, например, ранее были куплены авиабилеты на основании ранее имевшегося заграничного паспорта, либо у гражданина имеются какие-либо документы, выданные в иностранном государстве на данные, содержащиеся в ранее имевшемся заграничном паспорте. Для того чтобы избежать подобной «ошибки в заграничном паспорте», следует при подаче заявления о выдаче заграничного паспорта представить соответствующее личное письменное заявление произвольной формы и приложить документы, в которых фамилия и (или) имя гражданина России написаны буквами латинского алфавита иначе, чем требуют действующие в настоящее время правила транслитерации» [4].

Из-за рассогласованности действий органов ФМС, которые по-разному читают инструкции, регламенты, приказы, граждане сталкиваются новым написанием фамилий и имён. Например: имя Евгений имеет несколько написаний – Evgueni, Eugeni, Evgeniy, Evgeny; Мария – Maria, Mariya, Mariia; Александр – Aleksandr, Alexandr, Alexander... Бывают обстоятельства, о которых люди эмоционально рассказывают в Интернете: «А у меня уже четвертый заграничный паспорт, и во всех фамилия написана по-разному. То есть я – это четыре разных человека. Последний раз сотрудница полчаса ковырялась в транслите, выясняя, как правильно написать. Забавно, что как-то получала паспорт почти одновременно с сыном, с разницей в месяц, ему фамилию написали совершенно в другом варианте, да еще и через апостроф – такого извращения даже у меня не было» [2].

Другая гражданка задаётся вопросом, как быть, «если в старом заграничном паспорте фамилия написана на английском KORNEYEVA, а в биометрическом KORNEEVA, а я собираюсь в Штаты. Виза была открыта в старом заграничном паспорте и ещё действительна, а поеду по новому паспорту, старый будет с собой для предъявления визы. Боюсь, что возникнут проблемы из-за разницы написания фамилий. Подскажите, как быть?» [3]. В Интернете автору советуют обратиться в консульство, решить этот вопрос, заручиться информацией от американских официальных лиц (желательно письменным ответом). Все это требует временных, материальных, моральных сил и средств.

При этом в разных уголках страны по-прежнему одни сотрудники ФМС транслировали имена и фамилии по международным правилам, а другие руководствовались правилами, которые были утверждены службой в 2010 году. Сегодня правила вновь меняются, поэтому нашим соотечественникам нужно внимательно посмотреть на свои документы, рассмотреть ситуации, в которых они могут оказаться, чтобы не возникли трудности: визы, международные водительские удостоверения, банковские карты, документы детей/супругов, дипломы образовательных учреждений других стран, авиабилеты, бронирование отеля, социальные карты, трудовые договоры, туристические путёвки, лечение за рубежом и т.д.

«По новым правилам, буква «ц» теперь будет передаваться сочетанием ts, а не tc, как это было раньше. Для гласных «ю» и «я» вместо yu и ya теперь будут использоваться iu и ia. Кроме того, своё обозначение появилось и у «ъ», который будет передаваться сочетанием ie» [4]. Желающие могут посмотреть, как будут выглядеть их фамилии и имена в современной транслитерации.

Для разрешения возникающих вопросов граждане могут обращаться в адвокатские конторы, юридические клиники вузов, самостоятельно изучать законодательство, заходя на официальные сайты Федеральной миграционной службы своего региона, просматривая материалы в Интернете.

Литература:

1. Словарь иностранных слов. 15 изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
2. Фамилия. Проблемы транслитерации [электронный ресурс]. URL: <http://ftour.otzyv.ru/read.php?id=118243> (дата обращения: 19.10.2014)
3. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»

Соловьев А.К.
Пенсионный фонд Российской Федерации
Начальник Департамента актуарных расчетов
и стратегического планирования
Финансовый университет,
заслуженный экономист РФ
д.э.н., профессор
Карасев Д.А.
Международная ассоциация социального обеспечения
Советник секретариата

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ РОССИИ 21 ВЕКА

В условиях глобального демографического кризиса и текущей бюджетно-финансовой нестабильности в нашей стране перспективы развития пенсионной системы занимают центральное место в процессе формирования долгосрочной стратегии социально-экономического развития России. Неоднократные попытки разработки методологических подходов к решению данных проблем не увенчались успехом, и ограничились повторением неудавшихся западных экспериментов по искусственному внедрению в государственную пенсионную систему накопительной пенсии.

Проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы обусловлены ее уникальной многофункциональностью, которая в свою очередь вытекает из институциональной природы сложившейся системы современного экономического механизма материального обеспечения различных категорий пенсионеров. Вследствие этого современная пенсионная система непосредственно взаимодействует практически со всеми сегментами современного общества, начиная с макро- и микро-экономики, рынком труда, финансовым сектором и заканчивая демографией.

Поскольку участниками современной – *страховой* - пенсионной системы являются застрахованные лица (все население страны), страхователи (работодатели, плательщики страховых взносов), страховщики (государственные и негосударственные) и само государство – конституционного гаранта реализации всех пенсионных обязательств (федерального бюджета).

Критерий эффективности определяется исходя из оценки уровня такого возмещения, во втором исходя из соотношения дохода пенсионера с размером какого-либо установленного показателя, который должен гарантировать достойные условия жизни во время защиты от социальных рисков.

Если оценка государственных гарантий минимального уровня пенсионного обеспечения в России не вызывает споров и для нее, как правило, принято использовать соотношение размера пенсий с ПМП, то практическая реализация показателя эффективности страховой пенсионной системы является основной проблемой при проведении пенсионной реформы.

Несмотря на установленные целевые ориентиры в Стратегии долгосрочного пенсионного обеспечения РФ по достижению коэффициента замещения трудовой пенсией по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет ни институционально установленной, ни практически общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения [1, с. 10].

Теоретически оценка эффективности страховой пенсионной системы в России определяется соотношением страхового возмещения при наступлении установленного страхового случая к размеру уплаченной страховой премии [2, с. 3].

Однако наиболее распространенным в настоящее время является так называемый «солидарный коэффициент замещения», отражающий соотношение среднего размера пенсии к средней заработной плате в экономике. Для распределительной пенсионной системы этот показатель лишь формально отражает нагрузку пенсионной системы на занятое население. На практике на его динамику также оказывают влияние такие факторы, как изменение тарифа и объема трансфертов федерального бюджета.

Расчет коэффициента замещения для типовых получателей различных видов трудовых пенсий, выходящих на пенсию в 2015 году и в долгосрочной перспективе – в 2030 году, в соответствии с требованиями Конвенции № 102.

Расчет производится для гипотетического типового получателя каждого вида пенсии по нормам пенсионного законодательства, действующего до 01.01.2015 года и законодательства, вступающего в 2015 году, на основании статистических данных и прогнозных параметров развития пенсионной системы.

Для расчета коэффициента замещения типового получателя страховой пенсии применяется заработная плата наемного работника мужского пола, занятого квалифицированным ручным трудом.

Как показали проведенные расчеты, брутто-коэффициент замещения трудовой пенсией по старости к 2015 году составит 59%, нетто-показатель – 51%, что выше минимальных норм, установленных Конвенцией № 102 для данного вида выплат. При этом к 2030 году прогнозируется снижение брутто- и нетто-показателей до уровня 43% и 49% соответственно.

Страховая пенсия (страховая часть пенсии без ФБР) по старости обеспечивает только половину (21%) от установленного уровня коэффициента замещения. Даже вместе с фиксированной выплатой (ФБР) в 2015 году она не достигает требуемых 40%. (нетто-коэффициент замещения страховой пенсии по старости составит 38%)

Таким образом, условие включения в суммарный размер обеспечения типового получателя социальной пенсии его жены является необходимым для выполнения минимальных норм Конвенции 102.

Сравнительный анализ полученных результатов позволяет выявить ряд закономерностей.

Во-первых, для трудовых пенсий в краткосрочной перспективе брутто-коэффициент замещения достигается для всех видов пенсий. При полном наборе выплат, включенных в состав обеспечения, в 2015 году составит по старости - 51%, по инвалидности – 58%, по СПК – 54%. Только для пенсии по СПК брутто-коэффициент замещения составит менее 40% после 2025 года. Нетто-коэффициент замещения в течение всего прогнозного периода будет превышать 40%. В 2015 году он составит для пенсий по старости - 59%, по инвалидности – 67%, по СПК – 62%.

Во-вторых, при неизменности выбранных характеристик типового получателя для каждого вида трудовой пенсии на протяжении всего прогнозного периода уровень замещения имеет устойчивую тенденцию к снижению. Расчеты показывают, что за 15 лет с 2015 года оно ожидается на уровне 10 пп для пенсий по старости и инвалидности и 18 пп для пенсии по СПК.

Эти выводы обусловлены следующими причинами:

- замедлением темпов индексации пенсионных прав в связи с ростом численности пенсионеров;
- увеличением доли пенсионных прав, сформированных в накопительном компоненте, и вызванным этим фактом сокращением размеров назначаемых пенсий - уровень доходности от инвестирования ниже темпов индексации расчетного пенсионного капитала. Возврат накопительного тарифа (полностью или частично) в распределительную систему или существенное повышение доходности от инвестирования пенсионных накоплений, возможно, могли бы способствовать увеличению уровня замещения утраченного дохода.

Последняя причина оказывает влияние на все виды пенсии, а не только на выплаты по старости, поскольку тариф страховых взносов, направленных на страховую часть, выходящих на пенсию в 2030 году, ниже, чем у тех застрахованных лиц, пенсия которым будет назначена в 2015 году.

В настоящее время Россия соответствует нормативным требованиям, предусмотренным для ратификации Конвенции 102, выбирая в качестве круга защищенных лиц как работающих по найму, так и все население страны. При этом 40% коэффициента замещения достигается только в пенсионном наборе, из которого нельзя исключить выплаты, не являющиеся пенсиями.

Расчеты показывают, что в 2015 году размер пенсии мужчины при стаже 30 лет и заработной плате, равной средней по экономике, без других дополнительных условий составит лишь 30% заработка (нетто КЗ - 34%). Для достижения 40% уровня нетто-КЗ необходимо иметь стаж более 36 лет либо выходить на пенсию по старости не ранее четырех лет после достижения общеустановленного нетрудоспособного возраста.

Литература:

1. Соловьев А.К., Герман Ю.А. Коэффициент замещения трудовой пенсии: методы исчисления и проблемы применения // Уровень жизни населения регионов России, №5, 2013
2. Соловьев А.К., Донцова С.А. Проблемы оценки эффективности пенсионной системы России: методология и практика // Труд и социальные отношения, №6 (108), 2013

Соломатина Е.Н.

Московский государственный университет

имени Ломоносова

социологический факультет

к.с.н., доцент кафедры истории и теории социологии

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Современные тенденции глобализации в сфере экономики, культуры, информационно-коммуникационных технологий, оказывают существенное влияние на характер социальных взаимодействий, процессы распределения материальных и нематериальных ресурсов. Возникают новые формы социальной дифференциации, которые, в свою очередь, формируют новую систему социальных отношений. Появление новых социальных общностей и слоев, исчезновение утративших свои социальные функции других социальных общностей и слоев, обуславливают неустойчивость и быструю смену общественных настроений, рост социального недовольства и напряженности, служат благодатной почвой для возникновения и развития социальных протестов.

Теоретико-методологические аспекты исследования социальных протестов раскрываются в рамках концепции коллективного поведения (Т. Гарр, Н. Смелзер), концепции рационального выбора (Б. Кландерманс), теории коллективного действия (мобилизации ресурсов) (Ч. Тилли, С. Тэрроу, Д. МакАдама), концепции «новых социальных движений» (Ю. Хабермас, А. Мелуччи, М. Кастальс).

В рамках концепции коллективного поведения (Г. Лебон, З. Фрейд, Г. Блумен, Г. Тард) социальный протест рассматривается как социально-психологический феномен, тесно связанный с повышенной эмоциональной напряженностью (массовая враждебность, социальное беспокойство, массовое возбуждение, паника, истерия, агрессия) и характеризуется иррациональностью (необычностью, стихийностью, непредсказуемостью). Исследуя деструктивный активизм толпы, Г. Тард, утверждал, что именно в толпе доминирует склонность к деструктивным проявлениям совокупной психической и деятельной энергии [1, с. 134]. В условиях социальных кризисов именно толпы совершают акты вандализма и жестокости, творят основную часть погромов, поджогов, грабежей и резни. Другими словами, социальные протесты – это движение радикально настроенных, «буйствующих толп», которые нарушают общественный порядок и законы. Наиболее разрушительной формой массового протестного поведения, по мнению Г. Лебона, является революция как проявление массовой истерии, как триумф иррациональности [2, с. 152].

С другой стороны, при анализе причин возникновения социальных протестов в контексте коллективного поведения, особое внимание уделяется не психологическим факторам поведения больших масс, а социальным условиям среды. Наиболее значимыми в этом отношении являются разработки Н. Смелзера, который, рассматривая природу протестного поведения, придавал значение анализу определенных социальных условий и поведения представителей власти. Социальный протест осуществляется с целью изменения социальной среды и включает общие (для коллективного поведения) элементы, которые объясняют его природу: массовые социально-политические волнения как основное благоприятствующее условие; разрушение доверия, враждебность в отношениях между определенными социальными субъектами и представителями власти; распространение в определенных социальных кругах убежденности во враждебном, предубежденном отношении властей к данному социальному субъекту; различные активизирующие факторы, ситуативные катализаторы (прецеденты) массовых выступлений; мобилизация к действию – процесс «собирания» социального субъекта («толпы»); неадекватный социальный контроль как реакция представителей властей, провоцирующая стихийное массовое поведение [3, с. 768-769].

Рассматривая социальный протест через вертикаль личность – общество – власть, принято объединять формы массового участия людей в социально-политической жизни общества, т.е. массовых формах воздействия на политику власти. Социальный протест приобретает форму политической борьбы социальных субъектов, в политическом самосознании которых возникает недовольство реализуемой системой власти преобразований в условиях, когда санкционированные обществом средства выражения политических позиций недоступны. Протест, таким образом, реализуется путем «нетрадиционных» форм политического поведения. Критерием нетрадиционных политических действий является отсутствие или недостаточное соответствие правил и законов, способствующих регулярному представлению различных социальных групп [4, с. 58].

В рамках конфликтологического подхода (К. Маркс, Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг, Р. Коллинз), социальный протест принимает форму конфликта, который связан с открытым столкновением социальных групп, реализующих противоположные интересы (политические, экономические). Согласно К. Марксу открытое столкновение – классовая борьба возникает в обществе в силу его разделенности на враждующие классы (эксплуататоров и эксплуатируемых), имеющие антагонистические экономические интересы. В отличие от К. Маркса, Р. Дарендорф полагал, что главным источником конфликта являются политические противоречия между социальными группами, связанные с концентрацией власти у одних и ее отсутствием у других, а дифференциальное распределение власти «неизменно становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов» [5, с. 165]. Конфликты на экономической почве между рабочими и предпринимателями проявляются в форме социальных протестов, они лишены прежней взрывной силы, могут разрешаться без применения революционных методов, характерных для XIX века.

Социологический анализ социальных протестов базируется на представлении о членах общества не только как объектах социального воздействия, но и как об активных субъектах, порождающих, поддерживающих и изменяющих существенные элементы своего социального окружения. Действительно, социальный протест – это специфическая форма социального действия субъектов, целью которой является изменение существующей ситуации в социуме, вызванное ростом недовольства данных субъектов посредством проведения ими специальных индивидуальных или коллективных акций.

В современных обществах усиливается роль социокультурных факторов развития, которые вступают в противоречие с существующими традиционными ценностями, усиливают социальное неравенство, негативно влияют на структуру социального взаимодействия. С одной стороны, эти факторы направлены на внедрение и укрепление новой идеологии развития, связанной с западноевропейскими ценностями жизни, с другой, эти факторы связаны как с индивидуальной, так и национальной идеей развития. Усиление противоречия между этими процессами обуславливает неустойчивость и быструю смену общественных настроений, определяет направленность творческой деятельности и положение искусства и культуры в обществе.

Так, А.Ш. Викторов, проводя социологический анализ современного российского общества, утверждает, что трансформации в культурной и духовной сферах есть результат активности социальных субъектов, акторов исторической драмы, этими субъектами в российском обществе, выступают «представители различных клановых организаций, выражающих не общенациональные интересы, а интересы (ценности) отдельных групп как внутри страны, так и за ее пределами» [6, с. 66].

Литература:

1. Тард Г. Общественное мнение и толпа /Перевод с французского под редакцией П. С. Когана. Изд-во Т-ва типографии А. И. Мамонтова, М., 1902 г., Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1999. С. 134.
2. Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 152.
3. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 768-769.
4. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 58.
5. Dahrendorf, R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Calif.: Stanford University Press. 1959. P. 165.
6. Викторов А.Ш. Русская культура: Основные тенденции современного развития: Монография. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 66.

Сонина Е.О.

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
к.полит.н. старший преподаватель
кафедры философии и политологии

ЦЕННОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ)

Процесс реформирования любой из сфер жизни общества неизбежно связан со сменой и постепенной адаптацией новых установок развития социума. Политика в аксиологическом измерении оказывается не чем иным, как социальной подсистемой, поддерживающая установленный в соответствии с нормами и ценностями общества порядок перераспределения и применения властного ресурса, задающий определенные параметры реализации и самоидентификации личности.

Ценностное обоснование существующего порядка реализации власти обеспечивается целым комплексом функций: *организационной* (поддержание целостности общества на основе сложившейся системы ценностей и норм); *интеграционной* (объединение граждан вокруг общепризнанных идеалов); *ценностноутверждающей* (обеспечение признания известных идеалов и ценностей в качестве установок повседневного поведения граждан); *трансляционной* (передача ценностей от одного уровня политической системы к другому, воспроизводство и одновременно трансформация «сберегающих» традиций, норм культуры, социальных норм); *легитимации*. Качественным критерием реализации выше обозначенных функций выступают *политическая социализация* и *политическая идентификация*, которые находят свое воплощение в приверженности к определенным политическим институтам, объединениям, движениям и в конкретных формах политического участия граждан.

В ценностном отношении политическое развитие современной России характеризуется достаточно частой сменой идейных векторов государственного развития. Либеральный консерватизм, суверенная демократия, модернизация – поочередно были актуализированы в российской доминирующем политическом дискурсе, символизируя поиски властью идейных концептов, способных легитимировать иницируемые правящей элитой реформы. Сегодня ценностный выбор российской власти, очевидно, сделан в пользу традиционализма [1,2,3]. Причины ценностной неопределенности власти кроются в традициях идейного конструирования и реформирования в России.

В России сложилась своеобразная традиция: преобразовывать систему социальных отношений посредством реформы системы государственного управления. Власть достаточно активно оперирует понятиями «гражданское самоопределение», «гражданская свобода», не создавая условий для их функционального утверждения или пытаясь их утвердить посредством методов бюрократического характера. Итогом подмены сущностного содержания процесса реформирования в России стало утверждение политической системы конфликтного типа. В условиях конфликтной политической системы власть принимается обществом как данность, с которой необходимо считаться, но следовать ее нормам не обязательно. Власть даже в своем символическом облике, выбираемых формах презентации своих действий и решений может отвечать установкам общества. Но ценности, воплощенные в практике взаимодействия власти с обществом, технологиях властного воздействия скорее настораживают, нежели вызывают доверие. И это необходимо сказывается на реализации аксиологических функций политики.

Первым итогом утверждения политической системы конфликтного типа явилось смещение акцента с гражданской самореализации на гражданское самосохранение. Подобное смысловое смещение непременно сказывается на реализации *организационной и интеграционной функций* политики. Российское государство, пытаясь сохранить свой прежний статус, в условиях неопределенности внешней политической среды и постоянных реформ в обмен обществу не дает гарантии самого главного – чувства уверенности и стабильности, возможности самовоспроизводства в рамках задаваемой властью системы ценностей. Состояние растерянности, неопределенности, страха перед будущим оказываются основными регуляторами политического поведения российских граждан сегодня. Осложнившаяся международная обстановка только усугубляет ощущение массовой тревожности. Высокий рейтинг Президента РФ оказывается одной из не многих действительных «скреп», способных хоть как-то объединить крайне атомизированное российское общественное сознание [4]. Но социальные механизмы, которые могут обеспечивать высокий уровень «патриотической мобилизации» населения на негативной основе (враждебного вызова внешней среды и необходимости противостоять ему) действуют сравнительно недолго. Опыт социологического анализа показывает, что «технологический» запас такого способа консолидации общества составляет 2-3 месяца [5]. Конкуренция материальных и нематериальных ценностей в конечном итоге приводит к победе первых. Инстинкт самосохранения неизбежно аккумулирует представление о материальном благополучии как единственной действительно ощутимой гарантии собственной безопасности и стабильности.

«Самосохраняющееся» общество достаточно быстро редуцирует транслируемые властью идеальные ценности. Каждая попытка с ее стороны конструирования и утверждения нового видения укоренившихся социальных явлений и процессов воспринимается массовым сознанием весьма болезненно – как покушение на личные свободы и социальные гарантии. И это непосредственно сказывается *на утверждении и трансляции* ценностей. Аккумулируемые в политическом дискурсе властью идеальные ценности и идейные проекты оказываются привлекательными для массового сознания настолько, насколько могут поддержать и обеспечить привычные для общества стандарты материального благополучия.

Установка на самосохранение «монетизирует» ценности, приводит к прагматичному, потребительскому восприятию политики. В первую очередь, это касается интерпретации категории «ответственности» в массовом политическом дискурсе. Самым простым и распространенным способом реагирования на все изменения со стороны общества становится делегирование и полномочий, и ответственности «наверх». Беря на себя функции основного инициатора преобразований, подменяя политические реформы реформами административного порядка, ставя в зависимость развитие политической системы от рейтинга и решений главы государства, власть провоцирует общество на делегирование ответственности. Обществу становится намного удобнее передать всю ответственность за реализуемые преобразования на власть, раз она так активно пытается проявить себя в них. Это приводит к тому, что на уровне общественного сознания формируется объяснение всех возникающих проблем как результате невезения с начальством [6, с. 21]. Монетизация ценностей непосредственно сказывается на процессах *легитимации власти*.

Доминирования страха перед будущим в качестве базовой установки массового сознания может формировать радикальные стратегии политического поведения [7, с. 306]. Происходит агрегирование в политическом дискурсе не столько ценностей, сколько антиценностей, инверсирующих общепринятые установки развития. Границы между понятиями «права и свободы личности», «гражданское неповиновение», «справедливый социальный порядок» и экстремизм, тоталитаризм стираются. Власть не получает легитимного признания. Личность начинает искать иные пути гражданской самореализации нежели через существующую политическую систему.

Выходом из сложившейся ситуации может быть ориентация не на государственные преобразования как таковые. Сама реформа должна быть «реформируемым» процессом. Концепция реформы должна выстраиваться на основе критики всех значимых ценностей, ориентиров общественного развития. Предупредить многие конфликтные тенденции процесса реформирования может открытое, публичное обсуждение конструируемых концепций государственных преобразований через различные информационные ресурсы (Интернет, каналы СМИ и т.д.). Всестороннее разъяснение смысла реформ в условиях актуализации личных интересов граждан и их ориентацией на собственные установки должно стать одним из основополагающих принципов реализации преобразований.

Литература:

1. Выступление Владимира Путина на XI конференции дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (Дата обращения: 30.10.2014).

2. Выступление Владимира Путина на X конференции дискуссионного клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (Дата обращения: 30.10.2014).

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (Дата обращения: 30.10.2014)

4. Пастухов В. Последний солдат империи [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2014/07/16/soldier/> (Дата обращения: 01.11.2014 г.)

5. Гудков Л. Если за все отвечает один человек в стране, через какое-то время иллюзии в отношении его способностей превращаются в раздражение [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/lev_gudkov_esli_za_vse_otvechaet_odin_chelovek_v_strane_cherez_kakoe_to_vremya_illyuzii_v_otnoshenii-1107112.xhtml (Дата обращения: 30.10.2014 г.)

6. Сараскина Л. Новое политическое мышление и российская судьба общечеловеческих ценностей// Перестройка: двадцать лет спустя. М.: Русский путь, 2005.

7. Калхун Крейг. Люди хотят и нуждаются в единстве и социальном воспроизводстве// 22 идеи о том, как устроить мир: Беседы с выдающимися учеными/ Под ред. Петра Дуткевича и Ричарда Саквы. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 291 – 308.

Сосенков Ф.С.

*Волжская государственная академия водного транспорта
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
к.ю.н., доцент*

ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА НА РУБЕЖЕ ЭПОХ ДАВИДА СТРОИТЕЛЯ И ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ШОТА РУСТАВЕЛИ

Периоды феодальной раздробленности являлись закономерными этапами развития многих средневековых государств. Грузинское царство в основном изжило данную тенденцию в XI веке. Царская власть заметно усиливается, монархия централизуется при Давиде Строителе (1089 – 1125 гг.). Политику централизации государственной власти продолжили также его преемники, в частности царица Тамара (1184 – 1213 гг.). Вместе с тем противоборство с крупными феодалами продолжало оставаться актуальным для царского двора. В этой связи в рассматриваемый период идеи государственного единства были одними из наиболее популярных в грузинской политико-правовой мысли.

Не мог не затронуть подобные идеи соратник Тамары, грузинский государственный деятель и поэт Шота Руставели (1160-1166 – 1216 гг.), автор повести «Витязь в тигровой шкуре». Как отмечено исследователями вопроса, указанная повесть – прежде всего художественное произведение, а не юридический труд, поэтому в нём нет специальных рассуждений по вопросам права и государства [1, с. 134]. Вместе с тем, ряд замечаний поэта по ходу повествования, отдельные детали политической жизни, описанные в поэме, свидетельствуют о приверженности автора «Витязя в тигровой шкуре» идее государственного единства.

В современном значении государственное единство в юридической литературе определяется как «отказ от каких-либо проявлений сепаратизма, то есть такой политики в отдельных частях государства, которая не учитывает интересов всего государства и противопоставляет им местные интересы» [2, с. 144]. Также отмечено, что государственное единство «предполагает весьма значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, интересов и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность» [3, с. 13].

Действие поэмы «Витязь в тигровой шкуре» происходит не в Грузии, а в Индии и Аравии, однако аналогии с современным Шота Руставели государством очевидны. Для автора поэмы немислим разобщенный, разорванный мир [4, с. 16], в политико-правовой сфере его идеал – единое монархическое государство.

Герой повести Автандил – вассал монарха Ростевана, его вотчина находится далеко от столицы, что подчеркивает обширность территории государства:

*«И покинул витязь город и скитался двадцать дней,
Постепенно приближаясь к дальней вотчине своей» [5, с. 48].*

Вместе с тем такая удаленность от столицы и наличие преданного лично Автандилу гарнизона не создают у него соблазна обособиться от царя, создать собственное самостоятельное государство. Удаляясь в далекий путь, Автандил в своем указе обращает внимание на необходимости блюсти общегосударственный интерес: «Охраняйте наше царство, как хранили в старину» [5, с. 52]. Идеал вассальной преданности, объединяющей феодальное государство, выражен в образе Автандила. Через высказывания этого героя, на наш взгляд, выражается протест против феодальной раздробленности, одобрение сильной централизованной монархии, сторонником которой был Руставели [1, с. 134]. Так, в разговоре со своим другом и наместником Шермадином, герой замечает:

*«Я, владыка твой, обязан власть царя считать верховной
И служить ему повинен как слуга беспрекословный...» [4, с. 49].*

Подобная же мысль выражена и другим героем, индийцем Тариэлом, на стороне которого симпатия автора:

*«Царь ему оставил царство и назначил амирбаром,
Амирбар же в Индостане служит главным спасаларом.
Отказавшись от престола и владея царским даром,
Мой отец единовластно управлял уделом старым» [4, с. 78].*

Учитывая реалии средневековых средств обеспечения государственного единства, Руставели ведущую роль отдает военной силе. Так, Автандил в разговоре с Ростеваном говорит: «Славен меч твой, все народы чтут его повинованием» [5, с. 48]. Одновременно единство средневекового государства, возникшего в значительной мере путем завоевания других государств («Города, дворцы и троны украшают нам державу» [5, с. 128]), должно быть обеспечено, по мысли Руставели, единовластием монарха: стране «без государя быть поистине опасно», «я один имею право здесь царить единовластно» [5, с. 122]. Мысль о необходимости обеспечить государственное единство через сильную монаршую власть высказана также индийским царем, когда тот рассуждал о выборе жениха для дочери:

*«Нынче мы царевну браком сочетать должны законным.
Ей супруг законный нужен. Где, скажи, его найти нам?
Будет он хранить державу и владеть индийским тронном...» [5, с. 118].*

Идеи государственного единства и территориальной целостности были достаточно сильны в политико-правовой грузинской мысли и нашли реальное успешное воплощение в государственном строительстве. Неудивительно в этой связи, что впоследствии задачи государственного строительства Московской Руси, достижение которых немислимо было без сильной царской власти, централизации управления, сдерживания сепаратистских настроений привели к поиску исторических параллелей именно в Грузии XII века [6, с. 35]. Так возникает «Повесть о царице Динаре». Речь идет о грузинской царице Тамаре, создавшей мощное государство (царство Иверское). Идеал территориальной целостности автор выразил в самом конце повести: «И донныне государство Иверское не разделено» [7].

Литература:

1. Сургалидзе И.И. Политические воззрения Шота Руставели (к 800-летию со дня рождения) // Советское государство и право. 1966. №9. С. 133 – 137.
2. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. С.А.Авакьян. М.: НОРМА, 2001. 688 с.
3. Левакин И.В. Государственное единство России: теоретико-правовое исследование: дисс....д.ю.н. М., 2003. 304 с.
4. Абашидзе И. Слово о Шота Руставели // Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. Библиотека всемирной литературы (БВЛ), том 27. М. Художественная литература. 1969. С. 5 – 19.
5. Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. Библиотека всемирной литературы (БВЛ), том 27. М.: Художественная литература. 1969. 368 с.
6. Сосенков Ф.С. Борьба вокруг идеи государственного единства в политико-правовой мысли периода становления и укрепления Русского централизованного государства // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. №40. С. 28 – 38.
7. Повесть о царице Динаре. Пер. Н.С.Демковой. Интернет-портал Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН [электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5084> (дата обращения: 23.10.2014)

Султанов Р.Р.

*Начальник отдела Администрации г. Югорска
Уральский институт управления – филиал
РАНХиГС*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЛАТНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ

Транспортная стратегия РФ до 2020 года [1] предусматривает внедрение элементов платности в пользовании улично-дорожной сетью, в том числе создание платных скоростных автомобильных магистралей, платных мостов, взимание платы за въезд в центральные части городов и пр. В настоящее время в России уже реализовано несколько проектов по строительству и эксплуатации платных автомобильных дорог. В Таблице представлены данные по реализации 3 проектов строительства платных дорог в России.

Проект № 1 (Строительство съезда на МКАД с М-1. Концессионное соглашение на дорогу М-1 «Москва- Минск») недостаточно эффективен (не проведена достаточная его подготовка и структурирование, что привело к отсутствию конкуренции на тендерных торгах, что в конечном итоге сказалось на увеличении сроков строительства данной автомагистрали).

Проект № 2 («Западный скоростной диаметр») является эффективным: общие на строительство составят порядка двухсот млрд. руб.; затраты на эксплуатацию и техническое обслуживание составят 2 млрд. руб. в год; а доходы от взимания платы за проезд превысят уровень в 3 млрд. руб. в первый полный год эксплуатации всех участков.

Проект № 3. Строительство и эксплуатация новой скоростной платной автомобильной дороги между Москвой и Санкт-Петербургом характеризуется теми же проблемами, что и Проект № 1 – низкая конкуренция на торгах, неэффективность в реализации Проекта, не были учтены экологические и социальные риски (социальные протесты), что привело к задержке начала реализации проекта.

Таблица 1. Проекты строительства платных дорог в России

Показатели проекта	Съезд с М-1 на МКАД в обход Одинцово	«Западный Скоростной Диаметр»	М-10 «Москва – Санкт-Петербург» 15-58 км
Модель ГЧП	ВТО (built-transfer-operate, строительство-передача-управление)	ВТО (built-operate-transfer, строительство)	ВТО (built-transfer-operate, строительство-передача-управление)
Срок проекта	30 лет	30 лет	30 лет
Срок предоставления долга	17 лет	Нет долга	20 лет
Капитальные затраты (CAPEX)	25 млрд. руб.	135 млрд. Руб.	65 млрд. руб.
ГРАНТ	11 млрд. руб.	51 млрд. руб.	23 млрд. руб.
Государственные гарантии (на облигации Проекта)	8.2 млрд. руб.	Государственные гарантии не предоставляются	10 млрд. руб.
Правовая основа	ФЗ 115 от 21.05.05 «О концессионных соглашениях»	Закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 года «Об участии Санкт-Петербурга в ГЧП»	ФЗ 115 от 21.05.05
Платежный механизм	Сбор платы за проезд, минимальный гарантированный доход	Сбор платы за проезд, минимальный гарантированный доход	Сбор платы за проезд
Финансовые Институты, участвовавшие в Проекте	Газпромбанк	ВТБ, Газпромбанк	ИЭБ, Сбербанк

Таким образом, в процессе реализации указанных проектов возникли различные риски (экономические, организационные и экологические), не учтенные участниками проектов. Рассмотрим эти риски подробнее. Экономические риски – есть возможность наступления негативных событий, влекущих ущерб. При этом для платных дорог основным критерием риска является спрос на использование автодороги в будущем, что и обуславливает доходность проекта. Организационные риски – совокупность решений в процессе разработки и реализации проекта, ее технико-экономическому обоснованию, которые влекут за собой снижение конкуренции на этапе подачи заявок и, как следствие, неэффективную реализацию проекта. Экологические риски представляют собой необходимость компенсации ущерба, нанесенного экологии в процессе реализации проекта.

Возможно выделить следующие проблемы реализации проектов строительства платных автомобильных дорог в России:

1. Отсутствие необходимой нормативно-правовой базы.

В настоящее время не принята вся необходимая нормативно-правовая база для функционирования института ГЧП в России, в частности необходимо принять: федеральные законы о концессионных предприятиях в дорожной деятельности, ведомственные инструкции, положения и правила, регулирующие отдельные стороны строительства и эксплуатации платных дорог (в частности, типовой договор, порядок передачи в концессионное управление объектов государственной и муниципальной собственности, методики по разработке технико-экономических обоснований, определению платы, определению сроков, положения о гарантиях и о досрочном прекращении и т.д.).

2. Низкая компетенция чиновников.

Особого внимания власти и общества заслуживает проблема изучения проектов строительства платных дорог, которые оказались невостребованными водителями или приводили к завышенным инвестиционным затратам и срокам концессии. Государство прекращает такие концессии, возвращает дороги в свое управление, а вложенные частными компаниями средства с процентами и компенсацией упущенной выгоды обязано возместить из государственного бюджета. В итоге досрочное прекращение концессий приводит к значительному удорожанию для государства проектов строительства дорог в сравнении с финансированием их непосредственно из бюджетных средств.

3. Желание реализовать проекты «наскоком».

Минтранс пытается реализовать масштабные проекты строительства дорог в ускоренном темпе. Это привело к тому, что первые платные дороги в России появились еще до принятия соответствующего законодательства (участки трассы «Дон», Псковская, Саратовская области и т.д.).

В ряде случаев государство вернуло платные дороги в собственность и кто при этом из инвесторов пострадал и была ли им оказана государством компенсация, остается неизвестным, по крайней мере, для общественности, которую этот факт, впрочем, и не очень волнует.

5. Возложение рисков на частный бизнес

ГЧП-проекты будут привлекательны для бизнеса только в случае равномерного распределения рисков в ходе реализации проекта, однако в России сложилась ситуация, когда у бизнеса нет уверенности в выполнении обязательств по проекту государством. К тому же, органы государственной и муниципальной власти, стремятся реализовывать проект в форме концессии, переложив большую часть рисков, связанных с реализацией проекта на сторону частного сектора.

6. Ориентация на зарубежных инвесторов.

Одна из особенностей отечественной инициативы по введению платности проезда заключается в поиске зарубежных инвесторов. Однако зарубежный бизнес, а именно на него ориентируется правительство в своей концепции платных дорог, не привык инвестировать без предоставления серьезных гарантий со стороны государства по возврату вложенных средств. Лишь когда в проект закладывается высокая норма прибыли, позволяющая снизить риски, иностранные компании готовы инвестировать средства в российскую инфраструктуру.

7. Отсутствие механизмов долгосрочного финансирования

Крупные проекты ГЧП, реализуемые 20-40 лет предполагают долгосрочное финансирование посредством кредитов крупных банков или банковских консорциумов. Но в нашей стране имеются некоторые сложности с долгосрочным финансированием. Российские банки пока слабо заинтересованы в предоставлении долгосрочных кредитов. Российский финансовый рынок характеризуется «слабой степенью ликвидности и неразвитостью финансовых институтов», поэтому процесс привлечения заемных средств получается довольно сложным.

8. Отсутствие четкой системы управления ГЧП

Для успешного развития ГЧП необходима четкая система управления. На данный момент в нашей стране действует значительное количество различных организаций, которые имеют отношение к ГЧП в сфере автомобильных дорог (Минтранс, ФДА, РАСАВТОДОР), возникает дублирование функций таких организаций. Однако, необходимо отметить, что в последнее время принят ряд актов распределяющих функции данных участников, однако усмотрительный подход все же продолжает доминировать.

Устранение данных проблем способно существенным образом повысить качество проектов строительства платных дорог.

Литература:

1. Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года: Приказ Минтранса РФ от 12 мая 2005 г. № 45. // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»

Терещук Е.А.

Челябинский филиал РАНХиГС

к.с.н. доцент кафедры экономики и менеджмента

НАРУШЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ*

Социальное самочувствие жителей той или иной территориальной общности складывается, в том числе, и из ощущения населением своей защищенности от разного рода опасностей в процессе жизнедеятельности, от степени соблюдения прав и свобод человека. И это ощущение может вырастать как из реального опыта столкновения с трудностями, так и из перманентного чувства тревожности в общественном сознании, из неких стереотипов. Рассмотрим ситуацию с правами и свободами человека, которая наряду с другими факторами способна оказать влияние на социальное самочувствие населения, на примере Челябинской области.**

По данным ежегодного доклада о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на территории Челябинской области Уполномоченного по правам человека в Челябинской области, за 2011 - 2013 гг. работы института Уполномоченного по правам человека получено 12661 обращение граждан [1]. Конечно, от общей численности населения Челябинской области (на 01.01.2014 она составляет 3490053 человек [2]) доля обратившихся к Уполномоченному по правам человека составляет лишь 0,09-0,15%. Однако статистика этих обращений позволяет выявить проблемные точки в жизнедеятельности южноуральцев и их взаимоотношениях с обществом и властью.

Лидирующие позиции по обращениям за 2013 год занимают: защита материнства и детства (972 обращения), право на жилище (834), право на благоприятную окружающую среду (702), право на свободу и личную неприкосновенность (408). Единичные обращения связаны с нарушением права на неприкосновенность частной жизни (4), права на свободу передвижений и места жительства (5), свободы совести и вероисповедания (3). Делать на основе статистики обращаемости к Уполномоченному по правам человека выводы относительно степени нарушаемости различных прав и свобод в регионе не совсем корректно, поскольку не все южноуральцы, столкнувшиеся с теми или иными проблемами при защите своих прав и свобод обращаются в эту инстанцию и, возможно, не все обращения действительно содержат в себе именно нарушение прав человека. Но эти обращения могут сигнализировать о том, что органы власти, призванные решать определенные проблемы населения, не справляются со своими задачами, а иногда действуют и во вред жителям региона. Поэтому вполне объясним и факт невысокого доверия со стороны большинства населения представителям, например, правоохранительной системе. Так, доля тех, кто скорее доверяет суду (полностью доверяю + пожалуй, доверяю), равна 31,8% (в 2011 году – 33,6%). Доверяющих в той или иной степени прокуратуре – 28,9% (в 2011 году – 24,9%), а полиции – 16,5% (в 2011 году – 19,7%).

Вернемся к результатам опроса населения, характеризующим его правосознание. Относительно важности различных прав и свобод для южноуральцев свидетельствуют результаты ответов на вопрос: «*Насколько важно для Вас строгое соблюдение следующих прав и свобод?*»

Таблица 1. Рейтинг важности прав и свобод для жителей Челябинской области (2011, 2014)

Права и свободы	Доля выбравших вариант ответа «очень важно»	
	2011	2014
Право на образование и обучение	72,6	85,6
Право частной собственности	71,7	86,1
Равенство перед законом	68,7	85,0
Право на труд	68,1	85,4
Право безопасности и защиты личности	64,0	80,0
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т.д.	59,2	78,9
Право народа на его собственный язык и культуру	46,1	68,4
Свобода слова	45,1	68,0
Религиозные свободы и свобода совести	36,5	63,3
Право на эмиграцию	30,7	59,6
Свобода объединений, групп, союзов	17,1	44,0

Для населения Челябинской области наиболее актуальным в 2014 году является соблюдение права частной собственности (86,1%). В 2011 году самым значимым в рейтинге было право на образование. Последнее место в этом рейтинге досталось свободе объединений, групп, союзов (44% - в 2014 году, 17% - в 2011 году), что отражает невысокую готовность населения области объединяться для защиты своих интересов.

Сравнение результатов опроса 2011 и 2014 гг. показывает рост значимости всех перечисленных прав и свобод для южноуральцев, что требует дальнейшего анализа возможных причин этой динамики в правосознании.

Отвечая на вопросы о случаях нарушения различных прав и свобод человека и гражданина в Челябинской области (в рамках проведенного опроса в 2014 году), от 65% до 78% отметили, что не сталкивались с нарушениями этих прав. В 2011 году доля этой категории населения составляла от 52% до 64% респондентов. Самое нарушаемое право в 2011 и в 2014 гг. – равенство перед законом. Наименьшее количество нарушений в 2014 году связано с религиозными свободами и свободой совести, в 2011 году – с правом на эмиграцию.

Доля южноуральцев, которые, судя по результатам опроса, знакомы с фактами нарушения прав и свобод, в разы больше числа обращений к Уполномоченному по правам человека. И это объяснимо, поскольку не все обращаются с жалобами и ходатайствами и не все лично сталкиваются с подобными нарушениями, зачастую передавая при опросе информацию об опыте своих родных, друзей, коллег, соседей и т.д.

Факторы, с которыми связано повышение значимости предложенных для оценки прав и свобод, снижение числа случаев столкновения с нарушением обозначенных прав требуют дополнительного изучения.

Используя методику ЦИСИ ИФ РАН, рассчитаем индекс соблюдения прав и свобод.

Таблица 2. Нарушаемость прав и свобод человека в Челябинской области, 2014 г. [3, С.794-795]

Ранги важности	Права и свободы	Нарушаемость прав и свобод		Интенсивность защиты		Успешность защиты	
		Рн	Сн	Ри	Ки	Ру	Ку
1	Право на безопасность и защиту личности	4	11,6	5-6	0,83	1	0,32
2	Право на личную собственность	3	13,5	7	0,82	2-3	0,27
3	Равенство перед законом	1	20,2	1-2	0,87	4-5	0,26
4	Право на труд	2	14,8	5-6	0,83	2-3	0,27
5	Право на образование	5	9,3	8	0,8	6	0,24
6	Право на тайну личной переписки и т.п.	6	8,9	4	0,85	9-10	0,16
7	Право на свой язык, культуру	10	5,1	9-10	0,78	11	0,15
8	Свобода совести, религиозные свободы	11	5,0	3	0,86	4-5	0,26
9	Свобода слова	7	7,7	9-10	0,78	7	0,22
10	Право на эмиграцию	9	5,2	1-2	0,87	9-10	0,16
11	Свобода объединений, союзов	8	6,2	11	0,77	8	0,17
	ИПС-11 = 0,92						
	ИПС-5 = 0,9***						

***Условные обозначения в таблице: ИПС - индекс соблюдения прав и свобод; Рн, Ри, Ру – ранги нарушаемости, интенсивности, успешности отстаивания прав/свобод; Сн – доля тех, кто сталкивался с нарушением прав/свобод; Ки- доля тех, кто отстаивал нарушенные права/свободы, от всех, кто сталкивался с нарушением; Ку – доля тех, кому удалось отстоять нарушенные права/свободы, от всех, кто отстаивал нарушенные права/свободы.

Наиболее важное для южноуральцев право – право на образование – по нарушаемости находится на 5 месте. На первом месте по нарушаемости - право на равенство перед законом. По интенсивности защиты оно делит 1-2 место с правом на личную собственность, а по успешности защиты находится на 10 месте. На последнем месте по успешности защиты – право на безопасность и личную защиту, а по уровню нарушаемости оно второе в рейтинге. Таким образом, два самых нарушаемых права человека и гражданина – на равенство перед законом и на безопасность – южноуральцам удается реже всего отстаивать.

Итак, рассчитанные индексы ИПС-5 (0,9 – индекс соблюдения 5-ти наиболее значимых прав и свобод) и ИПС-11 (0,92 – индекс соблюдения всех обозначенных прав и свобод) отражают среднее правовое состояние политической системы Челябинской области по критерию соблюдения прав и свобод человека. В 2011 году ИПС-11 составлял 0,88, а ИПС-5 – 0,86, что характеризовало состояние политической системы ближе к правовому низкому (интервал 0,71- 0,85) [4, С.204-216].

Таким образом, ситуацию с нарушением прав и свобод человека в регионе нельзя назвать критической, если учитывать случаи столкновения с данными фактами и рассчитанный индекс соблюдения прав и свобод. В то же время наличие у определенных категорий южноуральцев трудностей с реализацией своих прав и свобод, неспособность или нежелание власти справиться с рядом из них снижает уровень доверия к органам власти и формирует эмоциональный фон для ощущения незащищенности.

Литература:

1. Ежегодный доклад о соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на территории Челябинской области Уполномоченного по правам человека в Челябинской области «О ситуации с нарушениями прав человека на территории Челябинской области в свете концепции человеческого развития» за 2013 г. [Электронный ресурс]: URL: <http://ombudsman74.ru>

2. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области [Электронный ресурс]: URL: <http://chelstat.gks.ru>

3. См. методику расчета индекса соблюдения прав и свобод Центра исследования социокультурных изменений ИФ РАН // Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Под общ.ред.Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М.: Academia, 2009.

4. Челябинская область: социокультурный портрет. Монография / Под общ.ред.С.Г.Зырянова. Челябинск, 2013. 288с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134393004.pdf>

Топал И.С.

*Специалист-эксперт территориальный орган
Федеральной службы государственной статистики
Уральский государственный экономический университет
магистрант*

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Современное государство играет огромную роль в создании и поддержке развития инновационной экономики. Современный этап мировой эволюции связан с процессами глобализации. В результате этого происходит резкое усложнение и усиление взаимосвязей в политической, общественной и экономической сферах жизни. Это все выражается в создании мировых рынков капитала, производства, рабочей силы и торговли. На современное развитие огромное влияние имеет построение и совершенствование глобальных информационных сетей, которые ускоряют информационные обмены в системе.

Важнейшей задачей для современного государства является создание инновационной системы. Россия принимает участие в глобальном инновационном процессе, но по факту в экономике лидирующую роль занимает сырьевая составляющая. Для России инновационное развитие стало национальным приоритетом дальнейшего развития. Субъектная составляющая научно-технической политики государства являются как государственные, так и негосударственные структуры, которые затрагивают как научно-технический, так и инновационный циклы.

Для полного и всеохватывающего развития инновационной сферы страны на государственном уровне была разработана и принята государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика», в которой были определены основные приоритеты и направления государственной политики в сфере экономики и экономического развития. В рамках данной программы государство планирует до 2020 г. обеспечить и поддержать конкурентные возможности Российской Федерации, создать конкурентоспособную экономику знаний и высоких технологий, обеспечить расширение глобальных конкурентных преимуществ в традиционных отраслях экономики.

Перед государством поставлена задача применение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех сферах экономики, обеспечить плавный и четкий переход к формированию новой технологической инновационной базы социального развития России. Ключевой составляющей в развитии национальной инновационной экономики также является неизбежная модернизация традиционных секторов экономики, включающих нефтегазовую, аграрную, транспортную и сырьевую, обеспечив при этом структурную диверсификацию.

Особое внимание следует уделить развитию инновационных кластеров. Это, прежде всего, подразумевает выделение и создание территориально-производственных кластеров, которые помогут поднять конкурентный потенциал. Создание и поддержка кластеров является гарантированным механизмом для привлечения прямых иностранных инвестиций и позволит интегрировать российские высокотехнологичные кластеры в мировой рынок инновационной продукции. Данный факт позволит поднять уровень национальной технологической базы, повысит скорость экономического роста, и как следствие повысит международную конкурентоспособность предприятий, входящий в перечень кластера.

Также в рамках данной программы необходимо уделить особое внимание развитию человеческого потенциала, так как это можно отнести к основным факторам экономического роста, поддержав инициативы бизнеса по участию и развитию социальной сферы и человеческого капитала. Россия ставит высокие, но реальные цели долгосрочного развития, содержащие в себе обеспечении более высокого уровня благосостояния граждан и закреплении мировой геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировое политическое влияние [1]. Главным способом достижения поставленных целей является централизованный переход экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития.

Государственное регулирование должно осуществляться исходя из принципов стратегического и тактического управления, а так же сверяться со стратегическими и тактическими потребностями народного хозяйства в продукции, реализующей научно-технические достижения. Одним из направлений этого регулирования являются государственные заказы на исследования, разработки, выпуск стратегически важной продукции для государственных нужд, а также народнохозяйственные потребности в определенных видах и группах товаров, в котором нуждается отрасль.

Государство выступает как аккумулирующее звено национального ресурса знаний. В первую очередь имеет смысл определить объекты и источники знаний, которые смогут сформировать систему национального ресурса. Государство должно обеспечить соответствующую охрану национального инфоресурса от несанкционированных действий, сохранять целостность базы знаний, от внутренних и внешних воздействий, являющейся общенациональным достоянием [2].

Следует выделить важные функции построения инновационного государства:

- государство является гарантом для бизнеса, страхует вложения от непредвиденных рисков, стимулируя активность бизнеса, что позволяет делать инновационную сферу более привлекательной для новых инвестиций;
- государство является регулятором налоговой системы и может предоставлять льготы для высокотехнологичные предприятия, осуществляющих деятельность в инновационном секторе экономики;
- государство предоставляет подрядчиков по выдаче патентов, обеспечивая, тем самым временную форму монопольного владения над знанием, давая возможность развивать технологии с доступных для всех других участников начальных точек отсчета;
- государство диктует условия для фундаментальных исследований, которые в будущем могут быть использованы в специализированных отраслях производства инновационной продукции.

Инновационная модель поведения бизнеса должна стать доминирующей в развитии компаний в целях повышения эффективности и занятия лидерских позиций на рынках, а также в технологической модернизации ключевых секторов экономики, определяющих роль и место России в мировой экономике, и в повышении производительности труда во всех секторах. Максимально широкое внедрение в деятельность органов государственного управления современных инновационных технологий обеспечит, в том числе формирование электронного правительства, перевод в электронную форму большинства услуг населению и расширение использования системы государственного заказа для стимулирования инноваций. Государство должно обеспечить формирование благоприятного инновационного климата, включая создание условий и стимулов для инновационной деятельности, а также благоприятных условий для использования инноваций во всех видах деятельности [1].

На этапе создания инновационной системы государству отведена особая роль, необходимо учитывать отечественную ментальность, где государство является главным инициатором изменений. Для успешного функционирования инновационной системы необходим переход от вертикального государственного управления к политике гибкого реагирования.

Литература:

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 316 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.: Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Трахтенберг А.Д.

*Институт философии и права Уральского отделения РАН
к. полит. н. старший научный сотрудник отдела философии*

«ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»: СОСТОЯЛСЯ ЛИ ВЫЗОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ?¹

Внедрение информационных технологий в государственное управление рассматривается как инструмент радикальной оптимизации управленческих процессов и переформатирования традиционной культуры управления. Предполагается, что благодаря информационным технологиям должен состояться переход от иерархических закрытых управленческих систем, в которой информация циркулирует по замкнутым каналам, а контроль осуществляется сверху вниз, к гибким, связанным по горизонтали структурам, оперативно взаимодействующим между собой, и в любом звене открытым для контроля снизу.

Для описания новых управленческих систем используются разнообразные термины, самыми распространенными из которых являются «электронное правительство» («e-government») и «открытое правительство» («open government»).

Термин «электронное правительство» был введен в рамках административной реформы, разработанной первой администрацией Клинтона. В обзоре о состоянии систему государственного управления США («National Performance Review», 1993 год) содержался призыв «изменить саму культуру государственного управления», резко повысив эффективность коммуникаций [см. 1]. Повышение эффективности были призваны обеспечить информационные технологии. Речь шла о переходе на электронный документооборот внутри ведомств и между ними (то, что по позднейшей терминологии называется «G2G» - «government to government») и о взаимодействии с гражданами в электронном формате («G2C» - «government to citizens» или «government to consumers»; в модели электронного правительства граждане и потребители совпадают).

На первом этапе под «G2C» понималось предоставление гражданам разнообразной информации через сайты и порталы органов власти и оказание им государственных услуг в режиме он-лайн. Затем «G2C» были дополнены различными формами обратной связи или «электронного участия» («e-participation»), и общим местом стали утверждения о том, что информационные технологии не просто изменяют культуру управления, но обеспечивают резкий рост влияния граждан на принятие управленческих решений («empowerment»).

Из идеи «электронного участия» выросла более глобальная модель «открытого правительства». Стандартные ожидания от «открытого правительства» были в 2009 году сформулированы в меморандуме Президента Б. Обамы «О прозрачности и открытом правительстве» [2].

В своей деятельности активисты «открытого правительства» руководствуются тезисом о том, что «доступность – правило, секретность – исключение». Они утверждают, что для эффективного функционирования «открытого правительства» информация должна регулярно обновляться, публиковаться в форматах, пригодных для дальнейшего использования (машиночитаемых) и, конечно же, бесплатно. Кроме того, активисты убеждены, что информация должна предоставляться гражданам в проактивном режиме, то есть до того, как они почувствуют потребность в ней и начнут ее искать [3].

При этом сторонники «открытого правительства» постоянно подчеркивают, что речь идет о «change.org», а не «change.gov» [4, с. 59], т.е. что планируемые перемены осуществляются в административной, а не политической сфере, и касаются культуры управления, а не политического режима. На эту ограниченность модели «открытого правительства» неоднократно указывали его критики (Е. Морозов, Д. Робинсон, Н. Ткач, Х. Ю и др.). Ю и Робинсон обратили внимание на то, что следует различать технологическую и политическую открытость: правительство может быть открытым и прозрачным, даже если оно не использует новейшие технологии (главное, чтобы граждане располагали информацией достаточной, чтобы контролировать систему управления). И, наоборот, правительство может широко информировать граждан на политически нейтральные темы (в качестве примера Ю и Робинсон привели расписание поездов), оставаясь непрозрачным и неподотчетным [5, с. 181].

Данное замечание в полной мере относится и к администрации Б. Обамы как основоположника реализации на практике идей «открытого правительства». Хотя он неоднократно называл свою администрацию самой прозрачной в истории США, это не мешает вести активную борьбу с нежелательными утечками информации и принимать за спиной граждан решения, напрямую затрагивающие их частную жизнь. Сошлемся на известное «дело Сноудена», представляющее собой только верхушку айсберга. В результате И. Кристев даже заявил о существовании «заговора прозрачности». Он пришел к выводу, что «как только правительственная информация начинает формироваться так, чтобы быть доступной всем, ее ценность как информации снижается, а значение как инструмента манипуляции возрастает» [6].

При этом, несмотря на эффектные заявления, «открытое правительство» отнюдь не покончило с традиционной культурой управления. Скорее можно говорить об обратном процессе. Не случайно такие активные сторонники «открытого правительства» как Б. Новек не смогли продержаться в администрации Обамы более двух лет. Столкновение эксперта-технократа с бюрократической средой привело к победе среды.

О том, что это действительно так, свидетельствуют результаты исследования, проведенное в 2011 году под руководством А. Пеледа. Оказалось, что подавляющее большинство федеральных агентств отреагировали на попытку Б. Обамы и его IT-советников провести «блицкриг по освобождению данных», накопленных федеральными органами власти, чисто формально, разместив на специально созданном сайте www.data.gov небольшой набор данных и отчитавшись о выполнении [7]. Только пять агентств подошли к Директиве № 1 более или менее ответственно, и не только разместили пакеты данных, но и продолжили их обновлять. Однако даже эти данные отличаются очень низкой степенью востребованности, причем рост их объема никак не влияет на рост числа пользователей.

Иными словами, логика бюрократического обмена информацией, где она рассматривается как властный ресурс, и, соответственно, обменивается на другие ресурсы, восторжествовала над идеей обеспечения свободного доступа к информации посредством внедрения новых технологий (которые создают возможности для обеспечения такого доступа, но не потребность в нем).

«Открытое правительство» следует рассматривать не столько как инструмент, трансформирующий культуру управления, сколько как управленческую идеологию. Внедрение «открытого правительства» во многом носит характер символической реформы. Пользуясь высокой культурной значимостью информационных технологий, представители государственной власти используют их для увеличения собственного символического капитала и легитимации своей деятельности, в то время как структура властных полномочий и культура управления остаются в неприкосновенности.

Литература:

1. Moe R.C. The "Reinventing Government" Exercise: Misinterpreting the Problem, Misjudging the Consequences' // Public Administration Review. 1996. Vol. 54, no. 2. pp. 111-122.
2. Obama B. 'Transparency and Open Government. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies'. 21.01.2009 [электронный документ]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/TransparencyandOpenGovernment (дата обращения: 26.10.2014).
3. Harper L. A Citizen's Guide to Open Government, E-Government, and Government 2.0. 2013. [электронный документ]. URL: <https://onlinempa.unc.edu/a-citizens-guide-to-open-government-e-government-and-government-2-0> (дата обращения: 26.10.2014).
4. Новек Б. Wiki-правительство. Как технологии могут сделать власть лучше, демократию – сильнее, а граждан – влиятельнее. М., 2012. 296 с.
5. Yu H. The New Ambiguity of "Open Government" // UCLA Law Review Discourse. 2012. Vol. 59. pp. 178 – 208.
6. Crastev I. The Transparency Conspiracy. 29.01.2003. [электронный документ]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-false-promise-of-transparent-government-by-ivan-krastev> (дата обращения: 26.10.14).
7. Peled A. When Transparency and Collaboration Collide: The USA Open Data Program // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2011. Vol. 62, no. 11. pp. 2085–2094.

Третьяков М.Н.,

заместитель директора по общим вопросам Березовского муниципального автономного учреждения «Спортивно-оздоровительного комплекса «Лидер»

Качанова Е.А.,

*Уральский институт управления – филиала РАНХиГС
к.э.н., доцент*

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) УЧРЕЖДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

На современном этапе масштабного преобразования принципов организации деятельности некоммерческих организаций РФ, подведомственных органам власти и управления возникла объективная необходимость в проведении анализа эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений, так как результаты аналитических процедур позволяют оценить управление финансовыми ресурсами и реальность внешней информации об их использовании[1].

По мнению автора, деятельность государственных (муниципальных) учреждений имеет двойственный характер. С одной стороны, она направлена на выполнение социальных задач в виде обеспечения населения государственными (муниципальными) услугами. С другой стороны, в результате поэтапного изменения бюджетного законодательства итоги деятельности государственных (муниципальных) учреждений прямо соизмеряются с объемом предоставленного финансирования. Присутствие экономической составляющей в оценке эффективности государственных (муниципальных) учреждений обусловлено и тем, что в настоящее время многие из них осуществляют не только бюджетную, но и иную так называемую приносящую доход или предпринимательскую деятельность.

Вышесказанное обуславливает основной параметр понятия экономической эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений[2] – многогранность, и определяет сложность анализа. Положение усугубляет и тот факт, что, не смотря на принятие ряда нормативно - правовых актов, в действующем законодательстве не обозначен перечень и порядок расчета показателей эффективности деятельности государственных учреждений.

С точки зрения автора, методика проведения анализа включает два блока: анализ финансового состояния, расчет показателей эффективности.

Оценка финансового состояния государственных (муниципальных) учреждений – новейшее направление анализа, ставшее актуальным в последнее время. В не многочисленных публикациях на данную тему предлагается при исследовании финансового состояния государственных (муниципальных) учреждений проводить анализ динамики и структуры баланса активов и пассивов, финансовых результатов и расчет коэффициентов, таких, например, как:

- коэффициент самофинансирования – отношение сумм доходов организации по приносящей доход деятельности и бюджетных средств;
- коэффициент структуры активов – отношение сумм финансовых активов и пассивов по приносящей доход деятельности[3].

Отсутствие единого методологического подхода к определению и исчислению показателей эффективности, привело к тому, что к настоящему времени разработаны отдельные модели или системы показателей.

Марков С.Н. для оценки эффективности определяет необходимость выбора основного результативного показателя деятельности учреждения и его соотнесение с объемом затраченных бюджетных ресурсов. В результате рассчитывается коэффициент, характеризующий эффективность использования бюджетных средств. Данный автор предлагает универсальную методику оценки эффективности деятельности образовательных учреждений, включающую:

- определение единого показателя качества предоставления образовательных услуг, характеризующего основную цель деятельности (первый показатель);
- установление объема бюджетных средств по отдельному учреждению (второй показатель);
- исчисление коэффициента эффективности использования бюджетных средств (отношение первого и второго показателя) по учреждению и расчет среднего значения данного коэффициента;
- ранжирование учреждений на группы эффективности: высокая (коэффициент на 5 и более процентов превосходит средний), средняя (диапазон коэффициента от -5 до + 5% от среднего значения); низкая (остальные);
- определение эффективных и неэффективных бюджетных расходов. Эффективный объем бюджетных расходов – отношение первого показателя и коэффициента эффективности использования бюджетных средств учреждения с наивысшим его уровнем. Процент эффективных расходов – отношение эффективного и фактического объемов бюджетных расходов образовательного учреждения. Процент неэффективных расходов – разность 100 % и процента эффективных расходов[4].

Валеев А.Р. при оценке эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений определяет возможность использования таких показателей как:

- объема ресурсов: численность всех работников учреждений, врачей в учреждениях здравоохранения, среднего медицинского персонала в учреждениях здравоохранения в расчете на 10000 человек населения;
- стоимости ресурсов: отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников государственных (муниципальных) учреждений физической культуры и спорта к среднемесячной заработной плате работников, занятых в сфере экономики региона; средняя номинальная начисленная заработная плата работников учреждений начального профессионального образования;
- показатели обеспеченности ресурсами: площадь на одного занимающегося в учреждениях образования;
- показатели качества бюджетного процесса и эффективности использования государственных ресурсов: показатели качества управления финансами, показатели эффективности управления государственными активами, показатели оценки коррупционной ситуации и т.д.[5]

Морозов В.А., Морозова О.К. используют для оценки эффективности прагматический критерий, модель которого представлена ниже:

$$\text{Прагматический критерий} = K_{ou} \times K_{ku} / Z, (1)$$

где K_{ou} – показатель объема услуг;

K_{ku} – показатель качества услуг;

Z – затраты на выполнение услуг в год [6, с. 16].

Затраты в целях расчета эффективности классифицируются на условно-минимальные расходы, необходимые для обеспечения деятельности учреждения ($Z_{мин}$) и условно-дополнительные расходы, направленные на повышение эффективности деятельности учреждения (ΔZ).

Показатель качества услуг исчисляется по формуле:

$$K_{ku} = P / C + R (A - Z), (2)$$

где A – затраты на оказание услуги в случае ее оказания коммерческими организациями;

C – цель деятельности в количественном выражении;

P – результат деятельности в количественном выражении;

R – показатель альтернативности [6].

Результат, выраженный в количественном выражении, разделенный на поставленную цель, также выраженную в количественном выражении, равен единице, если организация достигает поставленные перед ней цели.

Показатель альтернативности определяется экспертным путем. Он равен нулю, если данный вид услуг не может быть оказан ни одной коммерческой организацией. В случае если затраты ниже, чем стоимость предоставления услуги альтернативным способом, K_{ku} будет больше единицы, если затраты государственных (муниципальных) учреждений высоки, то K_{ku} будет меньше единицы. Эффективной следует считать деятельность учреждения, если K_{ku} больше или равен единице.

Коэффициент объема предоставления услуг рассчитывается по формуле:

$$K_{ou} = \Delta K_{ou} / \Delta Z, (3)$$

где ΔK_{ou} – изменение объема предоставленных услуг по сравнению с предыдущим периодом [6].

Если дополнительные затраты не увеличивают коэффициент объема предоставленных услуг, а уменьшают его, то расходы являются неэффективными.

В мировой практике в отличие от отечественной накоплено достаточно опыта в части оценки экономической эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений. Например, в США используются такие модели оценки эффективности деятельности образовательных учреждений как:

- модель, основанная на оценке показателя, характеризующего долю учащихся, овладевших математикой и чтением, приходящейся на 1000 денежных единиц бюджетных расходов в расчете на одного учащегося. Образовательные учреждения, имеющие высокий показатель являются более эффективными, чем образовательные учреждения с низким уровнем показателя;

- модель, основанная на оценке индекса эффективности и влияющих на него факторов. Для отдельного школьного округа рассчитывается индекс эффективности (отношение процента выпущенных учащихся к бюджетным расходам на одного учащегося конкретного школьного округа в сравнении с квартилем бедности, к которому относится данный округ). Школьные округа с высоким индексом эффективности признаются эффективными.

Ближе всего по нашему мнению модель представленная Валеевым А.Р. так, как в этой модели мы можем использовать для анализа очень важные показатели, которые играют огромную роль в управлении учреждением. При этом на первое место мы предлагаем поставить показатель качества эффективности использования государственных (муниципальных) ресурсов: показатели качества управления финансами (бюджетными и внебюджетными) [7], показатели эффективности управления государственными (муниципальными) активами, показатели оценки коррупционной ситуации и т.д.

Таким образом, практический аспект использования показателей экономической эффективности должен определяться: спецификой деятельности государственных (муниципальных) учреждений; необходимостью выбора критериев для установления показателей эффективности; отсутствием единой методики оценки эффективности бюджетных средств; проблемами нормативного регулирования. Не смотря на то, что в настоящее время не определена единая система показателей применимых для оценки эффективности деятельности государственных (муниципальных) учреждений, автор считает, что наиболее целесообразно использовать не абсолютные, а относительные показатели.

На современном этапе как никогда назрела необходимость определения на законодательном уровне методики оценки эффективности и рекомендуемого перечня показателей, сформированного с учетом таких требований как объективность, ясность, сравнимость, достаточность, экономичность. Иными словами, показатели экономической эффективности деятельности учреждений, подведомственных органам власти и управления должны быть в полном объеме и четко сформулированы с учетом специфики сферы использования бюджетных средств[8], могут быть сопоставлены во времени и в разрезе нескольких организаций одного вида деятельности, должны формироваться с минимально возможными затратами.

Литература:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений. Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ (ред. от 28.12.2013)// Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О Комментариях (комплексных рекомендациях) по вопросам, связанным с реализацией положений Федерального закона от 08.05.2010 № 83 ФЗ: Письмо Минфина России от 22.10.2013 № 12-08-06/44036 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»
3. Башарова О.Г. Разработка системы экономических показателей для оценки эффективности деятельности учреждений образования // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 28. С. 56 - 61.
4. Марков С.А. Методика оценки эффективности использования бюджетных расходов образовательными учреждениями // Управление экономическими системами: электронный научный журнал.2012. № 7. С. 21- 29.
5. Валеев В.Р. Методические рекомендации по оценке эффективности использования межбюджетных трансфертов, выделяемых бюджетами муниципальных образований в рамках реализации целевых программ и проектов. М.: НИИ СП. 2010. 57 с.
6. Морозов В.А., Морозова О.К. Оценка эффективности деятельности бюджетного учреждения органами государственного и муниципального управления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2009. № 3. С. 15-19.
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 17.12.2004 № 145-ФЗ (принят ГД ФС РФ 17.07.1998)(действующая редакция от 01.01.2014) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон «» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (принят ГД ФС РФ 16.09.2003) (действующая редакция от 30.01.2014) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ОРГАНАХ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В науке теории государства и права выделяют четыре способа систематизации нормативных правовых актов: учёт; инкорпорацию; консолидацию; кодификацию. Подробнее вопросы систематизации изучаются в рамках юридической техники. Так, работа по систематизации должна проводиться в определенной последовательности и по определенным стадиям – требуют правила юридической техники. Учёт состоит в сборе, хранении, поддержании в актуальном состоянии нормативных правовых актов. Основная задача учёта – возможность оперативного поиска необходимой информации. Учёт проводится государственными органами, юридическими лицами, а также различными юридическими учреждениями и организациями [1].

В казахстанской юридической литературе отмечается, что систематизации подлежат лишь имеющие нормативное значение законодательные акты и решения правительства. Так, в процессе подготовки и издания Собрания (Свода) действующего законодательства Казахстана, безошибочно определить нормативность закона и другого законодательного акта (конституционного закона, указа, кодекса, закона) не представляло трудности, поскольку они всегда нормативны. Однако относительно указов Президента РК возникали трудности, поскольку указы могли быть и нормативными и ненормативными (индивидуальными, оперативными, организационными) [2]. В РФ систематизации подлежат все акты – как нормативные правовые акты, так акты, не носящие нормативный характер.

В РФ, как известно до сих пор не принят Федеральный закон о нормативных правовых актах. В большинстве субъектов РФ на уровне регионального законодательства определены понятие нормативных правовых актов, вопросы правотворчества и правил юридической техники, включая правила систематизации актов субъектов РФ.

В Республике Казахстан, в отличие от РФ, вопросы систематизации нормативных правовых актов определены законодательно (глава 9 Закона РК от 24 марта 1998 года № 213-І «О нормативных правовых актах» [3]).

В частности, Постановлением Правительства РК от 28 октября 2004 года №1120 «Вопросы Министерства юстиции РК» [4] утверждено Положение о Министерстве юстиции РК. Так, к функциям Министерства юстиции РК относится, в том числе ведение государственного учёта нормативных правовых актов. В указанном Положении содержится исчерпывающий перечень из пятидесяти функций Министерства юстиции и ста функций ведомств РК.

В РФ также есть Постановление Правительства РФ от 24 июля 1997 г. № 930 «Вопросы Министерства юстиции РФ» [5]. Однако, указанное Постановление в настоящее время не имеет серьезного юридического значения. Вся нормативная регламентация правового статуса и деятельности Министерства юстиции содержатся в Указе Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции РФ», которым утверждено Положение об одноименном Министерстве. В указанном Положении определено пятьдесят полномочий. В пятьдесят первом пункте указано, что *Министерство осуществляет иные функции в установленной сфере деятельности, если такие функции предусмотрены федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента РФ или Правительства РФ*. Таким образом, полномочия и функции Министерства юстиции РФ понимаются как тождественные понятия и перечень полномочий (функций) не совсем закрытый, в отличие перечня, установленного в Положении о Министерстве юстиции РК.

В соответствии с пунктом 2 статьи 46 Закона РК от 24 марта 1998 года «О нормативных правовых актах» Правительством РК Постановлением от 25 октября 2013 года № 1146 [6] утверждены Правила ведения учёта и систематизации нормативных правовых актов государственными органами. В частности, предусмотрено, что *Министерство юстиции РК разрабатывает и утверждает методические рекомендации по ведению учёта и систематизации нормативных правовых актов государственными органами. Учёт и систематизацию нормативных правовых актов, одержащих государственные секреты,*

осуществляет сотрудник структурного подразделения по защите государственных секретов соответствующего государственного органа. Учёт и систематизация нормативных правовых актов осуществляются на государственном и русском языках. В РФ федеральное законодательство ведется только на государственном русском языке, для субъектов РФ – допускается использование национального языка наряду с государственным русским языком. Отличительным является также использование в нормативных правовых актах РК термина «государственные секреты», а в РФ используется понятие «государственная тайна» [7].

Далее в Законе РК от 24 марта 1998 года № 213-І «О нормативных правовых актах» в статье 47 установлено, что *государственный учёт включает в себя ведение Государственного реестра нормативных правовых актов РК, эталонного контрольного банка нормативных правовых актов РК. Ведение Государственного реестра нормативных правовых актов РК, эталонного контрольного банка нормативных правовых актов РК осуществляет государственное предприятие, определяемое Правительством РК. Правительство РК определяет порядок ведения Государственного реестра нормативных правовых актов РК, эталонного контрольного банка нормативных правовых актов РК. Министерство юстиции РК создает единую систему правовой информации, оказывает помощь министерствам и другим центральным государственным органам в справочно-информационной работе.* В РФ также нормативно предусмотрено ведение банка данных о нормативных правовых актах, включая регистр нормативных правовых актов субъектов РФ, а также реестр уставов муниципальных образований и регистр муниципальных нормативных правовых актов.

В РФ также Министерство юстиции в соответствии с Положением о Министерстве юстиции РФ: *осуществляет государственную регистрацию нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливающих правовой статус организаций или имеющих межведомственный характер, а также актов иных органов в случаях, предусмотренных законодательством РФ; ведет в установленном им порядке государственный реестр нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и иных органов в случаях, предусмотренных законодательством РФ.* Поскольку Российская Федерация, в отличие от Казахстана, федеративное государство, то Министерство юстиции РФ осуществляет еще государственный учёт нормативных правовых актов субъектов РФ.

Приказом Министра юстиции РК от 28 апреля 2005 года № 78 утверждена Инструкция по учёту и систематизации нормативных правовых актов в органах юстиции РК. В частности, в соответствии с указанной Инструкцией *учёту и систематизации подлежат: Конституция, Законы, вносящие изменения и дополнения в Конституцию, конституционные законы РК и указы Президента РК, имеющие силу конституционного закона, кодексы РК, законы РК, а также указы Президента РК, имеющие силу закона, нормативные указы Президента РК, нормативные постановления Парламента РК, нормативные постановления Правительства РК, и др.* В РФ нотариальные конторы в соответствии с Основами законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-І [8] учёт и систематизацию нормативных правовых актов не осуществляют.

Также в соответствии с вышеназванной Инструкцией РК *учёт и систематизация нормативных правовых включает в себя сбор действующих нормативных правовых актов, их обработка и расположение по определенной системе, а также поддержание нормативных правовых актов в контрольном состоянии.* В российской юридической доктрине учёт нормативных правовых актов понимается аналогично.

В Законе РК от 24 марта 1998 года № 213-І «О нормативных правовых актах» содержится статья 48, предусматривающая гласность нормативных правовых актов. Так, в соответствии с названной статьей *все уполномоченные органы обязаны предоставлять доступ заинтересованным лицам для ознакомления с принятыми нормативными правовыми актами, кроме тех, которые содержат государственные секреты или охраняемую законом тайну.* В РФ в целях открытости и гласности, правовые акты также доступны для ознакомления заинтересованных лиц (исключение только для актов, составляющих государственную или иную законом охраняемую тайну, в законодательно определенных случаях).

В целом, необходимо отметить, что в РК вопросы, касающиеся систематизации нормативных правовых актов в органах юстиции регламентированы достаточно подробно. Особо заслуживает внимание, Закон РК от 24 марта 1998 года № 213-І «О нормативных правовых актах». В РФ, ввиду отсутствия законодательного регулирования исследуемой темы, полная нормативная регламентация содержится в подзаконных нормативных правовых актах. Вместе с тем, поскольку общественные отношения в государствах находятся в постоянной динамике, то и вопросы систематизации нормативных правовых актов, требуют постоянного совершенствования.

Литература:

1. Морозова Л.А. Теория государства и права / Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. С. 96.
2. Ахметова Н.С., Кордас И. А. Теоретико-правовые аспекты понятия и юридической природы нормативных правовых актов // Вестник КарГУ. 2012. № 1. С. 16.
3. Ведомости Парламента РК. 1998. № 2-3, ст. 25.
4. САПП РК. 2004. № 41, ст.532.
5. Собрание законодательства РФ от 28 июля 1997. № 30, ст. 3663.
6. Казахстанская правда от 19 декабря 2013. № 339 (27613).
7. О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-І // Российские вести от 30 сентября 1993 г. № 189.
8. Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 11 марта 1993. № 10, ст. 357.

Трофимова О.М.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
к.э.н., зам. декана факультета
государственного и муниципального управления*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛЮСОВ РОСТА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА

Глобализация и интернационализация, как движущие факторы развития традиционных экономик на современном этапе, не являются достаточно эффективными для достижения выгод пространственного развития. Возникает необходимость поиска таких форм взаимодействия пространственных объектов, которые бы обеспечивали дополнительные конкурентные преимущества территорий. Вместе с тем именно глобализация способствовала повсеместному применению теорий специализации и возникновению представления о неравномерности пространственного развития и пространственно-структурных сдвигов в региональной экономике.

Первые теоретические конструкты не предлагали формальных способов определения пространственных сдвигов, а лишь давали описание форм локализации отраслей и наблюдающихся эффектов. К настоящему времени теория пространственных сдвигов прошла эволюционный путь, и сегодня число различных вариантов этой теории удивительно велико.

Однако, большинство ученых сходится во мнении, что неравенство хозяйствующих единиц имеет своим следствием деформацию экономического пространства, следствием которой является поляризация пространства вокруг ведущей отрасли. При этом выделяются в таком поляризованном пространстве отрасли-моторы, реализующие эффект доминирования, а в структуре хозяйствования нарушаются принципы свободной конкуренции, выстраиваются локальные отношения и взаимосвязи. По мнению Пермяковой Е.С. [1], можно выделить следующие категории территории, являющихся потенциальными полюсами роста: крупнейшие городские агломерации, экспортно-ресурсные регионы, приграничные регионы на основных путях внешней торговли.

Мы полагаем, что данный подход подлежит расширению применительно к старопромышленным территориям в связи с особенностями функций, выполняемых территориями. Комплексный анализ экономики региона в таком случае должен строиться на предположении о перспективе использования потенциала и функций территорий, формировании интегрированного, но поляризованного пространства.

Таким образом, локальные полюса роста представляют собой сложившиеся традиционные центры социально-экономического развития, способные генерировать новые функции территории, придавая комплексный характер ее развитию и распространять его по локальным осям развития на взаимосвязанные территории. Мы предлагаем при этом отказаться от использования термина «пропульсивная отрасль», как ключевого детерминанта отраслевой специализации территории, в пользу термина «пропульсивная функция территории», отражающего роль не только производственных объектов, но и всей территории в пространственном социально-экономическом рисунке региона.

Согласно этой концепции пространство рассматривается как независимый фактор производства и жизнеобеспечения территории и за счет крупномасштабных механизмов синергии и кумулятивных обратных связей является генератором статических и динамических преимуществ для экономических агентов, а также ключевой детерминантой конкурентоспособности локальной производственной и социально-экономической системы.

Пропульсивная функция территории определяет модель локального полюса роста.

Мы полагаем необходимым ввести следующие модели реализации пропульсивной функции территории:

1 модель: полюс роста строится на основе пространственной близости производственных объектов для достижения эффектов экономии издержек и масштаба. Данная модель характеризуется устойчивыми производственно-сбытовыми связями и единой цепочкой добавленной стоимости.

Соответственно можно утверждать, что разновидностями полюсов роста первой модели являются территориально-производственные комплексы, индустриальные районы, промышленные узлы, промышленные площадки, промышленные районы, промышленные округа и промышленные кластеры, как наиболее развитые формы данной модели.

Данная модель характеризуется следующими видами:

1. несколько промышленных объектов, специализирующихся на производстве однотипной продукции и характеризующихся общностью географического положения;

2. отрасль промышленности или сферы услуг, которая пространственно представлена производственными объектами определенных фирм, занятых в этой отрасли промышленности;

3. цепочка добавленной стоимости в определенном регионе.

2 модель: полюс роста строится на основе пространственной близости поселений и единства социально-экономических функций. Данная модель характеризуется постоянными трудовыми, культурно-бытовыми, организационно-хозяйственными, административно-управленческими и другими связями.

Разновидностями второй модели полюсов роста являются технополисы, агломерации и глобальные города, как наиболее развитая форма.

3 модель предполагает сочетание как собственно производственно-отраслевых эффектов тяготения, так и социально-культурных факторов близости территорий как основы формирования единого локального полюса роста. В данном случае будут наблюдаться как присущие локализованному производству эффекты масштаба и экономии издержек, так и эффекты синергии социального и инновационного пространств, характерные для второй модели локальных полюсов роста.

Указанные модели определяются следующими условиями:

- степенью изначальной неравномерности пространственного развития, особенностями пространственного рисунка территории;

- типом производственного и инновационного каркаса территории;

- характером функций, реализуемых территорией.

С точки зрения изначальной неравномерности пространственного развития можно отметить, что первая модель отражает появление собственно неравномерности, обоснованное факторами специализации территории.

Вторая модель является следствием отраслевой специализации и проявляется в перестройке рисунка расселения внутрирегионального пространства, проявлением внутрирегиональной миграции трудовых ресурсов, необходимостью формирования социальной инфраструктуры вокруг локализованных производственных комплексов, транспортной и инновационной инфраструктуры.

Наконец, третья модель предполагает достижение наивысшего уровня конкурентоспособности территории за счет не просто интеграции производственных мощностей, системы расселения, но и формирования единства рынков, а также преодоления эффектов внутритерриториального доминирования, определения интерспецифических паритетных моделей сотрудничества внутритерриториального пространства по осям развития.

Примером, реализации третьей модели является межмуниципальное сотрудничество.

С точки зрения характера пропульсивной функции территории, определяющей модель полюса роста, можно утверждать, что в основе первой модели реализуется наиболее эффективно производственная функция территории. В рамках второй модели реализуется социально-организационная функция территории, в третьей модели эффективно реализуются обе указанные функции. При этом третья модель представляет собой не просто сумму функций территорий, но и поиск новой интерспецифической парадигмы полюсного развития.

Приведенные характеристики подчеркивают территориальный аспект концентрации в рамках полюса роста. При этом географические границы полюса роста отражают экономические реалии и не обязательно совпадают с административными и политическими границами входящих в него территорий. Выделим две фундаментальные характеристики полюсов роста.

Во-первых, территории в полюсе роста должны быть связаны некоторым экономико-производственным способом. Это предполагает интеграцию интересов в терминах положительных социально-экономических экстерналий.

Вторая фундаментальная характеристика – территории, входящие в состав полюса роста, географически близки.

Исходя из всего вышесказанного, отметим, что пространственные сдвиги представляют собой трансформацию внутрирегионального пространства посредством формирования полюсов роста, обоснованную неравномерностью социально-экономического развития территорий, внутрирегиональной дифференциацией и необходимостью достижения целей устойчивого функционирования локальных социально-экономических систем (локалитетов).

Мы можем утверждать, что во внутрирегиональном пространстве возможны три типа пространственных сдвигов в соответствии с моделями полюсов роста. Первый тип сдвигов характеризуется формированием кластерных инициатив, второй тип сдвигов – развитие агломерационных процессов, третий тип сдвигов – формирование межмуниципального сотрудничества.

Литература:

1. Пермякова Е.С. Полюса роста. Зарубежный опыт и адаптация его для успешной реализации индустриально-инновационного развития экономики региона // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2011. №3. С. 31–35.

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

В сложных геополитических условиях, в ситуации экономического и финансового кризиса закономерно возрастает социальная напряженность, население испытывает психологический дискомфорт. Вместе с тем социально-психологическая обстановка и поведение людей влияет на решение экономических и социально-политических проблем. Так, например, известно, что инфляционные ожидания населения увеличивают инфляцию на 2%. Необходимо улучшать социально-психологический климат, укреплять социальное доверие и развивать взаимную поддержку в региональном сообществе, что позволит более успешно осуществлять стратегию регионального развития.

Проблема идентичности входит в число наиболее обсуждаемых проблем современного общества. Множество исследований посвящено этнической, национальной (гражданской) идентичности [См.: 1, 2]. При этом исследования региональной идентичности находятся далеко не на первом месте. Формирование российской гражданской нации представляет собой актуальную для Российской Федерации стратегию. В числе средств ее осуществления, в качестве ее составляющей выступает развитие региональных идентичностей как возведенных стен между фундаментом самостождественности личности и крышей российской гражданской идентичности. Средоточием жизни является регион. Субъект Российской Федерации или, в ином дискурсе, регион представляется неким средним звеном в цепи управления. Следует заметить, что существует множество подходов к пониманию и определению региона. Из них особенно можно выделить два подхода: «формально-правовой подход рассматривает регион как единицу административно-территориального деления, официально установленную в государстве... Политологический подход рассматривает регион как субъект и объект политического процесса» [4, с.167, 168]. На долю властей региона выпадает задача управления живущим на территории региона полиэтничным населением, где этнический баланс постоянно меняется. Для этого могут быть избраны различные властные стратегии, одной из которых может стать конструирование конгломератной идентичности регионального сообщества.

Итак, под идентичностью понимается принадлежность субъекта к различным социальным группам, выделенным по целому спектру оснований, при ее осознании и ценностном отношении к ней. В силу примордиалистских представлений об этничности этническая идентичность видится константной среди прочих меняющихся идентичностей. Ценностно-эмоциональное отношение и осознание принадлежности к месту жительства (региональная идентичность) в условиях географической мобильности не носит неизменного характера.

Среди множества идентичностей выделяется конгломератная (Д. Лейтин) или множественная (В. Тишков) этническая идентичность, «в России имеет место обычный в мировой практике феномен множественного и не взаимоисключающего этнокультурного самосознания (идентичности) вертикального характера» [4, с. 70]. Можно предположить, что конгломератной может быть не только этническая, но и региональная идентичность.

На основе исследования особенностей социального поведения в различных обществах в связи с определенной политической культурой разработана особая типология этнической идентичности, в которой выделены типы: в традиционных обществах – индивид с нейтральной этничностью, связанной с местом жительства; в индустриальных обществах – индивид с нормальной этничностью; в постиндустриальных обществах – индивид с утрированной этничностью, где имеется абсолютизация этнических черт, этничность возводится в ранг универсального принципа объяснения поведения и действия. В постмодерных обществах, отличающихся кроме прочего увеличением скорости изменения систем ценностей и норм, лавинообразным ростом числа субкультур, усилением кроссэтнической коммуникации, происходит взаимодействие этнических индивидов, принадлежащих к разным типам этнической идентичности [5, с.160-164]. Эта методология может быть использована при анализе региональной идентичности. Можно выделить типы нейтральной, нормальной и утрированной региональной идентичности.

Нейтральная региональная идентичность как «нулевое» эмоционально-ценностное отношение имеет место тогда, когда субъект, находясь на определенной территории, не осознает своей принадлежности к ней, не связывает с ней свое будущее, относится как к месту временного пребывания. Утрированная региональная идентичность, как сверхпозитивное эмоционально-ценностное отношение, может фиксироваться тогда, когда субъект наделяет абсолютной, высшей ценностью регион и все, что к нему относится, от потребительских товаров и услуг до политических идеологий. При этом выбор регионального детерминирован самим региональным статусом, а все не региональное воспринимается как чужое и чуждое до враждебности. При распространенности такого типа идентичности в условиях моноэтничного региона такого рода отношения могут порождать сепаратистские и ирредентистские настроения. Нормальная региональная идентичность означает позитивное ценностно-эмоциональное отношение к месту жительства, с которым связывается благополучие, развитие, жизненные стратегии. Нормальная региональная идентичность может быть базовым элементом в стратегии управления регионом.

Идентичности, в том числе и региональные, имеют объективные основания, однако они могут конструироваться. В конструировании региональной идентичности можно выявить ряд стратегем, с помощью которых формируется положительное ценностно-эмоциональное отношение к принадлежности к территории и региональному сообществу. Во-первых, региональная идентичность не является противоположностью этничности, она не противоречит и не противопоставляется этнической идентичности. Так, например, исторически обусловленными, привычными и работающими концептами этнорегиональной идентичности стали такие концепты как «уральские татары», «уральские немцы». Аналогичные концепты могут быть выстроены и отнесены к другим этносам и этническим группам, как автохтонного населения, так и новых переселенцев. Во-вторых, региональная идентичность множественна в отношении размеров и статуса поселений в регионе. Можно выделить идентичность жителей мегаполиса, жителей города «среднего звена», жителей малого города, жителей села. Содержание понятий расширяется, когда региональная принадлежность находится на первом месте. Например: идентичность жителей мегаполиса – идентичность жителей уральского мегаполиса. В-третьих, привлекательность региона и, как следствие, положительное ценностно-эмоциональное отношение к нему при возможности конструирования положительной региональной идентичности не может возникнуть «по приказу», за счет идеологического насилия и принуждения, оно формируется при наличии ряда благоприятных условий, делающих регион привлекательным для жителей.

В основе привлекательности региона можно выявить три составляющих. Первая составляющая – толерантная коммуникация. При этом следует преодолеть ставшее стереотипным, ошибочное представление о толерантности как о бесконечном терпении, попустительстве, смирении со стороны автохтонных жителей, например, «коренных уральцев» по отношению к любым особенностям культуры и поведения трансграничных или внутриграничных мигрантов, даже если это девиантное поведение. Толерантная коммуникация в основе своей должна иметь симметричный характер. Это значит, что определенные требования терпимого, понимающего, уважительного отношения и вытекающих из него форм поведения следует предъявлять не только к принимающему сообществу, но, прежде всего, к новым поселенцам, независимо от их этнической принадлежности и социального статуса. Требования понимания и принятия региональных особенностей как нового стандарта, уважительное отношение к принимающему сообществу, к традициям и актуальной культуре региона следует формулировать ясно, точно и однозначно. Вторая составляющая – комфортная среда, как природная, так и культурная, в которой развитие инфраструктуры непротиворечиво сочетается с благоприятной экологической обстановкой. Третья составляющая – экономический фактор, когда стабильно развивающаяся экономика обеспечивает развитие рынка труда. Из трех составляющих привлекательности региона на первом месте находится именно толерантная коммуникация. Без комфортных человеческих отношений ни развивающаяся экономика, ни инфраструктура не будут факторами, обеспечивающими привлекательность региона, способствующими формированию позитивной региональной идентичности. Конструирование нормальной этнорегиональной идентичности является необходимым условием для динамичного развития региона, для реализаций долгосрочных региональных стратегий, вписанных в общероссийский контекст.

Литература:

1. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий [отв. ред. И.С. Семенов]. – М.: РОССПЭН, 2012. – 208 с.
2. Политическая идентичность и политика идентичности. В двух томах. Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке [отв. ред. И.С. Семенов]. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.
3. Федякин А. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник российской нации. – 2009. № 5. – С.163-182.
4. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
5. Фадеичева М.А. Человек в этнополитике. Концепция этнонационального бытия. – Екатеринбург: УрО РАН, 2003. – 248 с.

Федоренко Н.Я.

Инженер по организации и нормированию труда

ООО «Полевской техСервис»

Уральский государственный экономический университет

магистрант

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Одним из главных условий стабильного развития экономики любой страны является наличие рынка труда, отвечающего потребностям экономики, как в качественном, так и в количественном отношении. Занятость населения является важнейшей категорией рынка труда и составляет основы его воспроизводства, так как от нее зависят уровень жизни людей, издержки общества на подбор, подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров, их трудоустройство, материальную поддержку безработных.

Под занятостью населения понимается деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработок (трудовой доход). В Законе РФ «О занятости населения» сформулированы основные принципы, придающие отношениям занятости рыночный характер:

1) обеспечение свободы в труде и занятости, запрещение принудительного, обязательного труда. Человеку принадлежит приоритетное право выбора: участвовать или не участвовать в общественном труде.

2) создание государством условий для обеспечения права на труд, на защиту от безработицы, на помощь в трудоустройстве и материальной поддержке при безработице в соответствии с Конституцией РФ.

Практическая потребность учета населения вызывает необходимость выделения видов занятости. Так, различают полную, продуктивную и свободно избранную занятость.

Полная занятость - это обеспеченность профессиональным трудом, который приносит доход личности и достойное существование ему и его семье.

Основной смысл продуктивной занятости сводится к следующему: общественно приемлемой может считаться не любая работа, а только отвечающая двум важнейшим требованиям. Во-первых, занятость должна приносить трудящимся доход, обеспечивающий достойные человека условия жизни. Отсюда вытекает прямая связь политики занятости с политикой доходов, антиинфляционными действиями и т.п. Во-вторых, продуктивная занятость противопоставляется занятости формальной. Частный случай последней — содержание излишних работников или создание формальных рабочих мест во избежание безработицы — политика государства должна способствовать тому, чтобы труд каждого человека был экономически целесообразным, максимально продуктивным для общества.

Свободно избранная занятость предполагает, что право распоряжаться собственной способностью к труду (рабочей силой) принадлежит исключительно ее владельцу, т.е. самому работнику. Этот принцип гарантирует право каждого работника на выбор между занятостью и незанятостью, запрещая любое административное приучение к труду.

Отдельным видом занятости, свидетельствующим о наличии определенных проблем в экономике страны и региона, является так называемая неэффективная занятость. Точного, нормативно закрепленного определения данного понятия пока не существует. В общем виде неэффективная занятость представляет собой ситуацию содержания большего количества работников на предприятиях, чем это необходимо в действительности [1, с. 149]. Основной причиной существования данного феномена в экономике является возможность поддержания с ее помощью формально высокого статистического уровня занятости [2, с. 48]. Рынок труда может быть, с одной стороны, избыточным по объему трудовых ресурсов, а с другой – трудодефицитным по своей структуре. Такая ситуация наблюдается сейчас на российском рынке труда, т.к. сохраняется излишняя рабочая сила, которая характеризуется низким качеством работы и, соответственно, низкой производительностью труда [2, с. 50].

Виды занятости отражают состояние количественной и качественной балансировки между потребностью населения в работе и рабочими местами, при которой создаются благоприятные условия для социально-экономического прогресса общества. Постепенный переход к использованию высокоэффективных технологий и инновационному развитию экономики в целом будет сопровождаться снижением уровня занятости в стране, т.к. высокоэффективная экономика будет нуждаться в относительно меньшей численности работников, а также со снижением потребности самого населения в рабочих местах из-за переключения интересов в другие сферы общественно полезной деятельности.

Важнейшей характеристикой в анализе занятости населения является понятие и оценка сбалансированности рынка труда. Рынок представляет собой пространство, на котором взаимодействуют продавцы и покупатели, в результате чего для каждого стандартного товара (или услуги) устанавливаются равновесная цена и равновесный объем предложения и спроса. Очевидно, что данное понятие рынка должно быть скорректировано, если речь идет о таком специфическом товаре, как труд. Это связано с тем, что носитель труда (работник) представляет собой уникальную человеческую личность, которая обладает не только определенной способностью к труду (токарь, инженер, врач и т. д.), но и целым «спектром» других качеств: мотивами трудового поведения, жизненным опытом, психофизиологическими особенностями. В экономической теории и практике также была разработана система показателей, позволяющая оценить эффективность занятости с помощью 4 групп показателей:

1) пропорции распределения ресурсов труда общества по характеру их участия в общественно полезной деятельности.

2) уровень занятости трудоспособного населения в общественном хозяйстве. Экономически этот показатель отражает, с одной стороны, потребность общественного хозяйства в работниках, а с другой - потребность населения в рабочих местах. Оценка эффективности занятости по этой характеристике может производиться на основе баланса трудовых ресурсов.

3) структура определения работающих по видам деятельности.

4) профессионально-квалификационная структура работающих показывает распределение работающего населения по профессионально-квалификационным группам и отражает степень сбалансированности системы подготовки кадров с потребностью экономики в квалифицированных работниках.

Оценка данных показателей происходит в динамике и позволяет оценить структуру занятости населения и определить существующие проблемы рынка труда и наметить возможные направления его дальнейшего развития. На основании оценки сбалансированности, эффективности и правильного определения движущих факторов рынка труда осуществляется регулирование занятости населения. Регулирование занятости в силу особой социальной значимости является одним из наиболее важных элементов социально-экономической политики государства. Теория регулирования рынка труда в целом и занятости в частности претерпевала значительные изменения в ходе развития экономической теории. Существует множество концепций регулирования занятости населения. Рассмотрим основные:

1. Классическая политэкономия, берущая свое начало в трудах А. Смита, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэя определила модель свободной конкуренции и рынка как главных регуляторов экономики, соответственно, рынок труда сбалансирован, т.е. спрос и предложение равны и полная занятость обеспечена. Свобода рынка, выбора вида деятельности, ограниченная роль государства в экономической жизни. Полная занятость характерна для экономики. Соответственно, не требуется вмешательства государства.

2. Неоклассическая концепция (А. Маршалл, А. Пигу, Дж. Б. Кларк) исходила из того, что занятость зависит от предельной производительности труда и «предельной тяжести труда», оцениваемой рабочими их реальной заработной платой. Равновесие спроса и предложения труда определяют уровень занятости и заработной платы. Чем ниже реальная заработная плата, тем выше уровень занятости. Что касается вопроса регулирования занятости, то основным инструментом являлось внешнее регулирование цены труда посредством повышения или понижения заработной платы. По мнению авторов данной концепции, цена на рабочую силу адаптируется к конъюнктуре рынка.

3. Кейнсианская школа, берущая свою основу в трудах Дж. М. Кейнса, исходила из постулата: основная причина безработицы – недостаточная эффективность совокупного спроса. Рынок труда – статическая система, жестко регулируемая государством, где цена труда фиксируется на нижних отметках. Государственная бюджетная, кредитно-денежная, налоговая политика стимулирует эффективный спрос и новые инвестиции, и, тем самым, регулирует уровень занятости.

4. Неокейнсианская школа (Р. Харрод, Э. Хансен, Дж. Р. Хикс) предполагала, что объем занятости определяется объемом инвестиций, мультипликатором, который определяется склонностью к сбережению, а государственное регулирование занятости – первоочередная задача правительства в регионе.

5. Монетаристская концепция, представленная в трудах М. Фридмена, Р. Хоутри, К. Викселя, С. Сарджента, Р. Лукса-мл. Дж. Сакса, А. Окунда, делала акцент на ценовом механизме уровня занятости. Если уровень безработицы выше естественного, то безработица вынужденная, если ниже – праздная. Естественная безработица определяется микроэкономическими факторами. Регулирование занятости связано с краткосрочной непредвиденной инфляцией, т.к. она отклоняет уровень безработицы от естественного. Повышение занятости возможно с помощью государственного регулирования (жесткая финансовая политика, денежно-кредитные методы).

6. Теория регулирования занятости (М. Фелдстайн) основана на следующем постулате: социальные расходы уменьшают занятость. Если предложение труда превышает спрос и заработная плата недостаточно высока, занятость теряет свою привлекательность. Повышение социальных пособий по безработице сокращает уровень занятости, при этом денежно-кредитная и налоговая государственная политика способны привести рынок труда в соответствие.

7. Наконец, институциональная теория, представленная в работах Т. Веблена, У. Митчелла, Дж. Коммонса, Дж. Гэлбрейта, У. Росту, Р. Хеллбронейра объясняла характер рынка труда особенностями развития отдельных отраслей, профессиональных и демографических групп, профсоюзами и т.д. Соответственно присутствует необходимость регулирования занятости со стороны институтов, формирующих рынок труда (например, система страхования от безработицы, пассивная политика занятости). Регулятор рынка – институциональные реформ.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что большинство экономистов склоняется к мысли о необходимости регулирования занятости посредством вмешательства государства. Так, за свободное регулирование занятости выступали только представители классической и неоклассической теории. На практике современные государства реализуют активную государственную политику в области занятости населения с целью поддержания рынка труда и обеспечения его дальнейшего развития.

Литература:

1. Бухвостова, Ю.О., Королева, А.К. Подходы к управлению неэффективной занятостью населения. М. ИНФРА-М, 2010. – 193 с.
2. Чуйкова, С.Г. Управление эффективной занятостью в России и за рубежом // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – №5. – С. 47–52.

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕНОМЕН «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ (ОПЫТ АНАЛИТИКИ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ)

Стратегический аспект эффективного, стабильного и устойчивого развития России напрямую связан с тем как будут в долгосрочной перспективе выстроены взаимоотношения в связке «власть – оппозиция». Данная проблема еще осложняется влиянием фактора времени: формирование неразрушительных, то есть конструктивных взаимосвязей и взаимозависимостей требует достаточно большого периода – как минимум несколько десятилетий. Но антропологический (психология) и социальный (социология) контексты государственного строительства указывают на нетерпение и нежелание ждать, требование немедленных, максимально быстрых перемен как на фундаментальные особенности человека и масс (толпы). Закономерным итогом такого нетерпения является революция. Термину «революция» со времен Карла Маркса (а больше его последователями) было дано максимально широкое (и ошибочное) толкование. В данной работе будет использоваться следующее определение: революция – это государственный переворот, с целью захвата политической власти. Выдающийся современный политолог и военный теоретик, постоянно консультирующий государственные структуры США, Эдвард Люттвак так описывает свой подход: «"Государственный переворот" – дело, куда более "демократическое". Его можно осуществить "извне", и он может происходить вне правительства, но внутри государственной машины, которую образуют постоянная и профессиональная государственная служба, вооруженные силы и полиция. Цель такого переворота – разобщить постоянных госслужащих и политическое руководство, а этого обычно не происходит, если они связаны политическими, этническими или традиционными узами лояльности». [1, С. 20] Современной разновидностью (и новой формой) государственного переворота являются «цветные революции». Список стран, где она была успешно реализована, впечатляет: это Восточная Европа – Сербия; постсоветское пространство – Грузия, Киргизия, Украина (дважды!); север Африки – Египет, Тунис. Данному феномену можно дать такое определение: «цветная революция» – это процесс *провоцирования* политических и социально-культурных конфликтов, которые имеют четкую стратегическую цель: захват государственной власти с помощью политических технологий и методов протестной инженерии, изначально находящихся за границами легитимности. Рамки данной работы не позволяют рассмотреть все аспекты данного феномена, поэтому ограничимся теми, что заданы темой статьи.

Как уже указывалось выше «цветную революция» можно охарактеризовать как *провокацию* и вызов существующей государственной власти. То есть, это побуждение, подстрекательство органов государственной власти к действиям, которые с неотвратимостью повлекут за собой тяжелые для государственного аппарата последствия. Провокации политического характера осуществляются в основном в момент выборов, так как это наивысшая узловая точка неизбежного «запланированного» кризиса – избирательной кампании. Но необходимый фон создают провокации, реализуемые в поле культуры, в культурном пространстве. Создается особая знаково-символическая реальность, которая позиционируется как, во-первых, протестная; во-вторых, передовая, прогрессивная; в-третьих, модная (об этом ниже). Эта реальность формируется в нескольких сферах. В предметной сфере: это элементы одежды, значки, нашивки, надписи; это элементы быта; это граффити; это печатная продукция – листовки, календари, газеты, книги, брошюры. В сфере социума: это иной стиль поведения и общения, иной стиль коммуникации; это различные перформансы (технология «создания» поступков и зрелищ), шире – это особая социальная драматургия; это митинги, демонстрации, шествия, пикеты. В виртуальной сфере: это активное и преимущественное использование социальных сетей (особенно блогов), форумов, сайтов, Интернета в целом; это использование мобильной связи – как обычного телефона (аудио связь), как передатчика SMS и MMS сообщений, как технического устройства для выхода в Интернет, как способа видео связи; это вовлечение средств массовой коммуникации и средств массовой информации – телевидения, радио. Авторы книги «НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма» Александр Бард и Ян Зодерквист в 2000 году так описывали эту новую реальность: «Нарушение

баланса сил приводит к тому, что политика превращается в зрелище. Политика вынуждена приспособляться к драматургии средств массовой информации и становится более развлекательной, более дружественной к телевидению, чтобы привлечь хоть какое-то внимание». [2, С. 204] (Еще раньше – в 1967 году, данная тенденция была выявлена и исследована Ги Дебором в знаменитой книге «Общество спектакля», другой перевод – «Общество зрелищ»). Главная цель – создание единого пространства («ткани», «сети»), в котором неразрывно соединены все перечисленные выше сферы, имеющие отношение к культуре – происходит формирование контркультуры. Именно оно должно послужить фундаментом, на котором будут реализовываться политические технологии и протестная инженерия как заключительный этап «цветной революции».

Еще один аспект феномена «цветных революций», который следует проанализировать – это своеобразная мода на «цветные революции». Мода (от латинского *modus* – образ, мера, правило) – это особая форма социальной регуляции и регламентации, которая основана на периодической смене образцов массового поведения (своеобразная смена циклов). Мода является одной из важнейших знаковых и символических систем, которая влияет на процесс межличностной и межгрупповой коммуникации, а также воздействует на такой показатель как социальный статус индивида, оценку его уровня доходов. Молодежь как социальная группа – это основная массовая движущая сила «цветной революции». (С позиций психологии это объясняется радикальностью и неустойчивостью во взглядах, обостренным чувством справедливости. Социология таким образом объясняет это явление: пока нет семьи и детей, отсутствует собственность, нет работы или стабильного дохода. Культурология обращает внимание на такие аспекты как: отказ или пересмотр традиций, смешение культур, наличие в обществе субкультур и контркультур). Так как мода имеет особое значение для молодежи как средство приобщения и самовыражения в социуме и культуре, то организаторы «цветных революций» активно используют эту зависимость. Тем более что современная мода является важной и неотъемлемой частью идеологии «общества массового потребления», либеральной рыночной экономики, а также служит для агрессивной и навязчивой трансляции норм и ценностей либерализма. Знание закономерностей и тенденций функционирования моды позволяет использовать их в интересах протестной инженерии.

Феномен «цветной революции» возник и развивается в рамках стратегии *soft power* (стратегия «мягкой силы»). Культура – важнейший составной элемент данной стратегии. Один из теоретиков данной стратегии Джозеф С. Най (младший) в своей книге «Будущее власти» так определяет источники «мягкой силы»: «Мягкая сила страны прочно зиждется на трех основных источниках: ее культуре (в местах, где она привлекательна для других), ее политических ценностях (когда она сама живет согласно этим ценностям и руководствуется ими в отношениях с другими странами), и ее внешней политике (когда другие считают ее законной и имеющей моральное право)». [3, С. 152]

В СССР существовала вполне реальная возможность первыми создать свой вариант стратегии «мягкой силы», если бы в интеллектуальное пространство страны было полностью (без изъятий) включено и осмыслено наследие выдающегося, политолога, философа, культуролога Антонио Грамши. Этого сделано не было. Те некоторые исследования, которые были проведены, носили фрагментарный и усеченный характер, и в значительной мере были деформированы господствующими идеологемами. Современные российские исследователи А.Э. Гапич и Д.А. Лушников очень точно сформулировали последствия подобной деформации: «Технологии «мягкой силы» во многом основаны на концепции «культурной гегемонии» в теории революции Антонио Грамши. Непонимание определенной власти «культуры» и «идеи» над материей, приводило многие режимы к своему историческому финалу». [4, С. 43]

Создание прикладного варианта концепции «культурной гегемонии» (используя терминологию А.Грамши) и ее реализация в современной России дело не менее важное, чем создание новых и совершенствование старых видов оружия, а также не менее значительное, чем контроль социальных сетей (блогеров), электронной почты, контроль неправительственных организаций. Это необходимо и нужно делать. Но часто это *реакция* на события и явления. А необходимо *управление* событиями и изменениями – они все равно неизбежны. Тезис о том, что культура один из важнейших элементов стратегического политического управления неочевиден. Однако можно вполне обосновано утверждать: если власть не будет заботиться о культуре (в самом широком смысле данного термина), то о культуре будет заботиться оппозиция со всеми вытекающими из этого последствиями.

Литература:

1. Люттвак Н. Эдвард. Государственный переворот: Практическое пособие. Перевод с английского: Edward N. Luttwak. Coup d'Etat: A Practical Handbook / Русский Фонд Содействия Образованию и Науке – Москва, 2012. – 326 с.
2. Бард Александр, Зодерквист Ян. НЕТОКРАТИЯ. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Перевод с английского Виталия Мишучкова. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 256 с.
3. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти / С.Джозеф Най, младший; пер. с англ. В.Н. Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – 444 с. – (Политика)
4. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии «цветных революций». – М.: РИОР, 2010. – 132 с.

Фельдман М.А.

*Уральский институт управления – филиала РАНХиГС
д.и.н., профессор*

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕННОСТИ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РОССИИ

Спустя 6 лет, после появления публикации, ставшей заметным явлением в спектре работ, посвященных характеристикам современной российской рабочей силы [4], известный ученый, Р.И. Капелюшников, в 2012 г. опубликовал в журнале «Вопросы экономики» новую статью под названием «Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее?» [5]. Читатели резонно ожидали от автора глав монографий¹ и статей в ведущих социологических и экономических журналах, выхода на новый уровень осмысления указанной проблемы. К сожалению, статья повторяет все те же сюжеты и весьма спорные выводы, которые уже были озвучены автором в его статье 2006 г.

По мнению Р.И.Капелюшникова, предметом гордости является тот факт, что Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню образовательной подготовки населения в целом и рабочей силы в частности [5, с.55].

Аргументами в пользу этого, выступают два тезиса: во-первых, факт наличия у 72,5 % занятого населения высшего, незаконченного высшего и среднего специального образования; формально, действительно один из самых высоких показателей в мире.

Во-вторых, утверждение, что по среднему числу лет накопленного образования (11,3) Россия обогнала Великобританию (9,3), сравнялась с Японией (11,3), весьма близка к Германии (11, 8).

Р.И.Капелюшников не замечает, что оперирует категориями ушедшей индустриальной эпохи – количественными индикаторами. Действительно, до начала постиндустриальной эпохи, доля работников с высшим образованием рельефно показывала качество образовательного уровня занятого населения. Однако, по крайней мере, со времени широкого распространения массового доступного высшего образования – с 1970-х гг.– на первый план вышли иные индикаторы, а именно:

1. доля работников, вовлеченных **в непрерывное профессиональное образование** (еще в 1970-е гг. XX в. ЮНЕСКО определила непрерывное образование как основной принцип образовательной политики)[2];
2. доля работников, получивших послевузовское образование.
3. оценка качества образования международными независимыми агентствами)[7];
4. уровень соответствия выпускаемых специалистов потребностям рынка.

Ни одна из этих проблем не получила освещения в статье Р.И.Капелюшникова 2012 г., ни в близкой по тематике статье 2014 г.)[6]. О формальности приведенного показателя (72,5%) говорит и та жесткая критика состояния современного российского высшего и среднего специального образования, качества образовательной подготовки, которая давно стала притчей во языцах.

Запредельно высокая масса «купленных дипломов», низжайший уровень обучения в целом ряде вузов, колледжей и особенно в их филиалах)[1], оторванность образования от запросов работодателей (по итогам социологического обследования 70 % выпускников российских инженерных вузов в ходе своего обучения ни разу не встретились с реальными проектами и групповой работой, а 60 % не пользовались глобальными электронными ресурсами в учебном процессе); невостребованность выпускников (по данным Федеральной службы по труду и занятости, из числа выпускников, обращающихся к услугам государственной службы занятости, 75 % оканчивающих средние специальные заведения и 60 % – высшие учебные заведения трудоустраиваются **не по специальности** – превратились в существенную преграду на пути нашей страны к постиндустриальному обществу. По качеству образования в целом Россия находится на 46 месте)[7]. При всей условности этих данных, острота проблемы очевидна.

Все сказанное ставит под сомнение выводы Р.Н.Капелюшника и лишь подчеркивает неизученность проблемы оценки состояния рабочей силы в России. Было бы не верным, не замечать и интересные наблюдения автора. Так примечательна мысль Р.Н.Капелюшника о том, что на тенденцию тяги населения к высшему образованию незначительно влияет демографическая яма (не более 1/8 куммулитивного прироста студентов) а доля студентов, избравших вузы, как форму уклонения от армии, не превышает 6 % в 1990 г. и 8 % в 2008 г.[5, с.62].

Тем не менее, выскажу суждение, что поставленная проблематика не получила научной оценки в статье Р.Н.Капелюшника.

Ответ на поставленный вопрос предполагал анализ изменений характеристик российских работников в отраслевом разрезе (хотя бы по промышленности и научному сектору) по таким направлениям, как: квалификационный и образовательный уровень в *современном значении* этих терминов; возрастные показатели, стаж работы и т.п., если не за 1990-2010 гг., так хотя бы за 2002-2012 гг. Не менее значимым стал бы сюжет о соответствии работников запросам рынка, с использованием статистики мнений работодателей о качестве рабочей силы. Для выяснения изучаемой проблемы необходимы и данные о доле рабочих мест, соответствующих мировым стандартам (например, процент компьютеризированных рабочих мест), а также удельный вес работников, сдавших экзамены на соответствие профессиональным стандартам по специальности.

Литература:

1. Арапов М.В. Бум высшего образования в России: масштабы, причины и следствия // *Общественные науки и современность*. 2004. № 6. С. 30 – 40.
2. Водопьянова. Е. Послесловие к Болонской декларации // *Современная Европа*. 2006. № 1. С.122 – 133.
3. Волков Ю.Г. Дополнительное профессиональное образование и высшая школа в России // *Социально-гуманитарные знания*. 2005. № 4. С.22– 234.
4. Капелюшников Р.Н. Структура российской рабочей силы: особенности и динамика // *Вопросы экономики*. 2006. № 10. С.19 – 40.
5. Капелюшников Р.Н. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? // *Вопросы экономики*. 2012. № 2. С.52 – 66.
6. Капелюшников Р.Я. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // *Вопросы экономики* 2014. № 7. С.66. – 92.
7. Трофимова И.Н. Качество рабочей силы и национальная конкурентоспособность // *Вопросы статистики*.2009. № 7.С.13 – 21.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Политическая культура, как и политическая идеология, которая должна вводить рационально-ценностный контекст в мотивы политического поведения субъектов, предопределяются той идеологией, которая в практиках повседневности направляет действия личностей и общностей. Сегодня общеизвестный подход Антуана Дестют де Траси [1] к сущности идеологии как науки об идеях представляется просто красивой теоретической конструкцией. Если идеология - наука, то она должна быть «нейтральной» относительно веера ценностей и интересов субъектов социальных интеракций. В актуальной же ситуации наглядно представлена масса примеров того, что и наука как социальный институт в целом не нейтральна относительно разнообразных клановых интересов, и идеология весьма «пристрастна» в условиях борьбы идей и контр-идей, действий и бездействия, декларируемых целевых ориентиров и противоречащих им реалий.

Процесс «крымизации России», который сегодня пока не получил глубокого научного осмысления, позволил многим, с одной стороны, именно по идеологическим параметрам выявить ориентиры самоидентификации, а, с другой стороны, «погрузил» в ощущение неуправляемого хаоса значительную часть россиян, не владеющих навыками анализа, синтеза, оценки событий в условиях идеологического «винегрета».

По данным Левада-Центра, известного научной достоверностью данных, налицо противоречие, подтвержденное индексом социальных настроений и демонстрирующее рост политического оптимизма при сохранении на низком уровне перспективных ожиданий [2]. Думается, присоединение Крыма дало надежду: историческая справедливость возможна, интересы русскоязычного населения, наконец, будут защищаться, а история России была и остается историей великой страны. Однако, в условиях «войны санкций» отсутствие контроля за необоснованным повышением цен, прежде всего, на продукты питания при системных «отголосках» усилившейся борьбы за сферы личных интересов в так называемой «золотой элите», действительно, значительно понизили уровень социального оптимизма. Не исключено, что в результате этих процессов при средней оценке респондентами деятельности нынешнего руководства России в области внешней политики 3,69 (по пятибалльной шкале от «1» – совершенно неудовлетворительная до «5» – очень успешная), эффективность усилий в экономике ассоциировалась с оценкой 2,91, а в социальной сфере – 2,84.

Л. Д. Гудков [3] констатирует, что артикулируемый социологами высокий рейтинг первых лиц государства «совсем не говорит о ... любви и эйфории». «Базовое отношение к власти – дистанцированное и отчужденное отношение, безальтернативное». Параллельно отмечается, что 84% опрошенных «Левада - Центром» россиян уверены, что страна окружена «врагами России». При этом 66% – за налаживание отношений с «Западом». В указанном интервью корреспонденту радиостанции, которую можно считать оппозиционной, известный ученый делает вывод: «Проблема России - это не проблема власти, это проблема общества, проблема сопротивления авторитарному режиму, возможности моральной консолидации. Потому что мораль - это не проблематика правильного, неправильного поведения, не мордобитие и не убийство. Мораль - это идея общего блага и ответственности собственной. Этих представлений нет, потому что люди привыкли выживать в одиночку или в очень малых группах, семье и прочее. Уровень доверия в нашей стране очень низкий при очень высоком уровне агрессии и аутоагрессии».

Не согласимся с уважаемым ученым в одном: представления о личной ответственности в практиках повседневных интеракций имеются, и они очень серьезно меняются сегодня в сторону традиций при активной эксплуатации инноваций: это и новые стратегии обращения к вере, и новые родительские практики повышенной ответственности за будущее детей, начиная с перинатального периода [3], и многое другое.

В связи с этим интересно обратиться к философскому контексту наследия В. Франкла, в котором констатируется, что «у каждого времени свои невроты и каждому времени требуется своя психотерапия» [4, с. 6], а «агрессивные импульсы разрастаются, прежде всего, там, где налицо экзистенциальный вакуум» [4, с. 13]. Под последним ученый подразумевал процесс утраты смысла собственного существования – «смыслоутраты». Смысл же существования оказывается достаточно постижимым понятием: за ним «стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью» [4, с. 9]. Ориентиры преодоления «экзистенциального вакуума» определены и тем, что «в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм)» [4, с. 7].

Далее В. Франкл резюмирует: «Только бодрствующая совесть дает человеку способность сопротивляться, не поддаваться конформизму и не склоняться перед тоталитаризмом. Так или иначе, воспитание больше чем когда-либо становится воспитанием ответственности. А быть ответственным - значит быть селективным, быть избирательным» [5, с. 17].

Однако, ответственность не может бесконечно выстраиваться в одностороннем порядке, иначе будет полностью нейтрализовано осознание смысла и назначения гражданственности, как нравственной позиции, отраженной в чувстве долга. В связи с этим попытки некоторых ученых и даже практиков втянуть нас в дискуссию по поводу известной уваровской формулы «Православие-Самодержавие-Народность», предлагая вернуться «назад – к общине и крепостному строю» представляется весьма опасной. Например, вызывают серьезные сомнения некоторые утверждения В.Д. Зорькина [6] о том, что в советский период развития России «был налицо отчетливый и устойчивый коллективизм, дополненный общинно - государственным патернализмом». Думается, здесь дублируется серьезная ошибка многих исследователей по поводу коллективизма, который искусственно насаждался и только в некоторых случаях (бригадный подряд, например) имел позитивный оттенок. В целом, установка на патернализм государства была обоснованной: когда много отнято (свобода передвижения, свобода слова, экономической активности, социальной памяти семей и пр.), взамен ожидается какая-то отдача, прежде всего, хотя бы в частичном возврате отнятого через социальные блага. Аналогично и с «шоковой терапией» 90-х гг. XX в. Попытка разрушения до основания всего комплекса «советской моральной нормативности и советских представлений о справедливом», в том числе «жесткое и навязчивое разрушение нормативных основ коллективизма и попытки его заменить как новой нормой воинственным и эгоистичным индивидуализмом, не ограниченным никакими взаимными социальными обязательствами» удалась лишь частично.

Коллективизм, если понимать его суть в трактовке В.Д. Зорькина, не мог разрушиться, так как его в нашем понимании и не было. Но были такие аспекты общественного сознания, как совесть, ответственность, гражданственность, стремление «оглядываться» на окружающих, их ценностно-нормативный потенциал и соразмерять свои поступки с ним. Вот здесь, действительно, произошли серьезные трансформации. Они продолжают навязываться через идеологический процесс, который можно было бы назвать идеологией презрения к народу, создающему и сегодня общественные блага. Понятие «справедливость» оказалось вне рамок определения названия стадии развития социума: социализм, пост-капитализм, нео-социализм или что-то иное. В то время, как феномен справедливости как раз и лежит в русле той идеологии, которой нам сегодня не хватает. Именно она могла бы основываться на таких «внеформационных» категориях, как взаимная ответственность власти перед народом и народа перед властью, гражданственность на всех уровнях социальной иерархии, гармоничное сочетание традиций и инноваций.

По мнению В. Франкла, «человек с улицы» ищет и находит смысл своего существования тремя путями. «Во-первых, он может усмотреть смысл в действии, в создании чего-либо. Помимо этого, он видит смысл в том, чтобы переживать что-то, он видит смысл в том, чтобы кого-то любить» [4, с. 18]. Далее ученый постулирует, что даже в ситуации, которая кажется безнадежной, смысл неизбежно будет обретен, но для этого нужны позиция и установка, с

которой человек «встречает свою судьбу, которой он не в состоянии избежать, или изменить. Лишь позиция и установка дают ему возможность продемонстрировать то, на что способен один лишь человек: превращение, преображение страдания в достижение на человеческом уровне».

Обучение преобразению страдания в достижения мы уже во многом прошли. Дело осталось за немногим: за сменой идеологии.

Литература:

1. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. Пер. с фр. Д.А. Ланина М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 334 с.
2. Оценки деятельности руководства страны [электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/30-10-2014/otsenki-deyatelnosti-rukovodstva-strany> (дата обращения: 23.10.2014)
3. Соколов М. Запад – у ворот! [электронный ресурс]. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26652268.html>. (дата обращения 23.10.2014)
4. Филипповская Т.В., Шихова Е.П. Социология перинатальных практик: право на актуализацию // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6-1. С.276-281.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
6. Зорькин В. Суд скорый, правый и равный для всех // Российская газета. № 6492 (220). 2014. 26 сентября.

Филоненко Ю.В.

к.э.н., доцент кафедры экономической теории

Кречетова М.В.

*магистрант кафедры экономической теории
Южный федеральный университет*

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВОСПРИЯТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ БЛАГ

Без применения инноваций невозможно создать конкурентоспособную продукцию, однако потребителям в инновационном процессе незаслуженно отводится весьма пассивная роль. Безусловно, инновационная деятельность основывается на результатах исследования состояния и перспектив развития предприятий в условиях отраслей и региона. Но представляется целесообразным анализ потребительских предпочтений, так как игнорирование реакции потребителей и отсутствие изучения эволюции моделей индивидуального потребительского поведения, «со стороны спроса» может нивелировать эффект от внедрения инноваций предпринимателями. Такое предложение основывается на том факте, что в начале жизненного цикла совершенно нового продукта на него не может быть спроса в традиционном экономическом понимании, т.е. в смысле взаимосвязи между потребляемым количеством и ценой или между ценой и характеристиками продукта. И. Шумпетер утверждает, что в этих условиях роль производителей заключается в создании новых благ и обучении потребителей пользованию ими [1, с. 23]. Таким образом, конкурентоспособность предприятия, связанная с повышением предпочтительности товаров, работ или услуг этого предприятия по сравнению с другими производителями, должна основываться, помимо прочих важных условий (качество, цена и т.д.) на повышении объема знаний, которыми должны обладать потребители для понимания свойств предлагаемых благ, и повышении объема знаний о минимальном уровне эффективности, новых благ для того, чтоб начался процесс потребления.

В связи с этим нами был проведен социологический опрос 315 потребителей - представителей разных социально-демографических групп населения г. Ростова-на-Дону: каждый третий респондент – активная молодежь, учащиеся, студенты (16-25 лет), пятая часть (20%) опрошенных - молодые семьи или одиноко проживающие работающие (26-35 лет). Люди среднего возраста (36-45 лет) и имеющие взрослых детей и/или внуков (46-60 лет) ответили на вопросы анкеты в равных долях (18%). пенсионеры и респонденты

предпенсионного возраста составили 12% опрошенных. Целью опроса стала фиксация восприимчивости и узнаваемости новации на потребительском рынке, выявления потребительских предпочтений и определения потенциала знаний о системах добровольной сертификации. В анализе иерархии важности цены покупки и соотношения параметров «цена-качество» были получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1. Оценка важности респондентами соотношения цены и качества

<i>Вариант ответов</i>	<i>в % к итогу</i>
Выбор продукта осуществляю только по цене	7
Продукт выбираю по адекватному соотношению «цена-качество»	83
При выборе продукта внимание обращаю на качество, цена не имеет значения	10
Итого	100

Выбор самого распространенного ответа в вопросе о степени важности цены и соотношении цены и качества был очевиден - 83% респондентов выбрали вариант, сочетающий внимание как к цене продукта, так и к его качеству и было замечено, что в этом вопросе у разных типов потребителей наблюдается симметрия мнений. Только каждый десятый респондент основным критерием выбрал качество без внимания к цене продукта и еще меньшее количество респондентов обращают внимание только на цену. При этом мотиву выбора товаров и услуг только по цене следуют 7% респондентов, все из которых относятся к когорте студентов, несмотря на распространенное мнение о том, что в силу высокой социальной уязвимости и рисков малообеспеченности пенсионеры обращают внимание в первую очередь на цену товаров. Однако, по нашему мнению, ориентация на качество приобретаемых товаров даже по более высокой цене у пенсионеров объясняется большим, нежели у молодежи, потребительским опытом, четким представлением о своих потребностях и большим вниманием к своему здоровью.

Дальнейший интерес представляет анализ корреляции такого мотива выбора товаров и услуг, как качество (при принятии во внимание цены) и акцентирование потребительского внимания на дополнительных характеристиках товаров, таких как добровольные сертификаты, обеспечивающие и подтверждающие качество продукта. К таким добровольным системам сертификации относятся ISO – добровольные соглашения Международной организации по стандартизации, определяющие характеристики продукции и услуг, в том числе ISO 9000 - международные стандарты по отношению к системе менеджмента качества организаций и предприятий, система добровольной сертификации продукции Ростест-Качество и др. Сопоставление показало, что в большинстве анкет при декларировании потребителем его внимания к качеству он обращает внимание на дополнительные характеристики продукта «периодически» (84%). Он не готов заплатить более высокую цену за продукт, работу или услугу, качество которых подтверждено дополнительными сертификатами. Обращает на себя внимание тот факт, что вариант «никогда» не был выбран ни одним из респондентов, а вариант «редко» - только в 5% случаев, что свидетельствует о наличии потребительской культуры и потребительских знаний.

Следующий шаг исследования дал представления о готовности потребителя к восприятию инновационного продукта, обладающего более высокой ценой, и готовности понести дополнительные затраты на приобретение такого продукта. В ответе на вопрос «*Готовы ли Вы заплатить более высокую цену за продукт, работу или услугу, качество которых подтверждено дополнительными сертификатами, обеспечивающими более высокое качество?*» каждый третий респондент отметил свою готовность. Каждый четвертый оказался не готов к этому, выбирая следующие варианты: «производитель должен снижать издержки и вести политику снижения цен» и «производитель должен внедрять инновации, обеспечивающие повышение качества продуктов, но должен сам нести издержки по внедрению». И, наконец, достаточно весомая часть респондентов (20%) затруднились определить свою позицию, 22 респондента достаточно резко высказались, что не доверяют никаким сертификатам. У каждого пятого респондента совпали позиции внимательного отношения к дополнительным характеристикам продукта, готовностью заплатить более высокую цену за продукт, работу или услугу, чье качество подтверждено дополнительными сертификатами.

Следующий блок вопросов позволяет сделать выводы о представлениях потребителей о стандартах ISO, системе менеджмента качества, системе управления качеством пищевых продуктов на основе принципов HACCP. Респонденты продемонстрировали наибольшее знание об ISO – о ней осведомлены 37% опрошенных. Меньшее число респондентов – 17% осведомлены о системе менеджмента качества управления предприятием и, наконец, 18 респондентов (5,7%) знают или слышали о HACCP. 40% не обладали знаниями о подобных системах. Полученные данные свидетельствуют о небольшом потенциале специальных знаний о приобретаемых товарах и услугах рядового потребителя. Это в целом обуславливает недостатки любых закупок независимо от их вида - государственные, корпоративные или частные - покупатель всегда знает о товаре меньше, чем продавец. Тем самым подтверждается мнение о необходимости включения потребителя в процесс получения новых знаний, процесс научения и обучения пользованию благом, понимаемое как процесс изменения знаний, отношений или поведения потребителей и необходимости процесса тиражирования потребительских паттернов. Это подтверждает вывод П. Холла о том, что «в случае, когда происходят радикальные инновации, потребители и пользователи не до конца осознают свойства и направления использования новых благ» [2, р. 8]. В таком случае перед производителем возникает необходимость преодоления препятствий на пути потенциальных потребителей его товары и услуг, связанных с восприятием новых благ и их новых свойств. П. Савиотти отмечает, что «каким бы путем ни приобретались знания, формирование спроса происходит постепенно и требует процесса обучения. Чем больше степень новизны продукта, тем меньше потенциальный потребитель будет способен оценить, насколько полезным он окажется» [3, с. 74].

Таким образом, усредненный потребительский тип поведения, выявленный в исследовании, демонстрирует периодическое внимание к дополнительным характеристикам продукта, испытывает некоторые колебания по поводу готовности нести дополнительные расходы по приобретению улучшенного товара или услуги. Части потребителей неизвестны стандарты добровольной сертификации, той части, а трети опрошенных, которым известен сам факт существования систем добровольной сертификации, неизвестны преимущества, которые они предоставляют для потребителей. Однако осведомленные о дополнительных характеристиках товаров и услуг потребители связывают их с повышенными конкурентными преимуществами и готовы к восприятию информации об инновационных благах с повышенными потребительскими характеристиками. Анализ информации о поведении потребителей способствует осуществлению эффективной организации, управлению и контролю на производстве и в сфере услуг для современного предпринимателя, внедряющего инновации.

Литература:

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Директ-Медиа, 2007.
2. Hall, P. Innovation, Economics and Evolution: Theoretical Perspectives on Changing Technology in Economic Systems, Harvester Wheatsheaf, Hertfordshire, London, 1994.
3. Савиотти П. Разнообразие, рост и спрос / Рост потребления и фактор разнообразия. М.: Дело, 2007.

Целищева Е.Ф.
старший преподаватель кафедры экономики и управления
Антыгина К.В.
студентка
Уральский институт управления - филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА УСЛУГ УЧРЕЖДЕНИЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Качество образования в детских школах искусств играет важную роль в развитии дополнительного образования. На протяжении ряда лет специфика деятельности детских школ искусств не была отражена в законодательстве об образовании. Лишь в 2011 году в результате изменений, внесенных в Закон РФ «Об образовании в РФ» детские школы искусств получили правовой статус, в большей степени соответствующий их предназначению.

Основная миссия детских школ искусств – реализация образовательного процесса в сфере искусства на уровне общеобразовательных предпрофессиональных программ и дополнительных программ художественно-эстетической направленности. Принципы развивающего обучения и воспитания, используемые в школах, призваны воспитывать как грамотных музыкантов-любителей, так и профессионалов, дать им навыки творческого подхода к любой деятельности, развить возможность практически реализовать творческие способности и потребности самовыражения.

Для эффективного контроля над состоянием и функционированием образовательных учреждений в сфере культуры, для своевременного выявления и анализа происходящих изменений, предупреждения негативных тенденций необходим регулярный сбор информации об деятельности и результатах деятельности учреждений (образовательной, творческой, финансово-хозяйственной, материально-технической).

В образовании качество обычно рассматривается не только как результат деятельности, но и как процесс, направленный на достижение запланированных результатов с учетом внутреннего потенциала и внешних условий объекта. В связи с этим, говоря о содержании термина «качество образования», всегда следует проводить четкую грань между процессом и результатом, дифференцируя уровни образования и разграничивая требования к качеству со стороны потребителей и заказчиков образовательных услуг.

При оценке качества образовательных услуг детских школ искусств нужно учитывать так же, что потребителем данной услуги является не один субъект. Качество может оцениваться с различных сторон с точки зрения различных потребителей и на основе разных показателей. Детям необходимо чтобы обучение проходило интересно, а педагоги относились к ним по-доброму, чаще хвалили.

Родители, законные представители интересов детей, приводят ребенка в школу не только научить игре на инструменте, развить вокальные или хореографические данные, но приобрести еще знания и навыки по культуре и этике, чтобы их ребенок чувствовал себя более значимым в социокультурном пространстве. Для них важны помимо качества самой услуги, организация ее оказания, материально-техническое и кадровое обеспечение школы, немаловажным фактором является близость расположения школы к дому или общеобразовательному учреждению.

Органами государственной власти и местного самоуправления применяются показатели, характеризующие, скорее, технические параметры услуги и процедуры ее оказания, нежели субъективная оценка степени удовлетворения потребностей населения. Показатели качества услуг с точки зрения данной группы заинтересованных потребителей зафиксированы в стандартах, нормах, правилах. Определенной разновидностью стандартов являются федеральные государственные требования (далее ФГТ), в которых зафиксированы требования ко всему и сразу.

Для оценки качества и доступности услуг могут также применяться различные методы самооценки – позиция руководства школы и педагогов. В настоящий момент показатели проведения самооценки зафиксированы в Приказе Минобрнауки от 10.12.2013, там же описана процедура проведения самооценки качества, включающая оценку процесса, результата и организационно-методических условий оказания услуги. При самообследовании анализируются две группы показателей – образовательная деятельность и инфраструктура.

В первой группе, например, перечислены показатели по численности учащихся, их удельному весу по тем или иным параметрам, численность педагогов и т.п. Во второй группе идет речь о компьютерах, помещениях, документообороте, библиотеке и др. Основной целью самообследования является выявление и реализация резервов по повышению качества и эффективности процесса образовательной деятельности и развитию учебного заведения в целом, что помогает сделать процесс оказания образовательных услуг более качественным, своевременным и надежным.

При введении дополнительных предпрофессиональных образовательных программ в сфере искусства Детские школы искусств выступают как бы «поставщиком» материала, с которым в дальнейшем придется работать учреждениям профессионального образования (среднего профессионального и высшего профессионального). Соответственно, необходимо ориентироваться на требования указанных учреждений.

Общество является косвенным субъектом – потребителем услуг дополнительного образования детей. Обществу нужно, чтобы дети просто были заняты, следствием чего были бы низкая преступность среди молодежи, меньше алко – табако – и наркозависимых несовершеннолетних детей, чтоб воспитанными были, просвещенными, социально и культурно развитыми. Ожидания общества тесно переплетаются с требованиями к качеству услуг образования с родителями обучающихся детей.

Таким образом, создается целая система субъектов, влияющих на процесс и результат деятельности детских школ искусств, где каждый выдвигает свои требования к качеству предоставляемых услуг образования.

Органами государственной власти и местного самоуправления применяются показатели, которые определяют технические параметры услуги и процедуры ее оказания. Показатели качества услуг в этом случае зафиксированы в стандартах, нормах, правилах. Муниципальное задание, содержит также свои критерии качества: доля обучающихся, принявших участие в смотрах, конкурсах, фестивалях, других творческих мероприятиях, доля обучающихся, занявших призовые места, сохранность контингента обучающихся, доля педагогических работников, аттестованных на высшую и первую квалификационные категории, укомплектованность учреждения педагогическими кадрами.

В обязательном порядке детские школы должны предоставлять множество отчетов о своей деятельности. Более того, разные потребители выдвигают свои требования к качеству образовательных услуг школ. Требования выдвигаются как к процессам деятельности, обеспечению бизнес - процессов, так и к результатам услуг. При анализе тех норм, правил, в том числе ФГТ можно сделать вывод о том, что все внимание уделяется обеспечению таких составляющих как образовательная деятельность, система управления, материально-техническая база, финансовое обеспечение, кадровый состав работников, но нет отражения диалога между потребителями услуг: нет отражения ориентации на ключевого потребителя – детей и их родителей. Учитываются только те параметры, которые необходимы для удовлетворения запросов государства, для того чтобы выполнить определенные заранее установленные планы.

Руководство учреждений и педагоги вынуждены уделять много времени и внимания формальностям и техническим стандартам вместо того, чтобы совершенствовать сам процесс оказания услуг на деле, а не на бумаге. Само количество показателей продолжает необоснованно расти, что мешает самим школам дополнительного образования сосредоточиться на процессе оказания качественных услуг в сфере культуры. Показатели необходимо оптимизировать, соединить воедино таким образом, чтобы они были направлены на ожидаемые результаты деятельности школ.

Показатели необходимы не просто для регулярной отчетности, не просто чтобы показать «фотографию дня», что школы имеют на сегодняшний день, они необходимы для принятия мер по улучшению качества услуг для удовлетворения всех потребителей, особенно ключевых – родителей и их детей и дальнейшего развития.

Литература:

1. Об утверждении показателей деятельности образовательной организации, подлежащей самообследованию: Приказ Минобрнауки России от 10.12.2013 N 1324 // Российская газета, N 38, 19.02.2014.

2. Концепция развития дополнительного образования детей: распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 №1726-р // Собрание законодательства РФ, 15.09.2014, №37, ст.4983.

3. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2008 (ред от 08.09.2010) №1244-р // Собрание законодательства РФ, 01.09.2008, №35. Ст.4069.

Целищева Е.Ф.

*старший преподаватель
кафедры экономики и управления*

Малютина Л.С.

*старший преподаватель
кафедры экономики и управления*

Уральский институт управления - филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА НА ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ С ПЕДАГОГАМИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА

В последнее время на всех уровнях власти проводится политика по повышению заработной платы работников бюджетной сферы. Сфера дополнительного образования детей – не исключение.

В целом в системе финансирования дополнительного образования детей складываются достаточно благоприятные тенденции, средняя заработная плата педагогов увеличивается. Дальнейшее повышение оплаты труда в социальной сфере планируется осуществлять на основе внедрения эффективного контракта.

Система оплаты труда педагогических работников учреждений культуры города Екатеринбурга включает три составляющие: вознаграждение за выполнение своих должностных обязанностей, установленных в виде оклада, а также надбавок за квалификационную категорию; компенсационные выплаты (связанные, например, с повышением интенсивности нагрузки, сверхурочными работами, условиями труда и т.п.); стимулирующие выплаты в зависимости от достигнутых показателей эффективности.

Для сложившейся системы оплаты труда характерны недостатки. Во-первых, есть проблемы в области первой составляющей – оклады педагогических работников малы, а между тем, именно они должны определять базовую, основную часть оплаты труда. Во-вторых, компенсационные выплаты (второй компонент системы оплаты труда) не связаны с работой педагога в сверхурочное время, неравномерным распределением нагрузки в течении учебного года, а являются, скорее, неотъемлемой частью заработной платы (как, например, «уральский коэффициент»). Третий компонент фонда оплаты труда – стимулирующие выплаты - слабо связан с эффективностью деятельности работника, распределяется в большинстве учреждений на основе субъективных оценок и не основан на прозрачной и всем понятной формуле расчета.

Введение эффективного контракта не предполагает кардинальных изменений системы оплаты труда педагогов. Оно связано с совершенствованием отношений по поводу третьего компонента системы оплаты труда – стимулирующих выплат - и отражает стремление отойти от практики распределения стимулирующих выплат, устанавливаемых без учета эффективности деятельности работников.

Введение эффективного контракта не решает проблему низких окладов педагогов. Более того, в дальнейшем могут усугубиться проблемы нерационального соотношения гарантированной части заработной платы (оклада) и стимулирующих надбавок.

Эффективный контракт может заключаться как с работником, так и с руководителем учреждения. В нашем исследовании мы уделили особое внимание проблеме введения эффективного контракта с работниками – педагогами образовательных учреждений культуры. И постарались выделить проблемы, с которыми сталкиваются (или могут столкнуться) руководители учреждений при разработке и введении эффективных контрактов с педагогами.

Первая проблема – разработка показателей эффективности работника. На основе методических рекомендаций Минкультуры России «по взаимоувязке системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального уровня до конкретного учреждения и работника» необходимо трансформировать показатели эффективности учреждений в показатели эффективности отдельных работников и зафиксировать эти показатели в эффективном контракте. При этом в перечне показателей эффективности педагога, на наш взгляд, не должно быть показателей, отражающих прямые должностные обязанности, за добросовестное выполнение которых предусмотрен оклад. Таким образом, после дезагрегирования показателей есть смысл провести их критический анализ и «отсеять» те, которые связаны с должностными обязанностями.

Достаточно часто в показателях проекта эффективного контракта можно встретить стаж работы по специальности. Мы считаем, что стаж работы по специальности не является показателем, зависящим от усилий педагога и не отражает эффективность.

В погоне за максимально исчерпывающим перечнем показателей эффективности педагога есть риск потерять инициативу, творческий подход. Педагоги не будут заинтересованы в самореализации по тем направлениям, которые не предусмотрены в эффективном контракте. В этом смысле контракт может стать неким образцом или стандартом, который тормозит прогресс и инновации в учреждениях.

Вторая проблема – определение уровня значимости показателей эффективности, установление за достижение показателей адекватного количества баллов. Здесь важно понимать за что присваивается балл – за достижение показателя или за его улучшение в динамике. На наш взгляд, особое внимание должно уделяться не тому, сколько баллов набрал работник, а тому, как будут в дальнейшем набранные баллы изменяться, какова будет их динамика (положительная или отрицательная). Очень часто в показателях эффективности педагогов учреждений дополнительного образования детей используются показатели подготовки лауреатов конкурсов. При этом, для подготовки лауреатов международных и всероссийских конкурсов устанавливается более высокое количество баллов, нежели для подготовки к региональным и городским конкурсам. Однако, с точки зрения работника такая градация может показаться несправедливой, так как объем затраченных педагогом усилий не всегда зависит от уровня проводимого конкурса.

Третья проблема - мониторинг набранных педагогами баллов и поощрение за повышение эффективности. Несомненно, объем бумажной работы при этом увеличится в разы. Но возможно рассмотреть вопрос об автоматизации подсчета и анализа динамики набранных баллов. По аналогии в коммерческой сфере внедрение систем оценок KPI в большинстве случаев предполагает использование специализированного программного обеспечения.

Четвертая проблема связана с распределением фонда стимулирующих надбавок таким образом, чтобы это повышало заинтересованность работника в улучшении своих результатов. Здесь возможны три различных подхода.

Первый подход предполагает фиксацию в эффективном контракте различных сумм единовременных вознаграждений за достижение отдельных показателей эффективности. Например, единовременная выплата в конкретном размере за организацию школьного концерта. При использовании первого подхода возникает риск превышения или недоиспользования в полной мере фонда стимулирующих выплат.

Второй подход предполагает ориентацию на полное распределение фонда стимулирующих выплат между всеми педагогами учреждения, но в разной степени – в зависимости от эффективности каждого педагога. Алгоритм распределения фонда стимулирующих выплат будет следующий. Сначала рассчитывается количество баллов, набранных каждым работником, а затем баллы суммируются по всем работникам учреждения. Сумма баллов принимается за 100% и приравнивается к фонду стимулирующих выплат. Далее, в зависимости от того какая доля баллов приходится на каждого работника определяется доля фонда стимулирующих выплат, которая будет начислена работнику.

Третий подход – смешанный, предполагает сочетание первого и второго подходов.

Пятая проблема. При введении эффективного контракта особенно важной задачей становится сохранение и увеличение заработной платы педагогов в рамках программы развития сферы культуры и реализации серии Указов Президента РФ, направленных на повышение эффективности социальной сферы. Именно поэтому важно осуществлять

предварительный расчет последствий введения эффективного контракта с педагогами учреждения, а также вести непрерывный мониторинг динамики средней заработной платы после введения контракта. Целесообразно рассмотреть вопрос о ведении мониторинга по заработной плате отдельных групп (например, молодых педагогов), чтобы не допустить снижения уровня доходов отдельных работников и избежать оттока кадров.

Проблема шестая. Негативным последствием введения эффективного контракта может также стать увеличение дифференциации размера стимулирующих надбавок у педагогов. В таком случае эффективный контракт может превратиться в «неэффективный». Любые изменения должны происходить постепенно, они не должны изменять сложившуюся систему мотивации работников.

Для решения этой проблемы можно организовать постепенный переход к эффективному контракту – до 2018 года. Например, в 2015 году можно предусмотреть распределение не всего, а только 70% фонда стимулирующих выплат в соответствии с набранными педагогами баллами на основе второго подхода, описанного ранее. Оставшиеся 30% фонда стимулирующих выплат направить на распределение средств в пользу тех работников, которые набрали баллов меньше среднего (по системе «дотягивания» до среднего уровня заработной платы). Далее, на 2016 год предусмотреть распределение фонда стимулирующих выплат в соотношении 80/20, а на 2017 год 90/10. И лишь с 2018 года перейти на 100% применение эффективного контракта.

Такой «переходный период» благоприятно скажется на развитии трудовых отношений, позволит руководителям учреждений апробировать и скорректировать (в случае необходимости) систему показателей эффективности.

Перед внедрением эффективного контракта нужно провести беседу с педагогами, объяснить суть нововведений, создать целевые установки на достижение показателей эффективности учреждения, на ориентацию педагога на достижение/улучшение личных показателей, создать понимание что дальнейшее повышение заработной платы педагога зависит от его стремления улучшить качество и результативность своей деятельности. В течение переходного периода до 2018 года можно разработать с каждым педагогом (и реализовать) индивидуальный план улучшения показателей эффективности.

Литература:

1. Методические рекомендации по взаимосвязке системы отраслевых показателей эффективности деятельности в сфере культуры от федерального уровня до конкретного учреждения и работника: письмо Министерства культуры РФ от 05.08.2014 №166-01-39/04-НМ // Документ опубликован не был

2. Методические рекомендации по разработке органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных учреждений культуры, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников: приказ Минкультуры России от 28.06.2013 №920 // Документ опубликован не был.

3. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры»: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 №2606-р (ред. от 30.04.2014) / Собрание законодательства РФ, 14.01.2013, №2, ст.137.

4. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг: распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 №2190-р // Собрание законодательства РФ. 03.12.12, №49, ст. 6909.

5. Рекомендации по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта // Ваше право, №16, 2013.

Целищева Е.Ф.
*старший преподаватель кафедры
экономики и управления*

Соколова Ю.А.
студентка

Иванова К.С.
студентка

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В органах власти часто звучит мнение о необходимости привлечения молодежи в образовательные учреждения культуры, необходимости обновления и омоложения кадров учреждений. Многие выпускники профессиональных учреждений в сфере культуры не желают связывать свою профессиональную деятельность с преподаванием. Это обусловлено непривлекательностью сферы образования, низким уровнем оплаты труда. Для повышения привлекательности сферы дополнительного образования для молодых педагогов необходимо осуществлять мониторинг мотивации и «настраивать» систему стимулирования в соответствии с изменяющимися потребностями молодых специалистов.

В апреле 2014 года было проведено анкетирование педагогов учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры Чкаловского района города Екатеринбурга. Особое внимание было уделено исследованию влияния молодых педагогов на качество образовательных услуг.

Оказалось, что доля молодых педагогов в возрасте до 35 лет составила треть от опрошенных педагогов (36%). В основном это люди в возрасте от 25 до 29 лет.

Молодые педагоги открыты к инновациям, быстро учатся, занимают активную позицию. Именно молодежи принадлежит ведущая роль в модернизации образовательных процессов. Об использовании инновационных технологий в работе заявили 89% опрошенных (66% используют их всегда, остальные иногда). Среди применяемых инноваций, в основном речь идет о новых методических подходах, использовании мультимедиа-технологий, подготовке учеников к концертам, выставкам. Активно используются молодыми педагогами на занятиях различные наглядно-иллюстративные материалы. Особую роль в инновациях играет использование компьютерных технологий.

Информационные/компьютерные технологии используют 94% опрошенных молодых педагогов. Варианты ответов часто, всегда выбрали более 2/3 – 69%. В основном компьютерные технологии используются для демонстрации нового материала (электронные презентации, фильмы) – 69% опрошенных. Но также молодые педагоги активно используют компьютерные технологии для организации творческого процесса (компьютерная графика, компьютерная музыка, аранжировка на ПК и др.) – указали 50% опрошенных.

Молодежь уделяет много внимания изучению литературы по профессиональным вопросам, повышает уровень своих знаний. Однако, мало внимания уделяется литературе по педагогическим вопросам. Из результатов анкетирования было выявлено, что только 19% интересующихся педагогической литературой. Стремление повысить уровень своего профессионального мастерства – это немаловажно, и естественно для молодых педагогов, но нужно уделять больше времени проблеме передачи знаний, изучать литературу по методике преподавания, возрастной психологии и педагогике, психологии детей. В учреждениях профессионального образования в сфере культуры наблюдается аналогичная проблема – недостаточное внимание проблемам педагогики и психологии, акцент на профессиональную подготовку.

Для повышения привлекательности отрасли дополнительного образования для молодых специалистов необходимо осуществлять меры поддержки как на уровне органов власти, так и на уровне учреждений. Для молодых педагогов важны как материальные, так и нематериальные формы поддержки.

Молодежь является особой социальной группой. Она в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, которые выгодно отличают её от других групп населения.

Однако, в то же время, молодежи приходится социализироваться, находить свой жизненный путь.. Молодые педагоги являются наиболее уязвимой социальной группой. Профессиональное становление молодежи происходит одновременно с формированием финансовой самостоятельности, необходимости решения жилищных вопросов и создания собственной семьи. Именно поэтому им необходимы меры особой поддержки. Поддержка должна быть как материальной, так и нематериальной.

Наиболее важной проблемой, на наш взгляд является то, что в законодательстве не получило закрепление понятие «молодой педагог», нет критериев для определения этой социальной группы. А, следовательно, не ясно, по отношению к кому должны применяться меры поддержки. Мы предполагаем, что к категории молодых педагогов должны относиться те, кто не достиг 35-летнего возраста и стаж педагогической деятельности в учреждениях культуры не превышает 10 лет.

Для привлечения молодежи на государственном и муниципальном уровне принимаются меры материального стимулирования, связанные с увеличением уровня средней заработной платы в отрасли, субсидированием процентных ставок по ипотеке, предусмотрены единовременные стимулирующие выплаты выпускникам профессиональных учреждений при трудоустройстве в учреждения дополнительного образования детей.

В настоящее время происходит модернизация системы материального стимулирования в учреждениях дополнительного образования, внедряется эффективный контракт. Несомненно, что эффективный контракт повысит ориентацию работников на результат и качество. Однако уже сейчас необходимо разработать форму и ввести в практику систему непрерывного мониторинга уровня заработной платы молодых педагогов образовательных учреждений культуры. Так как на практике может возникнуть риск снижения уровня оплаты труда в результате введения эффективного контракта.

Анкетирование показало, что молодые педагоги не всегда верно понимают ориентиры, показатели эффективности деятельности школ. Есть риск, что они будут ориентироваться на те показатели, которые не получают отражение в эффективных контрактах. Около 30% опрошенных считают показателем эффективности деятельности школ – участие в конкурсах, выставках, фестивалях, концертах. Лишь два человека указали в качестве показателей эффективности школы – не просто участие, а высокие результаты учащихся и педагогов в конкурсах. Остальные опрошенные в качестве показателей эффективности указывали интерес детей к учебе, выполнение домашних заданий, успеваемость учащихся, проведение внутришкольных концертов и соревнований, научных конференций. Для того чтобы улучшить показатели эффективности работы школ, необходимо разработать индивидуальный план улучшения личных показателей эффективности педагогов, проводить постоянную работу с молодыми кадрами, делать так, чтобы активность молодых педагогов шла на пользу как школе, так и самому педагогу.

К мерам нематериального стимулирования молодых работников можно отнести школу молодых педагогов, конкурсы профессионального мастерства, в которых есть номинации для молодых педагогов. Основные меры нематериального стимулирования осуществляются на уровне учреждений-работодателей. В учреждениях г.Екатеринбурга активно применяется:

- наставничество (при этом, для наставников должна быть введена система стимулирования, повышения заинтересованности в том, чтобы делиться своими знаниями и опытом работы);
- поощрение участия в конкурсах, концертах для творческой самореализации;
- проектирование собственных творческих мероприятий, реализация авторских проектов.

Молодые педагоги – это выпускники профессиональных учебных заведений. Учреждения профессионального образования, с одной стороны, являются поставщиком кадров для детских школ искусств, музыкальных и художественных школ. С другой стороны, школы выступают как бы «поставщиком» материала, с которым в дальнейшем придется работать учреждениям профессионального образования (среднего профессионального и высшего профессионального). Именно поэтому школы и профессиональные учебные заведения должны взаимодействовать постоянно. Они обеспечивают непрерывность процесса образования. Должны проводиться круглые столы с целью уточнения требований к качеству образования, результатов образовательной деятельности.

Молодые педагоги играют важную роль в профессиональной ориентации учащихся. В силу небольшой разницы в возрасте учащиеся чаще прислушиваются к их мнению. Тем не менее, анкетирование педагогов показало, что они слабо проводят работу по профессиональной ориентации учащихся. Многие из опрошенных затруднились ответить на вопрос о том, какие формы профориентации они используют, четверть опрошенных воспринимают участие в концертах, выставках, конкурсах как основной вид профориентационной работы, менее одной пятой проводят беседы с учащимися.

Мы предлагаем повышать привлекательность отрасли дополнительного образования для молодых педагогов за счет развития мер как материального и нематериального стимулирования. Необходимо уточнить в законодательстве понятие «молодого педагога» и осуществлять мониторинг уровня средней заработной платы молодых педагогов в период модернизации системы оплаты труда учреждений для того чтобы предотвратить негативные последствия.

Литература:

1. Государственная программа РФ «Развитие образования на 2013-2020 гг»: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №295 // Собрание законодательства РФ, 28.04.2014, №17, ст.2058.

2. Концепция развития дополнительного образования детей: распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 №1726-р // Собрание законодательства РФ, 15.09.2014, №37, ст.4983.

3. Концепция развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008-2015 гг: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2008 (ред от 08.09.2010) №1244-р // Собрание законодательства РФ, 01.09.2008, №35. Ст.4069.

4. План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры»: распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 №2606-р (ред. от 30.04.2014) / Собрание законодательства РФ, 14.01.2013, №2, ст.137.

5. Целищева Е.Ф. Анализ эффективности бюджетных расходов муниципальных учреждений // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. №14. С.40-50.

Чевтаева Н.Г.

*Уральский институт управления – филиал РАНХиГС
зав кафедрой управления персоналом
д.с.н., профессор*

Егунов Э.В.

*Тюменский филиал РАНХиГС
Преподаватель*

АНАЛИЗ СИТУАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Занятость – это общественно - полезная деятельность граждан, приносящая трудовой доход. Гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному, творческому труду. Соотношение своих желаний и возможностей с информацией о рынке труда повышает шансы на будущую трудовую занятость, а впоследствии и профессиональную карьеру. Рынок труда - совокупность производственных отношений между работниками, нанимателями и государством по поводу реализации прав граждан на труд [1].

В государственной программе «Содействие занятости населения» на 2013 – 2020 годы, разработанной Министерством труда РФ, определены правовые, экономические и социальные условия, способствующие эффективному развитию рынка труда в РФ. В субъектах РФ, в частности, на территории Свердловской области Постановление Правительства области от 21.10.2013 N 1272-ПП утверждена государственной программы Свердловской области "Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 года" [2].

В соответствии с возложенными на него полномочиями, Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области проводит мониторинг основных показателей рынка труда:

- еженедельный мониторинг увольнения работников как массовых, так и без учета массовых, введения режима неполной занятости;
- ежемесячный мониторинг просроченной задолженности по выплате заработной платы;
- ежеквартальный мониторинг регистрации коллективных договоров и соглашений о социальном партнерстве;
- мониторинг полноты и качества предоставления государственных услуг в сфере занятости населения;
- мониторинг реализации государственной программы «Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 года» в еженедельном, ежемесячном и ежеквартальном режиме.

Остановимся на анализе основных показателей рынка труда в Свердловской области [3]. Данные, представленные в таблице 1, показывают, что уровень регистрируемой безработицы в Свердловской области находится на уровне всероссийской, но несколько выше, чем в Уральском федеральном округе.

Таблица 1. Динамика основных показателей рынка труда в Свердловской области в сравнении с Российской Федерацией и Уральским федеральным округом

	Численность безработных, тыс. чел.			Уровень регистрируемой безработицы, %			Коэффициент напряженности, ед.		
	01.01.13	01.01.14	01.09.14	01.01.13	01.01.14	01.09.14	01.01.13	01.01.14	01.09.14
РФ	1017,2	917,7	835,6	1,3	1,2	1,1	0,9	0,8	0,5
УРФО	78,4	76,1	64,8	1,2	1,1	0,99	0,8	0,7	0,7
Свердловская область	30,7	27,1	26,3	1,29	1,18	1,14	1,0	0,9	0,6

Анализируя проблемы рынка труда Свердловской области, можно выделить ряд наиболее острых из них:

- сокращение трудовых ресурсов, а именно сокращение численности населения трудоспособного возраста;
- территориальная несбалансированность трудовых ресурсов;
- несоответствие структуры профессионального образования актуальным и перспективным потребностям рынка труда по квалификационному уровню и профессиональной структуре;
- дифференциация ситуации на локальных рынках труда.

Проводя сравнительный анализ муниципальных образований по основным показателям рынка труда, можно выделить как наиболее проблемные (таблица 2), так и наиболее благополучные муниципальные образования (таблица 3).

О проблеме несбалансированности трудовых ресурсов свидетельствует и сравнительный анализ коэффициента напряженности в различных муниципальных образованиях области. Наибольший дисбаланс в соотношении незанятых граждан на количество вакансий наблюдается в следующих муниципальных образованиях (таблица 4).

Таблица 2. Муниципальные образования, имеющие *наибольший* уровень регистрируемой безработицы на 01.09.2014

Муниципальное образование	%
Таборинский муниципальный район	5,86
Гаринский городской округ	4,88
Сосьвинский городской округ	4,67
Шалинский городской округ	4,04
Новолялинский городской округ	3,46
Байкаловский муниципальный район	3,36
Ирбитское муниципальное образование	3,08

Таблица 3. Муниципальные образования, имеющие *наименьший* уровень регистрируемой безработицы на 01.09.2014

Муниципальное образование	%
Муниципальное образование «поселок Уральский» (зарегистрировано 4 безработных гражданина) и городской округ ЗАТО Свободный	0,31
Городской округ Рефтинский	0,43
Городской округ Ревда	0,48
Муниципальное образование «город Екатеринбург»	0,49
Город Нижний Тагил	0,50

Таблица 4. Муниципальные образования с *наибольшим* значением коэффициента напряженности на 01.09.2014

Муниципальное образование	Незанятых граждан на одну вакансию, ед
Городской округ Верх-Нейвинский (30 незанятых граждан на 0 вакансий)	30,0
Волчанский городской округ (164 незанятых гражданина на 6 вакансий)	27,3
Гаринский городской округ	12,4
Махневское муниципальное образование	12,0
Бисертский городской округ	8,3
Новолялинский городской округ	8,1
Ачитский городской округ	8,0

Более благополучную картину мы наблюдаем в муниципальных образованиях с наименьшим значением коэффициента напряженности (таб.5).

Таблица 5. Муниципальные образования с наименьшим значением коэффициента напряженности на 01.09.2014

Муниципальное образование	Незанятых граждан на одну вакансию, ед
МО «город Екатеринбург» и городской округ Рефтинский	0,2
Городской округ Ревда	0,3
Арамильский городской округ и городской округ Заречный	0,4
Белоярский, Верхнесалдинский городские округа и городской округ Верхнее Дуброво	0,5
Сысертский городской округ	0,6

Обострение ситуации на рынке труда в отдельных муниципальных образованиях связано с двумя факторами:

а) с увольнением работников ряда организаций (ООО «СУАЛ-Кремний-Урал»; ОАО «Уральский алюминиевый завод» «УАЗ»; ОАО «Каменск-Уральский завод по обработке цветных металлов»; ООО «СУАЛ-ПМ-Краснотурьинск»; ОАО «Богословский Алюминиевый Завод»; ЗАО «Верхнесинячихинский лесохимзавод»; ОАО «Серовский завод ферросплавов»; ОАО «Нижнетагильский Metallургический Комбинат»; ОАО «Высокогорский горно-обогатительный комбинат»; ОАО «Уральский электрохимический комбинат»; ООО «УЭК-ТЕЛЕКОМ»; ОАО «Уральский Асбестовый горно-обогатительный комбинат»; ОАО «Уральский завод химического машиностроения»;

б) с введением режима неполной занятости для наибольшей численности работников на ряде предприятий. ОАО «Ураласбест» (Асбестовский городской округ) – ежемесячно на неделю порядка 3 тысяч человек (причина – снижения спроса на асбест и строительные материалы). ОАО «Ураласбест» представил сведения о предстоящих массовых увольнениях 811 работников в декабре 2014 года. Камышловский электротехнический завод» филиал ОАО «Объединенные электротехнические заводы» (ОАО «ЭЛТЕЗА») (Камышловский городской округ) – 1 077 чел. (причина – в целях предотвращения массового увольнения работников).

Литература:

1. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников: учебное пособие / И.Я. Белицкая, М.А. Бочарникова, М.О. Буянова и др.; под ред. Ю.П. Орловского. М.: КОНТРАКТ, 2014. 304 с.

2. Об утверждении государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2020 года»: Постановление Правительства Свердловской области от 21.10.2013 N 1272-ПП // Областная газета. N 489-490. 29.10.2013.

3. Экспресс – информация «Занятость и безработица в Свердловской области [электронный ресурс]. URL <http://szn.gossaas.ru/> (дата обращения 10.11.2014)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДУАЛИЗМ ЭКОНОМИКИ: ЛЕГАЛЬНЫЙ И ВНЕЛЕГАЛЬНЫЙ СЕКТОРЫ

Данной статьей автор стремится обратить внимание на объективно существующее явление в российской экономике 21 века – разделение поведенческих реакций по признаку соблюдения формальных законодательных норм. При этом отмечает непродуктивность подхода автоматически давать негативные оценки в любых ситуациях отхода от соблюдения правил, которые, к сожалению, сами не всегда совершенны.

Любая сфера человеческой деятельности неизбежно вовлечена в силовое поле разнообразных институтов. Поэтому всегда присутствует возможность аномальных реакций, отступления игроков от существующих норм. В условиях реализации указанной опции возникает новый, внелегальный сегмент окружающего мира, в первую очередь экономического.

Традиционное деление спектра норм на формальные и неформальные недостаточно для раскрытия сущности внелегальной экономики. На бытовом уровне понятием «внелегальный» можно описать явление, не нарушающее закон открыто, но в публичном пространстве не одобряемое. Либо иначе: 1) цели внелегального оператора законны и понятны, тогда как средства их достижения выходят за нормативные рамки, 2) причина ухода в тень заключается в неуважении к государственным органам и их предписаниям.

Следуя идеям Эрнандо де Сото, автор склоняется к тому, что внелегальная экономика – это нечто третье (а не «второе»), и оно находится **вне** рамок легальной и **нелегальной** экономики. Ее понимание не нужно сужать дихотомией «закон-преступление». Иначе решение проблем, связанных с описываемым явлением, будет затруднено искажением их природы. Говоря о внелегальности, мы отдаем приоритет моральным, бихевиористским основаниям деятельности, а не примату государства и права. Поэтому выход из институциональной ловушки внелегальности скорее связан с реформированием государства и продуцируемых им формальных норм в русле их сближения с морально признаваемым поведением, а если предельно кратко: «для предотвращения оппортунистического поведения наиболее важно создание условий, эффекта **бесполезности** внелегальной выгоды, дохода, сформированного за счет оппортунизма, **в будущем**» [2, с. 230].

Для экономиста-внегала в отличие от экономиста-криминолога главной предпосылкой сегментации экономического поведения на полюса, базирующиеся на соответствии закону, является тезис о том, что большинство людей – нормальны. Это означает недостаточную обоснованность заявлений о «трех К»: всеобщем корыстолюбии, коварстве и коррумпированности индивидов, рядовых граждан должностных лиц. Основной посылкой отечественных авторов в исследовании внелегальности является оппортунизм операторов, тогда как их иностранные коллеги предпочитают исходить из несовершенства правового поля как детерминанты внелегального. Представляется все же, что рассматриваемый феномен относится к области мотивации, вернее, ее неадекватности прилагаемым усилиям. Кроме того, если принять точку зрения, что любая производственная деятельность является в некотором роде творческой, то становится значимым явление фрустрации. Неудовлетворенность приводит к росту внелегальной активности, увеличению массива незаконных процессов, как в экономической среде, так и политической, правовой, социальной сферах. Тесная взаимосвязь общественных и государственных институтов приводят к возникновению замкнутого круга внелегальной динамики. Классический пример – волонтаристское (не прошедшее широкое обсуждение) повышение налогов, которое, в свою очередь, усиливает теневизацию экономики и приводит к обратным результатам – уменьшению бюджетных поступлений.

Можно выделить следующие направления внегализации экономики. Во-первых, операцию можно признать внегальной в связи с отсутствием регламентации ее официальными нормами (пассивное направление). Во-вторых, операция приобретает характер внегальной при административном толковании закона, либо его обходе

должностными лицами, благодаря чему возникает поток частных доходов в ущерб общественным интересам (должностное направление). В третьих, внелегализация проявляется в условиях самостоятельного уклонения контрагентов от исполнения предписания, формально его не нарушая (предпринимательское направление).

В исследовании институциональных полюсов «экономист-внезаконник» применяет концепцию спроса и предложения формальных норм. Используя модель равновесия, он видит стабилизацию спроса и предложения, вызванную семейством переменных: случайными посылками, логически обоснованными альтернативами, эволюционной траекторией. По этой схеме экономические игроки выбирают ту или иную стратегию действий аналогично выбору товара в магазине. Легальные и внезаконные институты с данной точки зрения участвуют в конкурентной рыночной борьбе за потребителя.

Таким образом, основная экономическая причина наличия внезаконности – конкуренция транзакционных издержек поддержания того или иного принципа деятельности. Выбор сценария определяется ценой подчинения закону и ценой внезаконности. Подчеркнем, что приверженность неоклассическим схемам движения к равновесию рискует отдалить исследователя российских реалий от данной предпосылки, предлагая взамен ссылку на непомерную регламентацию отечественной экономики. Следует учесть, что регламентация – это повод, а не причина внезаконного поведения. Обход закона зачастую оказывается дешевле, чем его исполнение.

Субъективная ценность альтернативных «товаров-институтов» детерминирует поведенческие предпочтения. Также серьезное влияние на институциональную поляризацию экономических агентов оказывает способность и полномочия игроков, наиболее влиятельными из которых оказываются политики, толковать законы, которые в транзитивных экономиках часто сопряжены с расплывчатостью формулировок и идейного духа. Высокие шансы толкователей нечетких законов ведут к асимметрии информации и необоснованному экономическому преимуществу, увеличению ресурсов власти, моральному оправданию внезаконной активности политика и его группы интересов. В итоге на институциональных полюсах концентрируются приверженцы двух стратегий выбора формальных норм: следование versus игнорирование.

Цена подчинения закону складывается из двух основных элементов:

- затраты доступа к закону;
- издержки продолжения деятельности в рамках закона.

Примерами издержек легальности являются налоговые платежи и обязательные отчисления в специальные фонды, лицензионные и регистрационные сборы, временные и моральные потери на выполнение официальных мероприятий, риск нестабильности правовой системы.

Иллюстрация прямой зависимости масштабов внезаконной экономической активности от издержек следования закону показана на графике (рис. 1).

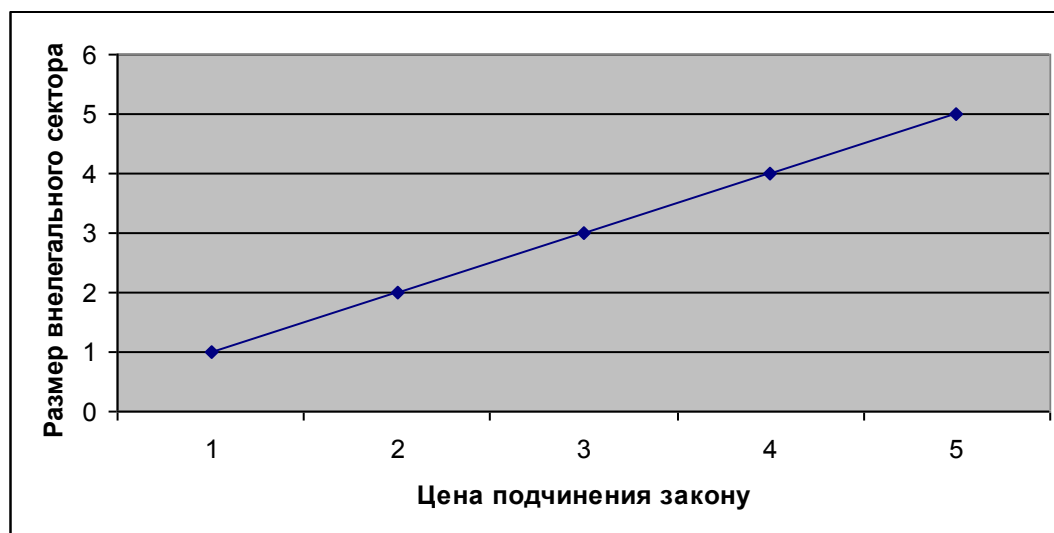

Рисунок 1. Зависимость масштабов внезаконной экономической активности от издержек следования закону

В завершение статьи особо отметим опасность слияния внезаконных элементов экономического и политического пространства, симбиотически обменивающихся энергией развития. Вследствие институциональных характеристик государственного сектора экономики, наиболее приближенного к политике, последний становится в самом центре равновесия в модели спроса и предложения официальных правил, и как ни парадоксально, степень незаконности публичного сектора от этого только растет.

Литература:

1. Эрнандо де Сото. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М., Catallaxy, 1995. 320 с.
2. Кириллов Л.Г. Управляем будущим. Наука и мастерство стратегического управления. Екатеринбург, Издательство УМЦ УПИ, 2014. 248с.
3. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория/Под ред. А.А. Аузана. М., ИНФРА-М, 2005. 416с.

Чернова Э.Р.

*Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного Университета
к.ю.н. доцент кафедры
теории и истории государства и права*

ГЕНЕЗИС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Тема местного самоуправления является одной из актуальных и дискуссионных в юридической науке, так как является одной из основ конституционного строя страны, а территориальное общественное самоуправление является не только частью местного, но и значимым элементом гражданского общества. Создание территориального общественного самоуправления (далее ТОС) в муниципальном образовании указывает на инициативность населения в политической сфере, на самостоятельность в решении некоторых вопросов местного значения. Это указывает на определенную гражданскую позицию со стороны населения страны, которой не было еще в 90-х гг. и которая начинает развиваться с новой силой.

Говоря о ТОС, нельзя забывать, что данный институт не является новым для России. Так, территориальное общественное самоуправления имеет глубокие исторические корни. Одним из самых ярких его проявлений являлись сельские общины и общества.

До отмены крепостного права в России вследствие проведенной государственной реформы 1837 г. существовали сельские общества в деревнях. С 1861 г. они появились и в селениях помещичьих крестьян, которые Указом императора Александра II были освобождены от крепостной зависимости. Поэтому можно сказать, что до 1917 г. Россия уже имела практику использования при решении местных вопросов территориальных институтов общественного самоуправления.

Данная система была изменена после прихода к власти большевиков. Так, во всех российских городах с 1917 г. появились домовые комитеты. 19 августа 1924 г. было утверждено ЦИК и СНК СССР Положение об аренде и жилищной кооперации.

Согласно данному Положению учреждались новые органы общественного контроля – жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы). Они были созданы для рационального использования муниципальных домовладений, переданных населению муниципальной единицы в наем от органов местного хозяйства [1].

Это был этап подъема местного самоуправления в Советском Союзе. После, в 30-х гг., с приходом государства к командно-плановой системе, усилению централизации о местном самоуправлении, как самостоятельном виде власти, было забыто на некоторое время. Из владения населения были изъяты и жилой фонд, и финансы, то есть то, что и является предметом и средством самоуправления в муниципальных единицах.

О местном самоуправлении вновь заговорили лишь во время «оттепели». Так, в 1957 г. Советом Министров СССР была разрешена организация жилищно-строительных кооперативов на основе выдачи ссуд.

Также именно к этому времени относится и возрождение домовых комитетов. Постепенно возвращалось само понятие местного самоуправления, возрастала активность населения муниципальных единиц.

В 1959 г. на XXI съезде КПСС был официально закреплён термин «местное самоуправление», о котором говорилось «для нас демократия – это подлинная власть народа, это всемерное развитие самостоятельности и активности трудящихся масс, их самоуправление».

В ст. 144 Конституции РСФСР 1978 г. было закреплено, что одной из обязанностей местных Советов народных депутатов было развитие общественных инициатив и самодеятельности граждан. Было установлено, что местные Советы народных депутатов должны осуществлять руководство органами общественной самодеятельности граждан. Данное правило было закреплено в соответствующих законах РСФСР о поселковом и сельском Совете, о городском и районном.

Процессы, происходящие во время перестройки в государственном управлении в Советском Союзе, были направлены и на развитие системы местного самоуправления. Так, М. Горбачев на двенадцатой сессии Верховного Совета СССР говорил о необходимости развития местного самоуправления, называя местное самоуправление совокупностью непосредственных и представительных форм демократии.

3 сентября 1985 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР об утверждении Положения об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах в населённых пунктах РСФСР. Это Положение было развитием законов РСФСР о местных Советах народных депутатов. Этим документом все общественные сельские, уличные, квартальные комитеты РСФСР становились органами общественной самодеятельности населения. Они должны были образовываться по территориальному принципу. Главной целью становилась содействие Советам народных депутатов в деятельности по привлечению населения, для того чтобы решать вопросы общегосударственного и местного значения [2].

В данном Положении были официально закреплены предоставляемые им полномочия для этого:

1. участие в осуществлении мероприятий, главной целью которых является экономное и бережное расходование таких ресурсов, как тепловая и электрическая энергия, топливо, газ и вода;

2. привлечение населения муниципальной единицы к работам, направленным на благоустройство, озеленение, улучшение санитарного состояния населённых пунктов, строительству и ремонту мостов, дорог, тротуаров, коммунальных сетей, детских спортивных площадок, поддержание в надлежащем состоянии кладбищ, братских могил;

3. оказание определенной требуемой помощи учреждениям культуры, спортивным организациям. Это может быть проведение культурно-массовой, воспитательной работы среди населения, определенных групп населения, например, детей. Сюда же относится и развитие народного творчества в данном населённом пункте, художественной самодеятельности, физической культуры и спорта;

4. оказание помощи пожарным органам по надзору в осуществлении мероприятий обеспечения противопожарного состояния жилых и иных зданий и сооружений;

5. оказание помощи и проявление заботы к инвалидам, семьям военнослужащих, погибших воинов, партизан, участников Великой Отечественной войны, многодетным семьям, одиноким престарелым гражданам, детям-сиротам;

6. оказание помощи в работе по воспитанию граждан, по разъяснению необходимости строгого исполнения советских законов, содействию укреплению общественного порядка и проявлению социального контроля;

7. оказание помощи учреждениям здравоохранения, помощь в улучшении медицинского обслуживания, проведении противоэпидемических и профилактических мероприятий на территории населённого пункта, санитарно-просветительной работы [2].

Местные Советы в данное время большое значение придавали развитию и укреплению деятельности общественных домовых, квартальных, уличных, сельских комитетов.

С демократизацией советского общества шло активное возрождение местного самоуправления. Первым законодательным актом, который закрепил и вывел местное самоуправление на новый уровень, стал закон СССР от 9 апреля 1990 г. «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйствования в СССР». Данный акт ввел в систему государственной власти местное самоуправление, определив его как самоорганизацию граждан для решения непосредственно или через выбираемые представительные органы вопросов местного значения, возникающих в соответствующем населенном пункте [3].

Одной из форм решения подобных вопросов и стало территориальное общественное самоуправление. Именно законом от 1990 г. оно впервые было официально закреплено. ТОС того времени был в виде советов или комитетов самоуправления, но он отличался от бывших ныне домовых и уличных комитетов.

По мере усиления местного самоуправления как самостоятельного управления, были созданы группами местных активистов сильные органы ТОС в крупных городах. В качестве примера можно назвать ТОС в Новосибирске, Барнауле, Кемерово.

Таким образом, можно сказать, что ТОС не является новой формой самоуправления на местах для российских граждан. Он присутствовал в обществе еще во времена досоветской России.

В настоящее время право на территориальное общественное самоуправление закреплено в ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления». Стоит отметить, что территориальное общественное самоуправление является одной из наиболее популярных форм непосредственной демократии, а также формой самоорганизации населения, которое осуществляет местное самоуправление, непосредственно или через своих выборных представителей решая вопросы местного значения.

Литература:

1. Положение об аренде и жилищной кооперации от 19.08.1924 г. // Свод законов СССР, 1924 г., № 5, ст. 60.
2. Об утверждении Положения об общественных сельских, уличных, квартальных комитетах в населенных пунктах РСФСР: Указ от 03.09.1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985, № 37, ст. 1308.
3. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйствования в СССР: Закон СССР от 09.04.1990 г. // Свод законов СССР. 1990 г., т. 1, ст. 267.

Четошников С. Г.

*Кемеровский государственный университет
к.с.н. старший преподаватель
кафедры социологических наук*

МОНОГОРОДА КУЗБАССА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ РАЗВИТИЯ

Россия является страной с самым большим количеством монопрофильных (монофункциональных) городов в мире. Это связано с историческими особенностями развития нашей страны: с быстрым (догоняющим) характером советской экономической модернизации и, как следствие, урбанизации; с природно-климатическими особенностями России и необходимостью создания узкоспециализированных производств в суровых климатических условиях; с политикой советской власти, направленной на стирание грани между городом и деревней. Роль монопрофильных городов в социальной и экономической жизни страны весьма значительна. Моногорода производят около четверти российского ВВП, в них проживает четверть российского населения. [1, с. 180]

Кузбасс является регионом с высокой концентрацией моногородов. Он является одним из наиболее промышленно развитых и урбанизированных регионов России. Специфика экономического развития региона определяется ориентацией на развитие угольной и металлургической промышленности. Это наложило свой отпечаток на процессы урбанизации. Согласно перечню монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации,

утвержденном Правительством РФ 29 июля 2014 г., в настоящее время в Кузбассе 19 монопрофильных городов. Они поделены на три группы: моногорода с наиболее сложным экономическим положением (Юрга, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Салаир, Таштагол); моногорода, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического состояния (Мариинск, Гурьевск, Топки, Мыски, Тайга, Междуреченск, Осинники, Ленинск-Кузнецкий, Березовский, Полысаево, Белово, Киселевск); моногорода со стабильной социально-экономической ситуацией (Новокузнецк, Калтан).[2]

Исторически развитие городов в Кузбассе происходило на базе поселков, возникающих вокруг угольных, металлургических и химических предприятий. Данные предприятия играли градообразующую роль для вновь созданных населенных пунктов. При этом развитие социальной инфраструктуры поселков отставало от развития производственного сектора, что объяснялось быстрыми темпами строительства и остаточным принципом финансирования социальной сферы.

В последующем развитие данных поселков привело к их объединению и созданию на их основе городов. В результате формировались территории со сложной структурой застройки: градообразующее предприятие, небольшая благоустроенная территория со сконцентрированными в ней объектами социальной инфраструктуры и благоустроенными жилыми домами, и далее – «частный сектор» на периферии. В результате кузбасские города приобрели своеобразный сельско-городской характер: многие из них представляют собой объединение отдаленных поселков или районов, недостаточно связанных между собой, с большим количеством незанятой территории (используемой, как правило, под угольные разработки). Сельско-городские зоны имели низкий уровень благоустроенности и ограниченную инфраструктуру, специфическую (промышленно-сельскохозяйственную) направленность экономического поведения жителей. Более того, замыкание всей социальной жизни на градообразующем предприятии консервировало сельско-городской уклад жизни данных территорий.

В процессе экономических преобразований 1990-х гг. и реструктуризации угольной промышленности многие рабочие поселки, являющиеся частью шахтерских городов, утратили свою промышленную базу из-за закрытия и ликвидации нерентабельных угольных предприятий. В силу этого население было вынуждено переориентироваться на иные виды экономической деятельности или другие районы города. Результатом этого стали демографические сдвиги, затронувшие население сельско-городских территорий, выразившиеся в тенденции старения населения.

Конгломератная система городского расселения (поселок – шахта) перестала соответствовать новым условиям из-за изменения системы размещения промышленных предприятий. Это привело к появлению депрессивных территорий и оттоку из них населения (этому способствовала также острая деградация социальной сферы территорий в 1990-е годы). Очередное обострение проблемы моногородов в Кузбассе произошло во время финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.

В настоящее время потребности развития монопрофильных городов повышают значимость муниципального и регионального управления. На систему муниципального управления монопрофильными городами оказывают влияние следующие обстоятельства:

✓ Отсутствие повсеместного соответствия административной и исторически сложившейся территориальной структуры городов (система бывших рабочих поселков и территориальных «гнезд»), что ограничивает степень осведомленности местной власти о проблемах территорий.

✓ Необходимость учета специфических интересов федеральных (и даже международных) бизнес-структур (например, активы MittalSteel в Березовском, СУЭК в Ленинске-Кузнецком) и т.д.).

✓ Высокая роль градообразующих предприятий и отраслей, которая ограничивает возможности экономического развития городских поселений и ставит их в зависимость от изменения ценовой конъюнктуры сырьевых товаров на мировых рынках.

✓ Необходимость решения специфических социально значимых проблем монопрофильных городов (проблемы занятости населения, развитие социальной инфраструктуры, благоустройства и поддержания здорового образа жизни населения).

Финансово-экономический кризис 2008-09 гг. показал необходимость оптимизации и модернизации моногородов. Основными инструментами модернизации моногородов Кузбасса, реализуемыми на региональном уровне, время являются следующие:

–Целевые комплексные программы. В первую очередь здесь выделяются региональные целевые программы модернизации моногородов Кузбасса, (Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Таштагол), реализованные в 2010-2012 гг. и принятые после начала финансово-экономического кризиса в России. [3] В программах предложены мероприятия, потенциально ориентированные на комплексное развитие различных территорий монопрофильных городов. В частности, основным направлением реализации программ является диверсификация экономики городских поселений (включая создание инновационных предприятий). Основными мероприятиями в рамках диверсификации являются: развитие глубокой переработки угля; поддержание базовой отрасли (в частности, модернизация угольных предприятий и рудников); утилизация метана для выработки тепловой и электроэнергии; развитие машиностроительного комплекса; развитие энергетического комплекса (строительство ТЭЦ); развитие индустрии строительных материалов; развитие деревообрабатывающего комплекса; развитие малого бизнеса; содействие занятости населения.

–Региональная практика празднования профессиональных праздников (День шахтера, День железнодорожника). В соответствии с ней для празднования каждый год выбирается новый город. Данная практика предполагает концентрацию ресурсов на развитии конкретного муниципального образования. Подготовка в профессиональных праздниках предполагает мероприятия по реконструкции объектов социальной инфраструктуры (образования, здравоохранения и объектов культуры, ремонт дорог и т.д.).

–Инструменты региональной микрополитики как способ решения социально значимых проблем территорий. Региональная микрополитика ориентирована на максимальный учет интерес населения территорий, на их активное участие в решении местных проблем. Использование данного инструмента невозможно без взаимодействия региональной администрации с администрациями муниципалитетов. Микрополитика представляет собой разновидность региональной и муниципальной политики. Она отличается непосредственно осуществляемой самодеятельностью населения, инициативами местных сообществ и взаимодействием органов власти с населением по поводу решения социально значимых проблем территорий. Практика взаимодействия населения с властью показывает, что данный инструмент используется не в полной мере. Масштабы взаимодействия населения с местной властью ограничены. Проблемы развития территорий зачастую решаются за счет апеллирования к региональной власти.

В целом современное состояние моногородов обусловлено историческим грузом проблем и характеризуется ситуацией вызова. Необходимой представляется сбалансированная комплексная политика в отношении моногородов с участие органов управления разных уровней.

Литература:

1. Модернизация России: территориальное измерение / под ред. А. А. Нещадина, Г. Л. Тульчинского. СПб: Алетейя, 2011.

2. Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (утвержден Распоряжением Правительства РФ от 29 июля 2014 г.). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/br/mono/list342.pdf> (дата обращения – 2.11.2014)

3. Целевые программы «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Ленинска-Кузнецкого» на 2010-2012 годы, «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Прокопьевска» на 2010-2012 годы, «Комплексный инвестиционный план модернизации моногорода Таштагола» на 2010-2012 годы // Моногорода Кемеровской области: Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://monogorod.kemobl.ru/default.asp> (дата обращения – 30.10.2014).

О ПРОТИВОСТОЯНИИ ВЛАСТИ И НАРОДА КАК ПРИЧИНЕ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье выявлено объективное противостояние, имманентное взаимонедоверие трудового народа и властвующего административно-политического аппарата, человека-труженика и чиновника-бюрократа, общественного сознания и официальной идеологии, социальных и институциональных (политико-идеологических) способов бытия людей, процессов демократизации и бюрократизации, социализации и политизации общественной жизни.

А.И. Солженицын в романе «Красное колесо», характеризуя кризисное состояние России (октябрь 1916 г.), передавал его через конфликт общества и официальной власти: так российская власть и российское общество, с тех пор как меж ними поселилось и все разрасталось роковое недоверие, озлобление, ненависть, - разгоняли и несли Россию в бездну. И перехватить их, остановить – казалось, не было удальца»...

А «красное колесо» все больше и больше раскручивалось, то затягивая и разрывая прежние «узлы», то опять завязывая новые. Политизированные круговращение и насилование человеческого, социального бытия людей... Где остановится это «колесо», когда угаснет это круговращение противоборства и политизированных экспериментов, освободив от своей навязчивой суеты первозданное и непретенциозное, самосозидающее и неизбывное течение социальной, подлинно человеческой жизни... Очень трудно определить такой исторический момент.

Если в таком контексте беспристрастно посмотреть на семидесятилетнюю историю нашего общества в XX столетии, то она предстанет почти непрерывной социальной драмой. Ее истоки и механизм – в противостоянии, можно сказать, в социальной несовместимости власти и народа. Например (соответственно):

- с одной стороны, имманентная потребность в социальных идеалах, стремление к всечеловечности, а с другой, – нагнетание политизированных доктрин и лозунгов, идеологической самоограниченности;

- с одной стороны, подлинно человеческая скромность, совесть и неприязнительность в социальном бытии, а с другой, – официозное высокомерие, амбициозность и претенциозность во властвовании;

- почти невероятное терпение народом своего приниженного социального существования, а взамен – надменное испытание этого терпения и безразличие к этому существованию, даже усугубление его;

- воистину православно-христианская терпимость к административно-политическому произволу, а в ответ – иезуитская административно-политическая мстительность;

- с одной стороны, человеческая самоотверженность и жертвенность, а с другой, – равнодушная эксплуатация этих социальных добродетелей и низведение их до политизированной (деполитизированной) покорности;

- беззаветный героизм во имя Отечества, а взамен – идеологическое спекулирование на этой социальной ценности, вплоть до провоцирования на политизированные акции (мировая революция, всеобщий коммунизм...);

- с одной стороны, ненавязчивый патриотизм и вселенское миролюбие, а с другой, – чванливый интернационализм и претенциозное вмешательство в жизнь других народов посредством жертв своего народа;

- извечное стремление к социально-исторической преемственности поколений, а в ответ – кичливое самомнение и варварское уничтожение социально-исторического наследия;

- с одной стороны, христианская праведность, воплощенная в суть мирского бытия, а с другой, – псевдоатеистическая агрессивность, направленная против церкви, но и преимущественно против тысячелетних способов социальной жизни народа;

- вековые традиции земледелия, а взамен – раскулачивание, раскрестьянивание, с одной стороны, неизбывное стремление к вольному труду как имманентному способу бытия, а с другой – военизированная и командно-административная мобилизация на подневольные работы во имя перевыполнения политизированных планов и иных сомнительных целей...

Некоторые из упомянутых и подобных прежних «линий» социального расхождения между тем же многострадальческим народом и обновленным (что еще досаднее) аппаратом власти оказались живучими и протянутыми дальше, соединив, казалось бы, невозвратное прошлое с настоящим. И даже получили перспективу. А что совсем досадно, так это порождение «новых» (или, точнее, пробуждение «старых», ранее дремавших) факторов расхождения, противостояния. Последующие констатации поэтому, наверное, будут иметь «смешанный», «старо-новый» характер, отчего их отрицательная значимость как бы удваивается...

Например (соответственно):

- с одной стороны, бедственное, полунищенское (с усугубляющейся тенденцией) существование того же народа, а с другой, – вполне самоуверенное (хотя и несколько пристыженное) самодостаточное да еще более «цивилизованное», полностью легализованное и по-новому узаконенное, благополучие обновленного официального и заново народившегося полуофициального аппарата плюрализованной бюрократии;

- с одной стороны, по-прежнему фактически лишенный собственности на условия и средства, процесс и результаты своего труда (материального и духовного) все тот же народ и человек-труженик, а с другой, – увлеченный азартным перераспределением (захватом) «ничейной» собственности полиструктурный, плюрализированный аппарат власти и оппозиции;

- с одной стороны, создающий «прибавочный продукт», но усугубляющий свое относительное обнищание, все тот же народ (рабочие, крестьяне и интеллигенция), а с другой, – легализованное и узаконенное властвующим аппаратом сословие так называемых «компрадоров», стремительно обогащающееся исключительно посредством перераспределения (включая спекуляцию, коррупцию и прочие способы «цивилизованного» жульничества) созданных народом материальных и духовных ценностей;

- ближайшая перспектива для того же народа состоит в рекрутировании отрядов безработных (пусть даже «неквалифицированных» и «нерадивых»), а для того же сословия «компрадоров» (пусть даже «предприимчивых» коммерсантов), т.е. субъектов торгового-финансового капитала, - скупка-захват неразделенной еще собственности (заводов, земель, торговых площадей, акций и т.п.) и обращение ее с помощью того же аппарата в свою частную собственность;

- с одной стороны, тот же народ, добросовестно поверивший лукавым обещаниям «новых» властителей и оппозиционеров насчет сокращения и удешевления официального аппарата и отмены номенклатурных привилегий, а с другой – те же властители, неуклонно и уверенно /хотя пристыжено/ наращивающие расходы на все более разбухающий аппарат, кратно увеличивающие должностные оклады и «приработки на стороне», камуфлируя посредством «высоких комиссий» номенклатурные привилегии, а тем самым заражающие вирусом потребительской жадности свою многоликую и все разрастающуюся «оппозицию»;

- с одной стороны, предельное терпение и переутомление того же народа от политизированных экспериментов и их последствий, от политиканских игр и противоборства претенциозных группировок за власть и собственность, от манипулирования компилятивными «платформами» и «заявлениями», от бесконечных словопрений и т.п., а с другой, – эскалация всех этих пагубных традиционных «ценностей» и поэтапное порождение новых, пореформенных;

- с одной стороны, двусмысленное (мягко говоря) состояние системы власти и управления «внизу» (в глубинной структуре общества), ее разорванность и распыленность, состояние, угрожающее обществу и народу хаосом и произволом, а с другой, – отнюдь не двусмысленная концентрация (хотя и по стыдливому сценарию «демократизации») рычагов власти и управления «наверху», на верхнем этаже государственно-партийной пирамиды, вплоть до одновременного восседания на «двух стульях» (по поговорке, а фактически на нескольких), к тому же – при официозном восхвалении такого восседания как своеобразного «политического искусства», недоступного «политической психологии» народа... и т.п.

Словом, остается не понятным и оттого не разрешенным до сих пор (хотя и намерения, и стремления налицо) стародавнее противостояние между народом и аппаратом. Почему? – Не потому ли, что это по своей глубинной сути социальное противоречие до сих пор воспринимается (и теоретически, и практически) как сугубо или преимущественно политическое?

Двадцатилетие (не говоря уже о предшествующих годах) отмечено знаком устойчиво углубляющегося социального угнетения народа – знаком беды, похожим на социальную судьбу!

Грустно становится от невольного предположения, что реформа может и дальше продолжаться без социально обоснованной концепции и программы, а политические решения будут иметь ситуационный характер, вытекать из переменчивого соотношения сил претенциозных группировок...

Чупина В.А.,
д.п.н., профессор кафедры
государственного и муниципального управления
Пятакова Е.С.,
магистрант
Уральский государственный экономический университет

ВЛИЯНИЕ СМИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ПОЛИТИКА

Актуальность исследования обусловлена содержанием информационной политики, проводимой средствами массовой информации. С каждым днем СМИ становятся все более реальной силой и конкурируют с самой властью, которая в сложившихся условиях, порой диктуемых самими СМИ, вынуждена искать пути и технологии взаимодействия.

Цель исследования состоит в том, чтобы путем сравнительного анализа определить, насколько могут различаться имиджевые портреты одного и того же политика, создаваемые разными средствами массовой информации. Для анализа были выбраны материалы, размещенные на официальном информационном портале и в независимом информационном агентстве.

Для сравнения использованы следующие факторы, влияющие на восприятие образа: частотность упоминания имени политика в материалах разной тематики, форма и стилистика представления образа политика, лексико-семантические особенности текста, описывающего деятельность политика, размещенные фотографии. В исследовании были рассмотрены материалы, опубликованные в период с июля по декабрь 2013 года, в которых прямым образом упоминалось имя политика в двух различных по своей сути средствах массовой информации,

Результаты исследования частотности упоминания имени политика в в связи с тематикой публикаций представлены в виде диаграмм.

Сопоставление полученных результатов позволяет сделать следующие выводы:

1. И у официального источника информации, и у независимого информационного агентства на первое место в связи с именем политика по частотности упоминания выходят материалы политической сферы: внешняя и внутренняя политика региона, официальные политические мероприятия (визиты, встречи), подписания различного рода соглашений окружного, регионального, общероссийского масштаба, направления дальнейшего развития субъекта Федерации. Целевой аудитории того и другого СМИ это говорит о позитивном имидже политика, о достаточно весомой позиции в политическом и, в частности, информационном поле. С одной стороны, это объясняется содержанием деятельности политика и является отражением его реальной занятости, с другой, может свидетельствовать о намеренном формировании со стороны СМИ «правильного» имиджа политика как открытого, компетентного деятеля, управленца и т.д.

2. Согласно полученным результатам, образ политика в последнюю очередь ассоциируется у аудитории с вопросами, связанными с нефтяной отраслью и сферой образования. Что проецируется аудитории в таком случае? Возможно, то, что политик - уважаемый, компетентный управленец, которого в последнюю очередь интересуют связи с нефтяной отраслью (нефтяным бизнесом, по сути), экономическими играми и выгодами каких-либо сторон этого бизнеса.

**Тематика материалов официального портала,
в которых упоминается объект
период: июль-декабрь 2013 г.**

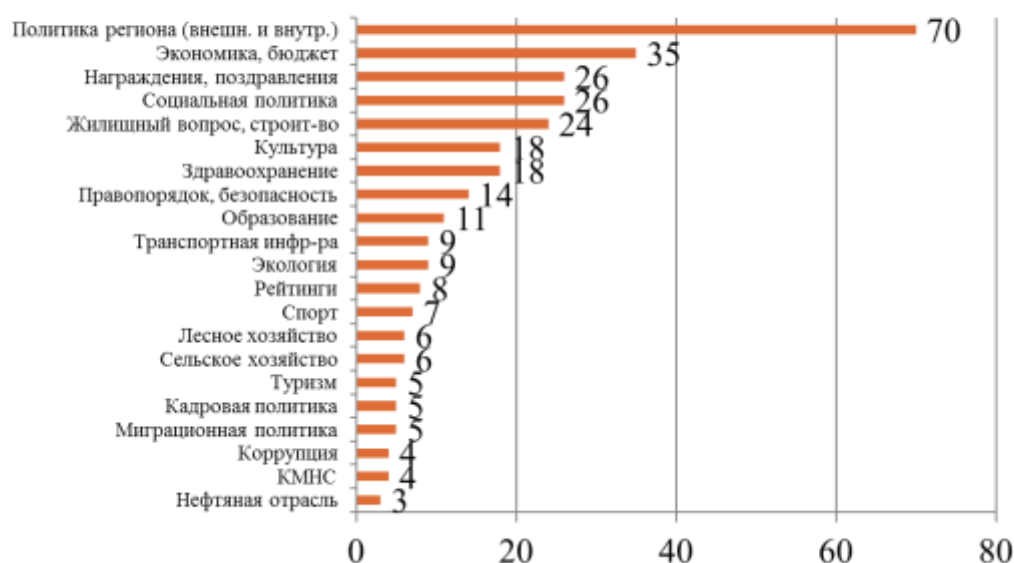

Рисунок 1. Тематика материалов официального портала, в которых упоминается объект (период: июль-декабрь 2013г.)

**Тематика материалов независимого
информагентства,
в которых упоминается объект
период: июль-декабрь 2013 г.**

Рисунок 2. Тематика материалов независимого информагентства, в которых упоминается объект (период: июль-декабрь 2013г.)

С другой стороны, можно предположить, что отрасль либо не нуждается, либо не подлежит контролю и участию со стороны государственных органов. Размышляя по аналогии, можно то же самое сказать и о редкости упоминания имени политика в связи с образованием. Но мы видим, что на разных диаграммах эта позиция выглядит по-разному. Если бы аудитория получала информацию только от одного, рассмотренного нами, независимого информационного агентства, то в ее сознании сложился бы образ политика, абсолютно не интересующегося вопросами образования, поскольку соотношение 1:10. В то же время на официальном портале вышло одиннадцать материалов на данную тему (при соотношении 11:20). Встает закономерный вопрос, насколько намеренно проводится такая политика со стороны информагентства и официального портала.

Кроме частоты упоминания в публикациях немаловажное значение имеет то, как именно именуется объект исследования. В рассматриваемых материалах, предложенных официальным порталом, объект исследования, в первую очередь, представлен без нарушения этикета, как личность, к которой демонстрируется уважение (вначале называется имя, за ним - фамилия), во вторую очередь, именуется как официальное лицо (по занимаемой должности. Нет ни одного упоминания объекта по имени-отчеству. Образ политика, транслируемый официальным порталом, довольно официальный, лишенный эмоциональной окраски. Риторика в материалах довольно однообразна, описательные характеристики отсутствуют, авторы употребляют следующие выражения для описания деятельности политика: акцентировал, обратил, заострил внимание, остановился и подчеркнул, поручил, отметил, прокомментировал, рекомендовал, предложил, заверил, высказал свою точку зрения. Все они нейтрального характера, констатируют факт и не дают оценки. Такая стилистика текста, вероятно, претендует на объективность и независимость. Вместе с тем, анализ официальных фотографий, размещенных на портале, говорит о том, что подобраны они случайным образом и не отвечают идее создания официального образа: нарушен дресс-код, не соответствует мимика и т.д.

В журналистских текстах независимого информагентства объект исследования представлен в большей степени не как официальное лицо - представитель власти, а просто по фамилии или имени-отчеству, порой часто с пренебрежительным, а порой негативным оттенком. Встречаются также и, так называемые, народные прозвища, использованные с ироничным и саркастическим оттенком. Семантика текстов указывает на некоторую жесткость образа политика: сделал ряд заявлений, жители получили жесткий приказ, выступил с громким заявлением, потребовал, пытался, осерчал, прервал, ледяным тоном спросил, неоднократно предупреждал и т.д. Независимое информагентство транслирует негативный образ политика, но не прямой, описательный, а контекстный. Так аудитории часто напоминают о чужеродности, неуютности политика: не выбрали, поставлен сверху; указывается на его «пришлость», связи с предыдущим местом работы: выходец из..., протекция, старые связи, фавориты. Имя политика часто связывается с неудачно принятыми или осуществленными ранее решениями: провал освоения средств, ошибки в проводимой политике. Фотографии, использованные независимым информационным агентством - неофициальные, отражающие какой-либо эпизод публичной деятельности. Особенность их использования состоит в том, что к материалу подбирается такая фотография, которая по сюжету, настроению, стилистике противоречит содержанию статьи, что снижает образ политика, придает материалу двусмысленность и направляет мысль читателя в нужное журналисту русло.

Таким образом, мы видим, что при формировании имиджа немаловажную роль играют стилистические, лексико-семантические особенности текста, в котором описывается деятельность политика.

Проведенное исследование показало, что имидж одного и того же политика в разных информационных источниках порой кардинально различается. Этим подтверждается базовое определение имиджа как образа, целенаправленно формируемого для управления впечатлениями, оказывающего психологическое воздействие для определенного социального поведения и принятия решения. Заметим, что на основе мысленных представлений конструируется такой образ, который благодаря эмоциональному восприятию и коммуникативным эффектам может приписываться субъекту и не соответствовать реальности. Поэтому для политика так важна задача тщательного анализа, концептуального обоснования транслируемого образа и выстраивания технологии взаимодействия со СМИ.

Литература:

1. Баранова В.А. Имидж личности как социально-психологическое явление// Магистр, 1994, №2.
2. Грачев Г. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты.- М.: РАГС, 1998.
3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология.- М.:Новая школа, 1997.
4. Зазыкин В.Г. Психологические основы гуманистической рекламы.- М.: РАГС, 1999.
5. Панасюк А.Ю. Имидж. Энциклопедический словарь, М.:РИПОЛ, 2007.
6. Гришунина Е.В. Психологические технологии как средство формирования имиджа организации.- диссерт. канд. психол. наук.- М.:РАГС, 1995.
7. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков (под ред. Е.В.Егоровой-Гантман) - М.-1994.
8. Имиджология. Как нравиться людям (учебное пособие) под ред. В.А.Метаевой, В.М.Шепеля. - ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед.ун-т», Екатеринбург, 2007. 318 с.

Шапкина Е. В.

*Кемеровский государственный университет
к. п. н., старший преподаватель
кафедры социологических наук*

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РЕГИОНЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В настоящее время в России идет процесс построения гражданского общества, которое не может быть введено указом или декретом. Гражданское общество является продуктом длительного развития общества, оно формируется преимущественно снизу, с помощью свободных граждан государства.

Под гражданским обществом понимают систему относительно самостоятельных и независимых от государства социальных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и групп, удовлетворения частных интересов и потребностей. Эти интересы и потребности групп и индивидов осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, политические партии, профессиональные, творческие объединения, общественные движения [1, с. 137-138].

Социальными условиями функционирования гражданского общества является развитая социальная структура, наличие среднего класса (наиболее активная, мобильная, обеспеченная часть населения), реальная свобода слова. Гражданское общество является саморазвивающейся системой и ограничивается государством. Нередко государство присваивает себе его функции и права и стремится установить свой контроль над всеми сферами жизнедеятельности общества. Идеалом, к которому нужно стремиться, является равноправие государства и гражданского общества, самостоятельность этих субъектов общественной жизни, когда решение общественных проблем осуществляется путем компромисса между государством и обществом, на основе права.

Кафедрой социологических наук Кемеровского государственного университета в мае 2014 года было проведено инициативное социологическое исследование социальных и политических вопросов жизни населения Кемеровской области. Опрос проходил в городах Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Юрга, Новокузнецк, Березовский. Число респондентов составило 591 человек, в возрасте от 16 до 80 лет.

Исследование подтвердило, что за политическими событиями следит подавляющее большинство опрошенных. 88,4 % опрошенных нами жителей Кузбасса отвечали, что следят за политическими событиями в России, 78,4 % – за политическими событиями в мире, 74,5 % – в Кузбассе. Прежде всего, людей интересует то, что происходит в их стране.

Большую часть общественно-политической инфраструктуры социума представляют политические партии. Они призваны исполнять роль «посредника» между гражданским обществом и государственными органами и оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения. Через своих представителей партии влияют на деятельность парламента и правительства, представительных и исполнительных органов власти, выступают катализаторами социальных процессов [2, с. 137-138].

Исследование показало, что 35,4 % опрошенных нами жителей Кузбасса не видят в настоящее время в политических партиях «посредника» между народом и государственной властью, влияющего на деятельность парламента и правительства, представительных и исполнительных органов власти. Только 27,1 % признают в партиях роль «посредника», 36,5 % – затруднились с ответом. Под партийным строительством понимают комплекс мер, предпринимаемых органами партийного управления по организации партии и поддержанию ее функционирования в политическом пространстве.

Начиная с октября 2001 г. в России активно развернулось партийное строительство, основное содержание которого состояло в объединении многочисленных мелких квази-партий в крупные политические блоки.

Так как в России не выстроено гражданское общество, то партии возникают не как каналы связи гражданского общества и власти, а как клиентелы, выражающие групповые интересы. Вокруг политического деятеля объединяются сторонники, являющиеся клиентами конкретного лидера. Он затем представляет их требования в структурах власти. Все они связаны отношениями личной лояльности и преданности.

С 2002 г. в России не было зарегистрировано ни одной новой политической партии. 4 декабря 2011 года состоялись выборы депутатов Государственной Думы. Все семь существующих на сентябрь 2011 года политических партий РФ изъявили желание участвовать в выборах, подали заявки на участие и были зарегистрированы Центризбиркомом в качестве участников. Из семи участвующих в выборах в думу прошло 4 партии: Единая Россия, Коммунистическая партия РФ, Справедливая Россия, Либерально-демократическая партия России [3].

К началу 2012 года в России было всего 7 партий, и каждая новая попытка зарегистрировать новую партию не удавалась, но после массовых акций протеста 2011 года законодательство было либерализовано, что привело к резкому увеличению числа партий. Государственной Думой были приняты поправки к ФЗ-95 «О политических партиях», упрощающие регистрацию политических партий. В частности после принятых поправок в законе для регистрации политической партии требуется не менее 500 человек по России, для регистрации регионального отделения не менее 2-х человек. По состоянию на октябрь 2014 года в РФ официально зарегистрировано 75 политических партий [4]. В настоящее время мы наблюдаем бум партийного строительства.

Можно отметить минусы такого разнообразия партий. Во-первых, избиратели могут растеряться от богатства выбора. Во-вторых, небольшие партии будут отбирать голоса друг у друга и у крупных соперников «Единой России». В результате, большинству конкурентов не удастся пройти 5-процентный барьер на выборах и их голоса пропорционально распределят между партиями, попавшими в заксобрание. В итоге в выигрыше останется партия, набравшая большинство голосов (скорее всего, Единая Россия).

На сайте Министерства Юстиции РФ среди списка зарегистрированных партий, несмотря на запрет использования в наименовании новой политической партии названия уже существующей партии, мы можем обнаружить такие совпадения в названиях: под номером 2 – Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»; под номером 15 – Политическая партия «Коммунистическая партия социальной справедливости»; под номером 22 – Политическая партия «Коммунисты России».

Суть технологии «перехватывания названий» заключается в создании партий-спойлеров (от англ. Spoil - добыча, трофей), то есть псевдопартий, партий – «подстав». Такие партии создаются и выталкиваются в политическое пространство в качестве инструмента борьбы с конкурентами в период избирательных кампаний.

Самые активные партии Кемеровской области, это Единая Россия (региональный партийный лидер Н. Зинкевич), ЛДПР (кузбасский лидер И. Украинцев), Патриоты России (лидер Ю. Скворцов), КПРФ (лидер Н. Мухин), Яблоко (лидер Г. Веревкина). В 2013 году в Кузбассе появилась новая политическая партия «Умная Россия». Это уникальный проект –

почти все 60 региональных отделений партии возглавляют люди до 30 лет. Из новых политических партий, сравнительно недавно появившихся в Кузбассе, и предпринявших попытку участия в дополнительных выборах в местные органы власти стоит отметить региональное отделение Всероссийской политической партии «Партия Великое Отечество».

Из имеющих региональные отделения в Кузбассе политических партий, опрошенным нами жителям кемеровской области хорошо знакомы (знают лидеров, программу партии) – Единая Россия (33,4 %), ЛДПР (23,2 %), КПРФ (13,7 %), Справедливая Россия (13,3%), Яблоко (8,6 %), Патриоты России (3,6 %), Демократическая партия России (1,6 %), Умная Россия (0,8 %), Альянс Зеленых и Партия Великое Отечество (0,7 %), Республиканская партия России (0,5 %). По результатам опроса видно, что новые молодые партии имеют небольшую известность.

Для политических партий очень важно региональное партийное строительство, так как согласно ФЗ № 95 «О политических партиях», если не будут зарегистрированы региональные отделения как минимум, в половине субъектов РФ, то регистрация политической партии в Министерстве Юстиции будет аннулирована. Для многих новых политических партий создание достаточного числа региональных отделений выступило барьером.

Следует отметить, что политические партии являются одними из основных каналов воздействия сил гражданского общества на политико-государственную власть, наряду с общественными движениями и другими структурами. Поэтому в политическом процессе существует закономерность: чем сильнее политические партии, тем сильнее гражданское общество. Любая политическая партия в РФ не может существовать без опоры на регионы, поэтому велико значение регионального партийного строительства для формирования гражданского общества.

Литература:

1. Решетников, С. В. Политология : учебник. Минск: ТетраСистемс, 2010. 528 с.
2. Связи с общественностью в политике и государственном управлении / под ред. В. С. Комаровского. М.: Издательство РАГС, 2001. 520 с.
3. Википедия. Выборы в Государственную Думу [электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.10.2014)
4. Сайт Министерства Юстиции РФ [электронный ресурс]. URL: <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 23.10.2014)

Шибанова Е.К.

*Челябинский филиал РАНХиГС
к.пед.н., доцент кафедры политологии*

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛА

Конец XX начало XXI веков знаменуется затяжным кризисом практически во всех сферах общественно-политического строя России и, как следствие в образовании. В отечественном высшем образовании обозначились антидемократические перегибы: увеличение «бумажной рутины», единообразие и всеобщность в обучении, бюрократизация и идеологизация в высшей школе, увеличение внешних показателей, то есть количественными оценками деятельности вузов по сохранности контингента студентов, процентной успеваемости и пр.

В этот период отмечается непрерывный рост выпуска специалистов без обоснованного учета, увеличение числа коммерческих вузов, нерациональное распределение средств между многими вузами, которые готовят специалистов по одним и тем же специальностям и перенасытивших рынок труда, замедление темпов роста численности научных кадров. Так, например, Д.А. Севастьянов, А.Р. Гайнанова совершенно справедливо задаются вопросом о том, где найдут свое профессиональное будущее 1396 юристов и 513 психологов только одного года выпуска в одной только Москве (не считая тех, кто учится на внебюджетной основе)? Где будут трудиться 342 журналиста (а на следующий год будет выпущено, по

меньшей мере, еще столько же)? Где рабочие места для 151 политолога (опять-таки — только одного года выпуска)?» Есть основания полагать, что данные выпускники будут осваивать бездонную профессиональную область под названием «работа не по специальности». Ресурсы, потраченные на их подготовку, окажутся потерянными, а ориентация на «успешную карьеру» превращается в полную противоположность [2, с. 47].

Все это не позволяет формировать критически настроенную, способную рассуждать квалифицированную и образованную молодежь. Оценивая и анализируя западный опыт развития науки, следует отметить, что помимо эффективной государственной поддержки и давно сложившихся форм интеграции науки и образования, функционирование науки обеспечивается целой системой институтов гражданского общества: это и бизнес, и разного рода научные, благотворительные фонды и некоммерческие организации. Для Российской Федерации в современных условиях минимизация роли государства - опасный тезис. Речь может идти об освобождении государственного аппарата от выполнения избыточных, устаревших, не соответствующих потребностям современного общества функций и полномочий с целью укрепления государственного начала, обеспечения возможности для государства сосредоточиться на тех общественно значимых направлениях деятельности, которые не могут развиваться без государственной поддержки. Значит, эта функция пока должна в основном принадлежать государству. Именно то обстоятельство, что российская наука в советские времена имела достаточно серьезную поддержку со стороны государства, позволило ей (при всех известных издержках для гуманитарной науки слишком тесной государственной опеки) совершить рывок к 154 передовым рубежам научного знания. И это одно из бесспорных достижений прошлого, с которым страна вступила на трудный путь реформ.

Под давлением обстоятельств региональным и муниципальным властям приходится задумываться над тем, как повысить экономические показатели страны и в этом смысле наука всегда выступает помощником, авангардом, который вносит совершенно новые «зарубки», а иногда и новые этапы развития общества (достаточно вспомнить приход мануфактурного производства, в замен ручного труда, автоматизированных средств в замен на механические и пр.).

Сегодня в российском обществе открыто обсуждаются проблемы модернизации науки и образования. А.А. Дынкин отмечает, что вопрос стоит в соотношении финансирования дорогостоящих исследовательских проектов и регулируемых механизмов в развитии различных научных областях [1, с. 4]. Определялись контуры отношения к науке и образованию, которое можно было охарактеризовать как меркантильное. Технические научные знания стали приоритетными, от «технарей» стали ожидать немедленной практической отдачи, выраженной в грантах, проектах, патентной деятельности и др.

Консервация сохранявшихся элементов переходного периода в науке и образовании означала бы их дальнейший распад. Однако история учит нас, что развитие науки протекает непрерывно, что в науке есть внутренние механизмы самоочищения, некий гомеостаз. Поэтому знаниевый концепт сохранялся на протяжении всего развития человеческого рода. Одной из насущных задач, возлагаемых на гуманитарные науки, стало преодоление разрушительных начал, возвращение к здравому смыслу, гуманизму, патриотизму.

Высшая школа как социальный институт перестраивалась медленно. Требовалось время для восстановления системообразующих целей функционирования высшего образования. В научно-педагогической литературе развернулась полемика о проблемах учебно-воспитательной работы в вузах. Подавляющее большинство авторов утверждало: обучение в вузе должно носить не предметный, а практико-ориентированный характер, нести в себе общегуманные и ценностно-культурные установки.

В настоящее время высшее образование переходит на новый виток своего развития, как относительно форм преподавания, так и его содержания. В такой ситуации разрыв прослеживается в поиске новых парадигм высшего образования. В конечном счете, упор делается на личностно-ориентированное образование, на развитие творческих способностей личности студента, введение новых образовательных технологий, ориентация на самостоятельные формы обучения, введение ИТ – технологий. В этих условиях остро встает вопрос о гуманизации и гуманитаризации процесса образования и воспитания, его места в системе профессиональной подготовки современного выпускника.

С появлением ИТ – технологий произошел «взрывной удар» по росту научных публикаций. Электронные издания, Интернет позволяют по-новому обмениваться научной и публицистической информацией. Благодаря Интернету научные знания расширили свой диапазон, сферу влияния, доступность. Вместе с тем, появились и негативные тенденции: нарушение авторского права, распространение недостоверной информации.

Современные тенденции развития вуза напрямую связывают с коммерческой деятельностью, вынуждая руководство и ППС увеличить доходы от научных проектов, экспериментальных разработок, совершенно забывая о миссии высшей школы. Тем самым вуз превращается в некую аморфную оболочку сферы услуг. Речь здесь не идет о полном или частичном отказе от коммерческой деятельности, но и возводить в приоритет ее недопустимо. В противном случае возникнет подмена основной образовательной деятельности и, возможно, конфликт интересов.

За общей тенденцией технократизма, не следует придавать забвению принципы гуманитаризации знаний, суть которых состоит в обращении к человеку, антропософии творчества. Гуманитарные знания являются первоосновой образовательной системы, именно они выступают доминирующим фактором в социальном развитии информационного общества, формируют информационное общество как общество образованных и цивилизованных людей.

Гуманитарное образование выполняет функцию самореализации, самоопределения, помогает молодому человеку реализовать себя, отстаивать свои права, отвечает за мировоззренческое, культурное, духовное и интеллектуальное развитие. Гуманитарное образование должно всегда находиться в поиске, в динамике, поскольку малейшая заминка, приводит к катарсису в обществе, маргинальному расцвету и нарушениям инклюзии среди молодежи.

Проблемы гуманитарного образования напрямую связаны с социальной компетентностью, с нравственным развитием будущих специалистов, установлением системы ценностей, сочетающей свободу творчества с профессиональной ответственностью. Высокий уровень общей культуры современного специалиста позволит ему быстрее адаптироваться в любой профессиональной среде. Именно расширение общекультурных компетенций, явилось причиной расширения содержания гуманитарной подготовки студентов во всех странах мира.

Отказавшись в постсоветский период от организованной системы воспитания (октябрята, пионеры, комсомольцы) мы долго не могли заменить эту нишу, что привело к «потере» целого поколения, поскольку совершенно не была учтена субкультура детства и молодежи, дети были «выброшены» на улицу, поскольку рухнула и система дополнительного образования детей. Воспитательные функции учреждений образования под предлогом деидеологизации, да и на уровне Закона об образовании 1992г., было пущено на самотек, без государственного контроля оно просто зачахло. В обществе остро ощущался дефицит воспитанности, нравственности, культуры поведения.

Воспитание гражданина, патриота своей страны - это органическая составляющая учебного процесса (воспитание высокой работоспособности и самодисциплины, преданности избранному делу, уважения к «альма-матер»), и основная роль в этом отводилась преподавателям общественно-гуманитарного цикла. Гуманитарное образование, базирующееся на освоении фундаментальных ценностей, позволяет ликвидировать кризис социальной и культурной бездуховности.

Отстраненность от личности студента, невмешательство в его личную жизнь привели к формализму учебно-воспитательной работы, к потере партнерства и сотрудничества между диадой «преподаватель-студент». Наблюдалось резкое снижение познавательного интереса к гуманитарным дисциплинам. Целевая установка на подготовку профессионала без гуманитарных знаний приводит к ущербности, потери веры в человека, но ведь еще Л.Фейербах оценил человека мериллом всего. Давайте не будем забывать о себе, поскольку отрицание человека ведет к его гибели. При этом вся история педагогической мысли и развития гуманитарных наук есть история предупреждения о губительной опасности образования, лишённого нравственной, гуманитарной основы.

Пожалуй, меньше всего пострадали вузы, которые имеют дело, практически с сформированной личностью, да и миссия у вузов иная, чем в школе, где гармоничное развитие должно быть кредом. Сейчас мы к этому вернулись, но потери огромны.

Интеграция России в мировое образовательное пространство привело к новым, совершенно неопределенным проблемам, которые породили неопределенность ситуации в образовательной среде вузов: рост конкуренции со стороны частных и зарубежных вузов, сохранение жестких бюджетных ограничений, включение образовательных учреждений в рыночные отношения, расширение самостоятельности как субъекта финансово-хозяйственной деятельности, необоснованный мониторинг эффективности деятельности вузов и др.

С завершением переходного периода продолжаются процессы модернизации научной и образовательной сферы. В нашей стране совершенно по-новому происходит осмысление миссии высшей школы, ее назначения. Для России - это имеет стратегическое значение.

Таким образом, гуманитарное образование в общей системе подготовки профессионала напрямую связано с политикой государства. Последние тенденции свидетельствуют об отсутствии стагнации, о мучительном поиске истины и возрождения, о стремлении научной элиты к сохранению уникальности и самобытности высшего образования с учетом современных тенденций в сфере технического прогресса, запросов социума и формирования информационного общества на платформе гуманитарных наук.

Литература:

1. Дынкин А.А. Наука и государственная научная политика: теория и практика. – М., 1998. – С. 3.
2. Севастьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Ценности образования: инверсия смыслов// Высшее образование в России. - 2014. № 2. – С. 47.
3. Тимиргазиева А.И. Особенности государственной образовательной политики в России на рубеже XX-XXI веков (на материалах Республики Башкортостан) / Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере / Материалы XII Всероссийской научно-теоретической конференции / Отв. ред. В.Г. Антонов. - Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2013. - С.151-157.

Шишкин В.В.

*Омская юридическая академия
преподаватель*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Угроза распространения религиозного экстремизма нависла не только над Россией, но и над другими странами. Преодоление данной проблемы является долгосрочным приоритетом для России, так как в современном мире «получают развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма[10].

К мерам направленным на предупреждение развития религиозного экстремизма, по нашему мнению, можно отнести все меры реагирования на проявление экстремизма в деятельности религиозных объединений, принимаемые в процессе осуществления государственного контроля.

Понятие контроля правоведами понимается не однозначно. Контроль следует понимать как наблюдение, надсмотр над чем-нибудь с целью проверки [9;С. 725]. Сущность контроля проявляется в формально-юридических свойствах наблюдения, надзора. К числу таких свойств относятся: 1) взаимоотношения между субъектами, которые состоят в отношениях подчиненности или подведомственности; 2) законность и целесообразность является основой контроля; 3) орган осуществляющий контроль обладает механизмами воздействия на контролируемого и вправе требовать от него устранения выявленных им недостатков; 4) контролирующий орган вправе применять меры ответственности [1;С.5].

В нашем исследовании нас интересуют лишь те виды контроля, которые позволяют применять определенные меры реагирования по предупреждению религиозного экстремизма в деятельности религиозных организаций и групп. В зависимости от природы субъектов контроля все специалисты по административному праву выделяют государственный и общественный контроль.

Взяв за основу классификации предмет контроля, М.С. Студеникина и К.М. Петров выделяют два вида контроля: общий и специальный. К первому они относят деятельность подконтрольных объектов. Ко второму контроль, осуществляемый по какому-либо конкретному вопросу или направлению деятельности подконтрольно объекта [7 С.7; 5 С. 154].

По характеру взаимоотношений субъекта контроля с подконтрольным объектом различают контроль внутренний и внешний [4; С. 11]. Внутренний контроль осуществляется по отношению к объектам, которые находятся в организационном подчинении субъекта контроля. Внешний контроль распространяется только на деятельность подведомственных объектов.

В зависимости от методов проверки документов выделяют сплошной и выборочный контроль [13; С. 63-64.]. Сплошной контроль носит системный характер, поскольку он предполагает проверку всех документов, принятых за определенный период подконтрольных объектом. Выборочный контроль осуществляется с целью проверки отдельных документов, отобранных по научно-обоснованной методике [12; С. 81].

В зависимости от стадии управления, на которых осуществляется контроль, отграничивают контроль предварительный (превентивный), текущий и последующий [8; С. 509]. Предварительный контроль заключается в контроле до начала проведения проверки, путем получения информации об имевших место нарушениях.

Текущий контроль проводится в процессе выполнения принятых решений. Данный контроль имеет большое практическое значение в определении ответной реакции религиозного объединения на предостережение органов исполнительной власти России о недопустимости и противоправности экстремизма в его деятельности.

Последующий контроль заключается в принятии решений по итогам проверки, на основании которых если необходимо, устранить недоработки в проверяемой организации и привлечь виновных лиц к ответственности, для предотвращения нарушений в будущем [1; С. 10]. Формами государственного контроля за деятельностью подконтрольных объектов являются: непосредственное наблюдение; анализ отчетных и финансовых документов; общие и тематические проверки; экспертиза; аналитический разбор социальной ситуации; беседы с ответственными лицами, инструктирование их и оказание необходимой помощи в устранении недостатков. Именно в этих формах проявляются, по нашему мнению, сущность и содержание государственного контроля.

В соответствии с действующим законодательством России в отношении религиозных организаций осуществляется только государственный контроль [11]. Он призван обеспечить неукоснительное соблюдение религиозными организациями Конституции РФ, Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях", создать благоприятные условия для предупреждения и пресечения противоправных проявлений в их деятельности. Функции контроля возложены на Минюст России и его территориальные органы, которые осуществляют государственную регистрацию религиозных организаций. В годы Советской власти осуществлялся сплошной государственный контроль за деятельностью религиозных организаций. В самых жестких формах он охватывал их внутренние установления, финансовую деятельность, порядок отправления религиозных обрядов и церемоний, издание и распространение религиозной литературы, учебный процесс в духовных образовательных учреждениях, содержание проповедей и обращений к верующим, доходы церковных служащих. Религиозные организации подпали под надзор спецслужб государства, сотрудники которых регулярно представляли отчеты об их деятельности [3; С. 16].

В настоящее время законом допускается лишь специальный контроль за деятельностью религиозных организаций, находящихся на территории России. Согласно ст. 25 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" регистрирующие органы осуществляют контроль по двум направлениям: за соблюдением устава религиозной организации относительно целей ее деятельности; за соблюдением устава религиозной организации относительно порядка ее деятельности.

Порядок осуществления контроля установлен Приказом Минюста РФ от 30.12.2011 № 456 "Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством юстиции Российской Федерации государственной функции по осуществлению контроля за соответствием деятельности некоммерческих организаций уставным целям и задачам, филиалов и представительств международных *организаций*, иностранных некоммерческих неправительственных организаций заявленным целям и задачам, а также за соблюдением ими законодательства Российской Федерации". Согласно п.4 ст. 3 Приказа предметом контроля за осуществляемого центральным аппаратом (территориальными органами), является соблюдение религиозными организациями устава относительно целей и порядка деятельности, а также соответствие деятельности религиозных организаций, в том числе по расходованию денежных средств и использованию иного имущества, целям, предусмотренным их учредительными документами, и законодательству Российской Федерации. Нетрудно заметить, что легальный перечень принципов осуществления контроля за деятельностью религиозных организаций в целях противодействия экстремизму составлен без учета критериев построения системы, требований последовательности и субординационной зависимости. В своем нынешнем виде он не способен раскрыть сущность государственного контроля регистрирующих органов исполнительной власти России за деятельностью религиозных организаций, оказать значительное влияние на повышение его эффективности.

Попытка классификации форм контроля была предпринята И.А. Куницыным. По его мнению, необходимо использовать такие формы контроля за деятельностью религиозных организация как: 1) изучение деятельности религиозного объединения посредством анализа деятельности руководящих органов, выполнения задач определенных в уставе и т.д.; 2) посещение религиозной организации по юридическому адресу; а также осуществление иных мероприятия способствующих выявлению нарушений действующего законодательства. Необходимость подобных положений обусловлена тем, что противоправный характер деятельности тех или иных религиозных обществ, не имеющих глубоких социальных корней, невозможно выяснить в начальном этапе [2;С. 84]. Однако с данной точкой зрения не согласны Н.А. Придворов и Е.В. Тихонова, считая, что более сильный контроль со стороны органов исполнительной власти в отношении религиозных организаций, направит их отношения в русло тоталитаризма [6;С. 83].

Нами предлагается следующая система принципов осуществления государственного контроля за деятельностью религиозной организации. Принципы государственного контроля за деятельностью религиозных организаций должны подразделяться на общие и специальные. Общие принципы призваны обеспечить приоритет защиты прав и законных интересов верующих. К ним следует относить принципы, обеспечивающие соблюдение Конституции РФ и законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях при осуществлении контроля, приоритет защиты прав и интересов верующих, гласность и открытость контрольной деятельности. Специальные принципы должны регламентировать рациональность и эффективность государственного контроля за деятельностью религиозных организаций. В их составе можно выделить два вида принципов: материально-правовые и процессуальные.

К материально-правовым принципам можно отнести все принципы, обеспечивающие ответственность, независимость, объективность, достоверность и единство государственного контроля за деятельностью религиозных организаций. В перечень процессуальных принципов необходимо, по нашему мнению, включить: документальное оформление-результатов контроля, взаимодействие и обмен информацией о проявлении религиозного экстремизма с другими органами государственной власти, приоритет предварительного контроля, информационное, научное и кадровое обеспечение государственного контроля. Законодательное оформление системы принципов государственного контроля за деятельностью религиозных организаций, находящихся, на территории России, существенно повысит его эффективность, послужит дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов религиозных организаций и верующих, ориентирует регистрирующие органы на противодействие религиозному экстремизму на стадии предварительного контроля.

Литература:

1. Викторов И.С., Бессарабов В.Г., Алексеева Д.Г. Охрана труда в РФ: новое законодательство, правоприменительная практика и прокурорский надзор. – М., 2003.
2. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в современной России: (особенности и актуальные проблемы). Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
3. Петров К.М. Административное право для студентов вузов. – Ростов-на-Д., 2004.
4. Придворов Н.А., Тинонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России. – М., 2007.
5. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М., 1998.
6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
7. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

Сборник статей

ГОСУДАРСТВО, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ: ВЫЗОВЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ

Подписано в печать 19.11.2014. Формат 60x84/16
Печать цифровая. Усл. печ. л. 31,2. Тираж 500, заказ № 82
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
